СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Преподавание истории

Критика и библиография

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ОБЗОРЫ

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

РЕЦЕНЗИИ

Хроника

Ответственный редактор **А. В. Шестаков**.

С Т А Т Ь И

П. Фрелих

Революция 1917 года и Германия

(окончание)

4. Брестский мир

Мы уже видели, что германское правительство рассматривало российскую революцию исключительно с точки зрения того, как она повлияет на военное положение и представляет ли она возможность заключить сепаратный мир на востоке. В ответ на российские предложения о перемирии и о мире граф Гертлинг в своей программной речи от 30 ноября 1917 года заявлял:

«Я не колеблясь заявляю, что в известных по сей момент предложениях российского правительства могут быть усмотрены достойные обсуждения основы для начатия переговоров и что я готов вступить в таковые, как только российское правительство пошлет уполномоченных на то представителей. Я надеюсь и желаю, чтобы эти стремления приняли скоро конкретную форму и принесли нам мир».

На следующий день состоялось первое соглашение о перемирии, а 16-го декабря последовало заключение договора о перемирии, определенной целью которого было создание мира. 25-го декабря 1917 года центральные державы опубликовали следующее торжественное заявление:

«Делегации четверного союза согласны на немедленный всеобщий мир без насильственных аннексий и без военных контрибуций. Если российская делегация осуждает продолжение войны с целью завоеваний, то делегации союзников присоединяются к этой точке зрения. Политики союзных правительств в программных своих заявлениях неоднократно подчеркивали, что союзники не продлили бы войны ни на один день в целях завоеваний. Этой точки зрения союзники все время держались неукоснительно. Они торжественно об'являют свое решение немедленно подписать мир, который положил бы конец этой войне на основе приведенных выше условий, справедливых для всех без исключения ведущих войну держав.

Насильственное присоединение занятых во время войны областей не соответствует намерениям союзных правительств».

Таким образом, это было безоговорочным согласием на российское предложение мира без аннексий и контрибуций. Это было очевидным подтверждением того, что наивное толкование резолюции райхстага о мире

было правильно, и что именно в этом смысле правительство дало на нее свое согласие. Но вот два дня спустя, — 27-го декабря 1917 года — появился проект мирного договора, предлагаемый центральными державами, в котором статья 2-я имела совершенно противоположные этому толкованию положения, а именно:

«Статья 2. После того, как российское правительство в согласии со своими принципами провозгласило для всех без исключения живущих на территории Российской империи народов право на самоопределение, идущее вплоть до полного отделения, оно принимает к сведению постановления, в которых выражена воля народа для Польши, а также для Литвы, для Курляндии, частей Эстляндии и Лифляндии воспользоваться полной государственной самостоятельностью и выйти из состава Российского государства.

Российское правительство признает, что при существующих в данный момент условиях эти об'явления надлежит рассматривать, как выражения воли народа, и оно готово сделать вытекающие отсюда выводы».

Как произошло это чудовищное противоречие? Мы уже упоминали о той программе аннексий, которая согласована была между правительством, верховным командованием и кайзером, 8-го ноября 1916 года. Пункты, касающиеся востока, гласили там так:

1. Признание королевства польского.

2. Аннексия курляндской и литовской территории таким образом, чтобы, включая сюда и королевство польское, создалась благоприятная, идущая с севера на юг, граница с Россией.

3. Торговый договор с Россией или экономические преимущества.

После этих завоевательских планов принята была резолюция рейхстага о мире и последовало согласие на нее Михаэлиса — «как я ее понимаю». Менее чем через месяц после того — 9-го августа 1917 года — заседал в Крейцнахе коронный совет, расширивший старую программу аннексий по крайней мере в отношении Бельгии. Снова через месяц — 11-го сентября 1917 г. — коронный совет в Бельвю отступил в вопросе о Бельгии. Рассматривался ли там также и вопрос о России, неизвестно. Зато Людендорф в своих воспоминаниях говорит о тогдашних планах и указывает: аннексия Курляндии и Литвы под персональной унией с Гогенцоллернами, экономическое присоединение Польши к Германии. Российское предложение мира снова возбудило завоевательные аппетиты. 11-го декабря Гинденбург писал имперскому канцлеру Гертлингу, что соглашения от 11-го сентября приняты были в предположении, что мир заключен будет в том же году.

«Предпосылка, поведшая к этому коронному совету, более не действительна. Так как помимо того наше военное положение сложилось особо благоприятно, я не могу признать необходимости частичного отказа от требований, а должен вновь поддержать их в полном об'еме, как они сформулированы были на совещаниях в Крейцнахе от 23-го апреля и от 9-го августа 1917 г. при согласии всех участников».

Так как требования верховного командования для правительства были законом, то аннексионистская программа, значит, вновь предрешена была заранее для Брест-Литовска. Это и нашло свое отражение в том, что 18-го

декабря Верховному Командованию предоставлено было участие в мирных переговорах в Бресте. Как же могло быть сделано 25-го декабря то заявление в пользу мира без аннексий? — Целый клубок соображений и дипломатических уловок был причиной этого заявления. В Австрии нужда и утомление войной достигли такой степени, что Австрия желала иметь мир при любых обстоятельствах и австрийское правительство готово было сделать советскому правительству любые уступки. Как рассказывает Людендорф в своей книге «Война и политика», австрийский министр иностранных дел граф Чернин нашел вполне приемлемым «жидовское большевистское требование» мира без аннексий. Следовало, прежде всего, пойти ему навстречу, чтобы удержать его за собой. Точно так же необходим был обманный маневр по отношению к собственному народу, чтобы успокоить его возмущение. Кроме того, статс-секретарь иностранных дел ф.-Кюльман питал скрытую надежду, что ему все же удастся надуть верховное командование и уступить кое-что русским против плана аннексий, чтобы тем самым ускорить заключение мира. Наконец, и это было решающим моментом, предполагали проделать, используя советское правительство, небольшое жульничество. Разве не было оно принуждено заключить мир? Разве могло оно всерьез надеяться провести на самом деле свою программу при данном положении войны? Разве не стояло оно перед величайшей опасностью, если оно принуждено будет вернуться из Бреста без мира или с откровенно-плохим миром, с откровенно-аннексионистским миром? «Политическая мудрость» подсказывала, казалось, советскому правительству согласиться, что дважды два — пять, и дать свою подпись под миром, который об'явлен будет всеми заинтересованными сторонами, миром без аннексий, хотя на самом деле он вовсе не будет таковым. Повод к подобного рода маневру имелся — под ферулой военной диктатуры в Прибалтийском крае образовались так называемые провинциальные представительства, сословные сеймики, бывшие всецело в руках немецких баронов. И эти-то представительства приняли постановления о присоединении их провинций к Германии. Эти постановления должны были быть признаны как осуществление права самоопределения национальностей. Таким образом, Кюльман и Чернин приступили к мирным переговорам bona fide, правда, это была «добрая вера»—вера по отношению к сообщнику.

Буржуазные партии, конечно, ожидали буквально все больших успехов от мирных переговоров. Но в аппетитах по части аннексий были довольно заметные различия. Сторонники так наз. «восточной ориентации» склонны были добиваться сравнительно почетного соглашения с Россией. Сюда прежде всего относились аграрии, которые боялись обострения конкуренции в случае земельных приращений на востоке, и представители тяжелой индустрии, которые вообще рассматривали завоевания на востоке только как возмещение за ожидавшиеся завоевания на Западе. Но именно эти два слоя представляли собою худших аннексионных политиков и при видимо благоприятном военном положении меньше всего от них можно было ожидать апелляции к разуму. Все же профессор Гетцш (Hoetzsch) — специалист консерваторов по внешней политике — писал во время первых переговоров в Брест-Литовске в « Kreuz-Zeitung », что та манера, с которой Германия

практически применяет в Бресте право наций на самоопределение, отнимает у российского государства больше, нежели Германии нужно, и производит более аннексистское впечатление, нежели это требуется на востоке из военно-стратегических оснований. Но мнение огромного большинства германской буржуазии высказала „Deutsche Zeitung" вскоре вслед за российским предложением о мире:

«Вообще нельзя усмотреть, почему нам следовало бы вернуть какой бы то ни было кусок завоеванного. Если русские имеют доверие к нашей силе, они заключат с нами мир на всяких условиях... Мир может быть восстановлен единственно и только ледяным холодом выжидания и твердым и целеустремленным языком».

Социал-демократия отливалась в вопросе о мире всеми цветами радуги. Основной отряд вокруг ЦК партии, мнение которого выражалось «Форвертсом», ханжески выступал за «мир без аннексий», чтобы тем самым облегчить правительству его двойную игру. В „Sozialistische Monatshefte". Шиппель, Квессель, Коген, Кранюльд и др. защищали восточную ориентацию. Если хотеть побороть Англию, то необходимо соблюдать меру на востоке, заключить мир, основанный на соглашении сторон. Крайнее империалистическое крыло с главными своими представителями — Ленчем, Куновым, Хэнишем, Виннигом — было за аннексии также и на востоке. Они это открыто высказали до революции. Так, например, Эдуард Давид составил в августе 1915 года для соц.-дем. фракции рейхстага и для ЦК партии «тезисы о мире», в которых уже сделаны были большие уступки давлению масс снизу. В этих тезисах имелся следующий пункт: «Образование из завоеванных районов русской Польши особого, самостоятельного государства, союзного с Германией и Австро-Венгрией». После российской революции аннексионистские идеи уже не смели вылезать в столь бесстыдной форме. Зато они свои желания высказывали в такой форме: «Война разрешает все мечем» или «Так как на войне все разрешается не дипломатами, не журналистами, а солдатами, то во всяком случае правильнее ставить на гинденбурговскую карту» (Вождь профсоюзов Янссон в «Die Glocke» от 24-го ноября 1917 г.). Более ясное выражение нашли завоевательные аппетиты большинства социал-демократических вождей, когда пошла дискуссия вокруг результатов Бреста.

В своих аннексистских планах Верховное командование имело таким образом одного только серьезного противника — рабочий класс, преданный своими официальными вождями, очень ослабленный фактической потерей своих старых организаций, подавленный военный диктатурой. Так как пролетариат не имел еще мужества к восстанию, то военщина фактически не встречала никакого сопротивления. Она поэтому настояла на своем при брестских переговорах. Сначала, правда, переговоры эти шли в такой форме, что можно было ожидать, что мир заключен будет без трений. Кюльман и Чернин прикидывались пока умеренными. Когда они затем выступили с действительными своими намерениями, они тем самым прежде всего взорвали конференцию. Перерыв в переговорах заполнен был на германской стороне новой борьбой за политическое руководство. Поводом послужил польский вопрос. Свой первоначальный план раздела Польши между Австро-

Венгрией и Германией германское правительство уже оставило и приняло так называемое австро-польское решение вопроса, согласно которому российское царство польское должно было быть об'единено вместе с Галицией в одно автономное государство и войти в состав Габсбургской монархии. На долю Германии должна была прийтись только полоса якобы для стратегического исправления границы. На совещании от 2-го января 1918 г. в замке Бельвю министерству иностранных дел при поддержке генерала Гофмана удалось добиться у кайзера сужения этой полосы вопреки мнению Верховного командования. Но политическое руководство совершенно растерялось и струсило по случаю этой своей победы над Людендорфом. А именно, когда Людендорф после этого потребовал своей отставки, канцлер Гертлинг немедленно написал, что вопрос еще решен не окончательно. Из вопроса о пограничной полосе вырос генеральный вопрос — должно ли было Верховное командование существенно влиять на политические решения, а по существу — должно ли оно было овладеть политическим руководством. И в этом вопросе имперское правительство одержало верх, но побоялось использовать эту победу, и таким образом эта победа оказалась на бумаге. На практике оказалось, что Верховное командование, т.-е. Людендорф, добилось своего. Дальнейший ход брестских переговоров доказал это. Ген. Гофман там фактически захватил руководство. После того, как провалилась попытка убедить российских представителей выдать германские аннексии за результаты самоопределения народов, — тактика Кюльмана свелась к тому, чтобы сделать России территориальные уступки. Он готов был оставить России Ригу и о. Эзель. Он все еще был в полной уверенности, что при этих мирных переговорах происходит обычный торг дипломатов. При таких обстоятельствах, естественно, переговоры не могли подвинуться ни на шаг. Тогда ген. Гофман с военной грубостью заявил, что вопрос не в мире на основе соглашения сторон и еще менее в мире без аннексий и контрибуций, а вопрос в силе. Германия завоевала, Германия готова драться, Германия стоит за теми баронскими собраниями в Прибалтийском крае, которые постановили о присоединении их территорий к Германии, отсюда вывод — либо соглашайся, либо помирай! Одновременно ген. Гофман повел переговоры с появившейся между тем делегацией украинской Рады, сделал ей большие уступки за счет Польши и делал это, несмотря на то, что вполне признавал правильность словечка Троцкого, что единственная территория, на которой могла распоряжаться эта делегация, были ее комнаты в Брест-Литовске. Сделка с делегацией Рады означала уже решение военщины вмешаться в гражданскую войну в России. 10-го февраля Троцкий оборвал переговоры в Бресте своим знаменитым заявлением об окончании войны без мирного договора.

Дипломаты в Бресте, в особенности Кюльман и Чернин, быстро согласились между собой принять заявление Троцкого. Практически оно, ведь, означало, что оккупированные области остаются в руках центральных держав, хоть аннексии эти и не признавались российской революцией. Верховное командование, однако, присоединилось к воззрению ген. Гофмана, якобы заявление Троцкого означает отказ от перемирия, которое заключено было со специальной целью заключения мира. В виду того, что заключение

этого мира не состоялось, то восьмидневный срок отказа от перемирия надлежит считать с 20-го февраля. Новый конфликт между министерством иностранных дел и Верховным командованием был «улажен» 13-го февраля. Вице-канцлер ф.-Пайер умолял не лишать его средств удержать социал-демократию сторонницей войны на востоке. Они-де не поймут, если война на востоке будет продолжаться из чисто военных соображений [1]. Канцлер Гертлинг не желал отвечать за то, «что мы теперь изменили политику и стали действовать по-аннексионистски». Но все это несогласие ни к чему не привело, и новое продвижение войск вперед было решено. Советское правительство оказалось вынуждено теперь подписать еще более тяжелые условия мира, по которым Россия разодрана была на клочья, а народы Прибалтийских провинций изнасилованы.

21-го февраля радио советского правительства об'являло, почему оно вынуждено было уступить:

«В виду того, что германский рабочий класс оказался в этот грозный час нерешительным и недостаточно сильным, чтобы отвести преступную руку собственного милитаризма, нам не оставалось иного выбора, как принять условия германского империализма вплоть до того момента, как европейская революция их отменит».

В действительности было хуже, нежели здесь сказано о германском рабочем классе: немецкие рабочие с оружием в руках вторгались в революционную Россию и тем самым оказывали палаческие услуги своим господам. Этот позор до тех пор будет тяготеть над германским пролетариатом, пока он не смоет его своим собственным освобождением. Но, несмотря на это, теперь-то именно и сказалось, что Октябрьская революция подняла боевые силы германского рабочего класса. Переговоры в Брест-Литовске, которые велись публично, несмотря на цензуру, показали германскому пролетариату воочию жажду завоеваний господствующих классов, они ему показали, что он должен был своею кровью содействовать покорению и ограблению народов. 14-го января в Вене, которая тогда в буквальном смысле этого слова стояла перед ужасом голодной смерти [2], вспыхнула всеобщая забастовка,

[1] Заботы ф.-Пайера были совершенно напрасны. Социал-демократия была прикована железными цепями к колеснице войны. В ответ на заявление Троцкого „Форвертс“ писал: „Германская социал-демократия проникнута убеждением, что своей мирной политикой она именно лучше всего защищает интересы немецкого народа. Она поэтому готова пустить в ход свое влияние, которым она пользуется, дабы осуществить эту политику мира. Ошибочно, однако, представление, будто германский пролетариат может насильственно захватить власть, чтобы оказать помощь России. Подобное начинание было бы не только безнадежным, но и противоречило бы демократическим принципам (!) и было бы опасным, принимая во внимание продолжающееся состояние войны на Западе“.

Лейпцигская «Freie Presse» писала 17-го февраля 1918 г. «Пусть большевики займутся заключением мира, а не революцией в Германии».

Худшее, чего мог с этой стороны опасаться ф.-Пайер,—это могла быть пара—другая лишних фраз, а не действия.

[2] Несмотря на голод в своей собственной стране, германское военное управление посылало продовольствие в Вену и тем предотвращало заключение Черниным сепаратного мира с Советской Россией.

которая со стихийной силой охватила всю Австрию. Только благодаря столь же ловкой, как и вероломной тактике В. Адлера и Ко удалось, после неопределенных обещаний правительства, 22-го января загнать рабочих снова в предприятия. 28-го января началась забастовка берлинских рабочих военного снаряжения, и эта стачка тоже перебросилась на многие города Германии — Лейпциг, Нюренберг, Мюнхен, Гамбург, Кельн, Брауншвейг, Данциг и т. д. В одном Берлине бастовало 500.000 рабочих. Движение это с самого начала носило политический характер. Возникли рабочие советы. Требования гласили: снятие осадного положения и отмена цензуры, восстановление свободы собраний и стачек, освобождение политических заключенных, заключение мира и республика. Правительство приняло бой со всею энергией. Предприятия были заняты войсками. Организованы были военные суды. Последовал отказ от каких бы то ни было переговоров с забастовщиками. Сделаны были попытки деморализовать бастующих насильственными мероприятиями. В одном только Берлине забрано было в армию свыше 50.000 забастовщиков. Больше, нежели эти средства, деморализации стачки содействовали социал-демократы. В то время, как профсоюзы с самого начала отказались иметь что бы то ни было общего со стачечниками, Эберт, Шейдеман и Отто Браун ухитрились попасть в стачечный комитет. Они это сделали, чтобы предать стачку. «Я вступил в стачечный комитет с определенной целью довести стачку к скорейшему ее окончанию и воспрепятствовать ей причинить вред стране» (т.-е. империалистической войне) — так заявил Эберт 26-го мая 1924 г., при допросе его на суде. Они в самом деле добились своего — эти «призванные представители интересов германского пролетариата». Союз «Спартак» пытался перевести стачку в вооруженное восстание, но берлинские рабочие шли еще за независимыми революционными старостами, а те были против восстания. Таким образом пришлось, не добившись результатов, отказаться 3-го февраля от борьбы. Борьба эта имела хотя бы тот результат, что рабочий класс, возмущенный этим предательством, широко начал отходить от социал-шовинистов. С этого момента авторитет соц.-дем. вождей у промышленных рабочих крупных центров был подорван. А тысячи рабочих, отправленных в окопы, понесли туда семя возмущения.

5. Брест-Литовск и социал-демократия

Все же политическое значение социал-демократии было еще велико. Революционная пропаганда почти совершенно не проникла в более мелкие города, и широкие слои мелкой буржуазии шли еще за социал-демократической партией. Ее влияние скорее переоценивалось, нежели недооценивалось правительством. Ее отношение к брестскому миру имело поэтому большое значение для дальнейшего развития событий на востоке и для политики войны и аннексий вообще. С большой ясностью показывает это письмо зам. секретаря ф.-Радовица к представителю имперского канцлера при Верховном командовании — графу Лимбург-Стируму. Верховное командование хотело основательно использовать свою победу над политическим руководством. Оно привлекло на свою сторону Вильгельма II и кронпринца в вопросе о том, что канцлер должен категорически и публично отмежеваться от мирной ре-

золюции рейхстага. По этому поводу ф.-Радовиц писал, что в принципе канцлер совершенно с этим согласен, но что при проведении этого встречаются трудности:

«Заявление, которое было бы желательным, делает для социал-демократов невозможным сохранение своего лица по отношению к своим сторонникам. Заявление это сразу взорвало бы нынешнее большинство и погнало бы всю социал-демократию, большую часть прогрессистов и, возможно, часть центра в оппозицию правительству, что сделало бы дальнейшее управление невозможным. Стремление канцлера сводится поэтому к тому, чтобы заставить палату (рейхстаг) самое понять, что предпосылок для резолюции уже больше нет, и что должно последовать освобождение Германии от этих добровольно наложенных на себя оков. Если это удастся, то и социал-демократия будет иметь возможность остаться и в дальнейшем в связи и в сотрудничестве с правительством. Это сотрудничество нам нужно, пока продолжается война, ибо социал-демократия, в случае грубого отношения правительства, прекратит свое сотрудничество с ним, она потеряет в тот же момент охоту и возможность выступать в защиту намерений правительства перед своими избирателями и, в особенности, перед профсоюзами. Союзы попадают тогда в руки независимцев, и опасность, что тогда действительно будут происходить стачки и т. п., становится тогда очень велика... Мы должны их поэтому твердо удержать с собой и не должны забывать, что русский пример, несмотря на все, может подействовать и у нас и иметь дурные последствия, если дурные элементы не будут сдерживаться их собственными вожаками... Преобразование правого крыла социал-демократии в национально-настроенную рабочую партию, — к чему необходимо стремиться,—станет навсегда невозможным, если правительство в настоящий момент доведет дело до разрыва».

Этот документ свидетельствует не только о том, как социал-демократические вожди обычно совместно с правительством водили за нос рабочих, но и о тех позициях, которые они занимали по отношению к правительству. Если дело с резолюцией о мире казалось им действительно столь серьезным, как они изображали это на людях, то они вполне могли вогнать правительство из-за Брестского мира в тяжелый кризис и тем самым принудить его к уступкам. Ничего подобного они не сделали. 18-го февраля «Форвертс» констатировал полнейшее крушение кампании за мир. Мирный договор с Украиной обозлил Польшу и сделал ее врагом Германии. Вместо мира началось три новых войны: в Финляндии, в Курляндии и на Украине. Газета ставит в связи с этим вопрос: почему следует после этого вотировать еще военные кредиты. Она дает следующий ответ, показывающий всю степень ее морального падения:

«Оппозиция без действия — бессмыслица и безделье, оппозиционное же действие может быть только антипарламентским. Существует ли возможность изменить путем внепарламентских действий внешнюю политику в направлении, более соответствующем интересам немецкого народа, нежели проводившаяся до сих пор? Только тот, кто дает положительный ответ на этот вопрос и отрицает за рейхстагом право решающим образом влиять на по-

литику, может выступить в защиту тактического поворота, который в таком случае является уже большим, нежели трусливый выход».

Неудача Бреста — результат не политики большинства рейхстага, а вызвана она тем, что политика эта «была нарушена другими силами». А потому:

«Не задача социал-демократии прикрашивать и замазывать ошибки внешней политики. Ее задача, наоборот, — твердо держась защиты страны, неустанно указывать путь, единственно ведущий к миру. Никаких насильственных аннексий и никаких насильственных ампутаций... Искать в рейхстаге четкое и решительное большинство для политики такого рода — вот задача, перед которой стоит социал-демократия. Если эта попытка потерпит фиаско, вследствие непонимания и слабости буржуазных партий, то тяжелая вина за это падает на них, а не на нее».

Эта жалкая болтовня означала на самом деле следующее: нам будет приятно, если нас изнасилуют. Однако, более того, совершенно ясно, что в это время, когда насилие над Россией вызывало возмущение среди массы германских рабочих, германское правительство инсценировало травлю большевиков. Официоз „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" напечатал статьи о «русской анархии». И сразу же социал-демократическая печать, которая до того добивалась благосклонности большевиков, подхватила эту мелодию. 24-го февраля Фридрих Штампфер опубликовал в «Форвертсе» под заглавием «Большевизм» статью поразительной низости. Он не находил ни слова осуждения против аннексионистского мира германского правительства, но против советского правительства он писал в этом отвратительном бумагомарании:

«Жутко становится, с каким легким сердцем они уступили российскую территорию, как они легким мановением руки отмахивались от одной провинции за другой, как они с непоколебимым равнодушием повторяли выражение — «вплоть до отделения от России». Никогда бы немецкие социал-демократы не действовали подобным образом в аналогичном положении! Эти, мнящие себя очень современными, социалисты не проявили ни малейшего понимания необходимости об'единения больших экономических районов. Те германские социал-демократы, которые в балканизации востока видели опасность для всех заинтересованных народов, в том числе и для ближе всего стоящего к ним немецкого народа, доведены были поведением большевиков прямо-таки до отчаяния и тогда можно было сказать: «Да, если большевики и германские аннексионисты об'единились — что можем против этого поделать мы — германские социал-демократы?..

Так выбивали большевики у немецких социал-демократов одно оружие за другим. Мы говорили: Россия все еще представляет собою силу. Нам отвечали: ни один человек не держит фронта. Мы сказали: вы подготовляете новую войну реванша. Нам ответили: Русские—не французы, у них нет развитого национального чувства! Мы говорили: для России потеря балтийских провинций не переносима. Нам отвечали: Русские же ведь сами отказываются от этих провинций. Мы сказали: мы не позволим разрушить достижения российской революции. Нам отвечали: присмотритесь-ка к этим

достижениям, там, ведь, одно социалистическое направление стреляет в другое социалистическое направление.

Большевики же все еще не замечают, что они оказали содействие германскому империализму, затруднили всякую борьбу против него. Они все еще цепляются за одно только иллюзорное и непригодное средство — за революционную всеобщую забастовку.

Германская социал-демократия никогда не видела во всеобщей забастовке средства одним ударом провести революцию, и еще менее—средство закончить начатую войну. На международных социалистических конгрессах не раз говорилось: так как революционная всеобщая забастовка не может вспыхнуть во всех странах одновременно и с одинаковой силой, она представляет наибольшую угрозу для той страны, где она подействует раньше всего и сильнее всего. На примере России подтвердилась правильность этого утверждения.

Немецкий народ не имеет охоты быть следующим на этом пути».

26-го февраля «Форвертс» ликует по поводу своего предательства:

«Таким образом, различие между социал-демократической политикой и большевистской становится ясно. Мы хотим прежде всего защитить отечество, а потом уже сделать его социалистическим, а большевики хотят сначала сделать его социалистическим, а потом защищать его. О том, который из обоих методов более правилен, спор шел долгие годы. Теперь же этот вопрос разрешила история.

При господствующей ныне чудовищной военной нужде всякий мир воспринимается как облегчение. Можно ли считать благополучным концом мир, заключаемый с Россией, должно показать будущее».

27-го февраля «Форвертс» с заметным облегчением констатирует:

«Как последствие этого мирного договора можно предвидеть падение правительства большевиков».

Но все это превзойдено было в статье члена ЦК Отто Брауна, нынешнего прусского премьер-министра, напечатанной в «Форвертсе» от 15-го февраля. В ней впервые применены были методы, которыми впоследствии социал-демократия так виртуозно сумела пользоваться в союзе с антибольшевистской лигой. Там говорилось:

«Они убивают демократию и заменяют ее энергией и грубой силой. Способами, которые должны вызвать зависть даже грубых царских холопов, они подавляют общественное мнение и заключают в тюрьмы даже многих своих, расходящихся с ними тактически, товарищей.

Все им сопротивляющееся они подавляют вооруженной силой покорных им еще солдат. Это господство необузданной большевистско-социалистической солдатчины следует так же отвергнуть, как насильническое господство царской солдатчины. Оно тоже не сможет быть длительным и прочным.

Хаос на экономическом и политическом поприще должен стать все больше, и должен в конце концов повести к крушению этого неестественного социалистического господства меча.

То, что творят большевики в России — это ни социализм, ни демократия, это насильнические бунтарство и анархия.

Поэтому мы должны провести между большевизмом и нами толстую, видимую разделительную черту».

Даже родной сестре «Форвертс»—венской „Arbeiter Zeitung"—это уже показалось чересчур. Она писала, что суждение социал-демократа Брауна едва ли чем отличается от суждения любого ограниченного буржуа и реакционера. «Его «толстая черта» поэтому тоже показатель морального и умственного состояния известного числа товарищей в Германии». Травля в социал-демократической печати продолжалась. Но она прекратилась в тот самый день, как советское правительство подписало мирный договор. Тогда снова началась драка с независимцами из-за того, кто ближе стоит к большевикам. Это антибольшевистское интермеццо было таким образом походом, направленным к реабилитации германского правительства, в тот момент, как оно собиралось возобновить поход против советской России.

Была, правда, парочка последних могикан, которые склонны были принять всерьез «мирную политику» социал-демократии, и они вступили в резкую словесную перепалку с большинством соц.-дем. вождей. Полемика началась, когда Штампфер в марте 1917 г. высказался за ратификацию грабительского брестского мира с.-д. фракцией рейхстага с мотивировкой, что русские не должны делать того вывода, что могут снова начинать войну. Это говорил тот самый человек, который пару недель спустя установил в «Форвертсе», что германская политика в три решительные момента пошла иным путем, нежели того желали социал-демократы, и который далее продолжал:

«Эти три момента были — австрийский ультиматум Сербии, об'явление неограниченной подводной войны и заключение мира в Брест-Литовске. В результате этой политики, против которой мы боролись, создалось то положение, в котором мы находимся сейчас. Из него, правда, нет иного выхода, как силой. Нам обещали, что доведут этот путь успешно до конца, и нам сказали, что конец близок... Мы участвуем в походе, мы участвуем в расходах, мы разделяем надежды, мы, однако, устанавливаем, что ответственность за успех лежит на тех, которые приняли на себя руководство империей».

Пропаганда Штампфера в защиту аннексионистского мира все же вызвала на возражения несколько человек. Старый реформист Кампфмейер собирался ответить на это в редактируемой им газете „Münchener Post", но при этом у него возник столь острый конфликт с товарищами по редакции, что он отказался от поста редактора. Он ответил Штампферу в «Форвертсе», но при этом оказалось, что и он не добивался борьбы с политикой аннексий, а желал только красивого жеста. Русские должны знать, что социал-демократия не может ничего изменить в этом договоре. Договор будет, значит, ратифицирован, и большевики менее всего будут обнадежены к возобновлению войны. На иных струнах играл во „Frankfurter Volksstimme" Германн Вендель, который научился в свое время у Меринга выражаться энергичным языком. Он заявил, что в вотировании кредитов социал-демократами он всегда видел из'ян:

«Последние же события — положа руку на сердце и высказывая, что есть — означают полнейшую катастрофу социал-демокра-

тической политики мира. После этого мирного договора, подписанного петербургскими парламентерами с закрытыми глазами, отвернув лицо в сторону, после этого мира с Румынией, к которому принудили изнемогающего, схватив его за глотку,—что остается еще от всех этих цветистых фраз, кроме мира, основанного на соглашении сторон, и права на самоопределение, разоружения и лиги наций... Политика насилия торжествует, отечественная партия поднимает знамена, граф Ревентлов одержал верх—мы же стоим перед грудой черепков. Выводы отсюда ясны!

...Есть однако люди, которые думают, что черепки можно склеить (они не хотят потерять своего влияния. Но то, что достигнуто, по мнению Венделя, — дело второстепенное).

Неужели мы из-за этих мелочей должны вотировать военные кредиты, чтобы германские полки могли — славная задача! — подавлять революцию в Финляндии? Неужели мы ради такой чечевичной похлебки должны продать свою честь, свою душу и свое будущее?..

В этой политике войны партия не может более соучаствовать. На этот мир она не может дать своего согласия! Новых военных кредитов она не может вотировать.

Если же она все-таки это сделает, то пусть она будет честна, снимет свою нынешнюю вывеску и пусть она вычеркнет свою старую фирму, как ликвидированную, в регистрах истории».

Нечего говорить о том, что этот лев рыкающий очень скоро превратился в ручного котенка. Отклики на эти голоса были... социал-демократическими. В «Форвертсе» говорилось, что конгломерат народов, не является неприкосновенным, „Hamburger Echo“ ругало литераторов, бросающих палки под ноги партии и заявляло: «Если русские и румыны согласились на этот мир в виду невозможности лучшего, каким образом стали бы мы его отвергать?». Август Виннинг, который тогда не был еще фашистом, писал 6-го апреля 1918 г.:

«Лозунг, которым управители царского наследия хотят спасти свою страну от гибели, мы сделали своим и приняли формулу: мир без аннексий и контрибуций по отношению к территории, которая на четыре пятых состоит из аннектированных областей. Но переговоры становятся комедией. Не мира хотят добиться, а путем переговоров хотят разжечь революцию в Германии. Правительство видит то, что ясно всякому ребенку, и кладет конец комедии. Оно предупреждает их уловки и ставит повелителей России в безвыходное положение. Оно предоставляет им условия мира, все еще без аннексий и контрибуций. Оно требует от них всего лишь признания, что отделение некоторых окраинных народов из рамок российского государства, предоставленное уже российским правительством этим народам, было стабилизировано и желает обеспечить себе решающее влияние на эти государства».

Близкий Виннингу по духу Роберт Бреуер писал 21-го марта в „Weltbüne“:

«Новая перестановка империалистических целей. Сквозь духовную вуаль самоопределения народов мы ясно видим, как удовлетворяются потреб-

ности Германии в экспансии на восток. К чему тут лишние фразы? Совершается необходимое. Финляндия, Аландские острова, Рига с перевезенной на хранение в Берлин герцогской короной и, в зависимости от этого, Лифляндия, Эстляндия и Литва вплоть до Одессы на юге: положение как будто ясно и не должно затемняться даже польскими затруднениями».

Мы могли бы привести еще цитат. Но довольно показывать этих холопов, хвастающих в своем опьянении злодеяниями своих господ! В соц.-дем. фракции переголосовали вопрос о брестском договоре. 25 голосов было за ратификацию, 29—за воздержание и всего 12 голосов за отклонение. В конце концов соц.-дем. фракция решила воздержаться от голосования. Она голосовала за мирный договор с Украинской Радой.

6. Поход против революционной России

Брестский мир только по видимости принес германскому империализму расширение его власти на востоке. Для всего политического положения Германии он был роковым. Он снова заставил народы Антанты упорнее держаться в якобы оборонительной войне, ибо мир на востоке со всею ясностью показал жадность германского империализма. В большинстве нейтральных стран настроение было неблагоприятно с самого начала. Теперь противоречия обострились по всей линии, ибо никто уже больше не считал себя гарантированным от этой своры ландскнехтов. Голландия и Дания не без серьезных оснований считали себя под угрозой — ведь были же разработаны стратегические планы нападения на них. Со Швецией дело дошло до конфликта из-за Аландских островов.

Даже в рядах самих союзников мирные договоры вызвали кризисы. Болгары считали себя обманутыми договором с Румынией, заключенным вскоре после Бреста. Поляки, которые с самого начала примкнули к союзникам с намерением их обмануть, были обижены уступкой Холмщины Украине. В середине февраля польский вспомогательный корпус покинул германский фронт. Одна бригада была усмирена и разоружена, а бригада Галлера пробилась до Архангельска и оттуда попала на Западный фронт в армии Антанты. Германский империализм мог теперь держаться в Польше — этой дружественной стране — только силою самой жесткой диктатуры. Ко всему этому прибавился еще безрассудный поход против русской революции. Он существенно способствовал окончательному крушению военной мощи Германии.

Брестский мир на самом деле не привел к действительному миру на востоке. Мирный договор с Украиной был с самого начала фикцией. Будучи заключен с правительством, которое фактически было уже сметено народным восстанием, он первоначально служил только для того, чтобы поставить в тяжелое положение российских парламентеров и понудить их к уступкам. Но, не довольствуясь этим, ненавидящий революцию германский империализм захотел вырезать огромную территорию из советской республики. Поводом для этого должен был послужить договор с Радой. Для этой марионетки германской военщины завоевывалась теперь территория. В Германии организовано было несколько дивизий из украинцев-военнопленных, которые дол

жны были поддержать немецкий завоевательный поход. Когда они попадали на фронт, то таяли под воздействием солнца коммунистической пропаганды, и в конце концов их пришлось расформировать. Война на Украине велась со всею жестокостью, которая является отличительной чертой белых во всякой гражданской войне. То же самое происходило в прибалтийском крае. Оттуда имеется приказ главнокомандующего германских войск в Лифляндии и Эстляндии—генерала ф.-Кирхбаха, в котором говорилось:

«Я приказываю держать всех арестованных большевистских агитаторов и командиров красной гвардии под строгой охраной в качестве заложников и строжайшим образом мстить за смерть каждого латыша, эстонца или немца.

Большевистское правительство опубликовало воззвание с призывом организовать партизанские выступления в тылу германских войск. Я приказываю немилосердно подавлять организацию партизанских отрядов. Подобные банды не пользуются защитой международного права, они должны быть искоренены. На таких воров и разбойников жаль тратить порох, для них—веревка».

Разумеется, пока не организована была красная армия, пока гражданская война с чехословаками и прочими белогвардейцами отвлекала силы советской республики, революционные бойцы не могли противостоять организованной военной мощи немцев. Но завоевать Украину на самом деле не удалось и германскому империализму. Власть Рады кончалась там, куда не достигали пули германских винтовок. А возмущение против «освободителей» росло так сильно, что даже сама Рада попадала во все большие противоречия с германскими завоевателями. Это привело 1-го мая 1918 г. к государственному перевороту ген. Эйхгорна, сместившего правительство Рады, посадившего его в тюрьму и назначившего гетмана Скоропадского диктатором.

Борьба на Украине велась немцами совместно с австрийцами. Вместе с тем турки сразу после Брестского мира двинули при поддержке германских войск свои силы с юга против Закавказья. В апреле заняли они Батум. В мае грузинские меньшевики взорвали закавказскую федерацию, об'явили войну Азербайджану и Армении и призвали себе на помощь немцев. 25-го мая германские войска высадились в Поти, а 28-го мая меньшевик Чхенкели подписал соглашение с генералом Лоссовым — вождем монархического военного бунта в Баварии в 1923 г.,—по которому железные дороги и флот Грузии на время войны переходили в руки немцев, на самом же деле меньшевистское правительство отдавалось под опеку немецких генералов. Последние компенсировали меньшевиков тем, что вели совместно с ними гражданскую войну. Баку, где власть большевиков продержалась еще несколько месяцев, занят был в середине сентября турками. С Кавказа германские войска сделали набег на северную Персию и заняли Тавриз. Верховное командование в своей мании величия задумало даже поход в Индию, чтобы свергнуть там власть Англии.

Не довольствуясь этими авантюрами, германский империализм пред принял поход против красной Финляндии. Еще в царское время финские активисты вступали в германскую армию. Из них образована была отдельная

воинская часть, которая и обучена была на случай борьбы в Финляндии. Когда зимою 1917—18 г.г. власть в Финляндии перешла в руки рабочих и крестьян, германская армия снабжала белых, руководимых Маннергеймом и Свинхувудом, военными припасами и оружием. В их распоряжение предоставлено было две дивизии, включая и подготовленные финские кадры. В начале апреля они перебрались через Финский залив и в жестоком карательном походе подавили красную гвардию. Германские военные подумывали уже совместно с финскими белогвардейцами о том, чтобы отправить пленных красногвардейцев, для которых не хватало в Финляндии «голодных» лагерей и которые недостаточно скоро вымирали, в Германию для подневольной работы на тамошних заводах или на Западном фронте. От этих намерений отказались потому, что побоялись перенесения большевистской заразы на немецких рабочих и солдат.

Во время всех этих кровавых походов от Финляндии до Персии германское правительство, как ни в чем не бывало, все еще поддерживало внешне любезные отношения с советским правительством. После покушения левых эс-эров на посла Мирбаха имперский канцлер Гертлинг в своей речи от 11-го июля в рейхстаге говорил:

«Мы стоим на почве брест-литовского мира и желаем лойяльного выполнения этого договора. Это—воля германского правительства и в этом его поддерживает и германское верховное командование... Мы отнюдь не желаем создавать трудностей нынешнему российскому правительству. Мы становимся на лойяльную почву брестского мира и делаем, что можем, для выполнения этого мира. Но при том положении дел, как оно есть, бывают постоянные осложнения, постоянные трения в пограничных областях, постоянные самовольные действия той или иной группы войск. Но принцип наш—я повторяю: мы стоим на почве брестского мира и желаем выполнять договор совершенно лойяльно. Мы желаем вести лойяльные переговоры с нынешним правительством. Все вы, милостивые государи, находитесь под влиянием ужасного преступления в Москве... Мы не желаем новой войны с Россией. Мы держимся того, чтобы вести лойяльные переговоры с нынешним российским правительством, чтобы не предпринимать ничего, что могло бы повредить нынешнему российскому правительству, имея, однако, открытые глаза и уши, чтобы при внезапном изменении тамошних обстоятельств не оказаться в невыгодном положении и не быть застигнутыми врасплох».

Что скрывалось за этим, столь стилизованным заявлением? До тошноты повторяющиеся уверения в лойяльной миролюбивости должны были заслонить те потоки крови, которые проливал германский империализм в гражданской войне против революции. Если г. Гертлинг говорил о глазах и ушах, которые держатся открытыми, чтобы не быть застигнутыми врасплох переворотом в России, то он упустил сказать о тех руках, которыми договорно связались уже с российской контр-революцией. И что это были за своеобразные переговоры, о которых говорилось столь туманными намеками?—Подготовлялся новый Брест. Стесненное положение советского правительства использовывалось для нового грабежа. Отторгались Лифляндия и Эстляндия,

принадлежность которых определенно гарантировалась брестским миром, вымогались у Советской России 6 миллиардов золотых марок и возлагались на нее еще и другие тяготы. 27-го августа 1918 г. подписано было это дополнительное соглашение.

Каковы были цели этой проклятой политики? Наступление на Украину должно было открыть центральным державам житницу России. Рада обещала золотые потоки продовольствия. На деле эти надежды оказались сильно преувеличенными. Лишь в августе 1918 г., т.-е. как раз в тот момент, когда началось военное крушение центральных держав, двинулись туда партии продовольствия. Для питания летом 1918 г. они не имели значения. «Контрабандным путем получена была из прежней России половина того количества, что и посредством военного чиновничьего аппарата. Путем поддержанной всеми средствами свободной торговли и контрабанды могли быть достигнуты те же результаты, какие были достигнуты до нового урожая, путем оккупации, особенно в смысле поставки скота и лошадей (депутат Дерман в комиссии рейхстага по расследованию вопросов, связанных с войной). В этом отношении поход на Украину был таким образом абсолютной ошибкой [1]. С Кавказа собирались получить вооруженной силой керосин и бензин. Лишь в сентябре удалось занять Баку. Ни одна капля нефти не пошла впрок германской военной машине. Намерение путем новой войны против страны революции накормить свою военную машину обанкротилось полностью.

Война против революции сыграла однако решающую роль. Прусские военные и бюрократы имели достаточно политического понимания и, прежде всего, классового самосознания, чтобы понять, что юнкерская Германия после пробы сил мировой войны не могла остаться существовать рядом с революционной Россией. Борьба с большевизмом была двигающим стимулом. Генерал Гофман еще весною 1918 года завязал связь с Дурново—зятем великого князя Павла. Шли переговоры с другими монархическими группами, а также с донским правительством ген. Каледина, которому оказывалась военная помощь. План ген. Гофмана сводился, как он сам рассказывает, к тому, чтобы двинуть войска по линии Петербург — Смоленск, прокламировать новое правительство и посадить великого князя Павла верховным правителем от имени царевича Алексея. Гофман думает, что его войск хватило бы для этой операции. Вероятно, к выполнению этого плана не приступлено было из-за другого плана — двинуть войска в Индию. Проекты вооруженной интервенции не исчерпывались походами в Финляндию и т. д. вплоть до вторжения в Персию. Замыслы интервенции для свержения рабоче-крестьянского правительства этим не ограничивались. В июле 1918 г. в ставке Верховного Командования усиленно занимались проектами, какие формы придать новой, монархической России. Имелось в виду придать новой царской России польские территории, дабы с самого начала создать там очаг борьбы за независимость и тем самым заранее ослабить Россию. В августе 1918 г., когда германский империализм начинал уже задыхаться, Верховное командование под-

[1] В комиссии рейхстага по расследованию вопросов, связанных с войною, ген. ф.-Куль заявил, что использование Украины было невозможно, ибо война продолжалась недостаточно долго. Вот добрая душа!

готовляло поход на Петроград с целью свержения советской власти — вот уже доподлинно: кого боги хотят наказать, у того они отнимают разум. Генерал ф.-дер-Гольц, диктатор Финляндии, пишет об этом в своей книге — «Моя миссия в Финляндии и прибалтийском крае»:

«Оглядываясь назад, приходится очень пожалеть, что задуманное в августе по приказу Верховного командования предприятие против Петербурга по обеим сторонам Финского залива и при содействии флота против Кронштадта отложено было по желанию министерства иностранных дел, ибо добавочное соглашение к брестскому миру должно было принести нам 6 миллиардов золота — которые нам потом в свою очередь пришлось уступить.— За презренные деньги отказались от будущих интересов Германии на Востоке. Но это наступление подняло бы дух 8-ой армии, которая оказалась столь ненадежной во время революции и, обладая всем прибалтийским краем, включая Петербург, мы после удаления Иоффе из Берлина, в союзе с правыми русскими кругами, имели бы в октябре и ноябре 1918 года совершенно иное внутреннее и внешнее политическое положение.

О предприятии было сговорено с генерал-лейтенантом ф.-Эсторфом, командующим войсками южного побережья Финского залива, команде которого впоследствии должны были быть подчинены также и мои части, и вице-адмиралом Бедекером. На местах всюду произведена была соответствующая разведка, и все было настолько подготовлено, что по команде можно было сразу приступить к наступлению пешком и по железной дороге. Изо дня в день я, совместно с моим тогдашним прекрасным первым офицером генерального штаба ф.-Фалькенгорстом, ожидал телеграфного приказа вступить в поход — к сожалению тщетно.

Переговоры с вождями русских правых партий начались в июне с прежнего председателя [1] Гос. Думы, князя Волконского, который на основании докладной записки, представленной царю в феврале 1914 г., доказывал, что русские правые были против войны с Германией.

С ведома Верховного командования и министерства иностранных дел переговоры велись в необязательной форме с князем Волконским, с бывшим русским министром Александром Треповым и продолжались при моем участии с великим князем Кириллом и его супругой. Кроме того, некоторые офицеры моего штаба поддерживали связи со многими русскими монархистами и офицерами».

Новый поход против России сразу после брестского мира начался в то самое время, как Людендорф подготовлял свое наступление против Франции, которое затем кончилось, как известно, полным поражением. Эти, вызванные отчаянием, наступления, не могли повести к победе центральных держав. Но несомненный факт, что контрреволюционные походы против Советской России существенно способствовали военному крушению. К началу наступления на западе в марте 1918 г. в России находилось еще значительно больше миллиона германских войск. К этому надо добавить еще австрийские части. Почти треть конского состава германской армии связана была на во-

[1] Товарищ председателя. *Прим. ред.*

стоке. Еще в октябре германских войск насчитывалось 600.000 чел. Правда, этим дивизиям, состоявшим из запасных и ополченцев, не под силу была бы борьба на западе, но они могли бы составить там существенную тыловую опору для фронта. Неоднократно велись между правительством и Верховным командованием переговоры об упразднении в России фронта, но без успеха. Даже в октябре, когда крушение центральных держав было на носу, не могли решиться эвакуировать территории России. Боязнь большевизма мешала всякому разумному решению вопроса. К тому же прибавилось «разрыхление» германских частей в самой России. Большевизм — заразная болезнь, от которой не гарантирована ни одна императорская армия, с ним соприкасающаяся. Чем дольше длился поход против России, тем «ненадежнее» становились войска. Дивизии, переброшенные с востока на запад, оказывались непригодными. Не помогло и создание особых карантинов, в которых солдаты должны были подвергаться дезинфекции от бацилл большевизма — они приносили с собой этот яд на родину и на западный фронт. Все эти обстоятельства сыграли существенную роль в том, что военная машина рухнула. Таким образом контр-революционные предприятия на территории российской рабочей революции сломили шею германскому империализму.

А каково было отношение ко всему этому вождей социал-демократии? Они подвержены были самым резким колебаниям. Когда положение было скверное, они вопили о неразумности брестского мира и о преступлении по отношению к российской революции. Если же где-нибудь имелась победа, то волны патриотизма подымались, как в „Internazionale Korrespondenz" в феврале 1918 г. после срыва мирных переговоров:

«С молниеносной быстротой проникают германские войска после возобновления военных действий на восток. Предсказание, что российские армии стали совершенно неспособны к сопротивлению, подтверждается в полной мере. Почти без боя нам достаются тысячи орудий и огромные количества других военных припасов, которые военное командование с пользой сможет использовать на западном фронте».

Вильгельм Янсон втравливал в „Die Glocke" в интервенцию в Финляндии и усиленно приветствовал эту интервенцию. Когда война была закончена и речь шла о том, чтобы спасти буржуазную Германию, то не кто иной, как г. Шейдеман, внушил германскому правительству мысль о том, чтобы вскрыть курьерский багаж российского посольства в Берлине. Последним шагом правительства кайзера был разрыв с Советской Россией. Первым шагом социалистического правительства — Эберта-Шейдемана-Гаазе — была ориентация против страны революции, за Вильсона и против Ленина.

(Перев. с немецкой рукописи Фр. Штурм.).

А. В. Шестаков

Блок с левыми эсерами

(Страница из истории Октябрьской революции)

В эпоху пролетарских революций проблема о союзниках рабочего класса в его борьбе с классовыми противниками имеет весьма актуальное значение.

Пример блоков пролетариата с крестьянством в русских революциях XX в., так хорошо и подробно освещенных в работах В. И. Ленина, дает нам возможность уже и сейчас установить некоторые закономерности при изучении этой проблемы. Прежде всего, вопрос о союзниках, являясь частью общей проблемы о тактике, разрешается всегда конкретно и находится в зависимости от ряда обстоятельств. Первым из них является учет сил самого пролетариата, учет температуры его революционного кипения, учет его организованности, степени зрелости его авангарда — политической партии, наличия в ее рядах соответствующего руководства и т. п. Вторым обстоятельством, определяющим целесообразность того или иного соглашения, является постановка авангардом пролетариата целей, во имя которых ведется борьба. Далее в стратегическом плане борьбы необходимо учитывать силы противника, степень его сопротивляемости, возможность использования им тех классовых сил, на которые пролетариат предполагает опереться, как на своих союзников. Вопрос о борьбе за влияние пролетариата на мелкую городскую буржуазию или на крестьянство со всеми или частью его прослоек и т. д., таким образом, входит несомненно в эту же проблему о союзниках.

Наконец, при разрешении этой проблемы необходимо возможно более четко учитывать состояние сил намечаемого союзника, цели, которые он себе ставит в борьбе, его боевую способность, его организованность и в этом последнем случае состав, программу и тактику его политической партии, ее соответствие тем задачам, которые выдвигаются в борьбе представляемым этой партией классом, или отдельными его прослойками. Вместе с этим, чрезвычайно важно при практическом разрешении вопроса о союзнике иметь в виду возможное влияние этого союзника на пролетариат и его партию, те уступки, которые ему приходится делать при заключении соглашения и т. д. В проблему о блоках входит также вопрос об их характере, длительности и пр.

Эти общие установки проблемы о союзнике нам необходимы в качестве канвы при изучении такого исторического явления, как блок партии пролетариата — большевиков с партией левых эсеров, длившийся на первом этапе Октябрьской революции в течение нескольких месяцев. Изучение этого вопроса на конкретном историческом материале поможет нам обосновать как правильность вышеуказанных общих установок, так и некоторые детали, которые могут быть полезны при определениях этих установок. Блок с левыми эсерами в такой переломный момент истории, как Октябрьское восстание и первые месяцы существования советской власти, заслуживает несомненно более тщательного и специального изучения, чем это можно было дать в настоящей статье, составленной на основании небольшого количества разрозненных материалов, которыми мы располагаем в настоящий момент. Дальнейшая разработка источников, подбор и систематизация материалов несомненно дадут более тщательный анализ затрагиваемой темы, но все же начать эту работу в связи с юбилейной датой Октябрьской революции необходимо. Пусть наша статья явится «той первой ласточкой», которая обычно «не делает весны», но которая сигнализирует эту «весну», ставит на очередь важную для нашей борьбы задачу.

В связи с состоянием источников о левых эсерах мы намеренно сузили нашу тему пределами только первых трех месяцев после Октябрьского восстания, когда создавался блок с левыми эсерами и когда он был, так сказать, в своем зените. Момент ущерба блока с левыми эсерами, если это позволят источники и обстоятельства, будет предметом новой статьи.

Пролетариат подходил ко дням Октябрьского восстания сомкнутыми, сплоченными колоннами, руководимыми партией большевиков во главе с гениальным стратегом революции В. И. Лениным. Так было в решающих центрах революции — в Петербурге, в Москве, в Иваново-Вознесенске, в Донбассе. Но весь ли пролетариат был в этих колоннах даже в этих решающих центрах, был ли он весь до конца «классово-сознателен», четко ли он представлял себе цели восстания, цели дальнейшего развертывания революции? Приходится ответить отрицательно. Мы не знаем, насколько правы левые эсеры, определявшие число своих членов среди рабочих Петербурга в 40 тыс., но именно около этой цифры колеблется число исключенных Ц. К. правых эсеров из партии за левый уклон по Петербургской организации. Уже одна эта цифра наводит на соответствующие размышления — пролетариат даже в центре революции к моменту Октябрьского восстания еще в значительной части был в плену у мелкой буржуазии, еще в недостаточной мере подошел к своей партии, еще в недостаточной степени осознал свои задачи в социалистической революции. Так было в авангардных центрах революции.

Еще в меньшей степени был сплочен в своей партии пролетариат на всем остальном пространстве страны. Это наиболее ярко отражалось в советах рабочих депутатов, где наряду с большевистскими кадрами имелись изрядные «хвосты» пролетарских масс, тянувшихся за эсерами и меньше-

виками разных оттенков, поддававшихся разным «уклонам», определявших эти «уклоны». Восьмимесячная работа большевиков — в период от февраля до Октября — дала колоссальный эффект в деле «большевизации» масс, но все же еще оставались огромные отряды пролетариев, не включившихся в боевые колонны борцов за социалистическую революцию.

Основной противник пролетариата — буржуазия — к Октябрьским дням была дезорганизована. Ее ближайшая опора — мелкая городская буржуазия — распылена, дезориентирована. Штабы этой классовой группы — меньшевики и правые эсеры — растеряли свое влияние, разрознили свои ряды. Экономическая разруха, усиливаемая политикой локаутов и продолжавшимся состоянием войны, била не только по пролетариату, но и по буржуазии — по крупной и мелкой, больнее — по последней.

Буржуазия вследствие своего блока с помещиками вынуждена была вести борьбу с крестьянством, требовавшим земли и окончания войны. Это ставило ее лицом к лицу с солдатскими массами, передовым отрядом крестьянства, решительно отходившим под влияние пролетарской партии. В солдатских крестьянских массах «большевизация» имела огромный успех, хотя она была несколько иного порядка, чем в рядах рабочего класса. Солдатские массы были скорее революционными демократами, чем социалистами. С их «иллюзиями» пролетарской партии больше всего приходилось считаться и поскольку эти революционные демократы были настроены против буржуазии всех оттенков они являлись первыми и важнейшими союзниками, с которыми большевикам приходилось вступать в боевые соглашения в борьбе против буржуазии и помещиков.

Крестьянские массы, об'явившие в пред'октябрьский период войну помещикам, были вторым отрядом, который смыкал свою борьбу с борьбой рабочего класса. По своей классовой сознательности, организованности, этот отряд был еще более качающимся союзником, чем солдатские массы.

Таково было вкратце расположение классовых сил перед Октябрьскими боями. Оно, естественно, ставило перед партией пролетариата вопрос о блоках, о боевых соглашениях. С кем? В первую очередь с теми партиями, которые успели к тому времени сплотить вокруг себя не чисто пролетарские элементы, могущие быть использованными для целей пролетарской революции.

Одной из таких партий и были левые эсеры, наиболее крупная, наиболее сплоченная организация мелкобуржуазной революционной демократии. Откуда они появились? История левых эсеров еще не написана. Мы пока имеем о ней лишь отрывочные эпизодические сведения.

П. С.-Р. в 1917 г., на первых же порах своего бытия, определилась как партия, больше всего претендовавшая на руководство крестьянскими массами. Пролетариат она отдавала в преимущественную эксплоатацию меньшевикам, оставляя себе крестьянство и мелкую городскую буржуазию, главным образом, интеллигенцию, которая должна была поставлять руководящие кадры партии.

Впрочем, они не отказывались и от влияния на пролетарские массы, но в этом деле большой конкуренции у них с меньшевиками не было.

Итак, основная ставка партии эсеров со времени февральской революции была на крестьянство. На III с'езде П. С.-Р. — 25 мая 1917 года — эсер Быховский говорил: «Если мы провалимся в аграрном вопросе, то тогда нам будет крышка». Отсюда ведет свое начало и усиленная работа эсеров по созыву I Всероссийского крестьянского с'езда (май 1917 г.), борьба за посты министра земледелия и внутренних дел в кабинетах министров Временного правительства, стремление овладеть главным земельным комитетом и пр. Крестьянство пошло за эсерами, у которых оказались также и свои кадры для работы в деревне. Их поддерживала кулацкая кооперация, начиная с Московского народного банка и кончая разного рода кооперативными об'единениями на местах, им помогали и «демократизированные» земства и вся сеть интеллигентских организаций, начиная с сельско-хозяйственных обществ и кончая учительскими организациями.

Казалось бы, при такой ситуации партии эсеров никакого труда не составит нажить хороший политический капитал и стать хозяином положения в деревне, а через нее давить и на город, — а в дальнейшем править Россией во главе с президентом В. М. Черновым. Планы и перспективы П. С.-Р. в основном так и намечались, что видно из протоколов ее с'ездов, разного рода документов и материалов.

Но... эсеры просчитались. Они взяли слишком правый «уклон», заключив блок с буржуазией и помещиками на условиях, абсолютно не приемлемых для широких масс крестьянства. И П. С.-Р., хотя и получила на крестьянском с'езде в мае 1917 года огромное большинство голосов за своих кандидатов в исполком совета крестьянских депутатов, на том же с'езде впервые почувствовала, что с аграрным вопросом она попадает в тупик [1]. Тот же «тупик» выявился и на III с'езде П. С.-Р., о чем упоминалось выше. Эсерам пришлось лавировать между правой политикой в блоке с буржуазией и левой фразой по отношению к крестьянским массам. Осенью 1917 года, эта политика привела к карательным экспедициям против крестьян и к полному провалу эсеров как по аграрному, так и по всем другим вопросам политической жизни в этот период.

В этой-то обстановке, в недрах самих эсеров и родилась, и выросла партия левых эсеров. На майском всероссийском крестьянском с'езде левые были представлены единицами: М. Спиридонова, Калегаев, Камков и другие лидеры левых эсеров получили при выборах в исполком ничтожное количество голосов. Но уже в июле 1917 г. на местах на ряде губернских с'ездов советов крестьянских депутатов линия оппозиции левых эсеров встречает все большее и большее сочувствие среди членов П. С.-Р., что отражается в «левых», правда, еще робких резолюциях этих с'ездов.

Затем трещина между правыми и левыми эсерами обнаруживается и в право-эсеровском исполкоме совета крестьянских депутатов, где на июльском и особенно на сентябрьском с'езде губернских представителей совета крестьянских депутатов левые все более и более резко выступают против политики своего ЦК и своего авксентьевского исполкома.

[1] См. об этом нашу статью „Крестьянские организации и I с'езд советов крестьянск. депутатов", в № 5 (64) „Пролетарской Революции" за 1927 г.

Осенью же 1917 года ряд эсеровских организаций принимает резолюции против коалиции с буржуазией, высказывается за более решительную политику в вопросах войны и мира и особенно энергично настаивает на скорейшей передаче на учет земельным комитетам всех помещичьих земель, требуя вместе с этим скорейшего созыва второго с'езда советов крестьянских депутатов. Это еще не было разрывом между правым и левым крылом эсеровской партии, но это было уже больше, чем оппозиция.

В. И. Ленин очень внимательно следил за этими изменениями в партии эсеров. Так, в статье «Удержат ли большевики государственную власть», написанной в конце сентября, он цитирует из № 25 «Знамя Труда» (орган эсеров) сведения о состоявшемся 18 сентября в Петербурге совещании местных советов крестьянских депутатов: «На этом совещании за неограниченную коалицию высказались исполнительные комитеты четырех крестьянских советов (Костромской, Московской, Самарской и Таврической губерний). За коалицию без кадетов высказались исполнительные комитеты трех губерний и двух армий (Владимирской, Рязанской и Черноморской губ.). Против коалиции высказались исполнительные комитеты двадцати трех губерний и четырех армий».

«Итак, — резюмирует В. И., — большинство крестьян против коалиции».

— Вот вам и «изолированность пролетариата», — делал он намек по адресу «колеблющихся», — Каменева и Зиновьева.

— «Между прочим, — продолжал В. И., — отметить надо, что за коалицию высказались три окраинные губернии: Самарская, Таврическая и Черноморская, где сравнительно очень много богатых крестьян, крупных помещиков, работающих с наемными рабочими, а также четыре промышленных губернии (Владимирская, Рязанская, Костромская и Московская), в которых крестьянская буржуазия тоже сильнее, чем в большинстве губерний России» [1].

В другой статье за этот же период времени — «Задачи революции» — В. И. Ленин приводит такую справку: «Растет оппозиция левых среди эсеров (Спиридонова и др.) и среди меньшевиков (Мартов и др.), достигая уже до 40 проц. «совета» и «с'езда» этих партий. А внизу, в пролетариате и крестьянстве, особенно беднейшем, большинство эсеров и меньшевиков «левые» [2].

Процесс полевения масс увлекал за собой и наиболее преданную революции часть эсеров. Но консолидация лево-эсеровских настроений в определенную идеологию и вытекавшую из нее тактику, шла медленнее, чем развертывались события. Если левым эсерам ко дням Октябрьского восстания удалось укрепить свое влияние в рабочих ячейках эсеров Петербурга, в Воронежской, Гельсингфорской и некоторых других организациях партии эсеров, то руководящая головка левых эсеров металась между тактикой революционного большевизма и тактикой разного рода «соглашателей», резко высказывавшихся против восстания. Отсюда вытекали их заявления против

[1] Собр. соч. т. XIУ, ч. II, стр. 223—224 (изд. 1925 г.).
[2] Собр. соч. т. XIУ, ч. II, стр. 126.

захвата власти пролетариатом, против тактики вооруженного свержения власти Временного правительства. Отсюда их истерики в их органе «Знамя труда» против «гражданской войны», предложения выйти из кризиса путем образования власти из представителей всех социалистических партий от большевиков до энесов включительно. В полном отсутствии понимания значения развертывавшихся событий находилась их тактика по отношению к военно-революционному комитету, в который формально они не вводили своих представителей, но в котором такие левые эсеры, как Лазимир, принимали очень деятельное участие. Левые эсеры с радостью ухватились за «колеблющихся» большевиков Каменева и Зиновьева, высказавшихся против вооруженного восстания, надеясь через них добиться усиления своего влияния на происходившие события. Они повели усиленную подрывную работу по углублению раскола между большевиками, ориентируясь на «правую» группировку в ЦК большевиков, давая директивы политикам из Викжеля, где руководящую роль играл левый эсер Крутошинский. Несмотря на все это, ряд левых эсеров активно участвует в подготовке и в самом ходе восстания. Одним словом, перед и во время Октябрьского восстания левые эсеры были той колеблющейся разновидностью мелкой буржуазии, которая больше всего боялась дальнейшего развертывания революции по плану В. И. Ленина, ставя ему всяческие препятствия. Вполне естественно, что в этот момент блока с левыми эсерами у большевиков еще не было и не могло быть.

Но уже на II с'езде советов рабочих и солдатских депутатов обнаружилось, что левые эсеры идут на серьезный разрыв с правыми, с своим эсеровским ЦК, который дал директиву ухода эсеров со с'езда вместе с меньшевиками. Левые эсеры остаются на с'езде и участвуют в избрании ВЦИК, вводя в него своих представителей.

Несомненно, что этот факт был поворотным моментом в шатающейся политике левых эсеров, который имел, прежде всего, огромные последствия для всей их организации.

В нашем распоряжении нет материалов, которые могли бы осветить подробнее вопрос об этом шаге левых эсеров. Протоколы II с'езда советов только констатируют этот факт и мало об'ясняют подоплеку принятого левыми эсерами решения. Остается мало выясненным также вопрос: был ли этот шаг левых эсеров как-либо согласован с ЦК партии большевиков. Видно только, что в заседании ЦК большевиков 6 ноября (24 октября), Каменев настаивал на необходимости «войти в переговоры с левыми эсерами и войти в политический контакт с ними»[1]. ЦК поручил это дело Каменеву и Винтеру (Берзину). На этом основании можно полагать, что выступления левых эсеров на II с'езде были все же не случайными, а координированными с ЦК большевиков.

Для полноты истории партии левых эсеров забежим несколько вперед и расскажем, что с ними произошло после II с'езда советов.

Действия левых эсеров на II с'езде советов повели к постановлению ЦК П. С.-Р. от 9 ноября (н. с.) об исключении из состава партии всех остав-

[1] „Пролетарская Революция“ № 10 (69) за 1927 г., стр. 297.

шихся на этом с'езде. Через два дня после этого решения состоялась Петербургская конференция социалистов-революционеров, на которой огромное большинство приняло резолюции, расходившиеся с линией П. С.-Р. Это обстоятельство вызвало новое постановление ЦК П. С.-Р. о роспуске конференции и о созыве новой, организация которой была поручена представителям правого крыла. Между прочим, эта право-эсеровская конференция была созвана 17 ноября и на ней был избран право-эсеровский временный Петербургский комитет.

Все причастные к Октябрьскому восстанию эсеры также были исключены из партии и в постановлении ЦК П. С.-Р. говорилось, что все они лишаются права участия в партийной работе, права избираться на с'езд и баллотироваться в учредительное собрание.

Эти меры ЦК П. С.-Р. повели к образованию фракции левых эсеров и фактически к созданию новой партии. Оформление партии левых эсеров можно датировать со времени их первого с'езда, который был открыт 2 декабря (19 ноября) 1917 года. Как видно из протоколов этого с'езда партии левых эсеров, ЦК П. С.-Р. исключил в Петербурге около 40 тыс. членов, главным образом, рабочих. Левых эсеров — делегатов II с'езда советов, исключенных ЦК П. С.-Р., насчитывалось до 169 человек, при чем они являлись, главным образом, представителями местных организаций и по существу были той партийной верхушкой эсеров, на которой держалась работа партии в ряде губерний.

Лево-эсеровский партийный с'езд избрал свой ЦК и, таким образом, вторая эсеровская партия к этому времени и организационно отмежевалась от правых эсеров.

Все эти факты имели очень важное значение для политики блока с левыми эсерами партии большевиков, к истории которого мы и переходим. Но прежде два слова для об'яснения причин такого решительного поворота левых эсеров против своей партии. Здесь несомненно отражался рост революционных настроений в тех классовых группах, на которые опиралась П. С.-Р. и, в первую очередь, в крестьянстве. Крестьянские массы совершенно определенно уходили из-под влияния правых эсеров, т.-е. как говорил В. И. Ленин, из-под влияния буржуазии и переходили под влияние пролетариата, ибо иного пути у громившей помещиков деревни не было. Октябрьское восстание явилось тем цементом, который чрезвычайно быстро связал тянувшиеся друг к другу революционные силы пролетариата и крестьянства, в результате чего получился эффект чрезвычайного усиления мощи революции.

Левые эсеры не могли не учитывать этого обстоятельства и вполне естественно что с контр-революционной политикой правых эсеров им было не по пути. Следует так же отметить, что для организованного закрепления революционных сил пролетариата и крестьянства II с'езд советов постановил созвать всероссийский с'езд советов крестьянских депутатов, при чем выяснилось, что главное представительство на этом с'езде может оказаться у левых эсеров, что давало им возможность получить значительное расширение своей базы для воздействия на общую политику советской власти.

Эти же обстоятельства несомненно толкали и большевиков к блоку с левыми эсерами.

И недаром В. И. Ленин выступил на II с'езде советов рабочих и солдатских депутатов, в связи с обсуждением декрета о земле, с речью, в которой говорилось, что «в одном из пунктов этого декрета помещен наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 наказов местных советов крестьянских депутатов». «Здесь раздаются голоса, — говорил В. И. Ленин, — что сам декрет и наказ составлен с.-р.. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны....» В. И. Ленин в интересах блока пролетариата с крестьянством шел на этот компромисс и в этой же речи продолжал: «И если даже крестьяне пойдут и дальше за с.-р., и, если они даже этой партии дадут на учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем — пусть так. Жизнь — лучший учитель, — она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм» [1].

Через II с'езд В. И. апеллировал прежде всего к крестьянству, но при этом он несомненно делал уступки и партии эсеров — участникам с'езда, настаивавшим прежде всего на пресловутой «социализации» земли, являвшейся основным стержнем 242 наказов.

В этом и последующих выступлениях В. И. подчеркивал разницу между крестьянством и наиболее близкой тогда к нему партией левых эсеров. Правых эсеров он, как и ЦК большевиков, в счет не клали, ибо с ними крестьянство в массе уже порвало. Правым эсерам отводилось лишь место в ЦИК «пропорционально представительству», что означало для них полное политическое небытие. Правые эсеры были по существу врагами пролетарской партии, сильными лишь традициями и связями с откалывавшейся от них партией левых эсеров, за влияние на которых большевикам и предстояло провести борьбу, не поступаясь своими основными принципами. Это было вторым обстоятельством, толкавшим большевиков на блок с левыми эсерами. Но партия пролетариата никогда не отождествляла левых эсеров с крестьянством. В. И. Ленин не без основания надеялся, что пролетариат может осуществить свой союз с крестьянством и без посредников, без партии левых эсеров. Блок с ними означал не союз с крестьянством, а временное боевое соглашение для преодоления тех огромных препятствий, которые стояли на первых путях укрепления диктатуры пролетариата, на путях организации советского государства.

Правые большевики в этот период борьбы иначе рисовали себе дальнейший ход развития революции, не веря в силы пролетариата и беднейшего крестьянства, в возможность обойтись в развертывающейся борьбе без партийных эсеровских «попутчиков». Им казалось, что диктатура пролетариата в создавшихся условиях вообще невозможна, как невозможна была победа и в Октябрьском восстании, что для

[1] Собр. соч. т. XV, стр. 19 (изд. 1925 г.).

удержания завоеваний пролетариата в Октябрьских боях нужен не просто временный блок с более левой «демократией», а разделение власти между пролетариатом и всеми соглашательскими мелко-буржуазными партиями и в их числе не только с левыми эсерами, но и с правыми до народных социалистов включительно. Правые большевики переоценивали силу и значение этих партий, забывая, что за верхушечной организованностью у них опоры в массах нет, что в массах той же мелкой буржуазии и особенно среди крестьянства и особенно среди его беднейших прослоек пролетарское руководство революцией встречает полное сочувствие. Так определялось расположение классовых сил в процессе развития революции после Октября тем же В. И. Лениным, который считал, что для ускорения этого процесса, для успеха разрешения этой задачи необходимо использовать лишь те силы революции, которые представляли из себя действительно революционные, а не контр-революционные элементы. Этого не понимали «колеблющиеся» Каменев и Зиновьев, создавшие своими колебаниями надежду у мелко-буржуазных политиканов вырвать руководство революцией из рук ленинского большинства партии большевиков. И здесь были нужны та прозорливость и та стальная гибкость в рядах большинства ЦК, которая в максимальной степени выявилась в переговорах с «не чисто пролетарскими» элементами» в роде партии левых эсеров сейчас же после Октябрьского восстания.

В № 6 «Бюллетеня ЦК Р. С. Д. Р. П. (б)», вышедшим между 2 и 5 ноября 1917 г. мы читаем:

... «4) ЦК подтверждает, что в день образования теперешнего правительства, за несколько часов до этого образования ЦК пригласил на свое заседание трех представителей левых эсеров и формально предложил им участие в правительстве. Отказ левых эсеров, хотя он был временным и условным, возлагает всецело и всемерно всю ответственность за несостоявшееся соглашение с ними на левых с.-р.;

5) ЦК напоминает, что состоялось, внесенное фракцией большевиков, постановление II всероссийского с'езда советов, выражающее готовность пополнять совет и солдатами из окопов и крестьянами с мест, из деревень, что, следовательно, абсолютно ложны утверждения будто большевистское правительство против коалиции с крестьянами. Напротив, ЦК заявляет, что земельный закон нашего правительства целиком списан с эсеровского наказа, доказал на деле полную и искреннейшую готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения России»

Из этого документа видно, что переговоры с левыми эсерами велись в первый же день образования Совета народных комиссаров, при чем им было предложено участие в правительстве. Это подтверждается также протоколом заседания ЦК большевиков от 11 ноября (29 октября), когда была приняты резолюция такого содержания: «ЦК признает необходимым расширение базы правительства и возможное изменение его состава» [1].

Тогда же правой группой большевиков в ЦК было внесено предложение: «Мы не делаем ультиматума из вхождения в правительство всех совет-

[1] „Пролетарская Революция“ № 11 (70) 1927 г.— стр. 202—203.

ских партий до народных социалистов включительно»[1], на чем настаивали левые эсеры.

Это предложение не собрало большинства голосов ЦК и оно было отклонено. Вместе с этим ЦК большевиков допускал пополнение ВЦИК представителями ушедших со с'езда партий пропорционально количеству их голосов во фракциях[2] и представителями железнодорожников, почтово-телеграфного союза и других подобных организаций. В этих постановлениях довольно четко выявляются основы блока с непролетарскими партиями и те уступки, на которые шли большевики в острый момент образования советской власти. Характерна также позиция правой части членов ЦК, которые так расширяли пределы уступок, что их реализация угрожала бы серьезной опасностью самому ценному достижению Октября — диктатуре пролетариата.

Как видно из выше цитированных документов, левые эсеры не пошли на эти уступки и от вхождения в состав правительства уклонились, продолжая вместе с тем оставаться в составе ВЦИК'а и, торгуясь с представителями ЦК большевиков, они стремились вместе с этим использовать правую группу ЦК большевиков для внесения раскола в ряды партии пролетариата.

Об этом, между прочим, очень определенно говорил на I с'езде левых эсеров тов. Малкин: «Мы задались целью раз'единить большевиков и привлечь к себе колеблющихся из большевиков... В процессе борьбы мы играли на два фронта, но кроме того нам надо было иметь еще свой фронт»...[3].

Таким образом, образовался своеобразный треугольник: ленинская часть — большинство ЦК, правые большевики, входившие в ЦК и левые эсеры. ЦК большевиков приходилось выдерживать атаки как со стороны правых большевиков, так и со стороны левых эсеров. Разницы между позициями правых большевиков и левых эсеров по вопросу об образовании правительства по существу не было. Каменев, будучи председателем ВЦИК, определенно срывал постановления ЦК большевиков, ведя свою политику и опираясь при этом на левых эсеров, которые все больше и больше «наглели» и выступали с протестами против состава Совета народных комиссаров. С левыми эсерами блокировались и меньшевики, которые выдвинули проект ответственности власти перед особым Народным советом, в который должны были входить представители городских дум и земств, т.-е. по существу буржуазия. Кроме того они требовали исключения Ленина и Троцкого из состава правительства, намечая в председатели Совета народных комиссаров Авксентьева или Чернова. Таким образом, дело пахло настоящим coup d'etat.

14 (1 ноября) 1917 г. ЦК большевиков принимает следующую резолюцию:

[1] „Пролетарская Революция" № 11 (70) 1927 г., стр. 202—203.

[2] Из числа 670 делегатов II с'езда советов было: большевиков 300, меньшевиков—68, эсеров—193, беспартийных—36, украинских социалистов—7, анархистов—2, П. П. С. и П. С. Д. П. и Л.—10, с. д. интернационалистов—14, Бундовцев и Поалей-Ционистов—10, национал.-социалистов—3, соц. партии Литвы—4, неизвестных—22. Из 193 эсеров—169 принадлежали к левым.

[3] Протоколы с'езда—стр. 96.

«Считая, на основании опыта предшествующих переговоров, что соглашательские партии ведут эти переговоры не с целью создания об'единенной советской власти, а с целью внесения раскола в среду рабочих и солдат, подрыва советской власти и окончательного закрепления левых эсеров за политикой соглашения с буржуазией, —

— ЦК постановляет: 1) Разрешить членам нашей партии, в виду состоявшегося решения ЦИК принять сегодня участие в последней попытке левых эсеров создать, так называемую, однородную власть с целью последнего разоблачения несостоятельности этой политики и окончательного прекращения дальнейших переговоров о коалиционной власти. (Протокол ЦК № 31) [1].

В том же протоколе ЦК имеется постановление такого характера: «Ультиматум должен быть принят или отклонен в 2-часовой срок». Повидимому речь шла об условиях, при которых большевики соглашались на расширение Совнаркома за счет ушедших со II С'езда советов групп. Этот ультиматум был обращен к левым эсерам в лице их ЦК и фракции ВЦИК и оглашен, как резолюция большевистской фракции, на заседании ВЦИК 15 (2) ноября тов. Володарским. Резолюция гласила: «Считая соглашение социалистических партий желательным, ВЦИК заявляет, что соглашение может быть достигнуто только на следующих условиях:

1) Признание программы Советского правительства, как она выражена в декретах о земле, мире, в обоих проектах о рабочем контроле.

2) Признание необходимости беспощадной борьбы с контр-революцией (Керенский, Корнилов, Каледин).

3) Признание 2-го Всероссийского с'езда единственным источником власти.

4) Правительство ответственно перед ВЦИК.

5) Отклонение представительства во ВЦИК организаций, не входящих в состав советов.

6) Дополнение ВЦИК представителями от непредставленных в нем Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Всероссийских профессиональных союзов, как-то: совета профсоюзов, союза фабрично-заводских комитетов, Викжеля и почтово-телеграфного союза, при условии только после перевыборов, Всероссийского совета крестьянских депутатов и тех войсковых организаций, которые не переизбирались за последние 3 месяца» [2].

15 (2) ноября во ВЦИК'е левые эсеры требовали допущения меньшевиков и эсеров в правительство. Тогда же ими была оглашена чрезвычайно интересная декларация, которая характеризует также и общую политику левых эсеров в этот период:

«Считая, что усвоенная стоящим сейчас у власти правительством большевиков тактика неизбежно приводит к расколу в среде самих трудовых масс,

---

[1] „Пролетарская Революция“ № 11 (70) 1927 г. стр. 210—211.

[2] „Пролетарская Революция“ № 11 (70) 1927 г. стр. 212—213.

считая, что установленная фактически диктатура одной политической группы с неминуемой логикой толкает на путь жестоких репрессий не только по отношению к владеющим цензовым классам, на деле по отношению к трудовым элементам,

считая, что такая политика уже усвоена и практикуется Совнаркомом и другими исполнительными органами власти, как по отношению к печати, так и по отношению к целому ряду лиц и организаций,

считая, что такая политика неминуемо ведет к гибели революции и нисколько не обеспечивает дальнейших завоеваний трудящихся масс, но ставит под смертельную угрозу уже достигнутые завоевания,

считая, что позиция, занятая большинством ЦИК, в вопросе о создании общей социалистической власти, делает образование последней невозможным и этим толкает страну в пропасть дальнейшей гражданской войны,

фракция левых эсеров находит необходимым вновь обратить внимание ЦИК на создавшееся трагическое для революции положение и ультимативно предлагает ЦИК пересмотреть вопрос о платформе соглашения всех социалистических партий. Фракция левых эсеров находит, что только немедленное об'единение всего революционного фронта сумеет оградить трудящиеся массы от хозяйственной катастрофы и грозно надвигающейся контрреволюции».

Как вели себя в этот момент правые большевики? Судя по протоколу заседания ЦК от 1 (14) ноября 1917 года, они настаивали на соглашениях с левыми эсерами, допуская представительство во ВЦИК от Петербургской думы и т. д. На заседании ВЦИК 15 (2) ноября Каменев и Зиновьев, игнорируя партийную дисциплину, выступили с заявлением о признании ответственности правительства не перед одним ВЦИК, а также перед представителями городских дум и других организаций. Они готовы были даже отказаться от большинства большевиков в составе правительства. Следует отметить, что к политике правых большевиков в тот момент присоединился и тов. Рязанов, который говорил на заседании ЦК большевиков 14 (1) ноября 1917 г.: «Если мы сегодня отказываемся от соглашения, то мы останемся без левых эсеров, безо всего, останемся перед фактом, что мы обманули массы, обещав им советское правительство». (Протокол № 31) [1].

ЦК большевиков должен был принимать меры против раскольнической деятельности своих сочленов, при чем в заседании ЦК 21 (8) ноября было решено устранить тов. Каменева от должности председателя ВЦИК. Между прочим, фракция левых эсеров в заседании ВЦИК высказала по поводу отставки Каменева свое сожаление. Вместо Каменева, как известно, был выбран председателем ВЦИК тов. Свердлов [2].

Вместе с этим ЦК партии большевиков вынес резкую резолюцию против действий правых большевиков во ВЦИК'е, в которой говорилось, что пусть оппозиция с эсерами и меньшевиками организует новую власть и «мы будем считать себя свободными по отношению к этой власти».

---

[1] „Пролетарская Революция“ № 11 (70)—1927 г.—стр. 208.

[2] „Пролетарская Революция“ № 11 (70)—Протоколы Ц. К. РСДРП (б) № 32.

В заседании ВЦИК 17 (4) ноября левые эсеры в связи с закрытием буржуазных газет и вообще нажимом большевиков на контр-революционную «демократию», огласили новую декларацию о том, что они остаются во ВЦИК, но отзывают всех своих представителей из Военно-революционного комитета, штаба и со всех ответственных постов. Левых эсеров, кроме правых большевиков, подпирали еще Викжель и другие ему подобные соглашательские организации. Правые большевики поступили еще более предательски к своей партии, выйдя тогда из состава ЦК и из правительства. В результате получился полный политический альянс между левыми эсерами и правыми большевиками. Намечавшийся блок большевиков с левыми эсерами выродился в самый гнилой компромисс, грозивший еще более гибельными последствиями, чем если бы этого блока не было. Таким образом, создавалось весьма критическое положение для ленинского большинства ЦК партии большевиков. Обострение переговоров с левыми эсерами на заседании ЦИК 17 (4) ноября по поводу закрытия буржуазных газет и уход правых большевиков из правительства и ЦК партии повели к тому, что ленинское большинство ЦК вынуждается вести самостоятельную политику без всяких блоков и занять решительную позицию, как по отношению к правым большевикам, так и по отношению к своим намечавшимся союзникам — левым эсерам.

Решительные действия В. И. Ленина в этот момент спасают положение. Левые эсеры увидели на деле, что с колеблющимися большевиками им собственно делать нечего. По существу в таком же положении оказались и правые большевики, которым выхода к политической жизни не было, так как они оказались изолированными, и волей-неволей им пришлось вернуться обратно и согласиться со всеми теми предложениями, которые были выдвинуты В. И. Лениным.

Так трагикомически закончился первый период налаживания блока большевиков с левыми эсерами.

Переходим ко второму этапу этого блока — к периоду всероссийских крестьянских с'ездов. Еще до начала с'езда левым эсерам, в первую голову, пришлось отказаться от своих протестов против недопуска во ВЦИК представителей Московской и Петроградской городских дум, этих явных очагов контрреволюции и юнкерских восстаний. Попытка со стороны правых эсеров надавить на левых и заставить их итти за собой не приводит ни к каким результатам, хотя левые эсеры в этот момент по существу еще далеко не порвали своих идейных связей с правыми эсерами, или, как говорил Ленин, правым эсерам они все еще подавали всю руку, а пролетариату протягивали только мизинец. Правые эсеры, учитывая изоляцию левых эсеров, стремятся их атаковать по линии партийного нажима, что вызывает отпор со стороны левых. Активность крестьянских масс требовала от левых эсеров определенных политических действий. Блок с большевиками, с большинством ленинского ЦК, а не с «колеблющимися», был для левых эсеров теперь еще более необходим, когда они увидели, что большевики справляются с работой и без них. Но вместе с тем этот блок был необходим и для партии большевиков и прежде всего для организационного закрепления связи пролетариата с кре-

стьянством. Если было правильно требование Ленина об исключении из партии Зиновьева и Каменева, как дезорганизаторов партийных решений в связи с их выступлением перед Октябрьским восстанием и после него, за их выступления во ВЦИК, то по отношению к левым эсерам ЦК партии большевиков все же стремится к тому, чтобы не порывать с ними окончательно.

В этой стратегии В. И. Ленина нынешняя оппозиция могла бы также найти неправильное направление «огня налево», но это было именно правильным направлением, так как этим наиболее целесообразно обеспечивалось осуществление задач пролетариата в революции на данной ступени ее развития.

С'езд советов крестьянских депутатов, созванный на 10 (23) ноября снова поставил большевиков перед необходимостью возобновления переговоров с левыми эсерами о блоке. Левые эсеры также боялись, что этот с'езд не даст им надлежащего большинства, тем более, что правые эсеры в этот момент принимали решительные меры к срыву с'езда, разослав по местам телеграммы, чтобы делегаты на него не приезжали. Накануне открытия с'езда советов крестьянских депутатов выяснилось, что вследствие интриг правых эсеров с организацией с'езда происходила сильнейшая сумятица. «Одни из делегатов, — докладывал в заседании президиума ВЦИК представитель левых эсеров Устинов, — прибывших в Питер, являются к нам, другие на Фонтанку № 6 (здесь помещался право-эсеровский исполком совета крестьянских депутатов), то приходят к нам оттуда, то уходят от нас туда. Несколько человек даже поехало в Могилев» [1].

Далее Устинов указывал, что ВЦИК необходимо особой делегацией приветствовать с'езд и доложил намечавшийся порядок дня. Уже одно это выступление Устинова в Исполкоме советов рабочих и солдатских депутатов, где большинство было в руках большевиков, указывало на то, что левые эсеры считали необходимым проводить крестьянский с'езд в контакте с большевиками. Кроме того, они побаивались, что на с'езде большевистские депутаты крестьяне и особенно представители армий будут играть значительную роль. По существу, действительно, так и случилось.

С'езд открылся по одним данным 10-го ноября, по другим 11-го [2], наименовав себя Чрезвычайным с'ездом крестьянских депутатов, при чем огромное большинство крестьянских депутатов стояло на позиции левых эсеров. Председателем с'езда была избрана М. Спиридонова. В президиум вошло 10 левых эсеров, 3 большевика, 1 максималист и 1 беспартийный. Отсюда было совершенно очевидно. что с'езд будет проходить под руководством левых эсеров. Большевики поставили себе задачу провести на этом с'езде возможно более радикальный откол левых эсеров от правых. Последние с самого же начала, по вопросу о составе президиума, внесли свой проект о создании президиума из членов старого президиума Исполкома первого созыва, пополненного представителями от фракций с'езда. Левые эсеры и боль-

---

[1] Правые эсеры настаивали на том, чтобы с'езд был не в Петербурге, а в Могилеве.

[2] Сведения о ходе, как этого с'езда, так и других крестьянских с'ездов этого периода освещаются нами по периодической печати 1917—1918 г.г.

шевики выступили единым фронтом и настаивали только на фракционном представительстве. Принятое предложение левых эсеров и большевиков вызвало со стороны правых эсеров уход со с'езда. Это выступление правых эсеров на крестьянском с'езде в момент организационного разрыва левых эсеров с правыми вызывало у левых эсеров необходимость сильнее опереться на большевиков в борьбе с правыми.

Когда последние, появившись снова на с'езде, выдвинули резолюцию о создании правительства из всех социалистических партий с правом персонального отвода отдельных представителей при условии, чтобы ни одна партия не претендовала на большинство в правительстве, левым эсерам было совершенно ясно, что им необходимо менять «вехи» и по этому вопросу пойти на некоторые уступки большевикам. Последние выступили на с'езде с решительным протестом против резолюции правых эсеров[1], защищая положение об ответственности власти перед ВЦИК и пр.

Левые эсеры, критикуя право-эсеровские предложения, выдвинули свою резолюцию о слиянии ЦИК-ов советов рабочих и солдатских депутатов и советов кр. деп., о передаче власти всем социалистическим партиям от энесов до большевиков включительно при ответственности власти перед советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Резолюция левых эсеров получила огромное большинство на с'езде, при чем большевики голосовали против нее. Самый характер резолюции левых эсеров и разыгравшийся во время ее обсуждения инцидент с отказом с'езда заслушать доклад Совнаркома (предложение фракции большевиков), характеризует взаимоотношения между левыми эсерами и большевиками в данный момент. Левые эсеры попрежнему сидели «между двумя стульями», занимая промежуточную позицию между линией большевиков и правых эсеров, при чем обнаруживали скрытую склонность найти компромисс с правыми эсерами. Что в первые дни крестьянского с'езда, получив на нем значительное большинство голосов, левые эсеры еще надеялись столковаться с правыми, видно из другого инцидента. Во время прений по вопросу о власти на с'езде еще раз появились правые эсеры во главе с В. М. Черновым. Председательствовавшая на с'езде М. Спиридонова любезно предложила дать слово «многоуважаемому Виктору Михайловичу вне очереди». Но последний на это гордо заявил, что он слова вне очереди не желает, а хочет предварительно ознакомиться с настроением с'езда и тогда он выскажет по этому вопросу свое мнение. В ответ на это товарищ председателя с'езда (тоже левый эсер) предложил выбрать В. М. Чернова почетным председателем с'езда. Хотя это предложение, после реши-

---

[1] Считаю необходимым привести эту резолюцию целиком: „Новая верховная власть должна быть под'отчетна через Учредительное собрание Народному совету, составленному в равном числе из представителей Исполкома крестьянского совета, Исполкома совета рабочих и солдат, пополненного представителями ушедших партий и фронтовых организаций и представителей земств и городов. Посты министров земледелия, продовольствия и внутренних дел должны быть замещены представителями Крестьянского совета". В той же резолюции говорилось о необходимости уничтожения террора, о введении гражданских свобод и пр. („Новая жизнь". № 180 от 14 ноября (ст. ст.) 1917).

тельного возражения большевиков, левыми эсерами потом и было снято, но все же весь инцидент весьма показателен для оценки «левизны» левых эсеров, для прочности того соглашения с большевиками, к которому якобы стремились левые эсеры. Дальнейшая работа с'езда, однако, показала им, что политика правых эсеров не встречает никакого сочувствия со стороны рядовых представителей крестьянства на с'езде и лидерам левых эсеров пришлось поворачивать несколько больше налево, чем они этого хотели в начале с'езда. К этому следует добавить, что правые эсеры заняли совершенно непримиримую позицию по отношению к своим бывшим сотоварищам по партии, подняв в своей прессе травлю крестьянского с'езда.

Право-эсеровская газета «Дело Народа» в этот момент писала: «Кто претендует на роль руководителей крестьянства? Большевики, которым оно чуждо, которые не имеют своей земельной программы и вожди которых списали для своего декрета о земле основу нашей программы. Или «левые эсеры», вчера еще мартовские эсеры, а теперь большевистские подголоски».

Право-эсеровская «Воля народа» окрестила с'езд «сходбищем Зиновьевско-Калегаевских молодцов».

Правые эсеры дошли до того, что на с'езде подали в президиум записку: «Удалите из состава президиума всех жидов. Нетерпимо, чтобы в крестьянские дела вмешивались пейсатые». «Дело Народа» в № 210 от 15-го ноября 1917 г. со смаком сообщало об этом инциденте, печатая жирными буквами: «Внеочередное заявление».

Такого рода травля с'езда со стороны правых эсеров несомненно помогала большевикам откалывать левых эсеров от правых.

Но это было нелегко. Так, например, по аграрному вопросу докладчик левый эсер Колчинский заявил, что захваты помещичьих земель являются «действиями анархического характера». Большевикам, говорил он, однако, была дорога именно такая тактика, ибо благодаря ей они думали форсировать ход революции. И эта тактика отразилась на земельной политике новой власти Совета народных комиссаров... Правительство пожелало разрешить аграрный вопрос бумажным способом, путем декретов и законов с тем, чтобы Учредительному собранию ничего не оставалось сделать. И в этом стремлении проявились плоды захватнической тактики большевиков. Но правительство понимало, что надо и практически подойти к вопросу, и впопыхах, не разобравшись, оно схватило положение о земельных комитетах, придав ему форму закона, и тем самым создало двусмысленное положение: постановление с'езда как-будто отменяет частную собственность на землю, в то время, как положение о земельных комитетах основано на обратном. В дальнейшей своей речи лево-эсеровский докладчик заявил, что бедствий от бумажного творчества Совета народных комиссаров, однако, на местах не будет, «ибо там начинается серьезный революционный подход к вопросу. Только-что закончившиеся сессии губернских, уездных земельных комитетов показали, что эти комитеты равно далеки, как от политики земельных комитетов в первые месяцы революции, так и от большевистской тактики; комитеты не покушаются на законодательное решение вопроса, предоставляя это Учредительному собранию... Итак, — резюмирует докладчик, —

творчество большевиков в земельном вопросе явилось пустоцветом и по форме, и по существу».

Выступивший после лево-эсеровского докладчика В. И. Ленин указал, что большевики не изменяли своей аграрной программы, но взяли крестьянские наказы потому, что они стремятся сблизиться с низами и осуществить социалистическую коалицию тех элементов, которые борются за социалистическую революцию. К вхождению в эту коалицию он приглашал левых эсеров, подчеркивая, что при вхождении в нее они должны перестать смотреть в прошлое и категорически отказаться от всяких попыток переговоров с соглашательскими элементами в своей партии. Касаясь вопроса об Учредительном собрании, Ленин указал, что по отношению к нему нельзя полагаться только на революционное настроение, о котором говорил эсеровский докладчик. «На настроение полагайся, но винтовки не забывай»,—говорил Ленин.

По изложению речи В. И. Ленина в «Правде» он говорил, что вопрос о земле тесно связан со всеми другими задачами революции и главной ошибкой левых эсеров является то, что они все время выступали против политики соглашения, ссылаясь на то, что массы недостаточно развиты. «Партия, — говорил В. И. Ленин, — это авангард класса и задачи ее вовсе не в том, чтобы отразить среднее состояние масс, а в том, чтобы вести массу за собой, но, чтобы вести колеблющихся надо перестать колебаться самим товарищам левым эсерам. И если соглашательство будет продолжаться, то революция погибнет. Если крестьянство поддержит рабочих, то только в этом случае можно разрешить задачи революции. Соглашательство это попытка рабочих, крестьянских и солдатских масс добиться осуществления своих нужд путем реформ, уступок со стороны капитала. Но нельзя дать народу мира и земли без свержения буржуазии, без социализма. Задача революции порвать соглашательство, а порвать соглашательство — это значит стать на путь социалистической революции» [1].

В. И. Лениным вопрос был поставлен ребром.

Левым эсерам приходилось выбирать ту или иную тактику. Настроение беспартийных крестьян, а также делегатов с мест левых эсеров было определенно за соглашение с большевиками. Сама крестьянская масса на местах уже принялась к этому времени за ликвидацию волостных земств, за организацию советов крестьянских депутатов на новых началах.

Когда левые эсеры в лице наиболее колеблющихся верхушек выступили на с'езде с докладом о соединении ЦИК'а крестьянских депутатов с ВЦИК'ом советов рабочих и солдатских депутатов, то самое слово «соединение» вызвало на с'езде бурю аплодисментов. Необходимо добавить, что этому выступлению предшествовали переговоры между президиумом Временного исполкома крестьянского с'езда [2] и президиумом ЦИК'а совета ра-

[1] „Правда“ № 196, 28/15 ноября 1917 г.

[2] Временный исполнительный комитет крестьянского с'езда был избран на фракционном заседании в количестве 108 человек. Пленумом с'езда исполнительный комитет был утвержден в заседании 28 (15) ноября и тогда же был принят наказ делегатам с'езда, входящим в об'единенный ВЦИК.

бочих и солдатских депутатов, при чем было постановлено, что слияние должно произойти на паритетных началах. Это соглашение было апробировано ЦК большевиков и ЦК левых эсеров и об'единенными с.-д. интернационалистами. К ним присоединился Викжель и почтово-телеграфный союз. С 28 (15) же ноября между большевиками и левыми эсерами начались переговоры относительно конструкции власти.

Этот момент должен считаться одним из решающих в создании блока между большевиками и левыми эсерами. Дальнейшие факты, связанные с блоком, как выступление на с'езде делегатов из Смольного и представителей Красной гвардии, торжественное шествие делегатов в Смольный с красными знаменами исполнительного комитета крестьянских депутатов, районных советов Петербурга, Путиловского завода и др., заседание в самом Смольном и принятие известной резолюции, которой подтверждались законы о мире и земле, принятые II всероссийским с'ездом советов рабочих и солдатских депутатов, а равно и закон о рабочем контроле—все это были лишь отдельные отражения того поворота политики левых эсеров, который был достигнут твердой линией ЦК большевиков, его правильной тактикой по отношению к своим «раскольникам», правильной оценкой положения и сил своих союзников — левых эсеров.

Но уже на второй день, после этих торжеств, которые сами эсеры окрестили великим праздником трудящихся масс, после всех их клятвенных обещаний и заявлений об отдаче всех своих сил делу социализма, снова вскрылись те противоречия, которые таились в самой природе левых эсеров, как мелких буржуа, — между ними и большевиками. 29(16) ноября на с'езде продолжались дебаты по аграрному вопросу и снова левые эсеры старались дискредитировать доклад В. И. Ленина, которому опять пришлось повторять о том, что левым эсерам необходимо явно и недвусмысленно заявить, что они стоят за социалистическую революцию. «Нам говорят, что мы против социализации земли, — замечал Ленин, — и что поэтому мы не сумеем договориться с левыми эсерами. Мы отвечаем на это, — продолжал он, — да, мы против эсеровской социализации земли; но это не мешает нам быть в честном союзе с левыми эсерами. Сегодня или завтра левые эсеры выдвигают своего министра земледелия, и, если он проведет закон о социализации, мы не будем голосовать против. Мы воздержимся».

По поводу принятой с'ездом резолюции по аграрному вопросу большевикам пришлось пойти на некоторые уступки левым эсерам, так как при внесении поправок вновь обнаружились довольно острые разногласия между большевиками и левыми эсерами, но еще большего обострения эти разногласия достигли в связи с вопросом о конструкции центральной власти. Левые эсеры требовали кроме паритетного соотношения между рабочим представительством и представительством крестьян во ВЦИК'е еще и ответственности народных комиссаров перед ВЦИК'ом, которая должна была сводиться, по их предложению, к следующему: «Все акты и распоряжения административного характера проводятся через Совет народных комиссаров; распоряжения общеполитического, общегосударственного характера предлагаются предварительно Центральному исполнительному комитету; такой же поря-

док для заготовки и декретов; запросы Сов. нар. ком. делаются за подписями 15 членов ВЦИК и, кроме того, еженедельно Сов. нар. ком. должен давать отчет о своей деятельности» [1].

Кроме того, левые эсеры торговались за количество мест в органах правительства и за структуру правительственных коллегий. В заседании фракции левых эсеров 19/XI 1917 г. было предложено в основу организации коллегий отдельных комиссариатов положить следующие правила: «В состав коллегий входят представители партий и советов служащих данного ведомства, председателем коллегии является комиссар, товарища-председателя и секретаря коллегия избирает из своего состава. Все члены коллегии в правах и обязанностях равны между собой и с комиссаром данной коллегии. Все решения, исходящие от имени коллегии и комиссара, требуют предварительной санкции коллегии. В распорядке занятий и в распределении работы между членами коллегия вполне самостоятельна. Коллегия сама ведает приемом и исключением членов».

Из этих фактов можно видеть, что левые эсеры решительным образом домогались усиления своего влияния на Совет народных комиссаров, договариваясь в своих предложениях до такого «демократизма», который мог бы только мешать работе органов власти. Большевикам приходилось тратить очень много времени на уговоры левых эсеров и на сговор с ними по целому ряду вопросов об организации и функциях власти.

На первом лево-эсеровском с'езде, как уже отмечалось выше, вновь ставится вопрос об отношении к большевикам и к Совету народных комиссаров. Здесь опять левые эсеры заговорили о свободах слова, печати и пр., о возврате от диктатуры к демократии и т. д. Было совершенно ясно, что левые эсеры никак не могут переварить идею диктатуры пролетариата и перед большевиками снова и снова ставилась задача убеждать, уговаривать, а подчас и принуждать своих союзников делать то, чего требовали интересы революции в этот острый переходный момент, когда буржуазия и соглашатели пользовались каждой щелью для срыва завоеваний пролетариата.

Так, между прочим, правые эсеры в связи с созывавшимся II Всероссийским крестьянским с'ездом, в начале декабря (в конце ноября) 1917 г., настаивали на допущении Исполнительного комитета первого созыва в комиссию, созданную чрезвычайным лево-эсеровским с'ездом, которая подготовляла II крестьянский с'езд. Большевики решительно возражали против этих притязаний правых эсеров; левые же эсеры, заявляли устами Калегаева, что «правда на стороне левой части революционного крестьянства. С другой стороны, — говорил Калегаев, — нельзя их (т.-е. правых эсеров, *А. Ш.)*, лишить права высказаться, так как этим мы нарушим элементарные права свободы слова» [2]. Эта «ослиная» тяга к «демократии» не мало попортила крови и нервов большевикам, которые волею обстоятельств должны были вести с левыми эсерами такие разговоры. Между прочим, в исполкоме,

---

[1] „Деревенская беднота“ № 33, 19 ноября 1917 г.
[2] „Новая жизнь“ № 183, 17 ноября 1917 г.

избранном чрезвычайным крестьянским с'ездом, 86 голосами против 42, этот вопрос был решен так, как этого хотели левые эсеры, с поправкой о том, что в мандатную комиссию и в организационное бюро II с'езда имеют право входить только те из членов старого право-эсеровского исполкома, которые получили мандат на чрезвычайный с'езд и которые признают последний.

Таким образом, колебания левых эсеров и после об'единения ЦИК'ов «перманентно» продолжались.

На II с'езде советов крестьянских депутатов правые эсеры. имея за собой почти половину числа депутатов, вновь пошли в атаку. При открытии этого с'езда 9-го декабря—(27 ноября)—правые эсеры потребовали, чтобы с'езд открыл представитель старого исполкома — правый эсер. Большевики предлагали отрыть с'езд одному из членов президиума чрезвычайного с'езда. Левые эсеры внесли компромиссное предложение предоставить открытие с'езда старейшему из членов П. С.-Р.—Натансону. Фактически с'езд открыла М. Спиридонова, передав председательствование левому эсеру Устинову. Правые эсеры устроили ему обструкцию, требуя, чтобы председателем с'езда был избран В. М. Чернов. Происходит голосование, при чем Чернов получает 233 голоса, а М. Спиридонова—246, (это большинство голосов она получает лишь при поддержке большевиков). Казалось бы это до известной степени должно было явиться уроком для левых эсеров. Но «гони природу в дверь, она влетит в окно». Так и с левыми эсерами. Не успела М. Спиридонова усесться на председательском кресле, как выступает с большой речью В. М. Чернов, заявляя, что «Ничья дерзновенная рука не может подняться против Учредительного собрания». С'езд шумно манифестирует в честь Учредительного собрания, раздаются крики — «Да здравствует Учредительное собрание! «Ура!». В манифестации принимают участие и левые эсеры. «Только большевики остаются сидеть молча на своих местах», — рассказывает корреспондент «Новой Жизни».

Ясно, что для левых эсеров советская власть не являлась высшей формой государственной власти, и что все их демократические «иллюзии» толкали их больше к правым эсерам, чем к большевикам.

В докладе о деятельности Исполнительного комитета правого созыва все острие критики докладчика правого эсера Мартюшина было направлено против большевиков, которые, и только они одни, якобы помешали этому исполкому правильно разрешить вопрос о власти, о земле, войне и мире и т. д. В критике деятельности право-эсеровского исполкома левые эсеры держали единый фронт с большевиками, но когда 13 (1) декабря фракция правых эсеров выступила с внеочередным заявлением по поводу ареста кадетов, членов Учредительного собрания, с выражением порицания деятельности Совета народных комиссаров, за эту резолюцию голосовала и часть левых эсеров. Между прочим, из 780 делегатов в этот момент на II с'езде было правых эсеров—370, большевиков—91, остальные левые эсеры. Резолюция усилиями большевиков была все же сорвана.

После инцидента с докладом Троцкого по вопросу о мирных переговорах, которому правые эсеры устроили обструкцию, они, обозленные провалом своей резолюции, заявили об уходе со с'езда.

С этого момента левые эсеры начинают вести бесконечно канительные переговоры с ушедшими правыми эсерами о совместной работе на с'езде, заявляя, что они «против раскола крестьянства» и т. п. «благоглупости».

Правые эсеры стали заседать отдельно от левой части с'езда, на Фонтанке 6, куда М. Спиридонова направляла делегацию за делегацией с предложением вернуться и работать совместно. В. М. Чернов посылает левым ультиматум принять резолюцию об арестах кадетов, избрать президиум по областям и пр. Под влиянием большевиков левые эсеры от принятия этого ультиматума все же отказываются.

Заседавшие отдельно от правых левые эсеры решают избрать новый исполком, которому поручается совместно с ЦИК'ом совета рабочих и солдатских депутатов «провести в жизнь требования трудового крестьянства о земле, мире и воле». Но, когда подошли к вопросу о конструкции нового исполкома, левые эсеры, исходя из принципов «демократии» и «союза» всего крестьянства опять направили делегацию к отколовшейся правой части с'езда с предложением принять участие в выборах этого исполкома. Делегация от правой части с'езда вновь пред'явила свой ультиматум, в ответ на который левые приняли следующую резолюцию: «Заслушав делегатов от отколовшейся части с'езда, с'езд горячо приветствует желание отколовшейся части соединиться воедино, ибо раз'деление трудового крестьянства гибельно и преступно перед родиной и революцией. Вместе с тем, с'езд считает недопустимым пред'явление каких бы то ни было требований одной части с'езда другой. Выслушав же искренние речи делегатов, с'езд надеется, что единения возможно достигнуть при условии совместной работы и еще раз перед лицом всей страны призывает ушедших товарищей к дружной совместной работе».

В ответ на эту резолюцию, делегат отколовшейся правой части с'езда —правый эсер Русин заявил, что «общий язык не найден» и что поэтому они будут продолжать «работать отдельно». Такого рода тон правых эсеров об'яснялся их надеждами с одной стороны на Учредительное собрание, где они имели большинство, а с другой они рассчитывали при помощи контрреволюционного комитета спасения родины и революции не только в центре, но и на местах нанести решительный удар советской власти. Начавшееся контрреволюционное восстание генералов на Дону, осложнения с Центральной радой на Украине, голод в городах и среди крестьянства потребляющей полосы, части центра и даже некоторых губерний юга — все это казалось для правых эсеров благоприятными симптомами для их контрреволюционных затей. Ломка государственного аппарата, сопровождавшаяся саботажем чиновников, роспуск городских и земских самоуправлений и, замена их советами,—все это питало контр-революционную деятельность правых эсеров и создавало чрезвычайные затруднения для советской власти. С агитацией правых эсеров среди крестьянства в этот момент также приходилось серьезно считаться. В воззваниях правых эсеров, посылавшихся в деревню в миллионах экземпл., правые эсеры разводили демагогию относительно того, что «власть Советов народных комиссаров раз'единила Россию на части», «что эта власть питает и вызывает гражданскую войну» и т. д. Вместе с этим, в тех же воззваниях они стремились дискредитировать Исполнительный ко-

митет совета крестьянских депутатов, выбранный левой частью второго с'езда и входивший в состав общего Исполнительного комитета сов. раб., крест. и солд. депутатов, — заявляя, что крестьянские представители не могут проявить в Смольном, где царствуют большевики «своей воли, так как голос их заглушается и предложения осмеиваются»[1].

Такого рода политика черновцев явно контр-революционного характера заставляла левых эсеров сближаться с большевиками и отсюда мы видим, что в конце заседания второго всероссийского с'езда советов крестьянских депутатов левые эсеры, сравнительно без большого колебания под давлением большевиков, приняли ряд разолюций, в которых выявилось их решительное приближение к тактической линии большевиков.

Затем на второй день после закрытия левой части с'езда, левые эсеры заключили окончательное соглашение с большевиками по вопросу о вхождении в состав Совнаркома. От левых эсеров входили: Калегаев, — комиссар земледелия, Штейнберг — комиссар юстиции, Трутовский — самоуправления, Измайлович — комиссар управления дворцами, Алгасов — комиссар республики, и два других без портфелей[2].

Этот факт имел огромное значение для блока левых эсеров с большевиками. И несомненно, что здесь большевики явились победителями, так как большинство в Совете народных комиссаров принадлежало им, а левые эсеры оставались в нем в значительном меньшинстве. Политика В. И. Ленина относительно отрыва левых эсеров от своей пуповины — правых эсеров была таким образом осуществлена и между ними и левыми эсерами был вбит достаточно крепкий политический клин. Для большевиков облегчалась также задача преодоления контр-революции во всех тех проявлениях, о которых говорилось выше. Вхождение левых эсеров в политический блок с большевиками несомненно знаменовало поворот значительной части мелкой буржуазии в сторону советской власти и тем самым определилась их политика помощи советской власти в трудном деле постройки государственного аппарата и перестройки общественных отношений на новых началах. Вхождение левых эсеров в Совет народных комиссаров значительно облегчало задачу борьбы с саботажем чиновников и с контр-революционными происками правых эсеров. Сам по себе блок с левыми эсерами явился также противовесом той контрреволюционной борьбе, которую развертывали правые эсеры среди крестьянства, опираясь на свой новый исполком, избранный заседавшей отдельно правой частью II всероссийского с'езда крестьянских депутатов.

Необходимо заметить, что в конце декабря 1917 г. — начале января 1918 г. — блок с левыми эсерами достиг значительной прочности, что несомненно ярко обнаружилось уже на январских с'ездах: на III с'езде советов рабочих и солдатских депутатов и на III с'езде советов крестьянских депутатов, которые созывались отдельно. Кроме того, последующие события показали, что правые эсеры, стремясь использовать в своих целях Учредительное собрание, не учли того обстоятельства, что левые эсеры вместе с

[1] „Бюллетень Всеросс. Союза Защиты интересов Учредительного Собрания“ № 9, от 30 декабря 1917 г.

[2] „Правда“ от 25 декабря 1917 г.

большевиками окажут решительный протест их попыткам ниспровергнуть советскую власть и повернуть колесо истории при помощи Учредительного собрания по право-эсеровскому руслу.

В связи с предполагаемым роспуском Учредительного собрания правые эсеры пытались еще раз апеллировать к крестьянским массам, обратившись к ним за поддержкой против блока левых эсеров с большевиками, что видно из одного воззвания, выпущенного ими в начале января 1918 г. (н. с.) В нем правые эсеры обращались к крестьянам с предложением о посылке делегатов на новый всероссийский с'езд советов крестьянских депутатов на 21 (8) января 1918 г. «Товарищи-крестьяне, — говорилось в этом воззвании,—18(5) января большевики постановили открыть Учредительное собрание, а на 21(8) января 1918 г. ими созывается третий с'езд советов рабочих и солдатских депутатов. Крестьянский с'езд созывается ими на 28(15) января. Большевики сознательно отодвигают крестьянство на задний план. Готовится покушение на Учредительное собрание. В этот исторический момент крестьянство не может оставаться в стороне. Временный исполнительный комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов, стоящий на защите Учредительного собрания, постановил созвать Всероссийский с'езд советов крестьянских депутатов также на 21(8) января... Все на защиту Учредительного собрания не только словом, но и делом» [1].

Правыми эсерами были разосланы, кроме того, свои агенты на места для «подготовки крестьян к с'езду. Вместе с тем право-эсеровский исполком разослал всем кооперативным организациям, земельным и продовольственным комитетам и органам самоуправления всех губерний следующее обращение: «Дайте все, что можете для того, чтобы на созываемый 15 января крестьянский с'езд прошли депутаты уезда, стоящие за власть Учредительного собрания. Настоятельно просим вашей денежной помощи, как для проведения III с'езда в Петрограде, так и для работы на местах. Ставится последняя ставка. Ваша помощь — ваш долг» [2].

Из этих данных видно, прежде всего, что большевики и левые эсеры, готовясь к борьбе с правыми эсерами из-за Учредительного собрания [3], для этой цели наметили созыв в январе соответствующих с'ездов. Правые эсеры, действительно, ставили последнюю ставку, чтобы спасти свое положение и, предвидя роспуск Учредительного собрания, пытались созвать новый крестьянский с'езд на 21 (8) января 1918 г., который вместе с тем должен был, по мысли правых эсеров, сорвать созываемый большевиками и левыми эсерами III крестьянский с'езд. Судя по последнему документу, дела правых

---

[1] „Бюллетень Всероссийского Союза Защиты Учредительного Собрания № 7, от 28 декабря (ст. ст.) 1917 г.

[2] В. Владимирова — „Год службы „социалистов" капиталистам", стр. 114. ГИЗ. 1927 г.

[3] Между прочим, в связи с роспуском Учредительного собрания левые эсеры не обошлись без того, чтобы „не колебнуться". Так, когда большевики покинули это контр-революционное собрание, левые эсеры остались в нем и пробыли там еще час, пока не было отвергнуто предложение советской власти. Свое поведение они об'яснили тем, что такая тактика будет понятнее массам, чем решительная тактика большевиков. („Правда" № 46, 20 (7) апреля 1918 г.).

эсеров были далеко не важны и им приходилось опираться в своих попытках удержать свои позиции на кулацкую кооперацию и органы самоуправления в городах и земствах, где они могли рассчитывать на содействие разных групп буржуазии.

Дальнейший ход событий показал, что эта последняя «ставка» правых эсеров провалилась с треском. На созываемый ими с'езд крестьянских депутатов к назначенному сроку с'ехалось до 200—300 делегатов, тогда как на III с'езд—тех же крестьянских депутатов, созываемый левыми эсерами и большевиками, с'ехалось вдвое больше.

Черновский с'езд по постановлению органов советской власти был «распущен» и без особых инцидентов часть делегатов раз'ехалась по домам, а часть присоединилась к III с'езду. За время между вторым и третьим с'ездами левые эсеры и большевики проделали большую работу по агитации среди крестьянства на местах, при чем целый ряд губернских советов крестьянских депутатов, ранее стоявших на позициях правых эсеров, в этот период времени высказался за резолюции II-го лево-эсеровского с'езда крестьянских депутатов.

На 3-м крестьянском с'езде, открывшемся 26(13) января 1918 г. в Смольном, по справке из «Правды» было до 500 делегатов, при чем из них было около 200 большевиков, столько же левых эсеров, 30 максималистов, два-три правых эсера и остальные беспартийные. От имени Совета народных комиссаров этот III крестьянский с'езд приветствовал Карелин, затем выступила от имени с'езда советов М. Спиридонова, которая в своей речи подчеркнула огромное значение с'езда, происходящего в момент с'езда советов рабочих и солдатских депутатов, к совместной работе с которыми она и призывала настоящий с'езд. Далее с'езд приветствовал от имени об'единенного ВЦИК т. Свердлов, предложивший для более благотворной работы слиться крестьянскому с'езду с происходящим Всеросс. с'ездом советов. Это слияние произошло в соединенном заседании в тот же день вечером в Таврическом дворце. М. Спиридонова при бурной, долго не стихавшей овации переполненного зала, произнесла речь, в которой подчеркнула огромное значение об'единенного с'езда советов раб., солд. и крестьянских депутатов, который, по ее словам, является «подлинным трудовым Учредительным собранием, которому должны принадлежать во всей полноте все исполнительные и законодательные функции, все решения которого должны почитаться для всех одинаково обязательным и незыблемым законом». Но вместе с тем, М. Спиридонова ставила условие: «На с'езде крестьянских депутатов, — говорила она, который пришел сюда, чтобы слиться для совместной братской работы с советами рабочих и солдатских депутатов имеется одно условие, одно требование, одна просьба к вам, чтобы данный с'езд советов, с'езд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, не вышел из этого зала, не расходился бы отсюда, пока не вынесет закона о социализации земли». Это требование М. Спиридоновой было одним из тех гвоздей, которые в качестве наследия от их прошлого прочно сидели в мозгах левых эсеров и от которых они ни при каких условиях не хотели отказаться. Выше мы уже приводили заявление Ленина о том, что большевики высказались принципиально

против социализации замли, но что из-за этого они не будут ссориться с крестьянством если оно на этой социализации будет настаивать. И, казалось бы, поднимать этот вопрос в такой торжественный момент было совершенно неуместно, но левые эсеры не были бы таковыми, если бы они этого выступления не сделали. Несомненно, что левые эсеры в этом вопросе отражали не только свои традиционные взгляды на социализацию, но находились под влиянием требований крестьянства произвести «черный передел» не только помещичьей, но и своей крестьянской земли, пользоваться землей на «уравнительных» началах.

Но левые эсеры несколько лицемерили, заявляя III с'езду советов, что у них только одно требование—социализация. Из документов с'езда видно, что они требовали также предоставления всем делегатам III крестьянского с'езда на общем с'езде советов решающего голоса. Большевики возражали против этого, считая, что в случае предоставления им этого права на с'езде получится сильное преобладание крестьянской части над рабочими и солдатами. Далее левые эсеры требовали образования специального крестьянского исполкома. Фракция большевиков предложила им компромисс—при общем ВЦИК'е из рабочих, солдатских и крестьянских депутатов образовать специальную крестьянскую секцию с особо широкими полномочиями. Левые эсеры в результате длительных переговоров согласились на это предложение, при чем при обсуждении этого вопроса они выдвинули свою затасканную философию о том, что крестьяне такая же революционная сила в социалистической революции, как и пролетариат: «Недалекое будущее покажет,— писали они в своем органе, — что место крестьянства именно в авангарде революции, рядом с организованным пролетариатом» [1].

Отсюда левые эсеры делали вывод о необходимости предоставления такого же решающего влияния им в революции, как и представителям рабочего класса—большевикам. Но затаенная мысль у левых эсеров шла далее этих требований — «равенства» — «паритета». Они были принципиальными противниками диктатуры пролетариата и, являясь представителями мелкой буржуазии, стремились подчинить пролетариат своему руководству. Отсюда-то и вытекала вся их фронда по вопросу об организации государственного аппарата и всегдашнее подчеркивание социализации земли и, наконец, требование самостоятельной организации центрального крестьянского исполкома и т. д.

В январский период блока между левыми эсерами и большевиками было еще несколько выступлений левых эсеров, в которых они подчеркивали свое расхождение с большевиками. Так, например, на с'езде земельных комитетов, который начался 27(14) января 1918 г. и на котором было около 200 эсеров центра, до 70 левых эсеров и до 200 остальных, принадлежащих к правым эсерам, народным социалистам и беспартийным, выступавший с приветствием с'езду комиссар земледелия, левый эсер Калегаев, заявил: «Октябрьская революция покончила с царством помещиков, наступает крестьянское царство!» Что такая расценка Октябрьской революции не была

[1] „Голос трудового крестьянства“ № 44 от 16 января 1918 г.

обмолвкой, что левые эсеры стремились при каждом удобном и неудобном случае выдвигать свое требование социализации земли и т. п., видно из заявления другого их лидера М. Спиридоновой, которая в заседании 18 января 1918 г. на том же с'езде земельных комитетов говорила, что «верхи большевиков препятствуют проведению закона социализации земли». В силу этого соображения она призывала с'езд земельных комитетов, состоявший, как мы видели, в значительной части из правых эсеров «слиться с III крестьянским с'ездом», подчеркивая, что при таких условиях «всякие препоны большевиков не будут иметь никакого значения»[1].

Из всех этих выступлений левых эсеров можно видеть, что, несмотря на блок с большевиками, среди них царило недоверие к словам В. И. Ленина о том, что большевики не будут препятствовать проведению социализации земли, явно сквозило недовольство диктатурой пролетариата, всей той политикой партии большевиков, которая эту диктатуру укрепляла и которой они сами содействовали. По этим же фактам можно судить о прочности блока левых эсеров с большевиками, который должен быть признан в силу этого обстоятельства только временным соглашением, заключенным для определенных целей, для определенных задач.

Что это было именно так, показали дальнейшие события, когда по поводу Брестского мира возникли новые разногласия между большевиками и левыми эсерами, которые еще более осложнились вследствие того, что левые эсеры вновь устремились к блоку с «колеблющимися»,—с так называемыми—«левыми коммунистами», которые ушли из Совнаркома и ЦК большевиков, а за ними «снялись» и левые эсеры, снова оставшись только во ВЦИК. Но этот и последующий период, кончившийся лево-эсеровским мятежем в июле 1918 г., должен быть предметом специального исследования.

Итак, подводя итог политике большевиков в связи с блоком с левыми эсерами в первые месяцы после Октябрьского восстания, можно с уверенностью сказать, что использование их большевиками все же было полезным в борьбе с нараставшей тогда контр-революцией, помогло пролетариату организационно связаться с крестьянством. Левые эсеры в качестве мелко-буржуазной политической партии, совершенно неслучайно сбивались с пролетарской линии революции, пытались использовать колебания среди самих большевиков, угрожая изменой блоку и союзом с правыми эсерами. В этом явлении была своя политическая линия, стремление дезорганизовать диктатуру пролетариата и использовать все возможности для укрепления в революции своего мелко-буржуазного руководства.

Но большевикам, в конце-концов, все же удалось удержать это руководство всецело за собой, «сбои» эсеров соответственно выпрямить и таким образом использовать их в том направлении, какое было необходимо в интересах развертывающейся социалистической революции. Этому обстоятельству в значительной мере помогал напор масс города и низов деревни, которые творили пролетарскую революцию под руководством партии больше-

[1] „Новая жизнь" № 13 19 февраля 1918 г.

виков. Это движение масс было той силой, которая давала опору большевикам в их борьбе с контр-революцией, в строительстве хозяйства и государственной власти в интересах трудовых масс, а по отношению к блоку с левыми эсерами оно в значительной степени усиливало позицию большевиков и давало им возможность преодолевать все те «каверзы», все те «уклоны», которые имели место не только среди левых эсеров, но и у части большевиков, при чем «уклоны» последних только тормозили, только препятствовали лучшему использованию в интересах революции непролетарских элементов населения в лице партии левых эсеров.

С. Г. Томсинский

О характере пугачевщины

В № 13 «Вестника Коммунистической Академии» за 1926 г. напечатана статья тов. Меерсона «Ранняя буржуазная революция» (пугачевщина). Автор этой статьи приходит к следующим выводам: 1) «Пугачевщина была ранней буржуазной революцией. Она была политическим выражением конфликта между двумя историческими типами первоначального капиталистического накопления — монополистической и свободной от монополии торгово-капиталистическими тенденциями эксплоатации непосредственных производителей. 2) Поражение пугачевщины вытекало из разнородности двух типов крестьянского торгово-капиталистического накопления в России третьей четверти XVIII века—метропольного и колониального. 3) Разгадка экономической отсталости России, ее отставания от стран Западной Европы кроется в поражении американского типа развития капитала в царских колониях».

Методологические замечания

Хотя автор написал обширное методологическое введение, однако, он не потрудился выяснить существенный вопрос: почему он пугачевщину считает революцией (ранней), а не восстанием?

Маркс дал определение, когда начинается революция. Напомним его. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, т.-е., употребляя юридическое выражение, с имущественным отношением, внутри которого они до сих пор действовали. Из форм развития производственных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции».

Можно ли доказать на основе конкретного исторического материала, что дальнейшее развитие России в XVIII веке было уже невозможно в условиях крепостного хозяйства? Можно ли притти к заключению, что к 1773 г. перед Россией стояли две возможности: упадок, топтание на одном месте или революция?

Пугачевщина не оказала серьезного влияния на дальнейшее экономическое развитие метрополии. После поражения «революции» экономический рост России продолжался. Если без революции дальнейшее развитие России было невозможно, то почему после разгрома пугачевщины не начался упадок страны? После пугачевщины до крестьянской реформы прошло 88 лет. За

это время с постепенной последовательностью развивались те же экономические процессы, которые начались задолго до пугачевщины.

Может быть, под влиянием ударов восставших господствующие классы перестроились и перешли к другой экономической политике? Крутых переломов не произошло.

Обратимся к некоторым аналогиям.

Буржуазно-демократическая революция 1905 года закончилась неудачей. Все же она имела огромные последствия; она расшатала государственный аппарат, нанесла ему незалечимую рану, заставила царизм пойти на чистку крепостнических остатков, на усиление буржуазных элементов в экономической политике и т. д. Этого не случилось после неудавшейся пугачевщины: дворянство, получив солидное «вспомоществование», скоро забыло «злодея».

Крестьянская война XVI века в Германии была подавлена, но она успела устроить такое кровопускание, от которого церковь никогда не могла оправиться. Этого не было в России.

Диалектический процесс действует не только в одном направлении. Надо было показать, как под влиянием новых процессов трансформировалось не только крестьянское, но и помещичье хозяйство. Между тем у т. Меерсона совершенно не видно, как разлагалось дворянство и как трансформировался правительственный аппарат. Создание «екатерининских губерний» свидетельствует об усилении правительственного аппарата и централизации.

Накануне 1905 г. происходило не только разложение крестьянства, но и разложение дворянства и правительственного аппарата. Накануне февральской революции не только экономика выползла из под ног дворянства и буржуазии, но государственный аппарат был окончательно парализован.

Было ли это в какой-либо степени накануне и после пугачевщины? Несмотря на все свои слабые стороны, государственный аппарат был еще достаточно силен, чтобы долго держать в своих руках страну.

Автор, как мы увидим, очутился в плену у тех «отечественных описателей», которые «угорели» от обильного крестьянского торга, ярмарок и т. д. Из архивов можно извлечь не мало таких цифр, но задача исследователя состоит в том, чтобы показать, когда и где к о л и ч е с т в о п е р е х о д и т в к а ч е с т в о, когда начинается точка кипения классовых сил и почему именно на данной стадии развития начинается это кипение. Революция 1848 г. связывается у Маркса с кризисом и недородом 1847 года. Промышленный кризис, японская война, крестьянские волнения — показатели революции 1905 г. Война, неразрешенная аграрная проблема, рабочий вопрос — исходные пункты революции 1917 года и т. д.

Совершенно правильно замечает Ленин в «Детской болезни левизны», что революция невозможна без обще-национального (затрагивающего эксплоатируемых и эксплоататоров) кризиса. Пугачевщина происходила в обстановке высокой хозяйственной кон'юнктуры. В стране не было никаких признаков какого бы то ни было н а ц и о н а л ь н о г о к р и з и с а. Правда, т. Меерсон пугачевщину считает «ранней буржуазной революцией», но из

его работы не видно, почему революция была ранней, и какой мерой определяется степень зрелости той или иной революции.

Каждая революция начинается с восстания, но не каждое восстание перерастает в революцию.

Локальный кризис вызывает только восстание; такими местными кризисами были вызваны: лионское восстание, беспрерывные бунты горнозаводских рабочих, восстания 1774—1775 года во Франции против новых налогов и таксирования хлеба, восстание в 1767 г. в Неаполе из-за налогов и т. д.

Анализируя переворот в Англии, Энгельс считает, что шестнадцатый и семнадцатый век вызвали к жизни все предпосылки социальной революции, водворили социальный, политический и религиозный протестантизм, создали колонии, морскую силу и торговлю Англии и поставили рядом с аристрократией растущий, уже довольно могущественный средний класс.

В России к моменту пугачевщины еще не было такого «среднего» класса (буржуазии), готового бороться за завоевание политической власти, за преобразование в своих интересах общественных отношений.

Германия XVI века стояла не на низшей ступени развития, чем Россия XVIII века. Упадок Германии начинается только после крестьянской войны. В эпоху реформации в Германии была свободна значительная часть крестьянства. На Саксонских горных рудниках применяли свободный труд[1]. Города же, как торговые центры, играли гораздо большую роль, чем в России. Русское предприимчивое раскольничье купечество спасалось в скитах, а германская торговая буржуазия XVI века возглавляла революционное движение эпохи реформации. Крестьянские войны в Германии напоминают пугачевщину. Хотя они были идеологически богаче и ярче пугачевщины, хотя Мюнцер дал содержательную и определенную политическую программу, которой у Пугачева не было, все же Энгельс причисляет эти восстания к войнам, а не к революциям.

Буржуазная революция предполагает предварительное экономическое врастание буржуазных отношений в феодализм. В России XVIII века были только едва заметные зернышки буржуазных отношений, которые стали давать ростки только в эпоху наполеоновских войн.

Цитатами обычно можно многое доказать, но все же никаким набором цитат из пугачевских манифестов нельзя доказать, что повстанцы имели осознанную политическую программу. Истребление помещичьих усадеб, — фактор не только экономический, но и политический. Но от поли-

[1] Горное дело в Германии в XVI в. стояло гораздо выше, чем в России в XVIII веке. „Лошадиная работа чернорабочего облегчалась техникой. Художники создали маховые колеса, меха с воротами, штанги для маховиков при воротах, круговые шкивы и колеса с верстенами, зубчатыми колесами, гнездовиками, передаточными колесами и колодками... Простая и благоустроенная штольня, снабженная каналами и сооружениями для нечистот, представляет, несомненно, прекраснейший образец искусства в горном деле, ибо здесь удаляются вода и дурной воздух и доставляется хороший воздух и достигается легкое поднимание посредством тележек. (Из книги «Сарепта» пастора Матезиуса). Ничего подобного не было на Урале.

тического действия до осмысленной политической программы также далеко, как от Пугачева, вождя «ранней революции», до Робеспьера, вождя революции, которая совершилась немного позже.

Возможно ли положение, допускающее, что в колонии уже назрела революция («пугачевщина была колониальной крестьянской революцией»), а в метрополии еще не было никаких предпосылок для революции («революционной крестьянской армии были заказаны пути за черту колоний», стр. 106)? Если колония играет огромную экономическую роль в жизни метрополии,(а по т. Меерсону так и выходит), то революционизирующая экономика первой не может не потрясти метрополию. Общенациональный кризис 1905 г. вызвал восстания в колониях (Туркестане, Кавказе, Польше, Финляндии). Общенациональный кризис Британской империи вызвал потрясения в колониях (Индии, Китае и т. д.). Кризис колоний, со своей стороны, влияет на метрополию. Все национальные революции происходили в обстановке европейского кризиса. Крупные колониальные революции (турецкая в 1908 г., китайская в 1911 г.) происходили в обстановке глубокого кризиса империализма («1905 г.», балканские войны и т. д.). Это верно не только для XX, но и для XVIII века. Французская революция потрясла всю Европу и вызвала ряд национальных революций. В 1773 — 1775 г.г. не было никакого мирового кризиса. Колониальная «революция» не вызвала никакого кризиса в метрополии. В таком случае мы должны притти к выводу: либо колония не играла никакой роли в жизни метрополии, либо не произошло никакой революции.

Об «открытии» т. Меерсона. Он считает необходимым ввести в научный обиход новый термин «монополистический торговый капитал». Монополистический характер торгового капитала был обстоятельно вскрыт Марксом в первом томе «Капитала». Эпоха торгового капитала характеризуется тем, что основными рычагами могущества господствующих классов являются внеэкономическое принуждение, монополии, привилегии, регламентации и пр. В э п о х у торгового капитала немонополистического торгового капитала н е бывает: в то время, когда торговый капитал лишается монополий, бьет час его общественной формации. Эпоха промышленного капитала, провозглашающая свободу буржуазных отношений, возвещает эру новых производственных отношений, и купеческий капитал перестает быть функцией капитала par excellence.

Наконец, надо указать на следующую «мелочь». Считая пугачевщину колониальной революцией, автор совершенно ничего не говорит об инонационалах. Анализ общественной формации Татаро-Башкирии остается вне поля его зрения.

I

Классовые взаимоотношения в метрополии

На первый взгляд XVIII век, век революции, прошел для России без перемен. Между тем, под влиянием событий в Западной Европе, народное хозяйство России претерпело значительные изменения: крепостное хозяйство, наступавшее с центра, покрыло всю Европейскую Россию.

Закрепощение со второй половины XVIII века происходит на фоне высоких хлебных цен. Оно было связано со значительным расширением барской запашки, с.-х. предпринимательства, ростом винокуренных заводов, помещичьих откупов, подрядов, кредитных и ростовщических операций.

В XVIII веке Россия играла крупную роль в мировом хозяйстве не только экспортом сельскохозяйственных продуктов. Фабрикаты и полуфабрикаты (из пеньки, льна, железа) в середине XVIII века занимали в экспорте России 40%. До восьмидесятых годов XVIII века Россия добывала вдвое больше чугуна, чем Англия, и вывозила заграницу половину своего производства. По количеству своей добычи Россия шла впереди, но совершенно отставала от Англии в своей технике. Со второй половины XVIII века констатируется абсолютный рост добывающей промышленности, но в то же время замечается относительный упадок благосостояния населения, так как валовая продукция отстает от роста населения. Несмотря на быстрый рост торговли, процент городского населения стоял почти на одном уровне в течение всего XVIII века: по первой ревизии его было 3%, по пятой — 4%. Это имело огромные последствия для дальнейшего развития России.

Политическое единство Англии и Шотландии существовало еще с 1603 г., но только в 1707 году произошло их таможенное об'единение, к которому лишь в 1800 г. примкнула Ирландия. Кольберовские таможенные тарифы 1665 и 1667 гг. охватывали север Франции. Пограничные провинции, особенно на юге, сохранили свое особое торгово-политическое положение. Эльзас и Лотарингия находились на положении иностранных государств, являясь как бы областями порто-франко. Только в 1790 г. произошло торгово-политическое об'единение Франции. Соединенные Штаты только новой конституцией 1789 г. отменили торговые ограничения между отдельными штатами. В Германии таможенные перегородки были уничтожены только в 1838 г.

В России же внутренние таможенные заставы были отменены раньше, чем почти во всех европейских странах (в 1753 г.), потому что: 1) преобладавший крупный торговый капитал, вопреки отмененным привилегиям, фактически оставался монополистом и из центра охватывал своими щупальцами все основные пункты колоний; 2) территориальное разделение труда, резко обозначившееся к тому времени, поставило отдельные районы в тесную зависимость друг от друга; 3) успешность экспорта находилась в прямой зависимости от централизованной торговой политики[1]: пермская и астраханская соль для московского потребления, экспортная сибирская пуш-

[1] Так, например, пермская соль доставлялась в Московскую, Казанскую, Новгородскую, Петербургскую, Тверскую, Владимирскую, Ярославскую, Смоленскую и Псковскую губернии, а элтонская соль—в губернии: Саратовскую, Симбирскую, Костромскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Пензенскую, Орловскую, Воронежскую и Курскую (Гос. архив XIX, № 197. Дело комиссии, учрежденной для исследования соляных доходов). Размах торговли иллюстрируется, например, операциями фирмы купцов Крестовниковых. Кроме Москвы, Казани, Нижегородской и Ирбитской ярмарок, она имела торговые конторы по покупке сырья и по сбыту товаров в Оренбурге, Екатеринбурге, Астрахани, Ростове на Дону, Самаре, Саратове, Пензе, Н-Новгороде, Симбирске, Плессах, Царицыне, Перми, Тюмени, Семипалатинске, Бийске, Ташкенте, Самарканде, Севастополе, Баку, Варшаве, Париже, Лондоне и Берлине.

нина, уральское железо, псковский лен, казанский корабельный лес и т. д. были основными факторами единой торговой политики; 4) уже к середине XVIII века великорусское дворянство, колонизировавшее восточные и южные колонии, вело торговлю на огромной территории.

Не следует преувеличивать значения отмены внутренних пошлин. Особенность развития России состояла в том, что городская торговая буржуазия была противницей отмены внутренних таможен. В Екатерининской законодательной комиссии она была горячей защитницей купеческих привилегий, монополий, ограничения торговых прав других сословий. Купечество стромилось отгородить себя неприступной стеной от иногородней конкуренции.

Городская торговая буржуазия развернула в середине XVIII века большую политическую программу, которая свидетельствовала об ее реакционности и политической близорукости. Она раболепно умоляла «матерное милосердие» запретить: 1) торговлю всем сословиям и представить исключительные привилегии только купечеству. «Дворянству и крестьянам торговать только тем, что в их отчине родится, у других же ничего не скупать», 2) дворянству и крестьянству иметь фабрики и заводы, 3) купцам передавать торговые привилегии другим сословиям, 4) брать с купцов налоги, 5) брать купцов в рекруты, 6) приезжающим во внутренние города иногородним купцам продавать товары в розницу, дабы, «того города купцам в промыслах подрыву не было». Кроме того, купечество хотело получить право торговать крепостными крестьянами и освободиться от обязанности выполнять общественные повинности, запрета иностранным купцам записываться в российское купечество, запрета «купеческим женам, вдовам и дочерям выходить замуж за людей других чинов». Оно добивалось права награждения купечества «чинами и шпагой», т.-е. дать возможность выслуживаться. Замечательней всего, что купцы многих городов (Мурома, Калуги, Рыбной Слободы) просили «снести в Сибирские леса из-за пожарного случая» бывшие в их городах фабрики и заводы».

Политическая программа была насыщена жалобами, что «и последний солдат ругает, сколько хочет, купца, и нередко и побоями оскорбляет и изувечает» [1]. Суздальское (Московской губернии) купечество заявило, что «нет никакой пользы и благополучия купцам, что он именуется купцом, когда у него все достояние из рук «от'емлют». Или «в магистратах и ратушах купечество и безвинно содержится под караулом и без всякого производства, еще больше в цепях со стулом, через это купец перетерпевает изнурение, а в торговой своей коммерции убытки и помешательство». Московское купечество, сравнивая положение наших купцов с западно-европейскими, приходит к выводу: оно «в сравнении с европейским купечеством в великом презрении находится» [2]. Только Суздальское купечество, требовавшее свободу торговли, составляло исключение [3].

---

[1] Сборник И.Р.И.О., т. 107, стр. 387 и т. д.

[2] Там же, стр. 83

[3] „Достохвальная коммерция обращения процветает не от чего иного, как от свободной торговли и беспрепятственного промыслу“.

Дворянство вполне резонно указывало купцам, что благодаря привилегиям они загнивали и не были в состоянии наладить производство. Свобода торговли была для «благородного» сословия синонимом исключительных монополий для себя.

Комиссия по составлению «нового уложения» уже в 1754 г. констатировала, что «ничто так не может увеличить помещичьи доходы, как заводы и торговля». Но инициатива исходила с мест: вот, например, Опочецкое дворянство предложило завести полотняные фабрики, дабы «лен, главнейший сей страны продукт, не столь в великом числе выходил в чужие края не в деле. Польза государства была бы велика, если бы все то, что из нашего льна делается в чужих краях, с равной добротой делалось у нас».

Дворянство Великороссии развернуло большую торговлю: наказы всех городов в один голос вопили о внушительной дворянской конкуренции, которая оттесняла купцов. Дворянство не только торговало, но переходило к организации мануфактур.

В эпоху торгового капитала в Испании и Голландии центр тяжести лежал в покровительстве торговли, во Франции — в покровительстве промышленности. Английский меркантизм отличался равномерным покровительством торговле, промышленности и сельскому хозяйству. Россия стояла ближе к Англии с той лишь разницей, что все три отрасли были сконцентрированы в руках дворянства, которое пользовалось государственной монополией.

Совершенно другой характер имело насаждение промышленности в таких странах, как Нидерланды и Англия. И здесь находим привилегии, выдаваемые предпринимателям, и всякого рода поощрения для переселяющихся в страну иностранцев. Однако, ни безвозвратных пособий, ни беспроцентных ссуд они не получали. Казна не участвовала в учреждаемых предприятиях и не устраивала собственных. Это было предоставлено частной инициативе и частному капиталу.

Аббат Куайе в «Торгующем дворянстве» (в 1768 г.) накануне Французской революции должен был убеждать свое дворянство, что оно должно следовать по стопам великих купцов Соломона, Перикла и Петра Великого.

«Купечество, — писал он, — есть душа всех сообществ. Оратор продает свое красноречие, писатель — дух свой, воин — кровь, политик — свои намерения. Дворянин, ни в чем оном участия не приемлющий, мог бы продавать плоды наших мануфактур и художеств [1].

«Преимущество Англии (XVIIII в.) перед Францией заключалось в том, что все ее население могло бы заниматься торговлей, не навлекая этим никакого презрения на свои семьи. Призвание купца считается столь же почетным, как и офицера, и никому не нужно, разбогатев, бросать торговлю, чтобы пользоваться увольнением в качестве джентльмена». Во Франции, наоборот, «презирают буржуа, купца или торговца. Последний, разбогатев, старается оставить свою торговлю, при которой богатство не может

---

[1] Аббат Куайе. — «Торгующее дворянство». 1766 г.

предохранить его от оскорбления и презрения. Поэтому он стремится получить дворянское звание» [1].

Прусское же дворянство, по указанию Энгельса, накануне революции 1848 г. «интересовалось свекловицей, водкой и шерстью вместо верности и любви, так как главным местом состязания стал для него шерстяной рынок».

Великорусский помещик ближе стоял к английскому, чем французскому, и стал торговцем и производителем раньше прусского юнкера.

Хотя купеческая буржуазия в России оттеснялась дворянством на задний план, но конфликт в госорганах между ними только однажды произошел в истории России в Екатерининской комиссии. Но скоро они примирились: 1) крупному купечеству жаловалось дворянство, 2) в руках купцов, которые фактически становилось дворянами, очутились все горные заводы Урала, 3) та часть купечества, которая потеряла свои позиции в метрополии, переносила свою деятельность в колонии, 4) в начале XIX века торговые ограничения всего купечества были отменены. Но до начала XIX в. значительная часть торговых операций находилась в руках дворянства, которое отчуждало феодальную собственность, как товар.

Триединое лицо дворянина, совмещавшее в себе крепостника, предпринимателя и купца, задерживало развитие буржуазных отношений. Поэтому в 1773 г. и позже наша буржуазия не могла играть той роли, какую играла французская в 1789 г. [2]. Такое же сотношение классовых сил сложилось и в колониях.

II

Классовые взаимоотношения в колониях

Тов. Меерсон считает пугачевщину «политическим выражением конфликта между двумя историческими типами первоначального капиталистического накопления — монополистической и свободной от монополий торгово-капиталистическими тенденциями эксплоатации непосредственных производителей».

Посмотрим, действительно ли иначе происходило первоначальное капиталистическое накопление в колониях Великороссии, чем в метрополии, действительно ли происходил в наших колониях американский тип развития?

Прежде всего надо иметь в виду, что колонии (Поволжье и Приуралье) в XVIII веке не представляли собой единого целого. Они были населены народами, которые стояли на различных ступенях развития. Киргизская степь в XVIII веке была рынком рабов. Киргизы не только нападали на проходившие через степи караваны, но вторгались и в заселенные области соседних госу-

[1] Цитирую по книге Г. Леви «Основы нáр. хоз. Англии» М. 1924, стр. 30.

[2] Стоит привести некоторую аналогию. «В Китае крупная буржуазия и класс земледельцев очень тесно связаны друг с другом. Значительная часть крупных помещиков состоит из купцов. Буржуазия поэтому лишена возможности провести, как это бывало в буржуазных революциях, раздел земли за счет помещика и привлечь на свою сторону часть крестьянства». (Варга)

дарств и уводили жителей в рабство. Опасаясь повторения грабежей, царское правительство с 1744 года дальше реки Яика не пропускало киргиз к русским городам и калмыцким улусам. Киргизские старшины неоднократно подкупались, чтобы склонить их к охране летнего караванного пути. В 1763 году правительство вынуждено было констатировать, что «все принимавшиеся способы к обеспечению свободного следования караванов не имели должного успеха по легкомыслию киргизского хана и его народа». Все мероприятия, «вплоть до уничтожения многих киргизских улусов, до самого младенца» до второй половины XIX века дали мало положительных результатов.

Может быть знаменитые меерсоновские «американские» фермеры обитали в Киргизии?

В пределах каждого родственного соединения казак-киргизов имелся свой старший родич, называвшийся аксакалом и являвшийся здесь в роли родоправителя. Но на-ряду с ним, присутствовали всегда и другие влиятельные лица — баи и батыри, все вместе и составлявшие правительственный аппарата казак-киргизов. Аксакалы или батыри были той привилегированной костью, которая никогда и нигде не смешивалась с остальным населением. Существование рабов (кулов) и полузависимых, полусвободных людей— толенгутов засвидетельствовано для эпохи XVIII века. Ханы и султаны распоряжались лучшими пастбищами и гораздо большими стадами скота. Около них собирались раззорявшиеся степняки, ценою некоторой утраты независимости покупавшие возможность дальнейшего существования. Так складывался в Киргизской степи толенгутизм, усилившийся и имевший самые разнообразные отношения зависимости.

Вооруженной дворней или, вернее, почетной вооруженной стражей и являлись толенгуты в степи, окружая хана и являясь его опорой. Одним словом, это была какая-то промежуточная ступень между западно-европейским вассалом, с одной стороны, и его крепостными людьми,—с другой. Толенгутизм начал сближаться с рабством и даже переходить в него в конце XVIII века [1]. Итак, в Киргизии до прихода колонизаторов из Великороссии фермеров не было.

Поищем американских фермеров в Башкирии.

Башкиры в сравнении с киргизами находились на высшей ступени развития, но все же часть их также вела кочевой образ жизни. Среди башкир были следующие общественные группы: тарханы, землевладельцы и тептяри-бобыли.

Привилегированные тарханы были искусственно созданы русским правительством. Таким же образом Англия создала земельную аристократию в Индии, за счет права собственности крестьян. В 1742 году было раз'яснено, что «тарханство означает служилого и от подати свободного человека; достойнейшим для примера можно жаловать это звание». Тарханы «за

1 А. П. Чулошников. «Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен». Ч. I, стр. 202.

услугу перед отечеством имели то преимущество, что могли, где хотели; землею владеть и рыбу ловить[1]. Обычай учреждать тарханов держался еще до 40-х годов XIX века[2]. Тарханы вели борьбу, конечно, не против монополий, а за восстановление своих привилегий. Совершенно другой характер имела борьба тептярей-бобылей

Под именем тептярей-бобырей в Уфимской провинции считались инонационалы, а именно: татары, чуваши, мордва, и вотяки, которые поселились на башкирской земле и платили за нее башкирам оброк. «Башкирцы не только положенный на них ясачный оклад собирали, но и сверх того почти за своих крестьян почитали»[3].

В XVI в. башкиры-землевладельцы были пожалованы занимаемыми ими землями в вотчинное владение, т.-е. они были приравнены по правам к высшему сословию в государстве — к боярам и потомкам удельных князей. Приравнение башкир к боярам-вотчинникам избавило их в XVI и отчасти в XVII веке от перевода на положение государственных крестьян с экспроприацией их земель. Все пришельцы и переселенцы на башкирские земли должны были платить владельцам-башкирам оброк, и сами башкиры-вотчинники в праве были поступать с ними, как со «своими крестьянами, т.-е. как с крепостными»[4].

Но с начала XVIII века параллельно росту колонизации башкиры начинали терять свои привилегии и льготы. Их земли захватывались русскими колонизаторами и туземными тептярями (бобылями).

Правительство поняло, что не стоит большого труда отвлечь от беспрерывно восстававших башкирцев безземельное население края. Для этого стоило только нарушить права земельной собственности башкир и изменить господствующие общественно-экономические отношения в пользу безземельных. Указ от 11 февр. 1736 г. гласил: «служилым мещерякам от башкирцев быть отдельными. За их верность и службу, землю и угодья, коими они по найму от башкирцев владели, отдать им вечно и безоброчно». «Тептерей и бобылей, по примеру мещеряков, от башкирского послушания отрешить и за перетерпенное ими разорение от воров-башкирцев оброков им платить не велеть, а оставить их при одном ясачном платеже в казну». Георги, знаменитый путешественник того времени, констатирует, что «в казну с тептерей берут гораздо меньше подушных денег, нежели с русских мужиков». Кроме того, они «свободны от рекрутских наборов»[5].

[1] В. Вельяминов,—«Источники для изучения тарханства» СПБ. 1864 г.

[2] О селениях в поволжских губерниях с названием тархан. «Труды» IV археологического с'езда в России. Казань, 1884 г. стр. 167.

[3] П. Рычков.— Топография Оренбургская, ч. I, 1762 г.

[4] Труды Оренбургского общества по изучению Киргизского края, выпуск I, 1924 г. стр. 11.

[5] Георги. — «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». СПБ 1799 г. ч. II., стр. 59

Под влиянием развивающегося денежного хозяйства население дифференцировалось [1]:

Год ревизии	Число тептярей-бобылей	Прирост в %
1718 (I-я ревизия) .	11.294	—
1742 (II-я „) . .	28.637	153,5
1761 (III-я „) . .		17,5
1781 (IV-я „) . .	42.439	32

Тептяри бесспрерывно восставали против башкир-землевладельцев. Даже во время пугачевщины эти «фермеры» нередко выступали против восставших, так как они не прочь были освободиться от полукрепостнической зависимости от башкирцев.

Итак, в Башкирии были: 1) тарханы — привилегированная группа, 2) башкиры-землевладельцы, крупные земельные собственники, хозяева края, на которых был направлен главный удар колонизаторов и 3) тептяри (бобыли) на положении крепостных, численность которых колебалась от 30 до 50% всего населения.

Как видно, в нашей колонии, вопреки положению т. Меерсона, фермерством и не пахло.

Торговый капитал Московии нашел в колонии те же классовые группировки, которые были в метрополии.

Заинтересованы ли были башкиры-землевладельцы бороться за свободу буржуазных отношений, в то время как сами «богатые и родовитые старшины уравнивались с мелкими и незнатными старшинами?» Они не могли быть защитниками такой демократизации, которая была связана с потерей собственной земли.

Татары находились на высшей ступени развития в сравнении с башкиро-киргизами. Среди них были следующие социальные группы: аристократия (мурзы, служилая группа), торговая буржуазия, помещики и крепостные крестьяне.

Татарские землевладельцы часто образцово вели свое хозяйство. «Казанские татары, — писал Рычков, — могут называться изрядными землевладельцами, которые не дают своим пашням отдыхать и потому чаще, нежели российские крестьяне, удобряют. До пчеловодства они великие охотники и между ними повсюду и богатые пчеляки».

Многие помещики-татары имели крепостных. Жалобы крестьян-татар на своих помещиков-единоплеменников часто встречаются в документах. В наказах, представленных в Екатерининскую Законодательную Комиссию, неоднократно приводились данные о том, что правительство жаловало татарским мурзам деревни с крестьянами.

В. Кашин прав, когда считает, что заключительные страницы истории завоевания Москвой торговых позиций и устья Волги оказались для татар

[1] В. Ден. — «Население России по пятой ревизии». М. 1902 г.

Юсуповых началом превращения степных кочевых феодалов в крупных русских, феодальных же по характеру, землевладельцев[1].

Это в высшей степени важное замечание приложимо не только к татарам Юсуповым, но к сотням других татарских крещенных и некрещенных родов.

Татарские мурзы, получившие в 1745 г. деревни и жалованные «дворянством», не включались в подушную перепись. В наказах татарских мурз от «разных дорог» указывается, что они владеют «по купчим движимым и недвижимым имением, дворовыми людьми и крестьянами». Жалуясь на то, что их крепостные положены в оклад по рублю и десяти копеек «в то время, как русские помещики подушные деньги за крестьян своих платят в год только по 70 копеек с души», татарские помещики просят своих беглых крепостных, посланных на казенные работы принять в счет рекрутов[2]. «Многие татары города, — жалуются русские купцы г. Казани — имеют у себя из татар же и крестьян и дворовых людей и пашенные земли»[3]. В 50-е годы около 2000 ногайцев, переведенных с Кубани и из Астрахани, были розданы казанским татарским мурзам «в вечное услужение».

Салтанаульские татары Казанской губ., которых насчитывалось больше 1100 душ, также имели крепостных. В 1777 году возник вопрос о том, имеют ли они право продавать своих крепостных. Оренбургская губернская канцелярия ответила утвердительно и только потребовала, чтобы крепости при таких продажах совершались с особого разрешения губернской власти. Сенат не согласился с этим мнением и даже отменил оговорку о необходимости разрешения губернской канцелярии.

Итак, накануне пугачевщины были татары-помещики, имевшие крепостных. Следовательно, не верно, что американский тип развития в наших колониях потерпел поражение, благодаря неудачной ранней буржуазной революции. И до «революции» в наших колониях фермерства не было.

Обратимся к купечеству. Стараясь занять по отношению к Западу возможно независимое положение, русский торговый капитал развил более активную политику на Востоке. Русские купцы производили торговлю с Средней Азией не только своими товарами, но и с европейскими, главным образом,—немецкими, которые отправлялись по Волге в Каспийское море и оттуда караванами в Персию, Бухару и Хиву. В 1760 году было организовано русское акционерное общество для торговли с Востоком.

Активный торговый баланс через Каспийское море показывает, как успешно Великороссия завоевывала восточные рынки.

1 Кашин.— «Триста лет накопления земельных богатств родом Юсуповых». «Труд в России», 1925 г. № 2—3.

Сб. И.Р.И.О., т. 115. Материалы екатерининской законодательной комиссии, том X, стр. 312, 313, 328, 332

Там же, т. 107, стр. 518.

Торговля по Каспийскому морю (в английск. фунт)[1]

Годы	1760	1768	1775
Экспорт . . .	36.100	87.700	125.000
Импорт	42.100	63.700	64.120
	— 6.000	+ 24.000	+ 60.880

Также Востоку была выгодна эта торговля. «Известно, — писал знаменитый Рычков[2] — что народы Восточной Индии ни откуда столь прямо и дешево не могут получить европейских и российских товаров, как из Оренбурга через Бухарию». В Оренбург ежедневно приезжало для торговли от нескольких сот до тысячи человек.

Средне-азиатские купцы привозили в Оренбург драгоценные металлы, восточные фрукты, бумажные, полотняные и шелковые ткани. В Оренбург приезжали итальянские, немецкие и еврейские купцы. Сибирское население XVIII века преимущественно одевалось в бухарские ткани, которые были прочнее и дешевле персидских. Киргизы ежегодно доставляли не меньше 100—200 тыс. голов скота. Экспорт киргизских лошадей с 552 в 1745 г. возрос до 10.084 в 1753 г. За то же время экспорт баранов увеличился с 3.000 до 200.000. Баранье сало для освещения и верблюжья шерсть для текстильного производства экспортировались русскими купцами за границу.

В этой торговле первое место занимали татары. Их караваны проникали в Тибет, Китай, Индию и Персию.

Следует указать на одно очень важное обстоятельство: в Бухару преимущественно допускались купцы-татары, как магометане. Это ставило их в привилегированное положение по сравнению с русским купечеством. Русские могли вести свои торговые дела с Бухарой только через посредничество татар-приказчиков. Христианские купцы платили в Бухаре пятипроцентную пошлину со стоимости товаров, а мусульманские только 2½%[3]. Только в 1807 г. правительство старалось склонить бухарское правительство принять русские торговые караваны, позволить русскому купечеству завести в Бухаре свои торговые ряды и распространить на русских купцов в Бухаре те льготы, которыми пользовались бухарские купцы в России[4].

Татарские купцы вели обширную торговлю с крупнейшими центрами Великороссии и Украины. В Сеитовой слободе, крупном торговом предместьи Оренбурга, одних татарских купцов было около 2000 человек, т.-е. около 95% населения. Более высокое обложение сеитовых татар в сравне-

[1] W. Coxe. Travels into Poland, Russia, Sweden, 1792. ч. II, стр. 30.
[2] Топография Оренбургская, стр. 327
[3] М. А. Терентьев. — «Россия и Англия в борьбе за рынки». 1876 г. стр. 25
[4] Труды Общества по изучению Казакстана, т. VII, вып. II, стр. 81.

нии с русскими купцами, закон мотивировал тем, что «с них не берутся рекруты, а они так же, как и русские купцы, пользуются всеми их выгодами»[1]. С 1734 г. давались торговые привилегии оренбургскому и троицкому купечеству, мастеровым, разночинцам и народам, приезжавшим из азиатских стран. Посредническая оренбургская торговля между Москвой и Бухарой доставляла торговцам большую прибыль: «копейку на копейку». Торговые монополии представлялись не только русским, но и татарам или смешанным обществам, состоящим из лиц разных национальностей[2]. В 1763 году азиатские купцы стали вывозить металлы и драгоценности для продажи в Петербург и Москву, где покупали товары. Оренбургские купцы заявили протест против азиатцев, которые, «проведав столичные цены на товар, не покупают товаров в Оренбурге, и тем делают подрыв торговле». Бухарские купцы просили разрешить им попрежнему привозить в столицы алмазы для продажи. Сенат, рассмотрев неоднократные подобные просьбы, приказал бухарцам продавать алмазы в столице на деньги, а не на товар, и «чтобы они возвращались за покупкой товаров в Оренбург». Такие решения выносились вплоть до последней четверти XVIII века.

Правительство и после отмены торговых монополий оказывало особое содействие купечеству Оренбургского края и не лишило его привилегий. Оренбургу было оставлено право монопольной посреднической торговли между Россией и Востоком. От этой особой монополии местное, в том числе и инонациональное купечество, конечно, не проигрывало.

В 1771 г. разрешили беспрепятственно торговать буджацким и едиссанским татарам. Пошлину за эти товары поставлено брать только с покупателей—русских купцов[3].

Татаро-башкирская политика царизма была направлена не столько против торговой буржуазии, сколько против землевладельцев — помещиков-инонационалов. Эти факты опровергают концепцию, что буржуазия колоний была противником монополии[4]. Не даром крупная татарская буржуазия помогала правительству.

Другую роль в восстании играли башкиры-землевладельцы. Они целиком и полностью дрались с правительственной армией и с корнем хотели вырвать великорусских колонизаторов.

---

[1] Словарь географический, 1804 г. том IV, стр. 890. По Дену (стр. 313)—сеитовые татары в 1792 году делились на 686 крестьян, 168 мещан и 1820 купцов.

[2] Так, например, в 1750 году Неплюев отпустил из Оренбурга в Хиву двух татар с товаром на 3000 рублей «для разведки торговых путей в Бухаре и в других странах до Индии». В 1752 году в «видах распространения торговли в средней Азии предоставлено исключительное право посылки караванов в Водокшан и Кабул особой компании торговавших в Оренбурге московских купцов, русского, арменина и грека, сибирского купца и сеитского торгового татарина Абдула Хаилина».

[3] Куломзин.—«Гос. доходы в царствование Екатерины II. „Русский Вестник». 1870, № 89.

[4] Тов. Губайдулин в ст. «Участие татар в пугачевщине» (Нов. Восток» № 7) доказывает, как татарская торговая буржуазия во время пугачевщины была на стороне правительственной армии.

О чем говорят эти факты? Татарский помещик и купец не могли быть заинтересованы в отмене монополий, как думает т. Мерсон. Они были заинтересованы в укреплении своих монополий и возврате своих утрачиваемых привилегий. Они стремились уничтожить господство монополистов метрополии в колонии и восстановить свои «древние права».

В этом отношении татарское купечество стояло на одной принципиальной позиции с купечеством метрополии.

Чего же требовало колониальное купечество?

1) Городская торговая буржуазия колонии (как и метрополии) была недовольна упразднением внутренних таможенных пошлин, которые уменьшили доходы городских магистратов и открыли иногородним купцам местные рынки. Все без исключения городские наказы требовали запрета иногородним купцам торговли. Этот пункт требований как раз отрицает то положение, что торговая буржуазия колоний стояла на другой принципиальной позиции, чем буржуазия метрополии. 2) Купечество колонии и метрополии требовало восстановлений старинных прав, привилегий и полного освобождения «от поземельных денег и оброков». 3) Оренбургское купечество требовало разрешения покупать крестьян.

Также купечество других городов колоний просило позволить «покупать людей, мужска и женска полов по пристойному числу» [1].

Вместе с тем надо отметить те части наказов, которые имеют прогрессивный характер. Мурзы и татарские старшины старой и новой слобод просили [2]: 1) в Казани и в прочих местах всеми товарами беспрепятственно торговать, кожевенные избы и хлебные амбары иметь, по Волге вверх — вниз суды отправлять, 2) насильно не крестить и веру не ругать, 3) разрешить проезд в Башкирию, с которой «торг идет», 4) вести суд на татарском языке, 5) споры между татарами передать на разрешение муллам, 6) разрешить ездить в Мекку на богомолье, 7) должников, хотя и крестьян, принуждать к платежу, 8) уравнять их в правах с государственными крестьянами, торговые права которых не стеснялись.

Весьма характерным является наказ торговой Сеитской слободы, требующей дать им больше торговых прав и преимуществ, чем купцам из Великороссии! Известно, что Сеитовая слобода была крупнейшей торговой факторией на Востоке.

Не следует повторять, что инонационалу-купцу колонии приходилось гораздо труднее, чем купцу в метрополии, что инонациональное купечество жестоко преследовалось, но отсюда еще далеко до вывода, что купечество колоний мечтало о свободе буржуазной эксплоатации. Купечество колонии и метрополии одинаково видело выход из тяжелого положения в запрете торговли крестьянам и помещикам, в возможности владеть крестьянами и в праве носить шпаги, т.-е. в праве выслуживаться.

---

[1] Сб. И.Р.И.О., 107, стр. 531.

[2] Сб. И.Р.И.О., т. 115.

Неверно положение т. Меерсона, что торгующее крестьянство колоний преследовалось помещиками. Оно в колонии, как и в метрополии, встречало противодействие только со стороны городского купечества. Даже горнорабочему Урала, подлинному парию, торговля не запрещалась [1].

Служилые мурзы разных городов жаловались, что «товаром крестьянству торговать дозволено, но им, нижайшим, товаром торговать и такого рукоделия иметь не можно» [2].

Ошибка т. Меерсона в том, что он видит в колонии только пришлого помещика и туземного крестьянина, но не видит туземного помещика, которого эксплоатировал пришлый помещик и не видит туземного скупщика, на которого наседал скупщик из метрополии, не видит, что благодаря дифференциации, вылупливались туземные монополистические группы.

Не верно, что «монополистический торговый капитал», подавлял и грабил свободных крестьян скупщиков, как своих непосредственных конкурентов» (стр. 87). Ошибка его состоит в том, что он рассматривает борьбу между помещиком и крестьянином, только как борьбу между двумя торгующими конкурентами, и не видит помещика, который воюет из-за рабочих рук, из-за эксплоатации и экспроприации рабочей силы. Гораздо острее на окраинах, чем в центре, стоял вопрос о рабочей силе. Помещики окраин охотились на крестьян, не как на конкурентов-торговцев, но как на рабочую силу.

Неоднократно и заводчики ходатайствовали о прикреплении к заводам не только крестьян, но и «цеховых». Добыча руды, соли, перевозка их на огромные расстояния, обработка новых земель требовали огромного числа рабочих рук [3].

Обратимся к казачеству. Оно вело обширную торговлю: его главнейший источник богатства составлял рыбный промысел. Количество рыбы свежей и соленой, икры, вывозимой ежегодно, определялось до 2.000.000 руб. Овец ежегодно экспортировалось до 150.000 в Арзамас, Муром, в Симбирскую и Саратовскую губернии [4]. Сало экспортировалось в Ригу, Петербург. Хлеб они получали из Оренбургской губернии, пеньку и лен для сетей — из Нижегородской и Ярославской губ., лес из Башкирии, дрова с берегов Илека, плоды — из Астрахани морем, сукна, шелковые и бумажные материи доставлялись ростовскими купцами. Ремесленники приходили в казачий район из разных областей России. «Рукоделий казаки не могли исправлять без по-

---

[1] «Довольно есть торгующих мастеровых, особливо на частных заводах, столько достаточных наличными деньгами, что превосходят тем многих настоящих купцов, торгуя на Макарьевской и Ирбитской ярмарке и отправляя свои товары в Троицк и другие пограничные места и во внутренние Российские губернии». (Хозяйственное описание Пермской губернии).

[2] Сб. И.Р.И.О., т. 115, стр. 320.

[3] Для того, чтобы показать, как остро стоял вопрос о рабочей силе, стоит привести пару примеров. Для перевозки соли из Симбирской губернии требовалось не меньше 120.000 конных. Для доставки соли из Астрахани в Саратов требовалось для каждой станции по 500 рабочих. (Гос. архив. 1773 г. XIX, № 154).

[4] Историческое и статистическое обозрение Уральских казаков—СПБ. 1823 г.

мощи довольного количества бедных киргизов и иногородних работников,— пишет т. Левшин, — приходящих тысячами в Уральск из Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Саратовской губ. Кузнецы, плотники, столяры, штукатурщики, сапожники, портные, словом можно сказать, что все ремесленники на Уральске иногородние. Найти между ними природного казака — великая редкость».

Но не все казаки имели право торговать. Право торговли предоставлялось только уже вышедшим в отставку и записавшимся в гильдию. «Это запрещение не распространялось на торговлю с киргизами». Затем была группа казаков, которая не участвовала в рыбных промыслах и в наряде казаков в армию, но охраняла только границу от киргизов.

Буржуазная часть казачества выставляла на свой счет полки в армию и стражу до Каспийского моря. Плата наемнику простиралась до 1.500 руб. и больше, а за десять месяцев похода до 2.000 и даже 3.000 руб. каждому казаку. Служба по охране города исправлялась по найму за 300 — 400 руб. в год. Отставные и малолетние казаки могли покупать у богатых казаков и чиновников разрешение на рыбную ловлю. Офицеры получали несколько разрешительных билетов, которые ими продавались. Чиновники, как дворяне, покупали у помещиков крестьян, и селили их на войсковых землях, т.-е. до пугачевщины на Яике зарождалось крепостное хозяйство.

И среди казачества было расслоение: буржуазная часть казачества также не была против монополии. Монополистическая политика метрополии находила в их лице преданных сторонников. А по т. Меерсону выходит, что буржуазия колоний была сторонницей принципа «свободной торговли». Против монополии была только бедная часть казачества, которая слабо отчуждала свои продукты в товар.

Казацкое восстание, бывшее сигналом для всей пугачевщины, началось с того, что беднота восстала против туземной монополистической буржуазной верхушки, на которую опиралось правительство метрополии в усмирении края.

Украина, как колония, в этой статье не может стать предметом исследования, но тов. Меерсон ссылается и на Украину, как на район фермерского хозяйства. Поэтому вкратце стоит обратить внимание на эту сторону вопроса. Хмельнищина (1648 г.) снесла южно-русское дворянство с лица украинской земли, т.-е. с левобережной Украины. Пугачевщина не добилась уничтожения крепостного хозяйства, а хмельнищина добилась. В итоге восстания «крепостное право само собой без всяких специальных законов упразднилось». «На чужой земле садились лишь по договору, — пишет Ефименко,— и степень зависимости, вытекающая из этого факта, определялась исключительным об'емом и содержанием договора», т.-е. развивалось фермерское хозяйство»[1].

---

[1] А. Ефименко—«Южная Русь», том I, СПБ, 1905.

И, однако, дворянство, «явилось не актом внешнего насилия, а естественным путем внутреннего роста». «Любовно, — продолжает она, — процесс совершался чисто фактически, а не юридическим путем, без всякого вмешательства, по крайней мере, непосредственного вмешательства государственной власти. Указ 3 мая 1783 года, с которым вводится крепостное право в Малороссии, дал лишь санкцию, а вместе с нею, конечно, и устойчивость существующему положению — не больше. К этому же выводу приходит в своем исследовании и профессор Слабченко [1].

Победоносная крестьянская революция, по мнению Меерсона, должна была обеспечить развитие фермерского типа хозяйства в колониях. Как же случилось, что хмельнищина, вопреки теории Меерсона, расчистила путь для развития крепостного хозяйства? Развитие американского фермера было обеспечено широким внутренним рынком и возможностью выйти на внешний рынок. Эта победа ему легко далась, так как Америка не знала феодализма. Украина же была сдавлена двумя помещичьими государствами. На ее пути к мировому рынку лежала Польша и Россия. Без поражения своих врагов или союза с одним из них она была, как и Татаро-Башкирия, обречена на прозябание. Свободным винокурам, скотоводам, льноводам методы хозяйствования диктовала передовая Великороссия.

На Украине, которая по тов. Меерсону, была прообразом нашей Америки, торговая буржуазия городов и государственные крестьяне всеми правдами и неправдами старалась доказать свое дворянское происхождение после того, как Украинская шляхта получила права Великорусского дворянства [2].

Единственной колонией России, где было больше всего развито фермерство, была Новороссия, так как ее колонизация началась поздно. Колонизация сопровождалась своеобразным процессом: иностранные колонисты — немцы, шведы, болгары, греки, евреи и менониты — приглашались в качестве фермеров. А местное население рядом с ними закрепощалось. Молдавские бояре, получившие Очаковскую область, были награждены землею и крепостными великоруссами и украинцами (до 24 тысяч десятин земли и 512 крепостных душ каждый). Остальное местное население Новороссии — греки, грузины, немцы, сербы, турки и пр. — остались свободными.

О чем говорят эти факты?

1. В колониях (Поволжье и Приуралье) в XVIII веке не было американского типа развития. Создавшиеся социальные отношения в колонии были продуктом развития метрополии и торговых сношений колоний с метрополией. Соединенные Штаты представляли собой буржуазное государство. С самого своего начала они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью установить чисто буржуазное общество (Энгельс). Наши же колонии с самого

[1] «Организация хозяйства Украины с XVII в.», ч. I, 1922 г.

[2] Романович-Словатинский.— «История Российского дворянства».

начала населялись не только крестьянами, но и помещиками, которые уже находили туземных помещиков и торговцев. Даже наш «свободный» крестьянин колоний был далек не только от американского, но и от английского фермера. «Общим правилом эта форма (т.-е. форма существования английского фермера.—*С. Т.)* может сделаться лишь в странах, которые при переходе из феодального в капиталистический способ производства господствовали на мировом рынке». (Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 355). «В заключение, говоря о превращении ренты продуктами в денежную ренту, следует еще заметить, что вместе с тем становится существенным моментом капитализированная рента, цена земли, а следовательно, ее отчуждаемость и отчуждение и что благодаря этому не только прежние обязанные к платежу ренты могут превратиться в независимых крестьян-собственников, но и городские и прочие денежные люди могут покупать участки земли с той целью, чтобы сдавать их крестьянам ли, капиталистам ли и пользоваться рентой, как формой процента на свой таким способом затраченный капитал, что, следовательно, и это обстоятельство содействует преобразованию прежнего способа эксплоатации, отношения между собственником и действительным возделывателем, а также самой ренты» (Маркс).

Ни одно из этих положений Маркса не приложимо ни к России, ни к ее колониям XVIII века.

2. Колониальная торговая буржуазия, как и купечество метрополии, по своему классовому положению не могла бороться за свободу буржуазных отношений, так как она была против утраты своих привилегий.

3. Крестьянство колоний, также как и крестьянство метрополии, закрепощалось и экспроприировалось, не как торговый конкурент, а как рабочая сила и владелец земли.

III

Характер пугачевщины

Почему же восстание началось в колонии? Следующая таблица дает ответ на этот вопрос. Государственные крестьяне составляли %% населения [1]:

В метрополии		В колонии	
Владимирской	32%	Вятской губ.	95%
В Московской	31%	Уфимской	79%
Н.-Новгородской	29%	Казанской	78%
Смоленской	19%	Пермской	62%
Рязанской	16%	Симбирской	38%
Орловской	12%	Воронежской	31%
Тульской	9%	Пензенской	25%

«В России, — пишет Семевский, — положение государственных крестьян было гораздо благоприятнее в том отношении, что те из них, которые

[1] Вычислено по Statistische Uebersicht der Staatshaltortschaften des Russischen Reichs in Tabellen. Von H. Storch, Riga, 1775.

пользовались свободою, т.-е. черносошные, экономические (с 1764 г.,) не отдавались в аренду, а потому и не исполняли барщину в пользу арендатора и свободно владели землями, внося только в казну оброчный сбор. Но за то, черносошные крестьяне были очень обременены натуральными государственными повинностями: десятинною пашнею в Сибири и Исетской провинции, дорожною повинностью, подводо-повинностью, обязанностью водить барки по рекам и т. п. Значительная часть государственных крестьян была приписана к заводам и исполняла там очень тяжелые работы и подвергалась суровым истязаниям... Нужно отметить, наконец, что из государственных крестьян производились пожалования в частную собственность, при чем они превращались в крепостных крестьян»[1].

Главной причиной исчезновения этого рода крестьян в Центральной России была обширная раздача там земель в поместья служилым людям, а также постепенное увеличение владений духовенства. Государственные крестьяне представляли собой резервный фонд для всякого рода хищений и награждений. Энергичное расхищение этого фонда начинается со второй половины XVIII века и растет параллельно развитию горного дела на Урале: среди 243.452 горных рабочих было 179.815 государственных крестьян. Размах движения был прямо пропорционален числу заводов: в Симбирской губернии — было 38 заводов, Оренбургской — 36, Казанской — 42, Воронежской — 15, Московской — 20, Новгородской — 10, Белгородской — 5 и Архангелогородской — 4. Приняв за сто данные о росте заводов в районе пугачевщины (в Оренбургской, Казанской и Симбирской губ.) за 1700 — 1724 г.г., получим 533 для периода 1725—1749 г.г. и 755 для 1750—74 г.г. Герман, знаток того времени, называет последний период самой «блестящей эпохой русского горного дела».

Эта «блестящая эпоха» была возможна только на основе жесточайшей эксплоатации рабочих. Не буду повторять то, что хорошо изложено Семевским, но приведу следующую табличку, до сих пор еще не опубликованную.

Заводы	Число рабочих	Рабочие заработали рублей	Наложено взысканий в казну				Рабочие должны доплатить
			За лишнюю кладку дров рублей	За лишнюю возку руды	За недоработу	Подушных денег	
Ижевский и Воткинский . . .	10.481	27.093	933 р.	681 р.	323 р.	34.239	9.033 р.
Мотавилихинский и Егошихинский	8.121	17.622	685	400 р.	24 р.	19.737	3.224 р.
Юговский и Бобичский	12.955	31.175	2.787	477	1.043	36.989	10.121

Рабочие платили подушные и штраф за переработку, недоработку, за работу в праздничные дни и за пьянство, за умерших, больных, новорожденных и т. д.

[1] Семевский—«Крестьяне в царствование Екатерины II», том III, стр. 957, 1904 г.

Если принять во внимание, что одновременно с закрепощением крестьян происходил грабеж татаро-башкирских земель, то мы поймем причину восстаний, не прекращавшихся в Башкирии в течение всего XVIII века и наконец разразившихся пугачевщиной.

Итак восстание было вызвано: 1) локальным кризисом, охватившим новый колонизируемый район Башкирии, Татарии, Киргизии и Калмыкии. Кризис был вызван экспроприацией и закрепощением крестьян и инационалов, т.-е. продолжением того процесса, который уже закончился в других районах страны. Расширение колонизации — результат усилившейся роли России в мировом хозяйстве, благодаря экспорту уральского железа. Увеличившийся экспорт усугублял противоречие между феодальным способом производства и отчуждением помещичьего дохода в виде товара: в 1731 году было «отпущено за море» 600 пудов, а в 1765 г. — 1.975.123 п.;

2) экспроприацией государственных крестьян, земельный фонд которых беспощадно расхищался [1];

3) борьбой бедного и среднего казачества с казацкой крупной торговой буржуазией, искавшей союзника и помощника в лице торгового капитала метрополии;

4) экспроприацией башкирских землевладельцев великорусскими колонизаторами и лишением монополий, которыми башкирцы пользовались в течение столетий;

5) выталкиванием татарского купечества с монопольных торгово-посреднических позиций между метрополией и Средней Азией;

6) разложением родового быта калмыков и киргиз, выделением из их среды групп, ведших разбойничью торговлю и бывших монополистами на торговом пути между Россией и Бухарой;

7) концентрацией беспрерывно бунтовавшей огромной массы беглых раскольников [2], бурлачества, ремесленников, свободной рабочей силы в районе Волги и Камы;

8) приравниванием однодворцев к крестьянам. В восстании заметную роль играли однодворцы — мелкие помещики, с которыми так же мало церемонились, как с государственными крестьянами и «инородцами». Пушкин, давший в своей «Истории пугачевского бунта» помещичье изображение

---

[1] Вот образчик того, как экспроприировались крестьяне. Внук знаменитого фабриканта Крестовников излагает историю первоначального накопления. «У Баташевых, пишет он,—очутилось на Выксинском заводе 36 тыс. душ крестьян следующим образом. На заводе находилось множество беглых крепостных людей и разного бродячего люда, укрывавшегося и находившего там работу. Весь этот люд был признан крепостным и приписан к заводам».

[2] Нет полных данных о числе рабочих-раскольников. Но имеющиеся данные очень выразительно подчеркивают раскольнические настроения горнорабочих. В 1740 г. удалось обратить в православие только 14% рабочих Демидова, 11,1%—на заводе Осокина и ни одного в Екатеринбурге. (Дела Берг-Коллегии — 1741 г., л. 95, д. № 694)

крестьянского восстания, очень правильно подошел в «Дубровском» к изображению взбунтовавшегося обиженного мелкого помещика. Такие Дубровские не были борцами за буржуазные идеалы: они пытались вернуть себе утраченную ф е о д а л ь н у ю собственность. Известно, что самая свирепая эксплоатация и издевательство над мужиком господствовали в м е л к и х имениях. А для т. Меерсона выступление таких помещичьих групп является дополнительной чертой буржуазного характера движения.

Беспрерывные разрозненные крестьянские восстания, продолжавшиеся в этом районе в течение десятилетий, слились в гигантское восстание в 1773 г., благодаря многим обстоятельствам: кадровые войска ушли на юг и этим ослабили государственный аппарат, в 1771 г. калмыки убежали в Китай (казаки в лице убежавших калмыков потеряли большой контингент покупателей), сильно вздорожали предметы первой необходимости (соль, хлеб).

Закрепощение в метрополии развивалось постепенно, а в колониях оно завершилось, по замечанию тов. М. Н. Покровского, на глазах одного поколения, т.-е. к а т а с т р о ф и ч е с к и б ы с т р о. Пугачевщина была крестьянской в о й н о й, против расширения крепостного хозяйства, против экспроприации крестьянства на окраинах государства в XVIII веке. «Целью пугачевского движения было, — пишет тов. Покровский, — стряхнуть как барщину сельскохозяйственную в помещичьих имениях, так и барщину индустриальную на заводах. Вольность, о которой писал Пугачев в своих манифестах, имела определенное конкретное содержание: это была вольность от крепостного права. Самый термин «вечная вольность» есть прямая антитеза «вечной крепости». Крестьяне не только рождались крепостными, но и закрепощались царскими указами. Надо было дать им гарантию, что такого указа впредь никогда не будет». (Историк-Марксист, 1927 г. № 3).

Это движение имело п р о г р е с с и в н ы й характер, так как 1) его основной движущей силой было крестьянство, которое боролось с помещиком-крепостным, 2) в случае удачного исхода восстания помещичьи хозяйства скорее пошли бы по пути капитализации, а помещичье государство — по пути реформации старых общественных отношений. Удачный исход нанес бы чувствительный удар крепостной системе, отмирание которой пошло бы быстрым темпом. Но отсюда еще далеко до вывода, что Пугачевское восстание было буржуазной революцией (хотя бы и ранней).

Пугачевщина отличалась от других крестьянских восстаний тем, что в ней впервые приняло участие «работная масса». Крестьянское восстание широко развернулось, опираясь на технической базе горных заводов. Вместе с уничтожением заводской базы было разбито и массовое движение. Идеология работной массы еще ничем не отличалась от идеологии крестьянской массы, но выступления рабочих характеризовались такими чертами (борьба с мародерством, железная дисциплина, попытка овладеть хозяйством завода и наладить общественное самоуправление после бегства хозяев завода и т. д.) которые свидетельствовали о том, что закладывается подоснова современной пролетарской идеологии.

Но вместе с тем нашим рабочим XVIII века были чужды коммунистические настроения участников крестьянской войны в XVI веке. «Крестьяне

и плебеи, еретики требовали в Германии восстановления крестьянских отношений равенства между членами общины и признания их в качестве нормы для буржуазного мира. Из равенства между детьми бога они выводили гражданское равенство и даже имущественное равенство. Плебеи были тогда единственным классом, стоящим совершенно вне существующего общества. Они находились вне феодального и вне буржуазного союза. Они не имели ни привилегии, ни собственности. Во всех отношениях были они несостоятельными и бесправными» (Энгельс). Уральской «работной» массе были чужды коммунистические настроения, потому что катастрофически быстро обезземелившаяся масса еще не успела порвать с крестьянскими настроениями. Кроме того, в рабочей среде была очень ограничена категория чистых пролетариев: большая часть «работной» массы, благодаря низкой примитивной технике, периодически чередовалась в непосредственной работе на заводе и в обслуживании его сельскохозяйственных нужд[1].

Оценивая характер движения, не следует забывать роли инонационального купечества и землевладельцев: их интересы расходились с интересами восставшей работной и крестьянской массы. Эти группы образовали между собой «блок», который даже в процессе восстания был слаб и носил случайный характер. Строение этого «блока» отвечает, между прочим, на вопрос о причинах поражения восстания.

Пугачевские прокламации не дают представления об истинных намерениях землевладельцев башкир и колониальной торговой буржуазии, так как лозунги «свободы» об'единяли всех восставших. Восставшие верхи до поры до времени не говорили о своих собственных монополистических задачах, которые во время восстания они пытались осуществить на деле: вырывали с корнем русскую колонизацию, т.-е. уничтожали не только чужих помещиков, но и русских крестьян и рабочих. Нельзя пройти мимо следующего очень характерного факта. В приказе на имя атамана Аранова, стоявшего на Самарской линии, военная пугачевская коллегия предложила «не брать в революционную армию тех, которые забрав у верноподданных деньги, во избежание чего будут от них бежать, таковых не уваживать на то». Революционная армия закрывалась для той части бедноты, которая попала в кабалу. Буржуазия боялась вооружить бедноту даже тогда, когда восстание находилось в величайшей опасности.

IV

Поражение восстания

Прежде всего выясним, почему к восстанию не присоединилось крестьянство метрополии. «Поражение пугачевщины,— пишет тов. Меерсон, — вытекало из разнородности двух типов крестьянского торгово-капиталистического накопления в России третьей четверти XVIII века—метропольного и колониального. Метропольному крестьянскому

[1] См. подробно об этом в „Красной Нови“, № 2. 1925 г. «Роль рабочих в пугачевщине» С. Томсинского.

торговому капиталу чужда была революционная программа пугачевщины. Революционной крестьянской армии были заказаны пути за черту колоний в случае выступления Пугачева на территорию метрополии, крестьянский торговый капитал, связанный с господствующим классом социально-экономическим симбиозом, с оружием в руках защищал бы крепостную скорлупу, в которой созревал».

Во-первых, это исторически неверно. В течение всего XVIII века происходили беспрерывные крестьянские волнения не только на окраинах, но и в Центральной России.

Все Екатерининское Законодательство было направлено на то, чтобы уже стянуть крепостную петлю на шее крестьянина не только в колонии, но и в метрополии. Между крестьянством и помещиком в метрополии происходили беспрерывные войны. Помещичьи наказы от метрополии вопили в один голос о крестьянских побегах.

Почему же из крепостной скорлупы убегало крестьянство, которое имело, — по мнению тов. Меерсона,—«благоприятные» условия для накопления? Бегают в Польшу, по мнению Опочецкого (Псковской губернии), дворянства, потому, что «всякий житель Польши имеет винную и соляную продажу и что у них набора рекрутского не бывает. Крестьянство, оставляя свое природное отечество, чинит набеги не только одиночками или семьями, но и целыми деревнями со всем их имуществом». Оказывается, что из счастливой метрополии они убегали туда, где была свобода торговли. Почти все «именные указы» возвещали, что «по Московской дороге», да и по близости от Петербурга чинятся явные грабежи, что разбойники вооружены тесаками и пистолетами «или что «во многих провинциях, а особлимо Московской и около Новгорода Великого, великие разбои завелись, и чинятся ужасные грабежи и разорения и мучительства помещикам». Даже в самой Москве, в центре «счастливой» метрополии, в 1774 г., началось восстание. «Московскому губернатору пришлось стрелять по народу, не желающему разойтись». Несмотря на ряд предосторожностей, 6 марта, в 6 часов вечера, раздался всеобщий клич «Да здравствует Петр III и Пугачев»[1] и несколько раз возобновлялся по всем кварталам. Крестьянское восстание вспыхивало в Рязанской и Нижегородской губерниях. Для того же, чтобы успокоить тульских ружейных мастеров, правительство заказало 90.000 ружей для арсенала. «Вот им и работа на четыре года, — писала по этому поводу Екатерина, — и шуметь не будут»[2].

И после казни Пугачева долго еще пришлось бороться с тем зловредным настроением, которое успело пустить глубокие корни среди крестьян не только в колонии, но и в Центральной России. Среди крестьян носились слухи, «якобы бы оный злодей Емелька жив, а на место его казнен другой, и тот Емелька себе новое войско собрал в киргизской степи и сюда идет».

С легкой руки тов. Меерсона, получается впечатление, что крестьянству метрополии жилось «как у Христа за пазухой»: «сословные ограниче-

[1] Анналы, т. III, стр. 171.
[2] Проф. Филиппов.—«Москва и Пугачев в июле 1774 г.», стр. 46.

ния в торговых операциях с отменой внутренних таможен превращались в простую юридическую функцию (!)» (стр. 61). Так ли это было?

По тов. Меерсону сословные ограничения стали юридической фикцией в первой половине XVIII века, а по отзывам помещиков, заседавших в местных сельскохозяйственных комиссиях в 1902 году, «телесное наказание подрывало хозяйственную деятельность крестьян».

Если сословные ограничения в России стали юридической фикцией в середине XVIII в., то какие же сословные ограничения были уничтожены Октябрьской революцией? Не надо забывать, что отмена внутренних таможен и монополий, провозглашение «свободы торговли» совпадают с утверждением за дворянством исключительных привилегий, монополий и прав!

Оброчное крестьянство метрополии обогащалось от торговли. В его среде происходило накопление. Когда купечество грызлось с дворянством в Екатерининской Законодательной Комиссии, крестьянство стало на сторону помещиков. Крестьянству было достаточно господства только одних помещиков. Но чем же было выгодно крестьянству метрополии защищать помещичью скорлупу в разгоревшейся борьбе между крестьянством колонии и помещиком метрополии?! Разве оброчное крестьянство Московской губернии имело перед собой конкурента в лице торговца Казанской губернии, а не в лице своего собственного помещика? Автор «ранней буржуазной революции» совершенно смазывает противоречия между крестьянским торговым капиталом и помещичьим в метрополии, между двумя путями аграрного развития России, которые зарождались в тогдашней метрополии.

Даже в крепостную эпоху, по тов. Меерсону, между помещиком и крестьянином не только не было никаких противоречий, но крепостной крестьянин даже готов был защищать помещика! Если это соответствовало бы действительности, тогда никак нельзя было бы понять, почему помещичье хозяйство было помехой по пути развития крестьянства. Эта реакционная точка зрения ничего общего не имеет с марксизмом.

Каковы же были на деле права крестьян в метрополии? Без купеческого права закон запрещал крестьянину торговать. Даже скромное третьегильдийское право торговли крестьянин мог получить только с разрешения купеческого общества. Даже еще в 1807 году запрещали иностранцам вступать в торговые сношения с крестьянами. В течение всего XVIII века крестьянин имел право торговать только до полудня, его торг ограничивался исключительно с'естными припасами. Торговавшее крестьянство при содействии помещиков обходило ограничения и торговало. Однако купеческие наказы преувеличивают торговую роль крестьянства.

По тов. Меерсону получается, что преследовалась крестьянская торговля только в колонии. Это неверно.

И в метрополии крестьянское накопление ограничивалось. В данном случае следует поверить не тов. Меерсону, а Козловскому-Коробьину, единственному помещику, осмелившемуся в Екатерининской Законодательной Комиссии защищать крепостных. Разбирая причину бегства крестьян, он заявил: «многие помещики для удовлетворения своих должников отдают людей с земли для зарабатывания, а наживших некоторое состояние поме-

щики ограбливают»[1]. Крестьяне Окладниковой слободки жаловались на крайнее стеснение средств существования, в их местности «хлеб родится с немалым уменьшением пртотив верховых городов, а в городах торгов им иметь не велено». Они заканчивают свой наказ просьбой о предоставлении им права свободного торга по городам. Такая просьба встречается во многих наказах. Крестьяне Богоявленского погоста жаловались, что купцы Шенкурского посада запрещают им привозимые в посад крестьянские товары продавать[2].

Посмотрим, наконец, каковы были взаимоотношения помещиков с торгующим крестьянством. Приведем яркий документ из Сб. И. Р. И. О. (т. 107, стр. 271), представленый опоченкими купцами. Они пишут: «некоторые из дворянства для большого собрания товару своим крестьянам единственно запрещают, чтобы льна и пеньки, которая в собственных их домах родится, купецким людям не продавали, а отдавали бы им, помещикам. К тому же дворяне раздают крестьянам наличные деньги не малою суммой и принуждают, чтоб действительною покупкой купили у своих и посторонних крестьян, а некоторые из дворян, оставя звания своего чин, сами собою от'езжая, у посторонних крестьян покупают не малыми партиями. Да оны же, дворянство, собирающийся у них товар, лен и пеньку отвозят к портам на крестьянских лошадях; тако ж треплят и вяжут и переделывают своими работными людьми».

Вывод ясен: 1) крестьяне должны были продавать только помещикам, 2) отвозить проданный товар на своих лошадях до портов, 3) бесплатно обработать сырье. И это на языке тов. Меерсона называется «благоприятными условиями накопления», которые не позволили метропольскому крестьянину присоединиться к пугачевщине!

Крестьянской буржуазии в середине XVIII века был нанесен чувствительный удар межевыми инструкциями. Межевая инструкция 1754 и 1766 годов отменяла право личного распоряжения крестьянскими землями: 1) земли эти никому не могли быть проданы и закладываемы, 2) право наследования на крестьянских землях отменялось, 3) все крестьянские земли после смерти владельцев между их наследниками не делились, 4) собственность крестьян отбиралась «безденежно и поступала к селениям в государственные земли», 5) все торговые сделки, заключенные до издания межевой инструкции, отменялись.

Автор «ранней буржуазной революции» только в колонии видит «голый грабеж зажиточных крестьян с целью их нивелировать со всей крестьянской массой», и совершенно не видит этой же политики в метрополии.

Между прочим довольно своеобразен научный метод тов. Меерсона. Для того, чтобы доказать буржуазный характер пугачевщины, надо было проанализировать экономику Волжско-Камского района, но он часто сбивается на анализ экономики Украины, где в 1773 г. не было никакой пугачевщины. Также для того, чтобы доказать, каким образом в колониях

[1] Сб. И.Р.И.О., т. 32, стр. 486.

[2] Сб. И.Р.И.О.. т. 123, стр. XXII, предисл. Сергеевича.

крестьянский прибавочный продукт концентрировался в помещичьих руках, приводится (на 102 стр.) наказ опочецких и смоленских дворян. Непонятно, почему Псковская и Смоленская губернии противопоставлены метрополии.

Допустив даже единство интересов между крестьянской торговой буржуазией и крепостным помещичьим хозяйством, надо отметить, что лишь незначительная верхушка крестьянства была захвачена товарным обращением и что этой верхушке не пришлось менять крепостнических методов и приемов для того, чтобы обогащаться. Анализируя взаимоотношения помещика и крестьянина в XVIII в., Лященко[1] приходит к следующему бесспорному выводу: «с одной стороны, влияние интересов дворянства было велико, а ограничение права торговли наносило им явный ущерб; а с другой стороны, торговый капитал был еще не настолько значителен, чтобы охватить весь товарооборот страны. В целом ряде городов и местечек не было профессионального купечества, и торг по необходимости должен был производиться крестьянами и помещиками. Все это свидетельствует о недостаточности классовой дифференцированности общества и о недостаточности накопления торгового капитала».

Нельзя пройти мимо удельного веса крестьянской буржуазии: через 80 лет после пугачевщины, накануне «реформы», 90% хлеба, выбрасываемого на рынок, принадлежало помещикам и только 10% крестьянам.

Вопреки всем этим неоспоримым фактам, автор «Пугачевщины» берет на себя смелость утверждать, что «перерождения в промышленную буржуазию, крестьянская торговая буржуазия совершала внутри крепостной вотчины в наиболее благоприятных для нее условиях первоначального капиталистического накопления (!)». (Стр. 93).

Если так благоприятны были условия перерождения крестьянской торговой буржуазии, бывшей тепличным растением в оранжерее, то почему же и богатые мужички неоднократно старались разбить эту «оранжерею»? И чем, наконец, тогда об'яснить противоречие между феодальной и буржуазной системой, приведшее к реформе 60-х годов? С точки зрения такого приспособленческого оппортунизма никак не поймешь причины революции 1905 года!

Если даже признать, что интересы торгующего крестьянства метрополии не расходились с интересами помещиков, то не следует забывать, что бо́льший процент крестьян сидел на барщине. По вычислениям Семевского, на барщине сидело в Орловской губернии (в 1777 г.) 66%, в Тамбовской — 78%, Рязанской — 81%, Тульской—92%, Курской—92%, Псковской — 54% и т. д. Почему же не присоединилось к восстанию барщинное крестьянство, интересы которого резко расходились с интересами помещиков? Об этом автор замалчивает. Наконец, тов. Меерсон не об'ясняет, почему пугачевщина энергично действовала только в одной части колонии (Казанской, Оренбургской), а в другой части (Нижне-Новгородская и Воронежская губ.) — слабее.

[1] «История русского народного хозяйства», М. 1927 г.

Надо ставить вопрос не о том, почему крестьянство метрополии не присоединилось к восставшим, а почему ручейки беспрерывно происходивших крестьянских волнений не слились в одно восставшее крестьянское море.

Это об'ясняется следующими факторами:

1) Восстание 1773—1774 г.г. связано только с локальным кризисом, вызванным расширением колонизации в Поволжье и Приуралье.

2) Проблемы, связанные с интенсификацией сельского хозяйства метрополии во второй половине XVIII века, удачно разрешались за счет колонизации Украины, Новороссии и Татаро-Башкирии.

Как раз в этот период Украина превращается в Малороссию, а свободный украинский крестьянин — в крепостного. Эти колонии были отдушиной помещичьей метрополии.

3) Крупные крестьянские восстания не случайно происходили в России на окраинах. Окраины (т.-е. колонии), чувствовавшие всю тяжесть напирающего великорусского помещика, имели больше возможностей для организации и консолидации повстанческих сил; в частности пугачевская масса имела стальной скелет в лице горнозаводской работной массы.

Крупные восстания развивались на окраинах в связи с вовлечением новых районов в систему крепостного хозяйства: после очередного расширения района колонизации и очередной концентрации земельной собственности, сопровождаемой расширением области торгового капитала, после очередного закрепощения значительной массы крестьян и экспроприации «инородцев», сопровождавшейся усилением нажима налогового и военно-бюрократического аппарата, вспыхивали восстания.

4) Дон не помог восставшим, так как здесь за век от разиновщины до пугачевщины закончился процесс первоначальной колонизации. К концу XVIII века верхушка донского казачества превратилась в помещика.

Случайно ли не победило ни одно из грандиозных восстаний крестьян России? Причина поражений крестьянских восстаний давно об'яснена Марксом и Лениным. Распыленные, разрозненные крестьянские массы, редко могли выйти за околицу своей ограниченности. В «смутное время» крестьяне подошли к Москве, под руководством среднего землевладельца, вновь восходящей социальной группы, боровшейся за власть. В 1917 году крестьянство победило под руководством пролетариата.

Поражение пугачевщины вытекало непосредственно из самого характера движения. Его огромному размаху соответствовали огромные противоречия:

1) попытка инонационалов в процессе восстания истребить не только русских помещиков и заводчиков, но и русских рабочих и крестьян, как проводников колонизации;

2) прогрессивный характер движения русского и иноционального крестьянства, направленного на разгром или ослабление крепостнических отношений, и реакционный характер движения инонационального купечества, землевладельцев, работорговцев и помещиков,

стремившихся вернуть утрачиваемые монополии и привилегии;

3) противоречия в среде колониальных народов: вражда башкиро-киргизская, калмыко-киргизская, башкиро-калмыцкая, татаро-киргизская и т. д.[1];

4) классовые противоречия в среде восставших: борьба тептярей с башкирами-землевладельцами;

5) противоречие между торгующим крестьянством колонии и туземным купечеством;

6) противоречие между работной пролетаризировавшейся массой и крестьянством;

7) огромная башкирская армия покинула Пугачева под Казанью; инонациональная масса в силу своего мужицкого кретинизма не была в состоянии перенести свои военные действия за пределы края;

8) поворот Пугачева от Казани на юг, а не на Москву, не является случайным. Он органически вытекает из характера и тактики движения[2];

9) царская армия успела нанести пугачевщине удар, потому что она во-время успела разбить Турцию;

В самый грозный момент, когда, казалось, что Пугачев повернет от Казани к Москве, 10 июля 1774 года заключается с Турцией мир. Россия получила свободу плавать на Черном море, вести торговлю во владениях Турции и проходить в Средиземное море через проливы. Известно, что побеждающая армия слабо поддается влиянию революционных идей;

10) армии не трудно было разбить восставших, которые тем хуже были вооружены, чем дальше они уходили от заводской базы. Вот как был вооружен правительственный башкирский полк, часть которого перешла на сторону восставших.

Если так плохо был вооружен правительственный башкирский полк, обязанный явиться во всеоружии, то можно себе представить, как плохо была вооружена вся масса восставших вдали от горных заводов: она высту-

[1] И во время восстания инонационалы друг на друга нападали. Приведем один из многочисленных примеров: пользуясь восстанием, киргизы захватили 2.000 башкир в рабство. В феврале 1775 г. два отряда казаков, усиленные 500 башкир, напали на зимовки киргиз и учинили «столь храбрый поиск и сей ветреный народ в такой страх привели, что и поныне они чувствуют». Затем немного позже башкиры в числе 700 человек, произвели два набега на киргиз. Последние стремились завладеть местностью «Нарым-Пески», лежавшей между Волгой и Уралом. Во время суровых и многоснежных зим, они стремились укрыться со стадами на правый берег Урала, где в дремучих лесах Башкирии находили защиту от буранов, корм для скота и топливо для своих кибиток. Но для того, чтобы достигнуть этого района, киргизы должны были прорваться сквозь линейные форпосты Уральских казаков, расположенных по Уралу и отразить калмыков. В засушливые годы, когда выгоревшие Зауральские степи были не в состоянии прокормить скот, киргизы массами устремлялись на Урал. На этой почве происходили постоянные столкновения калмыков с киргизами. (Труды О-ва Изуч. Казакстана. т. VII, ч. II, 1926 г.)

[2] Кстати, и народники через 100 лет после пугачевщины, направляясь в районы—«Пугачева и Разина», оказались не дальновиднее самого Пугачева.

Звание	вооружены	
	пистолетом	стрелой
Старшин	3	—
Есаулов	8	—
Хорунжих	9	—
Сотников	8	—
Башкир-рядовых	265	391

гала со своим классическим дрекольем, топором, и стрелой против армии, недавно разбившей регулярное турецкое войско.

V

Причины отсталости России

В связи с поражением пугачевщины автор «разрешает» сложнейшую историческую проблему о причинах отсталости России. Оказывается, что «разгадка экономической отсталости России кроется в поражении американского типа развития капитала в царских колониях». Как легко он нашел точку опоры... истории России! Я не буду подражать тов. М., так как этот вопрос требует большого специального исследования. Ограничусь некоторыми замечаниями.

Во-первых, не может терпеть поражения то, чего не было. Во-вторых, причину отсталости России надо искать не только в колониях, но и в метрополии, чего тов. М. не делает. В-третьих, этот тезис вообще не верно ставит вопрос о роли колонии: хотя, скажем, большинство английских и все германские колонии, не прошли через Америки», однако, они были положительными факторами в истории развития метрополии.

Нельзя, между прочим, не указать, что Татаро-Башкирия и Сибирь были гораздо беднее Индии или Калифорнии. В середине XVIII века в Бенгалии было занято несколько миллионов человек в одной только бумагопрядильной и бумаготкацкой промышленности. Были и текстильные фабрики, в которых работали свыше 100 человек. К концу XVIII века индийские товары продавались дешевле английских. Татаро-Башкирия в сравнении с Индией была почти пустыней. Разве сравнимы доходы какой-нибудь Голландско-Индийской или Левантийской разбойничьей компании с грабежом наших завоевателей Сибири? Разве похожи доходы наших путешественников-авантюристов на доходы «морских героев» эпохи английской Елизаветы?!

По поводу открытия Калифорнского золота Маркс писал, что оно «является более важным фактором, чем февральская революция, и будет иметь гораздо более грандиозные результаты, чем самое открытие Америки». (Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции. 496 стр.). Маркс считает, что «ввезенные из колоний продукты, в особенности массы золота и серебра, поступившие в обращение, радикально видоизменили взаимоотношения классов и нанесли жестокий удар феодальной собственности».

А Россия в своих восточных колониях нашла только замкнутые недра, раскрытие которых требовало большого напряжения издержек производства и напряжения всех сил метрополии.

Причина отсталости России сформулирована Лениным в следующих строках: «если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его решение» [1].

Это справедливо не только для XIX века, но и для XVI и XVIII веков.

Вот где разгадка экономической отсталости России и столь продолжительного существования царской монархии.

---

[1] Ленин, III, примечание на 485 стр.

Н. Рожков

Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования

(Посмертная статья) [1]

I

Введение

Научное изучение русской истории поставлено было на прочную почву исследования массового материала неизданных источников впервые С. М. Соловьевым в его монументальной «Истории России с древнейших времен». Соловьев сделал первые просеки в дремучем, девственном лесу этих материалов, сосредоточивая в особенности свое внимание на тех из них, которые касались внешней политики и дипломатических сношений, но делая экскурсы и в других областях общественных отношений, государственного строя и духовной культуры.

Ключевский не только ввел в оборот большой и свежий материал главным образом социальной истории, но и привил своим ученикам вкус и интерес к хозяйственной жизни прошлого, дал образцы тонкого и глубокого историко-критического анализа и внушил им стремление к широкому охвату обширного, массового материала неизданных первоисточников, продолжая таким образом в последнем отношении по преемству работу Соловьева. И школа Ключевского продолжала в свою очередь глубокие и широкие просеки в девственном лесу новых первоисточников преимущественно XVI, XVII и XVIII веков.

Великая русская революция сделала доступными для исследования новые богатства неизданных источников, до сих пор совершенно еще не тронутые научным анализом. И здесь надо прорубить просеки, положить начало грядущей работе, продолжить в данной сфере то, что начато нашими учителями в других областях исторического знания.

В революционную эпоху, естественно, преимущественное внимание привлекает к себе история революционных событий, групп и лиц, а также

[1] 9 апреля 1926 г. покойный Н. А. Рожков сделал доклад в о-ве историков-марксистов «К методологии истории промышленных предприятий» (см. «Ист.-Марксист» т. II, 1926 г.), вызвавший большой интерес и споры среди историков. Настоящая статья является как бы продолжением этого доклада и вскрывает особенности методологического построения Н. А. Рожкова.

история революционного движения. И в этом отношении сделано очень многое как по части исследования, так и в особенности опубликования нового материала и ввода его в ученый оборот. Преимущественное значение рабочего движения выяснено здесь достаточно и не подлежит сомнению.

Но и традиции школы Ключевского и Виноградова, и исторический материализм Маркса обязывают искать разгадки и об'яснения многих важнейших и все еще не вполне выясненных особенностей русского рабочего движения и русской революции вообще в экономическом базисе, в истории народного хозяйства вообще и в особенности в истории русской индустрии, фабричной промышленности.

Именно в этой области сейчас, во время революции, собран и сделан доступным огромный материал, сосредоточенный главным образом в Москве в Архиве народного хозяйства, культуры и быта. Материал этот касается истории отдельных фабрик.

Предшествующие работы по истории русской индустрии, лучшими из которых являются труды Корсака, Туган-Барановского, Семевского, не тронули этого материала. Публикации сырого материала, раньше делавшиеся, также его не коснулись.

В то же время материал этот колоссален, необозрим, непреодолим для попыток охватить его целиком не только личных, но и коллективных.

Что делать? Как начать работу?

Очевидно, работа должна быть коллективной, — это во-первых. Во-вторых, и при ней надо выбирать на первую очередь типичное, характерное, наиболее показательное. Это и будет главной, основной, ориентировочной просекой в новом девственном лесу материалов и тем облегчит дальнейшую детализирующую и конкретизирующую работу.

Руководясь этими соображениями, мы остановились на истории московской Трехгорной мануфактуры, бывшей Прохоровской. Она в значительной степени типична, характерна для текстильной, в частности хлопчатобумажной, промышленности не одной Москвы, а всего центрального промышленного района. В самом деле: хлопчатобумажная промышленность для этого района до последнего времени являлась наиболее типичной, характерной, господствующей; Прохоровская мануфактура представляла собою обширное предприятие, насчитывавшее в XX в. до 8 тысяч рабочих и служащих[1], так что концентрация производства — черта характерная для русской фабричной индустрии конца XIX и начала XX века — нашла себе здесь также чрезвычайно яркое выражение; далее: и другая черта — сравнительная техническая отсталость, тоже типичная для старорежимной русской индустрии,—выражена была в Трехгорной мануфактуре достаточно определенно; правда, новейшие достижения техники в области хлопчатобумажного производства здесь обычно находили себе применение, но самое строение фабрики, представлявшей собою соединение прядильного, ткацкого и ситценабивного производства, не удовлетворяло новейшему требованию индустриальной специализации; наконец, состав рабочих фабрики, в большинстве

[1] «Материалы к истории Прохоровской Трехгорной Мануфактуры», стр. 286.

своем в той или иной степени связанных с землей, был типичен для центрально-промышленного района. Можно еще отметить, что до 1905 г. фабрика была важным оплотом зубатовщины, партийная политическая работа на ней не была развитой и интенсивной, и даже во время забастовки по случаю 9 января Прохоровская фабрика присоединилась к другим поздно в соответствии со слабостью этого движения в то время во всей фабричной Москве.

Итак выбор Трехгорной мануфактуры для первоочередного изучения оправдывается ее типичностью для данного времени и для определенного места.

Но и в самых особенностях фабрики, в ее оригинальных чертах, в своеобразных отклонениях есть основания для того, чтобы именно с нее начать исследование. Все эти особенности в их полноте будут выяснены в самом исследовании. Теперь отметим лишь одну: Прохоровская фабрика сыграла очень важную роль в декабрьском восстании 1905 года. Этот крупный факт требует об'яснения. Об'яснение надо искать прежде всего, хотя и не исключительно, в исследовании истории фабрики как экономического организма.

Именно Трехгорная мануфактура в ее истории и будет предметом нашего изучения, как определенный экономический организм. Не история рабочего движения или партийной агитации, организации и пропаганды будет ближайшей нашей задачей — здесь кое-что сделано и доделать это мы не откажемся в будущем, — а как раз исследование фабрики как хозяйственной организации. Здесь мы будем искать корней, ключа для понимания всей надстройки, возводившейся жизнью на этой почве. Может быть, нам и не удастся найти этот ключ, эти корни, но надо сделать первую попытку, первый шаг в этом направлении. Если он будет неудачен, — за ним последуют другие, более уверенные и плодотворные, которые будут сделаны более умелыми людьми, чем мы.

II

Источники и литература

Те источники, которыми мы пользовались, не отличаются совершенной полнотой и тем более разнообразием и разносторонностью. Материалы по истории Трехгорной мануфактуры, хранящиеся в Архиве народного хозяйства, культуры и быта, заключаются исключительно в бухгалтерском, конторском и торговом делопроизводстве. В Архиве нет деловой и личной переписки владельцев и администрации. Это, конечно важный дефект, существенный пробел.

Это делает материал однообразным, сухим, пожалуй, в известном смысле, скучным, а изучение его кропотливым и тяжелым. Но по существу статистический, бухгалтерский материал, конечно, важнее переписки при изучении предприятия как хозяйственной организации, так что цель исследования может быть достигнута и при отсутствии переписки.

Другой пробел имеет хронологический характер: наши материалы начинаются только 1829 годом, тогда как фабрика была основана в 1799 году. Но, во-первых, кое-какие источники истории фабрики за более ранее время

напечатаны в изданных в 1916 г. «Материалах», а во-вторых, фабрика двадцатых и тридцатых годов XIX в., в значительной степени и позднее, являлась по типу своему, как хозяйственная организация, сходной с фабрикой самого начала века. Таким образом и этот второй пробел не может сколько-нибудь существенно отразиться на результатах исследования.

Есть, наконец, и третий пробел — неполнота бухгалтерских книг за те годы, за которые они дошли до нас: многое в этом отношении утрачено, многих книг нет. Конечно, бывает так, что за одни годы сохранились такие книги, которые за другие утрачены, что существенно помогает работе, так как тип фабрики не менялся же так быстро. С другой стороны кое-что можно восстановить или установить, прибегая к косвенным методам работы на основании данных других лет и разных иных соображений и построений. Но при всем том за некоторые годы здесь полнота изображения оказывается невозможной. Этот пробел наиболее существен, и в исследовании поэтому далеко не все будет установлено окончательно и с надлежащей полнотой.

Самый важный вопрос — это, конечно, вопрос о степени достоверности наших источников.

Выгодно ли было счетоводам и бухгалтерам Трехгорной мануфактуры, учитывавших ее производство и торговлю, а также управляющим и, наконец, хозяевам извращать в данном случае действительность, давать ей неверное отражение или изображение?

Говоря вообще, конечно, невыгодно. Ведь эта счетоводная, бухгалтерская работа была необходима именно для того, чтобы выявить подлинную действительность, отразить ее точно и верно: без этого нельзя было вести дело, надеяться на его успех. Притом же вся эта счетная работа, предназначенная исключительно для собственного употребления хозяев и руководителей дела, была покрыта коммерческой тайной, неведома для посторонних лиц. Вот почему наши источники имеют характер несомненной и очень большой достоверности.

Это не исключает, конечно, необходимости критического к ним подхода тогда в особенности, в тех отдельных случаях, когда можно и должно предполагать наличность известной заинтересованности в том, чтобы замаскировать истину, прикрыть, завуалировать до некоторой, по крайней мере, степени подлинную действительность. Сюда преимущественно относятся случаи подсчета прибылей, дивидендов. И в налоговом отношении, и из-за нежелания возбуждать классовую ненависть предпринимателям было выгодно преуменьшать частично прибыли, относя, напр., часть на жалованье членам правления, каковыми были те же предприниматели, на тантьемы им же и т. д. Здесь критика и поправки к бухгалтерским выводам обязательны и необходимы. Но важно то, что они не трудны, даются притом самим же исследуемым материалом, и этим обеспечивается верность, прочность, обоснованность конечных достижений исследовательской работы.

Есть однако в бухгалтерском материале для исследователей его некоторые специфические опасности, которые необходимо оговорить. Они заключаются, с одной стороны, в бухгалтерских фикциях, нередко встречаю-

шихся и потому вызывающих необходимость вскрытия действительности, подчас или затемняемой или отражаемой неточно, с другой — в сложности делопроизводства в особенности в позднейшее время, с последних десятилетий XIX века. Необходимо в этом втором отношении представить себе всю систему делопроизводства в целом, чтобы понять, где и чего можно и должно искать, чтобы не завязнуть и не запутаться в массе цифр, не проделать излишнюю, бесполезную работу, начать эту работу с тех источников, которые дают максимум необходимого и снабжают исходными точками для исследования других материалов, делая, наконец, многие из последних почти совершенно излишними для изучения или необходимыми только для частичных, отдельных справок.

На этих вопросах в виду их важности с точки зрения источниковедения необходимо остановиться несколько подробнее.

Переходя к этим подробностям, отметим прежде всего, что счетоводство видоизменялось с течением времени в зависимости от изменения самого хозяйственного типа предприятия. Мы увидим позднее, что перемены во времени в организации предприятия сопровождались и переменами по существу, переменами в типе предприятия, а этот тип в свою очередь выражал собою степень или ступень развития промышленного или индустриального капитализма. Два основных типа в этом отношении являются характерными— тип торгово-капиталистического промышленного предприятия — мануфактуры, связанной обычно с домашней индустрией,—и тип производственно-капиталистического промышленного предприятия — фабрики в собственном смысле этого слова с механическими двигателями, как ее технической основой. В разных русских промышленных предприятиях и районах смена этих двух типов совершилась неодновременно. Известно, например, что еще в 1805 году в Петербурге появилась хлопчатобумажная фабрика нового, производственно-капиталистического типа, с механическими двигателями, основанная Осовским[1]. Или другой пример, относящийся к более позднему времени: в 1838 г. Мальцев основал в том же Петербурге Самсониевскую бумагопрядильню такого же нового производственно-капиталистического типа, настоящую фабрику[2]. В Трехгорной мануфактуре первые зародышевые признаки перехода к новому типу наблюдаются, как впоследствии увидим, в начале сороковых годов XIX в.; но более заметными они становятся только позднее — в шестидесятых годах: именно в 1859—60 г. куплены были четырехколерная набивная машина, травильная машина, складочная машина[3]. Окончательное же превращение мануфактуры в фабрику здесь произошло много позднее, — в последние десятилетия XIX в.

Соответственно этому менялась и бухгалтерия. Она была весьма несложной, чрезвычайно простой, пока предприятие сохраняло тип мануфак-

[1] Ляхов. Основные черты социальных и экономических отношений при Александре I. М. 1912, стр. 113.

[2] Старина и Новизна, кн. VII, стр. 169.

[3] Архив народного хозяйства, культуры и быта. „Дела Трехгорной мануфактуры". № 4929 л. 5 об. Ниже мы ставим только №, что означает именно № дел Трехг. ман. в этом архиве.

туры, торгово-капиталистической характер. С переходом к производственно-капиталистическому типу усложнялось и счетоводство.

Для торгово-капиталистической эпохи главными, основными, типичными являются пять книг: 1) Главная, 2) Мемориал, 3) Журнал, 4) Касса, 5) Товарная. В начале фигурирует еще меньше книг — большею частью две первых. Что такое они собою представляют, что дают, какой материал содержат? И с какой из этих книг надо начинать работу, чтобы не затратить лишнего труда? Наконец, каких бухгалтерских фикций надо здесь остерегаться?

Начинать работу надо непременно с Главной книги, так как здесь материал оказывается в наиболее обобщенном, итоговом виде, что избавляет от излишних подсчетов, совершенно необходимых, если начинать дело с книг других типов.

Что дает Главная этого времени?

Она сообщает прежде всего данные о приходе и расходе сырых материалов, каковыми для ткацкой и ситценабивной фабрики того времени была бумажная пряжа, т.-е. в сущности уже полуфабрикат, при чем можно определить и происхождение этой пряжи: сколько ее шло с русских прядильных фабрик и сколько из-за границы, собственно из Англии.

Затем по Главной можно определить количество пряжи, раздававшейся мастеркам-кустарям, и количество ее, перерабатывавшееся на самой фабрике.

Далее указываются размеры годового производства, — мера, цена и сумма разных сортов материй и изделий, изготовлявшихся в год на фабрике.

Таким образом Главная книга характеризует рост производства и формы его, а также и погодные изменения в обоих этих отношениях. Это дает возможность поставить и разрешить вопрос о под'емах и кризисах в торгово-капиталистическую эпоху, — вопрос совершенно неразработанный, новый и в теоретической экономии и в экономической истории.

Мемориал в известном смысле является антиподом Главной книги и вместе с тем подготовительной для нее ступенью. Мемориал, — самая сырая, первоначальная бухгалтерская книга, беспорядочная запись по дням доходов и расходов, при чем и доходы и расходы записываются под ряд, на одной стороне книги и ее листов вместе. Когда за какой-либо год нет Главной книги, приходится для получения тех результатов, которые дает изучение Главной, обращаться непосредственно к Мемориалу, что вызывает необходимость чрезвычайно кропотливой и трудной работы. Но ошибочно было бы думать, что когда Главная имеется налицо, то это избавляет от необходимости изучения Мемориала. Это далеко не так. Не говоря уже о том, что многие общие данные Главной книги конкретизируются и детализируются Мемориалом, — в последнем есть иногда и важные дополнительные сведения, не даваемые Главной книгой. Таковы, напр., данные о домах, кредите, о том, у кого кредитовалась фабрика и кого она в свою очередь кредитовала. Поэтому Мемориал также приходится изучать после Главной книги, пользуясь им как источником дополнительного материала.

Третий тип книг, с которым приходится иметь дело исследователю истории Трехгорной мануфактуры в то время, когда она сохраняла характер промышленного предприятия торгово-капиталистического периода, — это Журнал. По существу своему Журнал — это систематизированный Мемориал: он содержит в себе итоги доходов и расходов за каждый месяц, иначе — месячный оборот фабрики, а затем также баланс за год, т.-е. учет того, что остается в наличности и в денежной форме (в виде прибыли и проч.) и в машинах и материалах и т. д. Журнал — промежуточная форма между Мемориалом и Главной книгой и именно вследствие такого промежуточного своего характера имеет по сравнению с двумя крайними, резко выраженными типами, особенно по сравнению с Главной книгой, второстепенное значение, как источник. Важнее всего в нем именно остатки по балансу, т.-е. упомянутый сейчас учет денежной наличности, машин, материалов и пр. за год. Конечно, Журнал — удобный, пригодный источник и для соображений об учете быстроты оборотов производства и торговли по отдельным месяцам: руководясь именно им, можно определить для каждого года месяцы максимального напряжения производства и обмена хлопчатобумажных товаров.

Что касается Кассы, появляющейся в наших материалах только с половины тридцатых годов, то она содержит в себе только денежный приход и расход и в этом смысле является также дополнительным источником необходимых сведений.

Наконец, Товарная книга торговой конторы дает сведения о продаже фабричных изделий разного рода и в этом смысле является также важным источником.

Отметим еще Главную книгу харчевого амбара, встречающуюся за некоторые (далеко не за все и даже не за многие) годы. Она важна тем, что дает сведения об эксплоатации рабочих хозяевами путем продажи им продуктов, предметов потребления и о прибылях, отсюда получаемых.

Таковы, не считая некоторых второстепенных, маловажных подробностей и дополнений бухгалтерские материалы торгово-капиталистического времени. Они сравнительно немногочисленны и несложны. Как просто было производство, так проста была и бухгалтерия. Поэтому и бухгалтерских фикций и вытекающих отсюда опасностей совершить ошибку, отклониться от действительности, изобразить положение дела не таким, каким оно было в реальности, нет или почти нет. Возможны, конечно, ошибки в записях и исправление их бухгалтерским порядком, т.-е. не путем вычеркиванья и поправок в тексте, а путем особых записей в приход и расход ошибочно внесенных в книги сумм, но это — редкость, которую можно притом без особого труда подметить, да если бы и не удалось подметить, — беда была бы не велика, так как именно в виду редкости подобных явлений на общих итогах они отражаются мало и слабо.

Бухгалтерия производственно-капиталистической эпохи сложна и состоит из большого числа книг: в 90-х годах XIX в. число это доходит до двух с половиной — трех десятков. Здесь требуется большая осторожность и

тщательная критика, так как имеется немало бухгалтерских фикций и условностей [1].

Конечно, и здесь Главная книга является основной. Сказанное о ней выше применимо вполне и в данном случае. С нее именно и надо изучать изучение источников. Но Главная производственно-капиталистической эпохи несравненно и сложнее и богаче материалом, чем Главная торгово-капиталистического времени.

Она содержит в себе прежде всего годовые цифры счетов следующего назначения: 1) стоимости всех строений фабрики, в том числе и вновь сооруженных в течение последнего года, 2) общей стоимости машин и принадлежностей к ним и новых затрат в течение года на приобретение машин и принадлежностей, 3) общей стоимости фабричной движимости (столов, шкафов, стульев, коек и пр.) и вновь приобретенной в том числе, 4) стоимости сооружений в Ярославле для получения и хранения нефти, вообще стоимости топлива и освещения, 5) стоимости материалов — пряжи, красильных и химических материалов. Все эти счета в своей совокупности дают то, что, по терминологии Маркса, именуется постоянным капиталом.

Далее в Главной книге есть счета жалованья и заработной платы, характеризующие переменный капитал. Таким образом можно установить соотношение постоянного и переменного капиталов в предприятии, т.-е. определить строение капитала.

Счета сурового товара, пряжи (с тех пор, как с 1896 г. заведено было прядильное отделение) и набивного товара дают возможность представить производство на фабрике в главных его результатах.

Торговля и кредит характеризуются следующими счетами: 1) счетами лавок иногородних и московских, 2) дебета и кредита, 3) харчевой лавки, 4) кассы, 5) общества потребителей, 6) полученных и выданных документов и учтенных векселей.

Наконец, счета: 1) банков, 2) уплаты податей, 3) штрафов с рабочих, 4) дивиденда, прибылей и убытка важны для характеристики распределения результатов фабричного производства между капиталистами, государством и рабочими, при чем здесь, разумеется, надо учесть и упомянутые выше счета жалованья и заработной платы.

Таково богатое и сложное по своему составу содержание Главной книги производственно-капиталистического времени. В нем есть однако два важных недостатка, которые исследователю приходится постараться устранить: во-первых, в Главной этого времени много бухгалтерских фикций и условностей, о которых у нас пойдет речь ниже особо, во-вторых, содержание Главной книги часто оказывается недостаточно конкретным, так что ее общие итоги необходимо раскрыть, конкретизировать, что возможно только при помощи других бухгалтерских книг.

Именно в этом порядке конкретизации следующую за Главной книгой ступень представляет собою Ресконтро. Ресконтро — это по определению

[1] Все, что сказано здесь о бухгалтерии 90-х годов, является результатом работы над соответствующим материалом, произведенной М. К. Пшеницыной-Рожковой.

специалистов по бухгалтерии расчетная лицевая книга. В Ресконтро содержится более подробное, реальное содержание счетов Главной книги с указанием в хронологическом порядке точного времени приобретений и платежей. Ресконтро однако не исчерпывает всего материала в этом отношении. Ему соответствуют здесь еще другие книги, имеющие тот же характер, что и Ресконтро, занимающие одинаковую с ним ступень: 1) Материальная книга, содержащая в себе сведения о приобретении и расходе красильных и химических материалов, 2) книга под заглавием «Суровый товар», 3) книга названная «Набивной товар», 4) касса-двух типов: сырая и сводка, 5) книга «Фабричные расходы» (мелкие: марки, похороны и пр.), 6) Кредиторы, 7) Дебиторы.

Спускаясь еще на одну ступень ниже, имеем Журнал — такую же помесячную и годовую сводку материала, какой являлась книга того же названия в торгово-капиталистический период.

Последнюю, низшую ступень составляют Мемориал и родственные ему приемные книги материалов, принадлежностей и сурового товара. Это — самое первоначальное сырье, которое подлежит детальному изучению во всей своей совокупности только тогда, когда не сохранились книги высших ступеней или типов. В противном случае сюда нужно обращаться только за отдельными справками, в которых может встретиться нужда при изучении других книг.

Остается, наконец, критический подход к материалу, относящемуся к производственно-капиталистической эпохи. Конечно, и здесь надо остерегаться тех опасностей, которые были отмечены выше, при характеристике источников торгово-капиталистического периода: формально-бухгалтерские записки, сделанные для исправления ошибок, не следует принимать за реальные цифры доходов и расходов, характеризующие производство и торговлю. Но опасности здесь больше и сложнее. Они вытекают из большей сложности производственно-капиталистической бухгалтерии.

Прежде всего надо иметь в виду смысл некоторых бухгалтерских терминов, особенно двух — «сконто» и «сторно». Что касается «сконто», то под этим словом разумеется счет скидок при продаже фабрикатов, и дело тут совершенно понятно и не требует дальнейших раз'яснений. Несколько сложнее положение с термином «сторно». Им обозначается снос сумм с одного бухгалтерского счета на другой. Иногда эти суммы, которые сносятся с одного счета на другой, и не обозначаются термином «сторно», а прямо говорится, что сумма сносится на такой-то счет. Здесь — большая опасность: можно сосчитать все сносимые суммы в их общей совокупности, и это будет совершенно не соответствовать действительности, так что выйдет, что при определении общего оборота предприятия одна реальная, действительно поступившая сумма будет сосчитана несколько раз. Все, что сносится, надо таким образом считать только один раз.

Отметим, что наибольшую трудность представляет определение общего реального оборота предприятия. Это — работа сложная, требующая ряда проверок и сопоставлений. По счастью она облегчается тем, что существуют

американские способы определения или исчисления темпа оборота. Лучший из них — установление отношения ценности годичной реализации продукции к остаткам материалов, полуфабрикатов и товаров, получающимся в конце производственного года.

Таково главное, что необходимо сказать об источниках.

Говоря о литературе, мы не будем касаться общих работ по истории русской фабрично-заводской промышленности: их достоинства и недостатки общеизвестны. Остановимся ненадолго только на изданных в 1916 году «Материалах к истории Прохоровской Трехгорной Мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. Годы 1799—1915». Автор этой большой книги скрылся под инициалами П. Т. Повидимому, им является Петр Никитич Терентьев, который с 1885 г. был старшим учителем основанной Прохоровыми школы ремесленных учеников и заведующим состоявшими при этой школе ремесленно-дополнительными классами, с 1895 г. учителем-инспектором той же школы; в 1905 г. школа была преобразована в мануфактурно-техническое училище, и П. Н. Терентьев стал директором этого училища. Школа и училище имели специальною целью приготовление рабочих известной степени квалификации, необходимых для Трехгорной мануфактуры.

Таким образом автором «Материалов» является старый служака Прохоровых, 30 лет работавший в созданном ими учебном заведении. «Материалы» изданы на счет Прохоровых.

При этих условиях понятна тенденция, какою отличается книга: это — не столько история фабрики, сколько панегирик ее хозяевам и их промышленной деятельности. Панегирический характер книги бросается в глаза почти на каждой ее странице и ярко проявляется также в предисловии, где, напр., утверждается, что целью Прохоровых было «жить в боге, жить для ближних». Понятно, что такой налет должен быть снят, что он представляет собою первый и крупнейший недостаток «Материалов».

Недостаток этот, к сожалению, не единственный. Другим важным недостатком является слабое изображение экономических перемен, переживавшихся фабрикой. Архивный материал, имевшийся и имеющийся в таком изобилии, очень мало использован автором.

Есть, конечно, и другие, более мелкие недостатки и ошибки, о которых удобнее говорить не сейчас, а в соответствующих местах изложения самой истории фабрики.

Было бы несправедливо, говоря о недостатках книги, не отметить ее достоинств: достоинства есть и заслуживают внимания.

Прежде всего автор уделяет много внимания и интереса детальному изображению техники старого, ручного, ремесленного производства в прежней торгово-капиталистической мануфактуре и тех перемен, какие эта техника последовательно переживала. Это понятно: такая техника близка сердцу учителя и руководителя ремесленной школы. Сообщаемые в этом отношении в «Материалах» данные очень интересны и ценны, и ими необходимо воспользоваться.

Затем «Материалы» содержат в себе ряд фактов по истории Трехгорной мануфактуры с 1799 г. по тридцатые годы XIX в., тогда как наш архивный материал начинается только 1829 годом. Использовать эти факты за первые 30 лет существования фабрики также необходимо.

Далее: и за остальные годы в «Материалах» немало фактов и данных, дополняющих наш архивный материал.

Наконец, книга богато иллюстрирована, и особенно ценными являются иллюстрации новейшего оборудования фабрики, дающие чрезвычайно яркое, отчетливое и наглядное о ней представление.

III

Трехгорная мануфактура с 1799 по 1828 г.

В изучаемом нами архиве нет материалов по истории Прохоровской фабрики за первые тридцать лет ее существования—с 1799 по 1828 г. Мы уже указывали выше, что за это время кое-какие важные факты дают нам изданные в 1916 г. «Материалы». Однако, как ни важны данные, отсюда почерпаемые, не все они приемлемы и достоверны: и здесь необходима критика. Так, напр., «Материалы» сообщают, что в 1828 г. «бумаги под работой было 315 пудов» [1]. Это совершенно невозможно, так как в следующем 1829—30 г. (с Пасхи 1829 по Пасху 1830—таков год в текстильном производстве) бумаги (т.-е. пряжи)—основы и утка было переработано на фабрике 2.216 пудов 22 ф. 8 золотников (914 п. 31 ф. 58 зол. основы и 1.301 п. 31 ф. 22 зол. утка) [2]. Если принять цифру 315 п. для предыдущего года за достоверную то получится нелепость — увеличение переработки пряжи за один год по крайней мере, всемеро, что, конечно, невозможно. Очевидно, цифра 315 совершенно не соответствует действительности, и составитель «Материалов» впал здесь в ошибку, допустил недоразумение.

Изучая однако те обрывки достоверных данных, которые он нам сообщил, можно первое тридцатилетие истории Прохоровской фабрики разделить на два почти одинаковых момента: первый охватывает время с 1799 года по 1812 включительно, второй с 1813 по 1828 год.

За некоторые годы первого из этих моментов мы имеем следующие данные о приходе, расходе и остатке предприятия [3]:

Годы	Приход	Расход	Остаток
1805—6	78.541 р. 88 к.	77.209 р. 68	1.332 р. 20 к.
1806—7	79.152 „ 99 „	76.115 „ 19	3.037 „ 80 „
1807—8	73.106 „ 23 „	67.757 „ 14	5.349 „ 09 „
1808—9	54.289 „ 17 „	52.507 „ 97	1.781 „ 20 „
1809—10	78.687 „ 91 „	61.788 „ 48	16.899 „ 43 „
1810—11	81.925 „ 43 „	74.005 „ 01	7.920 „ 42 „
1811—12	66.063 „ 81 „	53.600 „ 96	12.462 „ 85 „

Приводя эту таблицу, составитель «Материалов» делает из нее тот вывод, что с 1805 г. в течение четырех лет идет сокращение производства, и

[1] Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры, стр. 56.

[2] № 5056, лл. об. перед 1 л., 1 об., 2 об.

[3] «Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры», стр. 13.

об'являет это влиянием континентальной блокады, под действием которой из Англии не привозились пряжа и миткаль[1].

Вывод этот далеко не вполне оправдывается таблицей. Прежде всего в 1806—7 году, как показывает таблица, наблюдается не сокращение, а некоторое, — правда, небольшое — увеличение производства. Затем сокращение мы видим в следующие два года—в 1807—8 и особенно в 1808—9. Это сокращение об'ясняется, конечно, континентальной системой, вызвавшей прекращение ввоза из Англии пряжи — русские бумаготкацкие и ситценабивные фабрики того времени пользовались, если не исключительно, то главным образом английской пряжей, так что на этот вид фабричной промышленности континентальная блокада производила влияние прямо противоположное тому, что наблюдалось в других отраслях русской индустрии вследствие того же влияния блокады: другие отрасли получили толчок вперед вследствие прекращения конкуренции английских фабрикантов, а бумаготкацкая и ситценабивная промышленность испытала под тем же влиянием блокады задержку, так как нуждалась в привозе полуфабриката из Англии. Но если угнетающее влияние континентальной блокады здесь и совершенно несомненно, то оно не было продолжительно: длилось только два года, так как в 1809—10 г. и особенно в 1810—11 оказался опять под'ем производства и даже очень сильный. Это понятно: блокада скоро начала нарушаться со стороны России, а потом и совсем была отменена. 1811—12 год дал однако новое уменьшение производства: здесь повлияла, конечно, угроза войны, становившейся неизбежной, и плохой урожай.

Таковы были тогда временные колебания в производстве, вызывавшиеся особенностями отдельных годов в связи с переменами политического положения страны, в частности с переменами в экономической политике.

Но приведенная таблица дает материал еще и для других выводов, несравненно более важных.

Прежде всего из нее видно, что фабрика, руководившаяся в то время компанией, состоявшей из В. И. Прохорова и Ф. И. Резанова[2], представляла собою весьма небольшую, совсем маленькую мануфактуру: производство ее простиралось обычно от 73-х до 82-х тысяч рублей ассигнациями в год, что в переводе на серебряные рубли, бывшие вдвое, потом втрое более дорогими, чем ассигнационные, составляло 36—40 или даже 25—27 тысяч рублей серебром. В 1811—12 годах производство понизилось даже до 66 тысяч р. асс. (22 тыс. р. сер.), а в 1808—9 даже до 54 тыс. р. асс. (18 т. р. сер.). Прохоровская мануфактура работала в те годы немногим лучше, чем богатая, хорошо поставленная и имеющая достаточное количество рабочих рук кустарная изба. То была мануфактура по размерам своим самая примитивная элементарная.

Другая черта, бросающаяся в глаза при рассмотрении таблицы, это — обычно довольно высокие, иногда даже очень высокие размеры прибыли. Правда, 1805—6 годы—год войны—и 1808—9—год полного применения

[1] Там же, стр. 14.
[2] «Материалы», стр. 3.

континентальной блокады—дали ничтожные остатки, составляющие в первом случае менее двух процентов производства, а во втором несколько больше — свыше трех процентов, — но уже в 1806—7 г. остаток достиг почти 4-х процентов, несмотря на продолжавшуюся войну, в 1807—8 г. он превысил 7% производства, в 1810—11 г. далеко перешел за 9%, а в 1809—10 достиг почти 22%, в 1811—12 г. был равен почти 19-ти процентам. Мало того: повидимому, приводимые в таблице цифры остатки ниже действительных, так как есть сведения, что с 1806 по 1813 год из доходов фабрики Прохоровым было взято 55.508 р. 79 к., а Резановым 113.770 р. 40 к.[1], — всего, следовательно, около 170 тысяч рублей. Так как весь капитал фабрики — движимый, недвижимый и денежный — составлял за эти годы 150 тыс. руб.[2], то прибыль составляла по меньшей мере 113%, или в среднем 16% в год на постоянный капитал.

Как же получалась эта большая прибыль?

Из таблицы видно, что она являлась результатом большого сокращения расходов, особенно в годы значительных остатков. Такое сокращение могло явиться результатом или улучшения техники производства, или усиления эксплуатации труда. Третья возможность — удешевление сырья — в действительности не имела тогда места: оно дорожало не только в годы блокады, но и после снятия ее хлопок и пряжа ценились не ниже в годы больших прибылей, чем в годы прибылей менее высоких.

Которая же из двух возможностей наблюдалась в действительности?

В нашем распоряжении имеется достаточно данных для суждения о технике производства на Трехгорной мануфактуре того времени. Суровый товар производился ручным тканьем из пряжи на примитивных ручных станках — точ в точь так же, как в любой кустарной избе. Приготовленный таким способом суровый товар отбеливался щелочною варкою в открытых котлах. Что касается набивки, крашения тканей, то она производилась так, как это делалось еще у крестьян-кустарей XVII века, — именно так называемым вапным способом: на ткань набивали вапу (мед, соли, сало) — вещества, препятствовавшие закрашиванию в кубу; после окраски в кубу промывали вапу, и получался белый узор по синему фону. Единственным улучшением, введенным на Прохоровской мануфактуре — и то позднее — здесь было нанесение на белые места красной и розовой краски[3]. Даже еще в 1817—18 г. на фабрике был только один куб для крашения[4].

Ясно, что перемен в технике за все годы—до 1813—не производилось, она была по старому примитивной и удешевлению производства способствовать не могла. Очевидно, сокращение расходов вызывалось увеличением эксплоатации труда.

Прохоровская фабрика ни в это время, ни позднее не была ни крепостной, ни поссесионной, работа в ней производилась вольнонаемным трудом помещичьих крепостных крестьян, отпускавшихся их господами на оброк

[1] «Материалы», стр. 31.
[2] Там же.
[3] «Материалы», стр. 66—67.
[4] Там же, стр. 62.

и приходивших на заработки в Москву. Мы не знаем точно условий их труда в изучаемое сейчас время. Но еще в начале тридцатых годов XIX в. эксплоатация их труда отличалась чертами, типичными для эпохи первоначального накопления. Ткачи не имели даже особых помещений для жилья, жили на фабрике, там же, где работали: «ткач, получив себе стан, устраивал на нем полати, расстилал там войлок»[1]. И, хотя составитель «Материалов», сообщая об этом, и не удержался от патриархально-идиллической разрисовки такого положения, заметив, что такой ткач «больше ни в чем не нуждался, — ему и тепло, и сухо, и просторно»[2], но, конечно, нас не обманет эта патриархальная идиллия, на деле самым ярким образом рисующая крайнюю эксплоатацию труда тем более, что труд был сдельный[3], и, кроме взрослых рабочих-мужчин, работало еще много женщин, разматывавших пряжу на катушки, и детей-мальчиков, разматывавших на шпули уточную пряжу[4].

Но независимо от этого существовал еще другой способ эксплоатации труда, еще более типичный для торгового капитализма или, что то же, первоначального накопления: это — раздача пряжи мастеркам-кустарям для выработки сурового товара. У составителя «Материалов к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры» на этот счет существует некоторое противоречие: в одном месте он говорит, что Прохоровы «завели мастерков» только в сороковых годах XIX в.[5], что, как увидим в свое время, совершенно неверно, в другом свидетельствует, что еще в 1820 г. было у фабрики конторы в Боровске и Медыни, которые раздавали основу и уток кустарям, работавшим на 70-ти станах, и что сверх того были мастерки, работавшие на фабрику и в других местах[6]. Верно именно второе сообщение, и так как уже в 1820 г. дело это оказывается в достаточной мере развитым, то, очевидно, оно корнями своими уж тогда уходило в прошлое; фабрика еще и в начале XIX в. так эксплоатировала кустарей-мастерков.

Таковы все главные сведения, какие дает нам наш источник по отношению к фабрике, как она существовала до 1812 года. При всей их неполноте, отрывочности можно, как показывает предшествующее изложение, составить себе довольно определенное представление о Прохоровской фабрике того времени, как о типичном некрупном предприятии эпохи первоначального накопления, торгового капитализма.

Второй момент в истории этого предприятия — с 1813 по 1828 год — кое-чем немаловажным отличается от первого.

Первым отличительным признаком этого времени является увеличение производства. В результате разорения Москвы в 1812 году оказались разрушенными все почти бумаготкацкие и ситценабивные московские фабрики. Трехгорная мануфактура уцелела от пожара и разрушения и оказалась без конкурентов. Это позволило Тимофею Прохорову, сыну основателя фаб-

---

[1] Там же, стр. 117.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 58.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 134.
[6] Там же, стр. 56.

рики, разделившемуся к тому времени с совладельцем ее Резановым, увеличить через 2 года производство чуть ли не в 10 раз [1].

Вторая перемена заключалась в том, что ситцепечатание, набивное производство с 1816—17 г. отодвинулось на второй план перед ткачеством, производством широких тканей и выделкой из них кашемира, шалей, платков, покрывал, а с 1824 года еще и шлафоров или шлафроков (спальных костюмов) [2]. Это производство кашемира, шалей, платков, покрывал, шлафоров и т. д. и отодвигает с тех пор на второй план ситценабивное дело на Прохоровской фабрике. Миткали и ситцы в 1813—28 годах составляли только 15—20% всего производства [3].

Третьим новшеством явились некоторые технические улучшения. Сам Т. В. Прохоров изучил химию и в 1816 г. основал при фабрике ремесленную школу для приготовления квалифицированных рабочих; из этой школы вышел между прочим принесший много выгод фабрике талантливый художник-рисовальщик Т. Е. Марыдин [4]. В 1820 году на фабрике впервые появились 5 новых самолетных станов, число которых уже в 1822 году увеличилось до 83-х, в 1823—24 до 120-ти, а в 1825 до 170. В 1828 г. введены были «станы с жакардовыми машинами» (т.-е. с французскими машинами Жаккара) для выработки узорчатых материй [5]. Улучшается и техника красильного дела: в 1819 г. было 2 куба, в 1820—четыре [6]; «лаборатория всегда в изобилии была снабжаема всеми видами известных тогда красящих веществ» [7]; введено было новое «саксонское» темно-синее крашение платков [8]. До 1820 г. выделывалось 10—15 сортов шалей и платков, в 1824—5 г. до сорока сортов [9]. При всем том машинное ситцепечатание на Прохоровской фабрике введено не было, и в этом отношении она далеко отставала от других русских фабрик того времени.

Далее расширялся в известной мере и рынок для изделий фабрики, что вынуждало фабрику увеличивать число собственных торговых учреждений. До начала двадцатых годов фабрика сбывала свои товары непосредственно только в Москве, Скопине и Зарайске. В 1822 г. впервые стали прямо торговать на украинских ярмарках, куда было отправлено тогда ситцев на 6 с лишним тысяч руб. Тогда же начали торговать в Петербурге, и в 1823 г. Т. В. Прохоров впервые поехал в Нижний-Новгород [10].

Наконец, параллельно техническим улучшениям сделана была попытка расширить собственное производство на фабрике и соответственно сократить работу кустарей-мастерков [11]. Совершенно устранить последнюю

---

[1] Там же, стр. 43—44.
[2] Там же, стр. 55.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 54.
[5] Там же, стр. 56—57.
[6] Там же, стр. 62.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же, стр. 66.
[10] Там же, стр. 52.
[11] Там же, стр. 56.

однако не удалось. Мало того: производство шлафоров, халатов, жилетов заставило создать новый контингент кустарей или ремесленников, которые шили эти костюмы; кроме того, для новых изделий — особенно для шалей— нужна была бахрома, и ее выделывали опять-таки вне фабрики особые бахромщицы.

В общем таким образом Прохоровская фабрика, хотя и обнаружила значительную приспособляемость к менявшимся экономическим обстоятельствам, но не превратилась в новое производственно-капиталистическое предприятие с машинной техникой. Она осталась предприятием торгово-капиталистического типа, старой мануфактурой, опиравшейся притом теперь уже с двух сторон на работу кустарей. Мануфактура стала только несравненно более крупной, чем прежде.

IV

1829—30 год

Переходим теперь к обследованию дошедших до нас архивных материалов. Порядок нашего изложения будет таков: мы будем приводить и анализировать все имеющиеся данные за каждый год особо, а потом, после такого детального изучения фактического материала за каждый год определенного промежутка времени—в данном случае тридцатых годов XIX в.— будут подводиться итоги, делаться общие выводы.

Как уже было сказано выше, производственный год в бумаготкацком и ситценабивном производстве длился от Пасхи до Пасхи. Таким образом первым годом нашего изучения является время от Пасхи 1829 по Пасху 1830 г. с апреля одного года по апрель другого.

Наш архивный материал, относящийся к 1829—30 годам, чрезвычайно скуден, более скуден, чем за последующие даже ближайшие годы, не говоря уже о позднейших. О полноте картины здесь совершенно не может быть речи.

Наш материал дает нам возможность прежде всего определить количество переработанной в 1829—30 г. пряжи: основы было переработано 914 п. 31 ф. 58 з., утка 1.301 п. 31 ф. 22 зол., всего 2.216 пудов 22 фунта 80 золотников [1]. За предшествующее время, к сожалению, не имеется конкретного материала для сравнения, так что нельзя судить о том, стала ли в этом году фабрика крупнее, чем прежде, по количеству перерабатываемого сырья.

Чрезвычайно ценны, но опять-таки несравнимы с прошлым за недостатком в этом прошлом данных о количестве выработанного на фабрике в 1829—30 г. сурового товара. Всего на фабрике было произведено 12.029 штук суровья, весом в 1.775 пуд. 36 фунтов 51 золотник [2]. Кроме того, кустарями-мастерками и бахромщицами было переработано 72 п. 13 ф. 64 зол. [3], что составляет менее четырех процентов всей выработки сурового товара вместе и на фабрике и кустарями.

[1] № 5056, л. об. перед 1, 1 об., 2 об.

[2] № 5056, л. л. 1–3.

[3] Там же.

Если к этому прибавить, что по данным «Материалов» в 1829—30 г. на фабрике действовало 199 набойщицких столов [1], то это и все, что мы точно знаем об этом годе. Остается, значит, не выясненным целый ряд вопросов, с которыми мы встретимся при изучении следующих лет и на которые там будут даны ответы. Тем не менее и приведенный сейчас скудный материал имеет свое значение, как исходная точка для сравнения с более поздними данными; это сравнение обрисует перед нами конкретными чертами эволюцию Прохоровской фабрики как определенной хозяйственной организации.

V

1830—31 год

Несколько более обильны или, точнее, менее скудны наши сведения о 1830—31 годе.

Прежде всего оказывается, что в этом году было переработано пряжи всего 2.572 пуда 11 фунтов 65 золотников (в том числе основы 1.315 п. 18 ф. 89 з. и утка 1.275 п. 32 ф. 72 зол.) [2]. Это составляет по сравнению с предшествующим годом, прирост свыше 16%. Стало быть, по отношению к количеству перерабатываемого полуфабриката фабрика за год сделала весьма значительный шаг вперед. Кроме того мастеркам и бахромщицам было отдано в переработку 36 пудов 14 фунтов 67 золотников [3]. По сравнению с предыдущим годом раздача пряжи кустарям таким образом уменьшилась почти вдвое. В то же время в 1830—31 г. пряжа, розданная кустарям, составляла только 1,4% всей переработанной пряжи. Отсюда как будто получается некоторый материал для общего вывода: нельзя ли вывести такую закономерность: по мере роста количества перерабатываемого сырья (полуфабриката) уменьшается и абсолютно и относительно доля этого сырья, раздаваемая кустарям. Конечно, этот вывод подлежит дальнейшей поверке данными следующих лет.

Далее: в 1830—31 г. на фабрике было изготовлено 17.652 штуки сурового товара весом 2.708 п. 8 ф. 53 з.[4]. Так как штука—величина колеблющаяся, не постоянная, не определенная по весу и мере, то сравнение с 1829—30 годом мы производим по весу, и оказывается, что по весу производство сурового товара увеличилось за год на 9,1%. В данном случае мы знаем ещё две вещи, которые остаются нам неизвестными по отношению к 1829—30 году, — именно меру изготовленного сурового товара — 288.207½ аршин [5] — и его цену 36.895 р. 98½ коп. [6]. Значит, в среднем аршин сурового товара весил 0,3 фунта и стоил около 13 коп. асс.

---

[1] «Материалы», стр. 69; на стр. 70 составитель «Материалов» приводит однако меньшую цифру набойщицких столов—всего 140.

[2] № 5056, лл. 3 об.—3 об.—11 об.

[3] № 5956, л.л. 4—8.

[4] Там же.

[5] № 5056, л.л. 6 об.—8 об.

[6] Там же.

Наконец, для 1830—31 г. мы имеем еще одно дополнительное сравнительно с 1829—30 годом данное: это — мера изготовленных на фабрике за год разных материй — кашемиров ситцев, миткалей и проч.; она равнялась 267,528½ аршинам [1]. К сожалению, остается неизвестной общая сумма их стоимости. Неизвестно также, сколько произведено было и на какую сумму покрывал, шлафоров, платков, шалей и других подобных изделий.

VI

1831—32 год

Еще более значительное увеличение количества закупленной фабрикой пряжи встречаем в 1831—32 году; основы тогда было заприходовано 1.536 п. 28 ф. 3 з.; утка 1.640 п. 4 ф. 54 з., а всего 3.176 п. 32 ф. 57 з. [2], т.-е. на 23,5% больше, чем в 1830—31 г. В то же время мастеркам и бахромницам было роздано пряжи 261 пуд 28 золотников [3], следовательно, 8,2% всей приобретенной пряжи и в 6,6 раза больше, чем в предыдущем году.

Последнее наблюдение весьма важно и требует внимания и об'яснения. Раньше раздача мастеркам уменьшалась параллельно росту количества приобретенной пряжи, теперь, несмотря на увеличение этого роста, раздача уменьшилась почти всемеро; мы наблюдаем, следовательно, сильное оживление подсобной кустарной работы, которая раньше, казалось, отмирала, близка была к совершенному замиранию.

В соответствии с этим оказывается, что на фабрике выработано было в 1831—32 г. только 2.133 п. 19 ф. 41 з. сурового товара [4], т.-е. на 20,8% меньше, чем в 1830—31 г. Значит, в данном году наблюдается кризис в производстве суровья на самой фабрике. Правда, несмотря на кризис, производство суровья все же было выше, чем два года назад в 1829—30 г.

Этот кризис становится еще более несомненным, если обратить внимание на целый ряд других фактов. Здесь важно прежде всего то, что до этого года Прохоровы арендовали ткацкую фабрику Недоброва в Серпухове (на 150 станов) и ткацкую фабрику у Крестовской заставы в Москве [5]. В 1832 г. они отказались от этих аренд, и поставлен был вообще и разрешен положительно вопрос о сокращении ткацкого дела на фабрике и о расширении ситценабивного. Затем росли долги разных торговцев Прохоровым: так по московской продаже они достигли 161.137 р. 66 к., при чем в это число вошли и 21.683 р. 98 к. неблагонадежных долгов [6].

Мы не имеем, к сожалению, и для этого года полной картины результатов производства фабрики. Попрежнему остается неизвестным, сколько и на какую сумму произведено было скатертей, одеял, покрывал, платков, шалей, шлафоров, жилетов, халатов. Повидимому, именно на эти товары, кроме суровья, падало сокращение производства в год кризиса. Это видно

[1] Там же.
[2] № 5056, л.л. 14 об., 15 об., 16 об.
[3] № 5056, л. 16.
[4] № 5056, л.л. 17 об., 18 об., 19 об.
[5] «Материалы» стр. 57.
[6] № 5061, л.л. 3 об.—4 об.

из того, что мера и стоимость произведенных тогда материй всякого рода несколько возросла сравнительно с 1830—31 г.: мера была равна 313.694$^{1}/_{12}$ арш.—на 17% больше, чем в предыдущем году, а стоимость простиралась до 59.767 р. 93½ к.[1].

В общем таким образом 1831—32 год является весьма интересным: то был год кризиса и в зависимости от этого некоторой довольно значительной перестройки или по крайней мере перегруппировки в производстве товаров. Кризис в конечном счете определялся недородом хлеба, неурожаем этого года.

VII

1832—33 год

Следующий за годом кризиса 1832—33 год, естественно, привлекает к себе наше особо-пристальное внимание: произошел ли благоприятный перелом или кризис продолжался? и если даже дело пошло на улучшение, не было ли остатков минувшего кризиса и в чем они проявлялись, если были? Вот главные вопросы, которые ставятся изучением, предыдущего года.

Прежде всего мы видим, что приход пряжи в 1832—33 г. превзошел далеко количество ее не только в 1831—32 г., но вообще за любой из предшествующих годов: он дошел до 4.870 п. 3 ф. 18 зол.[2], т.-е. превысил поступление 1831—32 г. на целых 53%. Это не должно еще однако непременно означать, что кризис миновал. Мы видели ведь в свое время, что в год кризиса пряжи поступило на 23% больше, чем за предшествующий ему год.

Гораздо характернее то, что мастеркам и бахромницам в 1832—33 г. было роздано пряжи 86 пудов 14 фунтов 35 золотников[3]. Это составляет правда, менее двух процентов всей приобретенной за этот год пряжи; кроме того по сравнению с предыдущим годом раздача пряжи кустарям уменьшилась более, чем втрое, но в то же время сравнительно с 1830—31 годом она оказывается все же почти в 2½ раза большей.

Что означают, какой имеют смысл эти сопоставления?

Смысл их совершенно ясен: кризис пошел на убыль, фабрика сама непосредственно стала работать больше, доля работы мастерков пошла на убыль, однако старая норма в этом отношении все же не была достигнута: мастерки работали все-таки больше, чем было обычно прежде. Значит, некоторый остаток кризиса имелся налицо, продолжалась депрессия.

Этот вывод подтверждается данными о количестве сработанного фабрикой сурового товара: его выработано было 2.614 п. 33 ф.[4], т.-е. на 22,5% больше, чем в год кризиса; однако уровень 1830—31 г. и здесь не был достигнут: выработка 1932—33 г. была все еще на 7% ниже этого последнего уровня. Значит, и здесь имеются на лицо и некоторое улучшение, и известный остаток кризиса, не изжитый до конца, депрессия.

---

[1] № 5056, л. 20.
[2] 5056, л. 32 об.
[3] 5056, л. 33.
[4] 5056, л. 22.

1832—33 год—первый год в истории Трехгорной мануфактуры, который дает нам общий учет стоимости её производства: за год всего было изготовлено и продано товаров на 936.996 р. 51 коп.[1]. Состояние наших источников не дает нам возможности точно учесть, какая часть всей этой годовой стоимости приходилась на материи разного рода — кашемир, белую и цветную бумажную материю, миткаль, полубархат, «жакардовую» (т.-е. узорчатую,выработанную станками Жаккара) материю—с одной стороны, и на платки, покрывала, шлафоры, шали, жилеты и халаты; с другой. Но мы можем приблизительно учесть соотношение этих двух отраслей производства по частичным данным — за две трети года[2] и менее[3], — которые у нас имеются, и оказывается, что три четверти стоимости производства приходилось на ситценабивное производство и одна четверть на выделку платков, шалей и прочих изделий.

VIII
1833—34 год

В 1833—34 г. поступление пряжи на фабрику достигло 5.712 п. 28 ф. 78 зол.[4], т.-е. превысило поступление предыдущего года на 17,3%. К сожалению остается для этого года неизвестным, сколько пряжи получили и переработали мастерки, хотя они, несомненно, работали и в этом году, потому что сведения о их работе имеются не только в предыдущем году, но и в последующем, как скоро увидим.

Сурового товару было сдано 4.918 п. 31 зол.[5]. Это указывает на весьма сильное увеличение ткацкого производства, — на целых 88% по сравнению с предшествующим годом.

Итог стоимости проданных материй—кашемиров, миткалей, жакардовой материи, ситцу, коленкору, плиса, холстины, коймы, атласа, декоса, бисерной материи — составлял за 445.550 р. 19 коп.[6], а итог стоимости изделий — шалей, платков, шлафоров, покрывал, и архалуков — равнялся 671.599 р. 89 к.[7]. Значит, общий итог продажи составлял 1.117.150 руб. 08 к.[8], при чем $^{2}/_{3}$ его приходились на изделия, а $^{1}/_{3}$ на материи. Он превышает итог продажи предыдущего года на 180.154 р., или на 19%.

Все приведенные данные показывают, что 1833—34 год был год большого под'ема производства на Трехгорной мануфактуре. Этому соответствуют и под'ем и расширение торговых оборотов фабрики. Так в 1833 г. товары фабрики имели большой успех и широкое распространение на Ниже-

[1] 5059, л. 85.
[2] № 5061, л.л. 5 -124.
[3] № 5060, л.л. 1—105 и № 5056, л. л. 34—35.
[4] № 5056, л. 43.
[5] Там же л.л. 36—49.
[6] № 5057, л.л. 39 об. и след.
[7] № 5057, л.л. 1—49.
[8] По мемориалу торг. конторы (№ 5058, л. 120) он показан несколько меньшим—1.109.737 р. 14 к., а по данным автора «Материалов» (стр. 71) большим—1.616.699 р. 77 к. В первом случае учтено не все, во втором имеется в виду производство, а не сбыт.

городской ярмарке [1]. С другой стороны, увеличилось количество торговых фирм в провинции, которые завязывали непосредственные коммерческие связи с Прохоровыми. Мы не имеем, правда, возможности дать полный, исчерпывающий список таких фирм или полный количественный их учет, но до нас дошел список должников фабрики на 1833 год: оказывается, что фабрика кредитовала тогда 165 торговых фирм в 60-ти местностях на сумму 64.262 р. 50 к. Из них 38 фирм были московские, 8 петербургских, по 6-ти ярославских и саратовских, по 5-ти тульских и калужских, 4 виленских, по 3 ревельских, старорусских, варшавских, казанских, архангельских, минских, кишиневских и серпуховских, по 2 козловских, коломенских, пронских, вольских, вязниковских, ковровских, белевских, курских, моршанских, пермских, астраханских, вологодских, воронежских, тифлисских, шуйских и тамбовских и по одной фирме павловской, боровской, ростовской, одесской, рязанской, елецкой, тираспольской, гродненской, витебской, полоцкой, шкловской, житомирской, мценской, касимовской, шемахинской, торопецкой, владимирской, гельсингфорсской, старооскольской, юрьевской, углицкой, брянской, мещовской, обоянской, моложской, велижской, смоленской, новгородской [2].

IX

1834—35 год

До нас дошло очень мало данных о 1834—35 годе, о чем приходится сильно пожалеть, так как этот год — весьма интересен. Повидимому, он, как неурожайный, был опять годом кризиса, сокращения производства.

Правда, пряжи заприходовано было много—6.297 п. 14 ф. 21 з. [3] — на 10,2% больше, чем в предшествующий год. Но из этой пряжи огромное сравнительно количество, совершенно небывалое прежде, было роздано для тканья мастеркам: они получили в общем 1.600 п. 35 ф. 13 з. [4], или 25,4% всей пряжи. Значит, более четверти полуфабриката, служившего материалом для ткацкого производства, было произведено кустарным способом. Очевидно, выработка сурового товара на самой фабрике в этот год сильно сократилась. И действительно, мы видим, что суровья было сдано с фабрики только 3.785 п. 3 ф. 12 з. [5], т.-е. сравнительно с предшествующим годом меньше на 23%. Все это — явные признаки кризиса, сокращения производства.

Мы не знаем количества выработанных и проданных в этот год материй и изделий. Но известно, что кашемиров девяти сортов было выделано 364.244 $^1/_{12}$ арш. [6]. Между тем в предшествующем году его было выработано 307.472 штук [7], а не аршин, что составляет, следовательно, в несколько раз больше, чем в 1834—35 г.,—опять новый признак кризиса.

[1] «Материалы», стр. 75.
[2] № 5060, л. 1 - 3 об.
[3] № 5056, лл. 47 об., 48 об., 49 об., 50 об.
[4] № 5056, л.л. 49, 50, 51, 52, 53.
[5] Там же.
[6] № 5056, л.л. 55об.—56.
[7] № 5055, л. 63 об.

X

1835—36 год

И 1835—36 год в истории Прохоровской фабрики оказывается весьма бедным материалами. Но, поскольку эти материалы в чрезвычайно отрывочном виде сохранились, можно думать, что этот год был годом некоторого— очень небольшого однако — улучшения, при чем продолжали сказываться последствия только что пережитого кризиса, чувствовалась депрессия.

Это прежде всего видно из общей суммы торговой выручки фабрики за год: она простиралась до 1.168.531 р. 58 к. [1], т.-е. была выше, чем два года тому назад, в 1833—34 г., всего только на 4,5%. Надо к тому же заметить, что немедленно наличными деньгами было выручено за товары лишь 67.480 р. 06 к. [2], на остальную сумму продажа была произведена в кредит, правда, большею частью краткосрочный: уплаты производились в большинстве случаев в том же году. И это очень уж широкое кредитование характерно: оно, очевидно, диктовалось далеко еще не изжитыми последствиями прошлого года.

Обращает на себя внимание далее превышение расходов над доходами весь расход составлял 1.241.840 р. 72 к. [3], так что получался кассовый дефицит в 72.309 р. 14 к.

Наконец, заметна была и работа деревенских ткачей-мастерков: Петр Федоров получил от Прохоровых 6.542 р. 24 к., Владимир Прохоров 4.990 р. 91 к., Артемий Семенов 2.400 р., Петр Нефедов 1.401 р. 65 к., Мартин Алексеев 1.059 р. 50 к., Сергей Гаврилов 1.056 р. 77 к., Филипп Сергеев 745 р. 75 к., все они вместе 18.195 р. 26 к. [4].

XI

1836—37 год

Отрывочным, весьма далеким от той даже относительной полноты, какую мы имели за некоторые другие годы, является и материал 1836—37 года.

Прежде всего здесь перед нами такая сырая книга, как мемориал торговой конторы, свидетельствующая, следовательно, не о размерах производства, а только о сбыте. К тому же и она охватывает не целый год, а только время с апреля 1836 г. до половины февраля 1837 г. [5]. Значит, 1½—2 месяца очень оживленной весенней продажи, на которые приходится обычно 40 и более процентов торгового оборота, оказываются не поддающимися точному учету.

Исчисляя имеющийся материал этой книги, получаем следующие результаты: материй разного рода — больше всего кашемиру и ситцу — продано было с апреля 1836 г. до половины февраля 1837 г. на 274.216 р. 9 к., а изделий—преимущественно платков и шалей—на 379.343 р. 95 к. [6], всего

[1] Там же, л.л. 1—63 об.
[2] № 5057.
[3] Там же, л. 65.
[4] Там же.
[5] № 5054, л.л. 1—85.
[6] Там же.

продано фабрикатов на 653.560 р. 4 к. Если прибавить к этому около 261.400 р., составляющих предположительно сумму, продажи за последние два месяца, то это составит около 915 тыс. руб.—сумму меньшую, чем торговая выручка предыдущего года. Мы не решаемся однако категорически утверждать, что это было так, потому что до нас дошла также касса торговой конторы с апреля 1836 по апрель 1837 г., и в ней весь приход, получающийся впрочем не от одной торговли, а и от уплаты долгов за прошлые и этот годы и от некоторых других поступлений, исчислен в сумме 1.461.392 р. 12 к. [1], т.-е. на 25% более предшествующего года. В общем, вероятно получилось некоторое улучшение производства и сбыта.

Это подтверждается также и тем, что кое-где попадаются указания на приобретение мелких пока механических приспособлений: в одном месте указано, что уплачено «Рабенеку» за машинку плещевальную» 100 р. [2], в другом, что приобретен гидравлический пресс за 597 р. 68 к. [3].

Однако фабрика все же испытывала некоторые — и очень немалые — затруднения. Уже самый факт приобретения машин указывает на то, что старой мануфактуре в ее полной организационной неприкосновенности приходил конец: ощущалась нужда в механических двигателях. С другой стороны, соотношение ценности проданных материй и изделий слагалось, как видно из вышеприведенных данных мемориала торговой конторы, неблагоприятно для материй: они составляли менее 42% всего сбыта, а почти 58% приходилось на изделия — на все эти платки, шали, покрывала, шлафоры и халаты, которые столь характерны для мануфактуры старого типа и служат ей поддержкой в конкуренции с новыми фабриками, практикующими машинное производство: материи, произведенные мануфактурным способом, оказывались уже слишком дороги сравнительно с настоящими дешевыми фабрикатами, легко поэтому находившими себе массовый сбыт.

В соответствии с этим кризисом, имевшим более глубокое значение, чем прежние временные заминки в сбыте, происходившие от неурожая, находилась и усиленная эксплоатация труда ткачей-кустарей: им выдано было в течение года за работу 27.316 р. 41 к. [4] — на 50% более, чем год тому назад. Все более чувствуя свое бессилие бороться с новыми формами фабричного производства, старая мануфактура пыталась опереться на искусственное возрождение и оживление отсталых форм кустарного производства, эксплоатируемых торгово-капиталистическим способом.

XII
1837—38 год

Данные 1837—38 г., особенно при свете тех наблюдений, которые дает предыдущий год, особенно любопытны.

Прежде всего это был год несомненного оживления, чрезвычайного под'ема производства и сбыта фабричных изделий. Общий итог выручки фабрики от одной только продажи товаров, ею произведенных, не считая стои-

[1] № 5051, л. 3 об.
[2] Там же, л. 17.
[3] Там же, л. 55.
[4] № 5051, л.л. 1—61.

мости чужих фабрикатов, которые тоже частично продавались торговой конторой Прохоровской фабрики, а также и других поступлений в кассу, составлял в этом году 1.584.139 р. 10 к.[1], что превосходит почти на 8% весь приход предыдущего года. Впрочем, повидимому, не вся эта сумма поступила в кассу в этот год, так как кассовый приход составил только 1.461.392 р. 12 к.[2].

Фабрика попрежнему избегала полной невозможности конкурировать с производством нового типа, усиленно форсируя производство товаров чисто-мануфактурного, торгово-капиталистического характера — шалей, платков, покрывал, шлафоров, скатертей, халатов. Этих товаров было продано на 931.921 р. 13 к.[3], что составляло свыше 58% стоимости всего производства, так что на ситценабивные товары — кашемир, ситец, миткаль, белую материю, полубархат, кисею, рубчик, кембрик — оставалось всего менее 42%.

Характерно при этом, что изделий первого рода было изготовлено 195.821 штука, а продано 185.491[4], т.-е. меньше на 10.330 или на 5%, тогда как материй было произведено 629.587 аршин, а продано 568.356½ арш.[5], т.-е. меньше на 61.230½ арш. или почти на 10%: изделия торгово-капиталистического типа залеживались вдвое меньше, чем материи, которым приходилось конкурировать с фабрикатами, приготовленными механическим способом.

Все это—знакомые уже нам признаки, указывающие на приближавшуюся необходимость и неизбежность коренного, решительного кризиса, преобразования старой мануфактуры в новую фабрику. Сюда же относится и усиленная эксплоатация кустарей: им уплачено было в 1837—38 г. 33.134 р. 13 к.[6] больше предыдущего года на 21 с лишним процентов. Здесь ярко проявлялась сила инерции старой формы производства в индустрии.

Затем опять встречаем покупку гидравлического пресса[7], выписку иностранных образцов[8], платежи механику[9] и машинисту[10], — все невольные, пока частичные и мелочные, уступки новым веяниям.

Наконец, Прохоровская мануфактура прибегала и к другим подсобным способам конкуренции: она арендовала Крестовскую фабрику[11], отдавала суровье для набивки на другие фабрики, напр., Гусятникова[12] и т. д. И это—важный показатель надвигавшегося решительного перелома.

---

[1] № 5053, л.л. 1—119.
[2] № 5051, л. 62 об.
[3] № 5053.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] № 5051.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же, л. 52.
[12] Там же.

XIII.
1838—39 год

В архиве не сохранилось никаких материалов о Трехгорной мануфактуре в 1838—39 г. Но автор «Материалов» располагал некоторыми данными и привел их в своем труде. По этим данным общая стоимость произведенных на фабрике в этом году товаров равнялась почти двум миллионам рублей, — 1.998.256 р. 25 к. [1] — на 26% больше, чем в предшествующем году. Впрочем на деле, вероятно, увеличение производства было гораздо меньшим: данные «Материалов» за 1838—39 г. говорят о стоимости производства, а наши архивные данные 1837—38 г. касаются стоимости только проданных товаров. Принимая во внимание эту разницу и отсталость сбыта от производства в среднем на 7 или на 8%, можно считать, что увеличение производства не превышало 18%.

При этом старались увеличить долю выработки материй: из общей стоимости производства на материи приходилось 934.650 р. 91 к. [2], или свыше 46%, против 42-х за предшествующий год, так что на платки, шали, одеяла и шлафоры оставалось меньше 54% против 58%, бывших раньше. При всем том, как показывают эти цифры, все же преобладание оставалось за товарами мануфактурного, торгово-капиталистического типа.

XIV.
1839—40 год

Архивные данные за последний год изучаемого нами сейчас десятилетия дают нам прежде всего сумму общей стоимости всех проданных товаров, произведенных на фабрике в этот год: она равняется 2.011.237 р. 31½ коп. [3]. Для 1837—8 года мы определили соответствующую сумму в 1.584.139 р., а для 1838—9 г., если сбросить 8% с суммы всего производства, то получится 1.838.396 р. Значит прирост сбыта за два года составляет почти 27%, а за год 9%. К сожалению, остается неизвестной доля, приходящаяся на продажу товаров разного типа.

Зато данные 1839—40 г. дают довольно детальную картину торговой организации, на которую в конце 30-х годов опиралась фабрика. Очевидно, эта организация к тому времени достигла весьма значительного развития, далеко превосходившего все то, что нам известно по отношению к более раннему времени. Фабрика, как оказывается, находилась уже в непосредственных коммерческих сношениях и связях со 104 местностями, находившимися во всех без исключения частях европейской России, включая и Польшу, и Прибалтийский край, и Кавказ, и Урал. Однако ни одной сибирской торговой фирмы и ни одного сибирского города мы в этом перечне не встречаем. Количество фирм — торговых контрагентов Трехгорной мануфактуры было еще больше, чем число мест, где находились эти фирмы. Так,

[1] «Материалы», стр. 141.
[2] Там же.
[3] № 5048.

в Москве было 32 таких фирмы, в Петербурге 17, в Ярославле 12, в Казани 8, в Воронеже 7, в Бердичеве, Саратове и Шуе по 6, Моршанске, Коврове, Курске, Астрахани, Старой Руссе и Ельце по 5, в Риге и Серпухове по 4, в Вильне, Могилеве, Тамбове, Велиже, Калуге. Смоленске, Угличе, Архангельске, Орле и Осташкове по 3, в Минске, Кишиневе, Мценске, Коломне, Рязани, Митаве, Витебске, Шклове, Боброве, Брянске, Шацке, Костроме, Вязниках, Туле, Торопце, Козлове, Ливнах и Ростове по 2, в остальных местах по одной фирме[1].

Характерно далее, что нередко товары распространялись типичным для эпохи торгового капитализма и даже и еще более раннего времени кустарным способом — при помощи офеней-ходебщиков, торговок, татар; таких кустарей-торговцев насчитывалось не менее 24-х: 4 торговки, 8 татар, 12 ходебщиков[2].

Наш материал характеризует торговлю того времени как в очень сильной степени основанную на кредите: из 2.011.237 р. 31½ к. торговые контрагенты фабрики остались должны 739.348 р. 81 к.[2], т.-е. более 36%. Впрочем, кредит был в подавляющем большинстве случаев краткосрочный: по окончании года в долгах осталось только 54.188 р. 78 к.[3].

Таким образом не подлежит сомнению, что к концу 30-х годов сбыт продуктов производства Прохоровской фабрики был организован довольно хорошо и прочно.

XV

Общая характеристика Трехгорной мануфактуры в 30 годах XIX в.

Первая важная черта, обращающая на себя внимание, при характеристике Прохоровской фабрики за тридцатые годы XIX века, — это сохранение этой фабрикой в течение тридцатых годов характера мануфактуры, промышленного предприятия торгово-капиталистического типа, эпохи первоначального накопления.

Эта черта находила себе яркое выражение в двух отношениях: во-первых, технически все время производство на фабрике было ручным, не машинным; во-вторых, фабрика в известной мере была связана с характерной для торгового капитализма формой эксплоатации труда ремесленников и кустарей, — так называемой «домашней индустрией» (Hausindustrie).

Припомним факты, характеризующие оба эти важных признака торгово-капиталистической природы предприятия.

Что мы встречали прежде всего в технике производства?

Обычные ручные ткацкие станки, кубы для крашения, ручную набивку. Правда, в 1832—33 г.г. мы впервые с полной уверенностью можем констатировать факты применения ткацких станков Жаккара для выделки узорчатой материи, но по мере эта материя составляла тогда ничтожную часть всего производства материй — немногим более 7%. Правда и то, что по-

[1] № 5048.
[2] Там же.
[3] Там же.

мере приближения к концу 30-х годов начинают встречаться отдельные указания на приобретение отдельных — пока небольших — не то что машин, а механических приспособлений: так в 1836 — 7 г. приобретены были «плещевальная (т.-е. плюсовальная) машинка» и гидравлический пресс; в 1837—1838 г.г. опять куплен был гидравлический пресс и встречаются платежи за отдельные поделки «механику» и «машинисту». Но все это пока были только первые ласточки, которые весны не делают. Механическое машинное производство для Прохоровской фабрики все было еще в будущем, и появление первоначальных его зародышей только указывало на то, что старая мануфактура начинала отживать свое время. Тем не менее в данном случае она еще сохранялась, и Трехгорная мануфактура в отношении техники оказывалась отсталой сравнительно с рядом других бумаготкацких и ситценабивных фабрик нового типа, какие тогда уже существовали в России. Укажем, например, на фабрики Битепажа, Остерида, Вебера, Буха, Титова, Витта.

Нам уже известно, что еще в начале XIX в. и, повидимому, даже в XVIII не только одни специалисты-скупщики, представители чисто торговой буржуазии, но и владельцы мануфактур, как те же Прохоровы, эксплоатировали деревенских кустарей путем домашней индустрии. Этот вывод прочно обосновывается и блестяще подтверждается историей Прохоровской фабрики в тридцатых годах. Оказывается, что «ткачи деревенские» — павшинские, боровские, суздальские, калужские, все эти Петры Федоровы, Василии и Артемы Семеновы, Петры Нефедовы, Мартыны Алексеевы, Сергеи Гавриловы и другие — перерабатывали у себя значительное количество пряжи, раздававшейся им фабрикой. В 1829—30 г.г. эта пряжа составляла 4% всей заприходованной фабрикой пряжи, в 1829—30 г. только 1½%, в 1831—32 г. 8,2%, в 1832—33 г. — 2%, в 1834—35 даже 25,4%, в 1835—36 г. им уплачено было 18.195 р., в 1836—37 г. — 27.316 р. — на 50% более, чем в предыдущем, — в 1837—38 г. — 33.134 р. — еще на 21% больше. Таким образом, господствующее в литературе по истории русской фабрики мнение, высказанное Туган-Барановским и заключающееся в том, что только с 40-х годов начинается домашне-индустриальная эксплоатация кустарей мануфактурами и что вызвана была эта эксплоатация конкуренцией кустарей,— совершенно опровергается: это началось еще в XVIII в., во всяком случае в начале XIX и развивалось в 30-х годах, при чем вызвано было конкуренцией не кустарей, а новых фабрик, основанных на машинной технике, а кустари явились не конкурентами, а пособниками, помощниками, союзниками старых мануфактур в их борьбе с новыми фабриками. Выходит, что предприятия торгово-капиталистического типа — мануфактуры и кустарные избы — осоюзились и шли рука об руку против предприятий нового производственно-капиталистического характера. Конечно, в этом союзе гегемония принадлежала мануфактуре. Но этого мало: и среди кустарей под влиянием этого союза укреплялись более состоятельные элементы, кустари-кулаки, подчинявшие себе бедноту. В примерах у нас нет недостатка: так, Петр Федоров павшинский уже в 1835—36 г. получил за выработку суровья 6.542 р., а в 1837—38 г. уже 17.148 р., доход Семенова за то же время

вырос с 2.400 р. до 9.122 и т. д. Совсем мелкие кустари, вырабатывавшие сотню или несколько сот рублей, были редкостью среди контрагентов Прохоровых, обычная выработка, не считая приведенных сейчас примеров крупной выработки, была 1000, 1½, 2½ тысяч. в год. Очевидно, это были кустари, работавшие не только со своей семьей, а и с наемными рабочими, хозяйчики, прикрывавшие свое предпринимательство, может быть, и артельными формами.

Любопытно отметить при этом, что эксплоатация кустарей усиливалась большею частью именно в годы неурожая и кризиса: так было, напр., в 1831—32 г., в особенности же в 1834—5 г. Это естественно и понятно: когда слабеет положение, когда конкуренция технически-сильных соперников становится особенно-чувствительной, тогда нужда в подпорках обостряется, и предприятия отсталого типа особенно сильно тяготеют друг к другу.

Но в тридцатых годах это тяготение мануфактуры к кустарям выражалось не только в указанной сейчас не новой уже тогда форме раздачи пряжи деревенским ткачам для выработки сурового товара, но и в том, что ситценабивное производство, в котором труднее всего было конкурировать с новыми фабриками, стало дополняться выделкой изделий — платков, шалей, покрывал, шлафоров, жилетов, халатов, архалуков и т. д. Здесь приходилось снова привлекать к работе кустарей — швей, портных и бахромниц, и получилась новая связь мануфактуры с кустарной избой или, точнее, с ремесленной мастерской, на этот раз уже городской, а не деревенской. Это опять-таки новый вывод, получаемый на основании изучения свежего архивного материала.

Производство этих изделий было новшеством на Прохоровской фабрике именно тридцатых годов и, помимо указания на новый, дополнительный способ эксплоатации мануфактурой мелкого ремесленного труда, имеет еще значение в том смысле, что знаменует собою один из этапов борьбы старой мануфактуры за существование против могущественной и чаще всего победоносной конкуренции новой фабрики в области бумажного ткачества и набивки.

Наш материал дает нам возможность судить о значении этого способа самозащиты старой формы промышленного производства. В 1832—33 г доля выделки платков, шалей и прочих изделий равнялась 25%, а материй 75%, в 1833—34 г. это соотношение сильно изменилось: на первые приходилось уже 66%, на вторые 34%, в 1836—37 г. на изделия падало 58%, на материи 42%; то же соотношение наблюдается в 1837—38 г.; в 1838—39 г. оно несколько, хотя и немного, меняется: 54% и 46%. В общем, таким образом, следует признать, что более половины, почти две трети всего производства фабрики в 30-х годах приходилось на изделия, приспособленные к торгово-капиталистической системе хозяйства, и гораздо менее половины, немногим более трети, падало на материи, производившиеся на передовых фабриках машинным способом.

Со всем этим гармонирует и одно любопытное наблюдение, относящееся к 1837—38 г. Данные этого года дают возможность сделать вывод, что изделия торгово-капиталистического типа залеживались, испытывали

задержку в сбыте вдвое меньше, чем материи, которым приходилось конкурировать с фабрикатами, приготовленными механическим способом.

Мы убедились таким образом, что один из взглядов, преобладавших до сих пор в литературе по истории русской фабрики, — именно о том, что фабрика только с 40-х годов стала опираться на кустарей, — поколеблен, даже опровергнут историей Прохоровской мануфактуры. В связи с этим взглядом тем же Туган-Барановским высказан и другой, — о том, что русская мануфактура в 40-х и 50-х годах стала мельчать, размеры фабрик этого времени стали уменьшаться. Правда, на основании материалов, на которые опирается сам названный исследователь, легко было бы показать, что он смешивает два явления: уменьшение числа рабочих на фабрике с экономическим измельчанием предприятия — число рабочих иногда несколько уменьшалось, а производительность фабрик росла вследствие успехов техники, изменения в строении капитала. Правда, и то, что ответ на вопрос об измельчании старых мануфактур мы получим в данном случае только после изучения истории Трехгорной мануфактуры за соответствующие десятилетия. Но так как Туган-Барановский связывает вопрос об измельчании мануфактур с эксплоатацией кустарей, то и материал тридцатых годов здесь имеет известное значение.

И опят-таки перед нами рисуется явление, прямо противоположное выводам Туган-Барановского: оказывается, что, несмотря на усиленную эксплоатацию кустарей и при том эксплоатацию двойную, развивающуюся по отношению к двум различным их разрядам, Трехгорная мануфактура становилась все более крупной, стоимость производимых ею фабрикатов росла и притом росла довольно сильно. Это видно как из цифр, показывающих количество приобретавшейся пряжи, так и из цифр стоимости всего производства фабрики. Так, в 1829—30 г. было приобретено более 2.216½ пудов пряжи, в 1830—31 г. было 2.572½ пуда, более на 16%, в 1831—32 г. около 3.177 п., больше еще на 23,5%, в 1832—33 г. свыше 4.870 пудов, больше предыдущего года на 53%, в 1833—34 г. более 5.712½ п., на 17,3% больше. В том же 1832—33 г. было продано фабрикатов почти на 937 тыс. рублей ассигнациями, в 1833—34 г. на 1.117.150 р., т.-е. больше предшествующего года на 19%, в 1835—36 г. на 1.168.531 р., больше, чем два года назад, на 4,5%, в 1836—37 г. на 1.461.392 р. — больше на 25%, в 1837—38 г. на 1.584.139 р. — на 8% больше предыдущего года, в 1838—39 г. на 1.998.256 р., на 26% больше, в 1839—40 г., наконец, на 2.011.237 р. больше на 9%.

Соответственно этому росли и торговые связи фабрики. Мы видели, как скромны были коммерческие отношения Трехгорной мануфактуры до 30-х годов. Но уже в 1833 г. товары ее имели большой успех и широкое распространение на Нижегородской ярмарке, и непосредственные торговые сношения имелись по меньшей мере с 60 местностями Европейской России и в них со 154 торговыми фирмами. А в 1839—40 г. фабрика имела непосредственные коммерческие связи со 104 местностями и с 258 фирмами, что составляет за 7 лет увеличение 67%. Любопытны при этом два обстоятельства, подчеркивающие торгово-капиталистическую природу коммерче-

ских связей фабрики. Первое из них заключается в том, что оставалось еще некоторое количество торговых кустарей-ходебщиков, офеней, мелких торговок, ведших ручную продажу Прохоровских фабрикатов. Их считалось еще в 1839—40 г. до 24, раньше было, вероятно, еще больше. Второе обстоятельство состоит в весьма широком развитии фабрикой кредита ее торговым контрагентам; в особенности это надо сказать о краткосрочном кредите, не превышавшем года, рассчитанном на несколько месяцев. Так, в 1839—40 г. почти 740 тыс. руб., более 36% стоимости всех отпущенных товаров, были даны в кредит, большею частью краткосрочный, так как по окончании года в долгах осталось лишь около 54.200 рублей. В 1833—34 г. в долгах осталось около 64.300 руб., а в 1831—32 г. по одной только московской продаже долги достигли 161.137 руб., при чем неблагонадежных опять-таки одних лишь московских долгов оказалось около 21.700 р.

Чрезвычайно важными надо признать наблюдения над под'емами и кризисами в бумаготкацком и ситценабивном производстве тридцатых годов. Этот вопрос в литературе по отношению к тому времени является совершенно неразработанным, и потому материал, касающийся его по Прохоровской фабрике, приобретает особенную ценность.

Это материал указывает нам на кризис в ткацком производстве прежде всего в 1831—32 г. В этом году сурового товара было произведено почти на 21% меньше, чем в предыдущем, хотя и больше все же, чем два года тому назад. Это — первый признак кризиса. Второй его признак — отказ Прохоровых от аренды в этом году двух подсобных ткацких фабрик — Недоброва в Серпухове и у Крестовской заставы в Москве. Третий признак — отмеченная уже выше большая — свыше 160 тысяч — задолженность торговых контрагентов, покупателей изделий фабрики по московской продаже. Четвертый — увеличение почти всемеро раздачи материала мастеркам: в минуту кризиса, хозяйственного колебания, непрочного экономического положения старые формы производства торгово-капиталистического типа сплетались теснее, чем в периоды под'ема.

Следующий затем 1832—33 год был годом депрессии, угнетенного состояния производства. Мастеркам пряжи было роздано поэтому втрое меньше, чем в год кризиса, но все же количество розданной им пряжи было в 2½ раза больше,чем в год под'ема, предшествовавший кризису, т.-е. в 1830—31 г. Соответственно этому и сурового товара было выработано в 1832—33 г. хотя и больше, чем в год кризиса, на целых 22½%, но меньше, чем в 1830—31 г. на 7%. Опять это — признак длящейся еще депрессии.

1833—34 г. был годом сильного под'ема, весьма благоприятной кон'юнктуры: производство суровья возросло на 88%, стоимость проданных фабрикатов увеличилась на 19%.

1834—35 г., известный своим неурожаем, был и годом кризиса: больше четверти всей купленной пряжи было поэтому роздано мастеркам-кустарям, сурового товара было выработано на 23% меньше, чем в 1833—34 г., а кашемиру в несколько раз меньше.

1835—36 г. отмечен опять депрессией: выручка за фабрикаты была выше, чем два года тому назад, едва на 4½%, открыт был огромный кредит

торговым контрагентам фабрики. Значительна была работа деревенских ткачей-мастерков, хотя она не шла уже ни в какое сравнение с тем небывалым ее развитием, какое наблюдалось в 1834—35 г. в разгар кризиса.

В 1836—37 г. наблюдалось опять некоторое улучшение производства и сбыта, снова под'ем. Но затруднения все же чувствовались еще сильно, недаром ткачам-кустарям дан был заработок, на 50% превышавший их выработку за предыдущий год.

Под'ем, оживление производства и сбыта изделий Трехгорной мануфактуры составляли отличительную черту 1837—38 г.: товаров было продано на 8% больше, чем в предыдущий год. Однако, и тут приходилось усиливать эксплоатацию деревенских ткачей: она выросла за год еще на 21%. Очевидно, конкуренция с передовыми фабриками становилась все труднее, начинал назревать уже не временный кризис под влиянием неурожая, а более решительный перелом, который должен был изменить в существе своем самый экономический тип предприятия.

Наконец, и в 1838—39 и 1839—40 годах замечался под'ем: в первом производство увеличилось на 18%, во втором — на 9%.

Нам остается еще характеризовать, насколько это возможно, положение рабочих на Прохоровской фабрике в тридцатых годах. Отчасти эта характеристика была уже сделана выше при обозрении истории фабрики за первые десятилетия ее существования: мы видели, что рабочие в 30-х годах ночевали там, где работали. Кроме того, месячный заработок взрослого ткача-мужчины не превышал 35—40 р. асс.[1], т.-е. был очень низок. К этому надо прибавить, что уже в начале сороковых годов рабочие Трехгорной мануфактуры эксплоатировались хозяевами ее путем продажи им предметов питания из харчевого амбара с большой накидкой в цене на их себестоимость, т.-е. с огромной прибылью, доходившей на продаже гречневой крупы до 12%, говядины до 18%, ржаной муки и постного масла до 20%, снетков до 25%, печеного хлеба до 30%, рыбы до 32%, соли даже до 34%[2]. При таких данных, показывающих, что эти порядки в начале 40-х годов сложились уже в стройную и цельную систему, следовательно, существовали и раньше, можно сказать, что система выжимания пота, потогонная система всецело господствовала на старой Прохоровской мануфактуре 30-х годов, и никакого места для идиллического сентиментализма, для идеализации мнимой патриархальности отношений здесь быть не может.

Остается указать приблизительное число рабочих на фабрике в то время. По более или менее достоверным данным в 1834 г. у Прохоровых было 590 мастеровых, 300 чернорабочих, 170 учеников[3]. Все прохоровские рабочие были вольнонаемные — из помещичьих крепостных, отпускавшихся их владельцами на заработок за оброк, и ткачи работали сдельно, получая плату за каждый аршин выработанного товара[4].

---

[1] «Материалы», стр. 58.

[2] № 5045, л.л. 91, 92, 100, 101, 104, 132, 133 и др.

[3] «Материалы», стр. 70.

[4] «Материалы», стр. 58.

Мы рассмотрели таким образом историю Трехгорной мануфактуры, как хозяйственной организации с начала за первые тридцать лет ее существования — с 1799 по 1829 г., потом еще за 10 лет — за тридцатые годы, всего, следовательно, за первые 40 лет ее бытия. Все это время мы видели перед собою именно мануфактуру — хозяйственную организацию торгово-капиталистического типа со всеми весьма ярко выраженными характерными ее чертами. Сначала это была мануфактура мелкая, потом крупная и по числу рабочих и, главное, по размерам производства и сбыта. Она тесно связана была с системой домашней индустрии и с потогонной системой эксплоатации занятых на ней рабочих и связана была в отношении сбыта со все больше развивавшейся сетью торговых контрагентов, при чем и в области сбыта многое, почти все носило на себе печать эпохи первоначального накопления: такова ярмарочная система, посредничество мелких ходебщиков, широчайшее кредитование торговых фирм фабрикой. Не раз, не один год производство и сбыт испытывали потрясения, — кризисы и депрессию. Но под конец тридцатых годов стали наблюдаться мелкие пока, частичные, элементарные еще признаки кризиса более глубокого и коренного, радикального — грядущей необходимости перехода к машинному производству, преобразования мануфактуры торгово-капиталистического типа в фабрику типа производственно-капиталистического. Как ни слабо выражены эти первые признаки нового, — они чрезвычайно важны и знаменательны. И именно их появление и заставляет признать первые сорок лет существования Прохоровской фабрики в известной мере цельным, законченным периодом, когда это предприятие сохраняло чистый торгово-капиталистический тип. Сороковые и пятидесятые годы — время, когда эта чистота замутняется, когда элементы производственно-капиталистической организованности проникают в старую мануфактуру более многочисленными и более широкими струями, когда начался переходный момент в истории фабрики. Этот второй, переходный момент и явится предметом нашего коллективного исследования в ближайшем будущем.

С. Б. Кан

Якобинская пресса перед 18 марта 1871 г.

Революция 18 марта 1871 г. была совершена совместными усилиями пролетариата и мелкой буржуазии Парижа. Созданное восставшими после бегства Тьера революционное правительство было блоком различных политических партий. Очень велико было значение мелкобуржуазной части этого блока, представленного в Совете Коммуны так называемыми якобинцами — преемниками «Горы» 1848—51 г. Вожди этого политического течения—Делеклюз, Пиа, Гамбон и другие — в короткие дни Парижской Коммуны имели возможность влиять на все стороны деятельности новой власти: они господствовали и в первой исполнительной комиссии и в первом и во втором комитетах общественного спасения. Не удивительно поэтому, что все историки Коммуны, независимо от их политических убеждений, отмечали огромное значение этого влияния. И Маркс указал на него: «повидимому», — писал он в Париж Франкелю и Варлену, — «на-ряду с влиянием рабочих есть и другие влияния».

Таким образом, огромное значение участия в «первом в мире опыте диктатуры пролетариата» представителей нового якобинизма не подлежит никакому сомнению: уже это одно вполне оправдывает наш интерес к этому политическому течению.

Комплекты якобинских газет дней осады и перемирия, собранные институтом Маркса и Энгельса, должны нам помочь в попытке проследить нарастание союза двух движущих сил революции 18 марта — пролетариата и мелкой буржуазии: необходимо установить путь, по которому подвигался навстречу пролетариату передовой отряд мелкой буржуазии Парижа — партия последних якобинцев.

I

Маркс не скрывал своего отношения к тому течению внутри французской революционной партии, которое называли и называют якобинизмом.

Маркс всегда с насмешкой и презрением относился к вождям этой фракции, посвящая им в своих исторических работах наиболее едкие страницы: для Маркса и Энгельса это были в р а г и, но враги находящиеся, в силу исторически сложившихся условий классовой борьбы, в с в о е м л а г е р е, лагере революции. Тем с большим упорством разоблачали вожди Интернационала и вожди рабочего класса деятелей французской левой

В переписке Маркса и Энгельса прежде всего поражает тот тон, в котором говорят они о хранителях заветов Великой Революции. Прежде всего Маркс неизменно, говоря о них, начинает вставлять в свою немецкую речь различные французские словечки: эти слова, всегда точно определяющие то, что нужно, подчеркивают все то специфическое, национальное, глупое в своей французской ограниченности, что имеется в этом возрожденном якобинизме:

«Pyat—cet homme artiste, — пишет Маркс Энгельсу в 1852 г, — а этим термином французы определяют все слабости, все отсутствие характера и разума индивида, — переработал декабрьские дни в мелодраматическое театральное представление. Он нашел для этого одного английского антрепенера и с его помощью будет ставить это бесстыдство в Нью-Иорке и пр. — сцены убийства, изгнаний, высылок и т. д. Можно ли еще более подло спекулировать на несчастии своей страны!» [1].

«Cet homme artiste» — и это еще далеко не самое злое определение: по всей переписке разбросаны эпитеты в роде следующих «осел Пиа», «der Narr Pyat», «petits grands hommes», «alte meneurs», «Kerl de bonne foi», «Charivarimann von 1848 . . . . . der jetzt den Brutus spielt, aber auf sichere Distanz». К жестоким суждениям о якобинцах, разбросанным по «Классовой борьбе» и «18 брюмера» (вроде выражения: «природная мелкобуржуазная телячья кожа, спрятанная под взятой на прокат львиной шкурой конвента») [2], здесь в переписке прибавляется и привкус личной антипатии, глубокого презрения. С вождями якобинизма Маркс старается не иметь ничего общего, старается очистить от них, от их влияния, свое дело: чрезвычайно характерна в этом отношении история с французской секцией Интернационала. Эта история вскрывает с достаточной силой причины ненависти и презрения Маркса к деятелям якобинской «демократии». В письме к Энгельсу от 7 июля 1868 г. сообщает он другу об инциденте, имевшем только что место: на праздновании годовщины июньских дней немецким просветительным рабочим союзом в Лондоне выступили державшиеся раньше вдали от этого общества «старые вожаки». «Herr Pyat» прочел на этом собрании адрес Лондонской коммуны, в котором имеется призыв к убийству (assassinat) Бонапарта. Французския секция—french branch (опять ирония!)—еще усилила этот призыв своим криком, а Везинье напечатал этот адрес в бельгийских газетах «Cigale» и «Espiégle», распространяя влияние Пиа на тамошних интернационалистов. Находившийся в тяжелом положении, вследствие недавних событий в Шарлеруа, Бельгийский комитет сообщил в Лондон, что «эти демонстрации грозят уничтожить все общество на континенте». Бестактные выходки французской ветви—«Die alten demagogischen Redensarten» особенно тяжело могут отразиться на деле Интернационала, так как «в настоящее время наши люди находятся в Париже», пишет негодующий Маркс, сообщая о том, что Генеральный Совет только что дезавуировал Пиа и отверг всякую причастность его к делу Интернационала. «Я рассматриваю все дело, вытекающее, конечно,

---

[1] Briefwechsel zwischen Engels und Marx 1844 bis 1883. Stuttgart, 1913. I, 309. 30/III—1852.

[2] „Классовая борьба во Франции", изд. „Кр. Новь", 1923, стр. 75.

из огромного запаса глупости french branch'a, как интригу старых партий, республиканских ослов 1848 г., в частности les petits grands hommes, которыми они представлены в Лондоне. Наше общество для них бревно в глазу. После того, как они напрасно пробовали работать против него, конечно, thn eext best thing его скомпрометировать». Маркс кончает письмо угрозой по адресу французской ветви: если она не прекратит своих глупостей, ее надо будет выбросить вон! — «Нельзя позволить 50 безобразникам в один момент разрушать Интернациональную Ассоциацию как раз тогда, когда она, вследствие обстоятельств на континенте, начинает превращаться в серьезную силу»...[1]. В дальнейших письмах Маркс продолжает держать Энгельса в курсе событий: он пишет о них в письмах от 29 июля и 4 августа: «Пиатисты открыли кампанию против Генерального Совета в «Cigale» и в самом Генеральном Совете»; секция раскололась и «из этой банды» вышел целый ряд товарищей (между ними Дюпон и Лафарг). «Оставшихся около 15-ти, но они ругают «усыпителями» и «зазнавшимися» Генеральный Совет и его членов. Нет ничего более комичного, чем игра этой сволочи в якобинский клуб!»[2].

В другом письме Маркс с негодованием сообщает о публичном митинге «французской секции» под председательством Пиа, о котором на всех стенах Лондона было расклеено об'явление от имени «Французской секции Интернационала». На митинге должен был обсуждаться «протест против политического безразличия, проявленного в Брюсселе на последнем конгрессе Интернациональной Ассоциации»; вместе с тем распространялись и английские об'явления с приглашением «демократов всех наций» прибыть «для решения вопроса о том, является ли Рабочая Интернациональная Ассоциация политической организацией!».

Маркс осуждает не одного Пиа и не только деятелей лондонской «Революционной коммуны», не одних лондонских якобинцев: о «Réveil», органе Делеклюза, говорит он как об «органе Ледрю-Роллена», а о самом его редакторе[3] как о человеке, который, несмотря на то, что находится в оппозиции к Империи, является «полнейшим выражением шовинизма — car la France est le seul pays de l'idée». Маркс дает в другом месте замечательное об'яснение причины этой бешеной оппозиции якобинцев императорскому режиму: «эти республиканские шовинисты», говорит он, «сердятся только на то, что реальное выражение их идола — Луи Бонапарт с длинным носом и биржевиками—не соответствует их фантастическим представлениям»[4].

Мы видим, следовательно, что Маркс совершенно одинаково относится и к зарубежным, и к местным представителям крайней фракции буржуазной демократии — он гонит их прочь от рабочего движения и старается защитить Интернационал от заразы. В чем видит он эту заразу? Очевидно прежде всего в самом большем для рабочего дела зле — в разрыве слова и дела,

[1] Briefwechsel. IV, 7/VII—1868. S 65-66.
[2] Briefwechsel. IV. 4/VIII—1868, S. 73—74.
[3] Ibid.
[4] Ibid. IV, 20/VII—1870, S. 296.

в безответственной сугубо революционной фразе, скрывающей под собой теоретическое убожество и практическую робость. Маркс прекрасно видит, и не ошибается в этом, буржуазную суть этого нового якобинизма, видит под якобинским патриотизмом обычный буржуазный шовинизм, обычное мировоззрение подымающейся и требующей своему товару места под солнцем буржуазии.

«Предания всех мертвых поколений тяготеют кошмаром над умами живых»,—говорит он в «18 брюмера», указывая на то, что в буржуазных революциях «заклинание мертвых служило возвеличением новой борьбы». Последыши Великой Революции только пародировали старую революцию, навязывали старые формы новому содержанию. От этих старых форм и фраз оберегает Маркс молодое, неокрепшее еще, рабочее движение, разоблачая перед пролетариатом новых якобинцев, «Гору» XIX века: «место пророка Аввакума занял Локк», — новые якобинцы за революционными преданиями 1793—95 г.г. скрывают свою истинную сущность, свое истинное лицо—лицо мелкого собственника, лавочника и предпринимателя. «Гора» XIX века только «приспосабливалась» к буржуазному обществу. Из основной движущей силы революции мелкая буржуазия превращалась в то бессильное третье, что находится между двумя основными классами капиталистического общества. Это бессилие Маркс хорошо видит; он видит и то, что притягивает мелкую буржуазию к революционному рабочему делу: в борьбе с всепоглощающим капиталом вынуждена она опираться на рабочие плечи, искать союза с пролетариатом. Но неминуемо разорвется этот союз, лишь только потянется пролетариат к власти, попытается совершить революцию «для себя», задумает толкнуть революцию за пределы буржуазных производственных отношений. Бок о бок с мелкобуржуазными революционерами, с якобинцами, пролетариат дела своего до конца не доведет. Это видит Маркс — поэтому и защищает он дело рабочего класса от якобинского влияния.

В великий кризис 1870—71 г.г. последыши «Горы» приняли не малое участие в пролетарском деле: Маркс в «Гражданской войне» называет якобинцев «неизбежным злом» Коммуны, а в своей переписке не раз высказывается о вреде для Коммуны «других», нерабочих, «влияний».

Делеклюз и Пиа — верные сыны «Горы» 1848—51 года, плоть от плоти ее. Не для того ведут борьбу эти будущие коммунары-якобинцы, «чтобы уничтожить обе крайности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм»[1]. О перестройке общества демократическим путем думают коммунары-якобинцы, но только о «перестройке, остающейся в рамках существования мелкой буржуазии».

В годы Империи окончательно складывается идеология нового якобинизма, представителями которого являлись будущие вожди Коммуны. После 13 июня 1849 г. и 2 декабря 1851 г. республиканцы всех оттенков и категорий принуждены вне Франции, в ссылке, в изгнании, исповедывать свои убеждения и подготовлять революцию. Об'единены они общей ненавистью к

[1] „18 брюмера Луи-Бонапарта“, изд. ИМЭ, стр. 36.

захватчику-узурпатору, с'умевшему, опираясь на темных крестьян, потомков вандейцев, навязать свою волю Франции. Около Ледрю-Роллена, около Пиа в Лондоне группируется основная масса монтаньяров. В годы Империи они не перевооружаются: тот же республиканизм, тот же демократизм, та же наивная вера в силу слова и в его конечное торжество над грубой физической силой. Союз с социалистами против Луи-Наполеона не сделал из мелкобуржуазной партии рабочую: вся «Гора» в целом, в пафосе революционных речей, носящем часто следы социалистической фразеологии эпохи второй республики, продолжает укрывать свою собственническую сущность — мелкий буржуа, провозглашающий в изгнании тосты «в честь пули», готовый на все, чтобы снова возродить республику, не может и не хочет стать коммунистом: никто из республиканцев не высказывает социалистических убеждений, наоборот, все они против социализма. Особенно четки в этом отношении мысли старика Делеклюза. И если «аристократ народа» — Феликс Пиа — не прочь иногда пококетничать полукоммунистической фразой и использовать связи Интернационала для дела мелкой буржуазии, то Делеклюз — будущий военный делегат Коммуны — твердо и до конца охраняет старые производственные отношения:

«Франция, я вижу тебя идущей нетвердыми шагами по ложному пути... Сегодня ты катишься в нечистые волны всепоглощающего материализма»,— восклицает он в своей газете незадолго до Коммуны[1]. «Знаете ли вы,—обращался он к консерваторам, стремящимся уничтожить свободу слова и печати,— «что вы делаете, запрещая в одно и то же время обсуждение правды и лжи? Вы тем самым придаете наименее заслуживающим поддержки ересям то значение, которого они не имели бы и 24 часов, если бы сохранена была возможность независимой критики» [2]. Только во всеобщем избирательном праве, по его мнению, спасение: «in hoc signo vincet» [3]. Ранк, виднейший сотрудник «Réveil», так характеризует революционеров типа Делеклюза: «непоколебимые, верные своим политическим убеждениям, готовые следовать до конца за пролетариатом в его законных требованиях... вот каковы наши новые люди» [4].

Программа и тактика нового якобинизма в последние годы Империи находят свое яркое выражение в речах и статьях Феликса Пиа во время дополнительных выборов 1869 г. в Париже. Пиа, призывавший в эмиграции к террору и самым крайним мерам, оказывается очень и очень умеренным и скромным практическим политическим деятелем. В руках парижан ключ спасения Франции и целого мира, говорит он: надо избрать действительных представителей народа — «наиболее популярных и энергичных», снабдить их императивным мандатом: «восстановление суверенитета народа». Эти представители должны будут явиться в Бурбонский дворец, в законодательный корпус, «одни или в сопровождении народа». Из этих двух способов «из'яв-

[1] Tchérnoff: „Le parti républicain au coup d'état et sous le second Empire", 1906. p. 511.

[2] Réveil. 30/I—1869. cit. Fiaux: „Histoire de la guerre civile", 1879, p. 384.

[3] Вейль Ж. „Ист. респ. партии во Франции", изд. Скирмунта, стр. 421.

[4]) Réveil 2/VII—1868 № 1.

ления народной воли Пиа за первый: «refusons l'emeute!» — «Откажемся от восстания», — восклицает он: «отказ в нервах войны — деньгах» достаточен, «отказ Гемдена и других пуритан платить налоги сбил корону с головы Карла I!»[1].

«Суверенитет народа», говорит Пиа, — «единственное завершение здания, основанного на принципах права, на принципах 89-го года: Свободе, Равенстве и Братстве»[2]. Дело революции XVIII еще не доведено до конца: «всюду препятствия для развития, помехи для инициативы... Все запрещено... а остальное дозволено». Всякая деятельность запрещена вследствие частной или государственной монополии, или ограничена необходимостью иметь диплом, патент и т. п.: «Чтобы быть хозяином — нужно разрешение! Работником? — нужна рабочая книжка! Разносчиком — виза!.. Трактирщиком? — лицензия!.. Торговец? — патент!.. Профессором? — диплом!.. Адвокатом, нотариусом и т. д.? — залог!»[3].

Пиа зовет народ к примирению с буржуазией: «мне самому — сыну буржуазии», говорит он, «причиняет глубокое горе чувствовать себя живущим на стволе, который сам себя убьет, если не начнет снова расти вместе с вами, чтобы жить вашей жизнью, вашим делом, вашим правом»[4].

В годы Империи быстро внедряющийся во Францию промышленный капитализм грозил мелкой буржуазии гибелью и разорением. Мыслители ее, создатели ее идеологии, критикуя капиталистическую систему производства, видели выход в уничтожении крупного капитала и его власти. Наиболее последовательные из них, представлявшие низшие слои разоряемых капитализмом мелких производителей, стремились или к уничтожению государства, создателя и покровителя крупного капитала, или к уничтожению капиталистической конкуренции — организации дарового кредита, производительных ассоциаций и т. п.

Якобинцы — не эти последовательные мыслители мелкой буржуазии. У социалистов берут они и «право на полный продукт труда» и «организацию дарового кредита» и свою фразеологию тогда, когда им приходится высказываться по социальному вопросу. Но вместе с тем их экономическая теория по существу эклектична: отдельные, выхваченные у социалистов понятия, переплетаются в ней с бодрым либерализмом классической школы,— с борьбой интересов и с фритрэдом; Л. Блан и Прудон мирно сожительствуют в ней рядом с Бастиа и Сэем. Не разоренных и лишающихся средств производства ремесленников представляют новые якобинцы: их голосом заявляет о своих интересах мелкий капиталистик, страдающий не только от крупного капитала, но и от существующих еще помех для его капиталистического развития. Мелкие хозяева — maitres et patrons — от их имени говорят прежде всего вожди нового якобинизма![5].

---

[1] Pyat, Les inassermentés, 1869. P. 21—22.

[2] Ibid, p. 24.

[3] Ibid, p. 26—27.

[4] Ibid, p. 38.

[5] Специфическая организация парижской индустрии общеизвестна: по переписи 1866 года на 462.000 рабочих приходилось не менее 101.000 хозяев-предприни-

В программе и тактике этого авангарда верхних слоев мелкой буржуазии, как в зеркале, отражались переживания этих слоев в эпоху Второй Империи, отражалась не только борьба этих слоев мелкой буржуазии против крупного капитала, но и настороженность их по отношению к рабочему классу и его делу.

В последние годы Империи заметно потускнели и поблекли революционные лозунги «Горы» 1849 г., а вместе с тем намечалось и отталкивание революционной демократии от рабочего класса и социализма: рост рабочего самосознания гнал мелкую буржуазию, в ее высших слоях, обратно в лагерь укрепляющих собственность, гнал против ее разрушителей. Выступления Пиа, Делеклюза и других якобинцев в 1869 и 1870 г.г. это доказывают: первый из них, прикрываясь для вида революционной фразой, выступает против восстания, предлагая взамен его тактику Гемдена и избирательную урну; второй в последние годы Империи, особенно после дела Бодена, сближается с Гамбеттой и даже приветствует в 1869 году его избрание депутатом[1]. В Réveil Делеклюз называет «усыпителями» тех социалистов и коммунистов, которые сеют «страх в «буржуазных рядах»[2], отвращая тем самым буржуазию от дела республики, а во время майского плебисцита 1870 года закрывает двери своей редакции для социалистов — членов Интернационала, стремящихся попасть на организуемое там оппозиционной прессой собрание. Даже Делеклюз не считал возможным принять их сотрудничество, боясь придать слишком революционный характер предположенной манифестации[3]. На этом собрании, между прочим, присутствовали оба вождя демократии — и Гамбетта и Ледрю-Роллен.

Крайние якобинцы 1870 года мало чем отличались от некрайних, и между Гамбеттой и Рошфором, с одной стороны, и Делеклюзом и Пиа — с другой, почти уже не было разницы: и эти последние, подобно первым, только и мечтали о той же самой «лойяльной демократии» и собственно не могли приписать к политической программе Гамбетты (известной, так называемой Бельвилльской программе) ни одного лишнего пункта.

Будущие якобинцы Коммуны также могли бы смело подписаться и под социальной программой Гамбетты, требовавшей «экономических реформ, подчиненных, правда, политическим», и настаивавшей только «на изучении

мателей,—«на целые две трети столичная индустрия состояла из карликовых предприятий», пишет проф. Лукин («П. К.», изд. 2-е, стр. 21). Общеизвестен также факт исключительного значения производства так называемых articles de Paris, почти целиком находившегося в 60-х годах в руках мелких хозяев. Уже в 1848 году «палата нашла, что парижская индустрия насчитывала 64.816 предпринимателей, что мелкая промышленность господствовала (особенно в IV, VIII и XII округах)... Это в VI округе, центре articles de Paris, число предпринимателей и рабочих, а также сумма оборота была в 1847 году наибольшими». (Levasseur, „Hist. des classes ouvrières“, 1904, II, p. 211).

Необходимо отметить, что при старом административном делении VI округ почти целиком входил в X современного Коммуне деления. Виднейшие якобинцы Ф. Пиа и Гамбон были посланы в Коммуну именно от этого округа

[1] Tchérnoff, o. c., p. 542.

[2] Tchérnoff, o. c., p. 509.

[3] Ibid., p. 588.

социального вопроса во имя принципа справедливости и социального равенства»[1].

II

Новый якобинизм, таким образом, был робким политическим учением, не затрагивающим сущности капиталистического способа производства и стремящимся сохранить в целости и неприкосновенности весь старый мир. Любовь к свободе экономической деятельности и преклонение перед частной инициативой заслоняют отдельные черты прудонизма или черты учения Луи Блана, имевшиеся в их революционной программе. Мелкобуржуазный социализм является для них только способом выражаться, бессознательным агитационным приемом, собирающим вокруг их знамен не одних только мелких хозяйчиков, страдающих от мощного развития капиталистического способа производства, но и подлинных трудящихся, подлинных бедняков, действительно выбрасываемых на улицу, в качестве «свободных, как птицы, пролетариев».

События 4-го сентября не могли быть неожиданными для крайней левой французского республиканизма: дополнительные выборы осени 1869 года, дело Нуара — говорили о нарастании в стране революционных настроений, говорили о полевении народных масс. Мощное развитие среди рабочих идей Интернационала, попытки самостоятельной классовой политики рабочего класса, создавали для буржуазии новую заботу и новый страх. Единство республиканской оппозиции делалось невозможным в связи с этим новым и все растущим фактором, в связи с появлением новой и мощной движущей силы революции, снова подымающей голову после июньского поражения и не желающей больше итти в хвосте у буржуазно-революционного движения.

Надвигающаяся буржуазная революция неминуемо должна была привести к власти республиканскую партию. Устранение последних остатков старого режима, намеченное классически-буржуазной программой Гамбетты, должно было ускорить и усилить расслоение самой республиканской партии, с одной стороны, а с другой — привести к окончательному размежеванию между социалистическими и несоциалистическими элементами страны: реформы Гамбетты, уничтожающие препятствия на пути промышленного капитализма, должны были привести, конечно, не к уменьшению, а к обострению классовых противоречий, способствовать быстрому изживанию мелкобуржуазных иллюзий пролетариата.

Дальнейшее развитие промышленного капитализма должно было двинуть вперед и расслоение внутри самой мелкой буржуазии: совершенно неизбежным оказывалось, таким образом, дальнейшее движение влево пролетаризируемых ремесленных масс, идеологический путь которых шел от прудонизма к коллективизму, а затем и дальше к синдикализму или марксизму. Значительно загадочнее должна была быть судьба более зажиточных слоев мелкой буржуазии, всех этих мелких лавочников, трактирщиков, хозяев ремесленных мастерских, занимающих малое, незначительное количество наемных рабочих рук.

[1] Tchernoff, o. c., p. 542.

Конечная судьба мелкого предприятия не составляет загадки: «правильность теории Маркса не зависит ни от большей или меньшей вероятности катастроф, ни от большей или меньшей быстроты развития, а только от направления этого последнего», говорит Каутский[1]. Борьба крупного и мелкого предприятия необходимо окончится победой первого над вторым, но победа эта в различных отраслях производства и торговли может и быть и не единовременной»: для одних мелких предприятий роковой конец проходит сразу, для других этот конец отодвигается в будущее; возможна, наконец, и временная задержка этого процесса в силу каких-либо внешних, благоприятствующих мелкому капиталу, обстоятельств. Нельзя забывать, что еще в 1902 году в Париже имелось целых 36.649 промышленных предприятий, в которых занято было только 402.303 человека, и что, следовательно, несмотря на появление отдельных гигантских предприятий, сохранялось очень большое число мелких хозяйчиков. Специфический характер парижской индустрии благоприятствовал сохранению действительной или призрачной самостоятельности хозяина мелкого торгово-промышленного предприятия Парижа.

В борьбе между трудом и капиталом этот мелкий хозяин не может сохранять нейтралитет: целый ряд факторов гонит его в об'ятия капитализма и создает из него консервативную охранительную силу старого общества. Усиление зависимости от крупных капиталистических предприятий — важнейший из них. Рост рабочего движения, борьба организованных рабочих против бытовых условий труда и приемов эксплоатации в мелкой мастерской, стремящейся увековечить докапиталистические, патриархальные отношения, вмешательство синдикатов в эту борьбу, — все это еще более усиливает охранительные, собственнические тенденции мелкой торговой и промышленной буржуазии.

Изложенное делало, на наш взгляд, неизбежным поправение крайних слоев республиканской демократии после переворота, линяние революционных фраз и лозунгов, по мере развития революционного рабочего движения, и превращение основного ядра мелких хозяйчиков Парижа и Франции в верных сторонников и охранителей 3-й республики.

И если после 4 сентября не наблюдалось сразу этого резкого поправения, если, наоборот, действительность толкнула эту мелкую буржуазию и ее партию не в руки Гамбетты и Фавра, что, к слову сказать, случилось после 1871 года, а в сторону социализма парижского рабочего класса, то это случилось лишь в силу тех особых специфических общественных условий, в которые была поставлена Франция и, прежде всего, сам Париж после переворота 4 сентября, уничтожившего Вторую Империю. Осада и связанная с этой осадой и немецким нашествием политика крупной буржуазии дали толчок запоздалому полевению мелкой буржуазии, создавали неожиданный и случайный блок между якобинизмом и социализмом, между мелкими хозяйчиками Парижа и его рабочим классом.

Эти соображения, как нам кажется, намечают пути дальнейшего исследования: необходимо проследить нарастание этого союза якобинизма и соци-

[1] Каутский. «Антиберництейн». ГИЗ 1922, стр. 55.

ализма и отметить все те явления, которые этот союз укрепляли и усиливали.

Эволюция якобинизма вправо, уже отмеченная нами и в речах Феликса Пиа и в поддержке Делеклюзом Гамбетты на выборах 1869 года и нашедшая свое выражение в конфликте Интернационала с Революционной Лондонской Коммуной, вызванная, без сомнения, ростом рабочего движения и ростом социализма в последние годы империи, была резко остановлена, а размежевание между собственническими и несобственническими элементами Парижа и Франции прекращено дальнейшим ходом исторических событий. Политика правительства Национальной Обороны, направленная на скорейшее прекращение войны любой ценой, была единственно правильной политикой буржуазии, имевшей у себя в тылу вооружающийся пролетариат. Но эта политика фатально расходилась не только с интересами пролетариата, но и с интересами тех слоев мелкой буржуазии, которые тяготели к собственникам, а не к лишенным собственности, и имели источником своего существования прибавочную стоимость или торговую прибыль мелких предпринимателей.

С первых же дней осады начинается этот взрыв революционности всей мелкой буржуазии в ее целом, который и создает возможность союза между всеми прослойками мелкой буржуазии и пролетариатом.

Осада создавала для трудящихся грандиозную и расширяющуюся безработицу, вела к кризису промышленности и торговли. Бабота на оборону, если даже не принимать во внимание саботаж правительства, не могла занять и одной десятой доли трудящихся—промышленное население Парижа изготовляло, главным образом, «пустяки»—des petits rien, как говорят французы, обслуживала свою и приезжую буржуазию. Война создавала локаут. Но это прекращение дел выбивало почву не только из-под ног пролетариев, оно било по карману и мелкого хозяина промышленного заведения и мелкого розничного торговца. Парализовано было производство, тот же паралич схватил за горло парижскую торговлю. «Чрево Парижа» перестало потреблять, а тем самым уничтожился и источник существования тысяч и тысяч посредников этого потребления—владельцев бесчисленных «бистро», мелких лавчонок, лотков на центральном и местных рынках. И если крупный предприниматель мог еще на накопленный им капитал, при удаче, спекулировать на несчастиях родного города, то для микроскопического торгового или промышленного предпринимателя дни осады становились днями нужды и разорения: дороговизна помещений и высота ростовщического % при кредите не благоприятствовали делу накопления в эпоху Империи и заставляли многих предпринимателей в конкурентной борьбе проедать то немногое, что могло быть ими накоплено или сбережено. Теперь невиданный кризис, граничащий с уничтожением всякого товарооборота, грозил панелью и заставлял проедать не только обручальные кольца, но и рабочие инструменты.

С известным опозданием приходили эти мелкие собственники к тем же выводам, что и пролетариат, начинали искать спасения в тех же «лекарствах». Чем больше тяжесть осады, тем больше предпосылок для сближения. Отказаться же от республики, встать на пораженческую точку зрения

крупных собственников, мешали этим слоям мелкой буржуазии и патриотические традиции, чрезвычайно сильные в массах, и боязнь потерять революционные завоевания (Вильгельм—герцог Брауншвейгский!), и, наконец, отсутствие страха перед вооруженным пролетариатом — главного стимула буржуазного пораженчества: оружие Бельвилля ведь не было направлено, как тогда казалось, против мелкой собственности и не грозило ликвидацией необходимого мелкому собственнику, как воздух, товарного оборота вообще.

Так, с первых же дней осады налаживается снова давший уже трещину блок. С каждым днем осады, с каждым новым предательством со стороны Правительства Национальной Обороны он укрепляется.

Два узла с самых первых дней власти Правительства Национальной Обороны и осады начинают стягивать и об'единять интересы мелкой буржуазии и пролетариата: прежде всего таким узлом являлся вопрос о налаживании питания осажденной столицы, вторым — оборона Парижа. И оба эти вопроса заставляли широкие круги населения Парижа возвращаться к опыту первой республики, искать в фактах и легендах недавнего прошлого Великой Революции лекарства — средства для горестей и бед настоящего.

Разрешение продовольственного вопроса напрашивалось как бы само собой. Исторические прецеденты не говорили — кричали о необходимых мерах для обеспечения осажденной столицы нужными продовольственными запасами: примеры голодного Парижа или осажденных Тулона и Майнца эпохи первой революции, даже более ранние примеры героической осады Лаонской Коммуны, Ля-Рошели (1627) или более поздний пример осады Сарагоссы (1809) — все эти исторические примеры взывали об учете, о реквизициях, о распределении и карточной системе. Правящая буржуазия 1870 г., мечтающая о быстром окончании войны и боящаяся опасных опытов с уничтожением свободы торговли, повторяла политику Жиронды и всеми силами противилась новому максимуму. Необходимость же решительных мер с каждым новым днем осады делалась ясной не только пролетариату, но и мелкой буржуазии, и, как тогда в тяжелый 1793 год, «мелкая городская буржуазия, составлявшая ядро этой партии (т.-е. якобинцев) и занимавшая в ней руководящее положение, решилась, в виду исключительных обстоятельств, на эту меру» [1], т.-е. на таксу, на максимум, равносильные, в условиях осады или голода, принудительной продаже запасов по твердой цене и учету. И как тогда, летом 1793 года, так и теперь новые якобинцы надеялись, что учет, таксация, введение рационов и т. п. «разрушат только оптовую торговлю, но... не повредят мелким лавочникам, которые довольствовались умеренными барышами» [2]. Ведь в условиях голода и бестоварья уже одни посреднические операции, уже одно прохождение хлеба по этапам—реквизированный склад богатого лабазника — пекарня и булочная, распределяющая хлеб по твердым ценам—получающий рацион потребитель,—могло сделать сытым мелкого хозяина - пекаря или булочника со всей его семьей. К тому же и новый и старый якобинизм опирались на свободное ремесленничество, такое же голодное и холодное в эти дни, как и пролетариат.

[1] Лукин. «Нов. ист. Зап. Европы», 1923, стр. 185.

[2] Ibidem, l. c.

С первых же дней осады пресса якобинцев — орган Делеклюза «Réveil» и начавший выходить «Combat» Феликса Пиа — поддерживает требования пролетариата и требует прежде всего учета и рационов.

Первый же № «Combat» поддерживает известное воззвание образовавшегося «Центрального Комитета 20-ти округов», тем самым закрепляя союз мелкой буржуазии и пролетариата. Воззвание, в разделе 2, требует «экспроприации для пользы общественного дела всех продуктов питания или первой необходимости, в настоящее время находящихся в магазинах Парижа у оптовых и розничных торговцев, гарантируя этим последним оплату этих продуктов после войны»... и распределения экспроприированного по карточкам. Воззвание, кроме того, требует «закрепления за каждым гражданином и его семьей необходимых им помещений» [1].

Уже в этом первом номере «Combat» помещены и практические советы сотрудника Делималя об учете скота и об организации соления мяса.

В дальнейших номерах требования таксы делаются все настойчивее, все упорнее; газета отмечает случаи вздувания цен и спекуляции, поднимает кампанию против спекулянтов-скупщиков — «accapareurs» совсем в духе и стиле 1793 года.

Характерна в этом отношении статья Дюшена, тогда еще сотрудничавшего в газете Пиа: «Таксация». Дюшен приветствует только что введенную таксу на мясо и требует таксы на хлеб: «нам понадобилось», говорит он, «пройти через те же испытания, что и нашим отцам, чтобы иметь возможность справедливо судить о тех революционных мерах, к которым они принуждены были прибегнуть и которые реакция в продолжении 60 лет не переставала искажать и поносить»... И он протестует против свободы торговли в осажденном городе: «свобода торговли — привилегия воровства, слышите ли вы, недостойные спекулянты, барышники, наживающиеся на несчастиях родины!.. Нынешнее вздувание цен есть следствие не событий, а паразитизма скупщика; от него ничего не достается труду: это наименее почтенная вещь в мире» [2].

В №, вышедшем 27 сентября, разоблачаются газетой мясники богатых кварталов, вздувающие цены [3], а в другом номере имеются настойчивые предложения распространить таксацию и дальше на все предметы первой необходимости [4]. 1 октября указывается, что таксы ведут к исчезновению товаров и что поэтому перед правительством один путь: реквизиция и карточная система [5]. 9 октября газета требует реквизиции молока для грудных детей [6]. Характерна статья самого Пиа в номере от 24 октября о введении рационов в народных столовых: Пиа спрашивает, находятся ли на рационах Трошю и его генералы, епископы и капиталисты. Пиа едко высмеивает богатых, требует «равенства вина», подобно тому, как на укреплениях Парижа установлено «равенство крови» [7].

В ноябре тон газеты делается еще более резким: мелкая буржуазия начинает терпеть уже настоящий голод, и отсутствие налаженного питания

[1] «Combat», № 1, 16/IX—1870.
[2] «Combat». № 9, 24/IX—1870.
[3, 4, 5, 6, 7] №№ 12, 10, 16, 24, 39 «Combat».

начинает становиться вопросом жизни и смерти для нее. 28 октября в газете помещены первые сведения о крысином мясе и его вкусе, а 1 ноября сведения о том, что приступлено к продаже мяса буйволов из зоологического сада; 8 ноября помещено об'явление о продаже мяса кошек и собак [1].

Газета приветствует нормирование продуктов по инициативе отдельных округов Парижа, помещает по этому поводу хвалебную статью по адресу 8-го округа Парижа, проявившего первым эту инициативу.

18 декабря газета дает мотивированный и тщательно разработанный план карточной системы, а 30 того же месяца указывает, что нужно было с начала осады не только уравнять население в питании, но и уравнять его в отношении к труду — каждый должен работать и помогать делу обороны [2].

В январе, в последних номерах газеты, когда положение делается уже отчаянным, «Combat» громовым голосом требует решительных мер: разве можно говорить о правах собственности на корабле, застигнутом в море? спрашивает сотрудник газеты Марэ [3], а Феликс Пиа по поводу запоздалого решения выдавать хлеб по карточкам доходит даже до требования классового пайка: «банкир, который может заплатить за фазана 100 франков, имеет меньшую нужду в 300 гр., чем рабочий, который не может заплатить за кочан капусты 100 су» [4].

Нечего и говорить, что и Делеклюз в «Réveil» всеми силами поддерживает требования всего трудящегося Парижа: 15 сентября он обращается к правительству со следующими словами: «хорошо было возвратить нам Марсельезу, но было бы еще лучше выполнять ее патриотические уроки»... 4 января, в заседании окружных мэров Парижа, Делеклюз требует «принятия всех мер общественного спасения, как для гарантии питания Парижа, так и для смягчения ужасных страданий, принесенных населению осадой и достойной сожаления беззаботностью власти» [5].

Таким образом, совершенно бесспорно, что голод и холод, проникавшие в долгие дни осады не только на чердаки пролетариата, но и в квартиры и комнаты мелкой буржуазии, заставили прессу этой мелкой буржуазии принять живейшее участие в борьбе пролетариата за учет и за введение карточной системы. Это участие, конечно, связало якобинцев с представителями рабочего класса, создало новый мост между якобинизмом и социализмом.

Чем отличается постановка продовольственного вопроса в якобинской прессе от решения его в прессе социалистической, рабочей?

Бланкисты из «Patrie en danger» предлагают фактически те же меры, тот же учет; сам Бланки в своем «последнем слове» [6] говорит об якобинском «Combat», что он «сохранил правильную линию» в продовольственном вопросе. Разница заключается только в том, что бланкисты видят в этом учете не

[1] №№ 43, 47 и 54 «Combat».

[2] №№ 94 и 107 «Combat».

[3] «Combat», № 108.

[4] Ibidem, «300 gr.».

[5] Prolès, «Charles Delescluze». 1898, p. 69.

[6] «Un dernier mot» par Blanqui—листовка.

только временную, но и постоянную меру; разница в том, что они не перестают говорить о страданиях пролетариата и бедноты в о о б щ е, а не только в эти случайные дни осады Парижа: уже в сентябре бланкистский оратор в клубе говорит, что «основа всех бед — социальный строй» и «что следовало бы воспользоваться настоящим бедствием для того, чтобы бросить призыв к общественному труду», уничтожить «индувидуализм»[1]. В дальнейших номерах газеты, вплоть до последнего № 89, так или иначе затрагивается социальный вопрос и говорится о том, что бланкисты «хотят какой угодно ценой социальной революции, а в настоящий момент войны до конца, освобождения родины»[2].

Якобинская пресса, наоборот, не устает говорить о временности этого учета, о военной необходимости, о чрезвычайных экстраординарных мерах, о том, что по миновании беды все войдет в свою обычную колею, в обычные отношения свободного товарного оборота. Разрешение социального вопроса мыслится якобинцами совсем не в социалистическом духе, и на «военный коммунизм» они идут только вследствие горькой необходимости. Именно в такой постановке продовольственного вопроса, да еще в любовном и бережном отношении к интересам мелкого торговца и сказывается мелкобуржуазность якобинской прессы, ее «лавочное» происхождение.

Уже в цитированной нами статье Дюшена о таксах в одном из первых №№ «Combat»[3] автор, грозя спекулянтам — «les juifs ignobles» — судом народа, спешит оградить интересы мелкой торговли: «не надо прежде всего злобы против маленького лавочника, ничтожного лавочника, который платит вздутые цены оптовому поставщику. Между производителем, розничником и потребителем, в с е м и т р е м я о г р а б л е н н ы м и, встает спекулянт-паразит, скупщик, вздуватель цен. Этого последнего надо открыть и отнять от него огромные прибыли, направляя их в казну Национальной Обороны. Имя его следует узнать у лавочника».

В № «Combat» от 1 ноября, давая заметку о предполагаемых обысках мелких лавочников центрального рынка[4], недоуменно спрашивается о том, когда же правительство примется за уничтожение крупных укрывателей продуктов. В этом же номере редакция отмечает патриотизм мелких лавочников центрального рынка и приводит отчет о патриотическом сборе среди них—собрали около 3 тыс. фр. Несколькими номерами раньше, сообщая о пожертвовании торговками рынка — les dames des Halles — денег на раненых, Пиа говорит, «уже не в первый раз дамы рынка доказывают свой патриотизм и свою гуманность. Занятые тяжелым трудом, дающим им только минимальные доходы, они тем не менее умеют ограничиваться в своих потребностях, когда к этому их зовет сердце и когда этого требует долг»[5]. Газета благодарит их от имени родины. Газета ни в коем случае не предпо-

---

1 «Patrie en danger», № 7, 14/XI—1870.

2 «Patrie en danger», № 60, 9/XI—1870, ст. Regnard: «Существует ли партия Бланки?».

3 «Combat», № 9. 24/IX—1870.

4 «Combat», № 47. 1/XI—1870.

5 «Combat», № 43. 28/X—1870.

лагает уничтожения товарного оборота и свободы торговли в будущем. Вопрос о будущем общественном строе вообще не ставится газетой, однако неоднократно делаются ею указания на то, что карточная система не вечна: в этом отношении характерен план «Республиканского Союза» старых представителей народа в 1848 — 49 г.г., организации чрезвычайно близкой якобинцам и их газетам. Этот план, в котором осажденный город сравнивается с кораблем во время непогоды, предусматривает не только полное уничтожение свободы торговли на время осады и экспроприацию всех необходимых для питания населения продуктов, но и таксацию всех прочих (т.-е. делит все продукты на нормированные и ненормированные, но таксированные), а также взятие на учет всей рабочей силы. Одна из последних статей этого плана гласит: «режим, основания которого приведены в настоящем декрете, останется в силе для каждой отрасли торговли до тех пор, пока не пройдет достаточного времени после открытия сообщений и не восстановится нормальное функционирование свободы торговли, а цены не придут в нормальное состояние» [1].

Республиканский Союз вводит эту статью именно с целью успокоить встревоженных мелких буржуа, которые систематически запугивались желтой прессой. «Combat» в другом месте также говорит об этом: «Предлагая рационы и реквизицию, мы совершенно не думаем, и это само собой разумеется, выставлять эти меры в качестве определенных экономических проблем, так как они дают разрешение только специальной проблеме» [2]. Сам Пиа, говоря о необходимости рационов, не допускает мысли о сохранении принудительной системы и после войны: вводя рацион, говорит он, после войны «nous y aurons du moins gagné une morale de communnauté». О с т а н е т с я т о л ь к о м о р а л ь»! [3] Дени, полемизируя с Молинари, сторонником laissez faire во время осады, также спешит уверить буржуазную прессу, что «Combat» требует вмешательства власти и «регулирования потребления вовсе не из любви к регулировке» — необходимость заставляет прибегнуть к этому!» [4].

Мы могли бы привести десятки свидетельств бережного отношения якобинской прессы к интересам мелких производителей и торговцев, но это излишне. Остановимся только на следующем маленьком происшествии, характерном, как нам кажется, для якобинцев: в конце декабря голодные бедняки одного из районов Парижа в поисках топлива порубили в общественном месте деревья и растащили заборы частных владений. «Combat» называет этих несчастных «бандами мужчин и женщин» [5], а Сидней там же помещает об этом происшествии большую статью — «Мародеры», ругает несчастных, не отрицая, правда, того обстоятельства, что первоисточником преступления и бедствия является нераспорядительность правительства Национальной Обороны: «будучи суровыми с теми, которые эксплоатируют труд и нужду... мы

[1] «Combat», № 94. 18/XII—1870.
[2] Ibid. № 107. 30/XI—1870. Статья Сиднея.
[3] Ibid. № 39. 24/X—1870.
[4] Ibid. № 40. 25/X—1870.
[5] Ibid. № 105. 28/XII—1870.

имеем право быть суровыми и по отношению к тем, кто... нападает на собственность, общественную или частную, не придавая своим поступкам легальной формы». То, что им было холодно, не оправдание, — «страдающие не имеют права производить грабеж».

Жилищный вопрос также подвергается обсуждению на страницах якобинской прессе: уже 23 сентября помещена в «Combat» статья об оплате жилищ и о возвращении заложенных вещей бедняков из ломбардов[1]. В дальнейших же номерах то и дело снова и снова ставятся общие экономические вопросы: 5 октября помещена, например, целая статья Прудона: «Le Terme», написанная на родственную тему еще в 1848 году[2], 23 октября — проект декрета об отсрочке платежей[3], 20 декабря — большая статья «Вопрос о жилищах» старого республиканца Белэ[4], 6 января — на ту же тему пишет статью сам Пиа и т. д.[5]. Газета говорит о нищенском жаловании национальных гвардейцев, хлопочет об их нелегальных женах. Экономическое положение мелкой парижской буржуазии делается постепенно похожим на нищенское положение пролетариата, и поэтому якобинская пресса в этих вопросах имеет с социалистами один общий язык.

Разницу здесь заметить очень трудно: характерно, однако, то обстоятельство, что в жилищном вопросе якобинская газета никогда не забывает интересов и другой стороны — интересов владельцев помещений, делая здесь обычное свое разграничение на «больших» и «маленьких», крупных и некрупных. На страницах газеты охотно помещаются письма владельцев домов, которые жалуются на возможный ущерб от освобождения от платы населения: «ведь имеется много домохозяев, которые являются ими только по имени», пишет в «Combat» один домовладелец, подписывающийся: «один из ваших наиболее постоянных читателей и почитателей»[6].

Мы приходим к заключению, что осада города и связанные с ней переживания способствовали сдвигу мелкой буржуазии и якобинцев в сторону пролетариата. Фактически, к январю 1871 года налаживается полный союз между мелкой буржуазией и пролетариатом — основой для него служит одинаковость текущих экономических требований. Классовая политика Национального Собрания еще более укрепляет этот союз низов против правящей буржуазии.

Не следует, однако, упускать из виду того обстоятельства, что пролетарские массы ставят перед собой широкие цели устранения социального неравенства вообще, в то время, как якобинизм решает для мелкой буржуазии только узкую задачу: обеспечивает ей существование в тяжелые для нее времена общественного бедствия.

Уничтожая частную собственность в настоящем, якобинцы стремятся укрепить ее в будущем. Они повторяют робеспьеровский принцип голодного 1793 года: «Все, что необходимо для сохранения жизни, является общественной собственностью. Только излишек составляет индивидуальную собственность».

---

[1] [2] [3] [4] [5] №№ 11, 20, 38, 96, 114 «Combat».

[6] Combat № 112. 4/1—1871. См. №№ 111, 113.

III

Мы переходим теперь ко второй части задачи: в дни осады Парижа, как мы это только что видели, сплачиваются мелкобуржуазные и пролетарские ряды — общие экономические интересы способствуют этому. Параллельно идет и политическое сближение якобинизма и социализма, создаются, следовательно, предпосылки для политического союза против общего врага. Задачи, выдвигаемые необходимостью военной обороны Парижа, и исключительно сильный патриотизм, охвативший не только мелкую буржуазию, но и пролетариат Парижа, способствуют созданию этого союза.

В самом начале войны 1870—71 года позиция, занятая крайней левой республиканизма по отношению к ней, вовсе не совпадала с позицией пролетарских организаций и, прежде всего, Интернационала. Войну ожидали давно — с австро-прусской войны 1866 года вопрос о взаимоотношениях между Францией и крепнущим союзом германских государств стоит в центре внимания всей прессы Франции, как императорской, так и оппозиционной. Еще до победы пруссаков при Садовой, Тьер указывал на грозную опасность для Франции в случае уничтожения трактатов 1815 года и создания мощного германского единого государства. Еще до Садовой подняли кампанию против германского союза (конечно, исходя из других соображений) полусоциалистические, полуякобинские листки левого берега Парижа — те листки, в которых пробовала свои перья оппозиционная молодежь Второй Империи — будущие коммунары (Верморель, Рожар, Дени, Курнэ, Валлес и другие): они указывали на опасность «принципа казачества», воплощенного в Бисмарке, и указывали на то, что «Пруссия собирается занять место России» и т. д.[1]. «Начало политики реванша следует относить не к 1870 г., а к 1866 г.», говорит историк Второй Империи Тома[2].

Для якобинизма, как политического течения, чрезвычайно характерна позиция Делеклюза — ведь не даром же именно он был наиболее ярким и честным его представителем: еще в 1869 году в газете его «Réveil»[3] помещена была его статья, в которой он «критиковал с жаром иллюзии рабочих-республиканцев, веривших в миролюбивые обещания немецких рабочих; он рассматривал немецких социалистов, как обманутых Бисмарком или как его агентов»[4]. Именно он, Делеклюз, воспротивился попыткам слабого тогда Интернационала наладить союз трудящихся обеих враждующих стран: «Попытки враждебных войне манифестаций встретили в Делеклюзе яростного критика», говорит Tchérnoff[5]. Позиция Пиа в момент об'явления войны была достаточно неопределенной — к делу Интернационала он, конечно, не имел никакого отношения: он и его друзья оправдывали свое оборончество тем, что на Францию первыми напали немцы! Рабочие-интернационалисты не были поддержаны крайней левой республиканской партии.

---

[1] Тома А. «История Второй Империи». 1908. Стр. 258-259.

[2] Тома, о. с. Стр. 261.

[3] «Réveil.» 28.IX—1869.

[4] Tchérnoff, о. с., р. 511.

[5] Ibid, р. 597.

Первые же поражения Империи дают повод якобинцам к выступлению против Империи, неспособной организовать отпор врагу. «Réveil» и якобинцы используют создавшееся положение для революционной пропаганды: «Час мужественных решений настал. Подумаем о спасении родины. Энергичные меры не будут преждевременными. Первая из них — об'явление Парижа в состоянии обороны, немедленная реорганизация национальной гвардии. События идут с невероятной быстротой! Каждый час опоздания увеличивает опасность! Оружие всем гражданам! К оружию!» [1].

Газета начинает вспоминать о доблестной обороне страны Конвентом, начинает не к месту, с точки зрения Империи, напоминать об уроках прошлого — «Réveil» закрыт поэтому полицией 10 августа за воззвание «К парижанам», в котором имеются указания на то, что «Париж уже однажды спас Францию в 1792 году», и что «ему следует спасти ее еще раз», что «он ее спасет, мы в этом твердо уверены». Воззвание заканчивается дантоновским призывом — смелость, смелость и еще раз смелость! [2].

Таким образом, уже до 4 сентября начинают совпадать на практике тактика якобинизма и тактика тех бланкистских групп, которые задумали дело Ля-Виллет, и тех интернационалистов, которые в начале августа образовали свой «Комитет Действия».

Попытки уничтожить Империю, с целью усилить оборону страны и создать условия для успешного отпора немцам, сближают представителей мелкой буржуазии и пролетариата.

Немецкое наступление и после провозглашения французской республики создало исключительно благоприятные условия для под'ема в Париже патриотических настроений. И эти патриотические настроения должны были неминуемо охватить не только одну мелкую буржуазию, но и недостаточно зрелый рабочий класс города: патриотизм мелкой буржуазии черпал свою силу в традициях и воспоминаниях прошлого — попранная ногами врагов Франция 1792 и 1793 годов, Франция 1814 и 1815 годов как бы взывала о защите, требовала от каждого гражданина патриотической активности. Продолжение войны против республики, война освобожденной Франции с королем Вильгельмом будили воспоминания сравнительно недавнего прошлого, заставляли видеть в скромных немецких бюргерах генерала Мольтке — свирепых солдат герцога Брауншвейгского, а в прусских уланах — казаков и калмыков императора Александра.

Мелкобуржуазный патриотизм не мог не захватить и пролетариат: даже интернационалисты «поддались увлечению патриотизмом и составили один хор с буржуа» [3], — писал Дюпон,—даже непримиримый старик Бланки дал увлечь себя на короткое, правда, время лозунгу «гражданского мира».

Общие оборонческие иллюзии положили начало союзу. Предательская политика буржуазного правительства с первых же дней республики способствовала укреплению этого союза: мы говорили уже об общем тяжелом хозяйственном положении низов Парижа — оборона осажденного города спла-

---

[1] «Réveil». 7/VIII—1870.

[2] Prolès, o. c., p. 55.

[3] Лукин. «Парижская Коммуна». 2-е изд. Стр. 97.

чивала теперь эти низы, бросала и мелкую буржуазию и пролетариат на господствующий класс Франции.

Боязнь революционного пролетариата парализовала буржуазию Парижа, делала ее не обороноспособной. Мелкие собственники города не могли разделять с буржуазией ее опасения, так как незрелый, пропитанный мелкобуржуазным социализмом, пролетариат того времени еще не выступал с достаточной силой против всякой собственности вообще. Защита Парижа требовала вооружения всего народа, требовала применения тех старых методов обороны страны, которые дали победу третьему сословию и создали Первую Республику. Этот опыт Конвента 1793 года для буржуазии Парижа был вполне заслонен опытом другой революции — июньские дни 1848 года дали буржуазии Франции другой урок, вытеснили из ее головы героические уроки собственной молодости.

В первом же номере «Combat» газеты Феликса Пиа, вышедшем 16 сентября перед самым открытием осады, помещено воззвание «ЦК двадцати округов», о котором мы уже говорили. Это воззвание, намечая план организации питания, намечало также и ряд мер, необходимых для поднятия обороноспособности города. Среди этих мер—важнейшая: «избрать по кварталам в больших городах чиновников, на которых должна быть возложена задача охраны общественной безопасности»... «установить общественный контроль над всеми мерами, принятыми в целях обороны»... «поддерживать всякую организацию, возникшую по общественной инициативе и имеющую целью способствовать спасению республики». Масса еще доверяет правительству, доверяет ему еще и организация этой массы—«ЦК двадцати округов»; однако в этом воззвании — все семена жестокого раздора, жесточайшей классовой борьбы: привлечение широкой общественной инициативы к делу обороны, приемлемое для третьего сословия в целом в 1792 году, совершенно неприемлемо для буржуазии 1870 года.

Печатая это воззвание, «Combat» прибавляет: «рядом с общественной, организованной силой (т.-е. рядом с правительством. — *С. К.*) нам хотелось бы видеть ассоциированную, индивидуальную силу, стремящуюся к той же цели — к национальной обороне». Эта ассоциированная сила — будущая Коммуна. Орган якобинцев всецело разделяет точку зрения всей демократии, нашедшую свое выражение в цитированном только что воззвании.

В дальнейших номерах газеты в течение первых двух месяцев осады лозунг этот делается все отчетливее и яснее, в него вкладывается более определенное содержание: якобинская пресса разделяет с социалистической ее лозунг — Коммуну!

«Лозунг Коммуны... приобретает теперь все большую популярность. В массах оживают традиции Великой Революции, которые... держались в бланкистских кругах еще при Империи. Коммуну рисуют себе по образцу революционной коммуны 1792 года» [1]).

В требовании «Коммуны», как в фокусе, сходились все течения революционной мысли конца Империи: для прудонистов требование это связано было с мыслью об уничтожении государства, об анархии, о введении в жизнь си-

[1] Лукин, о. с. Стр. 109.

стемы мутуализма; бланкисты и якобинцы, в противоположность прудонизму, вкладывали в этот лозунг совершенно другое содержание — они думали о создании сильного революционного правительства, опирающегося, по примеру великих дней Первой Революции, на Коммуну Парижа, на организацию парижской народной массы.

Но в то время, как мелко-буржуазные якобинцы готовы были считать этим революционным правительством существующее «республиканское» правительство Национальной Обороны и требовали создания Коммуны — муниципалитета для придания этому правительству силы и веса,—пролетариат, в лице бланкистов, звал к эбертизму и с конца сентября всеми своими силами бил по правительству Национальной Обороны: для революционного пролетариата Парижа уже вскоре после начала осады Парижа были отрезаны все пути к «гражданскому миру», т.-е. примирению, революционеры же из мелкобуржуазного лагеря до самого конца этой осады пытались найти почву для легального окончания конфликта: якобинцы пришли к безоговорочному лозунгу «вся власть Коммуне» только в дни перемирия, только тогда, когда классовая политика Национального Собрания схватила за горло мелкую буржуазию, нарушила ее жизненные интересы.

В якобинских газетах эпохи осады находим мы доказательства этому.

20 сентября, помещая отчет о собрании в Folies-Bergères, на котором была вынесена резолюция о скорейшем создании в Париже муниципального совета, Пиа поддерживает это требование указанием на практику Великой Революции:

«10 августа поднимаются секции и образуют в ратуше Революционную Коммуну... В тот же день Коммуна заставляет признать свои права Законодательное Собрание. 21 января ни одного пруссака во Франции!» [1].

Газета приветствует намерения правительства провести 28 сентября муниципальные выборы в Париже; будущий законный муниципалитет она отожествляет с Революционной Коммуной 1792 года! 22 сентября сотрудник Вильомэ советует довести число членов этого муниципалитета до 180 (один— на десять тысяч): в старой Коммуне их было 144 [2]. За два дня до этого Дюшен помещает большую статью о предстоящих выборах, требует устранения недостатков избирательной процедуры, фальсифицировавших императорские плебисциты и выборы, требует императивного мандата [3]. «Коммуну Парижа... если Вы ее нам не дадите, мы ее возьмем!» [4]... «Коммуна или осуждение!.. Коммуна—первое и последнее слово нации!.. у «Combat» нет другой цели,

---

[1] «Combat», № 4. 19/IX—1870.
[2] Ibid. № 7. 22/IX—1870.
[3] «Combat», № 5. 20/IX—1870.
[4] Ibid. № 11. 26/IX—1870.

кроме Коммуны Парижа!»[1] «Коммуна или смерть!»[2] провозглашает, наконец, газета в первые дни октября. Однако эти революционные лозунги вовсе не означают требования уничтожения предательского правительства Национальной Обороны—якобинская пресса не устает подчеркивать необходимость одновременного существования двух властей, центральной и местной: Коммуна не призвана уничтожить центральное правительство, она не опрокидывает власть, а улучшает ее[3]. Якобинцы и не думают выступать с лозунгом: «вся власть Коммуне»: «дело идет не о том, чтобы уничтожить правительство... но о том, чтобы его поддержать... нам нужно сильное, т.-е. республиканское правительство, представительную власть, власть безличную, демократическую»[4].

Делеклюз «до 31 октября не осуждал и не нападал на правительство Национальной Обороны»[5]... «Делеклюз»,—пишет его биограф—«был, к несчастью, вполне уверен, что события оправдают его грустные предсказания... он употреблял все свои усилия для того, чтобы толкнуть его (т.-е. правительство) на путь спасения, призывая его всеми своими силами к тому, чтобы оно осмелилось по нему пойти...»[6].

Еще в декабре месяце находим мы в якобинской прессе образчики этой политики подталкивания: «если оно будет итти (речь идет о вылазке генерала Дюкро), мы за ним последуем; если оно начнет отступать, мы его подтолкнем»[7].

Сравните эту политику с политикой подлинных вождей рабочего класса: «мы имеем перед собой только пруссаков: пруссаков внутренних и пруссаков внешних»,—говорит 11 октября в своей газете Бланки,—«пусть республиканцы измерят пройденный путь и взглянут перед собой на то, куда он ведет: он кончается бойней, и уже готовы убийцы, как в 1848 году!»[8].

Для пролетариата уже в начале октября не было сомнений в классовой природе правительства Трошю и Фавра.

Позорное поведение вождей якобинизма в дни 31 октября и 22 января, в дни, когда парижские пролетарии сделали попытку совершить репетицию своего Октября, может служить доказательством нашей мысли: всю осаду идут якобинцы в хвосте событий, их подталкивает вперед революционная масса. Не они, революционные якобинцы, дают лозунги движению, а, наоборот, сами они нерешительно и робко поддаются влиянию, идущему с низов от пролетариата Парижа.

Пресса якобинцев вполне подтверждает сказанное:

История 31 октября хорошо известна. Известно также, что орган Пиа «Combat», поместивший сообщение о сдаче Меца Базеном, был вольным

---

1 «Combat» № 15. 30/IX—1870.

2 Ibid. № 18. 3/X—1870.

3 Ibid. № 15. 30/IX—1870.

4 Ibid. 17. 2/X—1870.

5 Vapereau, «Dict. univ. des contemporains», supp. 4 éd., p. 62.

6 Proles, o. c., p. 58.

7 «Combat», № 84, 8/XII—1870.

8 Patrie en danger, № 31, 11/X—1870

или невольным застрельщиком движения, толкнул массы Белльвилля на ратушу.

Корни событий следует искать, конечно, не в редакции якобинской газеты, однако, именно »Combat» дал повод, дал толчок. Еще в № 43, в пятницу 28 октября, появилось в левом углу газеты, в черной примечательной рамке, сообщение о сокрытии от народа начала переговоров о сдаче Меца; на следующий день снова появилось сообщение о том, что редакция располагает сведениями совершенно исключительной важности и, наконец, 30 октября после лживого опровержения «Journal Officiel» 'я появляется разоблачение плана Базена. №№ 46 и 47 от 31 октября и 1 ноября хранят молчание о событиях, больше того, в № 47, вышедшем в день восстания, нет даже и намека на призыв масс к активным действиям, на вызов их на улицу. Якобинцы продолжают держаться легальности и, несмотря на явное предательство правительства, лозунгов уничтожения его не дают. Только бланкистские группы выдвигают в качестве немедленной меры уничтожение правительства' Национальной Обороны и создания Комитета Общественного Спасения—создания Коммуны.

Якобинцы только за создание временной Комиссии для организации выборов в Коммуну, они и не думают свергать временное правительство. Доказать последнее не представляет большого труда—стоит только прочесть те номера «Combat» и «Réveil», где сами якобинцы дают оценку 31 октября:

№ 48 Combat от 2 ноября, посвященный подробному изложению событий понедельника, начинается с призыва редакции к населению Парижа «мирно, но решительно» (pacifiquement mais résolument) требовать создания Коммуны. Победа правительства уже совершенно ясна, предстоят аресты, репрессии—газета якобинцев спешит занять наиболее удобную в данный момент позицию: единственной целью мирной демонстрации были просьбы о Коммуне; злая воля «диктаторов» Бланки и Флуранса хотела придать ей другой характер. Якобинцы отмежевываются от них всеми силами.

Пиа отрицает свое участие в попытке:

«Вчера (31-го) около 4 часов дня в ратуше, куда народ принес меня силком для того, чтобы я, во имя его, провозгласил Коммуну, гражданин Флюкэ ответил мне: то, что просит народ—принято... Я сказал народу, что он получил то, что хотел, и что мне остается только ретироваться, приглашая и народ сделать то же».

Пиа должен был остаться в ратуше, так как из залы нельзя было выбраться. На просьбы народа, обращенные к нему, составить список членов Коммуны или нового правительства, он ответил, что на этот раз «он не может поступить согласно желания народа» и «что диктатуры губили Францию», что он «никогда не согласится признать за кем-либо право создавать правительства или Коммуны, навязывать частную волю—воле общества»[1].

Делеклюз поддержал его. Затем они вместе ушли из ратуши, уверенные в том, что Коммуна будет созвана самим правительством.

«Réveil» в тех же, примерно, словах рассказывает о 31-м:

[1] «Combat», № 49. 3/XI—1870. «Plébiscite et Commune».

«Граждане Пиа и Делеклюз один за другим брали слово для того, чтобы сообщить, что назначение правительства par acclamation неправильно, и что они не могут принять такого назначения. Можно, по их мнению, без страха ждать результатов волеиз'явления избирателей». Делеклюз спешить отметить, что соглашение врагов—Бланки и его спутников, с одной стороны, и правительства, с другой—о создании временной комиссии было подписано по его инициативе. В № 48 Пиа настаивает на том, что он «предлагал народу мирно выразить свою волю».

Изложенное с достаточной ясностью показывает, что якобинцы и не думали разделять с бланкистами, ведущими за собою массу, ни лозунгов 31 октября, ни ответственности за них.

Сидящий в Консьержери Пиа, отвечая на заметку Молинари, редактора «Débats», спешит отмежеваться от опасного соседства с бланкистами: он, Пиа, «всегда отвергал диктатуру»[1].

Редакция осиротевшей газеты негодует на правительство: «Combat» не зызывал даже манифестации 31 октября»... «Пиа против вооруженных демонстраций... отказался в ратуше от диктатуры»[2].

В ответ на радость буржуазной газеты «Siécle» по поводу «ссоры» между Бланки и Пиа, т.-е. по поводу расхождения между бланкистами и якобинцами, Пиа отмечает, что между ними никогда и не было связи[3].

Когда в ночь 31 октября Трощю бежал из под ареста, не кто иной, как Одилон Делималь, член редакционной коллегии «Combat» и правая рука Пиа, допустил стрелков Флюранса до кровопролития — это он прекратил начавшуюся было стрельбу![4].

Поведение вождей якобинизма нельзя назвать иначе, как предательством, но это предательство находит свое историческое об'яснение в факте блестящей победы правительства Национальной Обороны 3 ноября; плебисцит огромным большинством голосов (557 тысяч против 62 тыс.), поданных за Правительство Нац. Обороны, доказал, что опора якобинцев — мелкая буржуазия — еще не готова к выступлению, что блок между нею и пролетариатом еще не закреплен окончательно: «большинство парижского населения предпочитало неспособное правительство революционной Коммуне или считало эту неспособность еще недостаточно выясненной и наивно верило, что голосовать против значит погрузиться в анархию и открыть ворота Бисмарку»[5].

Вожди только отражали настроение масс — они сами еще «надеялись подтолкнуть» это неспособное правительство.

Для политики якобинцев чрезвычайно характерны надежды на институт выбранных по округам мэров и их помощников. Как известно, правительство Трошю, разрешая муниципальные выборы после 31 октября, искало гро-

---

1 «Combat», № 59. 13/XI—1870.
2 Ibidem, № 59. 13/XI—1789. См. статью Дени.
3 Ibidem, № 61. 15/XI—1870.
4 Ibidem, № 48. 2/XI—1870.
5 Лукин, о. с. Стр. 113.

моотвод, думало разрядить атмосферу. Характерно, что именно якобинцы идут на этот обман, на эту уловку, питают какие-то надежды и т. д. и после 31 октября.

Особенную надежду на то, что вновь избранные муниципальные чиновники окажутся истинными представителями народа, якобинцы питают потому, что выборы происходят по округам, а не по общему для всего Парижа списку: Дени в статье «Коммуна и муниципий» сравнивает правительство с Грибуйем, бросающимся от дождя в воду: «надеются, что муниципальные власти, избранные под влиянием тех же обстоятельств, которые предопределили исход плебисцита, будут постоянно в согласии с правительством. Напрасная надежда!» [1]—мэры будут зависеть не от правительства, а от воли избирателей.

Ту же наивность проявляет и другой журналист «Combat» — Гупиль, заявляющий по поводу выборов мэров: «Коммуна создана, по крайней мере, вчерне» [2].—Мэры могут легко ее создать—им стоит только настоять на выборе муниципального совета. На этот совет, по мнению Гупиля, пока границы «будут проходить по стенам города», ляжет много других дел, кроме муниципальных: «в Коммуне», прибавляет он—«мы найдем сильную и законную власть и, если понадобится новое 31 октября, мы будем знать, вокруг кого об'единяться. «Ту же мысль высказывает и Сидней, говоря, что «только Коммуна сделает из караван-сарая Империи республиканский город» [3]. «Combat» об'являет общее собрание мэров и их помощников от 28 декабря зародышем Коммуны [4], «рождением Коммуны», а через несколько дней, по поводу нового собрания, говорит о том, что «Коммуна не умерла» [5]. Тот же Сидней в другом номере, отвечая на ехидные запросы буржуазных газет, об'ясняет, какой смысл якобинцы вкладывают в понятие Коммуны: они требуют создания коммуны, сходной с средневековой коммуной Лаона, «сумевшей так хорошо расправиться с феодалами и духовенством» [6].

Делеклюз, в качестве мэра XIX округа принимающий участие в собрании мэров 28 декабря, вносит предложение о том, чтобы мэры не расходились и образовали бы совет, «так как, по общему мнению, нельзя больше полагаться ни на исключительную инициативу правительства, ни на делегата его при ратуше» [7], а 4 января требует уже «отставки генералов Трошю, Клеман Тома и Лефло» и «организации высшего совета обороны». Отказ в этих мерах повлек за собой добровольную отставку Делеклюза. Не следует думать, однако, что требования Делеклюза направлены были прямо против правительства Нац. Обороны: Делеклюз и его товарищи говорили только об отставке неспособных генералов. «Чего требовал Делеклюз в двух последних заседаниях муниципальных советников?»—говорит его биограф,—«чтобы мэры и их помощники были

[1] «Combat.» № 54. 8/XI—1870.
[2] «Combat», № 68. 22/XI—1870.
[3] Ibidem, № 100. 23/XII—1870.
[4] Ibidem, 108, 31/XII—1870.
[5] Ibidem, № 112. 4/I—1871.
[6] Ibidem, 109. 1/I—1871.
[7] Proles, o. c., p. 67.

допущены к внесению предложений (курсив Проле), которые привели бы к спасению столицы»[1]. Никаких революционных мер Делеклюз в начале января не предлагал.

Однако ухудшение экономического положения мелкой буржуазии и безнадежное положение с обороной столицы делают свое дело: в течение января якобинцы сильно левеют. Это видно хотя бы из сравнения двух резолюций — программ «республиканского союза бывших представителей народа в 1848 году», организации явно якобинской: 22 ноября союз говорит в § 1 программы об единой и неделимой республике, о национальном собрании, о всеобщем избирательном праве, а в § 2 об организации выборной и самостоятельной муницыальной власти[2]. Через 2 месяца в конце января союз считает уже, что «Париж должен... создать политическое собрание, которое возьмет в свои руки разрешение высоких задач»... этот совет—комитет общественного спасения — должен быть выбран по общим спискам и состоять из 50-ти человек; он заменит смещенное правительство национальной обороны. Из самого воззвания следует, что создание комитета общ. спасения есть временная мера, не идущая вовсе вразрез с программой, изданной 22 ноября. Сопоставляя это требование «старых бород 48 года» с выпущенным в то же самое время воззванием «Республиканского Альянса», созданного революционерами и социалистами парижских народных клубов, Пиа отмечает почти полное совпадение их требований: Альянс требует, «чтобы в течение 48 часов избиратели Парижа были собраны для избрания суверенного совета из 200 представителей, делегированных по округам пропорционально количеству населения»[3]... Сам Пиа склоняется к выбору 100 человек. Делеклюз и Курнэ присоединяются к Альянсу. Призыва штурмовать предательское правительство нет в этих воззваниях.

Однако, несмотря на резкое движение мелкобуржуазных масс навстречу пролетариату в январе месяце, мелкобуржуазная природа якобинизма еще раз дает себя чувствовать в день новой попытки захвата власти, после поражения под Бюзенвалем.

К этому времени «лозунги Коммуны готова поддержать... даже буржуазная демократия»[4]. Но на вооруженную поддержку пролетариата она до конца не идет—буржуазные республиканцы надеются попрежнему на мирное разрешение конфликта с правительством.

Поведение якобинцев во время вооруженной демонстрации 22 января дает наглядное доказательство их роковой нерешительности: «Феликс Пиа ждал в фиакре на углу улицы Сен-Мартен исхода событий»[4]. Делеклюз и Курнэ находились в доме напротив ратуши и оттуда наблюдали за перестрелкой («все ждали распоряжений от Бланки...»). Делеклюз, «этот твердый человек... бледный, дрожащий, без силы и голоса, закрыл свое лицо руками,

[1] Proles, o. c. p.
[2] «Combat», № 68. 22/XI—1870.
[3] Ibid. № 128. 20/I—1871.
[4] Лукин, о. с. стр. 119.
[5] Lepelletier E. «Hist. de la Commune». II, p. 1 17

чтобы скрыть от себя ужасное зрелище, похожее на кошмар... Его пришлось увести»[1].

Эту беспомощность лидеров якобинизма не следует относить к их личным качествам—ведь сумел тот же Делеклюз умереть, как герой, на площади Шато-д'О! Беспомощность — следствие неопределенности положения: мелкая буржуазия еще не вполне оторвалась от легальных буржуазных берегов, союз ее с пролетариатом еще не закреплен окончательно. Народные массы сами подмечают, но, конечно, не могут себе об'яснить эту якобинскую половинчатость: «эти люди толкают нас вперед, но... сами остаются дома», говорит о Делеклюзе и Л. Роллене народ в клубе. Их называют «болтунами»—«blagueurs»[2].

Мы видим, следовательно, что в продолжение всех 4 месяцев осады нарастает недовольство мелкой буржуазии. Вместе с нею левеют и якобинизм и его пресса. Союз мелкой буржуазии с пролетариатом растет, но до полного слияния, до борьбы по одну сторону баррикады против буржуазии, дорастает он только в дни перемирия: классовая политика Национального Собрания способствует этому.

Обе якобинские газеты были закрыты (вместе с другими оппозиционными газетами) сейчас же после 22 января. Реакция имела возможность торжествовать над еще разобщенными массами. Перемирие и подписание предварительного мирного договора, отдающего Германии Эльзас и Лотарингию, способствуют росту недовольства со стороны широких народных масс Парижа. Деятельность Национального Собрания, нарушающая жизненные интересы парижских мелких предпринимателей, ведет к окончательному установлению контакта между двумя классами, приводит к их совместному выступлению 18 марта.

Якобинская пресса вполне отражает этот процесс.

После 23 января «Réveil» больше не выходит — Делеклюз сидит в Венсенской тюрьме, вместо же «Combat» с 3 февраля начинает выходить новая газета, названная «Vengeur» —«Мстителем». Самое название характерно для якобинизма: «Vengeur»—ставший легендарным корабль первой революции, «умирающий, но не сдающийся», погибший вместе со своим экипажем после морского боя с английским флотом 13 прериаля II года; у Vengeur «тот же экипаж (что и у «Combat»), тот же флаг—флаг Республики»[3].

Предстоят выборы в Национальное собрание. Новый якобинский орган все силы свои отдает предвыборной кампании, снимая временно лозунг «Коммуна». Снова и снова выражается надежда, что избирательный бюллетень спасет страну: «просвещенный бедствиями... избиратель лучше поймет свои интересы и положит в урны бюллетень-освободитель»,—восклицает Рожар, виднейший сотрудник газеты[4].

---

[1] Prolés, o. c., p. 76. Проле вообще старается «обелить» Делеклюза в глазах буржуазного общества. Однако о нерешительности Делеклюза в этот день сообщают и другие источники.

[2] Molinari. «Les clubs rouges», p. 267.

[3] «Vengeur», 1-е изд. № 1. 3/II—1871.

[4] Ibidem, № 1. 3/II—1871.

Якобинцы рассеяны по всем кандидатским спискам: их можно найти и в «якобинском» (как его называли буржуазные газеты) списке, рядом с именами бланкистов, и в списке Интернационала, и в списке 4-х демократических комитетов рядом с либералами. Якобинцы попрежнему продолжают быть связующим звеном между правым и левым крылом оппозиции: ими держится вся цепь ее — от Гюго до Бланки. На выборах в Национальное Собрание оппозицию об'единяют требования: 1) безоговорочного установления и 2) продолжения войны до победы.

Рост недовольства широких слоев мелкой буржуазии после перемирия не падает — «дела» не восстанавливаются, продовольствие поступает медленно, дороговизна стоит прежняя. В положении низов с открытием сообщений с остальной Францией не наступает заметного улучшения. Окончание войны ставит перед этим мелким буржуа грозный вопрос об уплате по различным обязательствам—выхода нет! Новые слои парижской мелкой буржуазии сдвигаются с места — молодежь «des Halles et marchés», как сообщает «Vengeur» подносит уезжающему в Бордо Пиа букет цветов [1]. Авторитет и значение якобинцев увеличиваются: они получают на выборах в Национальное Собрание очень большое число голосов—за них голосуют все мелкие буржуа Парижа [2].

Это означает, что политика Национального Собрания окончательно восстанавливает против буржуазии низы Парижа: мелкая буржуазия, а с ней и якобинцы только теперь начинают чувствовать пропасть, разделяющую их интересы и интересы господствующего класса. Не забудем, что пролетариат пропасть эту видит уже с начала осады!

С открытием в Бордо Национального Собрания все резче и громче звучит голос якобинских газет (с 22 февраля к голосу «Vengeur» присоединяется еще голос новой газеты «Cri du peuple» Валлэса). Уже в феврале ставится ими вопрос о возможном отделении революционного Парижа и о возможном столкновении революционных городов Франции с контрреволюционной деревней-провинцией.

Якобинская пресса требует от собрания отказа от подписания позорного мира и сохранения в целости территории Франции:

«Следует сделать так»,—говорит «Vengeur»,—чтобы представители Парижа могли сказать в случае необходимости депутатам Уазы: если Вы вотируете мир короля, мир реставрации 1815 года, мы об'явим Вас изменниками Республики, союзниками пруссаков, и тогда мы учредим вместе с остальными республиканцами-депутатами Собрание для спасения Республики помимо Вас... и тогда, если этого захочет Париж, пусть они (т.-е. депутаты этого Республиканского Собрания) отправятся в Лион» и оттуда будут управлять Францией, отражать пруссаков... «Париж же со своей стороны должен быть готовым:

---

[1] Ibidem, № 14. 16/II—1871.

[2] Делеклюз получает 154 тыс., Пиа—145 тыс., Гамбон—136 тыс. из общего числа голосовавших в 328 тыс. За ближайшего в списке чисто рабочего кандидата бланкиста Тридона подано только 65 тыс. голосов. Вспомним, что как раз 62 тыс. голосов было подано против правительства Национальной Обороны 3 ноября 1870 г.

пусть он думает о создании своего правительства сопротивления, настоящего правительства обороны, Коммуны Парижа» [1].

Таким образом якобинцы предполагают:

1) распустить и расколоть существующее Национальное Собрание;

2) создать из одной республиканской части его новое революционное собрание в Лионе;

3) это новое революционное собрание подкрепить еще созданием Коммуны Парижа.

Восстанавливается, следовательно, программа 22 января.

Уже один патриотизм мелкобуржуазной массы гнал ее к разрыву с Правительством и с «деревенским собранием». Недовольство росло с каждым днем, усиливалось, готово было уже в феврале вылиться в наступление и в вооруженное восстание.

Каждый декрет Бордоского собрания был ударом не только по пролетариату, но и по широчайшим слоям мелкой буржуазии, по огромному большинству Парижа. И, если лишение жалования национальных гвардейцев или роспуск мобилей ударяли прежде всего по пролетариям, по безработным, повторяя июньские декреты Учредительного Собрания 1848 года, если декрет о немедленном погашении задолженности по кваритирной плате и по найму торговых и промышленных помещений был направлен и против пролетария и против впавшего в нужду во время осады мелкого буржуа, то декреты о перенесении местопребывания правительства в Версаль, о «декапитализации» Парижа, как тогда говорили, и об уничтожении моратория направлены были своим острием исключительно против мелкого буржуа столицы. Угроза перенесения столицы в другой город не испугала, а возмутила и довела до бешенства этого мелкого буржуа: не забудем — индустрия и торговля Парижа как нигде зависели от «столичности» города, от наплыва иностранцев в «Современный Вавилон», от наплыва в «столицу Франции и всего мира» провинциалов. Париж всасывал лишние и нелишние деньги всего мира и всей Франции, и благосостояние мелких владельцев мастерских, мелких собственников торговых заведений и т. п. зависело от «блеска» Парижа. Недаром пресса этих мартовских дней, а в будущем и пресса Коммуны, озабочена успокоением взволнованных парижан примерами Нью-Иорка, Франкфурта и других мировых центров, не являющихся столицами, доказывая, что промышленному и торговому Парижу не грозит гибель от Версальской «декапитализации». Пред'явление к протесту 150.000 векселей говорит само за себя — уничтожение моратория губило мелкого собственника.

Когда выясняется подлинное лицо Бордо, Пиа излагает целую теорию, утверждающую право «головы»-Парижа вершить судьбами Франции. В духе эпохи общество сравнивается с организмом: коллективная жизнь людей управляется теми же имманентными законами, что и жизнь отдельных индивидов. Человек умирает, будучи обезглавлен — мозг есть главный орган человеческого тела: «Париж — мозг Франции, ее столица, ее caput не может быть перенесен для того, чтобы находиться в Туре или Бордо»,

---

[1] «Vengeur», 1-е изд. № 11. 13/II—1871. Проект этот повторяется еще в № 34 газеты от 10 марта 1871 года!

«Париж должен господствовать над Бордо, как Бордо господствует над Арбанасом, как голова господствует над руками и ногами», «всякое разделенное (на части) государство гибнет». Пиа выступает здесь прирожденным централизатором без каких-либо федералистических покровов: централизму Бордо он противопоставляет свой централизм (предполагает даже, вразрез со своими обычными представлениями, избрать Гарибальди президентом Франции) [1]. О том же говорит и сотрудник газеты Клодонг в статье своей «Децентрализация». Он указывает на глубокий кризис старой императорской централизации и на необходимость искания новых путей.

Клодонг констатирует изменения в админстративной и экономической жизни Франции, наблюдающиеся в результате войны, и говорит о «новом» будущем. Он отказывается быть пророком, но обещает вскоре ознакомить читателя со статьей «Об'единение Германии». Франции, очевидно, также следует сохранить свое единство, укрепить Францию «une et indivisible». [2].

По мере раскрытия намерений Бордоского собрания всплывают в якобинской прессе и другие вопросы — приходится пересмотреть вопрос о праве и силе и снова проверить ценность прямолинейной демократии, приводящей к плебисцитам и Бордо: волей-неволей приходится приобщаться к бланкистскому материализму и признать, что сила управляет миром: Бриссак в № 15 [3] указывает на justice—справедливость, стоящую над принципом всеобщего голосования, так как «Основные права выше суждения большинства». Республика—такое право. Обстоятельства заставляют сходить с идеалистической позиции: «в политике разум всегда кончает тем, что побеждает, но лишь тогда, когда он в союзе с силой!»

Бордоское собрание самым фактом своего существования требует нового пересмотра якобинской концепции республики — всеобщее избирательное право, очевидно, переживает кризис. Якобинцам, поэтому, приходится искать коррективов к нему: «истинное» народное представительство должно быть «связано» с избирателями. Выборы по округам, а не по спискам, длительное обсуждение кандидатур, а то и полный отказ от такого обсуждения (чтобы не «насиловать» избирателя!), императивный мандат, право отзыва депутатов—вот подпорки под принцип всеобщего голосования, теряющий в глазах масс свой престиж. Дени в № 19 газеты, в статье «Парламентарная Республика» не находит слов для очернения парламентаризма, сравнивает даже режим его с режимом Римской империи эпохи падения (?!). Но, не находя слов для осуждения парламентаризма, Дени не в состоянии, и этого не могут сделать и другие якобинцы, выйти за пределы демократической республики: «единственная республика, возможная во Франции... это республика, которая будет республиканской, которая не будет ни монархической, ни конституционной, ни парламентарной, но будет позитивной, научной, демократической и социальной». Дени не прибавляет здесь того, что яко-

---

[1] «Vengeur», 1-е изд. № 16. 18/II—1871.

[2] Ibidem, № 24. 26/II—1871.

[3] Ibidem, № 15. 17/II—1871.

бинцы и эту «научную» республику думают возвести на старом основании— на основах вечного suffrage universel! [1].

Газеты якобинцев «Vengeur» и «Cri du peuple» в конце февраля и начале марта заметно двигаются навстречу пролетариату. Этот сдвиг — следствие изложенного выше процесса. Гнев мелкого парижского буржуа достигает в эти дни своего кульминационного пункта.

Полусоциалистический, полуякобинский «Cri du peúple», конечно, более остро, чем газеты Делеклюза и Пиа, ставит социальный вопрос: уже в первом номере, по поводу декрета о квартирной плате, заявляет газета о том, что «le drapeau noire flotte sur la marmitte» [2], а в другом февральском номере говорит о разорившемся мелком собственнике [3]: «не квартирная плата довела до разорения этого человека: голосование деревенщины на бронзовых крыльях войны принесло ему это разорение. Несчастный: он расплачивается теперь может быть монетой нищего за действительных виновников, и этот бедняк — хозяин! Тем лучше. Я принесу ему завтра медяк и привлеку к служению Революции!» Газета говорит бланкистским языком, вспоминает июнь, и читателю может показаться даже, что он имеет дело с рабочей газетой: «Социальная революция приближается, слышите Вы! Народ ждет с оружием и молотом в руках, готовый к труду или к битве!» [4].

Но и приветствуя надвигающуюся революцию, приветствуя собрание в Ля-Кордэри, центральный комитет национальной гвардии, — «парламент в блузе», «труд в рубахе», «простой и сильный, с руками кузнеца»... Газета не решается на конкретный лозунг к выступлению. «Социалист борется посредством идеи», — говорит редактор «Cri» Валлэс, сдерживающий пыл слишком рьяных своих сотрудников [5]. Сказываются мелкобуржуазные связи газеты.

Мартовские номера «Vengeur»'а полны тревоги и осуждения: 5 марта газета зовет к «бодрствованию» национальную гвардию, так как внешний и внутренний враг угрожает Парижу. «Vengeur» предупреждает о готовящемся покушении на пушки [6]. Тактика Тьера сравнивается им с июньской тактикой Учредительного Собрания. Номер газеты от 7 марта весь полон предчувствием надвигающейся бури. 8 марта Пиа бросает массам уже прямой вызов [7]:

«Национальные гвардейцы, решайте! Нет больше собрания. Крепко будем держать Париж. Не будем п л а т и т ь н а л о г а, сохраним наши деньги, нашу честь, Францию и Республику, а для того, чтобы сохранить их, сохраним—наше ружье!»

Будущий военный делегат Коммуны Клюзере в статье «Мир» подсчитывает потери Парижа — за все заплатит рабочий — «труд, плати и молчи!»,

---

[1] «Vengeur», 1-е изд. № 19. 21/II—1871.

[2] «Cri du peuple», № 1. 22/II—1871.

[3] Ibidem, № 4. 25/II—1871.

[4] Ibid. № 1. 22/II—1871.

[5] Ibid. № 5. 26/II—1871. Валлэс в этом № извиняется за сотрудника Вермеша, будущего редактора «Пэр-Дюшена», за резкость его полемики с буржуазной прессой.

[6] «Vengeur», 1-е изд. № 29 и № 30.

[7] Ibid. № 32. 8/III—1871.

восклицает он[1]: «Эти люди вызвали позор и расчленение Франции — издержки же понесет труд!» После позорного мира неминуемо уменьшится заработная плата и подымутся цены на продукты широкого потребления — «лавочники и рабочие, Вы будете разорены», — говорит Клюзере, связывая цепью общих интересов оба класса.

10 марта Феликс Пиа снова призывает образовать революционное правительство в Лионе. Он, кажется, впервые приветствует красный флаг и с сочувствием, но, конечно, неопределенно говорит о новом, светлом будущем[2].

Мелкая буржуазия готова поддержать своего союзника слева, но инициативу выступления в свои руки не берет — в решительную минуту она, в лице своей партии, готова на пассивное сопротивление, может только отказаться от уплаты налогов. Социальная природа нового якобинизма сказывается и в эти последние перед боем моменты.

Надвигающаяся революция могла быть только революцией пролетариата, «каковы все революции XIX столетия». В день 18 марта пролетариат Парижа увлечет за собой в своем порыве вперед и нерешительных якобинцев и ту мелкобуржуазную массу, представителями которой они являлись.

«Всякая революция выдвигает рядом с истинными ее представителями, еще и людей другого покроя»,—говорил в «Гражданской войне» Маркс. «Таковы, с одной стороны, люди, игравшие выдающуюся роль в прежних революциях, сросшиеся с ними и потому не понимающие смысла настоящего движения... таковы, с другой стороны, простые крикуны, из года в год повторяющие свои стереотипные нападки на существующее правительство... Такие люди появились и после 17 марта... Они — неизбежное зло; от них можно освободиться только со временем, но этого-то времени Коммуна и не имела»[3].

Якобинцы — это «неизбежное зло». Изучение их прессы в эпоху Парижской Коммуны — первый шаг на пути к правильному разрешению проблемы «ошибок» Коммуны. Огромную важность этой проблемы для современников Октября вряд ли можно отрицать.

---

[1] «Vengeur». № 33. 9/III—1871.
[2] Ibid. № 34. 10/III—1871.
[3] «Гражд. война во Франции», изд. ВЦСПС, 1924. Стр. 50.

Н. Фрейберг

Декрет 19 вандемьера и борьба Бешеных за конституцию 1793 года

Говорить о том, что в эпоху Великой Французской Революции не было политических партий в современном нам смысле слова, стало уже почти трюизмом. Это положение никем не оспаривается и известно всякому, кто сколько-нибудь занимался изучением этой эпохи.

Однако, прежде чем приступить к рассмотрению той политической борьбы, которая шла в Париже осенью и зимой 1793—94 года, хотелось бы указать на ряд черт, которые роднят политические организации того времени с современными нам партиями и во всяком случае выводят их далеко за пределы названия «политических клубов», которое к ним обычно применяется.

Если мы возьмем одну из старейших политических организаций того времени—Общество Друзей Свободы и Равенства[1], то мы увидим, что, по мере развития и углубления революции, политический состав его становится все более и более однородным. Отпадение сперва группы членов во главе с Малуэ, потом уход «фельянов» летом 1791 года, исключение жирондистов зимой 92/93 гг., исключение «ультрареволюционеров» (Проли, Перейра, Дюбюиссон, Дефье), с одной стороны, и «снисходительных» (Фабр д'Эглантин, Филиппо, Демулен) — с другой, превратили к весне 1794 г. основную массу членов Якобинского клуба и сторонников Робеспьера и его «центристской» политики. Периодические «чистки», производившиеся Обществом, были, конечно, вовсе не очищением клуба от «агентов иностранных держав», как это порою называлось, а именно исключением «идеологически чуждых элементов», как сказали бы мы теперь. Особый Comité de révision — своего рода ЦКК — неуклонно следил за составом членов Общества и их политическими выступлениями. Да и попасть в ряды членов клуба в конце 1793 и начале 94 года было вовсе не так просто. Для этого было недостаточно ответить на вопрос: «Что ты сделал для того, чтобы быть повешенным в случае контр-революции?» [2]—надо было пройти через особый Comité de présentation, который строго обсуждал выставляемые кандидатуры. А над этими обоими

[1] Клуб Якобинцев.

[2] Aulard, Soeiété des Jacobins, т. V, стр. 585.

Комитетами стоял в свою очередь бдительный надзор всего Общества в целом, которое на пленарных собраниях отвергало порой кандидатуры даже тех лиц, которые благополучно прошли через узкие ворота Комитетов.[1]

Наконец, с 13-го ноября 1793 г. прием новых членов в Общество почти совершенно прекращается — сперва до окончания суда над «сообщниками Бриссо»[2], потом до окончания «чистки»[3], производившейся с ноября 1793 года[4] вплоть до ареста гебертистов.

Все это рисует нам Парижское Общество Друзей Свободы и Равенства, как достаточно сплоченную и замкнутую организацию, политическая платформа которой по мере дифференциации политических группировок все более и более отождествляется с «робеспьеристским» течением. Недаром зимой 93—94 года Якобинский клуб так послушно вотирует все предложения Робеспьера (порой даже наперекор только что принятым решениям[5]; недаром покрывает шумными аплодисментами все его выступления, а 8-го термидора не дает говорить ни Билльо-Варенну, ни Колло д'Эрбуа (S. d. J. т. VI, стр. 282—284); недаром, наконец, в грозную ночь 9—10 термидора Якобинский клуб неоднократно посылает депутации в Генер. Совет Коммуны, восставшей против Конвента в защиту свергнутого вождя (B. et Roux, т. 34, стр. 42—56).

О социалном составе клуба достаточно ясно говорит тот высокий членский взнос, который был в нем установлен. Конечно, платить от 24-х до 32-х ливров ежегодно (а именно таковы были размеры членского взноса в Обществе Друзей Свободы и Равенства[6] было не под силу ни парижским рабочим, ни мелким ремесленникам, еле сводившим концы с концами и, пожалуй, более других слоев населения страдавшим от наступившей дороговизны. Лишь более состоятельные слои мелкой буржуазии — хозяева мелких мастерских[7], розничные торговцы, многочисленные служащие различных ведомств, комитетов и комиссий[8], отправки которых на фронт так энергично требовал Шометт весной 93 года — вот те общественные слои, на которые опирался Якобинский клуб и из которых он вербовал своих членов.

---

[1] Так, напр., в 1794 г. во время весенней „чистки" вопрос о допущении Венсана трижды обсуждался на пленарном заседании Общества, несмотря на благоприятный отзыв Делклоша, председателя Comité de présentation, полученный Венсаном благодаря хлопотам Моморо (ibid, т. V, стр. 646, 651, 654).

[2] Aulard, т. V, стр. 510—511.

[3] Ibid., т. V, 695.

[4] Ibid., т. V, стр. 533.

[5] См., напр., отмену только что принятого решения об исключении К. Демулена в заседании 10/I 94 года. Aulard, S. d. J. (стр. 607, т. V.)

[6] Олар в своем предисл. к Société des Jacobins, указывая эту же цифру, ссылается на Луи Блана, отмечая с сожалением, что ему не удалось найти подтверждения ее в документах и прессе той эпохи. Между тем, именно этот размер членского взноса в клубе Якобинцев указывается в Révolutions de Paris, т 15, стр. 256 (январь 1793 г.).

[7] Так, столяр Дюпле, у которого жил Робеспьер, был хозяином мастерской, где работало около 10-ти рабочих.

[8] Жалованье членов Гражд. и Революц. Комитетов Парижа осенью 1793 г. равнялось 3-м—5-ти ливрам за каждый день работы.

Если сторонники Робеспьера группировались, главным образом, вокруг Якобинского клуба, ставшего зимой 93/94 гг. оплотом правительственной политики и Комитета Общественного Спасения, как ее главного выразителя, то в Париже того времени имелись и другие политические центры, стягивавшие вокруг себя другие политические группировки, опиравшиеся на другие, более демократические слои Парижского населения.

Таким центром было прежде всего Общество Прав Человека и Гражданина — знаменитый клуб кордельеров, ровесник, а порой и соперник Якобинского клуба. Весной 1793 года руководящую роль в нем захватили «Бешеные», а после носильственного исключения из него Ру и Леклерка и временного отстранения Варле[1] основными руководителями Кордельерского клуба стали Моморо, Венсан, Ронсен, Гебер и отчасти Шометт, вошедшие в историю под одной общей кличкой гебертистов.

В своих политических выступлениях они опирались порой на Парижский департамент, а порой отчасти и на Парижскую Коммуну, как на административный и политический центр Парижа, влияние которого на ход событий иногда конкурировало с влиянием Конвента, а иногда даже одерживало верх и оказывалось решающим.

Чрезвычайно низкий членский взнос (всего два су в месяц или один ливр 4 су в год) открывал в клуб Кордельеров широкий доступ малоимущим слоям населения, а революционно-практический характер всей деятельности Кордельеров подходил гораздо больше к умонастроению Парижской бедноты, чем выспренние рассуждения Робеспьера о недостатках Британского правительства, раздававшиеся с трибуны монастыря св. Якова.

Вообще, то исключительное внимание, которое уделял Якобинский клуб именно вопросам «высокой политики», в ущерб ближайшим социально-экономическим требованиям малоимущих слоев населения, не могло не отталкивать эти последние от улицы св. Гонория. И несомненно, та резкая черта, которая отделила Якобинцев от Кордельеров еще 17 июля 91 года, в день избиения на Марсовом поле, и была запечатлена кровью убитых и раненых «патриотов», продолжала существовать на протяжении всей революции, несмотря на то, что в отдельные моменты эти организации, охватывавшие в общем разные слои населения, шли единым фронтом против общего классового врага. Зимой 1792 и 93 года таким врагом были «бриссотисты», и оба клуба вместе с Парижской Коммуной и большинством секций дружно боролись против «клики государственных людей». Однако застрельщиком и передовым отрядом в этой борьбе, опиравшейся на массу Парижского населения, является именно клуб Кордельеров. Еще 10-го марта 93 года Кордельеры приняли постановление, предлагающее 1) Парижскому департаменту «захватить верховную власть», 2) Парижскому собранию выборщиков (corps éléctoral) — «сместить членов Конвента, изменивших народу» и 3) призывающее секции «выбрать депутатов в Комитет Восстания»[2]. Фурнье-Американец, Шампьон и Варле—видные члены кордельерского клуба—разносят

[1] Конец июня 1793 г.—см. доклад Колло д'Эрбуа на заседании Якобинск. клуба 1-го июля 1793 г. (Aulard S. d. J. т. 5. 281—284).

[2] «Moniteur», XV, стр. 693—705 (речь Верньо).

это постановление по секциям Парижа. Правда, на него откликнулось всего несколько секций, [1] и вся попытка кончилась неудачей; но любопытно отметить, что не кто иной, как Марат — будущий председатель Якобинского клуба — требует в Конвенте ареста Фурнье [2], а сами Якобинцы в заседании 12-го марта не дают говорить и заставляют сойти с трибуны Варле, явившегося просить клуб присоединиться к протесту Кордельеров против ареста Фурнье-Американца. — «Мы здесь не у Кордельеров!» — кричат Якобинцы, требуя перехода к очередным делам в качестве единственного ответа на предложение Варле. И не далее, как 4-го апреля [3], Якобинский клуб постановляет исключить всех членов клуба, которые не выйдут из состава Центрального Комитета Общественного Спасения, образованного в Епископстве делегатами секций.

Все это делает понятным, почему Варле в своем «Плане новой организации общества друзей конституции» с горечью сообщает, что он вышел из состава Якобинского клуба, так как члены его не дают ему говорить и недостаточно внимательны к народным обществам. [4]

В такие формы выливалась еще зимой 92—93 года рознь, существовавшая между различными течениями внутри монтаньяров и, в частности — между кордельерами и якобинцами. Ясно, что после их общей победы над жирондистами эти трения могли только усилиться [5].

---

[1] Секции Cité, Quatre-Nations, Poissonière и Bonconseil.

[2] B. et Roux, т. 25, стр. 71, зас. Конвента 12/III 93 г.

[3] Aulard, S. d. J. т. V, стр. 85.

[4] «Я быстро вышел из общества, которое восемь раз, даже не выслушав меня, отказывалось предоставить мне слово. Разве должны бы были друзья конституции аплодировать моему уходу из залы, как исключению дурного гражданина?»—пишет Варле (см. фотоснимки с рукописей и брошюр Варле, находящиеся в Институте Маркса и Энгельса). Именно «чрезмерный цивизм» Варле вызвал его исключение из Якобинского клуба—сообщает полицейский агент Дютар министру внутр. дел Гара в своем донесении от 17-го мая (Tutey, т. IX, № 603).

[5] С. Моносов в своей книжке о Якобинском клубе говорит, что в дни 31-го мая—2-го июня «Якобинцы были довольно единодушны" (стр., 4) и в качестве одного из примеров приводит резолюцию Якобинского клуба еще от 5-го мая. Однако, если выйти за пределы Якобинского клуба и обратить внимание на всю группу монтаньяров, то борьба различных течений именно в это время представляется уже достаточно острой (См., напр., протоколы заседаний Парижской Коммуны от 30-го мая—1-го июня. (Maurice Tourneux, Procés verbaux de la Commune de Paris). Отзвуки ее, думается нам, ясно слышны и в заседаниях Якобинцев 12/III, 3/IV, 8/IV, 15/V и др. Многое, конечно, зависит от разного понимания того крайне неточного термина, какой мы имеем в слове «Якобинцы». Если под название Якобинцев подводить всех членов Якобинского клуба после 31-го мая—2-го июня, то этот термин охватывает и Гебера, и Моморо, и Шометта, которые как по своим взглядам, так и по своей деятельности, стоят гораздо ближе к Кордельерам, чем к Якобинцам. Достаточно сказать, что Гебер и Шометт только 7/I—93 г. вступили членами в Якобинский клуб (S. d. J. т. IV, стр. 650), тогда как в клубе Кордельеров они состояли еще с 1790—91 г. С другой стороны, если говорить о «борьбе внутри Якобинства» (см. Лукин, «Рев. Прав. эпохи Конвента»), включая сюда и Ру, и Леклерка из Лиона, которые никогда не были членами Якобинского клуба, то это тоже грешит большой неточностью. Поэтому, во избежание возможных недоразумений, мы считали бы более правиль-

Наконец, третьим политическим центром Парижа был спорадически возникавший во все острые моменты революции центральный комитет-клуб в Епископстве, составлявшийся из представителей (комиссаров) Парижских секций (или секционных обществ) и непосредственно опиравшийся на эти последние. Руководящая роль здесь принадлежала крайним группировкам. Именно в секциях находили себе опору Ру, Варле, Леклерк (как до, так и после их исключения из Кордельерского клуба); именно в секциях вели агитацию Проли, Перейра, Майар, Дефье и Дюбюиссон осенью и зимой 93/94 года. От имени Парижских секций и выступали они с требованиями, обращенными то к Конвенту, то к Генеральному Совету Парижской Коммуны, подкрепляя эти требования массовыми выступлениями низов городского населения — Парижских р а б о ч и х, мелких ремесленников и безработных, наводнявших тогда столицу Франции.

Следует однако заметить, что границы между различными группировками, существовавшими среди монтаньяров уже весной и летом 93 года, далеко не всегда были четкими и определенными. Нередко члены Якобинского клуба состоят одновременно и в Обществе Кардельеров и, появляясь организованной массой на заседаниях последнего, заставляют его порой менять уже принятые решения [1]. Вожди Кордельеров — Моморо, Венсан, Ронсен — состоят членами Якобинского клуба; секционное движение имеет своих представителей в Генеральном Совете Коммуны, и даже отрывочные протоколы заседаний Совета, дошедшие до нас, позволяют судить о той напряженной борьбе, которая велась крайними элементами, как против более умеренной и осторожной политики Совета в целом, так и против его официальных руководителей (Шометт-Паш) в частности [2]. Таким образом, политическая борьба велась не только м е ж д у различными организациями, но и в н у т р и каждой из них; кроме того, политическое Credo ее лидеров далеко не всегда является достаточно оформленным, а политическая неустойчивость, колебания, порой и личная вражда отдельных персонажей, нередко затемняют состав и основную линию каждой группировки. В качестве примера можно указать поведение Дюфурни, который то отстаивает необходимость усиления террора и недопустимость существования какой-либо оппозиции, — то обрушивается на своих прежних единомышленников слева, получая взамен суровое осуждение Кордельерского клуба; известно также стремление Леклерка отмежеваться от Жака Ру осенью 93 года, несмотря на общность их основных требований; любопытна та крайне умеренная и осторожная позиция, которую занимает Шометт осенью 1793 года, когда Коммуне приходилось сдерживать натиск секций. Все это чрезвычайно усложняет и без того пеструю картину политической борьбы в Париже осенью 93 года и делает невозможным уложить ее в узкую схему борьбы между Конвентом и Якобинским клубом с

ным говорить о борьбе течений внутри м о н т а н ь я р о в, борьбе, которая разыгрывалась как в стенах, так и далеко за пределами Парижского Общества Друзей Свободы и Равенства.

[1] Таким путем было проведено, напр., исключение Жака Ру и Леклерка из Общества Кордельеров в конце июня 1793 г.

[2] См., напр, заседания Ген. Совета Парижской Коммуны 1—5 фримэра II года.

одной стороны, Коммуной и клубом кордельеров с другой, и секциями — клубом в Епископстве — с третьей, — хотя несомненно, борьба этих трех «установленных властей» в 93—94 году далеко выходила за пределы «междуведомственных трений».

Если зимой 92/93 года политическая борьба в Париже велась на почве продовольственного вопроса (свобода торговли или правительственная регламентация), налогового обложения (прогрессивный подоходный налог и принудительный заем у богатых), способа рекрутского набора в Вандею и на фронт, где положение дел обострилось в связи с изменой Дюмурье; если эта борьба политически оформлялась в борьбу против жирондистов и их проекта конституции, — то летом и осенью 93 года порой те же вопросы вставали в совершенно ином разрезе и освещении. Принятый 4-го мая декрет о максимуме на зерно был в сущности лишь принципиальным решением в сторону регламентации торговли, — на очереди стояла теперь борьба за максимум всеобщий и универсальный; вопрос о способе рекрутского набора сменился декретом, ставившим под ружье все взрослое население Франции; словесная борьба с жирондистами превратилась в войну с Лионом, Марселем и Тулоном вместе с отправкой на гильотину наиболее видных жирондистов, а резкая критика конституционного проекта Кондорсэ сменилась строжайшим запрещением критиковать собственный проект конституции.

Острие же политической борьбы в этот период направляется против Бешеных, которые по ряду упомянутых вопросов занимали позицию, резко отличавшую их от остальных монтаньяров. Если даже оставить в стороне и февральские беспорядки, возникшие в Париже на почве продовольствия, и попытку восстания 10-го марта, организованную группой Бешеных[1], то все же разногласия между Бешеными и остальными монтаньярами выявляются уже в самые дни восстания 30-го мая — 2-го июня.

В то время, как официальные руководители Генерального Совета Парижской Коммуны — Паш, Шометт, Гебер (не говоря уже о ряде членов Конвента, думавших ограничиться «моральным воздействием») все время призывают к максимальной умеренности и осторожности (вплоть до запрещения бить в набат)[2], возражают против «всякой меры, покушающейся посягнуть на народное представительство» — и даже 1-го июня, после прихода

[1] О том, каковы были цели восстания, можно судить по одному из сообщений в Полицейское бюро, излагающему содержание речи Варле. «На террасе фельянов один молодой человек, известный под именем Варле, казалось, очень сожалел в своей речи о том, что восстание, намеченное на 9—10 марта, не удалось..., что это восстание является законным и необходимым, что он и теперь желает его, и что оно только отсрочено; что он желал бы заменить апатию Якобинцев энергией женщин 5—6 октября 1789 г. для того, *чтоб Нац. Конвент запретил торговлю звонкой монетой, декретировал смертную казнь ажиотерам и скупщикам и отсек бы голову Ролану, Бриссо, которые должны же, наконец, попасть на гильотину*». (Tutey, т. 9. № 472, Extraits des rapports et déclarations, faits au Bureau de Surveillance de la Police; курсив всюду наш). Следует оговориться, что Ж. Ру был против этой попытки восстания, организованной Варле, Шампьоном и Фурнье-Американцем.

[2] B. et Roux, т. 21, стр. 358.

в ратушу Марата, не соглашаются на арест жирондистов, стараясь все время остаться в тени и выдвинуть на первый план Комитет Восстания и «волю большинства секций»,—то в это же время другие, более крайние группы обвиняют Шометта в слабости, требуют немедленно принять решительные меры и «выстроить батальоны» национальной гвардии с тем, чтобы «пойти во главе их на Конвент»(sur la Convention). Однако, несмотря на аплодисменты толпы, покрывающие троекратно вносившееся требование об аресте жирондистов, Совет (Коммуны) предлагает удалиться «неосторожному молодому человеку» [1], настаивавшему на применении «крайних мер» [2]. Протоколы заседаний Генерального Совета достаточно выпукло обрисовывают ту умеренную позицию, которую он занимает в эти дни; да и самому клубу Якобинцев очевидно недаром пришлось выслушать 1-го июня крайне энергичный и повелительный призыв Леклерка, требовавшего немедленно направить в Конвент всех депутатов, примыкавших к Горе [3].

«Почему вы так медлите расправиться с вашими врагами? Почему вы боитесь пролить несколько капель крови?» — спрашивает Леклерк 4-го июня в Совете Парижской Коммуны [4]; он утверждал, что революция далеко еще не кончена, и услыхал в ответ резкую реплику Гебера, предлагавшего считать «дурным гражданином» всякого, кто будет говорить о пролитии крови». «Это он (Лежандр) с Дантоном своим преступным сопротивлением принудили нас к модерантизму в дни 31-го мая», говорит Леклерк на заседании Кордельеров 27-го июня. «Это Лежандр и Дантон воспротивились революционным мерам, которые мы приняли в эти великие дни, чтоб раздавить всех аристократов Парижа» [5].

Если даже признать эти разногласия только «тактическими», [6] то не надо забывать, что в периоды революции и в моменты непосредственного восстания вопросы тактики, вопросы практического поведения порой не менее резко выявляют классовую сущность политических группировок, чем их программно-теоретические построения. Для французской же революции, при отсутствии «писанных программ», значение «тактических разногласий, особенно по такому вопросу, как отношение к жирондистам — представителям крупной и верхних слоев средней буржуазии — является особенно характерным.

Но были и другие моменты, отделявшие Бешеных в особую группировку. Если уже 19-го мая депутация Кордельеров и революционных женщин, примыкая к платформе Бешеных [7], связывала обвинительный декрет против жи-

---

[1] Варле.

[2] Maurice Tourneux, Procès verbaux de la Commune de Paris, стр. 136—151. В протоколе секции Molière et Lafontaine комиссары секции тоже указывают, что «Варле предложил принять самые крайние меры, но что Совет ограничился посылкой в Конвент комиссаров с целью информации (Tutey, т. 8. № 2820)». S. d. J., т. V, стр. 222.

[3] S. d. J., т. V, стр. 222.

[4] Buchez et Roux,т. 28, Зас. Коммуны 4 июня.

[5] Jaurès, La Convention, т. IV, стр. 1382.

[6] См. статью Г. Фридлянда в т. II «Историка-Марксиста».

[7] S. d. J., т. V, 198—199.

рондистов с требованием немедленного ареста всех подозрительных, спешной организации в каждом городе революционной армии, оплачиваемой за счет богатых, если она уже тогда призывала «ударить по вздувателям цен, скупщикам и торговцам-эгоистам», то, конечно, результаты победоносных дней 31-го мая — 2-го июня, приведших всего лишь к исключению из Конвента и домашнему аресту группы жирондистов, не могли удовлетворить Бешеных. Программа их ближайших требований была давно готова[1], и успех восстания мог только усилить энергию Бешеных.

Отстаивая интересы наименее обеспеченных слоев городского населения — ремесленников и наемных рабочих, больше других страдавших от наступившей дороговизны и падения курса ассигнатов, Бешеные настойчиво требуют:

1) введения твердых цен на все предметы первой необходимости;

2) неумолимой борьбы со скупщиками и спекулянтами;

3) запрещения торговли звонкой монетой;

4) смещения бывших дворян и священников со всех гражданских и военных должностей;

5) ареста всех подозрительных,

и 6) создания революционной армии из санкюлотов Парижа и других городов для проведения в жизнь этих мероприятий. В июне 1793 года, после победы над жирондистами, к этому прибавилось лишь требование включить все эти пункты в конституционный акт, спешно разрабатывавшийся в особой комиссии Конвента.

Зная социальный состав генералитета, правительственных комитетов, министерств и их канцелярий, наконец, состав самого Конвента, где было много бывших дворян и священников; зная отношение робеспьеристов к максимуму, как закону «временному и скоропреходящему», «вызванному чрезвычайными обстоятельствами», а отчасти даже и «внушенному иностранцами»[2], можно было наперед сказать, что между Бешеными и остальными группами монтаньяров, захватившими власть в свои руки, разгорится отчаянная борьба. Средние и более зажиточные слои мелкой буржуазии, интересами которых руководился Конвент летом и осенью 93 года, те „fabricants-ouvriers“ и „marchands-détailleurs“, о которых так красноречиво говорил Барер, отнюдь не были склонны к проведению социально-экономических требований

[1] См. речи Ру 17 мая и 1 декабря 1792 г. (Discours sur les moyens de sauver la France et la libertè, Discours sur le jugement de Louis le dernier, sur la poursuite des agioteurs, des accapareurs et des traîtres), речь Ру в Коммуне по поводу беспорядков 25 февраля 1793 г. и работы Варле: «Voeux formés par des Francais libres» (проект петиции на Марсовом поле, принятый секцией Прав Человека еще 6-го августа 92 г.) и «Projet d'un mandat impératif, составленный Варле в декабре 1792 г. (Arch. Parl. т. 54, стр. 719).

[2] См. напр. речи Робеспьера от 2-го декабря 1792 г., 4 октября 1793 г., 26-го июля 1794.; речи Сен Жюста от 29 ноября 1792 г., 10-го октября 1793 г. и его «Jnstitutions».

Ру и Леклерка и, в частности, очень холодно относились к их проекту о всеобщем максимуме [1].

И неудивительно, что правящие круги Конвента с нескрываемым беспокойством следили за тем ростом влияния Бешеных, который наблюдался в июне 1793 года.

Действительно, если в дни восстания Совет Коммуны еще колеблется между предложениями Бешеных и осторожной тактикой Гебера-Шометта, то уже 2-го июня Генеральный Совет постановляет вместе с требованием об аресте жирондистов, что «начиная с этой недели декрет о максимуме на зерно будет приведен в исполнение [2]), будет организована революционная армия и собран принудительный заем [3]. Согласно решению Совета [4] отныне «ни один прежний дворянин или неприсяжный священник не может выполнять обязанности офицера или государственного служащего»; тогда же «секциям предлагается исключить из их гражданских и революционных комитетов всех, подписавших петиции 8 и 20 тысяч, равно как и членов клубов Фельянов и Сен-Шапелль».

В это время Коммуна не только выполняет ближайшие требования Бешеных, но и самые вожди их быстро выдвигаются в первые ряды. Так, Жаку Ру поручается написать историю происходящей революции; он же посылается в секцию Финистер «для раз'яснения текущих событий» [5]; наконец, 12-го мая он выбирается одним из редакторов „Affiches de la Commune“ — официального органа Парижской Коммуны.

В дни, непосредственно следовавшие за победой над жирондистами, Варле также нередко выступает на заседаниях Генер. Совета — каждый раз с большим успехом.

Так, 8-го июня он оглашает составленную им Декларацию прав человека [6]; 11-го Совет официально поручает ему выяснить причины ареста «защитника цветных рас», некоего гражданина Лабюиссоньер; 15-го Варле произносит речь по поводу взятия Сомюра и требует подать в Конвент адрес о том, чтобы ни один бывший дворянин не состоял на службе Республики [7]. Наконец, в тот же день секция Варле (Droit de l' Homme) требует подать в Конвент петицию о таксе на все продукты.

Влияние Бешеных в этот период (начало и середина июня 93 г.) не ограничивается Коммуной; они продолжают играть руководящую роль в клубе Кордельеров, пытаясь вместе с тем распространить свое влияние и на Общество Друзей Свободы и Равенства и на самый Конвент.

---

[1] Недаром еще Бюшез и Ру в своей «Histoire parlementaire» отмечают тот «крен направо», который виден в политике правящих групп Конвента летом 1793-го года, непосредственно после победы над жирондистами.

[2] Хотя декрет о максимуме был принят еще 4-го мая, однако фактически он еще не применялся ни в Париже, ни в департаментах.

[3] B. et Roux, т. 27, стр. 375.

[4] Moniteur, т. 16, стр. 550.

[5] B. et Roux, т. 27, стр. 311—312.

[6] Moniteur, 15, стр. 606.

[7] Ibid., 16, 651.

Так, 16-го июня делегация Кордельеров настаивает в Конвенте на скорейшем создании революционной армии [1]; 20-го июня Жак Ру выступает в клубе Кордельеров [2] с требованием включить в Конституцию пункт о том, что «нация охраняет свободу торговли, и карает смертью ажиотаж и ростовщичество», и вместе с Варле и Леклерком выбирается в состав редакторов адреса, направляемого с этой целью в Конвент; наконец, 23-го июня депутация Кордельеров оглашает проект этого адреса в Якобинском клубе. Здесь снова повторяются важнейшие требования Бешеных: «Прогоните дворян со всех гражданских и военных должностей»; «заставьте декретировать смену всех штабов; добейтесь, в особенности, декрета, освящающего тот великий принцип, что продовольствие является народным достоянием; добейтесь декрета о смертной казни скупщикам и организации революционной армии из всех санклютов Парижа»— вот важнейшие пункты адреса [3]. И знаменательно, что эти основные требования Бешеных встречают на этот раз поддержку и в Якобинском клубе— «Общество (Друзей Свободы и Равенства) примыкает к этим предложениям и рукоплещет рвению Общества Кордельеров» — читаем мы в протоколе Якобинцев.

Положение явно становилось серьезным. Влияние Бешеных все увеличивается и готовится захлестнуть не только Sociétés Populaires, но и «установленные власти». Гебер готов передать Коммуне «счастливую идею» Жака Ру и даже в Конвенте раздаются речи Шабо, будущего героя процесса по делам Индийской компании, повторяющего на этот раз наиболее популярные лозунги Бешеных. Поэтому немудрено, что когда Жак Ру, заручившись косвенным согласием Якобинцев и прямой поддержкой Кордельеров вместе с секциями Бон-Нувель (секция Гебера) и Гравилье (секция Жака Ру), готовится выступить в Конвенте, то здесь он встречается с сильной оппозицией, во главе которой стоит Робеспьер. Именно по настоянию Робеспьера выступление Ру переносится с 23-го на 25-е июня (очевидно, с тем, чтобы приготовить ему достойный отпор), и в этот день все монтаньяры Конвента ополчаются на вождя Бешеных.—И Робеспьер, и Марат, и левые монтаньяры в лице Леонарда Бурдона и Колло д'Эрбуа дружно стараются опорочить Ру и его петицию [4]. «Быть может, Варле только безмозглый интриган, но маленький Леклерк — повидимому очень ловкий жулик», пишет Марат 4-го июля в своем журнале [5], называя Жака Ру лицемер patriote de circonstances.

По мнению Марата, «самый жестокий бич, который мы должны победить во имя торжества свободы — это не аристократы, роялисты и контр-революционеры, а экзальтированные лжепатриоты, которые кичатся своей маской гражданственности для того, чтобы

[1] Ibid., 16, 667.

[2] Mathiez, Les Enragés contre la Constitution de 1793.

[3] Soc. des Jac. т. V, 273.

[4] Заседание 25 июня и текст петиции Жака Ру См. в Arch. Parl., т. 67, стр. 455 и след.

[5] Jaurès, 1622.

вовлечь в заблуждение добрых граждан и довести их до буйных, безрассудных, случайных и гибельных выступлений».

Борьба против Бешеных переносится в Коммуну и в оба клуба, а разыгравшиеся в Париже 26—28 июня продовольственные беспорядки оказались лишь маслом, подлитым в огонь партийной борьбы. Монтаньяры Конвента воспользовались ими, чтобы представить Бешеных, как апостолов грабежа, анархии и смуты, и этим напугать те слои мелких ремесленников, которые, идя за Бешеными, все же больше всего дрожали за те мелкие крохи частной собственности, которыми они еще владели.

Устами Шометта петиция Жака Ру клеймится «как призыв к грабежу и нарушению права собственности» и чуть ли не официально об'является «причиной всех беспорядков, вызывающих у добрых граждан опасение за их собственность»[1].

Коммуна образует далее особую комиссию «для расследования причин беспорядков» и для предания виновных «всей строгости законов»[2]), 29-го июня Совет уже смещает Ру с поста редактора „Affiches de la Commune", а 1-го июля официально выражает ему свое недоверие[2].

Однако, борьба Бешеных против „nobles, prêtres et accapareurs" была в Париже слишком популярной для того, чтобы монтаньяры Конвента могли одержать победу. Удачным маневром Робеспьер переносит борьбу с Бешеными на почву политических вопросов. Выступление Бешеных за включение в Конституционный Акт ряда социально-экономических требований, на которых настаивал Ру 25-го июня, Робеспьер и его сторонники, еще 10 июня не считавшие Конституцию законченной и соглашавшиеся прибавить к ней «те демократические пункты, которых в ней недостает», (см. речь Робеспьера 10/VI, S. d. J. т. V. 248), искусно выставляют теперь, как борьбу Бешеных против самой конституции. «Под тем предлогом, что в Конституции нет законов против скупщиков, он (Ру) утверждает, что она не годится для того народа, в интересах которого она составлена», говорит Робеспьер на заседании Якобинского клуба 28/V 93 г.[4], приписывая Жаку Ру то, чего последний никогда не говорил[5].

Этот политический маневр Робеспьера оказался чрезвычайно удачным. Необходимость спешно выработать и принять Конституцию, устранив этим

---

[1] Moniteur, т. XVII, стр. 2 и след., засед. Коммуны 28/VI.

[2] Ibid., т. 16, стр. 762.

[3] Ibid., т. 17, стр. 10, 27.

[4] S. d. J. T. V, стр. 277—280.

[5] В действительности «врагами» конституции 93 года Бешеные не были никогда, и как раз в июле, т.-е. в разгар борьбы с Робеспьером, Ру клянется, что «его местью будет его уважение к республиканской конституции» (см. письмо Ру к Марату в Ann. Révol., июль—сентябрь 1916 года), которая, к сожалению, еще недостаточно прочно укрепилась. А в № 246 «Publiciste» от 23/VII Ру прямо восхваляет «истинно республиканскую конституцию, которая сосредоточит на себе взоры ученых, вызовет одобрение добродетельных и сольет все народы в единую семью философов, друзей и братьев» (См. фотоснимки журнала Ру, находящиеся в Институте Маркса и Энгельса).

бросавшиеся жирондистами обвинения как в «дезорганизаторстве», так и в стремлении к диктатуре, и привлечь тем самым на сторону «очищенного» Конвента «зараженные федерализмом» департаменты,—была ясна основной массе Парижан. Поэтому, когда Робеспьер на заседании Якоб. клуба 28-го июня разражается грозной речью против Ру, говоря о необходимости «укрепить единство Республики», и гарантировать Конвент от всяких посягательств на его достоинство, и ни слова не упоминает о социально-экономических требованиях Бешеных, бывших бесспорно центром их выступления в Конвенте; когда Колло д'Эрбуа в свою очередь обвиняет Ру в стремлении «вызвать беспорядки и привести к анархии»,—то ни одного возражения не слышится из среды Якобинцев, так недавно еще рукоплескавших «усердию Кордельеров». Да и на заседании Кордельеров 30-го июня, куда Якобинцы послали особую делегацию из членов, состоящих одновременно в двух этих обществах, Ру потерпел поражение.

Повидимому, только Моморо, видевший в петиции Ру «истинные принципы, плохо понятые Горой» [1], сделал слабую попытку примирить враждующие стороны [2], что не помешало однако Кордельерам исключить из своей среды Ру и Леклерка и временно запретить Варле посещать заседания Общества.—Это был первый и решительный успех Робеспьеровцев, одержанный ими над наиболее крайней группировкой того времени; но это еще далеко не было концом Бешеных.

Революционный процесс, все более и более обостряя классовые противоречия, тем самым обособлял интересы ремесленников и наемных рабочих, особенно страдавших от дороговизны, а Робеспьеровцы еще не решались открыто выступить против тех революционных организаций, на которые опирались Ру, Варле и Леклерк.

Время работало на Бешеных, а кличка «дезорганизаторов» и «анархистов», привешенная к ним монтаньярами так же произвольно, как она раньше применялась жирондистами по отношению к самим монтаньярам [3], нисколько не уменьшала остроты продовольственного вопроса, а тем самым и популярности основного экономического требования Бешеных—введения твердых цен на все предметы широкого потребления.

Убийство Марата Шарлотою Корде, вызвавшее в Париже взрыв негодования, повело к новому усилению агитации Бешеных. Ру и Леклерк издают журналы, посвященные памяти «Друга народа», где Леклерк прямо требует смерти всех скупщиков [4] и очень отчетливо формулирует все ту же программу Бешеных.

«Народ, можешь ли ты пожаловаться на своих законодателей?» [5] — с гневной иронией спрашивает Леклерк в номере своего журнала от 6-го

---

[1] B. et Roux, т. 28, стр. 220 и след.

[2] Ibid., заседание Кордельеров 30 июня.

[3] См. напр. памфлеты Бриссо «A mes commettants» и «A tous les républicains de la France».

[4] 26-го июля 93 г. Конвент был вынужден издать декрет о смертной казни скупщиков.

[5] Mathiez, L'agitation sectionnaire à Paris enaoût 1793.

августа[1]. «Ты требовал у них таксации всех предметов первой необходимости,—тебе в этом отказано; ареста всех подозрительных—он до сих пор не декретирован; исключения дворян и священников со всех гражданских и военных должностей,—а к этому еще и не приступили!».

Жак Ру тоже возмущается неисполнением декрета о максимуме, и требует ареста банкиров и гильотины для продажных депутатов.—«Революция не дала беднякам и рабочим того, что они вправе были ожидать от нее», пишет он в своей брошюре «О причинах несчастий Французской Республики».—«Я обличаю тех лицемеров, кому уравнение общества кажется химерой[2]; депутатов-изменников, министров, вверивших спасение государства в преступные руки; гражданских и военных чиновников, коотрые пренебрегли выполнением наших законов», ультрамонтантских шарлатанов, кровожадных атеистов, эгоистов, банкиров, скупщиков, всех, у кого революция в голове, но контр-революция в сердце»[3].

Потеряв опору в Коммуне и вынужденные уйти из клуба Кордельеров, Бешеные тем сильнее развивают свою агитацию в секциях и других народных обществах, в частности в Обществе Революционных Женщин. Председательница этого Общества, актриса Лакомб, выдвинулась еще в эпоху революции 10-го августа, и весной 1793 года уже выступала у Якобинцев то с требованием «взять в качестве заложников Парижских аристократов и их семьи[4], то с предложением организовать женский батальон «для уничтожения аристократов»[5].

19-го мая это Общество[6] поддерживает уже приводившуюся выше петицию Кордельерского клуба, а 10 июня вице-председательница Революционных Женщин Полина Леон, будущая жена Леклерка (см. статьи Матьеза в Ann. hist.) представляет в Якобинский клуб уже отдельную петицию об исключении дворян со всех должностей[7].

Все эти выступления носят на себе несомненный отпечаток влияния Бешеных; немудрено, что и в августе-сентябре 1793 года Общество Республиканок-Революционерок тоже поддерживает их. На этот раз борьба действительно не ограничивается кругом социально-экономических вопросов. Она сразу переходит и на почву политическую, где центром ее становится вопрос о сроке введения в жизнь конституции 93 г. Те самые группы монтаньяров, которые так рьяно защищали Конституционный акт от какой-либо критики, (в особенности же от стремления Бешеных закрепить в нем социально-экономические требования городской бедноты)—как раз именно они уже в августе 93-го года ратуют за необходимость от-

[1] Явный выпад против Робеспьера, утверждавшего, что «Общественное равенство—это химера».

[2] Полный текст памфлета Ру «Discours sur les causes des malheurs de la République française« имеется, в виде фотоснимка, в Институте Маркса и Энгельса.

[3] S. d. J., т. V. 123, зас. 3-го апреля 1793-го года.

[4] Ibid., т. V. 212, зас. 27 мая 93 г.

[5] Ibid., т. V, 198.

[6] Ibid., т. V, 298.

срочить введение Конституции, именно они выдвигают и отстаивают проект о создании «временного правительства», не желая «бросать конституционный корабль на произвол встречных ветров».

Действительно, если в июне 1793 г. для успокоения страны, охваченной «федералистским движением», понадобилось чуть не в недельный срок выработать и представить в Конвент проект новой Конституции, могущей стать «центром об'единения» Франции; если для успокоения правых кругов из нее был выкинут ряд социально-экномических моментов[1]), то приведение Конституции в действие в тот момент, когда пал Валансьен и войска коалиции шли на Париж, грозило сорвать только что налаживавшееся единство правительственной власти и тем самым ставило под удар успех внешней обороны Республики. Не говоря уже о трудности проведения выборов в обстановке гражданской войны, роспуск Конвента и замена его новой Легислативой, выбранной путем прямого голосования по кантонам (§§ 8, 11, 22 конституции), создание особого Исполнительного Комитета из списка кандидатов, выдвигаемых департаментами (§ 63), несомненно превратили бы правительство Франции в арену новой ожесточенной борьбы партийных клик. Это отнюдь не соответствовало ни требованиям обороны Республики, ни интересам тех групп монтаньяров, которые захватили в свои руки правительственную власть и обеспечили себе большинство в Конвенте путем исключения жирондистов. Руководители Конвента имели серьезное основание опасаться, что в новое законодательное собрание попали бы с одной стороны—единомышленники только что исключенных из Конвента жирондистов, если не они сами[2], с другой—представители левых течений. Шометт, Гебер, Моморо, Венсан,—а, пожалуй, даже Варле, Ру и Леклерк могли надеяться стать членами новой Легислативы[3].

Оппозиция, как справа, так и слева, которая летом и осенью 93-го года действовала главным образом за пределами Конвента, могла в результате перевыборов получить значительное число мест в центральном законодательном органе и тем лишить правящую группу монтаньяров необходимого для опоры правительственной политики большинства. Вместе с тем, для успешной борьбы с крайними группировками, опиравшимися на низовые революционные организации, очевидно, приходилось вступить на путь ограничения прав и самостоятельности последних и создать для этой цели сильную центральную власть, могущую положить предел вредной агитации «ультрареволюционных» «лжепатриотов». Поэтому, еще в то время, когда Конституционный Акт далеко не был принят первичными собраниями Фран-

[1] В нее даже не вошло то ограничительное толкование права собственности, которое предлагал Робеспьер в своей «Декларации прав» весной 1793 года, до победы над жирондистами.

[2] Об опасной возможности выборов в новую Легислативу «бриссотинцев» открыто говорит Шабо на заседании Якобинского клуба 4-го августа (S. d. J, т. V, 327—328)

[3] И Ру и Варле еще осенью 92 г., при выборах в Конвент, прошли в состав выборщиков; в письме к Марату в июле 93 г. Ру прямо указывает, что «приближается время выборов, и ты боишься, чтоб народ не голосовал за меня».

ции, еще задолго до торжественного празднования годовщины революции 10-го августа, где Эро де Сешелль произнес перед статуей Природы свою хвалебную речь во славу новой Конституции, еще задолго до всего этого среди монтаньяров рождается мысль о необходимости отсрочить введение конституции и создать сильное, централизованное «временное правительство». Честь внесения этого проекта бесспорно принадлежит Дантону; но все видные лидеры монтаньяров Конвента—Сен-Жюст, Робеспьер, Карно, Билльо-Варенн,—даже сам автор конституции Эро де Сешелль, приложили к нему свою руку и активно участвовали в борьбе за «временное правительство» против введения той злополучной конституции 93 года, творцами которой они являлись, и которой так и не суждено было стать действующим законом. В стремлении создать для Франции «сильную власть» об'единились все группы Конвента[1]; только иногда отдельные члены Комитета Общественного Спасения, превращаемого в верховный правительственный орган, скромно возражают против расширения его полномочий, явно стараясь подчеркнуть при этом отсутствие у себя личного властолюбия или каких-либо честолюбивых замыслов.

На заседании Конвента 1-го августа, всего через несколько дней после вхождения Робеспьера в Комитет Общественного Спасения[2], именно Дантон выступает с энергичной речью, настаивая на необходимости «придать этому учреждению всю ту энергию и значение, которые ему свойственны»[3]. «Я требую», говорит он, «чтоб Конвент превратил свой Комитет Обществ. Спасения во временное правительство; чтобы министры были только первыми агентами этого временного правительства; чтобы в распоряжение этого правительства было предоставлено 50 миллионов ливров».. «на политические расходы, вызываемые подлостью наших врагов».

Робеспьер, выступающий после Дантона, с обычной своей уклончивостью заявляет, что предложение недостаточно ясно; но все же рекомендует передать его в Комитет Обществ. Спасения—на рассмотрение. Следующая затем горячая реплика Дантона особенно любопытна; Дантон возмущенно заявляет, что так как «на него одного сваливают(!) тяжесть того предложения, которое он сделал только после выяснения мнений из своих коллег, в частности членов Комитета Общ. Спасения», то он никогда не войдет в состав этого Комитета. Таким образом, участие членов Комитета Общественного Спасения даже в этом

---

1 Сходство дантоновской и робеспьеровской позиции осенью 93 года по этому основному тогда вопросу необходимо подчеркнуть, так как напр., Матьез уже в этот период готов видеть в предложениях Дантона ряд выпадов и козней против Робеспьера. Между тем, не надо забывать, что именно в сентябре 93 года (6/IX) Дантон, вместе с Коллод д, Эрбуа и Билльо-Варенном, был выбран в Комитет Общественного Спасения единогласным вотумом Конвента и не вошел туда только по собственному отказу, ссылаясь на ранее данную им клятву никогда не быть членом того Комитета, на расширении полномочий которого он настаивал.

2 Робеспьер стал членом К. О. С. 27-го июля 1793 г. вместо выбывшего по болезни Гаспарена.

3 Moniteur, т. 17, стр. 294 и след.

первоначальном проекте «временного правительства» подтверждается с достаточной ясностью. В прениях Кутон, Делакруа, Тюрио, Жанбон-Сент-Андре—все поочередно высказываются за необходимость сильной центральной власти. А если некоторые из них и возражают против передачи в распоряжение Комитета крупных денежных средств, то Конвент очевидно отлично понимает несерьезность выставляемых доводов и именно эту меру декретирует 2-го августа, после доклада Эро де Сешелля, выступавшего от имени Комитета Общ. Спасения.—Конвент соглашается с мнением докладчика, считавшего, что «Комитет Общественного Спасения наделен всеми необходимыми полномочиями», и что не стоит менять его названия (оно ведь не меняет сущности дела); Конвент декретирует, что Комитет «будет оставлен таким, как он есть»—передав однако в его распоряжение те 50 миллионов ливров, о которых шла речь.

Конечно, ни предложение Дантона, ни вызванный им декрет Конвента не могли не встретить возрожений со стороны Бешеных. И Жак Ру и Леклерк [1] немедленно выступили в прессе против проекта о превращении Комитета Общ. Спасения во временное правительство [2].

Действительно, как общие политические взгляды Бешеных, так и та конкретная политическая ситуация, которая сложилась в Париже осенью 93-го года, делали борьбу Бешеных против Дантоновского проекта совершенно неизбежной.

Выросши в знаменитый декрет 14-го фримера, этот проект очень существенно ограничивал права революционных организаций, сводил нанет принцип выборности местных властей и устанавливал во Франции диктатуру Комитета Общественного Спасения, вместо проведения принципов политической демократии и народного суверенитета, обещанных Декларацией Прав и Конституцией 93-го года.

Между тем, еще в своем «Проекте императивного мандата народным уполномоченным и Национальному Конвенту» (декабрь 1792 г.) [3] Варле выступает, как сторонник крайней и последовательной демократии [4].

Защищая принцип неотчуждаемости народного суверенитета, он требует составления для депутатов императивного мандата, строго очерчивающего круг их полномочий, настаивает на праве первичных собраний отзывать депутатов и на непосредственной санкции народом всех вырабатываемых законопроектов и устанавливаемых налогов. «Депутаты, вы больше не будете нашими представителями, вы будете лишь

[1] B. et Roux, т. 28.

[2] «Свобода будет быстро уничтожена..... если один Комитет сосредоточит в своих руках одновременно несколько полномочий, если он превратится в Центральный Комитет, в правительство, и если в его распоряжение будет передана сумма в 50 миллионов,» восклицает Ру. «Ведь история учит нас, что Римские сенаторы не замедлили заковать народ в цепи, когда они завладели цивильным листом». (Publiciste, № 256 от 14 августа 1793 г.)

[3] Arch. Parlem., т. 54, стр. 719.

[4] Наличность у Бешеных определенной политической программы важно отметить особенно потому, что историки нередко о ней умалчивают.

уполномоченными (mandataires), пишет Варле, ибо в принципе—наш неотчуждаемый суверенитет не может быть ни делегирован, ни представлен».

Особенно подчеркивает Варле право народа обсуждать в первичных собраниях свои важнейшие интересы, без чего право народной санкции было бы по его мнению «иллюзорным и невыполнимым»; наконец, он требует включить в Декларацию Права «естественное право граждан выбирать в собраниях путем прямого голосования на все общественные должности». «Граждане,—вы не потерпите, чтоб ваши уполномоченные, хотя бы малейшим образом, посягнули на законность ваших прав», вторит ему тогда же Жак Ру [1], восставая против «сенаторского деспотизма» — и «вероломных агентов». «Самый ужасный деспотизм это тот, который распространяется при правлении немногих», читаем в бумагах Ру, взятых у него при обыске 24 августа 1793 г. «История учит нас, что римляне, избавившись от ига монархии, стали страдать от ига сенаторов».

Будучи сторонником непосредственной демократии в духе Руссо, опираясь как раз на те низовые революционные организации, права которых суживались декретами о временном правительстве; находясь осенью 93 года в оппозиции к Комитету Обществ. Спасения, защищавшему интересы средних и более зажиточных слоев мелкой буржуазии и упорно саботировавшему социально-экономические требования городской бедноты; являясь представителем этой последней и надеясь на то, что введение Конституции и связанные с нею перевыборы Конвента усилят влияние его сторонников,—Варле, конечно, мог только с крайней враждебностью отнестись к тому «временному революционному правительству», которое было установлено во Франции декретами 19-го вандемьера—14 фримера II-го года, основой для каковых послужил дантоновский проект.

«Республиканцы» [2], пишет Варле в одной из своих более поздних брошюр, «только в революционном правительстве [3] надо искать причину того угнетения, от которого Республика страдала со времени достопамятных дней 31 мая, 1 и 2-го июня... Среди патриотов, выбранных для спасения отечества во время революции 31 мая, были патриоты честные, выбранные народом и восставшие вместе с ним для защиты принципов и для введения республиканской конституции. И там же были интриганы, посланцы самой разрушительной из клик.

«Эта шайка Калигулы увидела в падении бриссотинцев только широкое поле, открытое для ее честолюбия... Фальшивые инсургенты заменили Бриссо Робеспьером, а федерализм — возмутительной диктатурой, укра-

[1] Discours sur le jugement de Louis le dernier sur la poursuite des agioteurs, des accapareurs et traitres. Цитировано по Mathiez, Les Enragés et la eutte, pour le maximum, № 4, 1917. Ann. rév.

[2] Varlet, Gare L'explosion.

[3] По контексту видно, что этот термин надо применять именно в приложении к «временному революционному правительству», установленному во Франции осенью II года

шенной именем общественного спасения... Я остался чужд революционному правительству, за исключением тех периодов, когда считал своим долгом бороться с ним. Пусть лучше погибнет революционное правительство, чем принцип»,—восклицает Варле, защищая принцип народного суверенитета и ставя эту фразу девизом всего памфлета. Правда, эта брошюра Варле написана им в вандемьере III-го года, когда он сидел в тюрьме за свою деятельность в club electoral, но приведенные из нее здесь выдержки несомненно говорят об осени и зиме II-го года, когда во Франции росло и укреплялось «временное правительство» наперекор только что принятой конституции[1]. И будущий лозунг прериальского восстания—«Хлеба и конституции 93-го года», равно как и деятельность самого Варле осенью и зимой 94 года в Избирательном клубе,—несомненно имеют свои корни в агитации и борьбе Бешеных еще осенью 1793 года, и, в частности, в днях 4-го—5-го сентября.

Как уже упоминалось, ко дню 10-го августа 1793 г. в Париже должны были собраться делегаты первичных собраний на торжественный праздник в честь годовщины восстания и принятия той самой конституции, об отложении которой уже шли разговоры в Конвенте.

Повидимому, Бешеные возлагали на этот день некоторые надежды. Жак Ру прямо говорил, что «день 10-го августа станет могилой всех скупщиков»; журналы, посвященные «тени Марата», составляются в резком, повышенном тоне; наконец, в секциях снова нарастают продовольственные волнения. В Епископстве вновь собираются комиссары большинства секций и, выражая явное недоверие Коммуне, требуют у администрации продовольствия немедленного представления отчета[2].

Наконец, клуб Кордельеров, хотя и «очищенный» от Ру, Варле, и Леклерка,—в лице своих теперешних руководителей тоже повидимому примыкает к агитации Бешеных. Не кто иной, как Венсан, один из секретарей клуба выступает у Якобинцев в защиту конституции[3].—«Он упрекает Дантона и Делакруа за тот декрет, который они вызвали по вопросу о превращении Комитета Общественного Спасения в Правительственный Комитет», читаем мы в протоколах Якобинского Общества; «он считает, что этот декрет является посягательством на народный суверенитет, что он противоречит Конституции и исходит от заговор-

---

[1] «Мне не приходится краснеть из-за того, что я поддерживал тирана», пишет Варле летом 1795 г. из тюрьмы Bicêtre. В ответ на обвинение в оппозиции «революционному правительству» он гордо заявляет, что ему нечего оправдываться, ибо такое обвинение «делает ему честь».—«Подобно колеблющимся гражданам, поступающим в зависимости от обстоятельств, я не выжидал того момента, когда падут заговорщики, чтоб нанести им удар.... Я горжусь возможностью напомнить в этот момент, что я атаковал революционное правительство с момента его рождения, выступая у решетки Конвента от имени 27 секций. Петиция против 40 су..... была прямой оппозицией законам и революционному правительству», пишет Варле в мае 1795 г., характеризуя ту позицию, которую он занимал осенью II-го года. («Le citoyen Varlet, prisonnier à la Force, en réponse à ses motifs d'arrestation»).

[2] Mathiez. Le vote du maximum général.

[3] S. d. J. т. V, стр. 329.

щиков. Показав, что Комитет Общественного Спасения, захватив все полномочия, сам превратился бы в чудовищную власть, Венсан хочет, чтобы Общество занялось обсуждением тех средств, которые никогда не допустили бы издания подобного декрета».

Выступление Венсана, повидимому, было каплей, переполнившей чашу. На этом же заседании Робеспьер ополчается против Венсана, резко осуждая тех, «новоявленных патриотов», которые хотят погубить в глазах народа его лучших друзей; он снова громит Ру и Леклерка, которые «чрезвычайно патриотическими фразами заставляют думать, что его новые друзья усерднее, чем прежние». Характерно, что в ответ именно на Венсановское выступление против Дантона за его проект о «временном правительстве» Робеспьер восхваляет Дантона, «против которого никто не имеет права выдвинут ни малейшего(!) упрека». И несомненно по наущению Робеспьера на заседании Конвента 8-го августа выступает «вдова Марата» [1] и, явно утрируя борьбу Бешеных против проектов о «временном правительстве», говорит об их желании уничтожить «всякий род правительства». Она жалуется на Ру и Леклерка за то, что они используют имя Марата, и никто иной, как тот же Робеспьер предлагает Комитету Обществ. Безопасности «расследовать поведение этих двух продажных писателей». Все это показывает, насколько агитация Бешеных тревожила Робеспьера. 7-го августа он определенно указывает на возможность беспорядков, направленных на «грабеж магазинов», на избиение по тюрьмам» и защищает мэра и начальника Национ. Гвардии, принявших по этому поводу «необходимые меры».

Однако, 10-ое августа проходит спокойно. И не далее, как 11-го, на другой же день после торжественного праздника в честь Конституции, Робеспьер уже считает возможным открыто выступить перед делегатами первичных собраний против ее введения в жизнь [2]. Когда Делакруа, друг Дантона, желая повидимому замаскировать отсрочку введения Конституции каким-либо законным предлогом, провел в Конвенте [3] декрет о том, чтобы каждый кантон составил список населения для распределения избирательных округов при выборах в будущую Легислативу [4], то Робеспьер вечером того же дня резко заявляет в Якобин. клубе, что «не будет коснеть членом Комитета или Собрания, которому предстоит исчезнуть». «Я заявляю», говорит он, «что ничто не может спасти Республику если... Конвент «разойдется и будет заменен Законодательным Собранием. Об опасности перевыборов Конвента Робеспьер повторяет и на заседании клуба 23 августа [5]. С своей стороны Бешеные не остаются в долгу, Леклерк энергично возражает Робеспьеру в своем журнале, где он, по свидетельству полицейских

---

[1] Archiv. Parl. том 70, стр. 527.

[2] Aulard, S. d. Jac., V., стр. 343.

[3] Moniteur, т. 17, стр. 366.

[4] При слабости административной техники того времени процедура составления списков должна была занять не менее нескольких месяцев.

[5] S. d. J, т. V, стр. 372.

агентов, «все время требует скорейших перевыборов Нац. Конвента[1].

Жак Ру тоже не прекращает своей агитации. В № 259 «Publiciste» он публикует резкий ответ «так называемой вдове Марата». Он проводит в секции Гравилье адрес Конвенту, где требует «смены установленных властей» и чуть ли не обвиняет самого мэра в скупничестве»[2]; 19-го августа он даже пытается произвести в своей секции нечто вроде переворота. По рассказу Гражданского и Революционного Комитетов секции Гравилье, Жаку Ру удается «сместить председателя, заставить выбрать себя на его место» и даже произвести несколько незаконных и произвольных арестов»[3]. Однако, Генер. Совет Коммуны, по предложению Шометта, немедленно посылает в секцию комиссаров «для восстановления там законного порядка», а полицейское управление тогда же арестует Жака Ру по взведенному на него совершенно нелепому обвинению в растрате общественных сумм в бытность его казначеем Кордельерского клуба[4].

Наконец, в те же дни (25/VIII) гражданка Лакомб является в Конвент во главе делегации от «Революционных Женщин» и требует «исполнения конституционных законов». «Мы требовали так громко конституцию вовсе не для того, чтобы она безнаказанно нарушалась», заявляет она[5].

Сдача Тулона англичанам, весть о которой дошла в Париж 2-го сентября, чрезвычайно обострила и без того серьезное политическое положение и вызвала крупные беспорядки.

Недаром ярый сторонник террора—левый монтаньяр Бильо Варенн, еще не вошедший тогда в Комитет Общ. Спасения, настаивает на том, чтобы известие о сдаче Тулона было немедленно сообщено Парижанам. «В сентябре прошлого года, когда народу сказали об успехах неприятеля на нашей территории, он восстал и заставил всех врагов исчезнуть с лица свободной земли[6], говорит Бильо. Это было явное указание на сентябрьскую резню» 1792-го года, если не открытый призыв к ее повторению.

Наступают знаменательные дни 4—5-го сентября, когда Конвент и Коммуна оказались захлеснутыми народным движением, когда был в принципе декретирован всеобщий максимум, создана Революционная армия, и террор поставлен в порядок дня.

Трудно сказать, являлись ли Бешеные определенными руководителями движения. Да и вряд ли оно имело настолько организованный характер,

[1] Caron, Paris pendant la terreur, т. I, стр. 66, сообщение Latour Lamontagne.

[2] Caron, ibid., стр. 18.

[3] Moniteur, 17, 461.

[4] За полным отсутствием улик, Жака Ру пришлось через несколько недель выпустить на поруки, б. м., благодаря заступничеству за него секции Гравилье, которая дважды протестует против его ареста и заявляет, что «Жак Ру не утратил ее доверия» (Moniteur, т. 17, стр. 505). Быть может, именно в связи с арестом Ру и близкая к Бешеным секция Обсерватуар в том же заседании Коммуны требует «арестовать мэра, прокурора Коммуны и их заместителей». (Н. Moniteur, ibid.)

[5] Moniteur, т. 17, стр. 503.

[6] Moniteur, 17, стр. 493.

чтоб можно было вообще говорить о правильном руководстве им со стороны какой-либо «партийной клики». Но непосредственное участие в нем Бешеных[1] является неоспоримым фактом; требования, выдвинутые демонстрантами, были давно уже лозунгами Ру, Варле и Леклерка, а связанные с этими волнениями репрессии в первую очередь направляются против Бешеных и против Парижских секций, как их главной опоры[2]. Если Бешеные и не были непосредственными организаторами движения, то во всяком случае оно примыкало к их агитации и находилось под их влиянием.

Какие же группы населения в нем участвовали?

Еще 4-го сентября Шомет докладывает в Конвенте[3] о волнениях происходящих среди рабочих: «Сегодня утром», говорит он, «пошли за рабочими по мастерским; движение началось на бульварах вблизи воинского присутствия (maison de la guerre); кажущееся отсутствие хлеба и военный набор—вот предлоги, которыми пользуются враги Республики с целью ввести народ в заблуждение».

«С утра обошли все мастерские и собрали большое количество строительных рабочих; с другой стороны к ним присоединились слесаря (les serruriers)», читаем мы в другой версии, приведенной в Archives Parlementaires[4].

4-го сентября Парижский муниципалитет извещается[5] «что по улицам Тампль, Сент-Авуа и прилегающим к ним происходят собрания рабочих, в особенности каменщиков, которые жалуются на трудность доставать хлеб и требуют повышения заработной платы». Наконец, секция Cité прямо заявляет, что «в настоящее время рабочие, проработав целый день, вынуждены тратить часть ночи для того, чтобы достать хлеб».

Все это, думается, достаточно характеризует состав демонстрантов,—ремесленники и наемные рабочие, отчасти рекруты, набираемые для отправки на фронт,—вот из кого состояли их главные кадры. Конечно, придавать сентябрьским волнениям «пролетарский» характер в современном нам смысле слова было бы крайне ошибочно. Однако, отрицать в нем участие рабочих (особенно характерным является здесь требование повышения заработной платы) и утверждать, что за Бешеными шли только ремесленники[6] было бы, думается, не меньшей ошибкой[7]. Не говоря уже о ряде словесных вы-

---

[1] 5-го сентября Ру участвовал на заседании комиссаров секций в Якобинском клубе, где и был снова арестован. Mathiez, La fin des Enragés.

[2] Имеется указание на то, что в начале сентября 1793 года Варле был также подвергнут аресту. Так, один из документов секции Прав Человека, датированный 3 сент. 1793 г., гласит, что общее собрание секции поручает своему Наблюдательному Комитету выяснить в Комитете Общественной Безопасности причины ареста Варле. Однако некоторая неточность датировки (число месяца не совпадает с днем недели не позволяет опереться на этот документ с полной несомненностью (см. снимок с документа в Институте Маркса и Энгельса).

[3] B. et Roux, т. 29 и след.

[4] Arch. Parl. т. 73, стр. 395.

[5] Moniteur, 17, стр. 577.

[6] См. Захер. «Парижские секции», стр. 26.

[7] Указывая, что за Бешеными шли не только ремесленники, но и наемные рабочие, мы отнюдь не думаем приписать самому вождю Бешеных—Варле—пролетар-

ступлений Бешеных в защиту интересов не только самостоятельных ремесленников и рантье, но и н а е м н ы х р а б о ч и х (см., напр., слова Ру в Конвенте 25/VI 93 г. о жалком заработке именно р а б о ч и х, (ouvriers) и о тяжалом положении тех из них, кто вовсе не имеет работы[1], не говоря о том, что введение твердых цен на продовольствие осенью—зимой 93 года было бесспорно в интересах именно П а р и ж с к и х р а б о ч и х, ибо § 8 декрета 29-го сентября о предельной ставке заработной платы—в Париже не всегда применялся, участие рабочих в движении 4—5-го сентября, прошедшего под лозунгами Бешеных, доказывается документально. В наших глазах это придает дням 4-го и 5-го сентября особенный интерес, ибо выступления рабочих в эпоху Революции были очень немногочисленны.

По свидетельству Мишле, имевшего возможность ознакомиться с протоколами секций, движение начинается в С е н т-А н т у а н с к о м п р е д м е с т ь е. В секции Montreuil было решено собираться «без оружия», но «организованными отрядами», а секция Quinze Vingt — наиболее рабочий квартал предместья—требует уже, чтобы все секции «послали в Епископство комиссаров, наделенных неограниченными полномочиями», как это делалось 10-го августа и 31-го мая. Вот те немногие сведения, которые говорят о действительном характере движения и рисуют его гораздо более серьезным, чем это делает Шометт в своей официальной речи в Конвенте[2]. Уже 4-го вечером толпа народа стекается на городскую площадь и занимает все помещение Ратуши; Паш, Гебер и Шометт окружены демонстрантами.

Коммуна, и в частности Шометт, всячески пытаются овладеть движением и превратить волнующуюся и враждебно настроенную толпу в мирных петиционеров. С одной стороны, муниципалитет «приказывает полицейскому

ского происхождения. Он вовсе не был рабочим, как это говорит Кропоткин (см. т. II, собр. соч., стр. 272, 488 и др.)

По свидетельству Революц. Комитета секции Прав Человека, Варле жил на ренту в 5.800 ливров, оставшуюся ему после смерти родителей. Первоначальное образование он получил, по собственным словам, в коллеже Harcourt и во время революции был служащим почтового ведомства. Воспитание Варле было повидимому достаточно разносторонним, ибо кроме политической деятельности он занимается еще составлением различных вирш и кантат, с которыми выступает не только в Якобинском клубе, но и в Конвенте.

[1] Речь Жака Ру 25/VI переведена по-русски в сб. под ред. Н. М. Лукина «Революц. прав-во эп. Конвента», стр. 181.

«Народ, не обвиняй революцию в том, что она стала причиной твоих бедствий: она естественно должна была обеспечить лучшую участь о б е з д о л е н н о м у р а б о ч е м у (à l'ouvrier infortuné)» и классу, угнетенному феодальным деспотизмом», пишет Ру в № 249 «Publiciste» от 28/VII 93 г. «Вздуватели цен,—это вы являетесь ворами, анархистами и убийцами..., ибо вы вырываете у р а б о ч е г о хлеб, необходимый ему для существования».

[2] В недавно вышедшем III томе своей Revolution francaise Матьез, говоря о движении 4—5 сентября 1793 г., добавляет, что «Секции продолжали заседать поздней ночью, и одна из них, секция Санкюлотов, об'явила себя в с о с т о я н и и в о с с т а н и я п р о т и в б о г а т ы х»—Mathiez, La terreur, стр. 47).

управлению принять все меры для того, чтобы рассеять собравшихся»[1] и «уполномачивает главнокомандующего Национальной Гвардией повелеть бить сбор с тем, чтобы отдать необходимые по его мнению приказания»; с другой стороны—Паш, Шометт и Гебер стараются показать толпе, что они—на ее стороне, и несколько успокоить ее; с этой целью они произносят горячие речи, в которых примыкают к выставленным ею требованиям, не всегда даже заботясь о том, чтобы их теперешние слова соответствовали их прежним выступлением[2]. Коммуне удается овладеть движением и направить его в определенное русло. Оратором демонстрантов в Конвенте становится Шометт, сделавший со своей стороны все возможное, чтоб придать выступлению лойяльный характер.

Депутация Якоб. клуба, пришедшая в Конвент вместе с комиссарами секций, устами Ройе тоже требует организовать Revол. Армию, изгнать дворян и «поставить террор в порядок дня». Однако, истинное настроение робеспьеровских кругов ясно видно в отношении к событиям самого Робеспьера. По его словам, «в настоящий момент Паш окружен *не народом*, *нет*, *а несколькими интриганами*, которые его оскорбляют, проклинают и осыпают угрозами»[3]. «Эти негодяи хотели передушить Конвент, Якобинцев, патриотов; они сеют недоверие к Конвенту и к установленным властям»; *злонамеренные преступники* присоединяются к группам у дверей булочных и возбуждают их подлыми речами; они тревожат народ, убеждая его, что продовольствия не хватит». Вынужденный, в качестве председателя Конвента, отвечать демонстрантам, Робеспьер, в ответ на их горячие речи, сдержанно говорит, что «Конвент примет во внимание их требования» и приглашает их к почетному присутствию на заседании, повидимому,

---

[1] Moniteur, т. 17, стр. 577.

[2] Так, напр. Шометт требует теперь создания Револ. армии, против которой он возражал еще в июне, находя, что ее содержание обойдется Парижу слишком дорого. Вообще вопрос о «Революционной армии» и о менявшемся к ней отношении лидеров различных группировок того времени принадлежит к числу наиболее интересных, но вместе с тем и наименее разработанных вопросов.

Создание Революционной армии (своего рода «продотрядов» французской революции) было декретировано Конвентом еще 2-го июня 93 г.—в день победы над жирондистами. Однако Конвент и Комитет Обществ. Спасения вовсе не торопились проводить этот декрет в исполнение; да и Генеральный Совет Коммуны уже 29-го июня (т.-е. как раз в дни, когда начинается борьба против Бешеных) устами Шометта возражает против её организации.

Декретированная вновь только 5—9 сентября, под напором Парижских секций, Революционная армия уже через месяц (19 вандемьера—10 октября 93 г.) подчиняется Конвенту особым пунктом правительственного декрета и окончательно расформировывается 27 марта 94-го г. в связи с разгромом «гебертистского» движения.

Уже одно то, как тщательно обсуждались в Якобинском клубе персональные кандидатуры отдельных лиц, выставлявшиеся на командные должности в «Революционную армию Парижа», (см. Aulard, S. d. J. t. V.) указывает на ту важную роль, которую играл вопрос о ней в тогдашней политической жизни. Думается, его проработка должна дать новые материалы для характеристики классовой сущности политических группировок того времени.

[3] B. et Roux. т. 29, стр. 25—26.

вовсе не собираясь ставить на голосование их предложения.—Вскоре он даже покидает залу, передав председательствование члену Конвента Тюрио [1].

Все же Конвенту приходится уступить напору секций, как накануне пришлось это сделать Парижскому муниципалитету. Однако, декретировав вновь создание Революционной армии, признав в принципе всеобщий максимум, провозгласив в речи Барера, официального докладчика Комитета Общественного Спасения, террор поставленным в порядок дня. Конвент тогда же спешит взять у секций реванш и в том же заседании весьма существенно ограничивает их права. «День 5-го сентября, упрочивающий победу программы Бешеных, должен был тем самым ускорить падение их вождей», пишет Матьез [2].

Закрепляя за собой всю сумму верховной политической власти, оставляя в своих руках проведение в жизнь тех декретов, опубликованием которых он как бы застраховал себя от успеха агитации Бешеных, — Комитет Обществ. Спасения тем самым обеспечивал себе возможность фактического направления всей политики в интересах правящих групп населения. Так, именно 5-го сентября, вскоре после выступления демонстрантов, вотируется знаменательный декрет, запрещающий секциям собираться чаще, чем два раза в неделю [3] и тем самым отменяющий ту перманентность секционных заседаний, за которую боролись парижские секции еще при Учредительном Собрании, и которая была наконец завоевана революцией 10 августа [4].

Автором этого предложения снова оказывается Дантон — инициатор превращения Комитета Обществен. Спасения во «временное правительство» Франции. Уже одно это указывает нам на истинный характер декрета, который еще более выясняется, когда в его защиту выступают не кто иной, как Базир и Фабр д'Эглантин — ярые враги «ультра-революционеров». Они уже без всяких обиняков говорят о возможности «секционной контрреволюции»... «В секциях есть чрезвычайно опасные люди, крикуны, уже давно стремящиеся к сенсационной революции, говорит Базир [5] ... «Главные враги — вовсе не дворяне и священники (!), а между тем до сих пор преследовали только дворян и оставляли в секциях крикунов и агитаторов (!), которые вводят нас в заблуждение и являются причиной наших бедствий и ощущаемой нами кажущейся голодовки», утверждает Базир. В заключение он предлагает, чтоб Революционные Комитеты секций, в свою очередь очищенные Генеральным Советом Коммуны, составили списки этих «motionnaires incendiaires», которые «хватаются за каждый предлог для того, чтоб возбудить смуты и разногласия среди граждан»...

[1] Moniteur, 17, 587 и след.

[2] Mathiez, L'inauguration de la terreur.

[3] В окончательной редакции он был принят на заседании 9-го сентября— всего через 4 дня (!) после его внесения.

[4] В сентябре 1792 г. был издан декрет, согласно которому для созыва общего собрания секции достаточно было требования даже одного гражданина.

[5] Arch. Parlem., т. 73, стр. 411 и след.

И предложение Дантона — о сокращении числа секционных собраний, и предложение Базира — о чистке Революционных Комитетов секций Генеральным Советом Коммуны путем смещения неподходящих членов и назначения на их место кандидатов по усмотрению Совета принимаются в том же заседании [1]. Правда, Конвент тут же позаботился о том, чтобы позолотить приготовленную им для секций пилюлю. Декрет о сокращении числа общих секционных собраний до 2-х в неделю был вотирован вместе с предложением установить оплату в 40 су за посещение их «неимущими гражданами»; а декрет о чистке Революционных Комитетов прошел вместе с установлением для их членов жалованья сперва по три, потом по пять ливров за день работы. Робеспьер красноречиво говорит о том, как выгоден этот «декрет о 40 су» для „peuple des artisans“ [2], и только левый монтаньяр Ромм пытается возражать против декрета, предлагая лучше «повысить заработную плату рабочих».

Истинный смысл декрета окончательно вскрывается на заседании 9-го сентября, когда Конвент, во время обсуждения его окончательной редакции, дружным ропотом встречает предложение Гарнье [3] о том, чтобы секционные заседания устраивались ежедневно. — Ограничение прав и политической роли секций, а вовсе не забота об осуществлении городской беднотой ее политических прав, — вот что было центром декрета 5—9 сентября.

И парижские секции быстро разобрались в этом. Уже 15-го сентября секция Maison Commune [4] протестует на заседании Генерального Совета против декрета 5 сентября, как «гибельного для свободы»; в Конвенте с аналогичным протестом выступают секции Contrat Social и Marchés des Innocens [5]. К ним присоединяются секции Amis de la patrie [6], Halle aux blés [7]. 12-го сентября секретный агент Le Harivel сообщает, что против декрета 5—9-го сентября настроена и секция Piques, где «Якобинцы (!) были обвинены в том, что вызвали этот декрет и пользуются теперь в Париже неограниченной властью [8]. Сент-Антианское предместье тоже «горько жалуется на декрет, который ограничивает его общие собрания двумя в неделю [9].

[1] Фактически это было подчинением секционных Комитетов Генеральному Совету Коммуны, который повидимому широко воспользовался предоставленным ему правом «чистки». Так, из состава Революционного Комитета секции Гравилье, только двое были утверждены Коммуной. (Mellié, Les sections de Paris, 219).

[2] Moniteur, 17, стр. 682; B. et Roux, 29, стр. 112, зас. 17-го сентября.

[3] Кто был автором этого предложения: Garnier de Saintes или Garnier de l'Aube, мне не удалось выяснить; см. Arch. Parl. т. 73, стр. 601.

[4] Moniteur, 17, стр. 669.

[5] Arch. Parlem. т. 74, стр. 239.

[6] Moniteur, т. 17, стр. 702, или Caron, Paris pendant la terreur, т. I, 76.

[7] S. d. J. т. V, стр. 405.

[8] Caron, ibid., стр. 77.

[9] Tutey, Répertoire, т. 9, № 1322.

Таким образом, движение против декрета 5—9-го сентября охватывает центральные и правобережные секции Парижа[1].

Наконец, 17-го сентября[1] сам лидер Бешеных, Жан Варле, появляется на трибуне Конвента во главе депутации «от 48 секций» с протестом против того же декрета.

Установить точно, какие именно секции примкнули к протесту Варле, и представляли ли они из себя действительно б о л ь ш и н с т в о секций Парижа, к сожалению, не оказалось возможным. Сам Варле торжественно заявляет, что выступает, «от имени 48 секций», и что «мэр был бы во главе нас, если бы оказался на своем посту»; зная, однако, крайнюю осторожность и уклончивость Паша, в правдивости по крайней мере последнего утверждения Варле приходится сильно усумниться. В своем позднейшем памфлете „Le citoyen Varlet, prisonnier à la Force, en réponse á ses motifs d‘arrestation“, Варле указывает, что он выступал от 27 секций, но это тоже подлежит проверке. По данным, имеющимся в Arch. Parl., Moniteur, B. et Roux, Tutey, Caron, (Paris pendant la terreur), Aulard (S. d. J.). можно считать, что к этому движению, возглавляемому Бешеными, примкнули следующие секции: Piques, Contrat Social, (Postes), Marché des Innocents, Halle aux blés, Amis de la Patrie, (Ponceau), Maison Commune, Panthéon Français, Droits de l‘Homme, Montreuil, Quinze Vingt, Popincourt, faub. de Monmartre, Arcis и повидимому, Croix Rouge. Кроме того, под общим влиянием Бешеных находились, как известно, секции Gravillier и Obcervatoire.

Большинство (но далеко не все) из этих секций (см. указанную уже главу у Брэша) находилось в и н д у с т р и а л ь н ы х р а й о н а х П а р и ж а, где жили р а б о ч и е и р е м е с л е н н и к и того времени: суконщики, бумагопрядильщики, вязальщики, ленточники, кружевницы, столяры, мебельщики, строительные рабочие, обойщики, слесаря, кожевники и т. д.

«Избранники народа», — торжественно заявляет Варле в Конвенте[2] — «этот декрет покрывает позором французский народ и подвергает его презрению и негодованию всех народов... О н п о с я г а е т н а К о н с т и т у ц и ю и Д е к л а р а ц и ю П р а в Ч е л о в е к а. Тот, кто первый[3] предложил издать такой декрет по отношению к Парижу, заставил вас нарушить вашу присягу. Р а з в е в ы м о г л и, н е п о с я г а я н а п р а в а с у в е р е н а, с о к р а т и т ь ч и с л о н а р о д н ы х с о б р а н и й и у с т а н о в и т ь и х п р о-

[1] Общую характеристику населения секций см. в книге Бреша. «La Commune de 10 août, стр. 6—28, а также в его статье «Essai de statistique de la population ouvrière de Paris vers 1791». помещенной в «Rév. franç» за 1912 г.

[2] Arch. Parlem. т. 74, стр. 311 или Moniteur, т. 17, стр. 682, и след.

[3] О враждебном отношении Дантона к лидеру Бешеных можно судить по любопытной сценке, разыгравшейся в Конвенте 2-го декабря 1793 г. (Arch. Parl., т. 80, стр. 533). Когда Варле, незадолго перед тем освобожденный из под ареста, выступил в заседании Конвента с поэмой в честь Марата и с предложением издать все его произведения вместе с работами Лепеллетье,—то Дантон резко прервал его, требуя немедленно прекратить подобные выступления. — «Нам нужна работа, а не речи», заявил он.

должительность? [1].—Нет,—и вы сами признавали это в другие времена... Вы хотите закрыть народу глаза, усыпить его бдительность — и когда-же?»

— «Граждане, — заключает Варле, — санкюлоты Парижа, для которых был издан этот декрет, требуют его отмены».

Но времена действительно изменились. Дни 31-го мая отошли уже очень далеко, и 17-го сентября петиция парижских секций встречает в Конвенте только ропот и возмущение. Правый депутат Базир предлагает отослать петицию в Комитет Общественной Безопасности, чтобы тот строго расследовал ее происхождение; он же высказывает предположение, что Варле, «этот неосторожный молодой человек», «действующий «заодно с Жаком Ру», оплачивается аристократами. — «Почему Варле не на фронте»? — спрашивает Базир. А Робеспьер в ответ на речь Варле предлагает просто перейти к очередным делам, ибо, несомненно, «не народ продиктовал эту петицию». Многие члены Конвента требуют немедленно задержать Варле, и только ссылка на право петиций освободила вождя Бешеных от ареста в самом здании Конвента.

Но уже 18-го сентября, т.-е. на другой же день после выступления Варле в Конвенте, Комитет Обществен. Безопасности арестует его за «контрреволюционные речи в одной из групп [2]».

Другой лидер Бешеных, Жак Ру, был арестован уже 5-го сентября, когда он пришел на заседание секционных комиссаров [3], а 8-го сентября клуб Якобинцев, по предложению Дефье, организует даже особую комиссию для сбора обвинений, как против него, так и против Леклерка [4].

Начинается преследование и Общества Революционных Женщин. 15-го сентября, тот же Базир, который требовал в Конвенте отправки на фронт Варле, выступает в клубе Якобинцев [5] против «этих дам», которые «с презрением говорят о Робеспьере» (!)

Член клуба Ташеро сообщает, что гражданка Лакомб «вмешивается повсюду»; что на одном собрании, где он присутствовал, она требовала «прежде всего Конституции» [6], всей Коституции в целом, и ничего, кроме Конституции. — «Она атакует установленные власти»,—заявляет другой член клуба; «она бросает раскаленные ядра

[1] По декрету 5-го—9-го сентября общие собрания секции должны были начинаться в 5 и кончаться в 10 часов вечера.

[2] Tutey, Répertoire, т. 9, № 1336, стр. 406 и снимок с текста постановления имеющийся в Институте Маркса и Энгельса.

[3] Mathiez, La fin des Enragés.

[4] S. d. J., т. V., стр. 392. Парижский муниципалитет тоже примыкает к травле Бешеных. На заседаниях Коммуны 19-го сентября Гебер замечает, «что очень многие граждане стараются вызвать в секциях раздоры, требуя отмены декрета» (9-го сентября). По его требованию Совет постановляет, что полиция примет необходимые меры для надзора за гражданами, которые распространяют в секциях подобные идеи». Moniteur, 17, стр. 702.

[5] S. d. J., т. V., стр. 406.

[6] Характерно, что в сентябре 93 года уже простое требование «Конституции» служит материалом для обвинения.

в якобинцев и в Комитет Общ. Спасения». Обвинения раздаются и против Леклерка, а появление на одной из трибун самой гражданки Лакомб только усиливает негодование Общества. Якобинский клуб постановляет немедленно отправить гр. Лакомб в Комитет Общ. Безопасности, потребовав у него вместе с тем и ареста Леклерка. Обществу же Револ. Женщин Якобин. клуб предлагает очистить себя от подозрительных элементов.

Однако Общество Револ. Женщин очевидно не последовало этому призыву; оно продолжает вести агитацию в духе Бешеных, прибавив к ней еще и требование политического равноправия для женщин.

16-го сентября тайный агент Rousseville сообщает, что Революционные Женщины сильно волнуются по поводу ареста Лакомб, и «сравнивают ее с Маратом, преданным суду Революцион. Трибунала» [1].

— «Это брожение становится уже не частичным, а всеобщим», — пишет полицейский агент Latour Lamontagne 20-го сентября ...«Эти женщины... жалуются на все установленные власти без исключения и требует смены Конвента (!), всего состава администрации и трибуналов». Они заявляют, «что право голосовать в секциях — это их естественное право, которого они должны требовать; что в государстве, где равенство освящено законом, женщины могут претендовать на все гражданские и военные должности»[2].

Арест Варле тоже не проходит спокойно. Депутация секции Droits de l'Homme, членом которой был Варле, является в секцию Panthèon Français, чтоб потребовать в Конвенте «освобождения Комиссаров, отнесших петицию 48 секций о том, чтоб заседания секций были перманентны» [3].

Жак Ру, сидящий в тюрьме Сен-Пелажи, тоже не успокаивается: он открыто возмущается репрессиями, применяемыми против Общества Револ. Женщин. «Еще несколько дней, и маска будет сорвана с врагов свободы»,— пишет он в № 266 своего журнала [4]. «Мы увидим, останутся ли они на своих местах на вечные времена, S'ils se perpetueront dans ses places); мы увидим, не составили ли они нам эту чудную sublime) Конституцию только для того, чтоб ежеминутно нарушать ее».

Брожение в секциях не прекращается. В ряде их спешно идет организация «Societes sectionnaires» [5], посредством которых обходится декрет 5—9 сентября.

«Можно опасаться, как бы не возникли трения между писателями - патриотами и Комитетом Общественного Спасения, между Конвентом и Народными Обществами по во-

---

[1] Caron, Paris pendant la terreur, т. I, стр. 119.

[2] Caron, ibid., стр. 149—154, см. также сообщения Rousseville от 22-го сентября ibid., стр. 171.

[3] Caron, ibid., т. 1, стр. 233.

[4] Цит. по Mathiez «La fin des Enragès»

[5] См. многочисленные сообщения об этом ряда секций на заседаниях муниципалитета и Конвента, а также донесения полицейских агентов.

просу об организации исполнительной власти, согласно Конституции»[1], предостерегает секретный агент Rousseville в своем сообщении от 26-го сентября.

А 22-го сентября секции уже вновь выступают в Конвенте, на этот раз с требованием таксы[2].

И здесь Конвент снова проводит ту же политику, как в дни 10 августа—5 сентября 1793 г. В продовольственной области Конвент выполняет требования, выставленные Бешеными; в области преследования «внутренних врагов революции» и иностранцев. «желающих уморить Париж голодом», он тоже готов итти по пути террора, намечаемому народными обществами; но все это с тем, чтобы возможно больше укрепить свое политическое положение и, накормив голодных парижан, тем самым снять с очереди вопрос о «смене Конвента». Поэтому, если 11-го сентября декретируется максимум на зерно, муку и фураж; если 29-го фиксируются твердые цены на все предмёты широкого потребления; если 17-го издается грозный декрет о «подозрительных», а в качестве устрашения «мюскаденкам» и подачки Обществу Женщин Революционерок всем женщинам предписывается носить национальную кокарду; если всеми этими декретами Конвент явно проводит требования Бешеных,—то в это же самое время декрет 5—9-го сентября, уничтожающий перманентность секционных собраний, остается неотмененным; в декрет о максимуме вводится пункт о предельной ставке заработной платы, бьющий непосредственно по карману именно наемных рабочих; муниципалитетам дается право арестовывать рабочих, если они без уважительных причин откажутся от исполнения своих обычных работ (параграф 8 и параграф 9 декрета 29 сентября); Комитету Обществ. Спасения, по предложению того же Дантона, дается право намечать кандидатов во все остальные Комитеты Конвента; Революционные Комитеты секций ставятся в непосредственное подчинение Комитету Общественной Безопасности[3], и Конвент резко одергивает Шометта, осмелившегося напомнить о правах Коммуны; наконец, 10-го октября Сен-Жюст официально заявляет в самом Конвенте, что «в том положении, в каком находится Республика, невозможно приводить в действие Конституцию».

И Конвент в том же заседании торжественно декретирует, что «впредь до заключения мира во Франции будет существовать Временное Революционное Правительство», с подчинением Комитету Общественного Спасения «Исполнительного Совета, министров, генералов и всех учреждений, «вплоть до надзора за «Революционной армией Парижа[4].

Так было установлено во Франции то «революционное правительство, теория которого, по словам Робеспьера[5], была «так же нова, как и революция,

---

[1] Caron, ibid.; т. 1 стр. 205.

[2] Как видим, лозунги движения остаются те же; «Хлеба и Конституции 93 года»—вот основные требования секций и их вождей.

[3] См. § 9 декрета 17-го сентября.

[4] Moniteur, заседание 10 октября 1793 г.

[5] См. речь Робеспьера о принципах рев. прав-ва, произнесенную им 25/XII 93 г.

его создавшая». Фактически — оно оказалось отменой Конституции 93-го года и провозглашением диктатуры Комитета Обществ. Спасения.

Это было действительным «концом Бешеных».

Жак Ру правильно оценивал положение, когда упрекал монтаньяров Конвента в том, что они «использовали Леклерков, Варле, Жаков Ру, Шампьонов... женщин-революционерок»... для того, чтобы «разбить скипетр тирании, чтоб низвергнуть клику государственных людей», и что теперь, когда они «держат в руках жезл Республики», то они безжалостно заставляют «национальные громы греметь над неподкупными патриотами»[1]. ...«Больше не дозволяется высказывать свое желание, если оно задевает гордость лицемеров, стоящих во главе правительства», — пишет он в № 267 Publiciste"

Действительно, Варле сидит в тюрьме; Жак Ру предается суду Револ. Трибунала и наносит себе опасную рану кинжалом, зная, что исход дела предрешен; Леклерк и Лакомб отказываются от политической деятельности, женские общества запрещаются, и начинается преследование „Sociétés sectionnaires", стремившихся обходным путем сохранить перманентность секционных заседаний.

Декрет 14-го фримера, бывший лишь развитием принципов, заложенных еще в докладе Сен-Жюста и в декрете 19-го вандемьера, является дальнейшим продвижением по пути ограничения прав местных властей и революционных организаций. Учреждение национальных агентов, смещаемых и назначаемых Комитетом Общественного Спасения (§ 14 декрета), запрещение центральных об'единений народных обществ (§ 17 декрета), окончательно убили энергию и самостоятельность секций.

Постепенно они перестают участвовать в политической жизни, замыкаются в узкие рамки местных вопросов и целиком повинуются как Конвенту, так и его «правительственным комитетам».

Тем самым исход дней 8—9-го термидора, когда большинство секций послушно явилось на зов Конвента, может считаться предрешенным уже в осенние месяцы 1793 года и тесно связан с разгромом Бешеных и секционного движения.

В заключение, несколько слов о Бешеных, вопрос о которых, несмотря на последние статьи Матьеза[2], до сих пор еще остается спорным и неразработанным.

В этом очерке, посвященном лишь одному из эпизодов борьбы между ними и остальными монтаньярами, мы отнюдь не имеем в виду дать полную характеристику взглядов и состава этой группировки. Отсутствие ряда важнейших документов (в частности — протоколов Кордельерского клуба, секционных заседаний, а также полного комплекта журналов и брошюр Ру, Варле и Леклерка) делает в настоящее время эту задачу вообще неосуществимой, по крайней мере, в пределах СССР.

---

[1] Цит. по Mathiez, La fin des Enragés, № 267 «Le Publiciste».

[2] «Annales révolutionnaires» и «Annales historiques» за 1914—1926 г.

Однако, думается, и этот небольшой очерк все же дает некоторый материал для возражений против тех противоречивых взглядов, которые высказывались о Бешеных в русской, а отчасти и в иностранной литературе. Конечно, Бешеные отнюдь не были коммунистами или социалистами, как их называют Кропоткин [1] и Фалькнер [2]; ни их идеология, ни их непосредственные требования не дают для этого никаких оснований. Хотя Варле в своем «Проекте императивного мандата» и говорит об организации «общины (communauté), где «каждый должен получать только в соответствии с той частью, которую вносит он сам»; хотя Бешеные и стремятся к «постепенному уничтожению неравенства состояний», утверждая, что «свобода — лишь пустой призрак, когда один класс может морить другой голодом»; хотя Ру и спрашивает в Конвенте — «неужели собственность грабителей более священна, чем человеческая жизнь», утверждая, что «плоды земли, подобно стихиям, должны принадлежать всем» [3], однако, Бешеные нигде не ставят проблемы частной собственности в целом и заранее оговариваются, что «совсем не имеют в виду крупных состояний, приобретенных хорошими сделками (belles spéculations) или смелыми предприятиями [4] — они боятся лишь против «скупщиков и монополистов, богатеющих за счет народного достояния». Признавая в принципе «право частной собственности неприкосновенным», они борются только против злоупотреблений, ведущих «к разрушению общества» [5]. Этого достаточно, чтобы с полным правом отнести Бешеных к мелко-буржуазным группировкам того времени.

Однако не надо забывать, что в тот первоначальный период развития промышленного капитализма, когда пролетариат, как класс наемных рабочих, еще не конституировался и не отделился от непосредственно примыкавших к нему слоев мелкой буржуазии — самостоятельных ремесленников и мастеровых, — думается, в этот период нельзя и требовать от Бешеных проповеди социализма.

Нужен был длительный период термидорианской реакции, годы безработицы, угнетения и голода, чтоб агитация за «фактическое равенство» вылилась в формы «Заговора Равных», бывшего первым социалистическим движением. Ведь и у самого Бабефа — чуть не за две недели до его ареста, встречаются крайне характерные для того времени взгляды, отстаивавшие, на подобие Варле, частную собственность и «средние состояния» мелкой буржуазии [6]. Для характеристики же Бешеных нам важно отметить, что они

---

1 Кропоткин. «Великая Франц. Революция», стр. 485, 586, 602.

2 Фалькнер. Бумажные деньги Франц. Революции, стр. 86.

3 № 249 «Publiciste».

4 Варле. «Проект императивного мандата».

5 Varlet. Déclaration solenneile des droits de l'homme dans l'état social, отрывки из которой приводятся Оларом в «Политической истории Фр. Революции», стр. 544—45 русского перевода.

6 «Как будто бы все обычные состояния не были успокоены (rassurés) нашими открытыми заявлениями. Как будто бы мы не говорили всегда, что мы хотели только уничтожить колоссальные состояния и улучшить все остальные» — читаем мы в № 43 Бабефовского журнала (Цит. по Тарле, «Рабочий класс во Франции в эпоху В. Фр. Революции»,т. II, стр. 516).

с гораздо большей энергией, чем какая-либо другая группировка того времени, боролись за удовлетворение социальных и экономических требований низов городского населения, что они были тесно связаны с теми народными обществами и секциями Парижа, где группировался рабочий и ремесленный люд, что в своих выступлениях они говорили не только о ремесленниках и мелких рантьерах, но и о бедственном положении наемных рабочих, указывая на скудость их заработной платы и требуя понижения (фиксации) цен на предметы широкого потребления для увеличения ее реальной стоимости.

Поэтому, говорить о Бешеных только как о представителях «мелкобуржуазного антикапитализма», как это делает Кунов[1], является на наш взгляд характеристикой далеко неполной, а потому и дающей повод к неверным выводам. Повидимому, именно эту схему Кунова заостряет Захер в своих этюдах о «Парижских секциях» и о «Бешеных», к которым он, на наш взгляд, совершенно произвольно относит Л'Анжа и Доливье. Захер уже прямо утверждает, что Бешеные по существу своему являлись партией глубоко реакционной (!), ибо стремились лишь к борьбе с машинным производством (!), т.-е. к экономическому регрессу»; между тем ни одного документа, говорящего о борьбе Бешеных с «машинным производством», мне найти не удалось;[2] думается, что таковых и вообще не существует, равно как не существовало в действительности и «глубоко-реакционной» группировки Ру—Варле.

Кроме того, ни у Кунова, ни у Жореса почти ничего не говорится о политических взглядах и борьбе Бешеных — сперва против жирондистов, позднее — против робеспьеровцев и временного правительства — в защиту Конституции 93-го года и политических прав Парижских секций.

Обычно, если и говорится об июньских выступлениях Жака Ру, то они трактуются, как борьба Бешеных против Конституции 93-го года[3], что на наш взгляд не соответствует исторической действительности.

Порой создается даже впечатление, что политические воззрения Бешеных вообще не были сформулированы, — в то время как достаточно прочесть «Проект императивного мандата» Варле или приводимые Матьезом выдержки из журналов Ру и Леклерка, чтобы убедиться в противном.

[1] «Действительно, говорит Кунов, вся полукоммунистическая агитация 1792-94 г. питалась исключительно (!) тем отчаянием, которым были охвачены мелкие мастера при виде уничтожения их экономического бытия торговыми и промышленными капиталистами, быстро расширявшимися при новой свободе» (Кунов «Борьба классов и партий», стр. 479 русск. перевода).

[2] Если Я. М. Захер имеет в виду известную петицию рабочих-ленточников (Pétition à assemblée nationale, par les ouvriers rubaniers de la ville de Paris, tendante à demander la suppression des métiers mécaniques à faire des rubans), то следует отметить, что она была подана еще 6/XI 1791 года, в эпоху Зак. Собрания, когда ни Ру, ни Варле еще не выступали на политической арене. Уже по одному этому она ни в коей мере не может служить матерьялом для характеристики Бешеных и их взглядов.

[3] См. напр. заглавие Матьезовской статьи в Annales historiques «Les Enragés contre la Constitution de 1793».

Нам хотелось бы отметить, что именно осенью 93-го года, когда Конвент, опираясь на более зажиточные слои мелкой и средней буржуазии, заговорил с рабочими языком Конституанты и Легислативы, когда он стал проводить массовые принудительные реквизиции рабочих, строго карая их за всякое выступление с целью повышения заработной платы и стараясь ограничить деятельность низовых революционных организаций,—что именно в это время Бешеные ведут энергичную борьбу против диктатуры Комитета Общественного Спасения и отстаивают как экономические требования низов городского населения, так и политическую самостоятельность Парижских секций, как низовых революционных организаций, и принципы политической демократии, обещанные Конституцией 93-го года. В ее рамках нарождающемуся пролетариату было бы бесспорно легче выковать свое социалистическое оружие, — и поэтому неудивительно, что не только ремесленники, но и наемные рабочие идут за Ру, Варле и Леклерком, видя в них ближайших защитников своих интересов.

Эту борьбу Бешеных нам хотелось особенно подчеркнуть, потому что на наш взгляд именно она ставит вопрос о связи Бешеных как с прериальским восстанием, так и с Бабефом[1]. Правда, вопрос о совместной работе Варле и Бабефа в Club électoral осенью III-го года (1794) является еще недостаточно освещенным, но, думается, его разработка должна дать материал для того, чтобы поставить на реальную почву вопрос о Бешеных, как о предшественниках Бабувистского движения, пытавшегося опереться на те же рабоче-ремесленные кварталы великого города.

---

[1] См. Marx, «Die heilige Familie», Aus dem literarischen Nachlas, т. II, стр. 225

С. Майзель

Саад Заглул Паша и его роль в национально-освободительном движении Египта

(1860—1927)

Скончавшийся 23 августа 1927 г. лидер и создатель Вафда — крупнейшей и популярнейшей политической партии современного Египта — Саад Заглул Паша представлял собою одну из крупных фигур в ряду деятелей национального освобождения на современном Востоке.

При всем различии об'ективных условий Египта и других стран Востока, несомненно, что имя Саад Заглула будет красоваться в пантеоне таких имен, как Магатма Ганди, Мустафа Кемаль, Абд-уль-Керим, Аль-Атраш и др. Взятые в историческом аспекте, эти крупные политические фигуры, возглавлявшие и возглавляющие национально-освободительное движение Индии, Турции, Марокко, Сирии и других стран Востока, представляют собой об'ективно не что иное, как персонификацию протеста и борьбы против империализма. Сама суб'ективная идеология этих лидеров слагалась и росла годами, главным образом, в результате различных оценок империализма и его силы. Но в этом реальном переплете суб'ективности лидера и об'ективности оформившего его самого движения история зарегистрировала мало случаев, чтобы лидер шел дальше потенций движения. Обычно бывает наоборот: лидер то и дело отстает от движения, становится ему поперек дороги.

К числу таких лидеров нужно отнести и Саад Заглул Пашу.

Весь его путь от хижины феллаха до премьер-министра в Каср-Абидине, это—путь шатаний и приливо-отливных смен решительности и опасливости. Как мы увидим в дальнейшем, один и тот же Заглул был англофилом и стал англофобом. Один и тот же Заглул участвовал в вооруженном восстании при Араби-Паше в 1882 г. и умолял студенческую молодежь не нарушать общественного порядка и спокойствия в 1924 г., когда английский нож был у самой груди египетского народа. Один и тот же Заглул клеймил Адли-Пашу, лидера либералов, преступником и предателем в вопросе о независимости Египта в 1919 г., и он же уступил ему пост премьер-министра в 1926 г., несмотря на то, что большинство палаты выдвигало на этот пост самого Заглула. «Отец народа» («Абу-Ш-Шаб» — такова его обычная кличка в Египте) вел себя временами так, что между его революционностью и контрреволюционностью не поместилось бы и острие иглы.

Но в этом заключался и весь трагизм его положения. Амплитуда его колебаний была лишь выражением социальной многошерстности той партии, которую он возглавлял. Вафд — этот египетский Гоминдан — представлял и еще представляет собой какой-то «Ноев ковчег», где сожительствуют «чистые» с «нечистыми»: в состав партии Вафд входят землевладельцы и феллахи, принцы королевского дома и приказчики, студенты и лавочники, фабриканты и рабочие, купцы и ремесленники, чиновничество и духовенство. Охватывая такой пестрый состав населения Египта, националистически настроенного и ненавидящего британский империализм, партия Вафд доверчиво плыла туда, куда ее направлял ее кормчий — Саад Заглул. Но последний все более и более склонялся к интересам той социальной группы, которая казалась ему наиболее прогрессивной — к городской буржуазии, взошедшей на дрожжах империалистической войны. Насильно навязанная Египту Англией колониальная система управления, режим капитуляций, отсутствие автономной таможенной политики (все ввозимые в Египет товары не могут быть обложены пошлиной выше 8% ad valorem) и т. п. — все это стесняет развитие египетской промышленности и вместе с ней — молодой египетской буржуазии. Последняя борется, таким образом, за возможность вести национальную экономическую политику. В ней, и только в ней, буржуазия видит единственный выход из того тупика, в который Англия загнала производительные силы страны, изуродованной и превращенной в страну—монокультуру, поставляющую хлопок (93% всего египетского экспорта) для текстильных фабрик Ланкашира. Британский империализм был причиной того, что жизнь многомиллионных масс населения Нильской долины зависит исключительно от цен на хлопок, но в то же время египетский хлопок не может определять цены на мировом рынке. Выступая застрельщицей интересов мелко-буржуазной демократии, египетская буржуазия фрондирует против империалистического «засилья», но в то же время не желает взять на себя ответственность по целому ряду социальных проблем, разрешить которые она не в состоянии. Ведь рядом с ней существует полмиллионный пролетариат (все население Египта 14,5 млн. чел.); крестьянство пауперизуется с необычайной быстротой; дюжина тысяч крупных земельных магнатов владеет половиной всей возделываемой земли в стране; имеется около 3-х миллионов совершенно безземельных феллахов и т. п. Что эти массы рабочих и крестьян представляют собой большую и грозную силу, египетская буржуазия узнала не из колониальных романов, а на практике — она видела собственными глазами революцию 1919 г. «Власть улицы» могла ей, пожалуй, показаться страшней империалистического «засилья». Поставленная, таким образом, меж двух огней британским империализмом и все растущим давлением рабоче-крестьянских масс, пока еще плывущих в фарватере буржуазии, последняя—и ее идеолог Саад Заглул Паша — мечется от одной крайности к другой, ища каких-то компромиссов и какой-то несуществующей золотой середины.

Zwei Seelen sind in meiner Brust" мог сказать египетский адвокат Заглул, представлявший собой апофеоз этой половинчатой и раздвоенной политики буржуазии. Его борьба за национальное освобождение Египта из

когтей Великобритании не шла дальше грозных жестов, протестов, нот, переговоров, деклараций, меморандумов. На его знамени было написано не «отвоевать», а «выторговать». Поднимаемый порой волной всенародного гнева против англичан на вершины революционности, он падал вместе с ниспадением волны в бездны оппортунизма и смиренномудрия. Его политика была политикой компромиссов, подслащенных соусом из гуманитарно-либерально-исламско-демократической фразеологии. Но в реальной политико-экономической ситуации современного Египта буржуазия не могла и не может вести себя иначе, — как пароход не может сойти с рельс или как поезд не может наскочить на мель: это противоречило бы ее классовой природе. Заглул же был ее верным вождем и идеологом. И незадолго перед своей смертью, отдыхая в садах своего министра земледелия Баракат-Паши, окруженный почестями и почти легендарным поклонением, быть может, как ни один народный вождь, Саад Заглул все больше и больше начал чувствовать приступы пессимизма. Было ли это просто старческой ипохондрией или сознанием тщетности всех своих трудов? Трагизм Заглула заключался не только в том, что он сознательно не смел итти дальше определенных компромиссов с британским империализмом, но в том, что он стал, по всей вероятности, сознавать, что отсутствуют средства для достижения полной независимости Египта. Освобождение последнего неразрывно связано с судьбой самой Британской империи. Ведь пока центробежные силы не приведут империю к краху, британский империализм будет держать в своих цепких лапах Египет, хотя бы по гео-политическим соображениям Суэцкого канала, этой «столбовой дороги Британской империи». Правда, Египет может получить освобождение от рук другого класса — пролетариата, ведущего за собой крестьянство — но разве буржуазному лидеру было бы от этого легче? Как бы то ни было, национально-освободительное движение Египта прошло через свои подготовительные ступени. И жизнь Заглула так тесно переплетена с этими пройденными этапами движения, что писать биографию Заглула значит писать о национально-освободительном движении и наоборот. Саад Заглул был, несомненно, формовщиком и вдохновителем этого движения. Познакомимся вкратце с его биографией и с основными этапами борьбы Египта за независимость.

Родился Саад Заглул в Египте, в гор. Абиане, в 1860 году. Родители его были простыми крестьянами-феллахами. Шести лет от роду он поступил в местную городскую школу, в которой он проучился пять лет. По окончании этой школы он перевелся в «Медресе» в Дисук. Окончив эти две предварительные школы, Саад Заглул поступил в высшую духовную академию в Каире, Аль-Азхар, являющуюся и поднесь крупнейшим культурно-притягательным центром для всего мусульманского мира. В этой академии он познакомился с теологией, мусульманской юриспруденцией и историей. Пребывание в Аль-Азхаре окрасило формировавшееся мировоззрение Заглула в панисламистский цвет, от которого он окончательно не мог отделаться и до самой своей смерти. В 1880 году, по окончании Аль-Азхара, он был назначен издателем „Official Journal". К этому времени стал оказывать на него особенное влияние знаменитый Мухаммед Абду, идеолог раннего на-

ционального движения в Египте и редактор важнейших органов арабской прессы. Зародилось национальное движение в Египте в конце 70-х годов XIX стол. Начав свои первые шаги в виде оппозиции, направленной против правившей тогда Египтом турецкой клики и династии, особенно против разорительной для страны политики хедива Исмаила, движение разрослось до открытого восстания Араби-Паши (1880—1882 гг.) 20-летний Саад Заглул примкнул к этому движению, направленному одним своим острием и против Великобритании, и принимал деятельное участие в этом восстании. Но, как известно, последнее дало Англии повод интервенировать и «временно» оккупировать Египет (англичане были склонны измерять эту «временность» стандартом геологической эпохи). После бомбардировки британским флотом Александрии и занятия Каира Саад Заглул был арестован, как участник восстания, и заключен в бараках Каср-ун-Ниль. Национальное движение, изрядно потрепанное британским империализмом, быстро пошло на убыль, и ликвидаторство начало вить себе гнездо в рядах интеллигенции и чиновничества, огорошенных видом британской колониальной мощи. Победа англичан над армией Араби-Паши под Тель-эль-Кебиром на суше и бомбардировка Александрии с моря внушили всерьез и надолго египетской разночинной интеллигенции мысль о том, что сильнее кошки зверя нет. Слабая классовая дифференциация Египта 80-х годов не дала опоры первым росткам национального движения, толкая уцелевших от затопления ликвидаторской волной на путь панисламизма и индивидуального террора.

Такое состояние умов не могло не заразить и Заглула. Было создано «Общество мести» (Джамийат-уль-Интикам), и Заглул примкнул к нему. Вскоре он теряет работу, как заподозренный в участии в «Обществе», и отдается на время всецело юридической практике. В 1883 г. он был назначен сотрудником («муавин») министерства внутренних дел, а через год — адвокатом при Египетском суде. Его большой природный ум, эрудиция и красноречие способствовали его дальнейшему продвижению по ступенькам бюрократической лестницы, и вскоре он был назначен кадием (судьей) — это был первый случай назначения адвоката судьей, и в 1893 году — советником 1-го ранга при аппеляционном суде. Так постепенно крепла смычка между еще недавним Заглулом-революционером, участником восстания Араби-Паши, и высшей прослойкой египетского чиновничества, испытывавшего коррупцию английской администрации и насквозь англофильского. Некоторое время спустя мы видим Заглула завсегдатаем салона просвещенной княгини Назли. Последняя ввела молодого чиновника Заглула в круг семьи тогдашнего премьер-министра, Мустафа-Фехми-Паши. В 1896 г. Заглул женился на дочери премьера. Его незаурядные способности и покровительство своего высокого тестя способствовали его назначению в 1907 году министром просвещения.

К тому времени произошел раскол в рядах египетской народной партии («Хизб-уль-Умма»), сформировавшейся в 1906 г. из прежних элементов национального движения. Левое крыло этого движения выделилось в 1907 году в отдельную партию, ватанистов, («Хизб-уль-Ватан»), лидером которой стал даровитый Мустафа Камиль, редактор центрального органа

партии «Аль Лива». Во главе же правого крыла стал Саад Заглул, прошедший уже к тому времени дистанцию огромного размера — от феллаха до министра. Его идеология в то время была насквозь англофильской. Он глубоко верил в культуртрегерскую миссию Англии на Востоке в целом, и в Египте в частности, и был ревностным поклонником английской конституции и английской общественности.

Будучи министром просвещения, Заглул проводит реформу школы, вводит в нее народный язык (литературно-арабский сильно отличается от народного) и переносит центр тяжести из низшей в среднюю и высшую школу. Последняя мера вполне соответствовала колониальным интересам Англии, заинтересованной в создании кадра туземного мелкого и среднего чиновничества, но чурающейся просвещения египетского крестьянства, составляющего огромное большинство населения и являющегося главным фискальным источником государства. Остальные мероприятия Заглула на посту министра просвещения определенным образом способствовали моральной консолидации британского влияния в Египте. Кстати напомним, что еще в настоящее время число безграмотных превосходит 90% всего населения страны. Сами англичане выдали в этом Заглулу полную аттестацию. «Под его просвещенным управлением, — отзывался о Заглуле фактический тогдашний правитель Египта — лорд Кромер, — образование в Египте сделало большие шаги вперед...»

В 1910 году, после убийства Бутрос-Гали-Паши, Заглул был назначен министром юстиции. Можно было подумать, что вчерашний революционер-Заглул разовьет на этом поприще большую деятельность и поведет борьбу с режимом капитуляций, еще поныне душащим страну фараонов. Но не тут-то было. Правда, к египетским министрам были приставлены британские советники, «советы» которых смахивали скорей на категорические императивы, чем на консультацию. Но Заглул не только не боролся с режимом капитуляций, но и развил борьбу с противниками этого режима — антибритански настроенными ватанистами, которых исподтишка поддерживал, правда, в интриганских целях, даже сам хедив Аббас Хильми. Такая политика Заглула проистекала из его глубокой уверенности, что египетский народ еще политически незрел и что лучшим опекуном его может быть только Великобритания.

В бытность свою министром юстиции Заглул отдавал все свои государственные способности на служение интересам „Suez Canal Company“, расширению концессии которой он лично так много способствовал. В 1912 г. произошла какая-то интрига между Заглулом и хедивом в вопросе об управлении вакуфами. Британский агент в Египте лорд Китченер, не желая обострять отношений с хедивом, заставил Заглула выйти в отставку. Через год пало министерство Мухаммед-Паши-Сеида. Уступая давлению либеральной египетской буржуазии, лорд Китченер ввел т. наз. органический закон. Было создано Законодательное собрание с совещательными функциями. Собрание это состояло из 83 членов, из которых правительство назначало 17.

В числе выборных от «народа» (выборы были двухстепенными) оказался и Саад Заглул (1913 г.), который, благодаря своему красноречию, стал

вскоре вице-президентом собрания. Постепенно он стал об'единять оппозицию против премьера — креатуры хедива. Его мировоззрение того времени состояло из какой-то либерально-национально-демократически-конституционной мешанины.

Законодательное собрание оказалось недолговечным. Начавшаяся в 1914 г. мировая война заменила это собрание британским протекторатом, провозглашенным 18 декабря «только на время войны». По всей стране заработали британские военно-полевые суды. Цензура свирепствовала во-всю. Египетский хедив Аббас-Хильми, открыто выступивший против Англии (правда, не в Каире, а в Константинополе), был об'явлен низложенным, а на его место англичане назначили с титулом султана Хусейна-Камиля одного из принцев династии Мухаммеда-Али. В результате установленной англичанами системы террора, национальное движение против Англии во время войны не только не усилилось, как, например, в Ирландии, но совершенно заглохло. Британская администрация в Египте всячески старалась лойялизовать высшие классы населения, обещая пересмотреть сразу после войны режим капитуляций, «который уже более не согласуется с развитием страны». Но война, придушив на время национальное движение, подготавливала с удесятеренным темпом его мощь в будущем. Во время войны происходил бешеный процесс перерождения социальной ткани Египта. Необыкновенное обогащение городской и деревенской буржуазии в результате быстрого роста цен на хлопок с 1915 г., большой наживы на казенных поставках в «военный рабочий корпус» и разных реквизициях, на одном общественном полюсе, и рост пролетариата, городского и деревенского, на другом, должны были поднять национально-освободительное движение на новую высоту. Разумеется, что этому мешало лишь военное положение, установившееся в стране с конца 1914 г.

За все время войны Саад Заглул, вождь умеренных националистов, держал себя тише воды, ниже травы. Он искренне верил, что война происходит во имя интересов самоопределения наций. Кроме того, ведь само английское правительство провозгласило, что те страны, которые находятся под турецким владычеством (Египет до войны 1914 г. фиктивно принадлежал Турции) и которые будут соблюдать лойяльный нейтралитет, получат после войны полную независимость. Но вот война окончена. 11 ноября 1918 года было подписано, как известно, перемирие. Недолго собираясь, Заглул составил делегацию (по арабски «вафд»; отсюда и пошло название Заглуловской партии; название, как видим, такое же случайное, как и «большевик», «меньшевик»), в которую входил Али-Паша-Шаарави и Абд-уль-Азиз-Бей-Фехми, и 13 ноября отправился во главе этой делегации к британскому комиссару в Египте, сэру Реджинальду Вингейту. Заглул, заявив, что делегация выступает от имени всего египетского народа, потребовал признания полной независимости Египта и отмены протектората, — война, дескать, кончена, а теперь следует выполнить данные Англией обещания. Комиссар ответил решительным отказом.

Тогда Заглул потребовал разрешения на поездку делегации в Европу, переживавшую в тот миг приятное демократическое опьянение от 14

параграфов президента Вильсона. Но и на это последовал категорический отказ.

Негодованию Заглула не было границ. Сделав поворот на 180 градусов от англофильства к англофобству, Заглул начал рассылать ко всем «демократическим» правительствам Европы и Америки циркулярные ноты протеста против произвола британских властей и приступил к организации комитетов поддержки делегации, которую Египту предстояло послать на Версальскую конференцию. По всей стране разрослась грандиозная агитация в пользу вафда. Тогда премьер Хусейн-Рушди-Паша, представлявший интересы крупных земельных магнатов и высшего чиновничества, спаянных с колониальным режимом, задумывает опереться на это народное движение для расширения конституции. Создается англо-египетская комиссия для выработки реформ, и сам премьер начинает добиваться приема Лондоном депутации, в которую должны были войти, кроме его самого, и Адли-Иеген-Паша, реакционный лидер феодалов, и несколько националистов. Но Заглул повел сильную кампанию бойкота этой предполагавшейся депутации, клеймя Адли и премьера предателями народа и друзьями его врагов.

Тем временем английское правительство согласилось принять от Египта депутацию при условии, что вафдисты в нее не войдут. Но египетское правительство, несмотря даже на всю свою реакционность, не могло игнорировать росшего, как лавина, национального движения, и 1-го марта 1919 года кабинет Рушди подал в отставку. Но агитация в стране не унималась. Британские власти ответили на это репрессиями. 8-го марта вышел приказ об аресте Заглула и его ссылке на остров Мальту вместе с Хамд-эль-Басилем, Исмаилом Сидки и Мухаммедом Махмудом. Эта мера британской администрации была чревата неожиданными последствиями. Как только распространились слухи об аресте и высылке Заглула, по всей стране вспыхнуло всенародное движение, далеко превосходившее по своему социальному размаху события 1880—1882 гг.

Началось это движение манифестацией студентов Аль-Азхара. 11 марта к студенческим манифестациям стихийно присоединились массы безработного пролетариата. Манифестанты начали громить английские магазины в европейском квартале Каира, разбивать стекла трамваев и фонарей и избивать английских чиновников. В несколько часов была разгромлена типография газеты «Аль Мукаттам», симпатизировавшей англичанам. Ватанисты, слившись в один бурный анти-английский поток с вафдистами, придавали всему движению радикальный характер. Вскоре забастовало и чиновничество. К дому Заглула устраивались со всех концов Египта настоящие паломничества. (Его дом, прозванный с тех пор «Домом народа», стал оффициальным политическим клубом Вафда). Из столицы волнение перекинулось в провинцию, где оно стало захватывать огромные массы крестьянства.

Началась формальная партизанская война. Английские чиновники беспощадно избивались по всей стране. В Заказике и Мансуре происходили перестрелки между крестьянскими партизанами и английскими отрядами. Особенное участие в этих событиях принимали женщины города и деревни. На железных дорогах, телеграфе, телефоне начались забастовки. Во многих

местах Дельты было разнесено железнодорожное полотно, и столица была отрезана от Александрии и Порт-Саида.

Движение ширилось, охватывая новые социальные слои. Перепуганный английский генерал Бэлфон спешно созвал представителей Вафда и аристократии и просил их установить порядок, но последние не скрыли, что движение перекатилось через их головы и что они сами не в силах ввести его в старые берега. Немало перепугалась и сама буржуазия. Она очутилась на положении волшебника, «который не может справиться с им же самим вызванными подземными силами». Это всенародное движение длилось целый месяц, протекая формально под лозунгом освобождения Заглула и его друзей. Переломный момент наступил 7-го апреля, когда английские власти обявили о вышедшем распоряжении освободить арестованных вождей националистов. 25 марта в Каир спешно прибыл генерал Алленби, посланный прямо с Парижской мирной конференции. По всей стране начались экзекуции. Народное движение было затоплено в крови.

После открытого восстания в стране началась полоса пассивного сопротивления. Освобожденные тем временем Заглул и его друзья направились в Париж, т. к. в Египет им еще не было разрешено вернуться. В Париже происходила тогда мирная конференция, и то, что Заглул видел на ней, должно было заставить его переоценить все ценности. Вместо обсуждения вопросов о самоопределении больших и малых наций, конференция являла собой омерзительное зрелище живоглотских империалистических инстинктов. Будучи всецело занятой вопросом распятия Германии на репарационном кресте, конференция, разумеется, не могла уделять много внимания претензиям какого-то Египта. В конце концов, и «сам Вильсон» признал британский протекторат над Египтом. Разочарование Заглула не имело границ. Оставаясь в Париже, он продолжал, однако, руководить движением на родине через свою жену Сафийе, энергичную сотрудницу Вафда.

Но то положение, которое установилось в стране после мартовских событий, ни в коей мере не удовлетворяло английского правительства. И вот для принятия соответствующих мер, последнее посылает экспертную миссию во главе с виконтом Мильнером «для расследования причин волнения в Египте, представления отчета о положении страны и выработки такой конституционной формы протектората, которая обеспечила бы возвращение мира и благополучия, осуществление автономии и защиты иностранных интересов». В Египте эта миссия была встречена, по инструкциям Заглула, открытым бойкотом. Куда бы члены миссии ни показывались, везде их оглушали криками: «Долой Мильнера!», «Да здравствует Египет!», «Смерть Англии!». Приведем следующий характерный эпизод из пребывания этой миссии в Египте. Мильнер, об'езжая окрестности Гизы, сошел однажды с автомобиля, желая завести анкетный разговор с одним феллахом, работавшим в то время в поле:

— Сколько ты засеваешь земли? — спросил Мильнер.

— Не знаю, ответил крестьянин.

— Ты женат?

— Все может быть.

— Сколько у тебя детей?

— Не знаю. Спроси у Заглула.

Это имя было у всех на устах. В ответ на миссию Мильнера последовало что-то вроде анафемы англичан муфтиями во всех мечетях с требованием полной независимости Египта. Даже принцы королевского двора отправили послание Мильнеру о том, что «потомки великого Мухаммеда Алия об'являют о своем присоединении к египетскому народу, выражая свое желание работать для его освобождения».

1-го марта выехала из Египта миссия Мильнера, осведомившись на месте о степени движения в стране, а в середине апреля она должна была представить свой отчет английскому парламенту. Считая, что миссия эта учла положение в стране и будет сговорчива, Заглул отправился с другими членами Вафда в Лондон и между ними и Мильнером начались полуофициальные переговоры. Переговоры эти продолжались около 3-х месяцев и завершились меморандумом от 18-го августа 1920 года, известным под названием «Соглашения Мильнера — Заглула». Пункты этого предварительного соглашения были следующие: 1) Великобритания признает независимость Египта, как конституционной монархии с парламентским строем; 2) Египет предоставляет Великобритании право защиты своих особых интересов в Египте; 3) между Великобританией и Египтом заключается союз, при чем первая берет на себя защиту Египта от внешних врагов, Египет же обязан в случае войны оказывать поддержку Великобритании; 4) Египет получает право дипломатического представительства в иностранных государствах; 5) Великобритании предоставляется право оставления военной силы в Египте для охраны имперских путей. Это соглашение, предусматривавшее также замещение английских чиновников египетскими, путем выдачи первым выходных пособий, и защиту интересов иностранцев, несмотря на всю свою компромиссность, значительно шло навстречу требованиям Вафда.

Заглул колебался. Он не мог не знать, что народные массы Египта, вздыбленные год тому назад, претендовали на нечто большее, чем это куцое соглашение. Но... лучше синица в руки, чем журавль в небе. Во всяком случае положение Заглула очень напоминало положение Буриданова осла. В результате было решено, чтобы 4 представителя Вафда, в'езд коим в Египет не был запрещен, поехали в Каир позондировать почву и одновременно пропагандировать принятие упомянутого соглашения. Сам Заглул вместе с Адли-Пашей, также принимавшим участие в переговорах с Мильнером, вернулись из Лондона в Париж, а Мухаммед-Паша-Махмуд, Ахмед-Лютфи-Бей, Абд-уль-Лятиф-Бей Аль-Макбати и Али-Бей Махир поехали в Египет. На месте эти эмиссары Заглула убедились, что страна ждет большего, чем евангелие от 18 августа. Против их агитации ополчились ватанисты, более радикальные в вопросах внешней политики, и подняли устно и в прессе сильную контр-агитацию, указывая, что соглашение Мильнера-Заглула фактически никакой независимости Египту не дает. Их контр-агитация оказалась настолько внушительной, что к ней присоединились даже принцы двора.

В октябре вафдисты вернулись к Заглулу и доложили ему об оппозиции страны к соглашению. Под влиянием этого Заглул попытался внести рас-

ширение в первоначальный текст соглашения. Foreign Office также всячески нажимал на Мильнера с другой стороны в смысле урезки основных положений соглашения. Коса нашла на камень, и переговоры кончились ничем. В марте 1921 года сформировался новый кабинет под премьерством Адли-Паши. По настоянию нового правительства Заглулу, в конце концов, был разрешен в'езд в Египет. Он был сейчас окружен двойным ореолом: во-первых, как великомученик за идею национального освобождения и, во-вторых, как радикал, порвавший соглашение с Мильнером. Страна встретила его грандиозной манифестацией и небывалыми овациями. Правда, Заглул еще не привез с собой независимости Египта, но вера в него была столь сильна, что, казалось, имелись все основания заранее праздновать. Между английской администрацией и туземным населением установилось после возвращения Заглула какое-то натянутое чувство отчужденности и подозрительности. Англичане стремились расколоть единый анти-английский фронт, привлекая на свою сторону путем обещаний и угроз часть феодальных аристократов. Кабинет Адли-Паши предложил Заглулу принять участие в переговорах с английским правительством. Заглул соглашался лишь при условии, что он будет возглавлять делегацию. В этом ему было отказано. Тогда сам премьер отправился во главе делегации в Лондон. Но английское правительство, само просившее султана послать эту делегацию, выставило такие требования, что даже Адли-Паша не мог их принять, чтобы окончательно не скомпрометировать себя в глазах широких масс Египта. Английские условия, изложенные в письме лордом Керзоном, предлагавшим принять их целиком или отвергнуть, заключались в продолжении британского контроля над внешней политикой Египта, сохранении британских советников по финансовым и юридическим делам и продолжении военной оккупации Каира и Александрии.

Кабинет Адли подал в отставку, ибо делегация вернулась из Лондона ни с чем. В стране снова стало усиливаться волнение. А с берегов Темзы, как это видно из опубликованной англичанами впоследствии Белой Книги, шли все время инструкции к берегам Нила не давать вафдистам никаких поблажек. Но лорд Алленби на месте лучше понимал настроение в Египте. 11 декабря 1921 года он телеграфировал в Foreign office: «не найдется ни одного египтянина, какой бы ориентации он ни был, который подписал бы соглашение, не дающее стране независимости». Но Керзон не унимался. 23 декабря в Каире должен был состояться большой митинг, на котором Заглул должен был сделать доклад о политическом положении. Полиция запретила этот митинг. Сам Заглул был арестован и сослан в Аден, а оттуда на Сейшельские острова на Индийском океане. Волнение в стране вспыхнуло ярким пламенем.

Жена Заглула выпустила воззвание к народу следующего содержания: «будьте благоразумны, сомкните свои ряды... Я рекомендую каждому египтянину и египтянке прочитывать каждое утро такую молитву: верни, всемогущий Аллах, наших изгнанных героев на родину, дабы они увидели, как засверкает над Египтом солнце свободы» (сам Заглул также призывал часто Аллаха в ассистенты).

Разумеется, что при таком состоянии умов султан не мог никого склонить к составлению кабинета. Верховный комиссар лорд Алленби бомбардировал телеграммами Лондон о необходимости переменить политику по отношению к Египту. На Британских островах все мешкали, настаивая на репрессиях.

24 января 1922 года Вафд издал циркуляр о бойкотировании английских товаров. Арабские газеты, опубликовавшие этот циркуляр, были закрыты, а подписавшие его лица арестованы. 3 февраля лорд Алленби срочно отправился в Лондон. Террор против англичан в Египте все усиливался. За английскими чиновниками гнались, как за дичью. Полиция была парализована.

В это самое время, 8-го февраля, лорд Керзон, отвечая в палате лордов на интерпелляцию лорда Эслингтона о положении в Египте, говорил: «славна наша история в Египте. Мы уже спасли Египет от анархии и банкротства, и теперь (т.-е. когда Египет клокотал, как кипящий котел) он представляет собой страну, наслаждающуюся миром и благополучием». Нечто более лживое и циничное трудно себе представить.

28 февраля лорд Алленби вернулся из Лондона в Каир и привез с собой пресловутую «декларацию о независимости». Текст этой декларации следующий: «Считая, что за Египтом следует признать суверенные права, считая, что отношения между правительством его величества и Египтом имеют жизненный интерес для Британской империи, мы провозглашаем следующие принципы: 1) протекторат Великобритании над Египтом отменяется, и Египет отныне провозглашается независимым и суверенным государством; 2) как только правительство Фуада 1-го издаст декрет о вознаграждении египетским правительством увольняемых английских чиновников, распространяющееся на всех жителей Египта военное положение, введенное 2 ноября 1914 г., будет отменено; 3) следующие пункты должны быть еще предметом особого обсуждения между обеими странами: безопасность путей сообщения Великобритании; защита Египта против нападения извне или иностранной интервенции, косвенной или прямой; охрана интересов иностранцев в Египте, защита национальных меньшинств, Судан; 4) до окончательного урегулирования вышеупомянутых пунктов надлежит соблюдать статус кво».

Но декларация не произвела ожидаемого Англией эффекта. 1-го марта вышел султанский приказ о сформировании кабинета Абд-уль-Халиком Сарват Пашой. На следующий день начались волнения в Танте и Заказике. Многолюдные манифестации протестовали против нового режима и требовали освобождения Заглула. Лучше всех новый режим принял султан Фуад, замещавший с 9-го октября 1917 года умершего султана Хусейна-Камиля и получивший отныне титул короля Фуада 1-го.

15-го марта новоиспеченный король, креатура Англии, издал поздравительный манифест, в котором указывал, что Египет стал независимым. Население очень холодно отнеслось к этому манифесту. Началась бутафорская церемония. В Каире, Порт-Саиде и Хартуме было дано 100 пушечных залпов, и Сарват-Паша об'явил дипломатическим представителям иностранных держав о независимости Египта. На следующий день король направился с рос-

кошной свитой в мечеть Мухаммеда Али для совершения религиозного обряда. Был дан парадный смотр войскам. Но масса встретила этот парад более чем безучастно. Из толпы раздавались возгласы: «Да здравствует Заглул!», «Долой Сарвата!» «Смерть англичанам!». Камни посыпались по автомобилям, в которых сидела знать. В высших сановников запускались яйца, наполненные чернилами. Не того ждали народные массы. Все эти парады и помпы должны были лишь скрывать факт дальнейшего сохранения в стране военного положения. Народные массы, двинутые на грандиозное выступление в марте 1919 г., получили в результате декларацию от 28 февраля 1922 г.— эту «музыку будущего» и статус кво настоящего. Поистине «гора мышь родила!»...

Англофильский кабинет Сарват-Паши, встречая везде оппозицию со стороны населения, должен был уже в ноябре месяце выйти в отставку. На его место стал кабинет Тевфик-Насим-Паши. В это, приблизительно, время (30 октября 1922 г.) была основана Адли-Иеген-Пашой новая партия конституционных либералов («Ахрар-уд-Дустуриин»). Партия эта представляет интересы землевладельцев, высшего чиновничества и части торговой и финансовой буржуазии, связанной с иностранным капиталом. Она характеризуется компромиссной внешней политикой и довольно реакционной внутренней (ограничение избирательного права, двухстепенная система выборов и т. п.). Новый премьер, Насим-Паша, будучи умеренным заглулистом, представлял собой род мостика между вафдистами и либералами. Через несколько месяцев после своего сформирования кабинет Насима приступил к выработке конституции. Комиссия, образованная из 35 членов, пыталась было оптировать в свой состав и заглулистов, но последние отказались войти в нее, считая лишь учредительное собрание компетентным выработать конституцию. Но с первых же шагов комиссия села на мель в Суданском вопросе. Дело в том, что, по договору 1899 года, Судан, имеющий огромное значение в смысле разведения на нем хлопковых плантаций и контролирования разливов Нила, был об'явлен англо-египетским кондоминиумом. Египет и Англия пользовались по этому договору одинаковыми правами. В мильнеровском соглашении вопрос о Судане был сознательно почти обойден как Заглулом, так и Мильнером: оба считали, что из-за этого вопроса соглашение осложнится и не приведет ни к каким результатам. Наконец и декларация 28 февраля также оставила вопрос о Судане открытым. Между тем Судан имеет жизненное значение для Египта, и в его неотторжимости от Египта солидарны все политические партии: вафд, либералы и ватанисты. Когда же вышеупомянутая комиссия приступила к выработке конституции, она обозначила в тексте последней Фуада «королем Египта и Судана».

2-го февраля 1923 г. лорд Алленби передал королю и премьеру ультимативный протест против такого титулования короля, угрожая новым об'явлением протектората над Египтом и аннексией Судана, в случае, если не будет дано удовлетворительного ответа до 13 часов следующего дня. Требования верховного комиссара были приняты, но кабинет Насима подал в отставку. В стране снова начались волнения. Террористические акты про-

тив британской администрации принимали эпидемический характер. Британские власти и на сей раз ответили репрессиями. 21 февраля по распоряжению Каирского военного губернатора Кук-Колиса, был закрыт «Народный Дом», много заглулистов арестовано, а орган партии вафд «Аль-Баляг» закрыт. 6 марта вышел приказ Алленби о том, что все лица, у которых будут обнаружены бомбы, будут казнены. А днем раньше корреспондент «Таймс'а» телеграфировал из Каира в Лондон: «В виду явного банкротства военного положения выход может быть найден в новой ориентации политики — в возложении охраны порядка и безопасности на само египетское правительство. Если следовать такой политике, то единственный путь — это освободить Заглула-Пашу, единственного египтянина, достаточно сильного, чтобы вдохновить правительство необходимым авторитетом для поддержания порядка без британской поддержки, оказываемым при военном положении».

После отставки Насима страна оставалась без правительства почти полтора месяца. Никто не соглашался брать на себя ответственность по составлению кабинета при таком режиме осажденной крепости. Наконец, 15 марта 1923 года королю удалось создать «деловое министерство» под председательством Яхья-Ибрагим-Паши. Этот новый кабинет закончил выработку конституции. Последняя была, в конце концов, подписана королем 19 апреля, а на следующий день обнародована. Конституция оказалась, как и можно было ожидать, весьма реакционной. Король пользуется по ней чрезвычайно широкими прерогативами, назначает и увольняет министров, имеет право распускать парламент, назначает $^{2}/_{5}$ состава сената (палаты шейхов), председательствует в совете министров и является главой церкви, в распоряжении которой находятся огромные материальные ценности в виде вакуфов. Кроме того, конституция устанавливает не прямые выборы, а двухстепенные — в нижнюю палату и трехстепенные — в палату шейхов; ежегодный доход шейхов должен быть не менее 15 тысяч рублей в год; за правительством сохранено право отменять в любой момент свободу собраний и печати под предлогом охраны общественного порядка; конституция не указывает никаких мер по социальному обеспечению и т. д. Разумеется, что вафдисты встретили эту конституцию весьма критически. 5 июля вышел приказ Алленби об отмене военного положения, существовавшего в стране со 2-го ноября 1914 г., и был издан декрет об амнистии полит. заключенным. Заглулу-Паше было, наконец, разрешено вернуться в Египет. 17 сентября 1923 года Заглул прибыл в Александрию. Несмотря на короткий срок, оставшийся до выборов (всего 10 дней), триумф партии Вафд был полнейшим. Заглулисты получили 205 мест в парламенте из общего числа 214. 17-го января 1924 года кабинет Ибрагима-Паши подал в отставку, и 28 января был сформирован кабинет под председательством Заглула.

Приход к власти «отца народа» окрылял многих большими надеждами. Особенно хорошим предзнаменованием казался тот факт, что и в Лондоне, приблизительно, одновременно с Заглулом в Каире, пришла к власти рабочая партия во главе с «социалистом» Макдональдом. С последним так легко и просто, казалось, можно будет договориться. Наконец-то, думалось, наступил момент, когда Англия сама подарит Египту независимость и даже

извинится за грехи своих отцов. Сам Заглул усердно поддерживал на всех своих выступлениях то мнение, что внешнеполитическим трудностям Египта наступит вскоре конец.

После продолжительной переписки с Макдональдом Заглул решил лично поехать в Лондон для переговоров с «рабочим» премьером. 12 июля 1924 года он должен был отбыть из Каира через Александрию в Лондон.

Но на вокзале, перед отходом поезда, какой-то студент Абд-уль-Халик произвел покушение на «любимого вождя» и ранил его в руку. Кто именно направил руку покушавшегося, так и осталось тайной. Был ли этот покушавшийся простым сумасшедшим, как это утверждают англичане, или агентом англичан, желавших избавиться даже от такого умеренного лидера национального освобождения, как Заглул, или же фанатиком-ватанистом, мстившим этому лидеру за нерешительность в борьбе с Англией за полгода пребывания власти,—как бы там ни было, самый факт покушения подействовал на Заглула удручающе. Но еше более удручающе подействовала на него сама поездка. 23 сентября Заглул прибыл в Лондон, и через два дня был принят Макдональдом на Даунинг-Стрите. Переговоры между премьерами продолжались только четыре дня. Заглул потребовал удаления британских войск из Египта, отмены института финансовых и юридических советников при египетском министерстве, отказа Англии от притязания защищать иностранные интересы в Египте и, наконец, передачи контроля над Суэцким каналом Лиге Наций. Макдональд же вовсе не склонен был отступиться от империалистической политики предшествовавшего ему кабинета, с которым его связывала, как он сам говорил, политика преемственности. Заглул остался у разбитого корыта. В конце октября он уже снова был в Египте, чувствуя, что неудавшиеся переговоры с английским правительством должны были уронить его престиж «спасителя» в глазах широких масс египтян. Кстати, его престиж еще несколько времени до того оказался изрядно очерненным в глазах рабочего класса, против которого Заглул применял суровые меры, последовавшие после захвата рабочими фабрик и заводов летом 1924 г. Чтобы хоть как-нибудь восстановить пошатнувшийся авторитет вождя, вафдисты распустили версию о том, что конституция в опасности (раньше они критиковали конституцию, а теперь стали защищать ее от... короля) и устроили манифестацию под лозунгом «Саадская революция». Но революции больше всех боялся сам Саад. Он готов был возобновить переговоры с пришедшим тем временем к власти в Англии консервативным правительством; он готов был вступить в переговоры о независимости Египта с кем угодно,—на переговоры он был весьма горазд, как тонкий адвокат-дискуссионер,—но он боялся заменить чернила нот и меморандумов кровью подлинной борьбы за освобождение Египта. Аккумулятор идей египетской буржуазии, Заглул вполне удовлетворялся соломоновым судом в египетском вопросе: внутреннюю политику отдать египетской буржуазии, внешнюю—аглийской... Но в воздухе пахло не чернилами, а кровью. Политическая атмосфера в стране после бесплодного возвращения Заглула была донельзя перенапряжена. Более радикальные элементы Вафда требовали дел, а не слов. Сам Заглул, замахиваясь на своих противников, часто терял равновесие, развязывая силы, которые ускользали потом от его контроля. Так,

еще летом 1924 года, опираясь на огромное большинство в парламенте, он явочным порядком аннулировал кредиты на содержание оккупационной армии в Египте. Этот жест был вполне революционным и мог служить образчиком для других подобных жестов. Теперь, когда переговоры с Макдональдом кончились безуспешно и от Англии ожидать больше было нечего, казалось, должны были повториться события марта 1919 года. Но произошедшее в июле месяце восстание железнодорожного батальона и кадетской школы в Хартуме было так жестоко подавлено британским корпусом в Судане, что массовые выступления казались теперь равносильными самоубийству. Национальные чувства могли искать выхода только в единичных террористических актах. Так оно и было. 19 ноября был убит генерал-губернатор Судана и шеф египетской армии, англичанин Ли-Стэк.

Последствия убийства одного из высших представителей Британской империи в Египте, Ли-Стэка, оказались весьма невыгодными для Египта. Через 3 дня после убийства лорд Алленби вручил египетскому правительству разбойничий ультиматум следующего содержания: Британское правительство требует:

1) принесения извинений за совершенное преступление,

2) производства следствия и наказания виновных,

3) запрещения разных народных манифестаций,

4) уплаты ½ млн. фунтов стерлингов,

5) эвакуации египетской армии в 24 часа из Судана,

6) принятия к сведению о расширении ирригационной площади в Гезире (Судан) в размере 300 тысяч федданов и

7) признания права защиты иностранных интересов в Египте исключительно за Британским правительством.

Для вящшего эффекта английская эскадра направилась к египетским водам, и александрийская таможня была занята английским десантом. Заглул, не желая взять на себя ответственности за последствия этого ультиматума, подал в отставку, обратившись с протестом в Лигу Наций. Вскоре (декабрь 1924 г.) король Фуад распустил парламент. Английские власти выдвинули на пост премьер-министра Зивар-Пашу, сторожевого пса английского империализма в Египте. Новый премьер, представитель интересов реакционной феодальной знати и придворной камарильи, образовав кабинет в коалиции с либералами, принял британский ультиматум и приступил к выкорчевыванию национально-освободительного движения. Против заглулистов начался террор под предлогом их участия в убийстве Ли-Стэка. Сотни чиновников и студентов, сочувствовавших или принадлежавших Вафду, были уволены или исключены из учебных заведений. Сам Заглул отбывал что-то вроде почетного домашнего ареста, — правительство приставило к его дому, «Дому Народа», полицию под предлогом охраны вождя Вафда от возможных на него покушений. Создав себе новую оранжерейную партию «Единение» («Иттихад»), Зивар-Паша стал организовывать выборы в условиях самого открытого полицейского давления. Выборы происходили по двухстепенной системе старого реакционного закона 1923 года Яхья-Ибрагим-Паши (а не по избирательному закону 1924 г., введенному Заглулом). Но, несмотря на это, когда 23 марта

1925 года открылась новая палата и было приступлено к голосованию, председателем палаты, большинством 125 голосов против 85, был избран Саад Заглул. Новый парламент был в тот же день распущен, просуществовав менее одного дня. Но Зивар не смущался править и без парламента. Началась полоса самой черной реакции. На прессу был надет намордник; был издан фашистский «закон об обеществах»; разрабатывался новый избирательный закон, по которому в будущий парламент могли бы проникать лишь правительственно-послушные депутаты и т. д. Реакция зашла так далеко, что либералы, боясь растерять весь свой политический капитал из-за непопулярности коалиционного правительства, вышли (в сентябре 1925 года) из состава кабинета Зивара. Но последний, чувствуя за собой поддержку двора и верховного комиссара, не смутился и выходом либералов из кабинета. Британский трехголовый цербер в Египте (Зивар после ухода либералов держал три министерских портфеля: премьера, иностранных и внутренних дел) продолжал работать над проектом нового избирательного закона. Оппозиционные партии, — Вафд, либералы и ватанисты, — быстро мобилизовались в один блок под лозунгом «конституция в опасности». 20 ноября единая в трех лицах оппозиция собралась, несмотря на запрещение правительства, в Каирской гостинице «Континенталь», об'явила свое заседание законным заседанием парламента и избрала Заглула председателем (а представителей либералов и ватанистов вице-председателями). На правительство посыпались петиции, протесты, упреки, увещевания, но Зивар не обращал никакого внимания. 8 декабря он опубликовал свой новый избирательный закон. Это переполнило чашу. Оппозиция теснее сомкнула свои ряды на почве бойкота новых выборов. Крестьянство всецело стояло на стороне оппозиции. Этому способствовал экономический кризис и безработица вследствие того, что в 1926 г. лежали (и еще продолжают лежать и поныне) огромные массы ненаходившего сбыта хлопка. В результате агитации оппозиции крестьяне стали так бойкотировать выборы, что правительство испугалось призрака крестьянского восстания (мартовские события 1919 г. были еще у всех живы в памяти), что 18 февраля того же года Зивар заявил об аннулировании последнего избирательного закона о производстве выборов по старому заглуловскому закону (1924 года). В мае (1926 г.) произошли выборы. Подавляющее большинство получили, как и можно было ожидать, заглулисты. Последние получили 166 мест, либералы — 26, ватанисты — 6, а правительственная партия — иттихадистов — всего 5. Кабинет Зивара подал в отставку, и Заглул снова стал руководить политической жизнью страны. Но, придя вторично к власти, старый Заглул стал гораздо покладистей. Удовольствовавшись ролью председателя парламента — фактически говорильни — он добровольно уступил пост премьер-министра вождю либералов — Адли-Паши, тому самому, которого он еще несколько лет тому назад считал предателем дела национально-освободительного движения Египта. Новый премьер выразил в программной речи отношение правительства к Англии (той самой, о которой массы кричали на всех манифестациях: «Смерть Англии!») следующими словами: «Правительство особенно заинтересовано в том, чтобы установить между английской и египетской нациями и их правительствами взаимное доверие и сердечные отно-

шения и подготовить атмосферу полного понимания, которая даст Египту возможность пользоваться полной независимостью». В сентябре 1926 года министр иностранных дел кабинета Адли, Сарват-Паша отправился в Лондон для ведения переговоров о заключении англо-египетского договора о дружбе. Переговоры эти не дали определенных результатов, но вся эта политика свидетельствовала о метаморфозе «Спасителя» Заглула, все более превращавшегося из тигра в агнца. Буржуазный вафдистско-либеральный блок, благословенный «Отцом народа», санкционировал огромную сумму в 8 милл. рублей на цивильный лист короля ($^1/_5$ общей суммы взимаемого с крестьянства поземельного налога). Еще больше опозорил себя Заглул в рабочем вопросе. В марте 1927 года в Каире и Александрии происходили большие конфликты между рабочими и трамвайными обществами — конфликты, которые могли повлечь за собой остановку уличного движения. Иностранная пресса подняла тревогу. Французская газета „Bourse Egyptienne", выходящая в Каире, поместила по этому поводу статью под заголовком «Коммунистическая опасность». Автор статьи страшил национальную египетскую буржуазию тем, что рабочее движение может выйти из рамок борьбы с иностранными обществами и обратиться против своей же буржуазии. «Кавкаб-уш-Шарк», орган Заглула, разогнавшего в 1924 году египетскую федерацию труда, перепечатал эту статью, солидаризуясь с выводами французского колониального органа. В связи с застоем на хлопковом рынке безработица среди египетского пролетариата непрерывно росла. По сообщению «Аль Ахрам» от 17/IV—1927 г., английские власти заключили договор с группой рабочих на предмет поездки в Китай для работы в армии за один доллар в день. Египетское правительство не считало даже нужным рассмотреть этот договор... Таков путь кривой национально-освободительного движения за промежуток времени с 1918 по 1927 г., и таковы «успехи» путеводителя этого движения — Саад-Заглул-Паши.

Но и совсем ручной для нового верховного британского комиссара, Ллойда, кабинет Адли-Паши показался слишком «дерзким». Дело в том, что интересы египетской буржуазии, окрепшей и подтянувшейся организационно, толкают иногда правительство на такие шаги, которые могут казаться Англии подозрительными. И правительство Адли, как бы оно ни маскировало свой оппортунизм лево-националистической фразой перед широкими массами, экономическое положение которых все ухудшается, все же должно было эти шаги делать. Так, например, оно решилось было провести реформу в армии, заменив британских офицеров египетскими. Но и эта вполне беззубая, вполне «конституционная», реформа показалась Англии посягательством не только на ее права, но и на ее престиж. Лорд Ллойд, надавив на правительство Адли, заставил его уйти в отставку, заменив его еще более верноподданническим по отношению к Британской империи правительством Сарват-Паши. Египту было дано понять, что никаких шагов в реформировании армии правительство Англии не допустит. В подкрепление этому были посланы в египетские воды 3 английских крейсера. По этому поводу в Каире произошли демонстрации молодежи. Газета «Аль Ахрам» поместила 1-го июня резкую статью талантливого арабского журналиста, Фикри Абаза, начина-

ющуюся словами: «Молчать! Флот пришел!..» Статья резко критикует британское правительство и «вождей» народа, доведших Египет до жизни такой. Между правительством Сарвата и верховным комиссаром произошли переговоры, в которых принимали участие Адли и Заглул. Последний изложил перед всемогущим представителем Британской империи свою программу. Сводилась она к следующему: 1) Британское правительство должно очистить западный берег Суэцкого канала, оставив на нем лишь 2 авиобазы. 2) Британские чиновники должны уступить за большие компенсации свои посты египетским. 3) Египет получает право внешних сношений и отмены капитуляций. 4) Англия обязана защищать Египет, а Египет выступит в случае войны на стороне Англии. 5) Англо-египетский кондоминиум в Судане должен быть востановлен. 6) Египетский контроль над водами Нила. Эта программа престарелого Заглула была его лебединой песней. Простой песней она и осталась. Британским рефреном на эту песню являются — продолжение военной оккупации Нильской долины («временно», правда); высокие оклады британской администрации, вовсе не собирающейся добровольно расстаться с своими синекурами; представительство британским резидентом египетских интересов во внешней политике и сохранение режима капитуляций (также «временно»); защита Египта от . . . . египтян; безраздельное господство в Судане, оккупированном англичанами в 1924 году и, наконец, дамоклов меч над жизнью Египта путем контроля разливов Нила на суданских шлюзах.

Программа Заглула, изложенная перед британским верховным комиссаром, была писком воробья против пушки. Заглул никогда даже и попыток не делал (не в пример Мустафа-Кемалю) завязывать сношения с Советской Россией, чтобы хоть этим орудием воспользоваться в тяжбе с Англией. В Египте, как мы выше видели, лежат сейчас без сбыта миллионы пудов хлопка. Англия, скупая монопольно этот хлопок в Египте, перепродает его советским торговым организациям не в Александии, а в Ливерпуле, заставляя советское правительство переплачивать за него деньги. Последнее пред'явило в начале лета 1927 г. спрос на египетский хлопок непосредственно. «Этот случай,— писала Египетская газета «Аль Ахрам» (8/IV—1927 г.), надо использовать, ввиду наличия громадных запасов хлопка. Мы не видим препятствий к продаже нашего хлопка СССР. Египет, хотя и не любит коммунистических принципов, но это не имеет никакого отношения к продаже хлопка...». Некоторые депутаты парламента требовали установления и расширения связей с СССР. Но египетское правительство, робко оглядываясь на верховного комиссара, боялось предпринять шаги, необходимые для народного хозяйства самого Египта.

Но не только во внешней политике, — египетский парламент, председательское кресло в котором занимал «Отец народа», ничего не сделал и во внутренней политике в смысле социальных реформ и облегчения тяжелого положения масс. Самые большие «социальные» вопросы, занимавшие в последнее время парламент, это — постройка госпиталей, нескольких детских домов, проведение канализации. До последнего времени в Египте нет рабочего законодательства. Последнее время, правда, стали поговаривать и пописывать

о необходимости рабочего законодательства, но результатов пока не слышно никаких. 16 июля с/г заглулистский орган «Кавкаб-уш-Шарк» писал по этому вопросу: «Египет должен пойти по пути и методам всех европейских цивилизованных государств в области разрешения взаимоотношений капитала и труда. Пока это не произойдет, не возможно себе представить, как Египет сможет войти в Лигу Наций» (Sic!). Всего за несколько недель до смерти Заглула министерство внутренних дел внесло в совет министров предложение образовать комиссию по изучению положения труда в Египте. Но, зная состав кабинета, можно заранее знать, чем кончится работа этой комиссии. Единственная партия пролетариата, коммунистическая партия, загнана в глубокое подполье, и от имени рабочего класса говорят в парламенте все, кому не лень.

Несколько месяцев тому назад Египетский король, в сопровождении своего министра Сарват-Паши, сделал в Лондоне визит Английскому королю. Патриотическая пресса Египта описывала сердечность встречи обоих королей, а журнал «Аль Мусаввар» был выстлан иллюстрациями парадов этой встречи. Предсмертный Заглул вполне мог бы наслаждаться созерцанием этих иллюстраций, говоря: «И моя есть в этом деле ложка меду». «Любимый вождь» («Аз-Заим-Аль-Махбуб») и «Любимый король» (Аль-Малик-Аль-Махбуб), несмотря на всю свою разновидность, составляли в последнее время единый фронт, но не против Англии, а против радикально-демократических элементов в самом национально-освободительном движении. Смерть Заглула лишила единый фронт египетской буржуазии одного крепкого звена. В своем некрологе о Заглуле «Таймс» от 24-го августа 1927 писал: «его сильная, но капризная личность оказывала почти гипнотическое влияние на его соотечественников, многие из которых сделали его легендарной фигурой еще при жизни. Тонкий дискуссионер, остроумно находчивый в аргументах, наделенный смелым чувством юмора, он обладал ораторскими способностями, которые давали ему возможность неизменно захватывать свою аудиторию, хотя, кажется, он никогда и не подозревал, какой деморализующий эффект производили его неумеренные и возбуждающие выступления на легко воспламеняющийся и политически незрелый народ... Ему нехватало ширины взгляда: он позволил себе в последние годы подпасть под влияние экстремистской группы, игравшей на его тщеславии и ревности по отношению ко всем своим соперникам. Он упустил очень удобный случай установить англо-египетские отношения на верной и дружественной основе...». Нам было бы совершенно напрасно спорить с английским официозом насчет того, политически зрел или не зрел египетский народ, — еще Людвиг Берне говорил, что если таблица умножения противоречила бы чьим-либо интересам, люди оспаривали бы, что дважды два четыре, — но нам нужно категорически отвергнуть версию о том, что Заглул подпал под влияние каких-то экстремистов в лагере национально-освободительного движения. Приведенные нами выше факты категорически эту версию отвергают. Совсем наоборот. Свое героическое обаяние личности и популярности, которыми он пользовался при жизни среди своих соотечественников, Заглул употреблял на притупление всякого экстремизма, на замазывание египетской политической ситуации, острой, как бритва. Ему

не хватало ширины взгляда, но вовсе не в том смысле, как это представляет себе английский буржуазный орган. Заглул совершенно не понял, что британский империализм вышел из мировой войны с надломленными крыльями и что сам Египет мог бы превратиться из об'екта империализма в суб'ект и фактор его разложения. Его авторитет (а в последнее время исключительно он) сшивал лоскутную партию Вафд в одну пестрядь. Вафд еще и теперь представляет собой стройную организацию. Но если в ней по виду нельзя заметить трещин, о них можно догадаться по звону. Саад Заглул представлял собой равнодействующую многих параллелограммов сил, направленных одновременно и против британского империализма и друг против друга, и с его смертью разложение этих сил неминуемо. «Аль Ахрам» восклицает в некрологе Заглула: «Жив Заглул!». Но не может быть более фальшивой формулы, чем «Заглул умер, но заглулизм жив». Именно заглулизм, как буржуазно-оппортунистическое течение в национально-освободительном движении, становится все более и более невозможным в споре, могущем завершиться лишь отчаянной борьбой. В настоящее время трудно даже учесть все политические последствия смерти Заглула. Его преемник Мустафа Ан-Наххас вряд ли сумеет удержать Вафд от разложения. Левое крыло заглулистов неизбежно будет смыкаться все больше и больше с ватанистами, требующими полной и безоговорочной независимости Египта (эта партия была представлена на недавнем конгрессе Лиги борьбы с империализмом в Брюсселе Хазиф-Рамадан-Беем), правое же крыло будет искать союза с адлистами (либералами), с которыми Вафд сотрудничал перед смертью Заглула. Египет представляет собою страну, где подавляющее большинство населения составляют феллахи. Но, как известно, крестьянство нигде не могло и не может образовать надолго чисто крестьянского государства,—лучший пример этому может быть крестьянское правительство Стамбулийского в Болгарии, — оно может лишь примыкать к одному из борющихся в наш век классов — буржуазии или пролетариату. До недавнего прошлого египетское крестьянство и египетский пролетариат шли за возглавлявшейся Заглулом египетской буржуазией, но последняя готова продать империализму свое первородство в национально-освободительном движении за чечевичную похлебку национальной экономической политики. Это все лучше начинает сознаваться египетским пролетариатом, разочарованном в заглулизме, и египетским крестьянством, по спине которого буржуазия стремится добраться до власти, хотя бы разделяемой — по внешней политике — с Англией. Непрозрачна утроба истории. Но несомненно то, что Египет добьется своего национального освобождения при помощи другого класса, а не того, выразителем интересов и борцом которого был великий египтянин — Саад Заглул Паша.

Д. Кин

Н. Н. Батурин, как историк партии

Очень трудно в настоящее время во всей полноте дать сколько-нибудь обстоятельную и полную оценку творчества покойного Н. Н. Батурина (Замятина), как историка партии. Литературное наследство, оставленное Н. Н. Батуриным, количественно весьма невелико, и невелико оно в значительной мере потому, что качественная сторона его работ очень высока. «Я не умею подготовлять книги к печати так, как блины пекут. По истории партии не прогуливаюсь, а серьезно прорабатываю ее»,—не раз говорил Батурин [1].

Работы Н. Батурина еще не собраны. Большое число его статей было помещено в дореволюционной «Правде», одним из редакторов и активных сотрудников которой был покойный. В архиве покойного имеется ряд неопубликованных материалов в виде статей, заметок и конспектов лекций, прочитанных Н. Батуриным в последние годы в Воронежском сельско-хозяйственном Институте. В своих лекциях Н. Н. Батурин пытался несколько по-иному построить курс истории партии, чем он это делает в своем известном «Очерке истории социал-демократии в России». В «Очерке» Н. Н. Батурин рассматривал историю русской с.-д. и большевизма в «национальном», так сказать, разрезе. Для того времени, когда Н. Батурин писал свой «Очерк» — 1906 год — это вполне понятно, ибо международное значение большевизма, ленинизма не было еще ясно. В своем последнем курсе по истории партии и ленинизму, Н. Н. Батурин рассматривал историю социал-демократии и большевизма в интернациональном разрезе, что видно из программы его лекций в Воронежском Институте, находящейся в архиве Истпарта ЦК ВКП(б). Н. Н. Батурин разбивал свой курс следующим образом: 1) российская соц.-дем. по течению II Интернационала, 2) предпосылки русской революции и зарождение большевизма, как особого течения во II Интернационале, 3) большевизм, как платформа III Интернационала (со времени мировой войны. *Д. К.)*. Лекции эти еще не изданы.

Вот почему, повторяем, было бы преждевременно пытаться дать исчерпывающую оценку творчества Н. Н. Батурина, как историка партии.

Наиболее капитальной работой Н. Батурина является упомянутый «Очерк истории социал-демократии в России», вышедший еще в 1906 году в виде одного из выпусков серии «Лекций и рефератов по вопросам программы и тактики социал-демократии», издававшейся (серии) большевиками легально. С тех пор «Очерк» Н. Батурина много раз переиздавался, послед-

---

1 „Пролетарская Революция“ № 12, за 1927 г. ст. П. Лепешинского, стр. 248.

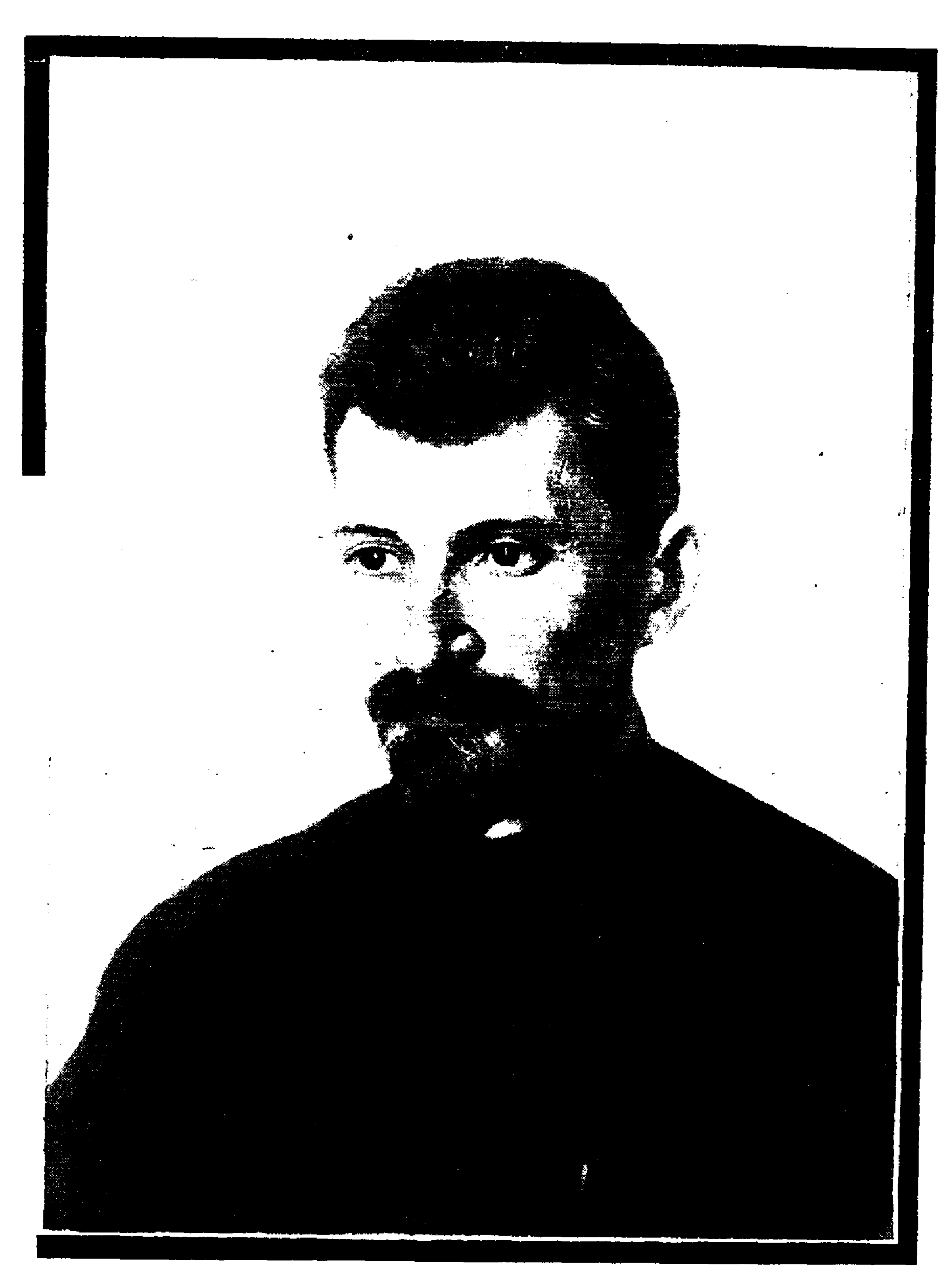
нее издание вышло в 1926 г. несмотря на то, что за это время вышел ряд книг по истории партии. Успех «Очерка» об'ясняется рядом достоинств, которые до сих пор делают книгу интересной для всех, занимающихся историей партии, несмотря на то, что «Очерк» во многом устарел для настоящего времени. Основным достоинством «Очерка» является стройность большевистско-ленинской историко-партийной схемы, разработанной Н. Батуриным. Если учесть к тому же, что «Очерк» написан в 1906 году и является одним из первых опытов большевистской концепции истории российской социал-демократии[1], то тем яснее станет значение и место этой работы Батурина в литературе по истории партии, несмотря на популярный характер «Очерка».

Та целостная схема по истории развития социал-демократии и большевизма, которая (схема) положена Батуриным в основу «Очерка», не представляет собой продукта оригинального творчества покойного историка. Это — разработка тех блестящих и плодотворнейших набросков, которые даны В. И. Лениным в его различных произведениях, в частности, в знаменитом «Что делать». Мы не ошибемся, если скажем, что наибольшее влияние на «Очерк» Батурина оказала периодизация до-искровского периода истории социал-демократии, развитая Лениным в заключительной части «Что делать». Батурин в соответствии с Лениным придерживается следующей периодизации истории русской соц.-дем.: 1) 1884—1894 г.г.—период возникновения и упрочения теории и программы с.-д., утробный, подготовительный период, когда с.-д. существовала без рабочего движения, 2) 1894—1898 переход от кружковой пропаганды к массовой агитации, на гребне массового рабочего движения с.-д. появляется как политическая партия, с.-д. («старики») идут в рабочее движение, не забывая ни о теории марксизма, ни о задаче низвержения самодержавия, 3) 1898—1903 г.г. пятилетие, которое можно в свою очередь подразделить на два периода — период кустарничества и успехов «экономизма», когда связь с.-д. с рабочей массой упрочивается, «но влияние с.-д. на ход рабочего движения происходит уже на счет революционного содержания соц.-демократии, и период организационного и идейного оформления с.-д., таивший, однако, глубокие внутренние противоречия в среде с.-д., выявившиеся на III с'езде, 4) четвертый период 1903—1905 г.г. (III с'езд) — период оформления раскола и кристализации двух тактик с.-д. в буржуазной революции. Этим заканчивается «Очерк». Дальше Батурин своей работы не продолжил.

Деятельность группы «Освобождение труда» и рабочее движение 70—80 г.г.—таковы исходные моменты развития с.-д. по схеме Батурина. Русский марксизм, точнее революционный марксизм, и социал-демократия в России при своем зарождении пытаются разрешить и теоретически правильно разрешают проблему соотношения между социализмом и политической борьбой, которую не сумело разрешить народничество (и «Народная Воля»). Заслуга Н. Н. Батурина, как историка партии в том, что он еще в своем «Очерке» показал, как рабочее движение в России и такие организа-

---

[1] „История Российской Соц.-Дем. Раб. партии" „М. Н. Лядова была написана почти одновременно (несколько даже раньше), чем книга Н. Батурина, но она доведена лишь до кануна II с'езда.

.5 ноября скончался в Ливадии Николай Николаевич Батурин (Замятин), старый большевик, один из старейших историков партии. Н. Н. Батурин родился 18 (6) декабря 1877 г. В революционное движение Н. Н. Батурин вошел в 1896 году, примкнув к с.-д. кружку в Воронеже. Учился в Петербургском университете (естественный факультет), а затем по от'езде за границу в Берлинском, Цюрихском и Лейпцигском университетах (естественный отдел философского факультета). Будучи профессиональным революционером, работал в разные годы в Киевском, Уральском и др. комитетах, неоднократно подвергался арестам и ссылке. Был редактором „Звезды" и „Правды" (1911—12 г.г.). После Октябрьской революции преподавал в Свердловском университете, был членом коллегии Центроархива и одним из руководителей Истпарта с момента его основания. Основной работой Н. Н. Батурина является его „Очерк истории социал-демократии в России".

ции, как «Южно-российский союз рабочих» и «Северный союз русских рабочих», практически нащупавшие правильный подход к проблеме сочетания социализма и политической борьбы на основе частичного усвоения передового революционного опыта социалистического рабочего движения на Западе, подготовили почву для образования социал-демократии в России, несмотря на те ошибки и ряд народнических предрассудков, которых не сумело все же преодолеть молодое русское рабочее движение и первые революционные рабочие организации. Мысль о том, что «нельзя ставить вопрос о происхождении русского марксизма в виде родословной интеллигентских групп или партий», и что русское рабочее движение, отрывая от мелкобуржуазных революционных течений наиболее передовые и близкие к пролетариату элементы, «от своих новых руководителей требовало самого решительного разрыва с «идейными родственниками» из мелкобуржуазных течений и перехода на почву марксизма», Батурин отстаивал в позднейшей полемике[1]. Такая постановка вопроса кажется теперь само собой понятной. Иное дело для того времени, когда Н. Батурин писал свой «Очерк». Однако и для настоящего времени защита этой «азбучной» постановки вопроса не потеряла своего значения. Ведь пытался же В. Ваганян в своей полемике против тов. Е. Ярославского утверждать, что «за исключением групп «Освобождение труда» ни одна группа не доходила до марксизма самостоятельно», пытался тов. Мицкевич — охарактеризовать «русский марксизм и большевизм» в особенности, как синтез (!) ряда предшествовавших революционных движений»[2].

Правда, Ваганяновская постановка вопроса не совпадает целиком с теми идеями, против которых с полным основанием спорил Н. Батурин в полемике с тов. Мицкевичем, но источник ошибки один и тот же—игнорирование той пролетарской почвы в самой России, в русском рабочем движении и русских с.-д. кружках, на которой выросли и быстро развились русский марксизм и российская социал-демократия позднейшего периода.

Правильно ставя вопрос о генезисе российской социал-демократии, Н. Н. Батурин все же слишком суживал постановку вопроса, когда, например, в статье «О наследстве русских якобинцев» («Пролетарская Революция № 7 за 1924 г.) слишком категорически отрицал попытки установления предшественников большевизма в революционном движении «праотцев». Н. Батурин был совершенно прав, когда осуждал неудачную попытку тов. Мицкевича характеризовать русских «якобинцев» как прямых родоначальников большевизма. Но когда Н. Батурин ограничивался сплошной критикой поисков предшественников большевизма в русском революционном движении 70-х и начала 80-х г.г. и отдельных зерен марксизма во взглядах некоторых его представителей, в корне отрицая правомерность подобного рода постановки вопроса, то он, несомненно, впадал в известную крайность. Ленин не ставил вопроса так узко, как Н. Батурин, и в «Что делать» писал о предшественниках социал-демократии: «Мы хотим лишь указать, что

---

[1] „Прол. Рев." № 8 (43), 1925, „Еще о цветах русского якобинства", стр. 106.
[2] Цитирую по ст. Н. Батурина.

роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов»[1]. Совершенно ясно, что здесь Ленин говорит о предшественниках русской социал-демократии в идейном отношении. Ленин в «Что делать» не говорил и не мог говорить об идейных предшественниках большевиков, ибо большевиков-то еще не было, но можно ли большевизм отделять от революционной социал-демократии до-искровского и искровского периода, или, как выразился в одном месте Ленин — «вполне большевистской» по направлению старой «Искры».

Это ни в коей мере не значит, что русская социал-демократия, базирующаяся в теоретическом отношении на учении Маркса, прямо усваивала взгляды, идейное «наследство» революционеров 70-х годов, напр., или хоть в какой-нибудь мере дополняла марксизм «самобытным» русским социализмом. Но было бы неправильно забывать мысль Ленина о том, что марксизм был в идейном отношении «выстрадан» передовой революционной мыслью в России. В таком разрезе можно и нужно говорить об идейных предшественниках русского марксизма и большевизма. Несомненно, что исследования идейных ценностей, оставленных Герценом, Чернышевским, блестящей плеядой русских революционеров 70-х г.г., даст еще в этом отношении богатейшие и плодотворные в научном отношении результаты. Отдельные крупицы, зерна марксизма можно найти у этих предшественников русской соц.-демократии. Усвоение марксизма передовой революционной интеллигенцией 80 г.г. происходило на основе знакомства и практической связи с рабочим движением, но подготовлено было и всей историей русской революционной мысли.

Несмотря на отдельные недочеты, схема генезиса русской социал-демократии является одним из наиболее сильных звеньев в работах Батурина.

В вопросе о социальных корнях экономизма и меньшевизма Н. Батурин провел очень интересное и тонкое различение между типами влияния и значения для экономизма и меньшевизма двух социальных групп, на которые опирался оппортунизм — полукрестьянской массы рабочих и «аристократической» верхушки рабочего класса. Наиболее постоянной базой «экономизма», в особенности меньшевизма, являлась «верхушка» рабочего класса. Это небольшая, заметим мы попутно, прослойка в русском рабочем классе, как и рабочая аристократия во всем мире, являлась проводником либерального буржуазного «уклона» в рабочем классе.

Значение полукрестьянских слоев наших рабочих в экономизме и меньшевизме было несколько иное: «создавая и проводя в жизнь свою «теорию стадий», свою «тактику-процесс» «экономисты», конечно, имели в виду широкие и отсталые полукрестьянские слои наших рабочих, и в этом смысле на них опирались и «отражали»..., «однако, — замечает дальше Н. Бату-

[1] Ленин, том V, стр. 136, курсив наш *Д. К.*

рин,—для экономизма здесь характерно не столько то, что он отражал, (по-своему) мелкобуржуазную стихию, сколько то, что он совсем не отразил, не выявил, не учел революционного значения полукрестьянских масс»... Вместе с тем когда тов. Батурин, правильно указывая на то, что эти полукрестьянские массы привносят в рабочее движение черты анархизма, умалял их значение в качестве одной из основ оппортунизма в России, хотя и непостоянной, и начисто отрицал наличие элементов анархизма в экономизме и меньшевизме, то это уже было неверно[1]. Как известно, Ленин в «Двух тактиках» и др. своих произведениях подчеркивал анархистские черты в меньшевизме и «экономизме», выражавшиеся в их преклонении перед стихийностью в рабочем движении. Характерно то, что сам Н. Батурин позднее в интересной статье «Памяти махаевщины», говорил: «Махаевщина, как анархическая разновидность, была особенно вредна и реакционна именно тем, что пыталась привить свои мелкобуржуазные анархические теории пролетариату крупной промышленности, *опираясь, конечно, на самые отсталые, еще полукрестьянские его слои*. Нетрудно заметить, что *исходным пунктом махаевщины был «экономизм», которым были уже заложены основные принципы* (!!) *этой теории*»[2]. Как же после этого можно отрицать черты анархизма в «экономизме» и то, что «экономизм» не только «отражал» настроения полукрестьянских масс рабочих, но и прямо опирался на них?

«Очерк истории социал-демократии в России» заканчивается 1905 годом, он был, как мы уже упоминали, написан в 1906 г. Поэтому неудивительно, что характеризуя ленинскую идею «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», Батурин подчеркивает ее значение «в интересах полного демократического переворота, для проведения в жизнь нашей программы-минимум», не развивая вопроса о «будущем» этой революционно-демократической диктатуры в условиях перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Для того периода, когда Батурин писал свой «Очерк», такая неполная характеристика сущности революционно-демократической диктатуры понятна. В позднейнейших своих работах тов. Батурин развивает проблему перерастания и отмечает все своеобразие в этом смысле буржуазно-демократической революции в России. «Не подлежит никакому сомнению, что в случае дальнейшего победоносного развития революции 1905 года рабочий класс и его революционные органы — советы, пошли бы в своих классовых требованиях гораздо дальше и сделали бы не один шаг по пути первых советских декретов 1917 года», — писал Батурин в брошюре «Борьба за советы как органы пролетарской диктатуры». Батурин необычно ярко подчеркнул там же значение империалистической войны в смысле создания обстановки и ускорения перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. «Ставилась на очередь дня прямая и непосредственная задача: свержение временного правительства, свержение власти буржуазии» (стр. 13). Батурин следующим образом раз-

---

[1] „Пролетарская Революция" № 2 (25), стр. 111.

[2] „Правда", от 2/III 1926, курсив наш *Д. К.*

бивает постановку вопроса о пролетарской революции, данную Лениным в статьях его в «Правде» 1917 года: не «введение» социализма, как непосредственная задача, а ряд переходных мер, как рабочий контроль; которые ведут к социализму, ибо нельзя итти вперед, не идя к социализму.

«Не вводя социализма,—пишет Н. Батурин,—советы, завоевав государственную власть, могли, конечно, провести целый ряд мер для его приближения. Уже 31 августа в оглашенной большевистской фракцией резолюции на заседании ЦИК в числе таких мер намечались: введение рабочего контроля в обще-государственном масштабе над производством и распределением, национализация важнейших отраслей промышленности, как-то: нефтяной, каменноугольной, металлургической»[1].

Именно в этом смысле и подчеркивает Н. Н. Батурин, что «не социалистические эксперименты, а революционная ликвидация дальнейших империалистических экспериментов ставила на очередь новый переворот»[2]. Такие вопросы, как о мире, земле, о спасении страны от экономической разрухи, ставили на очеред задачу пролетарской, социалистической революции. Это был железный закон исторической необходимости, приведший к победоносной социалистической революции в октябре 1917 года.

Такова беглая, схематическая и к тому же очень неполная характеристика Н. Батурина, как историка партии. Человек большой научной добросовестности, Батурин обладал несомненным даром исторического исследования, хотя большинство его работ не представляют солидных ученых трудов, а является работами партийного пропагандиста и воинствующего критика-ленинца, с успехом боровшегося против легких прогулок по истории. Глубоко был прав тов. Лепешинский, когда в своей речи на торжественном заседании в Ливадии, посвященном памяти Н. Н. Батурина, говорил: «В качестве историка партии Батурин отличался необычайной строгостью и требовательностью не только по отношению к другим своим собратьям по перу, но и по отношению к самому себе. Это воистину был строгий судья, строгий критик, всегда стоявший на страже исторической истины. Можно смело сказать, что Николай Николаевич был истпартовской совестью».

В области научной истории нашей партии Н. Н. Батурин не сыграл, разумеется, такой роли, как сыграл, например, Франц Меринг в исследовании истории германской социал-демократии. Н. Н. Батурин не дал такого монументального труда по истории партии, какой дал Меринг, но его заслуги в области истории большевизма, как одного из старейших и ленински-выдержанных историков партии, несомненны. Мы уверены, что полное собрание сочинений Н. Н. Батурина, которое будет включат в себя и неопубликованные его работы, подготовку которого начал уже Истпарт ЦК ВКП (б), займет не последнее место в нашей пока еще небогатой историко-партийной литературе.

[1] Н. Батурин—„Борьба за советы, как органы пролетарской диктатуры“, „Прибой“—1925 г. стр. 36, 37.

[2] Там же.

Н. Редин

К вопросу о преподавании «истории развития общественных форм»

(В дискуссионном порядке)

Опыт работы коммунистического университета им. тов. Артема показывает, что существующий сейчас в комвузах курс «истории развития общественных форм» не удовлетворяет стоящим перед ним задачам. Правда, он дает представление о развитии человеческого общества от «первобытного общества» к «капиталистическому обществу» (под которым подразумевается эпоха торгового капитала); представление это—цельное, единое, без прорывов и противоречий. «История развития общественных форм исследует только главные этапы того пути, по которому шло человеческое общество; этапы, *общие всем народам*. Независимо от некоторых характерных отличий, свойственных отдельным народам в силу географических или иных условий, в ходе исторического развития каждого из этих народов есть общие черты, отливающие развитие общественности у них в одни и те же *совершенно схожие формы*». (Кушнер) (курсив всюду мой.—*Н. Р.*). Но именно эта *общность*, так усиленно подчеркиваемая курсом, делает его слишком отвлеченным, чтобы он мог принести нужные результаты. Тот конкретный исторический материал, какой в этом курсе дается—это только *отрывочные иллюстрации* к основной, совершенно абстрактной, схеме курса, а не та конкретная *основа*, на которой и из которой должны воздвигаться все теоретические обобщения. *Цельность* курса идет в ущерб его *ценности*.

Результаты этого ясны. Студенты, прорабатывающие «историю развития», не получают *основного*, что должны получить: понимания процесса *зарождения и вызревания капиталистического общества*. Экономическое и общественное развитие до эпохи промышленного переворота идет вперед, в их понимании, каким-то «единым фронтом», равномерно и гармонично (эпизоды классовой борьбы не нарушают этой гармонии), подготовляя капитализм. Различный темп, различный характер этого общего процесса в различных странах *абсолютно* не выясняется. Между тем, в наше время *никак* нельзя ограничиваться нахождением и зубрением общих формул об общем ходе общественного развития, тем более, что эти формулы давно найдены и *вызубрены* всяким поступающим в комвуз студентом. Нужно научить его *диалектически* подходить к отдельным, *различным*, друг на друга непохожим явлениям общественной жизни, находить в этих явлениях их *истинную противоречивость* (а не выдуманную),—их особенности, их *своеобразие*,—ибо только так можно овладеть рычагами, движущими историческое развитие.

Нам не нужно сейчас заботиться о повторении общих мест, «азбучных истин», каждая из которых давно известна каждому комвузовцу и вся-

кому сознательному партийцу. Мы должны направить «все внимание на то, чтобы эти азбучные истины не вульгаризовались, не упрощались чересчур, не вели к застою мысли («материализм внизу, идеализм наверху»), к забвению ценного плода идеалистических систем—гегелевской диалектики» (Ленин).

По нашему мнению, построение исторического курса на первом году обучения должно исходить из следующих соображений. Этот курс должен готовить не ко всем общественным дисциплинам (ибо в таком случае он не готовит ни к одной из них), а только к последующим историческим же курсам. Значит, в программу должно быть внесено то, что важнее всего для понимания экономической и политической обстановки на грани XVIII и XIX веков и дальнейшего капиталистического развития. Подходя с такой меркой к материалу всемирной истории, мы сразу же выясняем, что основным содержанием нашего курса должна стать, так наз., «эпоха торгового капитала»—XIV-XVIII века. Именно в эту пору подготовлялись элементы, из которых составлялась система промышленного капитализма,—именно в эту пору определились различные типы развития различных стран. Однако, понять эпоху торгового капитала без хотя бы краткого изучения феодальной эпохи невозможно. Ведь по сути дела эпоха торгового капитала есть эпоха переходная, где соперничают старые формы производственных отношений, господствовавшие при феодализме (мелкий производитель, являющийся собственником орудий производства), с новыми их формами (мануфактура), которые победят окончательно лишь после промышлен. переворота. А раз так, значит, нужно показать эти старые формы производственных отношений в их чистом виде, когда они еще не угнетены овладевшим рынком торговым капиталом — в эпоху феодализма. Поэтому изучение феодальной эпохи (притом не «феодализма вообще», а конкретного феодализма в Европе, в той Европе, которая была родиной капитализма) должно быть вступлением к работе над эпохой зарождения капиталистического способа производства—к XIV-XVIII векам.

Мы должны отказаться от «изучения» общего «закона», которому, якобы должны подчиняться все народы в своем развитии. Нам кажется, что сейчас не только бесполезно, но даже вредно поддерживать иллюзию, будто такой «закон» существует. Сейчас нам необходимо подготовить студентов комвуза—будущих квалифицированных партработников — к ясному пониманию причин, по которым Коммунистический Интернационал говорит: «нет такого закона, который заставил бы все народы, вне зависимости от конкретных обстоятельств времени и места, итти через стадию капитализма». Нужно показать, что это не есть «тактическая хитрость», и что нельзя превращать Марксов, «очерк генезиса капитализма в историко-философскую теорию общего хода экономического развития, в теорию, которой фатально должны подчиниться все народы (каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся»)» (Маркс, письмо в редакцию «Отечественных Записок», курсив мой. *Н. Р.*). И потому нам кажется, что целесообразно, отказавшись от «истории общественных форм», взять к рассмотрению только родину капитализма — Европу (западную и восточную) — в докапиталистическую эпоху, чтобы показать, что не «закономерность вообще», а конкретная историческая закономерность привела Европу к капитализму.

Не явится ли, однако, умолчание о всех внеевропейских странах некоторым пренебрежением к ним—к странам, которые, сейчас выходят на авансцену исторического развития, и не поведет ли это умолчание тоже к искажению перспективы? До известной степени да, и как избежать этого искажения необходимо продумать. Во всяком случае верный путь— не в некритическом смешивании в одну кучу развития этих внеевропейских

стран, ставших колониями европейского капитала, с капиталистическим развитием Европы. Ибо такое «внимание» к колониальным странам приводит об'ективно к стрижке их под капиталистический гребень Европы. Именно поэтому необходимо обратить особое внимание на выяснение тех конкретных обстоятельств, которые направили развитие Европы на капиталистический путь.

Мы живем в непосредственную «эпоху империалистических войн и социалистических революций». Заметьте: не одной единой «социалистической революции», а многих, отдельно (но в одну эпоху) проходящих социалистических революций. Социализм не вызревает равномерно. И нам нужно показать, что это неравномерное вызревание социализма происходит на основе не менее неравномерного вызревания капитализма. Пусть историческое развитие в основных чертах всюду имеет одно и то же содержание. Нам, живущим в эпоху непосредственной борьбы за социализм, особенно нужно уметь ориентироваться именно в специфической форме того или иного общего процесса.

Содержание нашей борьбы можно формулировать очень кратко: в капиталистических странах—подготовка пролетарской революции, в СССР—победа социалистических элементов хозяйства над до-социалистическими. Но для того, чтобы суметь эту борьбу провести , нужно знать форму ее. А своеобразия форм чрезвычайно велики, и ведут свое происхождение в самых основных моментах—именно из эпохи созревания капитализма. Так, своеобразие революционной борьбы в б. Российской империи вытекало из того, что тут пролетарская революция сочеталась с борьбой против феодальных пережитков,—и только изучение и понимание эпохи торгового капитала с учетом ее различного в разных странах характера поможет об'яснить столь длительное сохранение этих пережитков, их перерождение, их господство в русской экономике до XIX, а то и до XX веков. В то же время нужно показать, что это сохранение пережитков не изменяет основного содержания процесса.

Для нашей повседневной практики имеет огромное значение—понять, как одна и та же видимая форма получает совершенно иное содержание, сохраняя внешнее тождество с предыдущим этапом развития. Спор о госкапитализме—ясное тому доказательство. В рамках одной только эпохи капитализма это перерождение форм заметить достаточно трудно; для этого нужно изучение больших эпох, нужно изучение нескольких последовательных хозяйственных формаций. И эпоха торгового капитала, с ее борьбой различных типов производственных отношений—наилучший пример для изучения такого рода перерождения форм.

Экономическое развитие не идет автоматически; оно идет через классовую борьбу. Разумеется, мы не в состоянии проследить ее в эпоху торгового капитала с той полнотой, с какой мы делаем это для эпохи промышленного капитала,—да это нам и не нужно. Мы должны только, изучая эпоху торгового капитала, показать, как моменты наибольшего обострения классовой борьбы, революции, являются узловыми пунктами истории.

Поэтому возможно и целесообразно группировать вопросы экономического развития вокруг основных революционных движений, основной массой которых является крестьянство, что делает их для нас особенно интересными.

Таковы основные задачи, которые должен разрешить первый из исторических курсов в комвузе. Для того, чтобы эти задачи разрешить (а они, как нам кажется, должны быть разрешены во что бы то ни стало), необходимо решительно отказаться от той сплошной, примитивной постановки вопроса, которая дается курсом «истории развития общественных форм». Как

курс исторический он явно не отвечает своим задачам, ибо не дает связного представления о развитии ни одной страны. Как курс социологический, он также несостоятелен, ибо, если даже отбросить в сторону спорный вопрос, существует ли отдельная «марксистская социология» помимо теории диалектического материализма, придется признать, что место для социологии—во всяком случае не на первом курсе, до основательной проработки конкретных исторических курсов, политэкономии и материализма. Нам нужен конкретный исторический курс, имеющий перед собой вполне конкретную задачу—подготовить слушателей к последующим историческим курсам. И именно такой исторический курс дает подлинный материал для создания подлинно-диалектических, материалистических обобщений, без которых, разумеется, никакое знание невозможно. Эту сторону необходимо также решительно подчеркнуть. Поворот к конкретному историческому курсу ни в коем случае не означает растворения теоретического диалектического анализа в море «ползучего эмпиризма». Голый факт нам не нужен так же, как нам не нужна и пустая абстракция. Но все дело в том, куда сейчас мы должны направить главный огонь: на борьбу ли с «избыточной» историчностью, или на борьбу с бессодержательностью абстракции. Нам кажется, что к борьбе против первой опасности мы, всей нашей предшествующей работой по постановке исторических курсов, подготовлены гораздо лучше, чем к борьбе против второй. И потому именно на борьбе с этой второй опасностью, с опасностью окостенения схемы, с опасностью выхолащивания из нее живого диалектического содержания, и должен быть сейчас сосредоточен наш основной огонь.

П. Кушнер (Кнышев)

Нужно ли изучать общественные формы?

(Ответ тов. Редину)

Вопрос, который поднимает тов. Редин в своей статье («К вопросу о преподавании истории развития общественных форм»), дебатировался в комвузах года четыре—с 1921 г. по 1925 г. Теперь он, как-будто, уже потерял свою остроту, но на страницах печати не было еще отклика на эти дебаты—именно поэтому я считаю необходимым затронуть ряд положений, бывших раньше спорными, но позже общепризнанных. Это заставляет меня несколько выйти за пределы необходимого ответа тов. Редину, но зато даст более правильное представление о предмете дискуссии тем, кто не сталкивается непосредственно с преподаванием истории развития общественных форм.

Когда вырабатывалась первая программа основного курса коммунистического университета имени Я. М. Свердлова (в 1921 г.), в учебный план предполагалось ввести историю культуры и историю хозяйственных форм, как два самостоятельных предмета. После длительных обсуждений было решено оба предмета слить, назвав новый учебный предмет «историей развития общественных форм». Программа нового предмета предусматривала ознакомление студентов со схематической картиной развития человеческих общественных отношений с первобытных времен до эпохи промышленного капитала, причем предполагалось дать связную теорию, иллюстрированную историческими примерами, развития таких общественных форм, как форм хозяйства, брака и семьи, государства, классовой борьбы и некоторых идеологий (главным образом, религии). Археология, этнология, история и начатки исторического материализма—вот те дисциплины, которые дали основную массу сведений, вошедших в новый предмет.

В первое время история развития общественных форм не имела вовсе своей методологии, да и теперь она еще не вполне установилась. Неудивительно, что другие комвузы, перенявшие от первого комвуза учебный план и программы, столкнулись в преподавании истории развития общественных форм с немалыми трудностями, которые разрешали по своему — каждый комвуз самостоятельно. Отсюда и разнобой — несмотря на одну и ту же программу—отсюда и тупики, из которых реформаторы, в роде тов. Редина, выходят путем радикального предложения — уничтожить вовсе злополучный предмет.

Соответствует ли подобный радикализм действительным потребностям пролетарского студенчества и задачам высшей партийной школы?—так ставится вопрос настоящей дискуссии.

Прежде всего необходимо установить точно, какую цель преследовало введение нового учебного предмета в программу комвузов. Тов. Редин утверждает, будто цель курса истории развития общественных форм заключается в том, что этот курс должен дать необходимый социально-исторический

минимум для изучения всех последующих общественных дисциплин. Такой универсализм подготовки тов. Редин считает невыполнимым и этим-де об'ясняется, что курс истории развития общественных форм не дает «никакой подготовки ни к одному курсу». Как предмет, изучающий лишь главные этапы того пути, по которому шло человечество в своем развитии, история развития общественных форм преподается слишком абстрактно, не дает конкретных сведений по истории ни одной страны, а конкретно-историческим материалом оперирует лишь в качестве иллюстраций. Студенчество-де поэтому не получает основного—«понимания процесса зарождения и вызревания капиталистического общества», зазубривает общие формулы общественного развития и вовсе не приучается диалектически мыслить и разбираться в конкретном материале общественной жизни.

Характеристика, что и говорить, убийственная. Только, правильна ли она? Верно ли тов. Редин изложил задачи предмета, и следствием чего являются отмеченные тов. Рединым недочеты: неудачной программы или неумелого преподавания?

В об'яснительных записках, ежегодно прилагаемых к утвержденным Агитпроп. отделом ЦК ВКП(б) программам по истории развития общественных форм, задачи курса ставятся несколько иные, чем их формулировал тов. Редин. «История развития общественных форм—читаем в прошлогодней об'яснительной записке—является вводным курсом по отношению к курсам истории классовой борьбы (на Западе, в Росссии и на Востоке) и по отношению к курсу исторического материализма». Это основная задача курса. Вторая же задача вовсе не—«подготовлять ко всем общественным дисциплинам»,—как утверждает тов. Редин, а формулируется иначе.

Курс должен «познакомить студентов с сохранившимися до настоящего времени до-капиталистическими отношениями в различных странах, в том числе и в СССР». Об этой задаче тов. Редин вовсе не упомянул, а она очень важна — она придает курсу злободневность и практический интерес. Эта вторая задача заставляет строить программу истории развития общественных форм в особой последовательности тем и увеличивает ее об'ем. В об'яснительной записке об этом так сказано: «Так как каждый предмет имеет свою логику развития, обязывающую держаться определенной последовательности тем, то приходится при построении программ вторую цель ставить раньше первой и начинать изучение истории развития общественных форм не с ближайших предшественников капиталистического общества, а с самого зарождения человеческого общества». Итак, задачи истории развития общественных форм сформулированы тов. Рединым неточно. Еще более неточно определил тов. Редин сущность этого учебного предмета. Цитата, которой оперирует тов. Редин (взята из моей книги: «Очерк развития общественных форм»), взята не к месту, потому что из дальнейшего изложения видно, о чем она говорит. Весь абзац (предисловие, по изд. 2, 3 и 4-му) трактует о том, что история развития общественных форм не заменяет собою истории отдельных стран, а лишь намечает линию развития общественных форм, иллюстрированную теми или иными конкретными примерами. Что же касается существа дела, то его можно найти в том же предисловии (и во введении) в нескольких местах,—везде подчеркивается, что история развития общественных форм изучает общественные формы в их генезисе и последующем развитии (а вовсе не «этапы», как утверждает тов. Редин). Что же такое эти пресловутые «общественные формы»? Общественными формами кратко называются более или менее стойкие формы общественных отношений, как, напр., формы хозяйства, государства, и т. д. Тов. Редин не заметил этих общественных форм, он беспечно отожествил их с «этапами», подменил одно понятие другим — но это ошибочное смешение этапов (напр., родовой строй, феодализм, эпоха торгового капи-

тала и др.) с общественными формами ведет к явно искаженной перспективе. Этапы развития человечества (в прошлом) носят название социологических эпох; деление по эпохам необычайно условно — настолько условно, что одно и то же явление относят и к эпохе феодальной, и к эпохе торгового капитала. О сущности некоторых эпох до сих пор идут споры (напр. о феодализме). Что же касается общественных форм, то эти понятия стойки: никто не спутает брак с классовой борьбой, религию с хозяйством. Откуда же перенял тов. Редин свою терминологию? Вероятно, от Н. Андреева или от К. Тахтарева — ученых весьма уважаемых, но запутавших вопрос. Если студентам в том комвузе, где работает тов. Редин, преподносятся именно такие «общественные формы», то неудивительно, что результаты обучения плачевны: даже «азбучные истины», против которых восстает тов. Редин, эти студенты получают в совсем искаженном виде.

История развития общественных форм изучает, таким образом, вовсе не «этапы развития человечества», а настоящие общественные формы, и намечает линию развития тех из них, которые сохранились до сего времени (не всех, следовательно, форм, а только имеющих отношение к современности).

Нужно ли вообще изучать общественные формы? Тов. Редин считает возможным заменить такое изучение курсом «конкретной истории». Посмотрим, возможно ли это.

Никто не станет спорить против того, что знание фактов необходимо для того, кто хочет из этих фактов делать выводы. Это такое положение, которое тов. Редин может выставить, с полной уверенностью не найти оппонентов. Но что такое «исторические факты», как они устанавливаются? Ни один из этих «фактов» не попадает в сознание студента сам собою — его как-то подают: или в виде отрывка из подлинного исторического документа, или в виде обработанной исторической «справки», или в виде стройной сводки многих документов и других источников и т. д. Устанавливать фактическую сторону события студенту, конечно, не приходится — за него это уже делает предварительно кто-то другой. Но на материале учебном (препарированные документы и пр.) студент получает навыки ориентировки и уменье применять научные методы. Сырой и полуобработанный материал может даваться студенту в ограниченном количестве, да и то не в первом году обучения. Если тов. Редин требует, чтобы с первого же года студент изучал «источники», то это требование ничем не может быть обосновано; если же он этого не требует, то к чему в сущности сводится его предложение, заменить историю развития общественных форм «конкретной историей»? К большей связности исторического материала, к меньшей препарации его и к замене социологической (вернее, тематической) подборки материала хронологической. Что это именно так, и что за радикальными предложениями скрывается совсем скромное «пожелание», можно наглядно показать.

В истории развития общественных форм берется, в виде классического примера, одна какая-либо старана, и с ней сравниваются общественные формы в других странах (в эпохи совпадающие, конечно). Не цепь событий, а наличие изменения (более или менее крупного) общественных форм изучает этот учебный предмет. Естественно, что мелкие факты стираются, отбрасываются маловажные детали. Изменение (и причина изменения) общественных отношений схематизируется, а хронология выступает только в роли вспомогательной, но не основной. Что же касается самих исторических фактов (называемых «историческими примерами»), то их можно брать в большем или меньшем об'еме и с любым количеством деталей (с любой «глубиной» изучения, как говорят)—в зависимости от опыта преподавателя и наличия

учебного времени у студентов. Не сущность предмета, а отведенное по учебному плану время определяет углубленность изучения отдельных вопросов.

Как же подходит к тем же вопросам история—«конкретная»? Если тов. Редин имеет в виду ввести вместо истории развития общественных форм систематический курс истории, излагающий последовательно все крупные экономические и политические события, то он желает совершенно реформировать преподавание всех исторических дисциплин в комвузах—об этом надо так и сказать. В настоящее время все исторические дисциплины отказались от систематических курсов, а ввели курсы тематические. Весь исторический материал, заранее подобранный, группируется вокруг немногих «узловых» тем. Исторический процесс причесывается и схематизируется. Опускаются целые периоды. Отбрасываются не только детали, но и крупные события. Более того, отдельные страны, как таковые, почти не изучаются, потому что из истории важнейших стран выделяется только наиболее яркое, да и то с таким расчетом, чтобы проходить типичные формы («классические образцы») и опускать, сплошь и рядом, отступления от этих форм. Единственное отличие от «социологической» трактовки тем в истории развития общественных форм заключается в конкретной истории в том, что в ней больше внимания уделяется политической стороне общественных отношений, да соблюдается хронология (да и то не вполне, если одинаковые типы общественного развития наблюдаются в разных странах в различное время). Настоящей «конкретной» истории в комвузах не преподается — все исторические курсы в большей или меньшей степени «социологичны». Следовательно...—следовательно, предложение тов. Редина ничего не улучшает. Так же, как и преподавание истории развития общественных форм, все остальные исторические дисциплины упираются в недостаток учебного времени, с той только разницей, что первый предмет удается пройти в предположенном об'еме, а остальные исторические предметы ежегодно урезывают свои программы и все-таки не могут их выполнить полностью в намеченное время.

Можно ли будет уложить историю феодализма и торгового капитала в Западной Европе (и России) — как предлагает тов. Редин — в отведенное для истории развития общественных форм время? Я утверждаю, что нет, потому что на период с VIII по XVII века (для Зап. Европы) будет тем самым отведено учебное время вдвое меньшее, чем на каждый из остальных исторических курсов. Можно, конечно, преподнести студентам окрошку из экономической и политической истории нескольких стран, но этот калейдоскоп событий (напр., политические события феодальной эпохи!) вовсе не даст студенту понятия о сущности исторического процесса; о навыках же самостоятельной ориентировки в материале студенту в таких условиях нечего будет и мечтать. Или полнейшее невежество, или подлинная зубрежка— только к таким результатам привело бы осуществление на практике «радикальных» предложений тов. Редина.

Внося предложение упразднить «общественные формы», тов. Редин зовет нас назад — но не к нашему, а к чужому прошлому: к модернизированному «под советскую власть» учебнику Иловайского. А не плохо было бы вспомнить партийное прошлое высшей школы; в нем, пожалуй, нашлись бы не плохие традиции.

Откуда выросли комвузы? Нет ли в их истории моментов, помогающих нам ориентироваться в дискуссируемом вопросе?

Возникли коммунистические университеты (собственно, коммунистический университет имени Свердлова—как первый комвуз) только в 1921 г. До того существовали различные краткосрочные курсы (от 2 до 3 месяцев) пропагандистов и агитаторов, а тот же университет имени Свердлова до 1921 г. был университетом лишь по имени, а, в действительности, представлял

собою соединение нескольких учебных заведений (лекторские курсы, курсы партработников и пр.) с курсами очень скромной длительности. Но из этих курсов развернулся настоящий комвуз с 4-годичной программой обучения. Следовательно, шестью, в лучшем случае — десятью годами и ограничивается история наших комвузов. Однако, зародыши высшей партийной школы существовали гораздо раньше — задолго до Октября, и они дали возможность сразу установить существующий до настоящего дня тип высшей партийной школы. Конечно, комвузы — детище Октября, но их генезис уходит в далекое подпольное прошлое нашей партии.

Вплоть до 1917 г. теоретическое развитие партийцев-рабочих натыкалось на большие трудности. Марксистская наука одолевалась товарищами наиболее успешно в местах заключения и в ссылке — это неудивительно: много свободного времени, возможность планировать учебу на несколько лет и, наконец, высококвалифицированные теоретики тут же под боком, в качестве «консультантов». Для тех товарищей, которые находились до поры до времени на свободе, условия изучения теории марксизма были значительно труднее: для самообразования почти не оставалось времени; партийная пресса освещала, правда, не только узко злободневные вопросы — в ней помещались и статьи по программным вопросам, — но попадала она в руки рядового подпольщика не так уж часто. Все знания получались урывками, кусочками, и приходилось затрачивать не мало труда, чтобы привести их в стройную систему. Но в этих знаниях было самым ценным то, что, раз усвоенные, они не забывались: они применялись непосредственно к классовой борьбе и это создавало идеальные условия для их усвоения. Существовали также пропагандистские кружки, в которых разбирались программные вопросы, вопросы марксистской теории, но вплоть до 1906 г. в этих кружках преобладал интеллигентский состав.

В эпоху реакции недостаток пропагандистов-интеллигентов остро поставил перед партийными организациями вопрос о подготовке новых кадров пропагандистов-рабочих. В нелегальных организациях интеллигентов почти не осталось — часть сидела в тюрьмах и ссылке, часть была в эмиграции, остальные «разочаровались» в работе, т.-е. по-просту ушли из партии, испугавшись репрессий царского правительства. Нужны были новые пропагандисты, и в самый короткий срок. Тогда на очередь дня стал вопрос о создании высшей партийной школы. Такая школа, как известно, была создана за границей (сначала впередовцами—на острове Капри, а потом большевиками — в Болонье). Школа сыграла свою роль, но не очень большую: количество учащихся было незначительным, причем, по окончании школы, большинство из них было арестовано, когда вернулось в Россию. Дело подготовки пропагандистов-рабочих было бы совсем сорвано, если бы местные организации не рискнули своими силами выполнить то, что оказалось не под силу эмиграции. Были созданы повсюду пропагандистские кружки разных типов (и даже ступеней обучения) и им удалось, наконец, дать партии новых пропагандистов.

Времени для обучения в пропагандистских кружках было мало, а между тем участники кружков нередко нуждались в предварительной, азбучной, марксистской подготовке, прежде чем с ними можно было начать более углубленную работу. Первые опыты были неудачны, потом учеба выправилась. Создался наиболее приспособленный тип программы, был подобран подходящий учебный материал, и дело пошло.

Интересно посмотреть, что же и как проходилось в этих пропагандистских кружках.

После предварительного ознакомления члена кружка с основными программными вопросами по разным мелким брошюркам, кружки приступали к изучению... первобытной культуры. «Вот странность! — скажут многие со-

временные преподаватели комвузов, — тратить время на первобытную культуру, когда его нехватало на самые острые вопросы современности!» Но это было далеко не странностью — не было это также случайностью, потому что почти все кружки так начинали, не было и косностью. Изучение истории первобытной культуры помогало выработке материалистического мировоззрения и одновременно давало хороший материал для антирелигиозной пропаганды. Такими результатами ни один партиец пренебречь не мог. Штудировали, большею частью, Липперта, штудировали основательно и не без труда, но одолевали. Позже появилась книга А. Богданова: «Краткий курс экономической науки», частично заменившая старика Липперта. От истории первобытной культуры переходили к Каутскому —«Экономическое развитие и общественный строй» (Комментарии к Эрфуртской программе). Книжка эта связывала первобытную культуру с современностью путем изучения генезиса капиталистического способа производства и служила введением в политическую экономию. Когда же члены кружка переходили к Энгельсу («От утопии к науке») и к «Капиталу» Маркса, им эти книги давались сравнительно легко, так как предыдущее обучение подготовило почву для усвоения их. Правда, «Капитал» не всегда изучался в подлиннике, а большею частью в изложениях (Каутского, Бернштейна и пр.), но и эти книги нельзя отнести к легким. Легко давался и «Аграрный вопрос» Каутского и ««Развитие капитализма в России» Ленина — также в силу предварительной подготовки. А где же история?—спросит читатель. Истории, «конкретной», в кружках не преподавалось, но она изучалась членами кружка путем самообразования. Считалось — и не без оснований—что изучение истории (даже по Иловайскому) будет облегчено проработкой указанных выше книг, и что член кружка сможет отнестись критически, если не к «фактам», то во всяком случае к выводам казенного историка. Было бы больше времени, изучалась бы в кружках и история, как таковая, но времени не оставалось.

Программы Каприйской и Болоньской школ строились почти также: и в них, несмотря на то, что срок обучения был дольше, и предметов было больше, «конкретная» история занимала мало места.

Так составлялись программы, экономившие время обучения, силы учащегося, облегчавшие усвоение учебного материала и отчетливость представлений. Все давалось в компактной и достаточно обработанной форме. Программы были приспособлены к имевшимся возможностям, и они учитывали вполне запросы пролетарской аудитории пропагандистских кружков.

В наших современных комвузах учебные возможности гораздо шире возможностей нелегальной партийной школы, но цели те же. Комвуз должен в самый короткий срок дать возможность грамотному партийцу получить необходимую для его партработы научную подготовку (дела не меняет, что комвуз готовит партработников повышенной квалификации — примерно, работника губернского масштаба), и так как обучение имеет строго практическую цель, в основе его должно стоять приучение к методам самостоятельной работы, а не запоминание наибольшего количества «фактов». Что же касается большей длительности курса, чем в прежних нелегальных кружках, то это обстоятельство только уменьшает для студента бремя самообразования (но не снимает, как увидим дальше, его совсем), бывшее прежде очень тяжелым. История, которая проходилась раньше путем самообразования, вошла теперь в нормальный учебный план, вошли и многие другие предметы, прежде не преподававшиеся; но для самообразования осталось еще много материала, и включить его целиком в учебные часы было бы невозможно. Скажем, например, история искусства, история какой-либо отдельной страны или местности, интересующие студента, и т. д.—могут ли они в настоящее время изучаться, как учебные предметы? Конечно, нет, потому что времени мало

Следовательно, все это нужно пополнить самообразованием. Так обстоит дело и с пробелами, получающимися при прохождении истории развития общественных форм — и их приходится заполнять путем самостоятельной работы студента.

Как видно из проекта первой программы комвуза, история партийного просвещения была учтена составителями программы. Липперт и Каутский (история первобытной культуры и история хозяйственных форм) должны были попрежнему изучаться, но в усложненном виде. История развития общественных форм — это именно тот предмет, который до Октября изучался по Липперту, Каутскому и Богданову. После Октября предмет стал более полнокровным, обогатился историческими и этнографическими примерами, обновил свои методы, но сохранил прежнюю целевую установку. Было бы обидно, если бы причесанный и умытый этот потомок подпольной пропаганды стал отказываться от своих родителей — а именно на это подбивает его тов. Редин.

В программе высшей партийной школы, следовательно, история развития общественных форм занимает место не случайно. Ей приходится, вместе с естествознанием, закладывать фундамент научного миропонимания; ей приходится систематизировать множество знаний, полученных студентом до его прихода в университет эмпирическим путем; наконец, ей приходится раньше других общественных дисциплин, потому что она проходится в первом году обучения, поставить в непосредственную связь вопросы теории и практики (та часть курса, которая относится к учению об отсталых народах). Насколько она выполняет все эти задачи — зависит от методов преподавания, но вовсе не от самого предмета. Поставьте, тов. Редин, преподавание более глубоко и вы получите совсем иные результаты.

Остается ответить еще на несколько второстепенных предложений тов. Редина.

Тов. Редин предлагает ограничиться изучением истории одной Европы (Западной и Восточной), как родины капитализма. Он особенно настаивает на этом, так как считает самым главным упором курса доказательство того, «что не закономерность вообще, а конкретная историческая закономерность привела Европу к капитализму». Закономерности «вообще» не существует, и вряд ли кто-либо упоминает о такой закономерности, кроме тов. Редина. Но историческая закономерность заключается вовсе не в том, что какая либо страна пришла к определенным результатам, а в том, что одинаковые исторические причины неизбежно вызовут такие же результаты и в любой другой стране. Это обстоятельство позволяет многое научно предвидеть и, поэтому, направлять усилия не впустую, а в уверенности на вполне реальные последствия. Именно, имея в виду эту «историческую закономерность», мы не можем ограничиться изучением истории одной Европы — и тов. Редин это подозревает сам. «Не явится ли, — пишет он — однако, умолчание о всех внеевропейских странах некоторым пренебрежением к ним — к странам, которые сейчас выходят на авансцену исторического развития, и не поведет ли это умолчание тоже к искажению переспективы? До известной степени да, и как избежать этого искажения — необходимо подумать». Я добавил бы, что получится не только «некоторое» искажение переспективы, но она исчезнет совсем. Интересно, как об'яснит тов. Редин своим студентам империалистическое развитие Англии, если предварительно не скажет об английских колониях и методах их эксплоатации. Если в курсе «конкретной» истории для колоний не найдется места, то было бы хорошо удалить временно, пока студенты будут проходить рекомендованный тов. Рединым курс, такие неприятные силуэты, как Индия, Африка, Австралия и пр. прочь с исторической карты. Но как и под каким «историческим» предлогом удастся потом вернуть их на карту? Получится совсем неприятное положение:

тов. Редин признает только «конкретную» историю, но оказывается, что такой истории пока еще нет у многих народов (напр., у большинства африканских племен, у туземцев Австралии, и пр.). Что-ж, если эти народы еще не создали своей истории, придется ими «пренебречь». Так, тов. Редин? «Конкретность» это, или абстракция? Не делаете ли вы сами то, против чего хотите «сосредоточить свой огонь»?

Тов. Редин не рекомендует особенно углубляться в седую древность, он считает достаточным начать курс конкретной истории со времен европейского феодализма. Если ограничиться только вопросами экономического и политического развития Европы, то такое ограничение целесообразно. Но как же быть с, так называемой, культурной историей — выбросить ее за борт? Куда деть брак и семью, науку, религию, искусство? Как быть, даже, с вопросом о происхождении частной собственности, которая каким-то чудесным образом, вдруг, появится в поле внимания студента? Сказать, что эти вопросы несущественны, никак нельзя; совершенно игнорировать их не решится и тов. Редин. А так как никакого другого курса, кроме курса «конкретной» истории, не будет, то придется начинать историю всех этих общественных форм также со времен европейского феодализма. Получится удивительное положение: студент столкнется с историей семьи и брака в тот период, когда уже сложилась малая семья и моногамия. Что ему даст такая «история» когда он попытается применить ее к вопросу о современном браке? Возьму еще другой пример: религия (христианство) станет изучаться в наиболее развитом виде и прямо на европейской почве. Какую ориентировку может дать такое изучение религии антирелигиознику? Как разберется он (с такой исторической подготовкой) в культах анимистических (напр., в современном шаманстве)? Я уверен, что некоторые уклоны в антирелигиозной пропаганде об'ясняются именно плохой подготовкой антирелигиозников — взять хотя бы увлечение всякими «разоблачениями». Тот, кто плохо знает социальную сущность религиозных верований, всегда подменяет борьбу с религией борьбой с духовенством, а это далеко не одно и то же. Результаты получаются совершенно неожиданные: анти-поповская агитация увеличивает количество участников тех сект, которые отрицают священство, но очень мало имеет значения в деле борьбы с религией вообще. Мы слишком мало изучаем религию, слишком кустарно ставим подготовку антирелигиозников, и еще хуже будем это делать, если примем новую программу тов. Редина.

В общем, такое скромное, на первый взгляд, предложение — начать историю с европейского феодализма — приводит к множеству крупнейших прорех: за порогом «конкретной истории» остаются археология и этнология. А это значит—не больше и не меньше—как сделать «исторический» подход к изучению современной действительности без... современных народов.

Есть, однако, и ценное в предложениях тов. Редина. Он настаивает на том, чтобы изучение эпохи торгового капитала было выдвинуто на первое место в курсе. В этом вопросе тов. Редин должен одержать полную победу, и я ничего не могу ему возразить. По той причине, что последние программы курса истории развития общественных форм построены именно так, как это советует сделать тов. Редин. У меня под рукой программы четырех московских комвузов (университет имени Свердлова, университет народов Запада, государственный институт журналистики, академия коммунистического воспитания) — во всех этих программах изучению эпохи торгового капитала отведено $^{4}/_{5}$ учебного времени. Пожалуй, большего не потребует и тов. Редин.

Предложение заменить историю развития общественных форм конкретной историей делается не впервые—некоторые из инициаторов такой замены представляли и новые программы. Но каждый раз приходилось убеждаться в том, что вместо нового нам предлагают старое, дореволюционно-старое изучение политической истории «древних, средних, новых и новейших веков».

В предложениях тов. Редина ново только то, что он ввел в систему своих доказательств несколько цитат из Маркса и Ленина. К сожалению, цитаты заострены не против социологического об'яснения исторического процесса, а против однобоких универсальных схем, и поэтому никак не могут задеть историю развития общественных форм, как таковую. Еще не потерял своей злободневности китайский вопрос, в котором путались многие весьма уважаемые товарищи не потому, что они не знали цитат Маркса и Ленина, а потому, что они не желали ничего знать о феодализме, как социологическом явлении, и поэтому никак не могли заметить феодальных отношений в китайской действительности. Я прибавил бы еще, что полезно было бы китаеведам знать немного и об эпохе торгового капитала. Было бы грубейшей ошибкой переносить целиком на Китай «конкретный» западно-европейский феодализм или западно-европейскую эпоху торгового капитала, но знать социальную сущность этих эпох было бы не вредно при всяких сравнениях, параллелях и аналогиях. Отказаться вовсе от аналогий и сравнений наш ум не может — для того, чтобы понять всесторонне какое-либо явление, его нужно с чем-то сравнить; но, при недостатке подходящих исторических примеров, для сравнения начинают браться примеры самые близкие по времени. Отсюда — аналогии с 1905 г. и 1917 г.: аналогии ничего не выясняющие и поэтому ведущие к неправильной оценке явлений китайской действительности. Предложение тов. Редина привело бы, в случае его применения к изучению до-капиталистических эпох, к весьма печальным результатам — оно лишило бы студентов возможности оперировать историческим материалом, как материалом сравнительным. А те прорехи, которые получались бы при анализе современности по способу «конкретного» изучения (вернее, не конкретного, а изолированного, метафизического изучения явлений), неизбежно бы затыкались авторитетными цитатами.

История развития общественных форм, имеет много недостатков в силу своей относительной молодости — это недостатки методологические, масса неразрешенных научных проблем и многое другое; но все эти недостатки не там, где их ищет тов. Редин. Плохие же результаты учебы заключаются не в программе, а в неумелом подходе к аудитории, рутинерстве преподавания, неправильном толковании программ.

Нигде, кроме комвуза, студент-пролетарий не получит представления о происхождении, сущности и причинах смены общественных форм в таком об'еме, как это делается по существующим программам. Неверно, будто бы студенты приходят в комвузы с достаточным знанием всех необходимых для изучения общественных отношений социологических обобщений. Студенты утверждают, что даже в тех случаях, когда у них есть кое-какие общие сведения по истории общественных форм, им приходится наново переучиваться, так как все вопросы ставятся в комвузе по иному, и перед студентами возникают такие проблемы, о существовании которых они раньше и не подозревали. Говорят студенты еще и о другом: для того, чтобы вполне овладеть историей развития общественных форм, необходимо читать не только учебную литературу, но и статьи по истории и этнографии, описания путешествий, беллетристику, газетные фельетоны. Без этого, действительно, изучать предмет трудно. Что же касается преподавателей, то они принуждены помогать своим слушателям постоянной дачей исторических справок и нередко даже читать по тому или иному вопросу эпизодическую лекцию. Плохо ли это? Нет, это правильный путь. Именно так и должно строиться преподавание, если оно имеет в виду сознательное отношение к изучаемому предмету, а не «вызубривание общих формул» и, прибавим, общих мест.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ: К. Шмюкле, М. Нечкина, В. Сергеев; ОБЗОРЫ: Я. М. Захер, Ал. Гуковский, Л. Тардай; ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ: А. Васютинский, А. Шестаков; РЕЦЕНЗИИ: В. Д. Преображенский, С. Моносов, А. Молон, А. М—н, П. Ф. Преображенский, И. Рудерман, А. Ш—х, М. Нечкина, Е. Мороховец, Арк. Сидоров, А. Ш—ов, М. Югов, Ал. Гуковский, И. Кизрин, В Рейхберг; А. Иоаннисиани.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

I том полного собрания сочинений Маркса и Энгельса

Karl Marx, Werke und Schriften bis Anfang 1844, nebst Briefen und Dokumenten (Karl Marx—Friedrich Engels, Historisch—Kritische Gesamtausgabe. Erste Abteilung Band I, Erster Halbband). Im Auftrage des Marx—Engels—Instituts Moskau herausgegeben von D. Rasanov.

Нельзя вполне основательно усвоить марксизм, не изучив труды Карла Маркса и Фридлиха Энгельса в оригинальных текстах, нельзя усвоить марксизма всесторонне, не имея в своем распоряжении полного собрания трудов, брошюр, статей и т. д. основателей научного социализма

Подобного собрания сочинений не имеется по сей день. Мало того, что важнейшие работы Маркса и Энгельса рассеяны в частичных изданиях, но большая часть их гениальных творений в силу разного рода причин неизвестна по сей день. Кипы рукописей пролежали десятки лет в архивах, иные работы опубликованы были в очень трудно доступных старинных журналах, газетах и т. п.

Предварительные работы к изданию полного собрания трудов обоих авторов, правда, проделывались. Известно, с каким энтузиазмом Ленин приветствовал опубликование четырехтомной «Переписи между Марксом и Энгельсом», или, как, например, Роза Люксембург приветствовала появление проредактированных Каутским так наз. «Теорий прибавочной ценности». Франц Меринг, которому после смерти Энгельса поручено было издание сочинений обоих «диоскуров», опубликовал четверть века тому назад те три тома» „Aus dem Literarischen Nachlass von Karl Marx und Friedrich Engels“ [1] относительно которых Рязанов заявляет: «издание Меринга составило в буквальном смысле этого слова эпоху в истории изучения марксизма» [2].

Ювелирная оправа исторических и теоретических «введений» была отличительной чертой этого издания. Но оно обнимало только период 1841—1850 гг. и не было полным даже для этого периода. Меринг весьма точно установил специальные цели и характер своего издания и вполне определенно обозначил его, как «предварительную работу». Он облек это «историческое» издание в ту политическую форму, которая столь свойственна его собственной фигуре борца и которая с полным основанием навлекла на него особую антипатию «чистой», совершенно «аполитичной» буржуазной науки. Ни один марксист не станет оспаривать заслуги Меринга по части его поучительных коментариев, по части его ценных вкладов в дело исторического изучения марксизма, в деле

---

[1] Русский перевод появился уже в 1907 году—К. Маркс и Ф. Энгельс, литературное наследство. Изд. Фр. Мерингом (перевод с немецкого Е. А. Гуревич и М. Г. Лунца. Изд. «Мир», Москва, 1907 г.). В 1908 г. появился второй: «Собрание сочинений К. Маркса и Фр. Энгельса 1841—1850. Под редакцией Л. И. Аксельрод, В. И. Засулич и Д. Кольцова. Одесса. 1908. Третий том Меринговского издания издан был впоследствии Рязановым под заголовком—К. Маркс и Фр. Энгельс в эпоху немецкой революции 1848—1850 г.г. (Госиздат).

[2] См. «предисловие» к рецензируемому тому, стр. XIV.

всего этого издания работ, относящихся к столь решающему и важному в развитии Маркса и Энгельса периоду борьбы классов — и все это несмотря на то, что издание это не могло быть исчерпывающим даже и для периода 1841—1850 гг.

Наконец, Рязанов опубликовал два тома из периода после 1852 гг.: „Gesammelte Schriften von K. Marx und F. Engels" Он тоже принужден был тогда сделать выборку из имевшегося материала и не имел возможности вследствие начавшейся в 1917 году революции издать задуманные им третий, и четвертый томы. — Таковые главнейшие, предварительные работы к изданию полного собрания сочинений [1].

«Полное научное собрание статей, оставшихся после Карла Маркса и Фридриха Энгельса, было бы весьма желательно. Но в ближайшем будущем это является делом невозможным. Чтобы восстановить их надлежащим образом, необходим ряд предварительных работ, которые не могут быть выполнены в короткий срок не только одним человеком, но даже и многими» [2]. Так писал Меринг еще в 1901 году. С тех пор случилось многое, что потрясло основу капиталистического общества, что придало старому миру новое лицо Октябрьская революция создала, наконец, материальную базу, на которой можно было бы приступить к делу создания подобного «полного научного собрания» сочинений. Это перестало уже быть делом «недоступным в ближайшее время». Через десять лет после октября 1917 г. опубликовывается первый том «Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса», «издаваемого по поручению Института Маркса-Энгельса, Д. Рязановым».

Мы не станем здесь вдаваться в подробности сообщаемого Рязановым в его «предисловии» общего плана издания: издание текстов рассчитано на три раздела, из коих первый обнимает все сочинения и статьи за исключением «Капитала», ко второй относится «Капитал» и все предварительные к нему работы, в третий войдет переписка. Для завершения работы потребуется более 40 томов, и, как недавно заявил Рязанов, не менее 10 лет работы.

В основу всей работы положены принципы, сводящиеся к следующему: исчерпывающая полнота издания, научная репродукция оригинальных текстов, систематическое историческое расположение материала. Для томов первого раздела, содержание коих, естественно, будет известным образом отличаться от гигантского основного труда Маркса — «Капитала», намечаются «Примечания и иные приложения», т.-е. определенное историческое комментирование [3]. Общий указатель ко всему собранию сочинений предполагается издать отдельным, четвертым разделом. Издание должно, таким образом, носить «историко-критический» характер в специфическом смысле этого слова и создать «первую важнейшую основу для всестороннего изучения Маркса и Энгельса» [4].

По поводу единственно вышедшего пока тома этого «международного» полного собрания сочинений, которое по типу, очевидно, существенно будет отличаться от тенденций Меринга, можно будет сказать, что техника издания безусловно стоит на той высоте и на уровне тех точных способов, которые достигнуты за последние десятилетия лучшими буржуазными специалистами Запада для издания «их» классиков. Каждая страница свидетельствует о той уйме работы, какая потрачена была для часто чрезвычайно трудного и сложного подбора и для достоверной передачи материалов. Одним словом — этот том обещает многое, выполнение чего мы ожидаем от продолжения начавшейся, наконец, работы по изданию.

Несколько слов об основном содержании. Мы попытаемся наметить несколько главных линий, представляющих особый интерес для марксистского исследователя. Само собою разумеется, что здесь прежде всего следует особо отметить важнейшие из опубликованных здесь впервые в оригиналь-

---

[1] О предпринимавшихся еще при жизни Маркса и Энгельса попытках издания полного собрания сочинений «Предисловие» рецензируемого тома дает интересные данные.

[2] Меринг в его предисловии—том I, стр. 1.

[3] Так как рецензируемый том представляет собою полутом и помимо «Предисловия» и «Введения» редактора содержит исключительно марксовские тексты, то об этой части работы по изданию можно будет судить лишь по выходе второго полутома с обещанными документами, письмами, примечаниями, историческими приложениями и т. д.

[4] «Предисловие», стр. XXVI.

ном тексте работ молодого Маркса[1]. Как указано в «Введении», перепечатываемые, на основании рукописи, новые работы составляют очень значительную часть тома, а именно 15 листов текста из общего числа 39. Кроме того 6 листов обнимают перепечатки первоизданий, до сих пор в достаточной мере не оцененных ни историками, ни теоретиками. Всякий, кто знакомится хотя бы в общих чертах с содержанием этого тома, должен вполне согласиться со словами редактора: «на основании нового материала, в числе коего имеются весьма ценные теоретические и публицистические работы, портрет юного Маркса несомненно сможет обогатиться многими и существенными новыми чертами, его развитие сможет быть прослежено гораздо более точно»[2].

Том посвящен исключительно Марксу и обнимает период от 1839 до начала 1844 г., т.-е. от «докторской диссертации» вплоть до появления (и немедленного прекращения) «Немецко-Французского Ежегодника»[3]. Это расположение материалов прекраснейшим образом соответствует развитию самого Маркса.

Период, материалы которого собраны в этом томе, представляют собою более или менее законченный отрезок[4]. Последнее слово юного Маркса, каким он предстает здесь перед нами в зеркале своих работ, уже первое слово коммуниста Маркса, хотя еще и не материалистического коммуниста. Карл Маркс, исходящий в эти годы в большей степени и почти исключительно из исторических и государственных теорий Гегеля; К. Маркс, набирающий в течение немногих месяцев своей политико-публицистической борьбы по линии «младогегельянцев» массу первого практического и даже тактического опыта и одновременно критически воспринимающий, составившие эпоху, работы философского материалиста Л. Фейербаха; Карл Маркс вслед затем в течение немногих месяцев теоретического «самопознания» проводящий решительную и почти окончательную критику Гегелевского образа мышления и вслед затем решительно и окончательно порывающий с идеологией и политикой мелкобуржуазного радикализма — прежде всего в лице Арнольда Руге — теоретическая и политическая линия развития этого юного Карла Маркса в высокой степени отличны от преимущественно литературно-политических начатков юного Энгельса, первоначально вышедшего из идейной среды «Молодой Германии». Несмотря на это оба разными путями быстро достигают той же цели: в том же «Немецко-Французском Ежегоднике», в котором Маркс (один из обоих редакторов этого журнала) фактически уже проводит свою первую, предварительную критику «Философии самосознания» Бруно Бауэра[5] и впервые провозглашает «эмансипацию человека» путем исторической инициативы массы путем революционного действия пролетарского класса,[6] Энгельс опубликовывает уже свой экономический этюд «Очерк к критике политической экономии», который несомненно сыграл большую роль в том, что Маркс обратился в сторону анализа экономических основ общества и который Маркс впоследствии неоднократно[7] хвалил, как «гениальную» работу. Вскоре вслед за тем начинается одна из тех грандиозных дружеских связей, подобных которой история знает так мало: уже в следующем — 1845 году — окончательно кладется основание тому теоретическому и практическому личному и политическому содружеству, из которого проистекла универсальная по своей тенденции теория диалектического материализма, или, иными словами, — научного социализма.

Материалы лежащего пред нами тома Маркса представляют собой единый, значительный круг, — предварительную историю творчества Маркса. Или точ-

---

[1] В русском переводе рукописи это блестящее теоретическое исследование — «Критика государственного права Гегеля»—одновременно опубликовано в III книге «Архива Маркса и Энгельса» (стр. 143 и сл.).

[2] «Введение», стр. XXIX.

[3] Документы и исследования по «истории семейства» Маркса и его юношескому развитию должны быть помещены во втором полутоме.

[4] «Введение», стр. XXXII след.

[5] Мы имеем в виду знаменитую статью — «К еврейскому вопросу» в которой Маркс по форме выступает еще весьма деликатно по отношению к прежнему другу и к его своеобразной «историко-философской» трактовке еврейского вопроса. Отход от Бруно Бауэра и его кружка (берлинских «свободных») начался из-за тактических только по видимости, а на самом деле принципиальных разногласий еще в период «Рейнской газеты». Окончательное размежевание с этими людьми последовало, как известно, лишь позднее в книге «Святое семейство», бывшей первым продуктом совместного сотрудничества Маркса и Энгельса.

[6] В «Критике гегелевской философии права».

[7] Так напр., в его работе «К критике политической экономии, в 1-ом томе «Капитала» и т. д.

нее — научной диалектики и политики Маркса, ибо экономическому обоснованию марксизма, которое началось в основной критике «немецкой» идеологии, предшествовало еще несколько других «звеньев». «Молодой марксизм», вырисовывающийся перед нами в этом томе, складывается еще преимущественно в философских формах даже там, где политические очертания этого образа мышления выделяются все резче и резче. Даже в «Рейнской Газете», в которой редактор ее Маркс выступает против столь «не философских» вещей, как королевская прусская цензура, как вопросы свободы печати, законодательства, «романтической» системы управления правительства Фридриха Вильгельма IV, как бюрократия и т. д. и далее, как кража леса, покровительственные пошлины и как тяжелое положение мелкого крестьянства, он свою политическую позицию постоянно излагает в терминах философских, «философии права». Решающее изменение начинается переселением в Париж (в конце 1843 г.). Только в центре страны, в которой в то время дальше всего продвинулось четкое разделение современных общественных классов, где противоречия политические развивались постоянно в новых формах, основываясь на не столь далеко отошедшей в прошлое Великой Революции, где социализм во всяческих нюансах идеологии выступил уже на арену, где практическая борьба мелкобуржуазного радикализма и пролетарского самосознания по меньшей мере стояла уже в порядке дня, а новая революция возвещала уже о своем наступлении угрожающими зарницами, только в этой экономически и политически прогрессивной по сравнению с Германией стране движущие силы современного буржуазного общества предстали перед очами Маркса во всей их материальной естественной величине. Только лишь в Париже — после крушения плана «духовного единения» немецких и французских вождей радикализма — Маркс окончательно отбрасывает в сторону «царство духов» гегелевской философии истории и прежде всего посвящает себя изучению уроков великой буржуазной революции и якобинской тактики, лишь в Париже он — с другой стороны—реально знакомится с современным пролетариатом на практике; лишь в Париже он совлекает с себя последние «немецкие», т.-е. философские оболочки теории и политики. Париж сыграл в жизни молодого Маркса роль, подобную той, какую сыграл Берлин в жизни молодого Бакунина [1]: разница только та, что Берлин сделал более или менее «правоверного» гегельянца Бакунина радикальным левым гегельянцем, который впоследствии и в первые годы своего пребывания в Париже не нарушил еще мелкобуржуазно-демократических рамок, между тем как Маркс в Париже из лево-гегельянского радикала окончательно превратился в революционного коммуниста [2].

Мы видим, как все толкает его в сторону этого результата. До того Маркс в общем и целом базируется на теоретических предпосылках левого гегельянства. Он сам левый гегельянец, правда с тем особенным отступлением, которое при внимательном наблюдении с самого начала отличает теоретика и политика Маркса от прочих представителей этого направления. Он очень скоро становится критическим и последовательным гением, политическим и движущим элементом той радикальной интеллигенции, которая в отсталых условиях тогдашней Германии пыталась в борьбе с усилившейся все более реакцией создать себе своеобразное оружие из гегелевской диалектики. Но наиболее значительные поборники этого движения в общем и целом никогда не могли целиком разбить специфически мелкобуржуазные, более того, специфические немецко-идеологические рамки своих воззрений. С этим не справился Фейербах, который уже в 1839 г. выступил с первой попыткой критики гегелевского умозрения и который первым пробудил к новой жизни в Германии материализм 18-го века. С этим не справился Бруно Бауэр, который очень скоро довел «трансцедентальное презрение» до «ультра-радикальной» фразы. С этим не справился и Мозес Гесс, который, несмотря на блестящие коммунистические зачатки и несмотря на длительное на него влияние Маркса, никогда не переставал быть идеалистическим и сентиментальным утопистом. Не справился с этим Арнольд Руге, довольно резко выявивший свое мещанство, когда «резкий» вид социализма, т.-е. «резкого социалиста» Маркса, вселил ему в Париже необычайный ужас, от котого он так и не избавился до скончания своих дней. Главный бой, который левые гегельянцы того периода дали силам прошлого, направлен был против религии. Это остается значительной их исторической заслугой тем более, что французские социалисты того времени еще в большей своей части находились в плену религиозных или полурелигиозных представителей.

---

[1] См. Вяч. Полонский — «М. А. Бакунин». 2-ое издание, том I.

[2] Для этого вопроса безразлично, написаны ли в основном своем содержании статьи в «Немецко-Французском Ежегоднике» еще до переселения в Париж или — по гипотезе Рязанова (стр. LXXVIII, LXXXI)1 — лишь после того.

Молодой же Маркс, звезда которого поднялась сравнительно поздно на «небе германского мира», был единственным из них, который скорым темпом пошел дальше. Он тоже принял еще участие в борьбе против религии и церкви (хотя он в основном и не вышел за рамки литературных проектов). Рецензируемый том содержит две небольших статьи, которые здесь впервые воспроизводятся как произведения Маркса[1]. Маркс, хоть и обозначает в «Введении к критике гегелевской философии права», «критику религии», «предпосылкой всякой критики», но и он резюмировал, однако, одновременно вполне законченный период идеологической борьбы, категорически заявляя — «Для Германии критика религии в основном закончена» (стр. 607).

Этим положением Маркс начинает статью, про которую Рязанов с полным основанием заявляет, что она «звучит, как боевой клич, как манифест нового направления, новой партии»[2]. Журналу — «Немецко-Французскому Ежегоднику» Маркс в опубликованной там же «переписке за 1843 г.» ставил задачу: «самопознание (критическая философия) своего времени об ее борьбе и желаниях. Это — работа для мира и для нас» и т. д. (стр. 575). Смелое слово. Но марксисты могут и сегодня сказать: весь тот процесс самопознания, который проделал Маркс в первый большой период своего развития, был не только «работой для мира», он на самом деле был своего рода «самопознанием» самого времени, иными словами — он не был сколько-нибудь важным суб'ективным явлением «своего времени», а, наоборот, был уже четким отражением об'ективного перехода во всемирно-историческом масштабе. Исключительный гений молодого Маркса в пределах теории выразил в классической форме переход от буржуазной революции к пролетарской, от политической к социальной. В политических и социальных категориях «критической», т. е. противо-умозрительной и реалистической философии это раннее развитие Маркса в очень короткий срок резюмировало историческую тенденцию развития, мучительно медленно боровшуюся за сознательное выявление со времени Французской революции. То, что Маркс провозгласил, как результат этого об'ективного этапа развития, в конечном счете было не чем иным как «последняя революция» Гракха Бабефа. Но на сколько ступеней выше стоит уже теория радикальной революции общества, в защиту которой в 1944 г. выступает Маркс!

Настоящую идейную движущую силу этого скорого развития следует усмотреть в диалектике. Этот метод рассматривать мир был «насквозь революционен» уже и в выработанной Гегелем «абсолютной» форме, хоть она и осталась у Гегеля облеченной в умозрительную форму и уже хотя бы потому связана была с отнюдь не прогрессивными политическими выводами. Бесспорно, что никем из главарей гегельянства, — в том числе и Фейербахом—диалектический метод не был усвоен в столь широком об'еме и с тою конкретностью, как Марксом. К «раннему марксизму» применимо поэтому то, что правильно по отношению к зрелому марксизму — диалектика является собственно революционным элементом этого образа мышления.

Огромное историческое понимание, бывшее отрицательной чертой учения Гегеля, является общей основой, из которой исходит Маркс с самого начала. Диалектика истории, государства, общества составляет собственно тему, которая трактуется во всех конкретных проблемах, во всех теоретических и публицистических работах этой первой эпохи. Освобождение диалектики от ее спиритуалистической и «систематической» мистификации, развите ее практическо-революционных и социалистических выводов, ее превращение в материалистическую диалектику—мы видим начало этого процесса (о котором Маркс в 1873 г. говорит в своем предисловии ко второму изданию «Капитала») и видим, как он приводит к принципиально-новой точке зрения. «Историческая диалектика» — «королевский путь» философии, по которому Маркс стремительно двигается вперед... за пределы философии.

Уже в первой его теоретической работе — в докторской диссертации — видна лапа льва. Она посвящена теме по истории идей — «Различие демокритовской и эпикурейской натурфилософии». Предмет исследования материалистический, трактовка его в основном идеалистическая. Маркс сам определенно ссылается на гегелевское изложение древней философии. Эта работа известна была уже по Мерингову изданию. Совершенно новыми

1 „Luther als Schiedsrichter zwischen Strauss und Feuerbach" (Из изгнанного прусской цензурой в Швейцарию сборника „Anekdota"). „Noch ein Wort über Bruno Bauer und die akademische Lehrfreiheit von O. F. Gruppe" (Из редактировавшегося Руге знаменитого философского журнала левых гегельянцев—„Deutsche Iahrbücher"). Последняя статья представляет собою резкую полемику по поводу дела Бруно Бауэра, лишенного университетской кафедры вследствие его „критики евангелий".

2 «Введение», стр. LXXXI.

являются, однако, обширные исследования, опубликованные теперь под заголовком: „Vorarbeiten zur Geschichte der epikureischen, stoischen und skeptischen Philosophie" («Предварительные работы истории философии эпикурейцев, стоиков и скептиков»), которые несомненно проливают на самую диссертацию гораздо более яркий свет. В обеих работах фактически уже поставлена проблема обмирщения философии, вопрос об ее связи с движущими силами истории, ее *общественной* «субстанциональности» и даже ее политической злободневности. Маркс имел потребность не только диалектически и исторически трактовать диалектическую и историческую темы, но и делать программные и полемические заявления для современности. Редактор с полным основанием указывает на то, что теоретикам историкам и теоретикам марксизма надлежало бы уделить больше внимания этому самому раннему продукту марксовского гения (конкретные результаты коего никогда не рассматривались Марксом, как пройденная ступень).

Вторую основную группу собранных в этом томе материалов составляют документы того времени, когда Маркс сразу сменяет свою студенческую каморку на кресло политического редактора и в течение нескольких месяцев, а именно вплоть до удушения газеты правительственным распоряжением руководит значительнейшим политическим органом радикальной немецкой буржуазии того времени — «Рейнской Газетой» в Кельне. Впервые собраны без пробелов все напечатанные Марксом в этой газете статьи, заметки и т. д. Сделано это на основании очень нелегкой работы по установлению авторства статей. Из важнейших и более крупных *вновь* опубликованных статей мы упомянем здесь о следующих: «К вопросу о централизации», «О бракоразводном законе правительства Фридриха Вильгельма IV», «о сословных комиссиях» в Пруссии, о выборах в ландтаг, целый ряд полемик с другими газетами различных политических оттенков, наконец, ставшие уже знаменитыми в истории изучения марксизма статьи о нуждах малоземельных виноделов на берегах р. Мозель. Статьи эти принадлежат к числу тех, которые, по собственным его позднейшим заявлениям, впервые натолкнули его на изучение материально-*экономических* условий. Статьи эти прекрасно показывают, как мало он в состоянии был справиться с этими экономическими вопросами, исходя из тогдашней его точки зрения, т. е. путем преимущественно *общественно-политической* критики. То, что открыл Маркс в эпоху «Рейнской газеты» — это была *движущая сила интересов, антагонизм частной собственности*. Общая линия Маркса, как редактора, характеризуется тем, что он повсюду старается ставить *принципиальные вопросы*. Правда, *форма* трактовки, как мы уже указывали выше, была философская, или, выражаясь языком Маркса, — « преимущественно философски-правовая». Но эта маскировка навязывалась хотя бы уже грубой бдительностью цензуры. Для марксиста, которому не приходится заниматься специальными историческими вопросами десятилетия, предшествовавшего 1848 году, несомненно наиболее важной является суть той *государственной теории*, которую Маркс выработал в эту эпоху своего развития, а также той *политической тактики*, какую он применяет в тогдашних условиях. «В руководстве «Рейнской Газетой» — теоретическо-практического органа стремящейся вверх радикальной буржуазии — Маркс, в тот период еще буржуазный демократ, проявляет себя как будущий учитель революционной тактики пролетариата» [1]. Основательное историческое исследование политической роли и теоретической позиции Маркса в эпоху «Рейнской Газеты» еще не написано. Документы для подобного исследования, наконец, имеются в исчерпывающей полноте и уже дают картину, существенно более выпуклую и значительную, нежели все, что известно было до сих пор. Социал-демократический рецензент лежащего перед нами тома — г. Отто Бауэр — собственной персоной недавно заявил с едва скрытым торжеством, что вновь опубликованными статьями «разоблачена» новая «в изумительной степени оппортунистическая фаза» в раннем развитии Маркса [2]. Не трудно будет на основании исторических материалов разоблачить, что изумительного или неизумительного оппортунизма нет и следа. Еще менее трудно будет разоблачить, что систематический оппортунист Отто Бауэр увидел лишь отражение своей *собственной* «в изумительной степени оппортунистической фазы».

В той переписке 1843 г., которая опубликована была в «Немецко-Французском Ежегоднике», Маркс возвещает уже «революцию, которая нам предстоит» [3].

---

[1] Рязанов в «Введении», стр. LVII.

[2] „Der Kampf" год XX, вып. II ноябрь 1927 г. стр. 538.

[3] Стр. 557. Письмо имеет дату «в марте 1843 г» — Упомянутая «Переписка 1843 г.» содержит в высшей степени важный в истории развития *Бакунина* документ, которому исследователи Бакунина всегда уделяли много внимания (стр. 566 и след.). Кроме того, имеется письмо *Фейербаха*, довольно отрицательное отношение которого к практическим целям «Немецко-Французского Ежегодника» Меринг с полным основанием определил, как «черный день» в развитии Фейербаха.

По времени этим открывается особая эпоха теоретических исследований, последним плодом которой является первая социалистическая теория революции. К этим месяцам вслед за закрытием «Рейнской Газеты» относится прежде всего неопубликованная с тех пор «Критика Государственного Права Гегеля», в котором Маркс параграф за параграфом критически исследует государственную теорию Гегеля и с «головы снова ставит ее на ноги». Решающий толчок дала материалистическая теория Фейербаха [1], но и тут сразу поражает принципиальное различие между исторически мыслящим Марксом и абстрактно-натуралистически запутавшимся Фейербахом. В этой своей чрезвычайно показательной работе Маркс приходит к тому выводу, что «политическое государство» не является творцом и господином «буржуазного общества», а что, наоборот, оно является продуктом и выражением этого общества и находится в противоречии с ним [2]. Особенно важна критика бюрократии, т.-е. бюрократического государственного аппарата. Впервые Маркс затрагивает вопрос упразднения государства, его отмирания. Опубликованные в «Немецко-Французском Ежегоднике» исследования Маркса, помимо его доли в только что упомянутой «Переписке 1843 г.» статьи «К еврейскому вопросу» и «К критике Гегелевской философии права» во всех почти основных чертах точнее и конкретнее детализируют то, что уж намечено в этой об'емистой рукописи. Все документы этой третьей основной группы тесно связаны между собой и представляют собою единое, бурное движение вперед. Маркс развивает свою первую, составившую эпоху критику «политической» или «буржуазной» революции. В общих смелых чертах, он рисует противоречия классов во французской революции, он открывает в пролетариата «отрицание» и «упразднение» буржуазного общества, признанном превратить политическую революцию в революцию человечества», т.-е. радикально-социалистическую. В «Критике гегелевской философии права» — в последнем документе рецензируемого тома встречается ряд пунктов, впоследствии повторяющихся — в экономически обоснованном виде — в Коммунистическом манифесте [3]. Но эта «критика» сама по себе написана пламенным и революционным языком манифеста. Можно ее даже прямо обозначить «предварительной» философской формой Коммунистического манифеста.

Мы уже выше говорили о результатах этой фазы «раннего марксизма». О «Немецко-Французском Ежегоднике» можно сказать словами короткой и точной формулы историка Макса Бера: «В этом журнале имеются зачатки марксизма, особенно в сочинении «К критике гегелевской философии права». В этих статьях Маркса «уже даны основные черты его позднейшей деятельности» [4].

(Перев. с немецк. рукописи Фр. Штрум).

К. Шмюкле.

Новая работа по хозяйственной истории России

(О книге проф. П. И. Лященко „История русского народного хозяйства". Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета допущено в качестве учебного пособия для вузов. М.-Лгр. ГИЗ. 1927. Стр. 520. (Экономическая библиотека).

Книга проф. П. И. Лященко—несомненно крупное явление и в учебной литературе последних лет и в русской историографии.

Подводя итоги марксистскому изучению русской истории, приходишь к выводу, что дело с изучением хозяйственного развития России продвинуто у нас

---

[1] Ср. «Введение», стр. LXXIII.

[2] Ср. из более поздних работ прежде всего «18-ое Брюмера Луи Бонапарта» и работу Энгельса о «Фейербахе и исходе немецкой классической философии».

[3] Рязанов указывает (стр. LXXIX) на то, что в критике буржуазного общества в некоторых местах «К еврейскому вопросу» уже слышатся «тона Коммунистического манифеста». Констатирование этого факта бесспорно очень важно. Пожалуй, еще более значительным нам кажется, однако, то обстоятельство, что это также можно сказать и про «Критику гегелевской философии права». Если в коммунистическом манифестве, напр., сказано «Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата», то этим только резюмируется то, что впервые изложено в той «Критике». Или следует, напр., сравнить ход мыслей Коммунистического манифеста о тогдашнем «немецком» социализме с местами, касающимися «немецкого» понимания государства и права в той более ранней работе и т. д., и т. д.

[4] M. Beer, Allgemeine Geschichte des Sozialismus und der sozialen Kämpfe. Berlin, 1924. Стр. 450 и 454 (имеется русский перевод. Прим. ред.).

недостаточно. Издано значительное количество монографий, сборников документов, велик статейный материал, но при всем этом богатстве преобладают темы революционного движения. Истории хозяйства уделено значительно меньше места. Несколько работ о финансовом капитале и об отдельных хозяйственных темах предреволюционных эпох (перед 1905 и 1917 г.) кое что по экономике гражданской войны и отдельные работы по ранним периодам русской истории или ее отдельным отраслям народного хозяйства в сущности исчерпывают монографическое изучение хозяйственной истории. Это в значительной степени затрудняет работу и историков теоретиков и историков классовой борьбы, историков партии и т. д. Перед ними два пути: или взяться самому за монографическую разработку хозяйственных тем, прилежащих к его специальной теме, а потом перейти к последней, или, ограничившись беглым и поверхностным очерком экономики эпохи на основании уже имеющихся случайных и неполных работ, все силы сосредоточить на своей теме. В большинстве случаев избирается второй путь, конечно в ущерб исследованию. Будем надеяться, что ближайшее будущее принесет нам ряд монографий по истории хозяйства — особенно нужных для XIX—XX веков. А покамест всякий новый труд по истории хозяйства должен вызывать особо пристальное внимание, и значение его должно тщательно оцениваться.

П. И. Лященко не оставил перед собою исследовательских задач. Его цель—дать пособие по истории хозяйства России учащимся высшей школы, даже уже—учащимся экономических вузов. Книга выросла из лекций и семинарских занятий, проводимых автором на экономическом отделении I Московского Университета и в других высших учебных заведениях Москвы в течение 1922—1926 годов. Единственная цель, которую автор ставит себе помимо вышеозначенной,—это дать пособие и более широкому кругу читателей, «желающих самостоятельно ознакомиться с основными явлениями экономической истории дореволюционной России». Но все это не значит, что книгой проф. Лященко заинтересуется лишь учащийся, педагог и занимающийся самообразованием. Значение книги шире поставленной ей автором цели. Книга П. И. Лященко—первый имеющийся в литературе труд, дающий общую картину развития русского хозяйства с древнейших времен до предпосылок Октябрьской революции. Имеющиеся в литературе курсы истории хозяйства России или захватывают лишь древнейший период истории и не доведены до конца (работы М. В. Довнар-Запольского, И. М. Кулишера), или сосредоточены на какой-либо специальной теме определенной эпохи (работа В. И. Пичеты). Следовательно, перед П. И. Лященко впервые в литературе стояла крупнейшая научная проблема—вопрос о хозяйственной периодизации, об общей схеме хозяйственного развития России и самая проблематика хозяйственной истории, как самостоятельная задача. Недаром автор, давая в Ранион'е автореферат этой работы, озаглавил его «Основные моменты развития русского народного хозяйства». Над этой темой трудилось уже много историков, но ни перед одним из них она не стояла, как самостоятельная задача. Поэтому книга П. И. Лященко, бесспорно, должна иметь не только педагогическое, а и серьезное научное значение, особенно при нашей бедности на специальные работы по истории хозяйства.

Книга делится на шесть крупных разделов, из которых каждый в свою очередь делится на ряд глав, а главы распадаются на более мелкие подразделения. Первый раздел «Первобытное хозяйство» имеет лишь одну главу «Колонизация страны и зачатки народного хозяйства». Второй раздел «Эпоха феодально-городского хозяйства», содержит три главы (нумерация глав сплошная и по разделам не разбивается): II Общая характеристика эпохи феодализма, III Сельское хозяйство и земельные отношения в эпоху феодально-вотчинного хозяйства, IV Торговля и город в эпоху феодально-вотчинного хозяйства. Третий раздел «Начало торгового капитализма. Распад феодально-вотчинной системы и возникновение денежного хозяйства» делится на главы: V Общая характеристика эпохи торгового капитала, VI Сельское хозяйство и земельные отношения, VII Городское хозяйство Московской Руси, VIII Торговля и рынок. Четвертый раздел «Торговый капитализм и его завершение в крепостном хозяйстве» содержит главы: IX. Общая характеристика крепостного хозяйства, X Экономика крепостного земледельческого хозяйства и ее противоречия, XI Крепостная промышленность, XII Кризис и ликвидация крепостного хозяйства, XIII Реформа 1861 года, ее социально-экономические условия и последствия. Пятый раздел «Промышленный капитализм» имеет главы: XIV Предпосылки и общий характер развития промышленного капитализма, XV Сельское хозяйство после реформы, XVI Процесс образования внутреннего рынка, XVII Эпоха грюндерства и формирование национального капитализма (70-е годы), XVIII Закрепление национального капитализма (90-е годы). Шестой и последний раздел именуется «Эпоха финансового капитала» и содержит главы:

XIX На переломе к финансовому капиталу. Кризис и депрессия 1900—1909 г.г., XX Монополизация промышленности и под'ем 1909—1914 г.г., XXI Финансовый капитал и русская промышленность, XXII Капитализация деревни и новая аграрная политика, XXIII Итоги развития и распад системы.

Работе предпослано обширное введение, трактующее смысл выделения хозяйственной истории в самостоятельную дисциплину, теоретико-познавательную ценность изучения этой дисциплины, построение и особенности марксистской схемы хозяйственного развития и, наконец, методологические вопросы. Внимательное знакомство с этим отделом вызывает ряд сомнений. Схема развития стоит у П. И. Лященко на первом плане,—метод на втором. Теория хозяйственного развития и изучение хозяйственного развития отдельной страны теснейшим образом связаны между собою, но все же они должны иметь разграниченные задачи,—по мнению же автора—иначе: первая является центральной задачей, второй: «Изучение конкретных фактов исторической действительности, вмещаясь в отточенные грани экономической теории, должно вырастать до создания теории хозяйственного развития» (стр. 5—6). Содержание схемы, принятой автором, заполнено тремя хозяйственными этапами, установленными К. Марксом: первобытно-коммунистическое, феодально-вотчинное и буржуазно-капиталистическое хозяйства, в его трех стадиях: торговый, промышленный и финансовый капитализм (стр. 8). Схема эта общепринята и прочно вошла и в научный и даже в школьный обиход Возражения возникают по поводу места этой схемы в воззрениях П. И. Лященко на дисциплину истории хозяйства, по поводу подчиненности марксистского метода схеме, явно заметной во введении. Отсюда и определение изучаемой дисциплины, которое едва ли можно признать марксистским: «Как политическая экономия представляется теоретической наукой, изучающей хозяйство определенной исторической формации, капитализма, так история народного хозяйства представляется исторической наукой, изучающей генезис, развитие, сложение, а вместе с тем и элементы разложения хозяйства капиталистического общества» (стр. 11). Автор не замечает теоретического различия абстрактной науки—политической экономии, изучающей законы определенной хозяйственной формации—капитализма от изучения истории народного хозяйства данной страны. При его определении естественно отпадают многие темы хозяйственной истории: в нее нельзя включить хозяйственную эволюцию античного мира (стр. 11), т. к. она в своем развитии не привела к капитализму, из нее должно выпасть изучение тех хозяйственных формаций, которые смогут перейти к социалистическому строю, не пройдя всех этапов установленного развития (вспомним Ленинские «пять укладов»).

Лучшее опровержение взгляда П И. Лященко—история самой марксистской схемы хозяйственного развития: последний этап капиталистического развития—финансовый капитализм не был установлен Марксом по той простой причине, что Маркс еще не имел возможности наблюдать его в действительности. Но применение марксистского метода дало возможность Гильфердингу установить этот новый этап, а В. И. Ленину его разработать, уточнить, а не пригнетать материал нового этапа к определениям, данным в ранее бывшей схеме. Нет сомнений, что история хозяйственного развития советской России, военный коммунизм, НЭП, строительство социализма чрезвычайно обогащают дисциплину истории хозяйства, дают возможность установить новые этапы отмирания капитализма, сопровождаемые строительством следующей за ней хозяйственной формации, а отнюдь не выпадают из этой дисциплины, как должно быть по определению П. И. Лященко: ведь история социалистического хозяйства этим определением исключена! «Марксизм не догма, а руководство к действию», между тем знакомство с вводными замечаниями уважаемого автора заставляет подумать о том, что марксизм превращен им в догму. Для выражения простой истины «все наше познание начинается с опыта», П. И. Лященко для чего-то потревожил почтенную тень Иммануила Канта, но участвовала ли эта простая истина в самом построении автора, остается неясным: ведь опыт-то, как раз наш теперешний опыт социалистического строительства, оказывается, этим построением не может быть учтен по теоретическим соображениям.

Вероятно из особенностей теоретических взглядов П. И. Лященко вытекают и основные недостатки его работы: схематизм и сухость.

В краткой статье невозможно достаточно подробно остановиться на вопросах введения—это дело специального обсуждения. Точно так же богатое и интересное содержание всей книги П. И. Лященко в целом вызывает гораздо больше замечаний и соображений, чем изложенные ниже. Поэтому наш разбор не может претендовать на полноту. Мы остановимся здесь только на некоторых вопросах, оставляя за собой право в будущем вернуться к поднятым темам и поставить наряду с ними новые.

Первобытное хозяйство России и эпоха феодально-городского хозяйства должны по замыслу автора служить лишь введением к изучению последующих хозяйственных этапов. Этот вполне педагогически правильный замысел основывается на цели книги: современный студент, для которого она предназначена, должен сосредоточить все внимание на капиталистической эпохе русского хозяйства и ее основных стадиях. Но все же этот отдел занимает более 100 страниц. Первобытное хозяйство занимает период с древнейших времен по X век. X—XI века являются периодом разложения первобытного хозяйства и зарождения элементов классового феодального общества (стр. 57). Эпоха феодального хозяйственного и общественного строя захватывает период с XII по XV век. В указанные периоды автор останавливается и на хозяйстве «Киевской Руси» и на «удельном периоде», привлекает к изучению большое количество источников, от летописей до договорных грамот и писцовых книг включительно. Усвоить этот отдел неподготовленному читателю будет довольно трудно, но он чрезвычайно интересен. Приходится пожалеть, что вопрос о периодизации русского хозяйственного развития не выделен автором в отдельную главу; представление о нем было бы цельнее и ярче. Критерий периодизации в первых двух периодах вызывает возражение: гранью, более четко отделяющей первобытное хозяйство от феодально-городского, является, по мнению П. И. Лященко, «то обстоятельство, что период первобытного хозяйства—догосударственный и дописьменный период. Завершение разложения первобытного хозяйства выливается в создание новых форм государственного и общественного быта» (стр. 52). Критерием перехода одной хозяйственной формы в другую могут быть лишь хозяйственные явления, а не явления политические и культурные: самодержавие и после реформы 1861 года оставалось политической организацией торгового капитала, но особенности экономики заставляют счесть этот момент переходной хозяйственной гранью. Другое возражение относится к некоторому принижению форм хозяйства т. н. «Киевской Руси»: они были более сложными, менее «натуральными», чем хочет в интересах схематизации представить их автор.

Крупной заслугой П. И. Лященко является внимательное изучение крестьянского хозяйства эпохи торгового капитала. У многих предшественников его этот вопрос заслонен аграрными взаимоотношениями дворянства, главным образом имущественными вопросами общественных «верхов». Чрезвычайно ценны также отделы, посвященные теоретической характеристике торгового капитала и этапам развития торгового капитализма в русском народном хозяйстве. Последний вопрос особо важен, и попытку ясно дифференцировать стадии развития торгового капитала в России надо приветствовать,—она отвечает вопросу, вполне назревшему в русской историографии. Корни эпохи торгового капитала уходят в XV—XVI века (стр. 132), «завершение и изживание» этой эпохи по П. И. Лященко падает на вторую половину XIX века. В течение почти двух веков—с XV по конец XVII в. «идут первые шаги торгового капитала и завоевания им экономических позиций разлагающегося феодально-вотчинного хозяйства», но для преобладающей массы крупных и мелких хозяйств господствует натурально-хозяйственный строй. С начала XVIII в., особенно со второй его половины, торговый капитал достигает высшего своего предела, обуславливая вместе с тем и наивысший расцвет системы крепостного хозяйства и в территориальном, и в экономическом и в социально-политическом отношениях. К этому времени торговый капитал захватывает в сферу своего влияния не только земледельческое хозяйство, но и мелкое городское ремесленное хозяйство и мелкое же крестьянское «кустарное» производство, обслуживая ими широкий потребительный рынок, вплоть до вывоза их продуктов за границу» (стр. 133). Но с начала того же XVIII века и особенно со второй его половины, начинают развиваться элементы промышленного капитала; они настолько слабы и обставлены столь неблагоприятными условиями, что, по мнению П. И. Лященко, «в нашем хозяйственном развитии вплоть до XIX в. наблюдается не падение и изживание системы крепостного хозяйства, а наоборот, ее усиление» (стр. 134). Необходимо пожелать, чтобы автор продолжил свою работу по периодизации эпохи торгового капитала—в настоящем своем виде данная схема едва ли всецело удовлетворит исследователя—ее необходимо обогатить, уточнить, пронизать точной терминологией. Педагогическое же ее значение умаляется не вполне четким выделением признаков отличия второго периода от третьего: тут бросается в глаза очевидное противоречие в формулировке, может быть, лишь случайно проскользнувшее. На стр. 133 автор пишет, что с начала XVIII века и особенно со второй половины его «торговый капитал, владея рынком,... не обнаруживал никакой склонности получить в свои руки самое производство». На следующей же странице не менее ясно сказано, что почти с начала того же XVIII столетия «особенно со второй половины его... торговый капитал постепенно начинает переходить в формы промышленного капитала».

Рубежом между эпохой торгового и промышленного капитализма П. И. Лященко кладет 1861 г. Это напоминает нам схему, принятую Н. А. Рожковым, вызвавшую достаточно много обоснованных возражений. Тут прежде всего необходимо ввести точное употребление терминов «капитал» и «капитализм». Промышленный капитал развивается и ярко проявляет себя и в XVIII веке, во время которого все же господствует система торгового капитализма. Но, говоря о первой половине XIX века, уже нельзя удовлетвориться термином «промышленный капитал». Перед нами явная борьба уже двух систем—одной слагающейся, не установившейся окончательно, другой—отживающей. На это время падают уже первые проявления системы промышленного капитализма, борющегося за свое политическое оформление. Если же в первой половине XIX века экономическая гегемония все же остается за торговым капиталом, если мы имеем дело все же с господством торгового капитализма, то необ'яснима ни самая реформа 1861 г., которая лишь юридически оформила процесс, ни первая попытка буржуазной революции в России—восстание декабристов. Тут опять, хотя в более скрытом виде, налицо попытка включить в критерий экономической периодизации элементы «надстроечного порядка», как юридическое оформление. На наш взгляд схема хозяйственной периодизации значительно выиграла бы, если бы в нее была введена «эпоха разложения крепостного хозяйства и зарождения промышленного капитализма», падающая в основном на первую половину XIX века, вместо эпохи, веденной П. И. Лященко: «Торговый капитализм и его завершение в крепостном хозяйстве». К тому же вопросу относится и невнимание П. И Лященко к проблемам железнодорожного строительства в первой половине XIX в.: автор начинает говорить о нем лишь в анализе второй пол. XIX века (стр. 336). Конечно, основной размах ж.-д. строительства мы имеем именно в эту последнюю эпоху, но, как бы ни были слабы его начатки для первой половины века, они чрезвычайно характерны для назревшей потребности в нем, и рассмотрение неосуществившихся даже проектов строительства очень поучительно именно для характеристики развивающихся промышленно-капиталистических отношений

Эпоху промышленного капитализма П. И. Лященко начинает условной гранью 1861 года. После 1905 г. оформляется русский финансовый капитализм: «законченный характер организованного финансового монополистического капитализма наш капитализм начинает принимать со второй половины первого десятилетия XX века, а к началу мировой войны он представляется уже окончательно оформившимся» (стр. 467). Как видим, в спорном вопросе о датировке начала финансового капитализма. П. И. Лященко примыкает к точке зрения Н. Ванага.

Большим плюсом разработки темы о пореформенной экономике у П. И. Лященко являются уделение должного внимания крепостническим пережиткам в системе пореформенного хозяйства и сравнительно подробное освещение спора об общине и о путях развития русского крестьянства. В содержательном отделе «Проблема развития капитализма в литературе» (стр. 290 и сл.) автор останавливается на споре о путях капиталистического развития России, излагает критически взгляды В. В. и Николая—она, выясняет роль Ленина и его работ в этом споре. Жаль, что П. И. Лященко не остановился подробно на четко очерченных В. И. Лениным двух путях аграрного развития—прусском и американском.

Анализируя эпоху финансового капитала, автор приходит к правильному выводу, что русскому капитализму пришлось, развивая свою банковую систему и укрепляя ее связь с промышленностью, в то же время, в поисках финансовой базы для своего дальнейшего развития и укрепления, обращаться к мировому банковому капиталу. Русский финансовый капитализм получает таким образом характер несамостоятельной и зависимой системы (стр. 459).

Заканчивается работа П. И. Лященко анализом итогов развития и распадом системы. Здесь изложение доведено непосредственно до экономических предпосылок Октябрьской революции. Вопрос о влиянии империалистической войны на хозяйство России является последней темой разбираемой книги.

Трудности составления обширных общих трудов, захватывающих любую историческую дисциплину в целом, всегда чрезвычайно велики. Они становятся еще больше, если общий труд имеет цели учебного пособия, и еще более увеличиваются, если отсутствует детальная монографическая разработка отдельных вопросов данной дисциплины, которая смогла бы достаточно подготовить почву для разработки общей картины. В работе П. И. Лященко налицо все три трудности. Особенно остро, конечно, должно сказываться отсутствие монографий: в целом ряде тем автор оказывался лицом к лицу с грудой еще неразработанного архивного материала и поневоле должен был в своем труде отразить неудовлетворительное состояние специальной литературы. Было бы несправедливо требовать от него равномерного освещения всех, как разработанных ранее в литера-

туре проблем, так и еще неразработанных. Но поскольку работа П. И. Лященко имеет крупное научное значение, столь же несправедливо было обойти в разборе ее эту сторону вопроса. Ряд следующих ниже замечаний и вызван этой стороной дела.

Выше мы отмечали достоинства работы в части, касающейся аграрного кризиса XVI века. Монографическим предшественником автора является Н. А. Рожков со своим «Сельским хозяйством Московской Руси XVI века». П. И Лященко несогласен со взглядом Рожкова на юридическую природу поместья, как на причину закабаления крестьян, но Рожков, несомненно, помог ему в правильной постановке вопроса о крестьянине-мелком производителе, независимо пользовавшемся своим клочком земли, а вовсе не являвшемся каким-то бродячим арендатором помещичьей «собственности», как хотели представить дело ряд буржуазных историков. Но вот перед нами другой аграрный кризис — разложение крепостного хозяйства, эпоха предпосылок реформы 1861 года. Марксистской монографии, изучающей вопрос, в литературе нет. Значительная экономическая литература о предреформенной эпохе оживленно обсуждает, главным образом, вопросы помещичьего хозяйства. Крестьянское хозяйство, как определенная единица, развивавшаяся своим особым путем, не тождественным развитию помещичьего хозяйства, — совершенно забыто. Между тем хозяйство крепостного крестьянина как-то развивалось, не всегда покрывалось особенностями помещичьего хозяйства даже при барщинной форме взаимоотношений, не говоря уже об оброчной, дававшей еще больший простор его самостоятельному развитию В какой-то мере крепостное крестьянское хозяйство соприкасалось с рынком без посредничества барина, в какой-то мере и в крестьянской среде шло капиталистическое накопление, зарождающийся промышленный капитализм в какой-то мере относился и к крестьянскому хозяйству. Крепостное крестьянство было дифференцировано, -- вопрос об этом ярко поставлен в экономической литературе последних лет (см. статью В. Кашина «Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX в.». «Звезда», 1926 г. № 1, 2, 4). Кроме того, в предреформенной России существовало и некрепостное крестьянское хозяйство: новые хозяйственные взаимоотношения как-то проникали в хозяйство крепостного крестьянства, например, последнее иногда эксплоатировало хозяйство крепостного крестьянина Все эти вопросы до сих пор не были в литературе ни изучены, ни поставлены, и П. И. Лященко в этом смысле следует за литературой Фигура помещика у него, как и в предшествовавшей историографии, на первом плане, а кратчайшие сведения о дифференциации крестьянства не превышают сведений о купце-крестьянине, данных Туган-Барановским в «Русской фабрике», а крохотного раздела о взаимоотношениях помещика и крестьянина к рынку явно недостаточно. Между тем, и с чисто педагогической точки зрения вопрос необходимо поставить. Этот вопрос настойчиво встает перед современным студентом: почему, говоря о предпосылках 1905 года, мы говорим о крестьянском хозяйстве, а такого же вопроса перед реформой 1861 года не ставим: там мы интересуемся крестьянином лишь как придатком помещика и только? Классовая суть дореволюционной историографии ярко сказывается в разработке этой темы.

То же влияние дореволюционной тематики заметно в работе П. И. Лященко по вопросу о самой реформе. Она получила в литературе прочное наименование к р е с т ь я н с к о й. Но ведь она была в таком случае и р а б о ч е й реформой: она «освободила» большое количество крепостных рабочих, она бросила в ряды пролетариата сотни дворовых «на другой день» после реформы, несколько развязав процесс пролетаризации деревни, она сейчас же сконструировала то основное ядро российского пролетариата, к которому впоследствии все прибавлялись и прибавлялись новые слои пролетаризированной деревни. Шаблон «крестьянской» реформы также отразился в работе Лященко: о «рабочей» ее стороне сказано явно недостаточно, новая проблема не подчеркнута и не поставлена перед учащимся во весь рост.

Еще одно: дореволюционная историография обошла полным молчанием вопрос о царской России, как о колониальной державе. Сибирь, Кавказ, Туркестан не отделялись от «метрополии» морем, и это обстоятельство, вероятно, было молчаливо принято старой историографией, как доказательство отсутствия у России колоний. В книге «Марксизм и особенности исторического развития России» М. Н. Покровский отчетливо поставил проблему царской России, как колониальной державы. Правда, монографически вопрос, в сущности неразработан, но самая марксистская концепция П. И. Лященко неполна без этой проблемы. Верно, что в этом вопросе автор сводного курса оказывается перед особенно путанной и сложной грудой сырого материала, верно и то, что одному лицу и не под силу поднять эту архивную целину. Но было бы очень удачно — в популярной книге перед учащимся разбить старый шаблон и поставить новую проблему.

Столь же неразработан в литературе вопрос об истории техники, этой первейшей хозяйственной основы. Здесь работа П. И. Лященко, естественно, отражает состояние литературы. Он добросовестно собрал все, что мог, о технике хозяйства, — но этого оказалось мало. Получилась бледная картина технической истории русского хозяйства без дифференциации по районам, без достаточного количества фактов. Конечно, это неизбежно при данном состоянии литературы, но может быть стоит ставить вопросы даже там, где литература не дает ответа? Может быть, стоит подчеркнуть учащемуся недостаточную разработанность вопроса — этого требует его любознательность, это дает толчок для творческого интереса к истории русского хозяйства. Нам думается, что это именно так.

Очень ценно в работе П. И. Лященко наличие продуманного отдела библиографии. Она удачно разбита по главам, а не дана в виде общих справок, не разбитых по темам, как к сожалению часто делается за последнее время. Удачно и то, что она дана не в виде перечня пособий, а снабжена большим количеством ценных замечаний. Очень жаль, что иногда они недостаточно подробны, а заглавия книг и статей не всегда библиографически точны—в этом случае полезнее даже перегнуть палку в другую сторону и быть педантически-точным в библиографической части: борьба с библиографической безграмотностью один из очередных вопросов. Подчас совершенно необходимы и указания о том, как пользоваться указанной литературой: нет сомнений, что указание восемнадцати томов «Первого издания материалов редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» без раз'яснения того, как ими можно воспользоваться, пропадет для студента. Чрезвычайно полезно было бы отметить, марксистом или не-марксистом написана работа, — это делается П. И. Лященко очень редко (стр. 299). Ряд пособий, без которых никак не сможет обойтись студент, пропущен: укажем на отсутствие указания на такой важный документ, как «Положение 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Они, кстати, были переизданы с учебной целью в 1916 и имеются во многих библиотеках. При повторных изданиях книги П. И. Лященко,—а мы уверены, что нужда в них скажется очень скоро, — было бы очень желательно доработать отделы рекомендательной литературы.

Повторяем, книга П. И. Лященко вызывает значительно большее число вопросов и соображений, чем место позволило высказать здесь. Хорошо, если эта книга — первый признак грядущего оживления в изучении специально хозяйственных вопросов русской истории. Будем надеяться, что это именно так. Книга П. И. Лященко, несомненно, ценный вклад в мало разработанную область хозяйственной истории России.

М. Нечкина.

Кризис античного мира и христианская церковь

(По поводу книги П. Ф. Преображенского «Тертуллиан и Рим»).

Недавно вышедшая книга П. Ф. Преображенского в издании Института истории «Тертуллиан и Рим» вновь поднимает уже много раз трактовавшуюся с самых различных точек зрения проблему кризиса античного мира и христианства. Названная проблема, по весьма понятным причинам, привлекала и привлекает внимание людей самых различных специальностей: философов, юристов, историков, богословов и в последнее время социологов. Причина этого заключается как в самой проблеме, имеющей слишком много самых разнообразных аспектов, так и, главным образом, в природе общественных наук, неизбежно носящих отпечаток интересов своего времени. По этой причине взгляды старых ученых на античный мир вообще, и, в частности, на причины его «падения» по большей части мало привлекают наше внимание; совсем не те стороны стоят в фокусе наших интересов и не тем методом мы надеемся раскрыть движущие силы античного мира. Этих соображений, кажется, достаточно для того, чтобы вновь поставить старый, но вместе с тем и всегда новый вопрос о «падении» античного мира.

Книга пр. Преображенского ставит ряд новых вопросов и вносит поправки к старым решениям. Античный мир в изображении пр. Преображенского выступает значительно более сложным и интересным, чем, напр., в изображении Каутского, да и самый подход к проблеме у него несравненно социологичнее, чем у Каутского; наконец, у него нет того упрощения, которым страдает книга Каутского. Социоло-

гическая задача автора состояла в том, чтобы на одном примере представить морфологию крупной социальной организации (церкви). Однако, полностью выполнить свое намерение автору не удалось: с социологической плоскости он постоянно соскальзывает в чистую историю. Поэтому не всегда ясно, интересует ли его факт, как индивидуальное явление определенного времени и места, или же он рассматривает его, как иллюстрацию определенного социологического закона. Трудно сказать, что помешало автору полностью выполнить свое намерение, но тем не менее оно осталось невыполненным. С точки зрения построения, книга вызывает ряд возражений; одним из главных ее недостатков является отсутствие вводной статьи философско-социологического порядка. Без нее все задание осталось без базы, хотя, конечно, опытный читатель сам сумеет перекомпановать материал и извлечет из остроумных замечаний пр. Преображенского много ценных и полезных идей.

Вообще книга не страдает недостатком идей и смелых обобщений. Автор боится всего общепринятого, штампованного до такой степени, что иногда даже впадает в противоположную крайность. Подражая своему учителю Р. Ю. Випперу, он старается производить «деструкции» даже там, где это, казалось бы, не следовало делать; получается какая-то своеобразная погоня за новизной, «деструкция» ради деструкции. Примером погони за оригинальност.ю может служить его отношение к вопросу о Христе. Погоня за «деструкциями» и социологическая недостроенность книги об'ясняются не одними личными особенностями автора; это особенности целой социальной группы (интеллигенции), духовным отцом и вдохновителем которой в старом московском университете являлся пр. Виппер. Многое из того, что в психике пр. Преображенского непонятно и даже чуждо современному читателю, вполне понятно участнику випперовского семинария. С идеологической точки зрения книга пр. Преображенского может быть рассматриваема, как философско-литературный памятник интеллигентских настроений самого конца предреволюционной эпохи. Здесь, может быть, и надо искать причину «морфологической» недостроенности книги. Недостроена идеология, потому недостроена и «морфология». С этой стороны книга представляет прекрасный материал для социальной психологии русской (даже московской) интеллигенции. Каждая страница, каждая фраза, каждый оборот, каждая «деструкция» представляет материал для характеристики русской интеллигенции накануне и в первые годы революции.

Идеологические особенности не только не лишают книгу пр. Преображенского ее значения, но, наоборот, придают ей двойной интерес. Интересен уже самый замысел книги. На примере одного лица — карфагенского священника Тертуллиана автор вводит читателя в самую бытовую гущу жизни христианских общин XI века. Красной нитью через всю книгу проводится антитеза: «гениальный агитатор и пропагандист христианства» Тертуллиан, с одной стороны, и рядовая масса христиан-общинников — с другой. Между той и другой стороной происходят глубокие конфликты: идеология Тертуллиана непонятна и непосильна рядовому человеку. Отсюда своеобразное «быть или не быть» «гениального» агитатора, оставаться без паствы, или же идти на компромисс. Тертуллиан склоняется к компромиссу, но не выдерживает и переживает глубокую внутреннюю трагедию.

Внутри Тертуллиана происходит постоянная борьба между реакцией и революцией, между Erhaltungswelt und Entfahltungswelt, или общее между Alltag und Charisma, по терминологии Макса Вебера. Выяснение этой индивидуальной борьбы, имеющей социально-экономические корни, и составляет главный мотив книги пр. Преображенского. Основная мысль проведена достаточно четко, но она осложнена рядом привходящих мотивов. Развертывая перед читателем внутреннюю жизнь своего героя, автор попутно ставит ряд социологических проблем и тем самым сильно осложняет основной мотив. Для среднеподготовленного читателя книга мало доступна еще и потому, что она предполагает знание античной истории, что в настоящее время, как известно, встречается довольно редко. Нельзя назвать популярным и язык пр. Преображенского, изобилующий множеством иностранных слов и не щадящий внимания читателя. С другой стороны, как сама тема, так и книга пр. Преображенского заслуживает того, чтобы с ними несколько ближе познакомиться, поэтому необходим некоторый комментарий. Настоящая рецензия как раз и имеет в виду нарисовать исторический фон и наметить главные проблемы, в той или другой связи затронутые в книге пр. Преображенского.

Проблема кризиса античного мира и раннего христианства является проблемой экономического и культурного кризиса Средиземноморья, известного под именем «смут III столетия» по Р. Х. Поэтому без более или менее основательного анализа этого кризиса не может быть понята ни история самого кружка, ни социальная природа христианства.

Кризис потряс римское общество до самого основания: хозяйство было подорвано, пути сообщения между отдельными частями Империи перерваны, цезарская власть расшатана, но творческие силы народа не умерли. На развалинах старого режима поднялась новая общественная организация, собравшая вокруг себя распыленные силы. Этой новой организацией была церковь. Империя и церковь—две неотделимые друг от друга социальные силы, развившиеся в обратном отношении: слабость одной свидетельствовала о крепости другой и наоборот. На истории разложения цезарской власти и паралельном процессе возвышения церкви можно вскрыть причины и проследить постепенное нарастание кризиса.

Основная причина разложения цезаризма, бывшая в то же время причиной грандиозного, в полном смысле мирового кризиса, таилась в отношениях двух частей римской Империи — западной и восточной, лишь по форме являвшихся составными частями одного тела, по существу же все время остававшихся самостоятельными государствами. Политически побежденный Восток все время стремился оторваться от своего поработителя — Запада. Борьба между Востоком и Западом тянулась в течение нескольких столетий, пока, наконец, в конце III ст. Восток не оторвался от Запада и не захватил в свои руки верховной власти над обеими частями Империи.

История древнего Рима представляется историей многолетней борьбы аграрной общины города Рима с торгово-буржуазным и ремесленным эллинистическим Востоком, выросшим на развалинах эллинско-восточной (эллинистической) державы Александра Македонского. Истекавшие кровью от постоянных междоусобных войн, эллинистические правительства втянули в свои внутренние дела римлян и признали власть римского сената. Для торгово-промышленного класса эллинистических провинций подчинение Риму имело ту положительную сторону, что крепкая лапа римского орла гарантировала более или менее устойчивый порядок, необходимый для развития торгово-промышленной деятельности. Для эллинистического торгового капитала большая замиренная территория являлась важной побудительной причиной подчинения Риму. Без содействия денежных провинциалов едва ли можно представить себе победу аграриев Запада над буржуазным Востоком. В известной мере ожидания эллинистической буржуазии оправдались. Под управлением римлян эллинистические провинции снова оживились и развили интенсивную коммерческую и производственную деятельность, что еще более усилило авторитет торгово-промышленного класса в структуре эллинистического общества.

Но вскоре дала себя почувствовать и обратная сторона римского господства. После подчинения Востока Риму получилось своеобразное положение: экономическая сила находилась в руках Востока, а высшая политическая власть оставалась в руках Запада. На этой почве возникла сначала скрытая, а потом и открытая борьба за верховную власть. Эта борьба тянулась в течение нескольких столетий и осложнилась рядом других внутренних и внешних факторов. В последнем итоге победил Восток, но победа досталась ему ценой временного разрушения обеих частей Империи. Продолжительность и старый характер этой борьбы об'ясняется тем, что она не была исключительно политической борьбой, но самым теснейшим образом переплеталась с экономическим соперничеством восточной (провинциальной) и западной (столичной) буржуазии. Оба соперника оказались достаточно сильными, чтобы победа могла легко достаться одному из них.

Официально удерживая верховную власть в своих руках, Рим постепенно уступал свои функции Константинополю, торгово-промышленному центру Востока. При этом ориентализация верховной власти происходила двояким путем: сверху путем овладения государственным аппаратом и снизу путем организации общественных сил через церковь. Уже замена Республики Империей нанесла серьезный удар Риму, т. к. императорская (цезарская) власть в значительной степени опиралась и действовала в интересах восточной буржуазии. Но, с другой стороны, цезаризм являлся официальным защитником интересов римского всадничества и примыкавшей к нему земельной аристократии. Двойственностью царизма об'ясняется его постоянные колебания и многочисленные драматические эпизоды политической истории этого времени как-то: заговоры, злостные придворные интриги, частые дворцовые перевороты и т. д. Двойственностью цезаризма об'ясняется также и его малая популярность в центре и провинциях. Восточная буржуазия охотнее помирилась бы с привычной ей монархией в собственном смысле, нежели с цезарской диархией. Таким образом составилась очень пестрая и по своим классовым интересам противоречивая оппозиция цезарскому режиму. Во главе оппозиции стояла республиканская аристократия и примыкавшая к ней часть всадничества, недовольные стеснениями свободы действий в провинции. Политическим идеалом всадников и аристократов являлась сенатская республика и неразрывно связанная с ней «политическая свобода». Какой бы слабой време-

нами ни чувствовала себя республиканская оппозиция, все же она сохраняла в себе достаточно моральных и материальных сил для того, чтобы держать цезарей в постоянно напряженном состоянии. Бывали даже случаи, что оппозиции удавалось посадить на трон своего кандидата (напр., император Нерва).

Не имея твердой опоры в центре, цезарская власть чем дальше, тем больше утрачивала свой престиж также и в провинциях. Сознавая свою экономическую мощь, провинциальная буржуазия настойчиво требовала расширения своих политических прав. Практически это выражалось в возраставшей самостоятельности торгово-промышленного сословия в отношении имперских чиновников, расширении прав местных учреждений, выставлении собственных кандидатов на цезарский трон и, в крайнем случае, в революциях. Эллинистический Восток сделался очагом постоянных заговоров и революций, одной из которых была иудейская революция при династии Флавиев (конец I ст.).

Революции были подавлены и кандидаты на императорский трон отвергнуты, но все это не предохранило цезаризма от прогрессивной дегенерации. В конце «счастливого периода» (конец II ст.) цезаризм впал прямо в какое-то оцепенение. Беспросветно пессимистическая философия «философа на троне» Марка Аврелия, совершенно отчаявшегося во всех радостях жизни и смотревшего на власть, как на тяжелое испытание, ниспосланное судьбой, яркий пример прогрессивного паралича верховной власти. Непоправимый удар цезаризму нанесли «смуты III века», ближайшим образом вызванные неустойчивым положением верховной власти. В «смутах» раскрылась вся бездна противоречий, раз'едавших цезарскую державу.

«Смуты» нанесли тяжелый удар экономике Средиземноморья и изменили характер всей последующей культуры античного мира. Восток и Запад во время «смут» разорвались на две самостоятельные половины. Восток, как более сильный и жизнеспособный организм, в конце-концов, ценой страшных усилий, выбрался из кризиса, но Италия и западные провинции, не могшие справиться с экономической разрухой и культурным одичанием, опустились на низшую стадию общественного развития.

Западная часть Империи после «смут» начала феодализироваться: торговля и промышленность с'ежились, деньги потеряли свою силу, большее значение стало приобретать земледелие, и натуральное хозяйство постепенно вытесняет денежное. Производственной ячейкой становится барское поместье—вилла, расположенная в центре зависимых от нее крестьянских владений. В последующие за «смутами» столетия феодализировавшийся Запад постепенно отрывается от обще-культурной жизни и замыкается в узкий круг феодальных отношений. Круг исторического развития на Западе замкнулся: через торговый и ростовщический капитализм аграрная община на Тибре вновь вернулась к своему исходному пункту — к земле.

Совсем иная картина наблюдалась в эллинистических провинциях. Восточные провинции от «смут» пострадали не менее, если только не более, других частей Империи, но крепкий хозяйственный организм Востока выдержал тяжелые испытания и вышел победителем из многолетней борьбы. С конца III столетия не только хозяйственный, но и политический центр окончательно передвинулся на Восток, что внешним образом выразилось в перенесении столицы в древнюю Византию, центр сухопутных и морских дорог на Ближний и дальний Восток, Балканы, Черное море, Крым и Кавказ, и в признании государственным языком греческого языка. Таким образом политическое господство Запада над Востоком продолжалось менее 300 лет. С III в. существует уже не Римская Империя, а Константинопольская держава, построенная по образцу эллинистических монархий Антигонов, Селевкидов и Птоломеев.

Но прежде, чем Восток оправился, греко-римское общество должно было пережить долгий и мучительный организационный период. Перед поколением, пережившим «смуты», стояла колоссальная организационная проблема. Общественная жизнь была потрясена в самых основах. Частые военные опустошения, постой солдат, реквизиции, денежные и натуральные поборы опустошили страну, разорили население и сильно сократили его численность. Чувствовалась неотложная потребность в организации хозяйственного и административного аппарата. Еще в самом начале кризиса материальная необеспеченность большей части населения начинала серьезно беспокоить цезарей. Социально-реформаторская политика «просвещенного абсолютизма» Антонинов была направлена на поддержание средней и мелкой буржуазии, особенно крестьянства. После «смут», когда положение населения сделалось критическим, власть вынуждена была со всей серьезностью взяться за социально-реформаторскую деятельность. Реформы вызывались не только крайней нуждой бедной части населения, но и интересами высших классов и цезарской бюрократии. Хроническая пустота государственной казны принуждала бюрократию быть крайне изобретательной по части вымогательства

народных грошей. Фискальный аппарат, заимствованный из практики эллинистических монархий, представлял верх всякого совершенства. В немногих словах даже нельзя описать все ухищрения, к которым прибегала константинопольская власть.

Однако римско-константинопольские бюрократы понимали, что одной эксплоатации населения, хотя и очень тонкой, еще не достаточно для поддержания благополучия правящих сфер, известный общий уровень материального благосостояния представлялся conditio sine qua non, как для торгово-промышленного класса, так точно и для чиновничества. Отсюда стремление цезарей организовать население, распределить более или менее равномерно налоги и поднять производительные силы страны, всего этого надеялись достичь полицейско-бюрократическим путем. Однако скоро пришлось убедиться, что, несмотря на все махинации, стоившие коллосальной траты народных сил, таким путем достичь желаемых результатов не удастся. При таком положении вещей, т.-е. при полном бессилии цезаризма выйти из кризиса собственными силами, пришлось искать другую, более прочную опору. Такой опорой, спасшей античный мир от окончательного распада, была **ц е р к о в ь**. Так ставит вопрос и тов. Преображенский.

В таком аспекте проблема церкви представляется, как социологическая проблема организации общественных сил, распыленных хозяйственно-политическим кризисом III в. Проблема же христианства растворяется в проблеме церкви и ее истории. **П о э т о м у** для полной картины кризиса необходимо несколько подробно войти в сущность церкви и изучать кризис и церковь, как две стороны одного и того же процесса. Старая школа историков, изучая каждую сторону кризиса самостоятельно, без связи с общеисторическим процессом, давала неправильную картину. Большой шаг вперед в этом отношении (по крайней мере, принципиально) сделали новейшие историки-социологи, в их числе и пр. Преображенский. Само собою разумеется, что христианство может быть выделено и подвергнуто специальному исследованию, как отдельная историко-социологическая проблема, но оно не может быть искусственно вырезано из всей целостности единого исторического процесса.

Таким образом в данной связи нас интересует лишь одна сторона христианства — именно образование церкви, как известной организации общественных сил. Все ее остальные вопросы отодвигаются на второй план. Что же касается доцерковного (в собственном смысле раннего) христианства, то оно с полным правом может быть сведено к истории одного из религиозных союзов, очень распространенных в римско-эллинистическом мире, особенно в иудеи. Родиной христианских общин и является иудея, неоднократно переживавшая национальные и социальные революции, из которых самой кровавой была революция I века Империи. Борьба иудейской буржуазии против чиновничества и римских конкурентов переплетались с революцией иудейского пролетариата против мирового (в том числе, значит, и иудейского) капитала. Революционный пафос в это время охватывал большую часть иудейского населения и поднимал его национальное самосознание. Сокрушение «вавилонской блудницы» — Рима являлось тем пунктом, на котором сходилось большинство общественных групп, как в Иудее, так и в других эллинистических странах, последствия же падения Рима каждая социальная группа представляла согласно своим собственным идеалам.

После того, как революция была подавлена, оппозиция рассыпалась по всему orbis terrarum. Революция была сокрушена, но оппозиционные организации не погибли. Одним из видов такого рода оппозиционных организаций сделался и **х р и с т и а н с к и й с о ю з**, т.-е. союз почитателей полумифического родоначальника христианства Иисуса Христа, распятого в Иудее в правление Тиберия. Религиозный характер христианской общины закрывал истинные цели организации и вполне соответствовал психике античного, в особенности эллинистического человека, для которого религиозная символика была обычной формой мышления.

Но по составу христианские общины были очень пестры: в общину вступали все недовольные общественными порядками, хотя преобладающим элементом (по крайней мере, в позднейший период) являлась средняя и мелкая буржуазия, что еще, однако, совсем не означает, что в общину не входили другие классы. Наоборот, новейшие исследователи (из русских особенно Виппер) сильно подчеркивают роль торговой буржуазии, стремившейся использовать христианские союзы в своих классовых интересах. С другой стороны, пышная социально-революционная фразеология, проходящая красной нитью через всю ранне-христианскую литературу, свидетельствует о наличии в общине также и других общественных элементов. Словесный радикализм в известной степени был присущ не только пролетариату, но также и части буржуазии, страдавшей от существующего порядка. Крайняя пестрота и нечеткость социального состава об'ясняют как

крайнюю противоречивость церковной идеологии, так и ее склонность к компромиссам в практической политике.

Долгое время почти не привлекавшее к себе внимания римского общества христианство со второй половины II ст. как-то сразу притягивает к себе всеобщее внимание. Развитие христианской публицистики свидетельствует о широкой популярности христианских идей. Причина такого быстрого под'ема христианства, несомненно, стоит в прямой связи с началом вышеуказанного кризиса. Много людей, захваченных кризисом, спешили вступить в христианские общины, ища в них помощи и защиты от надвигавшихся на них бедствий. Христианская община выполняла ту организационно-собирательную работу, которую не могло выполнить государство. Мистическая оболочка христианских союзов и унаследованная ими богатая литература, возникшая в периоды аналогичных кризисов других стран и эпох, как нельзя более соответствовали настроению людей конца «счастливого периода». Самым беспощадным образом критикуя современность, как «царство дьявола», христианская литература разрисовывала картину будущего царства праведников и красноречиво проповедывала скорое пришествие мессии, одновременно избавителя и карателя. Принятие христианства облегчалось еще тем, что само христианство в то время представляло амальгаму всевозможных верований, учений и культовых обрядов.

«Это первохристианство, — пишет проф. Преображенский, — стало многофокусным аггрегатом всевозможных сектанских общин гностического и иудейского характера, пестрой гаммой различных религиозных настроений, начиная с иудействующего и кончая резким антиномизмом Маркиона и сочувствующих последнему элементов. Единственным связующим звеном в этих разнокалиберных общинах было почитание бога-спасителя носившего имя то Иисуса, то Христа, то сына человеческого и мыслившегося его почитателями то в виде гностической ипостаси, то в виде реального человека, при чем между этими двумя полярными представлениями существовал целый ряд градаций, благодаря тому, что фигура этого спасителя носила более или менее выраженный докетический характер.

Переход из язычества в христианство, таким образом, не представлял чего-либо необычайного: практически разница между христианством и язычеством была весьма незначительна. Этим и об'ясняется бедность событий раннего христианства; история христианства ранних столетий лишена драматических событий массового характера. Число же членов христианских общин к концу II ст., по свидетельству Тертуллиана, достигало солидной цифры.

Но чем больше росло «стадо христово», тем сильнее давали себя знать многочисленные противоречия, существовавшие как между отдельными общинами, так и в каждой из них, противоречия же реальных интересов влекли за собой также и расхождение в идеологии. При частых столкновениях между общинами и при постоянных внутренних несогласиях, христианству грозила опасность раствориться в волнах бесчисленных сект, разбросанных по огромному пространству Imperii Romani: при этом сплошь и рядом разногласия принимали характер спора между отдельными вождями или небольшими группами, и потому мало интересовали широкие круги христианства. Мелкобуржуазная масса, вливавшаяся в ряды христиан, желала лишь одного: порядка и восстановления хозяйственного благополучия. Этот лозунг могла поддержать и крупная торговая буржуазия, поскольку таковая входила в христианские общины Таким образом создавалась почва для возникновения об'единяющего органа всего христианского мира. Этот орган представляла корпорация вождей или епископов, носившая заимствованное из бюрократической терминологии Империи название ordo episcoporum.

Развернувшаяся жестокая борьба за епископат составляет одну из самых ярких страниц церковной истории. В основе этой борьбы, кроме личных мотивов, лежали вышеупоминавшиеся расхождения между отдельными общинами и внутренние противоречия в каждой из них. Для противников усиления церковного органа, так наз. харизматиков, не составляло большого труда найти сторонников своих взглядов и образовать из них свою собственную фракцию или секту, в особенности, если в распоряжении основателя, кроме личных дарований, имелись еще и достаточные денежные средства. Так, напр., страсть, честолюбие, энергия и деньги дали возможность богатому понтийскому судовладельцу Маркиону образовать одну из самых влиятельных сект—секту маркионитов. И тем не менее, сколь ни многочисленны были эти секты и какой большой энергией ни отличались их вожди, все же в конечном итоге победа осталась на стороне централистов. Масса рядовых общинников, нуждавшаяся в известном порядке, регулировавшем хозяйственную деятельность, взяла верх. Только с ее суверенного согласия и могла удержаться ordo episcoporum, взявшая в руки potestas clavium, т.-е. высшую власть над всем «стадом христовым», отныне именовавшемся ортодоксальной

католической церковью (ecclesia catholica). Дальнейшая история христианства и церкви представляет из себя собственно историю епископата, без всякого смущения отожествлявшего себя со всей церковью.

Поэтому вполне понятно, что пр. Преображенский истории и социологии епископата придает особое значение.

«В своей сознательной работе, — говорит он на 184-й стр., — руководители церкви показали себя не только хорошими хозяйственниками, не только хорошим штабом христова воинства, но и прекрасными практиками по установлению и теоретических и исторических основ возглавлявшейся ими католической организации. Они могли смело обвинять своих противников не только в искажении правоверия, но прямо в смертном грехе идолопоклонства—или просто отнести все их деяния на счет извечного противника божества—диавола. Громы проклятий были готовы против инакомыслящих, а за ними стояло и нечто более страшное—исключение из общины, что могло повести за собой и разрыв привычных социальных связей и имущественный ущерб. Но если проклятия были наготове, то не надо забывать и обратной стороны той исключительности,—того духа компромисса, которым была проникнута деятельность создателей католического вероучения».

Перед епископатом стояла крупная задача: организация сил для борьбы с внутренней оппозицией (сектантством) и для борьбы с Империей, при этом обе эти стороны церковной деятельности самым тесным образом связывались друг с другом. Критика цезарской или языческой империи составляла крупный козырь в руках церковных публицистов. Из-под пера апологетов вырастала величественная картина многовековой титанической борьбы между двумя мирами: языческим-сатанинским и христианским-божественным. На фоне гниющего, развращенного и бездарного «сатанинского царства» ослепительным блеском сияла община праведников, далеких от тлетворной мирской суеты и всецело занятых подготовкой к будущей совершенной жизни. Историческая действительность стилизовалась в направлении желаемого социально-романтического идеала. Многое из того, что вошло в учебники так наз. священной истории, как-то: идеальная Иерусалимская община, идиллические фигуры Христа и его апостолов, скульптурные лики христианских мучеников, с другой стороны, зловещие тени цезарей, гонителей христианства и т. д.—все это продукт социально-романтического творчества христианских публицистов II—III ст.

С другой стороны, романтика и критика «сатанинского царства», постоянно напоминавшая о великих опасностях, идущих со стороны светской власти, об'единяли членов церкви и поднимали авторитет епископата. Поддержка же широких масс для епископата, как сказано, прежде всего была важна как орудие против напора сектантов, требовавших демократизации церковного управления и выбора священников. Однако, в экономических условиях II—III ст. сектантский анархизм приходился по вкусу лишь немногим группам и лицам. Все разраставшийся кризис, вбиравший в себя все большие и большие массы населения, менее всего был способен породить мысль о какой-либо выборности и демократизации власти. Прогрессивный развал и бессилие государства e contrario вызвали противоположную идею концентрации власти. Как уже не раз упоминалось, средне- и мелко-буржуазная масса, наполнявшая ряды христиан, ни в каком отношении не бывшая революционно-прогрессивным классом, менее всего хотела радикального переустройства социально-экономических отношений. Ее социально-экономический идеал лежал не впереди, а позади, сводясь к обузданию крупного торгового капитала и общинной поддержке мелкого производителя, мелкого торговца, мелкого интеллигента, но ни о какой организации производства на новых началах, равно как ни о каком новом социальном устройстве она и не помышляла. Доказательством этого служит политическая экономия «святых отцов», насквозь пропитанная мелко-буржуазными принципами. Это отлично понимали и учитывали церковные руководители. Проповедуя одно, они в то же самое время делали совершенно другое, противоположное тому, что говорили.

По всем вопросам практической политики епископат оказался достаточно гибким для того, чтобы привязать к себе мелкобуржуазную массу. Больше всего затруднений вызывало практическое выполнение этических требований, считавшихся неот'емлемыми качествами всякого порядочного христианина. К этим высшим качествам или добродетелям христианина принадлежали: полный разрыв с окружающим языческим миром, братская любовь, нестяжание, аскетизм и т. д. Но все это превышало уровень обычного ремесленника, торговца, учителя, служащего, рабочего крупной мастерской и т. д., крепко вросших в языческую среду и не в меньшей степени, чем язычники, подверженных ее порокам; с практически-организационной точки зрения излишний ригоризм был весьма рискованным делом. Отсюда и вытекало снисходительное отношение

епископата к нарушению кодекса высших христианских добродетелей и идея компромисса. В этом отношении вожди церкви вполне уловили основную тенденцию своего времени: равняться по линии мелкобуржуазной психологии подавляющего большинства христианского мира. Даже такой крупный рационалист, ригорист и аскет, и по своему напору и натиску «гениальный агитатор и пропагандист христианства», как Тертуллиан, по соображениям организационного порядка, должен был в значительной мере поступиться своей ортодоксией и пойти на компромисс. Выполнение нравственного кодекса полностью признавалось доступным лишь исключительным натурам, своего рода героям церковной армии, для рядового же христианина считалось достаточной и программа minimum. Особенно много хлопот христианской публицистике доставляли вопросы торговли и накопления. Несмотря на все усилия, вопрос о том, следует ли «рабам божим» заниматься торговлей, и если следует, то в какой мере, так и остался неразрешенным. Колебание в одном из самых жизненных вопросов указывает на существование сильной социальной дифференциации внутри христианских общин и вскрывает мелкобуржуазную природу церкви ранних столетий. Организаторы церкви постоянно колебались между ее левым и правым крылом. Мелкобуржуазные и пролетарские влияния стояли за ограничение капитала ,а более состоятельная часть настаивала на предоставлении каждому христианину большей или меньшей свободы в устройстве его личной хозяйственной жизни. Первое время побеждала левая группа, впоследствии же, когда кризис начал спадать руководство перешло к экономически более сильной группе. Таким образом мелкобуржуазная политика церкви первых столетий, единственно возможная в условиях кризиса, подготовила почву для развития крупного торгового капитала последующих столетий. В этом и состоит историческое значение церкви, как связующего момента между древним и новым миром. Здесь же выступает и принципиальная разница между христианством и социализмом. Вопрос о христианских добродетелях составлял часть более обширной проблемы церковной идеологии. Епископский центр придавал идеологии исключительно большое значение. Епископат, догма и канон составляют одно целое. Однако идеологические проблемы беспокоили гл. образом интеллигентные верхи, тренированные в вопросах философской и богословской схоластики. Огромному же большинству христиан тонкости и контраверзы этих споров по большей части оставались совершенно непонятными, скучными и излишними. Отвлеченные проблемы зажигали массы лишь в том случае, когда они затрагивали какие-нибудь ее жизненные интересы. Несравненно больше массу интересовали вопросы внешнего почитания богов и отправления обрядов, нежели абстрактные вопросы веры. Но и обрядовая проблема в конце концов разрешалась так же благополучно, как и вероисповедная: в общем все оставалось попрежнему, переменились лишь словесная символика, празднества, церемонии, почитание земных и небесных идолов, культ растений и животных, методы обращения жрецов с народом и т. д.,—но все осталось по-старому. В одном лишь отношении церковь бесспорно отличалась от язычества, но отличалась не в лучшую, а в худшую сторону,—это в оценке жизни. В жизни язычников было гораздо больше материальной насыщенности, чувства красоты жизни, разнообразия форм и тонов. Всеобщее обнищание, наступившее в результате длительного кризиса, убило жизнерадостность и породило более грубые и односторонние формы идеологии. Вся последующая история культуры собственно и состояла в преодолении церковной идеологии, возникшей в эпоху кризиса и общего ослабления тонуса жизни. Самое неприятное в церковной идеологии—это интеллектуализм, доведенный ad extremum, до полного подавления всех жизненных порывов. «Дух» в церковной идеологии является, выражаясь языком Ницше irgend ein Schwartzer des ganzen Leibes, т.-е. паразитом тела. Поэтому совершенно понятно резко отрицательное отношение к церкви таких людей, друг на друга мало похожих в других отношениях, как Маркс, Ленин, Гете, Шопенгауер и Ницше. Другого отношения не могло быть уже потому, что церковь глушила тот Lebensdrang, который кипел в каждом из них.

Эта сторона церковной идеологии, к сожалению, недостаточно сильно подчеркнута Преображенским, но и здесь некоторые из его замечаний заслуживают внимания. С этой стороны стоит прочесть 3—4 параграфы III главы книги пр. Преображенского, где описывается постепенное умирание всякой мысли и критики параллельно с укреплением епископата.

«Подчинив себе учителя, почти изгнав пророка, соединив в себе власть и авторитет того и другого, епископат и зависевший от него клир вовсе не были расположены допустить нового конкурента в лице христианского философа. Иначе говоря, если канон был делом церкви и одной из ее существенных черт, то и экзегеза необходимо должна была быть церковной. Традиционализм заставлял об'явить войну свободному разумному толкованию, как он боролся и про-

тив инородных канонов. Разум торжественно изгонялся, и на его место явно или тайно ставилась традиция. А за его осуждением следовало и осуждение языческой науки и литературы, если только последние не успевали как-нибудь просочиться в традиционное изложение обязательной догмы.

Церковная идеология создавалась в самый острый момент церковной истории, когда не могло быть даже и речи о сколько-нибудь логически и психологически законченной системе идей. О законченной системе не могло быть и речи не только потому, что не хватало времени для ее завершения, но, гл. обр., потому, что неопределенный социальный состав церкви не позволял выработать стройной и цельной идеологии. Сплошь и рядом приходилось соединять противоречивые понятия, лишь бы свести концы с концами. Едва ли во всей мировой истории можно найти что-либо более синкретичного, противоречивого и неслаженного, чем церковная идеология. На основании церковного канона легко оправдать и отвергнуть любую точку зрения. Этим отчасти и об'ясняется диаметральная противоположность теорий по раннему христианству.

В конце концов атакованный со всех сторон епископат стремился лишь к одному: к возможно быстрому установлению «канона» и признанию за епископатом высшей инстанции по всем делам веры и культа, т.-е. по вопросам организационного порядка, о философских же тонкостях уже не приходилось и думать. В центре всех проблем в то время стояла главная проблема: прекращение внутренних трений и создание авторитетного органа власти. Соответственно с этим понимали свою задачу церковные публицисты и ученые: выбрать из предшествующей как христианской, так и языческой литературы по возможности все, что в каком-либо отношении подымало авторитет епископской власти и ослабляло влияние ересей.

В конце III ст. появился огромный труд александрийского профессора реторика Оригена, в основных чертах подводивший итог работы церковной публицистики и науки предшествовавшего поколения. Труд Оригена, авторитет которого в церковных кругах не померк еще и до настоящего времени, может служить образцом христианской науки. Характерной чертой оригеновских «Принципов» является постулирование того, что собственно и должно было быть доказанным. Слабость философской аргументации ортодоксальной церкви постоянно обнаруживалась в философско-богословских спорах с язычниками и сектантами. Сознание собственной теоретической слабости заставляло церковь прибегать к мерам физического воздействия на непокорных: лишать сана, отлучать от церкви и проч.

Идеологические бури продолжались и в последующие столетия, в эпоху церковных соборов (с IV в.), посвятивших много времени выработке «символов веры». Но как слаба ни была ортодоксальная церковь в своей теоретической аргументации, все-таки главное было достигнуто: единство церковного управления было создано, массы об'единены и кризис ослаблен. На этом и остановилась организаторская работа церкви. В дальнейшем церковь превращается в самодовлеющую организацию, занятую, гл. обр., своими внутренними делами и растерявшую свой былой революционный пафос.

В конце III ст. церковь была уже сложной и внутренне дифференцированной общественной организацией, практиковавшей широкое разделение труда и обладавшей большими общинными (и частными) землями и капиталами. С формальной стороны церковная организация в точности воспроизводила цезарскую державу: то же социальное расслоение, та же пропасть между пастырями и паствой, та же бюрократия и т. д. Чем ближе к Средним векам, тем церковь все более феодализируется и тем все ярче разверзается пропасть между церковными сеньерами и церковным плебсом.

Отношения между церковью и государством все время оставались неопределенными: та и другая сторона считалась с силами своего противника. Решительная схватка произошла в самом конце III ст. при двух властных цезарях Деции и Диоклетиане, сильно нуждавшихся в деньгах и потому решившихся произвести реквизицию церковных имуществ. Однако, расчеты смелых цезарей не оправдались: противник оказался сильнее, чем это казалось. Преемник Диоклетиана Константин избрал другой путь: путь компромисса. Церковь, раздираемая внутренними смутами, со своей стороны тоже не прочь была использовать светскую власть в своих собственных интересах. Внутренняя же организация как церкви, так и государства была построена на одних и тех же началах, и поэтому не существовало принципиальных невозможностей для слияния обеих организаций. Так в первой половине IV ст. обе крупнейшие общественные организации Рима слились в одну—в цезаре-папизм. Цезарская бюрократия нашла в церкви прекрасного помощника в своей организационной деятельности, направленной на собирание, устройство и эксплоатацию населения. Церковь поддержала государство не только своим административным аппаратом и снабдила более

тонкими организационными методами, но также и земельными и денежными богатствами, послужившими постаментом, на котором выросло колоссальное здание византийского капитализма. Сфера влияния византийского торгового капитализма, простираясь на все страны эллинистического Востока, лишь отчасти захватывала Запад. В течение многих столетий, последовавших за кризисом, центр экономической, политической и культурной жизни неизменно пребывал на Востоке. Вплоть до самых Крестовых походов lux venit ex oriente.

Так в самых главных чертах представляется историко-культурная проблема, носящая название кризиса античного мира и раннего христианства, для освещения которой в работе П. Ф. Преображенского мы найдем ряд ценных страниц

В. Сергеев.

ОБЗОРЫ

Проблема «Термидора» в свете новейших исторических работ[1]

Историку, изучающему использование аналогий с давно прошедшими временами для целей текущей политической борьбы было бы, по всей вероятности, чрезвычайно трудно, или невозможно найти более яркий пример явления, нежели имеющий место в настоящее время в связи с разговорами о «термидоре». С легкой руки покойного Мартова и небез'известного профессора Устрялова, впервые заговоривших о «термидоре» еще в 1921 году, в связи с нашим переходом к НЭП'у, попытки применения в отношении к нашей революции аналогий с Великой Французской Революцией сделались излюбленным аргументом всех наших классовых врагов — от монархистов до меньшевиков включительно. А с 1925 года лозунг «термидора», заимствованный у Устрялова сперва «ленинградской», а затем об'единенной оппозицией внутри нашей собственной партии, сделался одним из ее главнейших доводов в борьбе с большинством ВКП(б) и пошел гулять по миру, широко подхваченный всеми противниками коммунизма и советской власти. Начиная от белогвардейских «Руля» и «Последних Новостей» и кончая печально знаменитым «Знаменем Коммунизма», все враждебные СССР и Советской власти газеты кричат о «термидорианском перерождении» ВКП(б) и Коминтерна и пророчат Советской власти бесславную участь превращения в кулацкую, а то даже и просто буржуазную, власть.

Само собой понятно, что при таком значении «термидора», историческая проблема о подлинном значении этого понятия теряет свой академический характер и становится одной из актуальнейших проблем современности. В настоящем обзоре мы попытаемся, конечно, лишь в самых общих чертах, изложить основные теории, существующие в новейшей научной литературе по вопросу о «термидоре» и «термидорианском перерождении», имевших место в эпоху Французской Революции. При этом мы заранее оговариваем, что *совершенно оставляем в стороне*, как достаточно освещенный в наших политических газетах и журналах, *вопрос о возможности проведения каких бы то ни было аналогий между нашей пролетарской революцией и великой буржуазной революцией конца XVIII века*. Говоря сейчас о «термидоре», мы будем иметь ввиду одно только *историческое* понятие «термидора» и поэтому будет вполне естественным, что мы в нашем обзоре коснемся одних только *научных* работ, совершенно оставляя в стороне все вышедшие за последнее время публицистические статьи и заметки по данному вопросу. Мы полагаем, что и такой, *чисто исторический* подход к проблеме «термидора» не лишен живейшего актуального интереса.

Если попытаться кратчайшим образом формулировать основной вопрос, возникающий в современной исторической науке при изучении термидорианской проблемы, то вопрос этот можно выразить так — было ли термидорианское перерождение причиной или следствием 9-го термидора или иначе: был ли «термидор» эволюцией или революцией? В то время как для историков доброго старого времени катастрофический (катастрофический не в смысле оценки, ибо для огромного большинства буржуазных историков переворот 9-го термидора казался явлением глубоко положительным, а в смысле его формы, то-есть насильственного характера) характер «термидора» стоял вне всякого сомнения, в некоторых новейших трудах по истории Французской Революции встречается попытка изобразить термидорианское перерождение якобинцев как результат медленной

---

[1] Редакция считает некоторые исторические положения автора дискуссиоными.

и постепенной эволюции, начавшийся при этом еще до переворота 9-го термидора. Не отрицая, конечно, насильственного характера этого переворота, некоторые новейшие историки склонны крайне преуменьшать его значение и утверждать, что политика Коньента после казни Робеспьера ничем почти не отличается от политики робеспьеристского правительства в последние месяцы его существования. Тем самым переворот 9-го термидора представляется в качестве какого-то случайного и даже маловажного события, и создается возможность говорить о «термидоре до термидора».

Именно эта точка зрения выражена в последней работе одного из лучших современных знатоков истории Французской Революции — Альберта Матьеза—в его книге „La vie chère et le mouvement social sous la Terreur"

Изучая продовольственное законодательство весны 1794 года и отмечая несомненно имевшее место в это время смягчение практики применения закона 26-го июля 1793 года о борьбе со спекуляцией и закона 29-го сентября 1793 года о максимуме, Матьез об'ясняет это явление последовавшим перед тем разгромом эбертистов [1] и отмечает, что оно было произведено в интересах крупных торговцев [2], которые по его словам «должны были почувствовать себя удовлетворенными „les commerçants durent se sentir à l'aise" [3]. Матьез рассматривает смягчение продовольственного законодательства, как «экономическое отступление [4], и усматривает в этом аналогию с «новой политикой, проведенной в России Лениным после подавления восстания кронштадских моряков» [5].

Равным образом расценивает Матьез и практику весны 1794-го года по вопросу о максимуме заработной платы. Указывая, что рабочим накануне введения закона о максимуме удалось несколько повысить свою заработную плату [6], и неоднократно подчеркивая, что «в эпоху террора даже самые якобинские по внешности муниципалитеты находились в руках владельческих классов» [7], Матьез все же полагает, что в эпоху могущества эбертистов рабочим все-таки удавалось нарушать максимум заработной платы [8]. Между тем, после разгрома эбертистов, картина, по словам Матьеза, решительно изменилась. Строго настаивая на соблюдения зкона Ле-Шапелье [9], робеспьеристские Комитеты Общественного Спасения и Коммуна вместе с тем угрожают бастующим рабочим рассматривать их, как подозрительных [10], в силу чего положение рабочего класса в это время несомненно ухудшается. Если раньше на фактическое несоблюдение закона о максимуме цен на предметы первой необходимости рабочие могли отвечать отказом соблюдать максимум заработной платы, то с победой робеспьеристов над их противниками слева возможность эта, по мнению Матьеза, в значительной степени отпадает [11]. Именно этим об'ясняется, что в день 9-го термидора рабочие сохранили нейтралитет и казнь Робеспьера и его соратников приветствовали возгласом „f....maximum" [12].

Таким образом по Матьезу получается, что перелом в политике якобинцев относится вовсе не к 9-му термидору, а ко времени падения эбертистов. Именно с этого момента якобинцы круто поворачивают в своей политике направо, в сторону крупной буржуазии и кулацкого крестьянства. Таким образом, то, что обычно понимают под «термидорианским перерождением» относится Матьезом ко времени, на несколько месяцев предшествующему перевороту 9-го термидора, и этот переворот становится каким-то случайным и исторически неоправданным событием.

Точка зрения Матьеза не осталась чуждой целому ряду советских историков. Так, наряду с К. П. Добролюбским, без всяких оговорок повторяющим изложенные выше положения Матьеза [13], этого же взгляда придерживается и Ц. Фридлянд, по мнению которого «с весны 1794-го года имущая часть мелкой буржуазии (то-есть робеспьеристы. Я. З.), которая в феврале 1793-го года

---

[1] A. Mathiez. „La vie chère et le mouvement social sous la Terreur", p.p. 566, 599.
[2] Ibid., p.p. 567, 569.
[3] Ibid., p. 565.
[4] Ibid., p. 567.
[5] Ibid., p. 567.
[6] Ibidem, p. 585.
[7] Ibidem, p. 586.
[8] Ibidem, p.p. 586, 588, 589.
[9] Ibidem, p. 590.
[10] Ibidem, p.p. 590, 591, 592.
[11] Ibidem, p. 589.
[12] Ibidem, p.p. 605, 606.
[13] К. П. Добролюбский. «Новая экономическая политика термидорианского Конвента». Отдельный оттиск из «Записок Одеського Інституту Народньоі Освіти». т. I. Стр. 4—5.

взяла на себя инициативу блока с народными трудящимися массами, ищет теперь союза с окрепшей торгово-промышленной буржуазией Франции против крайности слева». [1]. Впрочем, для Ц. Фридлянда эта точка зрения совершенно естественна. В самом деле, поскольку он полагает, что «в июне—июле (1793 г. *Я. З.*) политика якобинцев была строго буржуазной, хотя и не в жирондистском смысле этого слова, и что только в дальнейшем, под давлением различных причин, в обстановке гражданской войны, она приняла характер мелко-буржуазной диктатуры» [2], совершенно ясно, что как только эти причины исчезли, якобинцы от политики мелко-буржуазной, бывшей для них лишь политикой вынужденной, снова перешли к их исконной политике, то-есть политике крупно-буржуазной. Именно это, по мнению Ц. Фридлянда, и случилось весной 1794-го года.

Эта же самая мысль выражена в статье П. П. Щеголева «К характеристике экономической политики термидорианской реакции» [3]. По мнению П. П. Щеголева, неоднократно им подчеркиваемому [4], якобинский режим еще весной 1794 года переживает социальный сдвиг вправо [5], вследствие чего «прекращение террора [6] и падение Робеспьера ничуть не отразились на политике Комитета (Общественного Спасения. *Я. З.*), еще с весны 1794-го года направленной на поддержку имущих слоев крестьянства» [7]. Равным образом относится это и к сдвигу в сторону крупной буржуазии, и, анализируя, например, ряд законов осени 1794 года, в которых «покровительство отдельным видам текстильной промышленности идет рука об руку с защитой потребительских интересов зажиточной буржуазии», П. П. Щеголев тут же отмечает, что «и в этом случае исходная точка послаблений и отступлений определились еще в эпоху Робеспьера» [8].

Таким образом, говорит П. П. Щеголев в конце своей статьи, «нам удалось установить строгую преемственность между деятельностью термидорианцев и политикой последнего периода якобинской диктатуры. Исходные пункты целого ряда «реакционных» мероприятий нужно отодвинуть далеко за пределы грани, образуемой переворотом 9-го термидора, ближе к весне 1794-го года. *Процесс социального перерождения и начало социальных сдвигов в значительной степени восходят ко времени диктатуры «неподкупного».* *Под внешней оболочкой господства Робеспьера зарождаются и вызревают тенденции, получившие свое полное развитие к самому концу 1794 года*» (Курсив наш. *Я. З.*) [9]

Мы полагаем, что точка зрения Матьеза и его единомышленников из среды советских историков нами теперь в достаточной степени выяснена. Толкуя ряд изданных весной 1794 года декретов, как поворот робеспьеристов в сторону крупной буржуазии и кулацкого крестьянства, они на этом основании считают, что начало так называемого «термидорианского перерождения» относится ко времени *не после*, а *до* 9-го термидора. Но тогда возникает вопрос, чем же в таком случае об'яснить переворот, об'ективные задачи которого были *уже* осуществлены еще *до* того, как этот переворот произошел?

К сожалению, на этот, казалось бы, более чем остественный, вопрос ни Матьез, ни Добролюбский, ни Щеголев не только ничего не отвечают, но и вообще этого вопроса не ставят. Что же касается до Ц. Фридлянда, то он отделывается от него мало-значащей фразой: «Зачем нужен был мелко-буржуазный революционер и демократ-республиканец буржуазии после победы революции, тем более, что честь и нравственность были знаменем Робеспьера?» [10]. Мы полагаем, что этот ответ ровно ничего не говорит. Относительно же разговоров о чести и нравственности всякому марксисту известно, что они для того времени были лишь привычной фразеологией, скрывавшей под своей оболочкой вполне реальное классовое содержание в духе мелкой буржуазии. Что же ка-

---

[1] Ц. Фридлянд. «Переписка Робеспьера». «Историк-Марксист», том 3, стр. 89.

[2] Ц. Фридлянд. «Классовая борьба в июне-июле 1793 г.», «Историк-Марксист», том I-й, стр. 95. Ср. там же, стр. 50, 61, 62, 74, 82, 83, 94 и „Историк-Марксист", том II, стр. 160, 167, 168, 177.

[3] П. П. Щеголев. „К характеристнке экономической политики термидорианской реакции". „Историк-Марксист". Том 4-й.

[4] Там же, стр. 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 88, 91, 92, 100.

[5] Там же, стр. 74.

[6] Отметим мимоходом, что переворот 9-го термидора означал отнюдь не *прекращение* террора, а лишь замену террора красного террором белым.

[7] П. П. Щеголев. Цит. статья, стр. 76.

[8] Там же, стр. 81.

[9] Там же, стр. 100.

[10] Ц. Фридлянд. „Переписка Робеспьера". „Историк-Марксист", том 3-й, стр. 89.

сается личности Робеспьера, то является совершенно непонятным, почему крупная буржуазия не могла использовать этого «мелко-буржуазного революционера» точно так же, как она в свое время использовала гораздо более левого террориста Фуше и вообще «левых термидорианцев» или такого же мелкого буржуа Наполеона Бонапарта? Да и более чем странно предполагать, что необходимость свержения какой бы то ни было личности, могла сама по себе оправдать необходимость такого переворота, каким был переворот 9-го термидора. И мы полагаем, что, характеризуя изложенную выше теорию дотермидоровского перерождения уместно будет вспомнить здесь слова Н. И. Бухарина, сказанные им в его полемике с проф. Устряловым: «Какой приглаженной [1], какой ровной выступает перед нами история французской контр-революции! Каким гладким, почти идиллическим оказывается «путь термидора». Казнь Робеспьера — маленькая деталь, случайность, почти «ошибка» истории!

«... Он (то-есть Устрялов. *Я. З.*) не понимает (или не хочет понять), что термидор был совсем не «органическим», а весьма катастрофическим (хотя и «подготовленным» всем предшествующем развитием) падением мелкобуржуазной диктатуры и переходом власти в руки буржуазной контр-революции. Г-н Устрялов не приметил этой «малости». Хорош анализ! Хороши выводы из него!» [2]

Несостоятельность теории о «термидоре до термидора» настолько ясна, даже ее собственным сторонникам, что наиболее видный из них, а именно Альбер Матьез, одновременно и параллельно [3] с ней выработал и другую, абсолютно ей противоположную теорию «термидора». Эту вторую теорию Матьеза можно найти как в уже цитированной нами его книге «La vie chere et le mouvement social sous la Terreur», так и в вышедших одновременно с ней (в начале 1927 г.) III-м томе его «Французской Революции» [4] и небольших статьях в журнале Anales Historiques de la Revolution Française».

В основе этой второй теории Матьеза лежит анализ декретов 8 и 13 вантоза (26-го февраля и 3-го марта 1794), предписавших раздел имуществ «лиц, признанных врагами революции» между всеми «неимущими патриотами» [5]. «Слишком поздно поняв,—говорит по этому поводу Матьез в своей „Vie chere“,— что спасение революции лежит лишь в решительной классовой политике, Сен-Жюст, Робеспьер и Кутон, представлявшие в своем лице наиболее демократическую часть правительства, заставили принять законы 8 и 13 вантоза, обещавшие неимущим санкюлотам имущества подозрительных, признанных врагами революции. Этим путем за счет экспроприации внутренних роялистов был бы создан класс, всем обязанный Революции и составивший бы ее будущее. Но вантозовские декреты натолкнулись на глухое сопротивление и нарочитую инертность Комитета Общей Безопасности и большинства членов Комитета Общественного Спасения. До того, как эти законы смогли быть осуществлены, «триумвират» был свергнут переворотом 9-го термидора, осуществленным странной коалицией, в которой соединились наиболее противоположные элементы, об'единенные однако общей боязнью террора и социальной революции и надеждой на лучшее будущее» (Курсив наш. *Я. З.*) [6].

То же самое говорит Матьез в одной из своих статей „Annales Historiques“ [7] и в третьем томе своей Французской Революции [8] с той только разницей, что здесь более четко отмечает, что целью вантозовских декретов было осуще-

---

[1] Любопытно отметить, что даже такой матерый историк буржуазии, как Louis Bartou (нынешний министр юстиции в кабинете Пуанкарэ), в своей книге „Le neuf thermidor“, вообще говоря, лишенной определенной точки зрения и лишь излагающей факты, и тот отмечает, что переворот 9-го термидора был „не только переменой: это была революция в ходе Революции“ (Louis Bartou. „Le neuf thermidor, p. 124).

[2] Н. Бухарин. „Цезаризм под маской революции“, стр. 26-27.

[3] Эта полная беззаботность и небрежность по части теории исключительно характерны для Матьеза, который, будучи лучшим знатоком фактической истории Французской Революции, оказывается детски-слабым и беспомощным, когда дело доходит до социологических оценок и выводов. Достаточно сказать, что этот бывший член французской компартии и поныне считающий себя марксистом, настолько хорошо знает Маркса, что приписывает ему... железный закон заработной платы! (A. Mathiez. „La vie chère et le mouvement social sous la Terreur“, p. 102).

[4] A. Mathiez. „La Rèvolution Française“, t. III. „La Teurrer“. 1927.

[5] Текст этих декретов смотр. в „Histoire parlementaire de la Rèvolution“ Buchez et Roux, t. XXXI, p.p. 311-313.

[6] A. Mathiez. „La vie chère et la mouvement social sous la Terreur, p.p. 612-613.

[7] „Annales Historiques de la Revelution Française“, 1927, p.p. 3-4. Статья „Le neuf Thermidor“ de M. Barthou.

[8] A. Mathiez. „La Revolution Française“, t. III, p.p. 200-201, 211, 212.

ствление «новой социальной революции»[1]. Таким образом теперь робеспьеристы об'являются Матьезом едва ли не социалистами и во всяком случае сторонниками раздела имуществ богатых контр-революционеров между неимущими «патриотами», то-есть теперь он склонен говорить о до-термидоровском перерождении якобинцев *уже не вправо, а влево.*[2]

Но если так, то совершенно ясно, что переворот 9-го термидора должен был быть произведен никем иным, как буржуазными элементами, испугавшимися решительного поворота робеспьеристов влево. Вот почему, в явное противоречие с прежде цитированным местом о нейтралитете—и притом нейтралитете, враждебном Робеспьеру—рабочих во время переворота 9-го термидора. Матьез пытается доказать, что рабочие в этот день поддерживали Робеспьера и Коммуну. В то время,—говорит он в третьем томе своей «Французской Революции»,—как «торговцы из секции Ломбар, банкиры из секции Лепелетье, спекулянты из Пале-Рояля и богатые буржуа из западных секций сбегались на зов Конвента»[3], рабочие секции юга и востока и ремесленные секции центра становились на сторону Коммуны[4]. Эта же самая мысль повторяется и в статье „Le maximum des salaires et le Thermidor“[5]. Но договорившись таким образом до утверждения, противоречащего не только его собственным словам, но и всем известным фактам[6], Матьез скоро снова впадает в новое противоречие с самим собой, когда оказывается вынужденным признать, что секция Гравилье, то-есть одна из наиболее рабочих секций Парижа, в лице своей национальной гвардии приняла самое выдающееся участие в борьбе с робеспьеристами в день 9-го термидора[7]. Это заставляет его отметить, что «повидимому парижское население, даже в наиболее демократических кварталах, лишь довольно слабо поддерживало Коммуну»[8], что Матьез далее вполне правильно об'ясняет дороговизной и существованием максимума заработной платы[9]. И поэтому Матьез восклицает:

«Трагическая ирония! Робеспьер и его партия гибли в значительной степени потому, что хотели использовать террор для нового перераспределения собственности. Эгалитарная республика без богатых и бедных, которую они мечтали установить на основе вантозовских законов, вместе с ними оказывалась пораженной на смерть. Но *несознательные санкюлоты* уже скоро пожалеют о «проклятом максимуме» и тщетно восстанут ради его возвращения» (Курсив наш. *Я. З.*)[10].

Такое же точно об'яснение несознательностью рабочего класса его поведения в день 9-го термидора Матьез дает и в своей „Vie chère“[11].

Прижатый к стенке противоречиями между своими двумя теориями о смысле «термидора» и вынужденный искать спасения в об'яснении поведения рабочего класса в день 9-го термидора его несознательностью, Матьез не удерживается однако на этой более чем рискованной для «марксиста», каким он себя считает, позиции и пытается выйти из заколдованного круга противоречий отказом от обеих теорий, или, точнее, их диалектическим примирением в виде третьей теории. Эта третья теория о «термидоре» находит себе место в тех же самых работах Матьеза, то есть в „Vie chère“, третьем томе «Французской революции» и в статьях „Annales Historiques de la Rèvolution Française“. Сущность этой теории заключается в том, что весной 1794 г. робеспьеристы не совершают поворота ни вправо, ни влево, а пытаются своей политикой удовлетворить все недовольные элементы страны, исключая, само собой разумеется, элементы явно контрреволюционные. «Каким образом, говорит Матьез, Комитет (Общественного Спасения. *Я. З.*) мог проводить твердую классовую политику, когда, начиная с Жерминаля, он ставил себе целью удовлетворить все интересы?»[12]. Именно этим,

---

[1] Ibidem, p. 200,

[2] Соответственно этому Матьез, в полном противоречии с тем его заявлением о направлении продовольственной политики весны 1794 года, которое мы цитировали выше, утверждает, что в это время робеспьеристы отнюдь не помышляли об отказе от своей прежней продовольственной политики. Более того, закон 8 мессидора об учете будущего урожая Матьез рассматривает как „крупный шаг по пути к потребительскому коммунизму“ („Vie chère, p. 580).

[3] A. Mathiez. „La Rèvolution Française“, t. III, p. 220.

[4] Ibidem, p. 219.

[5] „Annales Historiques de la Rèvolution Française“, 1927, p. 151.

[6] См. в нашей книге „9-ое термидора“ стр. 78-80 анализ документов, характеризующих поведение парижского рабочего класса в день 9-го термидора.

[7] A. Matiez. „La Rèvolution Française“, t. III, p. 221.

[8] Ibidem, p. 221.

[9] Ibidem, p. 221.

[10] Ibidem, p. 222.

[11] A. Mathiez. „La vie chère et le mouvement social sous la Terreur“, p. 606.

[12] A. Mathiez. „La Revolution Française“, t. III, p. 175.

по мнению Матьеза, об'ясняется продовольственная политика весны 1794 года, задачей коей являлась равная защита интересов как производителей, так и потребителей [1]. Целью Робеспьера в это время является «примирение всех добрых французов», и именно этой задаче должен был послужить придуманный им праздник в честь Верховного Существа [2].

Само собой разумеется, что эта новая, третья по счету, точка зрения Матьеза на характер робеспьеровской политики весны 1794 года приводит его и к совершенно новым выводам по вопросу о движущих силах контрреволюции 9-го термидора. Если при первой точке зрения он этот вопрос вообще обходил, а при второй — единственной движущей силой переворота 9-го термидора об'являл крупную буржуазию, то теперь, став на почву третьей точки зрения, Матьез вынужден признать, что число недовольных политикой Робеспьера элементов было чрезвычайно значительно.

«Крестьяне, замученные реквизициями и повинностями; рабочие, истомленные хроническим недоеданием и стремившиеся к достижению уровня заработной платы, которого закон не допускал; торговцы, наполовину разоренные налогами, рантье, экспроприированные обесценением ассигнатов — таковы элементы, под покровом внешнего спокойствия таившие глубокое недовольство» [3]. Таким образом на стороне робеспьеристов оставалась одна только городская мелкая буржуазия, но и она разорялась системой максимума [4], да к тому же и потеряла свое былое значение вследствие произведенной робеспьеристами бюрократической реорганизации парижских властей [5]. Наконец, все классы равно устали от террора [6], и «общее отвращение к крови было без всякого сомнения лучшей приманкой в игре противников Робеспьера [7]. «Единственными выигравшими от режима оказывались многочисленные агенты новой бюрократии и фабриканты, работавшие на оборону» [8].

Мы полагаем, что из всех выдвинутых Матьезом в об'яснение «термидора» теорией только эта последняя стоит на правильном пути и, несмотря на спорность некоторых отдельных положений, дает правильный ключ к пониманию термидорианской проблемы. В самом деле, обе теории до-термидоровского перерождения — как правого, так и левого - страдают, не говоря обо всем прочем, уже тем капитальным недостатком, что решительно противоречат фактам. Ибо если стать на точку зрения правого перерождения, то каким образом об'яснить вантозовские законы (о которых, кстати сказать, Фридлянд, Щеголев и Добролюбский почему-то совершенно умалчивают), и такой явно левый шаг, как закон 22 прериаля, текст которого почти дословно совпадает с некогда выдвинутым Шометтом предложением о расширении закона 17-го сентября 1793 года о подозрительных? Да и как можно говорить о намерении робеспьеристов стать на путь отмены закона о максимуме (а именно об этом и говорят сторонники теории правого перерождения), когда на-ряду с приводимыми в доказательство этого тезиса декретами, мы имеем и декрет 8 мессидора, содержащий наоборот полное признание и даже расширение действия закона о максимуме?

С другой стороны, теория Матьеза о левом перерождении, основанная на факте издания законов 8 и 13 вантоза, совершенно игнорирует те несомненные и значительные уступки крупной буржуазии и кулацкому крестьянству, которые были сделаны робеспьеристами весной 1794 года и которые совершенно правильно подчеркивают в их рассуждении сторонники теории правого перерождения. Таким образом, теория левого перерождения так же противоречит фактам, как и теория перерождения правого, и один только отказ от всяких разговоров о перерождении и признание стремления якобинского правительства к удовлетворению всех недовольных элементов страны, как правых, так и левых, могут дать удовлетворительное об'яснение социально-экономической политики весенних месяцев 1794 года.

Такое понимание политики робеспьеристов весной 1794 года [9], кроме его соответствия фактам, обладает еще и тем достоинством, что оно и только оно может быть согласовано с общепринятым марксистским взглядом на Великую Французскую Революцию вообще и якобинскую партию в частности. В самом

---

[1] A. Mathiez. „La vie chère et le mouvement social sous la Terreur", p. 571.
[2] Ibidem, p. 570,
[3] A. Mathiez. „La Rèvolution Française", t. III, p. 173.
[4] Ibidem, p. 172.
[5] Ibidem, p.p. 166-167.
[6] Ibidem, p. 209.
[7] Ibidem, p. 209.
[8] Ibidem, p. 173.
[9] Именно это понимание и развито в нашей книге „Девятое термидора",к коей мы за подробностями и отсылаем читателя.

деле — политика весны 1794 года, то-есть политика колебаний между буржуазией и рабочим классом есть типичная политика мелкой буржуазии, столь характерная для якобинцев на всем протяжении их деятельности. Поэтому для понимания якобинской политики весны 1794 года нет ровно никакой необходимости говорить о наступившем в это время их перерождении. Напротив того, политика якобинцев весной 1794 года есть не что иное, как полное продолжение их политики предыдущих месяцев и лет. Если основные особенности этой политики получают в это время более яркие очертания, то это об'ясняется об'ективными условиями этого периода революции, приведшими к исключительному обострению классовых противоречий, следствием чего был и особенно сильный размах обычных колебаний якобинцев.

Великая Французская Революция об'ективно открывала дальнейшую дорогу капиталистическому строю; а суб'ективной классовой силой, двигавшей эту революцию, была мелкая буржуазия. Ниспровержение мелкобуржуазной революционной диктатуры лежало, таким образом, в логике самой революции, ибо налицо было несоответствие между об'ективными задачами революции и ее основным суб'ективно классовым фактором»[1]. После победы революционной Франции над внутренней и внешней контрреволюцией, дальнейшее продолжение якобинской диктатуры не только делалось уже излишним, но и решительно препятствовало бы осуществлению об'ективных задач революции, и поэтому после победы при Флерюсе якобинское правительство было неизбежно осуждено на гибель.

Если таковы были об'ективные предпосылки «термидора», то экономическая политика якобинцев создавала к нему и предпосылки суб'ективные в виде недовольства существующим строем со стороны всех классов страны за исключением (да и то неполным) одной только городской мелкой буржуазии[2]. Вполне, повидимому, сознавая это недовольство, робеспьеристы весной 1794 года пытаются частичными уступками удовлетворить всех недовольных и вся их противоречивая политика этого времени представляет не что иное, как попытку такого удовлетворения. Вряд ли нужно добавлять, что попытка эта была заранее осуждена на неудачу и не отделяла, а ускоряла наступление неминуемого взрыва. «В обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, особенно при неизбежном обострении этой борьбы революцией, не может быть «средней» линии. А вся суть классовой позиции и стремлений мелкой буржуазии состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, то-есть как раз к такой средней линии»[3].

Итак, для понимания сущности «термидора» нет ровно никакой необходимости говорить о каком-то до-термидоровском перерождении якобинцев, и все разговоры о таковом являются либо результатом непонимания истории Великой Французской Революции, либо сознательным подтасовыванием фактов в интересах фракционной борьбы. Исторический «термидор» был не эволюцией (или, вернее, контрреволюцией), подготовленной всем предыдущим ходом событий Великой Французской Революцией, и «термидорианское перерождение», начавшееся не до, а после 9-го термидора, было вместе с тем не его причиной, а следствием[4]. Таков вывод, к которому приводит нас рассмотрение новейших теорий по вопросу о «термидоре».

Я. М. Захер.

Литература о союзной интервенции в России в годы гражданской войны

Можно сейчас считать бесспорно установленным тот факт, что союзники играли решающую роль в гражданской войне, последовавшей вслед за октябрьской революцией 1917 года. Пожалуй, не найти ни одного участка на многочисленных фронтах гражданской войны, где бы не чувствовалась руководящая

---

[1] Н. Бухарин. „Цезаризм под маской революции“, стр. 27.

[2] Подробнее см. нашу книгу „9-ое термидора“, стр. 13—17.

[3] Н. Ленин. »Из какого классового источника приходят и „придут“ Кавеньяки“. Собр. соч., том XIV, часть 1, стр. 272.

[4] Одной из важнейших очередных задач исторической науки является, без всякого сомнения, изучение истории „термидорианского перерождения“ в указанном смысле, то-есть в смысле перерождения якобинской партии после и вследствие переворота 9-го термидора. Цитированные выше статьи П. П. Щеголева и К. П. Добролюбского составляют первый и очень ценный шаг в этом направлении, и следует надеяться, что мы скоро увидим продолжение этих работ.

рука союзников. Иногда союзники ограничивались материальной помощью российским контр-революционерам, иногда они прибегали к системе дипломатических нажимов, выдвигая на политическую авансцену послушные, только что испеченные государствообразования, иногда выступали совершенно открыто в качестве воюющей стороны. В этом последнем случае перед нами открывается тот тип вооруженного империалистического насилия, который на специальном языке международного права получил название «интервенции».

В процессе гражданской войны было осуществлено несколько интервенций. В качестве интервентов выступали особенно активно Англия и Франция, Впрочем, и другие «великие державы», в первую очередь Япония и С.-А. С. Ш. тоже приложили свою руку к этому делу. Районов интервенции было несколько, но все они располагаются по окраинам нашей страны: на севере у берегов Белого моря, на Дальнем Востоке, на черноморском побережьи, — в районе Одессы и Крыма, и, наконец, на юго-востоке — в Закавказьи и Закаспии. В этих местах были сосредоточены силы отечественной контр-революции, без которой интервенты не рисковали бы начинать своего предприятия. Здесь же была техническая возможность осуществить интервенцию, пользуясь морскими путями сообщения.

Пока что мы не располагаем исчерпывающими работами, посвященными вопросу интервенции во всей его ширине. Этот вопрос ждет своего историка. Однако важность проблемы, ее многогранное значение и для изучения истории Октябрьской революции и для более узких исследований по гражданской войне или истории внешних сношений постоянно привлекают внимание различных авторов. Накопилась довольно обширная литература, посвященная разным сторонам этого вопроса. Есть несколько попыток обобщающей оценки всей интервенции или отдельных ее участков. Довольно велика литература мемуарного характера. Появились и кое-какие публикации документов.

В настоящем обзоре мы рассмотрим имеющуюся литературу, группируя ее не по типам работ, а по тематическому принципу.

Сначала будут рассмотрены работы, вышедшие у нас и за рубежом (на русском языке) и посвященные отдельным участкам интервенции (на юге России, в Закавказьи, на Севере и т. д.). Затем мы перейдем к работам, которые частично или полностью посвящены вопросу союзной интервенции во всей его широте, а не применительно к отдельным участкам интервенции. В конце же рассмотрим некоторые работы, касающиеся нашей темы, и вышедшие на иностранных языках.

I

Интервенция французов на юге России

(1918—1919 гг.)

Интервенция союзников на Юге России возглавлялась французами, хотя в составе союзных войск были и не-французские части (греки, румыны, поляки), а в морских операциях, связанных с интервенцией, участвовали военные суда не только французские, но и английские и греческие. Первые дессанты войск были высажены в декабре 1918 года. Эвакуация всех войск закончилась в апреле 1919 года. Местом интервенции явились Одесса и Севастополь с прилегающими к ним районами.

Незадолго до начала интервенции в Яссах состоялось совещание дипломатических и военных представителей союзных стран со сборной русской делегацией, куда входили представители важнейших политических организаций русской буржуазии и землевладельцев при участии правых социалистов. В эмигрантской литературе Ясское совещание подробно описано у Маргулиеса в I томе его трехтомного дневника, вышедшего под заглавием «Год интервенции» [1], у Астрова («Ясское совещание») [2], в воспоминаниях Гурко [3]. Кроме того, о Ясском совещании довольно подробно говорит и Деникин [4]. В то время, как Гурко пытается показать бессилие и ничтожество Ясского совещания, полное пренебрежение к нему союзников, — Маргулиес и Астров рисуют это совещание, как исходный момент союзной интервенции на юге России. Ближе к истине, конечно,

[1] Берлин. 1923 г. (в виде выдержек из воспоминаний, отрывков о Ясском совещании был до этого напечатан в т. I «Летописи Русской Революции», изд. Гржебина).

[2] Голос Минувшего. На Чужой Стороне, № 3 за 1926 г.

[3] «Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу». Архив Русской Революции, т. XV.

[4]. Т. I, гл. I.

Гурко. Союзники решились на интервенцию совсем не потому, что их об этом слезно молили с'ехавшиеся в Яссы «избранники русского народа». Истинные цели интервенции касались собственных интересов и планов стран Антанты по отношению к своей недавней «союзнице». Интервенция началась вне зависимости от Ясского совещания. Максимум, что можно здесь приписать совещанию, это — что оно несколько ускорило момент начала интервенции. Интерес совещания поэтому состоит лишь в том, что оно особенно откровенно продемонстрировало истинное отношение русской буржуазии, русских землевладельцев, а заодно с ними и правых группировок социалистов («государственно-мыслящих социалистов») к факту союзной интервенции.

В советской литературе основные сведения о Ясском совещании даются в статье Рябинина (сборник «Черная Книга»), в которой приводится несколько наиболее характерных документов, касающихся совещания. Один из протоколов совещания опубликован в «Красном Архиве» (т. XVIII, 1926 г.). Там же (в предисловии А. И. Гуковского) дается краткая история совещания.

Первая довольно обстоятельная работа в советской литературе о французской интервенции на юге России принадлежит Ф. Анулову [1]. В значительной части она написана на основании личных воспоминаний, но в ней использован так же кое-какой газетный материал, опубликованы и некоторые документы. Работа Анулова касается, главным образом, деятельности Одесской подпольной организации коммунистической партии, но описывает и общий ход интервенции в Одессе и в прилегающем к ней районе. В этом описании встречаются отдельные фактические неточности, но в основном оно удачно и еще теперь не потеряло своего значения. Больше возражений может вызвать даваемая Ануловым характеристика одесского революционного подполья. Здесь помимо отдельных фактических неточностей сталкиваешься с неправильной оценкой всей работы подполья. В освещении Анулова крушение французской интервенции вызывалось, главным образом агрессивностью вышедшего из подполья совета рабочих депутатов, его требованием, обращенным к французскому командованию об уводе войск и вооруженным выступлением одесского пролетариата.

Это освещение исторически неверно. Оно противоречит фактам.

Статьи Анулова полностью перепечатаны в сборнике «Черная книга»[2], посвященном «интервенции Антанты на Украине в 1918 — 1919 г.г.». Этот, в общем, довольно содержательный сборник в редакционном отношении составлен, к сожалению, неряшливо. В нем помещен очень разношерстный материал, начиная от малоценных воспоминаний Григорьевского сподвижника Тютюнника и кончая содержательными статьями Шрага, Рябинина и других, а также публикациями некоторых важных документов. Но беда сборника не в разноценности материала, а в многочисленных противоречиях, встречающихся в разных статьях, при полном отсутствии редакторских примечаний. Нет никакого примечания и относительно авторов сборника, что по отношению к некоторым было бы очень желательным.

Из отдельных статей, кроме уже отмеченных статей Шрага, Рябинина и Анулова, укажем на содержательную статью Лидова («Херсон под пяткой оккупантов»), в которой (на основании, главным образом, местных газет) излагается ход событий во время интервенции в Херсоне, и на статьи Остапенко и Мазуренко [3]. Оба автора рассказывают о взаимоотношениях французского командования с Украинской Директорией и сообщают много характерных подробностей, рисующих как полную беспринципность украинских «самостийников», цеплявшихся за власть и унижавшихся у ног французских генералов, так и бесцеремонность этих последних в обращении с представителями Украинской Народной Республики. Нельзя не отметить, что в статье «сменившего вехи» Остапенко неприятно режет слух жар изобличения своих недавних сподвижников, прекрасно уживающийся с энергичными попытками автора обелить самого себя в бесславной истории своих дипломатических дебютов.

Коснувшись вопроса о взаимоотношениях французов с петлюровцами, попутно укажем на другие работы, касающиеся этого же вопроса. Прежде всего здесь надо вспомнить изданный на Украине стенографический отчет судебного процесса украинских эсеров, судимых Верховным Трибуналом в Киеве в 1921 г. [4]. Этот отчет дает богатый материал не только по интересующему нас частному вопросу, но и вообще по истории Украинской контр-революции. Затем укажем на работу одного из эмигрантов Арнольда Марголина,—нераска-

[1] «Летопись Революции» № 5 за 1923 г., № 1 (6) и № 2 (7) за 1924 год.

[2] Госиздат Украины, 1925 г., стр. 432. Ред. и предисловие А. Г. Шлихтера.

[3] «Директория и французская оккупация» и «УСДРП и союзная оккупация».

[4] Дело членов Центрального Комитета Украинской Партии эсеров. Стенографический отчет. Харьков, 1921 год.

янного приверженца Петлюры и видного его сподвижника. В своей книге[1] он дает очень ценные сведения об отношении французов к самостийной Украине на протяжении всего послереволюционного времени. Впрочем, специально периода интервенции он касается сравнительно мало. Много интереснее книга Винниченко[2]. Он беспощадно разоблачает своих бывших соратников и особенно «благородных союзников», которые довольно грубо вынудили его уйти из Директории. Между прочим, Винниченко публикует договор, который французы навязывали Украинским делегатам[3]. Оспаривая полномочия украинских представителей на подписание этого договора, Винниченко не отрицает, однако, возможности самого факта его подписания. Требования французов его при этом совершенно не удивляют, так как такими именно беззастенчивыми хищниками он их и рисует. «Эти рыцари, говорит Винниченко о французах, эти международные бандиты и эксплоататоры, пользуясь растерянностью, отчаянием и бессилием украинской демократии, открыто и цинично хватали ее за горло и кричали: руки вверх! не шевелитесь! отдавай все, что имеешь,—деньги, одежду, честь, душу и жизнь!..»

О взаимоотношениях украинцев и французов с особо злобным раздражением рассказывает Деникин. Назовем, наконец, уже знакомую нам статью Анулова и статью С. Горелика («Эпизоды в истории Украинской революции»)[4].

Вернемся, однако, к сборнику «Черная Книга». Ценны в нем официальные документы дипломатического характера, собранные в главе «Советское Правительство Украины на страже интересов трудящихся масс». Большинство документов — это ноты протеста Советского Правительства Украины, написанные в ответ на бесчинства и произвол оккупационных отрядов союзников. Об этих бесчинствах рассказывают и некоторые воспоминания, опубликованные в сборнике (Когана, Слузова и др.)[5]. Картина оккупационного режима завершается докладом профессора Жмойловича[6], который в качестве заведующего моргом университетского анатомического театра наблюдал результаты истязаний жертв многочисленных контр-разведок, работавших в Одессе во время господства французов. Наконец, в сборнике имеются воспоминания, рисующие, в дополнение к статье Анулова, деятельность революционного подполья. Среди них обращают внимание воспоминания В. Елина, повествующие между прочим о судьбе Жака Елина (брата автора). Эти воспоминания не чужды фантастики. Например, рассказ о ночных агитационных поездках Жака Елина на союзные военные суда. Воспоминания вообще ненадежный источник. Когда же мемуарист не ограничивается показаниями своей собственной памяти, примешивает к ним слышанное от других, вычитанное из газет и соединяет все в цельный рассказ, преподносимый, как воспоминания «очевидца» или «участника», — читатель должен быть особенно осторожен. К числу таких же воспоминаний-компиляций относятся пространные воспоминания Марти[7]. Он опубликовал свои воспоминания о событиях в Одессе и в Крыму во время интервенции, на три четверти списав их с воспоминаний других лиц. Сведения, сообщаемые Марти, взяты из вторых и даже из третьих рук, но всегда без обозначения источников. Многие факты при этом спутаны и искажены. Возможно, здесь немало прибавлено и прескверным переводчиком. Между прочим, сам Марти, получивший громкую известность в связи с брожениями во французском флоте, совершенно не участвовал в описываемых им событиях. Он все время находился на курсировавшем по Черному морю крейсере «Протэ», на берег не сходил и не только не был в контакте с одесскими и крымскими коммунистами, но даже не был им известен. Лишь после неудавшейся попытки восстания на одном из военных судов и своего ареста, что случилось уже после окончания интервенции, Марти мог стать известным южным революционным организациям. В воспоминаниях Марти есть, правда, и очень интересные места: рассказ о состоянии оккупационных войск, о брожениях в их среде, о неудачном выступлении моряков, возглавлявшемся самим Марти.

---

[1] Украина и политика Антанты (записки еврея и гражданина). Берлин, 1923 год.

[2] «Возрождение нации», ч. III.

[3] В советских изданиях текст этого договора приводится неоднократно, у Анулова в указанной статье, в статье Горелика и др.

[4] «Красная Летопись», № 5 за 1923 г.

[5] Большинство воспоминаний перепечатано из Одесского журнала «Коммунист» за 1922 год.

[6] Доклад Жмойловича перепечатан в недавно вышедшей брошюре, выпущенной Одесским Истпартом: «Под знаком антантовской цивилизации». Подзаголовок брошюры («В Деникинской Контр-Разведке. Протоколы») совершенно не соответствует ее содержанию.

[7] «Новый Мир» №№ 2—8 за 1925 г.

Вышедшая у нас мемуарная литература о периоде французской интервенции включает в себя еще статью Канторовича («Французы в Одессе»)[1] и несколько статей, помещенных в журнале Одесского Истпарта «Коммунист»[2] (в большинстве своем перепечатанные в сборнике «Черная Книга») и в сборниках Крымского Истпарта «Революция в Крыму»[3].

Ценность всех этих мемуаров более или менее одинакова. Надо лишь заметить, что Канторович касается внешних событий, наблюдавшихся им в качестве свидетеля, непосредственно не участвующего в борьбе. Издания же Крымского и Одесского Истпартов содержат в себе статьи активных участников революционного подполья. Большую ценность имеют издания Крымского Истпарта уже по одному тому, что в них говорится о Крымском подполье, о котором нет почти никакой литературы, тогда как деятельность одесских большевиков описана очень и очень многими. Между тем, революционизирование крымского пролетариата шло не медленнее, если не быстрее одесского. Любопытно, что Деникин придавал очень большое значение революционному настроению крымских рабочих и довольно много говорит на эту тему в своих «Очерках»[4]. Кроме статей в сборниках «Революция в Крыму» о крымском районе интервенции и в частности о крымском коммунистическом подполье кое что сообщает т. Бабахан в своей небольшой, но содержательной брошюре[5]. Совсем недавно советская литература о Крыме периода интервенции обогатилась ценной публикацией «Красного Архива», который напечатал ряд документов о деятельности «Крымского Краевого Правительства»[6]. Среди них обращает на себя внимание «Справка» министра вн. сношений М. М. Винавера, снабженная примечаниями и дополнениями министра труда П. С. Бобровского. «Справка» — своего рода отчет о деятельности правительства, изложенный в форме тезисов[7]. Два вопроса освещены в «Справке» подробнее всего — вопрос о взаимоотношениях Краевого Правительства с Деникиным и с союзниками. Министры стараются доказать непричастность правительства к бессудным расстрелам и расправам, чинимым в Крыму Добровольческой Армией (на этот счет не безынтересно сравнить с этими показаниями свидетельство самого Деникина. Впрочем об этом ниже). По второму вопросу министры наивно предполагают, что в результате воздействия Крымского Правительства и Деникина, солидарно добивавшихся «общей интервенции» местное союзное командование сделало соответствующие представления своим правительствам и только потому в Крым были направлены дессанты союзных войск. Подобные рассуждения невольно поражают своим провинциализмом, в особенности в устах «Министра внешних сношений». Неудивительно поэтому, что только «вероломством» могли министры об'яснить «двойственную политику» французов, которые, пообещав защищать Крым от большевиков, вдруг бросили его на произвол судьбы. К «справке» приложен очень любопытный «журнал заседания совета министров краевого правительства 16/IV 1919 г. на судне «Надежда»[8], в котором излагается печальный конец Крымского правительства. Высшая власть французов в Крыму в лице армейского полковника Труссана, когда вопрос об эвакуации был решен и игра в «правительство» кончена, просто-на-просто арестовала весь состав министров, заподозрив их в каких-то неблаговидных махинациях с государственной казной.

Вскользь вопрос о союзной интервенции в Крыму затрагивается в книге М. Ф. Бунегина[9], который сделал первую попытку систематического изложения истории революции и гражданской войны в Крыму. Об «англо-французской» интервенции говорит целая глава, но говорит не особенно удачно. Автор использовал местные архивные фонды, не очень богатые, но прошел мимо имеющейся на этот счет литературы. Изложение получилось неполное. Газетный же стиль увеличил впечатление поверхностного изучения вопроса. Есть и неточности и просто неверное изложение событий. Например, совершенно неправильно ука-

---

[1] «Былое», № 19 за 1922 г. Есть и отдельное издание.

[2] Отдел Истпарта был введен в журнал с № 22 за 1922 год.

[3] Гл. обр. № 2 за 1923 г. и № 1 (3) за 1924 г.

[4] Т. V.

[5] «Крымское подполье» (1919—1920 г.) Изд. Ялтинского К-та Р. К. П. Ялта, 1921 г., стр. 65.

[6] «Красный Архив», т. XXII, 1927 г. «Крымское Краевое Правительство в 1918/19 г.»

[7] Доклад был заслушан и одобрен на заседаниях правительства, эвакуировавшегося в Афины.

[8] Журнал заседания был напечатан и в зарубежном «Архиве русской революции, т. II.

[9] «Революция и гражданская война в Крыму» (1917—1920 г.). Крымгосиздат, 1927, стр. 336.

руководили Марти и Бадина. Их даже не было в Севастополе в момент демонстрации и осуждены они были не по этому делу.

Обзор вышедших в советской России работ о союзной интервенции на юге России закончим сборником «Кто должник?»[1]. Сборник этот вышел под редакцией А. И. Шляпникова, Г. А. Муклевича и проф. Б. И. Доливо-Добровольского и состоит из статей военных деятелей, которые в большинстве были видными участниками мировой войны. «Кто должник?» — прекрасно обоснованный ответ на претензии империалистических держав к советской стране по старым обязательствам царской России и по убыткам от национализации банков и промышленности. Исследования (так можно назвать большинство статей, помещенных в сборнике) служат солидным обоснованием для контр-претензий советского правительства. В этом смысле известное значение имеют в ряду других и статьи Ф. Костяева и М. Свечникова, относящиеся непосредственно к интересующей нас теме. Они, к сожалению, слабее, чем первые статьи, касающиеся не широких политических, а специально военных вопросов, но и их можно оценить как более или менее удачные работы. Статья Ф. Костяева говорит об интервенции на юге России, Кавказе и в Туркестане в 1918—1919 г. Первое возражение в ней вызывает самая постановка вопроса. Две интервенции, осуществляемые разными державами и во многом своеобразные, об'единяются довольно искусственно по географическому принципу в одно целое. Мало того, сюда же отнесена и помощь союзников Деникину и Врангелю. Статья написана, главным образом, на основании эмигрантской белой литературы и лишь с частичным использованием архива Красной Армии. Захватывая слишком много вопросов, автор все же справляется с задачей и дает связный очерк событий, удачно группирует уже известные факты, но кое-где дает и новые. К статье относятся многочисленные приложения (38 номеров): это или цитаты из различных эмигрантских книг, или документы, уже ранее опубликованные (иные даже по несколько раз). Только несколько документов опубликовано впервые, но они мало интересны.

Переходим к эмигрантской литературе. Зарубежные издания русских эмигрантов дают для южного участка интервенции довольно много. На первое место здесь надо поставить так называемый «Очерк взаимоотношений вооруженных сил юга России и представителей французского командования», изданный в мае 1919 г. в Екатеринодаре управлением генерал-квартирмейстера штаба главного командования вооруженными силами юга России. Этот небольшой, в 43 стр., очерк, названный «Оранжевой книгой Добровольческой Армии», содержит в себе значительное количество документов, характеризующих франко-добровольческие отношения. Полнота сборника видна из того, что и Деникин и Лукомский в своих воспоминаниях о гражданской войне в данном вопросе ограничиваются повторением сведений, имеющихся в сборнике. По словам Лукомского, «Оранжевая Книга» хотя и была написана «совершенно секретно», тем не менее содержание ее очень скоро стало известно и способствовало охлаждению франко-добровольческих отношений[2]. Здесь впервые был опубликован неоднократно цитируемый многими авторами доклад Деникину его представителя у главнокомандующего союзными войсками в Румынии, в котором сообщалось об очень широких обещаниях ген. Бертело по поводу предстоящей интервенции. Здесь дается богатый материал о политике французов в области организации местной государственной власти в районе интервенции, о попытках формирования «бригад-микст» (смешанные франко-русские части), о количестве высаженных на юге союзных войск и т. д. Особенно подробно изложен ход эвакуации союзных войск из Одессы и Севастополя. «Оранжевая Книга» была написана с целью изобличить французов в их неприязненном отношении к добровольческой армии. Собранный для этой цели фактический материал действительно изобличает, что французы выступали далеко не как «благодарные союзники», помогающие армии, сохранившей верность Антанте. В общем, «Оранжевая Книга» — очень ценный источник, мимо которого исследователь не может пройти.

Вслед за «Оранжевой Книгой» идут воспоминания руководителей добровольческой армией[3].

Первыми появились воспоминания Лукомского. В них имеется специальная глава об «Отношении Франции и Великобритании к борьбе с советской властью в России»[4], в которых приводится сравнительная характеристика различных позиций двух «великих держав». Лукомский излагает этот «в высшей степени деликатный и очень запутанный вопрос» во всей широте от первых ме-

---

[1] Авиоиздательство. М. 1926, стр. 587.

[2] Лукомский, т. II, стр. 244. «Оранжевая Книга» полностью напечатана в XIV т. Архива Русской Революции.

[3] Госиздатом перепечатаны наиболее интересные работы.

[4] Воспоминания, т. II, Берлин, 1922.

сяцев противусоветской борьбы до полной ликвидации врангелевского фронта, но подробнее всего говорит о взаимоотношении добровольческой армии с французским и английским командованием во время интервенции. Очень интересно сообщение Лукомского об англо-французском соглашении от 4/IV—1919 года, которое явилось дополнением к первоначальному разграничению сфер действия между англичанами и французами, установленному еще в декабре 1917 года. Приводя полностью текст соглашения и анализируя его значение, Лукомский приходит к выводу, что и впредь французское командование в зоне своих действий должно будет считаться высшим и при этом имеющим право действовать на юге России, как в оккупированных областях.

Большой интерес представляют «Очерки Русской смуты» Деникина. Об интервенции в них говорится отчасти в IV томе[1] (где речь идет о первых шагах союзников на юге России и о строившихся тогда — осенью 1918 года — планах интервенции) и, главным образом, в V томе[2]. Здесь речь идет о Ясском совещании, о начальных этапах интервенции, о русских политических партиях, с которыми приходилось сталкиваться французскому командованию, о взаимоотношениях французов с Украинской Народной Республикой, о формальном переходе к французам всей полноты военной и гражданской власти на юге России, когда вместо устраненных Деникинских генералов было введено французское оккупационное управление, о французской интервенции в Крыму и, наконец, об англо-французской конференции весной 1919 года, которая совпала с моментом окончания интервенции. Последнему вопросу посвящена специальная глава, хотя Деникин и не выходит за предел того, что уже было сообщено раньше в воспоминаниях Лукомского. Любопытны разоблачения, которые Деникин делает о взаимоотношениях между добровольческой армией и краевым правительством С. С. Крыма. Оказывается, что последнее, играя роль «наиболее демократического в мире правительства» и постоянно заявляя о своей непричастности к бессудным расстрелам и иным бесчинствам, творимым в Крыму добровольцами, на деле вполне поддерживало добровольцев в их борьбе против «крамолы», ради этой цели специально приглашая Деникина прислать свои войска в Крым.

Много внимания уделяет интервенции французов на юге России М. С. Маргулиес[3]. Не только очевидец, но и видный участник событий, к тому же близко стоявший к французскому командованию, автор имеет что рассказать и рассказывать умеет. Его книга-дневник, куда он изо дня в день заносил свои впечатления, различные слухи, разговоры, которые ему приходилось вести, и т. д. Не в пример большинству других издаваемых дневников, в которых «запись по дням» обыкновенно не более, чем литературная форма, Маргулиес, повидимому, действительно вел дневник в то время, к которому дневник относится. Поэтому его записи могут дать очень много для выяснения фактической стороны вопроса Наиболее подробно изложены главы о Ясском совещании, о сношениях французского командования с петлюровцами и о бесконечных переговорах французов с местными политическими деятелями и организациями по вопросу о сформировании в Одессе государственной власти. Сам Маргулиес был в той группе членов Совета Государственного Об'единения России, которая занимала анти-деникинскую позицию и склонялась к созданию в Одессе автономной власти, ничего не имея и против того, чтобы власть, фактически уже принадлежавшая французам, и официально была об'явлена, как власть оккупационная. Кстати отметим, что меткие и порой не особенно лестные характеристики Маргулиеса пришлись очень не по вкусу его недавним соратникам. В зарубежной печати было не мало протестов против «Года интервенции». Подробнее других разбирает эту работу М. Брайкевич. По его словам, характеристики Маргулиеса совершенно неверны, и все повествование лишено какого бы то ни было «политического чутья»[4].

Второстепенное значение имеют воспоминания В. Майбородова[5], который в качестве начальника уезда, входящего в район французской оккупации, прожил несколько недель совместно с командованием передового отряда французов на ст. Колосовка. Не поднимаясь выше обывательской наблюдательности, автор все же по должности был сравнительно осведомленным и сообщает некоторые любопытные детали военных столкновений французов с наступающими на Одессу григорьевцами.

---

[1] Берлин, 1925 г.

[2] Берлин, 1926 г.

[3] «Год интервенции». К интересующему нас периоду относится из 3-х томов только первый (Берлин, 1923).

[4] М. Брайкевич «Из революции нам что нибудь!» — «На чужой стороне», том V.

[5] «С французами» — «Архив Русской Революции», т. XVI.

Несколько содержательнее воспоминания другого эмигранта Владимира Маргулиеса[1]. Не больше, чем рядовой обыватель, он интересен лишь тем, что живо рисует картину панической эвакуации союзниками Одессы и попутно публикует различные выдержки из газет того времени и некоторые приказы, воззвания и другие летучие издания.

В таком же роде воспоминания С. Штерна, среднего кадетского журналиста. Его книга[2] носит полумемуарный-полупублицистический характер и может дать кое-что для воспроизведения внешней картины событий. Удачно проведена параллель между периодом австро-немецкой оккупации и оккупации союзной.

В числе второстепенных по своему значению публикаций документов, появившихся в зарубежной белой печати, укажем на письмо одесского осведомителя представителю одной из союзных контр-разведок при Колчаке с обвинением французов в предательстве по отношению к России. В сообщении нет ничего, кроме общих рассуждений. Повторяется старая легенда о подкупе большевиками представителей французского командования в Одессе. Имеются еще показания ряда лиц перед «Особой Комиссией на юге России» (деникинской) об обстоятельствах эвакуации Одессы в апреле 1919 г.[3].

Интервенция в Крыму гораздо беднее представлена в белой зарубежной печати. Кроме «Оранжевой книги», Деникина и Лукомского, которые одинаково касаются и Одесского района и Крыма, специально об интервенции в Крыму говорят немногие.

Некий А. В. — рядовой деникинский офицер, участник обороны Крыма весной 1919 года—опубликовал свои воспоминания под заглавием «Дневник обывателя»[4]. Эти воспоминания дают много не лишенных интереса подробностей повседневной жизни в Крыму в период пребывания там союзников.

Гораздо осведомленнее автора «Дневника» другой мемуарист д-р Д. С. Пасманик[5]. В свое время, в продолжение долгих лет, Пасманик был членом Центрального сионистского комитета в России, потом превратился в ярого приверженца Деникина и Врангеля и в конце концов даже среди евреев, по собственному признанию, стяжал славу «погромщика». Свои мемуары Пасманик расценивает, как самооправдание, и подробнее всего останавливается на взаимоотношениях Крымского краевого правительства (к которому он был очень близок) с Деникиным Эта сторона описана у Пасманика с большими подробностями. Вопрос же о взаимоотношениях краевого правительства с союзниками затрагивается лишь бегло, без сообщения каких-либо существенных новых фактов.

Ничего нового не вносят воспоминания и другого местного общественного деятеля — В. Оболенского[6], работавшего в период союзной интервенции в органах местного самоуправления. Воспоминания Оболенского охватывают весь период революции и гражданской войны в Крыму и в некоторых своих разделах довольно содержательны, но время союзной интервенции и у него обрисовано наименее подробно, вскользь.

II

Английская интервенция в Закаспии и Закавказье

(1918—1919 гг.)

Это один из интереснейших фронтов интервенции. Он особенно полно характеризует интервенционную политику и тактику англичан. Начавшись в июле-августе 1918 г., эта интервенция почти на 2 года отрезала Туркестан и Закавказье от Советской страны. Опираясь на дашнакцанов, эсеров, меньшевиков и другие антисоветские партии, интервенты свергли советскую власть в Асхабаде и Баку, расстреляли 9 закаспийских и 26 бакинских комиссаров. В оккупированных областях англичане проводили беззастенчивый колонизационный режим. Третировали местные, ими же создаваемые правительства. Свободно хозяйничали как в завое-

---

1 «Огненные годы» (Берлин, 1923). Периода интервенции касается только первая глава.

2 «В огне гражданской войны», Париж, 1922 г.

3 Оба документа напечатаны в журнале «На чужой стороне», т. X за 1925 г.

4 Архив Русской Революции, т. IV.

5 «Революционные годы в Крыму» Париж, 1926 г. Периода союзной интервенции касаются только последние главы (стр. 112—202).

6 На чужой стороне, т.т. V, VI, VII, VIII и IX. О периоде интервенции см. только том VII.

ванной области. Не стесняясь проводили хищную политику вывоза местных природных богатств.

В то время, как в наших архивах почти не сохранилось материалов, относящихся ко времени французской оккупации в Крыму и в районе Одессы, архивам Закавказских республик посчастливилось больше. В них оказались тоже далеко не полные, но все же богатые архивы местных республик, существовавших в период интервенции англичан.

Наша литература поэтому не может пожаловаться на недостаток публикаций документов, связанных с английской интервенцией. Большинство вышедших у нас работ представляют из себя не что иное, как публикации документов, иногда систематизированных, иногда в сыром виде. Таких публиканий много.

На первом месте здесь продолжает оставаться работа А. Л. Попова, печатавшаяся в ряде номеров «Пролетарской Революции»[1]. («Из эпохи английской интервенции в Закавказье»). Автор широко использовал материалы б. министерства иностранных дел Азербайджанской Республики, а также комплект местной газеты «Азербайджан» (за период с XI—1918 по II—1919). На три четверти, если не больше, работа А. Л. Попова состоит из публикации документов и выдержек из газет. Зачастую длинные цитаты не снабжены даже комментариями. Но подбор материалов удачен, и содержание их очень ценно. В общем это—одна из интереснейших публикаций по истории гражданской войны и интервенции. В особенности полно охарактеризованы вопросы, связанные с экономической стороной хозяйничанья англичан в Закавказье. (Глава V «Из экономических вожделений интервентов» и гл. VIII «К истории английской экономической политики»). Есть материал, освещающий вопрос о конфликте между Деникиным и Горской Республикой и об отношении к этому конфликту интервентов (гл. VI). В документах выявлена также роль французов во всей этой эпопее. По замечанию Попова, «французы выступали в роли коммерсантов par excellence». Впрочем, на этот счет материалов опубликовано сравнительно немного. Очень интересны многочисленные документы, рисующие отношение к интервенции закавказских «самостийных» правительств. Заискивание и обивание порогов, полное раболепство — вот что встретили англичане одинаково у всех местных национальных белых правительств. Англичане учли это отношение к интервенции. Они также прекрасно использовали непрестанную националистическую борьбу между местными республиками. Все это позволило им «овладеть краем в буквальном смысле этого слова голыми руками». Британское командование, по замечанию автора, появилось здесь «налегке» и только с течением времени стянуло в Закавказье значительные военные силы.

Пребывание англичан в Закавказье ознаменовалось убийством 26 бакинских комиссаров. Этому позорнейшему преступлению английских интервентов, в содружестве с социалистическими партиями в Закавказье, посвящена довольно большая литература. Впервые расследованием обстоятельств исчезновения «26» занялся Вадим Чайкин (эсер, член Учредительного собрания). С большой смелостью и энергией, подвергаясь огромному риску, В. Чайкин по горячим следам предпринял тщательное расследование всего дела и результаты своих изысканий опубликовал в газете «Знамя Труда» (12/III—19). Позже по этому поводу В. Чайкин выпустил целую книгу[2]. Он рассказывает, что решился предпринять расследование этого дела с целью рассеять «чудовищную клевету», будто бы гибель большевистских комиссаров была актом политической мести со стороны бакинских социалистических организаций. Эту цель В. Чайкин осуществил очень плохо. «Чудовищная клевета» не только не была рассеяна, но получила новые веские доказательства своей достоверности. Зато в другом направлении В. Чайкин достиг многого. Прежде всего, он точно установил факт убийства «26» и лживость официальной английской версии об увозе бакинских комиссаров в Индию. Кроме того, расследование Чайкина явилось ярким, не оставляющим никакого сомнения доказательством полной ответственности английского командования в гибели «26».

Существенным дополнением к книге Чайкина служит статья Мих. Лившица «Кто виноват», помещенная в сборнике «Памяти 26»[3]. Сопоставляя данные, собранные Чайкиным, с некоторыми, впервые публикуемыми документами, Лившиц приходит к выводу, что, кроме неоспоримой вины англичан, солидная доля ответственности в убийстве ложится и на бакинских эсеров. В связи с происходившим в 1926 г. процессом Ф. Фунтикова, бывшего председателя Временного закаспийского правительства, одного из главных виновников расправы,—статья

[1] №№ 6—7, 8 и 9 за 1923 г.

[2] «К истории российской революции», вып. 1. Казнь 26 бакинских комиссаров. Баку, 1920 г. Переиздано в Москве в 1922 г.

[3] 1922 г.

Лившица была переиздана отдельной брошюрой с приложением дневника Фунтикова [1]. Этот интересный документ «Дневником» называется неудачно. Так он обозначен в «Красноводском деле убийц 26-ти». В действительности же это ни по существу, ни по форме не дневник, а скорее своеобразная докладная записка Фунтикова какому-то влиятельному лицу. «Дневник» дает яркую картину колониального режима англичан в оккупированном ими районе.

Основные сведения об убийстве «26» приведены в заметке Д. Кина «Бакинские комиссары» [2]. Кроме того по этому вопросу напечатано много воспоминаний, касающихся, главным образом, личных характеристик погибших и их деятельности.

В. Чайкин, занимаясь вопросом о расстреле «26», упоминает и о другом случае «проявления жестокого самовластия британского командования на чужой территории»; о пленении в городе Красноводске группы граждан (65 чел.) и насильственном увозе их в Персию. О судьбе увезенных Чайкину не удалось собрать сведений. Затронутый им вопрос слегка освещен в воспоминаниях одного из арестованных Е. Рабиновича, напечатанных в «Пролетарской Революции» [3]

Возвращаясь к работам, касающимся не отдельных моментов английской интервенции, а общей ее истории, укажем на очень хорошую работу Я. Шафир, относящуюся к Грузии («Очерки Грузинской Жиронды») [4]. В этой книге дается краткая история Грузии от начала февральской революции до окончательного установления советской власти, при чем период английской интервенции охарактеризован особенно подробно. Л. Шафир приводит богатейший материал, изобличающий контр-революционную роль правительства грузинских меньшевиков; их неослабное стремление во что бы то ни стало добиться интервенции, их низкопоклонство и раболепство перед англичанами. В то же время в книге приведены образчики поведения англичан, чувствовавших себя на Кавказе, словно в побежденной стране. Из публикуемых в книге документов особый интерес представляет записка А. Чхенкели: «Союзники, Россия и право наций на самоопределение». В этой записке Чхенкели убеждает Лигу Наций, что единственный путь для гарантирования самоопределения народов и прекращения в России анархии это путь интервенции, путь жестокой блокады Великороссии и военного наступления союзных войск.

Несколько статей об английской интервенции на юге принадлежат В. А. Гурко-Кряжину. Самая интересная из них — «Английская интервенция в Закаспии и Закавказье» [5]. Эта статья написана, главным образом, на основании следственных материалов Верховного Суда СССР, к которым автор получил доступ в качестве историка-эксперта по делу Ф. Фунтикова.

Автор анализирует официальную точку зрения Англии на причины интервенции. По официальной английской версии интервенция вызывалась исключительно опасением возможного вторжения в Индию турецко-германских войск через фронт, обнаженный ушедшей русской армией. Гурко-Кряжин опровергает эту точку зрения и стремится доказать мифичность таких «опасений», между тем, как недавно он сам стоял на «английской» точке зрения [4]. Нам кажется, что если ошибочной была первоначальная позиция автора, то теперь совершенно устраняя значение такого рода стратегических соображений англичан, он впадает в новую крайность. Это не уменьшает убедительности доказательства Гурко-Кряжина относительно стремления англичан окончательно подчинить себе Персию и изолировать ее и Афганистан от революционной России. Кроме этой основной причины, имело значение и стремление использовать интервенцию, как оплот вооруженной борьбы с большевиками для всех антисоветских партий. Статья рассматривает также вопросы, связанные с вторжением англичан в Каспийское море и с их деятельностью и планами в Средней Азии. Есть кое-какой новый неопубликованный материал и об общем характере интервенции. Слабое место этой обстоятельной статьи — недооценка устремлений Англии к нефтяным рессурсам Кавказа и вообще ее экономической заинтересованности на Кавказе. В общем со статьей Гурко-Кряжина необходимо познакомиться всякому приступающему к серьезному изучению вопросов интервенции.

Краткие сведения об английской интервенции на Кавказе и в Закаспийской области приведены в уже знакомой нам статье Ф. Костяева «Интервенция на

---

[1] Тифлис. 1926 г.

[2] Большая Советская Энциклопедия, т. IV.

[2] № 11 (34) за 1924 г.

[4] ГИЗ, 1925, с предисл. Л. Троцкого. Книга представляет из себя переработку двух книжек того же автора: «Гражданская война в России и меньшевистская Грузия» и «Тайны меньшевистского царства» (1921 и 1922 г.).

[5] «Историк Марксист» №2 1926 г. См. его «Краткую историю Персии» М. 1925 г.

юге России». Конец статьи, касающийся англичан, удачнее, чем начало, где речь идет о французской интервенции. Это же относится и к приложениям: те из них, которые касаются англичан, полнее, интереснее и не столь часто публиковались раньше, как приложения, относящиеся к французской интервенции.

Большое значение имеет работа А. Мелькумова (Материалы революционного движения в Туркмении 1904—1919 г.), изданная Истпартом ЦК КПТ[1]. Участник описываемых событий Мелькумов собрал богатейший материал по истории гражданской войны в Туркестане, включая сюда и историю английской интервенции. Об этом последнем периоде речь идет в особой главе (VIII). Здесь собрано большое количество газетных вырезок, касающихся деятельности англичан в Закаспийской области и их взаимоотношений с временным закаспийским правительством Ф. Фунтикова. Более подробно, в виде связного обзора, с попутным цитированием некоторых документов, описана деятельность подпольной коммунистической организации.

К числу местных изданий, кроме книги Мелькумова, принадлежит выпущенная тем же Истпартом «Красная Летопись Туркестана»[2]. Этот сборник содержит ряд воспоминаний участников гражданской войны, описывающих, между прочим, и деятельность англичан в оккупированных областях. Воспоминания не все одинаково содержательны, но в некоторых имеются довольно интересные фактические данные. В целом все же книга не имеет большого значения.

Гораздо важнее сборники статей, речей и писем двух крупнейших местных работников: «Статьи и речи С. Г. Шаумяна»[3] и «Статьи и письма» Нариманова[4]. В этих сборниках содержится очень богатый материал как для выяснения фактической стороны событий, так особенно и для правильной их оценки.

Наконец, еще одна публикация, сделанная «Красным Архивом»: «Демократическое Правительство Грузии и английское командование» (с предисловием С. Сеф)[5]. Это исключительно ценное собрание документов извлекло из уцелевших остатков архива канцелярии председателя Грузинского правительства и представляет из себя девять протоколов переговоров председателя правительства с английскими генералами в феврале—сентябре 1919 года. Сюда же приложен и меморандум грузинской социалистической делегации на Люцернской конференции для рабочей фракции палаты общин. Главный интерес всех этих материалов заключается в характеристике позиции английского командования в конфликте между Грузией и Деникиным. Под нажимом английского командования грузинское правительство постепенно скатывалось к активной помощи и содружеству, сначала с Деникиным, а потом с Врангелем. Кроме того, в документах прекрасно обрисовано полное раболепства отношение Грузинского правительства к английскому командованию: смещение высших военных чинов, провинившихся перед английским командованием, согласие на передачу англичанам и контроля, и даже управления Закавказскими железными дорогами, унизительные декларации в печати и т. д.

Эмигрантская белая литература об английской интервенции на Кавказе не богата. В то время, как о периоде французской интервенции в Крыму и особенно в Одессе, которая гостеприимно приняла целые полчища бежавших с севера белогвардейских общественных деятелей, журналистов и литераторов, сохранилось множество мемуаров, — об интервенции англичан не напечатано почти ничего. Только Деникин и Лукомский в уже знакомых нам работах касаются более или менее подробно истории английской интервенции.

Деникин неоднократно возвращается к английской политике в Закавказье. Редко изменяя своей сдержанной манере письма, он здесь не может скрыть горького разочарования. Первое полугодие английской оккупации Закавказья, по признанию самого Деникина, наглядно показало, что «ни одна из тех задач, которые провозгласили англичане или которые приписывались им общественным мнением юга России и Закавказских новообразований, исполнена не была». Русский Национальный Совет в Батуме откровенно признал, что англичане явились в Закавказье «для преследования своекорыстных не только экономических, но и политических целей». Деникин приводит много примеров для иллюстрации как тех, так и других целей. Беспощадная эксплоатация богатого края, расчленение «Единой России», упрочение своего влияния в Закавказье и соседних районах— вот цели англичан. Деникина больше всего поражает «двойственность» англий-

---

[1] Ташкент 1924 г.
[2] Ташкент, 1923 г.
[3] Изд. «Бакинский Рабочий» 1925 г.
[4] Центроиздат, 1925 г.
[5] Т. XXI, 1927 г.

ской политики: с одной стороны, щедрая помощь белым армиям, — с другой, неприкрытая борьба против основных принципов этой самой белой армии. Глава белой армии не мог понять, что помощь англичан дается совсем не для воссоздания России, а только для борьбы с большевиками. Сообщения Деникина об английской интервенции, несмотря на всю осторожность и скупость изложения, дают историку большой материал.

Лукомский, подобно Деникину, повествует, что с представителями английского командования при ставке командования добровольческой армии существовали все время неизменные дружеские отношения. Была, казалось бы, полная договоренность. Зато с английским командованием в Закавказье никак не удавалось спеться, и трения здесь не прекращались. С первых же дней появления англичан в Закавказье они начали проводить анти-деникинскую политику среди «краевых национальных правительств». У Лукомского, как и у Деникина приведено много примеров стремления англичан поддержать сепаратизм Грузии и Азербайджана. Подробно изложена история конфликта, разгоревшегося из-за Сочинского округа, который англичане, по словам руководителей Добрармии, во что бы то ни стало хотели сохранить за Грузией. Причинам пртиворечивой политики англичан Лукомский не дает сколько-нибудь серьезного об'яснения. То ли екатеринодарские представители англичан были просто лучшие политики, чем их закавказские коллеги, то ли у Англии вообще не было ясной линии поведения в вопросе о помощи антибольшевистскому движению на юге России.

Второстепенное значение имеют пространные мемуары Б. Байкова [1], одного из руководителей образовавшегося на Кавказе «Русского Национального Комитета». Байков подробно описывает всю историю Закавказья во время революции и гражданской войны. Лишь в одном случае он лаконичен до крайности: когда речь идет об англичанах, появившихся в Закавказье. Однако здесь он успевает рассказать о случайно виденных им документах, попавших будто бы в руки большевиков и показывающих с неопровержимой достоверностью, что у немцев были подробнейшим образом разработаны планы вторжения в великобританские владения в Индии через бывший юго-восточный фронт России. Официальная позиция англичан относительно причин интервенции, казалось бы, получает благодаря Б. Байкову новое подтверждение.

Укажем, наконец, на составленный Н. Вороновичем сборник материалов и документов о крестьянском движении в Черноморской губернии [2]. Кое-какие документы здесь говорят об отношении английского командования к повстанческому движению. Документы эти относятся к 1919 и 1920 годам.

В заключение остановимся на переведенной на русский язык книге английского генерала, руководителя авантюристической экспедиции англичан в районе Баку — на книге Денстервиля [3]. По словам автора, книга написана не для стратегов и тактиков, а чтобы быть «интересной для всех». Очевидно, с этой целью Денстервиль облек изложение в форму, приближающуюся к уголовному роману. Этот типичный колониальный вояка с исключительным цинизмом повествует о своих похождениях в качестве руководителя экспедиции. Он подробно рассказывает о своем участии в подготовке свержения советской власти, о материальной поддержке эсерам и дашнакцанам, оказываемой для осуществления этого переворота, о широких планах борьбы с советской властью в пределах всего Закавказья, о взаимоотношениях англичан и контр-революционного отряда Бичерахова и т. д.

В общем книга Денстервиля очень важный источник для историка английской интервенции.

Ал. Гуковский.

(Продолжение следует).

Распад Австрии

1. HEINRICH KANNER. Kaiserliche Katastrophenpolitik. Ein Stück zeitgenössischer Geschichte. Tal. Leipzig, 1922. S. 465;
2. Prof. RICHARD FÖSTER. Die Politik Kaiser Karlo und der Wendepunkt des Weltkrieges. Liebmann. München, 1925. S. 310.

---

[1] «Воспоминания о революции в Закавказье» (1917—1920 г.). «Архив Русской Революции», т. IX.

[2] «Зеленая книга». Прага. 1921 г., стр. 166.

[3] «Британский империализм в Баку и Персии 1917—1918 г.» Изд. «Советский Кавказ».

3. T. G. MASSARYK. Die Weltrevolution. Erinnnerungen und Betrachtungen. 1914—1918. Reiss. Berlin, 1925. S. 556.

4. Prof. WILHELM SCHÜSSLER. Österreich und das deutsche Schicksaal. Quelle u. Meyer. Leipzig. 1925. S. 215.

5. Prof. FRUHEW u. WIESER, MINISTER a. D. Österreichs Ende. Ullstein. Berlin, 1919. S. 318.

6. Neue österreichische Biographie 1815—1918. Geleitet von Anton Besserheim. Bd. II. Bd. I. 1923. S. 226. Bd. II Amalthea. Wien, 1925. S. 206.

7. HEINRICH FRIEDJUNG. Historische Aufsätze. 1919. Stuttgart.

8. Prof. FRANZ BIBL. Der Zerfall Österreichs. Bd. I. Kaiser Franz und seine Erbe. Rikola, Wien, 1922. S. 420. Bd. II. Von Revolution zur Revolution. Rikola, Wien, 1924. S. 577.

9. BAUER, OTTO. Die österreichische Revolution. Volksbuchhandlung. Wien, 1923. S. 291.

Обширная литература по вопросу о распаде Австрии все продолжает увеличиваться. С образованием национальных государств и с провозглашением австрийской республики, после октября 1918 года весь руководящий слой бюрократов, политиков и генералов, создавший политическую концепцию эпохи Франца Иосифа и десятками лет защищавший ее, как бы одним взмахом был выключен из политической жизни. Этим об'ясняется и тот поток разных мемуаров, которым в течение последних лет наводнен австрийский книжный рынок. Почти каждый ответственный государственный или военный деятель, игравший какую-либо роль до распада Австрии, выпустил свои мемуары, дав в них достаточно полное изложение своей личной роли в событиях, но отнюдь не общего фона последних. Этот фон освещался ими лишь в такой мере, в какой это было необходимо для того, чтобы подвести историческую почву под их особый прагматизм. Сама республика гораздо решительнее отказалась от всякой преемственности в отношении имперской дипломатии, чем это сделала германская, и при опубликовании документов она не была так стеснена «вескими соображениями», как министерство иностранных дел Германской республики. Но если отвлечься от этого чрезвычайно ценного собрания официальных документов (чрезвычайно ценного потому, что оно освещает обстоятельства конфликта, непосредственно вызвавшего войну) и от многочисленных мемуаров, которые в качестве исторических источников могут служить лишь при чрезвычайно осторожном обращении с ними (из дипломатов: Буриан, Чернин, Андраши, Виндишгрец, Симашши, из генералов, игравших известную роль: Конрад, Арц, Ауффенберг, Комаров, Краусс, Керхнаве, Крамон, из близко стоявших ко двору: флигель-ад'ютант Маргутти, принц Сикстус фон Парма, из бывших министров: Пленер, Ламмаш и др.) и взять собственно историческую литературу, то сразу станет очевидной абсолютная и относительная ее бедность.

Книга Каннера не является трудом «цехового» историка. Автор в течение многих лет был главным редактором венской демократической газеты «Цейт» и во время войны вынужден был даже переехать в Швейцарию. По возвращении оттуда после войны он обрисовал на основании германского и австро-венгерского собрания документов ту относительно узкую дипломатическую сферу «балканских отношений», в которой действовала австро-венгерская монархия, но которая после ревельского англо-русского соглашения имела для мировой политики XX века столь решающее значение, а для самой монархии столь роковую важность. Исследования Каннера относятся, почти исключительно, к деятельности министерства иностранных дел и двора. Автор, сам будучи активным публицистом, инстинктивно чувствует недостаточность такой системы исследования сильнее, чем какой-нибудь университетский профессор, и поэтому мотивирует его тем, что содержание внутренней политики монархии исчерпывалось тяжбой отдельных наций между собой, «экономическая политика» отражала борьбу классов, но внешнеполитические вопросы оставлялись за кайзером и дипломатами. Австрийские министры иностранных дел всегда строго следовали советам бисмарковской школы относительно «антипарламентских» способов действия в значительно большей мере, чем австрийский или венгерский министры-президенты, или же французские или английские министры. Внешние вопросы (и военное ведомство, конечно), полагает наш автор, должны были приспосабливаться лишь к «воле государя» в то время как во внутренней политике подчас приобретала значение и «воля народа». Исходя из этого, излагает он

общую деятельность четырех министров иностранных дел из родовой аристократии (гр. Калнокий, гр. Голуховский, барон Эренталь и гр. Берхтольд), действовавших после падения Андраши (1879). В лице самого Андраши Каннер видит осознавшего свои цели либерала, которому на берлинском конгрессе удалось помешать об'единению прусской и русской реакций, который, использовав кроме германской поддержки также и влияние Англии, сумел приобрести Боснию-Герцоговину, открыл «пути, ведущие к Салоникам», монархию сделал третейским судьей Балкан и открыл новые внешнеполитические цели перед реорганизованной империей, недавно потерявшей преобладание в Германии и Италии. Реакционный и клерикальный преемник его гр. Калнокий (не считая краткое министерство барона Гаммерле) в отношении Германии совершенно поддался руководству Бисмарка. Лейтмотивом этого бисмарковского руководства было «обратное сближение трех кайзеровских держав». Но помимо этого Калнокий договором 1887 года, вернее сепаратным договором, заключенным тогда же, прямо «ввел» Италию на Балканы. Ни он, ни Голуховский не сумели продолжать балканской политики Андраши. Мюрцштегская программа 1909 года укрепила Россию в самый критический для нее момент, и путь в Салоники тогда закрылся. Среди изменившихся условий (безрезультатное посещение в Ишле Франца Иосифа королем Эдуардом с целью поколебать австро-германский союз, отход Италии) оказалась безрезультатной и видимая активность Эренталя, аннексирование Боснии, снабжение стратегической железнодорожной линии территориальной полосы, известной под названием «сенджак». Эта безыдейная, лишенная крепкого тыла кайзеровская политика, предоставленная игре дипломатических сил, оказалась еще более изолированной при Берхтольде, коотрый в борьбе с русским влиянием в конце концов остается побежденным Сазоновым, хотя в 1912 году с образованием Албании ему и удалось не допустить Сербию к морю. Внешняя политика монархии параллельно обострению австро-чешско-югославского вопроса в силу необходимости направляется уже на уничтожение Сербии, на осуществление «триалистических» планов Франца Фердинанда (преобразование австро-венгерской монархии в австро-венгерско-югославскую империю). Автор не без уменья группирует дипломатические материалы, показывающие нам Берхтольда, как проводника политики клики наследника Франца Фердинанда. Ядро книги составляет изложение придворной и дипломатической подготовки войны. Автор излагает, как австрийское министерство иностранных дел, опираясь на обещание кайзера Вильгельма, предшествовавшее ультиматуму, отвергало всякие посреднические попытки. При этом оно пользовалось, конечно, полной поддержкой германской «военной партии», руководимой графом Мольтке, которая решающе влияла на германскую дипломатию и, в частности, заранее составляла проекты о нарушении нейтралитета Бельгии и даже Голландии. Затем автор об'ясняет, как удалось, наконец, вызвать ту «предохранительную войну», которая требовалась уже не только соображениями создания балканского союза под исключительно австрийским руководством и мотивами самосохранения дабы Боснии-Герцоговине не угрожала «велико-сербская» пропаганда, а наоборот, чтобы полным «политическим разоружением Сербии» был открыт путь к разрешению внутреннего кризиса.

Эта книга, в известной мере имеет свое продолжение в книге Фестера. Но точки зрения авторов разные: Фестером руководит вера в «великую германскую будущность», он не демократический публицист, а скептически относящийся к веймарской конституции велико-германский профессор. Тема его охватывает не тот австрийский имперский двор, который подготавливает, а тот, который заканчивает войну. С кайзером Карлом (1916) через императрицу Циту проникает в сферы внешней австрийской политики влияние дома Бурбон-Парма, отсюда начинается тенденция отделения Австро-Венгрии от «двойственного союза». Фестер с величайшей детальностью разработал все подробности известной миссии младших братьев Циты, пармских принцев Сикстуса и Ксавера, собрал все до сих пор опубликованные данные относительно полуофициальных переговоров Ревертера и Арманда (август—октябрь 1917 г.) и об обмене мнениями между английским Смутсон и австрийским Менсдорфом (февраль 1917 г.) Автор настроен враждебно в отношении всех тех сил, которые «подрывали» «создание Бисмарка», он желает подчеркнуть «жестокую историческую правду» о том, что политика Карла-Циты, отвернувшись от концепции двойственного союза, пыталась создать для монархии новую внешне-политическую ориентацию. Автор безмерно преувеличивает значение особой «домашней политики» Парма-Бурбонов В его изложении Сикстус, брат будущей австрийской императрицы, вступил в бельгийскую армию не только для того, чтобы спасти участь семейных владений, которые находились в странах Антанты (владения эти лежали во Франции, Швейцарии и в Италии), но и потому, что он в войне видел возможность воссоздания бурбонских традиций 17-го и 18-го веков, война ему ка-

залась подходящим случаем для того, чтобы с помощью австрийской императрицы сломить прусскую гегемонию, сохранить монархию как «бурбунский идеал будущего» и как «связующее звено между Россией и Австрией». В то же время в его руках находились ключи к обеспечению будущности Франции. Он являлся самым реальным претендентом на трон из дома Бурбонов; против французской республики он рассчитывал на поддержку бельгийского и английского дворов и также на заслуги своей посреднической работы. Автор разбирает все обстоятельства миссии Сикстуса, его швейцарских и венских переговоров и происхождение пресловутого «Сикстусовского письма» («Я всеми мерами и всем моим личным влиянием буду поддерживать справедливое французское требование о возврате Эльзас-Лотарингии»... «мне очень радостно видеть, что страна моя не отделяется от Франции никакой действительной противоположностью интересов»),—он перечисляет англо-французские обещания относительно компенсации Австро-Венгрии на Востоке (Польша, австро-польское решение) даже за счет Германии (присоединение к Габсбургской империи Баварии и даже Силезии). Вместо того, чтобы мотивы мирной политики Карла видеть во внутреннем истощении монархии, Фестер принимает всякие фантастические моменты за факты, каждую строку дневника Сикстуса рассматривает, как документ решающего значения. Меморандум Чернина 1917 года, данные которого об истощении монархии якобы через Эрцбергера попали в антантовские руки, он находит преувеличенным, пораженческим. Анализ тех противоречий, которые составляют, судя по заглавию книги, предмет исследования, отходят далеко на задний план. Говорится только между прочим о той проблеме, которая для Бриана, Рибо и Ллойд Джорджа выражались в том, чтобы, с одной стороны, соблюдать лондонский договор, заключенный Италией 26/IV 1915 года (Италии обещали в случае победы Триест, Трентино и части Далмации) и с другой, чтобы заключить сепаратный мир с Австрией. При такой интерпретации совершенно непонятными являются события 1917 года. Когда после фиаско миссии Сикстуса (Карл не хотел отказаться от Триеста), с одной стороны, Ллойд Джордж настаивал на итальянском наступлении на Триест, чтобы этим «удалить камень преткновения, лежащий на пути к сепаратному миру с Австрией», а с другой стороны, французское правительство через графа Арманда вступает в новые переговоры с Австрией, снова заговаривая о плане Дунайской федерации под руководством Габсбургов, с включением в нее и Польши в границах 1772 г. Когда же Сикстусовские переговоры выплыли наружу, и германцы стали угрожать обложением Австрии и Тироля, то уже в феврале 1918 года английский генерал Смутс делает еще одну попытку принудить Австрию к сепаратному миру и сулит ей «слабую связанность с Румынией и Сербией» (во время Бухарестского мира и австрийской ориентации правительства Пашича, в то время заседавшего в Корфу). И когда—вследствие угрозы превращения Триеста и Австрии в театр австро-германской войны—эти переговоры тоже рухнули, английский министр пропаганды Нортклифф уже мог издать указания на предмет ведения пропаганды за разрушение Австрии.

Что окончательное решение Антанты о судьбе Австрии относится к весне, вернее к лету 1918 года, это мы знаем от Массарика. Об'емистая книга его интересует марксистского историка, как документ, характеризующий высшие достижения чехо-словацкого национального движения, и как документ одного из важнейших эпизодов российской контр-революции. Сверх всего этого, чрезвычайно интересно самое изображение той борьбы, которую вел Массарик во главе организованного и руководимого им заграничного «чехословацкого» «Национального Совета» вместе с представителями юго-славской эмиграции за радикализацию антантовских военных задач относительно Австрии, за разделение ее и за создание чехо-словацкого государства. 1/III 1916 года Массарик предложил свою программу Бриану, который, по словам Массарика, принял ее, склонившись к тому, что вся «восточная Европа должна быть реорганизована, и что нельзя довольствоваться одним финансовым наказанием Австрии»; впрочем, это не помешало ему через год вступить в переговоры с Сикстусом. Только летом 1918 года, когда Италия уже предчувствовала осуществление лондонского соглашения, Румыния (аннексия Трансильвании) и Сербия (Боснию-Герцоговину и выход к морю)—осуществление своих претензий, только тогда пошел Бальфур дальше и признал (9-го августа) Чехо-Словакию в качестве «союзной державы» и чешские легионы, «восстановившие в Сибири восточный фронт» в качестве «союзнической армии». Но решительная победа руководимой Массариком политики наступает лишь тогда, когда на деле изменяется 14-ый пункт Вильсона относительно автономии угнетаемых Австро-Венгрией национальностей и когда австро-венгерская дипломатия, признавшая 14 пунктов, не получает ответа по существу на свою телеграмму с предложением мира.

Сочинение Массарика (под заглавием: Воспоминания и созерцания) интересно только как воспоминание, как сырой материал, но созерцания его относительно австрийской истории, начиная с конца 1917 года—тот период времени, когда Австрия в глазах английского и французского правительств уже перестает означать будущий «противовес Германии» и необходимую для малых народов и народностей организацию — еще больше односторонни и извращены, чем «созерцания »Фестера, диаметрально им противоположные.

Из тех книг не мемуарного характера, которые хотя бы схематически пытаются дать об'яснения к «неисчерпаемой теме»—распаду австрийской империи, которые при том обнимают целую эпоху, особое внимание заслуживает книга Шюсслера, который в этом вопросе играет среди германских историков как бы роль эксперта по австрийским делам. Но заслуживает он внимания—так же, как и Фестер—только с политически-публицистической точки зрения. С научной точки зрения книга его так же мало значит, как и книга Фестера. Германские историки новейшей эпохи со своим нео-кантианским морализированием, методическими недостатками разграничения, исследования и собирания материалов (в соответствии с заранее намеченной конструкцией), с механическим разделением «политических и экономических» и «культурных» моментов, со своим социальным диллетантизмом, настолько похожи друг на друга, что личности среди них почти совсем исчезают. Шюсслер тоже интересуется австрийской проблемой, в первую очередь для того, чтобы этим обосновать «неразрушимое жизненное единство всех немцев в Средней Европе». Если либеральный автор-публицист причину краха видит в изменении линии внешней политики графа Андраши, в подчинении под бисмарковское руководство, — то Шюсслер отвергает внешнюю политику Германии после Бисмарка. Внешняя политика Германии после ухода Бисмарка не соблюдала основные принципы его политики: возможное обеспечение мира с соседями Австрии, главным образом, политика союза с Италией и Румынией, имея Россию постоянно в резерве,—и считает роковым невозобновление в 1890 году «договора о перестраховке». Политика в 90-х годах и привела к сближению царя с французской демократией. Он видит ошибку в том, что в период 1897—1903 английский проект договора был отвергнут из соображений, связанных с Австрией (которую нельзя было вовлечь в него), и в виду «глубины» австро-русских противоречий. Шюсслер, как и все поколение германских историков после Кениггреца, считает Австрию, эту государственную формацию, заменяющую Германии недостающую колонию, жизнеспособной, исторической, географической и этнографической необходимостью, но в конечном итоге делает ее же ответственной за успехи анти-германской политики окружения, за международную политическую констелляцию после 1908 года. От Кениггреца до ультиматума Сербии он видит одну прямую линию. Неудержимый рост славянского движения внутри Австрии, постепенный отход Италии и Румынии «заставили Австрию проявить свою жизненную силу» и решить юго-славский кризис за счет Сербии. Кризисы, исходящие из Австрии, росли в той мере, в какой окружение становилось теснее, вернее: по мере усиления германского военного флота.

Из этой конструкции исходит данная Шлюссером картина внутренней жизни австро-венгерской монархии, которая даже с точки зрения буржуазной историографии совершенно извращена. Исходя из правильного положения, что Пруссия, как и Венгрия, были заинтересованы в свержении господства дома Габсбургов в Средней Европе и что австро-венгерское «соглашение» 1867 года, построенное на суверенности двух стран, Австрии и Венгрии, совершенно отдало другие народы Венгрии на произвол господствующей национальности и позволило венгерским господствующим классам со времен Андраши значительно влиять на балканскую внешнюю политику империи,—осью всех своих исследований он делает венгерскую политику.

В то время, как Шюсслер причины германского краха ищет в чрезмерной привязанности к системе государственного строя, созданного в 1867 году (т. наз. дуализму), и в весьма слабом австрийском руководстве, а в лице кронпринца Франца Фердинанда видит единственную фигуру, которая могла бы успешно бороться против графа Тисса за оттеснение венгров, за славянизацию Австрии и за решение юго-славской проблемы, барон Визнер, бывший австрийский министр и профессор венского университета (экономист, а не профессиональный историк) причины распада видит в явлениях, лежащих вне Австрии. Австрия оказалась до конца жизнеспособной. Она пала не в самой войне, а только после поражения германской западной армии в 1918 году — в том потрясении народов, которым кончилась война. Краткое суммирование австрийской истории с 1526 по 1918 служит для него лишь доказательством силы австрийской «государственной мысли». Однако, из-под пера бывшего австрийского министра и ученого выходит и другое более ценное определение, — в силу которого «вся-

кая развитая культура может быть только национальной культурой, так как только такая достает до корней народа», и так как «главная представительница экономических интересов, т.-е. буржуазия, одновременно была представительницей национального движения, то этим была дана возможность помирить национальное движение, с государственной мыслью» (под знаком которой источники богатств для национальной буржуазии открывали новую технику и новую организацию).

Массарик говорит о революционности обоих центров чешского национального движения (с одной стороны—внутри страны парламентские политические вожди, с другой стороны—эмиграция). Визнер только бегло упоминает о малочисленных, невлиятельных, работавших только для «дела разрушения» эмигрантах. Причины того, что Крамарж, руководящий парламентский деятель австрийских славян, и Корошец не стали министрами охваченного австрийским царствующим домом огромного государственного союза юго-восточной Европы,—он видит в причинах, лежащих вне Австрии. Из числа их он подчеркивает не столько дипломатически-политические причины, сколько то широкое средне-европейское движение, которое началось после захвата власти в России «максималистами народной свободы» и которое в Австрии не было направлено только против кайзеровской верхушки как в Германии, но также против государственных связей и против единства армии.

Последнее «великое» предприятие австрийской историографии «Новая Австрийская Биография» в историографическом смысле говорит сама за себя. Та историография, которая ограничивалась обработкой почти исключительно дворцовых и министериальных документов или, в крайнем случае, изложением политических течений, не двинулась дальше личных характеристик. В «Новой Австрийской Биографии» один за другим проходят, начиная с Франца Иосифа до Пернершторфера, «велико-германски» настроенного социалдемократического товарища председателя парламента, все австрийские государственные деятели, министры и генералы. В Австрии, где внутренняя политика десятки лет вращалась вокруг ревизии конституции и где основная проблема монархии являлась проблемой юридического, например, отношения к Венгрии о престоло-наследовании, где создалась экономическая школа (Менгер, Бэм Баверк, Визер), отвергающая систему классической английской экономии, где в университетской науке даже социализм возник как юридическая проблема (Антон Менгер), и в этой научной атмосфере, где поставленная историку главная задача — исторически-правдивая верность,— историческая наука по своему содержанию была выразительницей лишь официального политического течения.

Самым талантливым выразителем этого, уже потерявшего свою точку опоры, направления, является, несомненно, Генрих Фрид'юнг, который участвует в «Новой Австрийской Биографии» только своим посмертным трудом; но его книга, изданная в 1919 году, является дополнительным томом Н. А. Б. и по словам Фрид'юнга «занимается изучением исчезнувшего мира». Книга эта содержит «Эскизы об Австрии, написанные в течение последних 30-ти лет под знаком основной мысли о необходимости существования Дунайской империи». Фрид'юнг вырос еще из того исторического поколения, которое резко подчеркивало коллизию династических интересов дома Габсбургов и немецких национальных интересов, но уже в своем многохваленном и широко известном «великом» труде он изложил прусско-австрийскую войну и эпоху прусского господства над немецкими народами с «об'ективностью», одобренной всеми австрийскими критиками.

С наступлением «катастрофы» Фрид'юнг, согласный с Визером и другими австрийскими историками, констатирует, конечно, что «этот исторический приговор над Австрией... как над созданием немецкой нации, над ее форпостом, выдвинутым на юго-восток, для защиты которого она собирала и другие национальности», был приведен в исполнение только тогда, когда «после окончательной победы враги монархии были еще довольно сильны для того, чтобы довершить дело разрушения». Его способности исторического подытоживания также явно формальны, характерно то, что личность и система правления Франца Иосифа является той рамкой, внутри которой он концентрирует историю решающей судьбы десятилетий. Но периодизация этой истории не лишена некоторой оригинальности. Период 1848—1861 — полоса влияния на Франца Иосифа его матери, время кардинала Раушера и герцога Шварценберга, эпоха грубого меттерниховского нео-абсолютизма, период жозефинирующего, германизирующего бюрократического централизма; 1860—1879 годы, когда «он (Франц Иосиф) уже начинает понимать свое время», но колеблется как в вопросе о парламентаризме, так и в выборе между дуализмом и возможной федерализацией, направленной против Венгрии и против венгерской суверенности; 1879—1900—период германского союза, строго конституционного правления в Венгрии и «решающей силы» императорской короны у народов Австрии, и, наконец, 1900—1916—время, когда

усиливается венгерское сепаратистское движение, и одновременно с кризисом дуализма чешско-австро-немецкая национальная борьба создает постоянный парламентский кризис, а со стороны короны наблюдается консервативная, лишенная всякой инициативы окоченелость.

Единственный австрийский историк, который в одном связном труде пытался ретроспективно написать историю Австрии и «Распад Австрии», и выявить причины краха, это Франц Библ.

Официальной историографией труд его был встречен крайне холодно[1] и совершенно основательно. Присоединяясь к одной из идей Фрид'юнга, который в стремлениях Франца Иосифа видит борьбу с наследством, оставшимся после Франца и Меттерниха, Библ ищет зародышей распада в правительственной системе Франца I (1792—1831), в его характере и в его ограниченных способностях. Первый том трактует переход от жозефинистского, проявляющего инициативу классического «просвещенного деспотизма» к ленивому, бюрократическому, полицейскому абсолютизму, к той форме правления, которое, собственно, вызвало карлсбадские решения.. приостановило освобождение крестьян и которое свою значительную международную репутацию и дипломатические успехи в период после венского конгресса употребило на создание препятствий для развития внутреннего движения. Франц Иосиф в течение своей долгой жизни предпринял много «изменений в системе», в нем все время боролась «замечательная смесь францовских и жозефинистских черт, но преобладание черт кайзера-деда (т.-е. Франца I) было значительно сильнее». Под конец его жизни в «конституционной монархии» обнаружилась эта «высшая гибкость». И в атмосфере старческой окоченелости, в которой и застал дунайскую монархию больщой политический кризис перед мировой войной, к великому несчастью, Библ тщательно регистрирует каждую отдельную характерную черту «францовской» системы, не давая, однако, при этом никаких приемлемых решений тех проблем, исторически еще еле разработанных, к которым австрийская история XIX века накопила такие богатые материалы (политическое развитие национальностей в рамках ведущего империалистическую политику государства, руководимого другими национальностями и т. д).

Против всех этих исторических концепций, как против исторической необходимости специальной австрийской великодержавной политики, так и против историков велико-немецкого нео-романизма и «любви к расе» направлена книга Отто Бауера, который после 1917 года в обсуждении австрийской проблемы применяет с первого взгляда марксово-энгельсовскую мерку. В начале 1918 г. впервые выступил против точки зрения Реннера вернувшийся из русского плена Отто Бауер. Тогда он прокламировал от имени австрийской «марксистской левой» право наций на самоопределение и на образование государства, в том числе и право чехо-словацкой нации так же, как и австро-немецкой. Исторически он этим несомненно сделал шаг вперед против того старого австромарксистского взгляда, который борьбу национальностей допускал лишь в пределах государства. Работа Бауэра построена на концепции австрийской «революции» 1918 года и безусловного, безо всякой критики, признания чехо-словацкой и юго-славской «революций». Не говоря о не относящихся сюда политических моментах, которые руководили автором (разработка типа демократической революции как антитезиса пролетарской революции большевистского типа, иллюстрирование классового противоречия и теории функциональной демократии, отрицание ленинской теории о государстве), но чисто исторически он этим отходит назад на историческую плоскость Массариков и Визеров. На стороне Антанты он видит «совершенно демократичноуправляемые государства» (после выхода, конечно, царской России), центральные державы полуабсолютистические, право на самоопределение народов осуществлено Антантой, чешская и юго-славская революции являются результатом победы Антанты и т. д. Данное им историческое подытоживание национальных движений популярно только в стиле, но в содержании является бедным вульгарно-демократическим.

В общем книга Бауера, призванная восполнить старый пробел, не указывает на подлинные причины распада Австрии и с марксистской точки зрения тоже не представляет собой никакой ценности.

Л. Тордай.

---

[1] Heirich Richter Sveick: Victor Bibl. Der Zerfall Österreichs. Bd. I, in die Historische Zeitschrift, Bd. 130. S. 128.
W. Schüssler: Victor Bibl. Der Zerfall Österreichs Bd. 219 in die Hist. Zeitschr. Bd. 132, S. 340.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Обзор немецких исторических журналов

(Historisches Iahrbuch 1926—1927, BB. 46, 47; Historische Zeitschrift, B. 135, H. 2, 3; 136, H. 1; Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik 1926—1927, BB. 55, 56, 57, H. 12; Zeitschrift für die Gesamte Staatswissenschaft 1926—1927, BB. 82, 83, H. 1).

Среди большого количества немецких исторических журналов своеобразное место занимает „Исторический Ежегодник" (Historisches Jahrbuch), основанный еще в 1878 г., в эпоху культуркампфа Герресовским Обществом, для борьбы за культурное влияние католической церкви посредством об'единения работы всех истинно-католических историков (H. Finke. Die Anfänge des H. Jahrbuchs. B. 45. H. 4). Верный слуга ортодоксального католицизма, журнал этот еще недавно помещал на титульном листе свой девиз — образок святого Афанасия, известного борца за правоверие в IV веке.

Времена изменились: руководители тщатся придать изданию внешне об'ективную форму,—образок исчез с 1925 года, но клерикальное нутро осталось все то же, и — характерное явление для современной Германии! — журнал стал выходить четыре раза в год вместо двух.

Статьи его отличаются тонкостью филологической критики древних рукописей, уделяют много места придворной истории, генеалогии старых дворянских родов, агиографии, преимущественно средневековью, эпохе былой славы и могущества церкви воинствующей [1] истории Священной Римской Империи, но паче всего, конечно, истории самого папства и его присных.

Столпы журнала (напр., известный „историк" лютеранства Гризар и др.) могут с гордостью помещать после своей фамилии буквы „S. J." (Societas Jesus — орден иезуитов) и, естественно, заботливо коллекционируют биографии заядлых реакционеров и обскурантов (напр., правой руки Меттерниха Ярке, изгнанного революцией 1848 г.).

Интересного для нас материала в этом мусоре мало.

М. Браубах пишет о малоизвестном германском реакционном листке „Эйдемония" (M. Braubach. Die Eudämonia 1795—1798, B. 47, H. 2), который вел отчаянную борьбу с идеями просвещения и революционным движением в Германии. Искусно прилаженная маска об'ективности не может прикрыть, однако, явного сочувствия автора единомышленникам в далеком прошлом.

А. Генхе дает новый архивный материал к кошмарному делу об убийстве австрийскими гусарами французских полномочных послов, возвращавшихся с Раштатского конгресса в 1798 г. (A. Henche. Der Rastatter Gesandtmord im Lichte der politischen Korrespondenz des nassauischen Particulargesandten Freiherrn von Kruse. B. 46. H. 3/4). Автор сообщает интересные данные для характеристики внутреннего разложения священной Римской Империи, но уклоняется от более углубленного анализа причин убийства, хотя роль тайного инспиратора убийц, австрийского эрцгерцога Карла, слишком ясна.

Наглядным примером порчи исторического исследования клерикальной тенденцией может служить большая статья иезуита Летуриа о папской политике по отношению к южно-американской революции (Pedro Leturia, S. I. Die America-Encyklika Leo's XII vom 24 September 1824. Ihre Geschichte, ihre Text, ihre Folgen. B. 46, H. 2). Солидное число страниц, изобилующих аппаратом внешней учености, автор-иезуит посвятил апологии двоедушной реакционной дипломатии папы Льва XII. Мало внимания уделено продажности и экономической зависимости воротил папской курии от испанского посла, раздавателя жирных пенсий влиятельным кардиналам, разумеется, ни слова о двойственной политике курии, стремившейся и угодить испанскому королю и спасти от конфискации огромные земельные богатства южно-американского католического духовенства.

Рядом с этой раздражающе удушливой реакционной поповской историей выигрывает даже старый, уже известный читателю, строго-академический журнал Historische Zeitschrift, попрежнему блистающий библиографией и рецензентским отделом.

Но ни кропотливые изыскания в области римской истории (Walter Iudeich. Cannae. H. 3. B. 136. H. 1), ни документальные биографические этюды, посвященные „велико-германцам" левого крыла (L. Dehio. Benedikt Waldeck, там же) или правого, консервативного (K. Müller. Treitschke als Journalist. B. 135. H. 3), ни утонченная

---

[1] См. хвалебный гимн средневековой католической культуре и страстная апология ее жизненности официального главы журнала Гюнтера—Günter, Der mittelalterliche Mensch. B. 44, H. 1.

интерпретация древних текстов, ни образцовое реферирование последних ее достижений (древне-еврейская письменность и социальное законодательство, статьи R. Laqueur. B. 136. H. 2 и Kurt Galling. B. 135. H. 3) не могут скрыть явного упадка журнала. Не помогают и новые сотрудники, эмигрировавшие из СССР, хотя они и дают иногда ценные рефераты, как, напр., Георгий Вернадский, сообщающий интересные данные из прусских архивов, переписку прусских дипломатов о так называемой конституции Новосильцева (G. Vernadsky. Zur Geschichte des Entwurfs einer Konstitution vom Jahre 1819. H. 3, B. 135, H. 3).

Правда, „старая гвардия“ попрежнему стоит на высоте научной эрудиции, как, напр., маститый историк средневековья Г. Белов, который спокойно и бесстрастно разрушает лженаучные умствования благородного барона фон-Плото о том, что в жилах немецкого дворянства течет кровь исконно-свободных министериалов (G. v. Below. Die unfreie Herkunft des mederen Adels und ihre Beurtheilung — там же).

То же можно сказать о статье О. Гинце (O. Hintze. Troeltsch und die Probleme des Historismus. Kritische Studien. H. 3, B. 135, H. 2), который с присущей ему ясностью и точностью излагает и критикует с своей точки зрения политического историка взгляды крупнейшего представителя „историзма“ Трёльча. Характерны оговорки старого большого историка в сторону экономического понимания истории. Этот, быть может, умнейший представитель Historische Zeitschrift сознает вполне безвыходное положение своей группы между временно победоносным империализмом и, по его словам, „временно побежденным федеративным социализмом“...

Новая империалистическая буржуазия нуждается и в новых слугах, заступниках и идеологах. Таковыми и являются „демократические“ экономисты, юристы, историки и социологи, группирующиеся около „Архива обществоведения и социальной политики“ (Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik) и „Журнала для общей науки о государстве“ („Zeitschrift für die gesamte Staatwissenschaft“).

Выросшие под влиянием известного историка-экономиста Карла Бюхера и знаменитого главы феноменологической школы Макса Вебера, они знакомы хорошо и с политической экономией и статистическим методом, и с марксистской литературой. Искусные полемисты, необычайно работоспособные, они проявляют интерес к актуальным проблемам социологии и социальной политики, истории современности и экономической политики,—этим об'ясняются своебразные заглавия журналов.

Надвигающаяся пролетарская революция заставляет всю эту буржуазную интеллигенцию внимательно пересматривать свою собственную идеологию, вносить в нее подсказываемые тактикой классовой борьбы поправки, знакомиться с идеологией своего классового врага, старательно расшатывать и порочить его идеологические основы.

Поэтому рядом с теоретическими статьями по политической экономии, посвященными теории Кейнса, кон'юнктурной теории (есть статьи и русских ученых Н. Д. Кондратьева, А. А. Соколова) и т. д., стоит свирепая и софистическая критика философских основ марксизма (Kromphardt. Der logische Emanatismus und die Systematiesierungsform bei Marx. Arch. B. 55).

В то время, как с умилительной мягкостью критикуется вздорная белиберда клерикального полит-эконома и махрового реакционера иезуита Г. Пэша (O. Weinberger. H. Pesch, S. I. — Z-t. B. 82)—неопасный враг и порой союзник! — громы и молнии низвергаются на социализм, марксизм и в особенности коммунизм.

Одни, как старый Вернер Зомбарт в об'емистом двухтомном труде (Proletarischer Sozialismus) — последний жизненный этап писателя, сжегшего то, чему поклонялся, и поклонившегося тому, что сжигал, — доходят до дикого издевательства над „пролетизмом“ (!?), надругания над самой личностью Карла Маркса, проповедуют внеклассовый социализм, восстанавливают метафизику, возвращаются в лоно религии (см. формально-критическое изложение труда Зомберта у D. Berndt Pfister. „Werner Sombart's Proletarischer Sozialismus“. Eine kritische Untersuchung. Z-t. B. 83. H. 1).

Другие сочувственно излагают известную ругательную книгу ренегата Hendrik de Mans'a (E. Egner. Zur Psychologie des Sozialismus. Z-t. 72. H. 1).

Неодинаково отношение к ревизионистам: бывший собеседник Протопопова в Стокгольме фон-Муциус выступает с легковесной психологической критикой против метафизики пролетарской социологии М. Адлера, попутно лягая коммунизм (G. v. Mutius. Soziologie und Psychologie. Z-t. 72. H. 1), а г-жа Луиза Зоммер сочувственно реферирует попытку М. Адлера примирить кантианство с марксизмом (Luise Sommer. Marxismus und Religionsphilosophie. Archiv. 56. H. 4).

Большой симпатией пользуется соглашательская идеология покойного вождя шведской социал-демократии Нильса Карлеби (W. Groot Корр. Там же). И вполне понятно, что г-н Макс Мусс, роясь в немецкой пролетарской „душе“ (Max Muss. Arbeiterseele und Wirtschafssgesetzlichkeit. Betrachtungen zur industrieller Arbeiturin's. Z-t. B. 82. H. 2), находит в ней такие драгоценные для буржуазии качества, как „склонность к порядку, потребность в руководстве, планомерном связывании воли“ etc.

Отсюда откровенная неприязнь к СССР: Г. ф. Эккордт усиливается доказать непрерывную связь экономической политики СССР и „старой Москвы“ (H. v. Eckordt. Die Kontinuität der Russischen Wirtschaftspolitik von Alt-Moskau. Arch. B. 55. H. 3).

Вообще, интерес к истории восточного соседа очень велик. В. Гиттерман дает обстоятельные критические отзывы о переводах трудов Ключевского и Кулишера.

Николай фон Бубнов (N. v. Bubnof. Der Geist des völkstümlichen russischen Sozialismus. Arch. B. 55. H. 1) излагает идеологию народничества, приправляя статью враждебной критикой марксизма и большевизма. Попытка этого гейдельбергского профессора об'яснить исторический провал народничества и победу марксизма хилиастической идеей последнего, соответствовавшей якобы миросозерцанию русского народа—любопытна лишь, как образчик безудержного идеалистического толкования истории. Более интересно у него изложение эволюции зарубежной социал-революционной идеологии (Шрейдер, „Конструктивный социализм“ В. Чернова). Сравнительной об'ективностью отличается очерк истории русского профессионального движения, написанный Тотомианцем, известным кооператором (V. Totomianz. Genossenschaftwesen in Sowiet-Russland. Ar. 56. H. 1).

Ценна статья А. Шиффрина (A. Schiffrin. Zur Genesis der Sozialoekonomischen Ideologien in der Russischen Wirtschaftswissenschaft. Arch. B. 56), который рядом с основательной критикой книги Зерафима (H. Jürgen Seraphim. Neuere Russischen Wert und Kapitalzinstheorien) дает хороший исторический очерк разнообразных течений в русской экономической науке, хотя и недостаточно оценивает развитие ее после и накануне революции. Ответ Зерафима вовсе неубедителен.

Большое внимание уделяется и китайской революции. Если Э. Ледерер (E. Lederer. Soziale Umschichtung und Politisches Werden in China. Arch. 57. H. 3) ничего не дает нового в своей статье о социальных группировках и революционном движении в Китае, кроме избитых положений и странных для историка утверждений, что „китайцы в прошлом не „политический народ“ (!?!), то с особым удовольствием надо приветствовать, как неожиданный сюрприз, методологическую статью молодого марксиста Виттфогеля (K. A. Wittvogel. Probleme der Chinesischen Wirtschaftsgeschichte. Arch. B. 57. H. 3), в которой автор дает основательную критику книги М. Ли «Экономическая история Китая» Mabel Ping Hua Lee. The economic history of China) и намечает ряд важнейших проблем в истории Китая, подлежащих научному разрешению.

Но центральное место занимают исследовательские и критические работы по генерализирующей и описательной социологии, по социальной политике и праву. Груду материала копит известный представитель описательной социологии Роберт Михельс (Altes und neues zum Problem der Moralstatistik. Arch. B. 56, 57. Elemente zu einer Soziologie des Nationalliedes. Arch. B. 55).

К. Прибрам делает попытку отмежевать социальную политику от социологии (K. Pribram. Die Soziale Politik als theoretische Disziplin. Arch. B. 55) и, характеризуя различные ее направления, старается определить ее содержание, но эклектизм ведет его к фетишизации государства.

Неокантианец Геллер, находящийся под сильным влиянием феноменологической школы, дает характеристику различных течений в германской науке о государстве и останавливается на критическом анализе трудов Кельзена, доказывая, что последний возрождает логический позитивизм и доводит его до абсурда (H. Heller. Krisis des Staatslehre. Arch. B. 55. H. 2).

Ф. Зандер детально критикует трехтомный труд „Система социологии“ левого катедер-социалиста Оппенгеймера, отмечая в ней логические и терминологические противоречия (Fritz Sander. Gesellschaft und Staat. Arch. B. 56. H. 1).

Сам Оппенгеймер жестоко разносит недавно вышедшую книгу Фрица Штернберга „Империализм“, доказывая, что автор, примыкающий к теории Розы Люксембург, отнюдь не марксист, а неоревизионист, к тому же многое анонимно позаимствовавший у своего учителя Оппенгеймера. Попутно делается ряд критических вылазок против Маркса.

У Циглера (H. v. Ziegler. Sociologienlehre. Arch. B. 57. H. 3) находим характеристику главных социологических школ, при чем автор не упускает сделать традиционный выпад против марксизма. Особенное внимание оказывается исторической социологии культуры (от Дильтея и Трёльча к нео-гегельянцу К. Мангейму) и натуралистической генерализирующей социологии (Парето).

Социологическим анализом исторического процесса занят волюнтарист Ян (G. Jahn. Gesellschaftleche, wirtschaftliche und technische Entwicklung in ihrem inneren Zusammenhange. Z-t. B. 82. H. 1), полемизирующий с историческим материализмом и предлагающий взамен старый эклектизм, подновленный учением о социальной воле (новый вид фетишизации государства).

Далее Марианна Герцфельдт не только основательно критикует теорию, ставящую в основу истории денежное обращение (M. Herzfeldt. Die Geschichte als

Funktion der Geldbewegung. Arch. B. 56. H. 3), но дает и исчерпывающую библиографию этого вопроса.

Знаменательна для уклонов германского „историзма“ статья Э. Винтера „Историческая этнология и социальная наука“ (E. Winter. Die Historische Ethnologie und die Sozialwissenschalt. Z-t. B. 82. H. 2), которая содержит характеристику и критику, правда, осторожную, поповского „исторического“ направления в этнологии, резко выступающего против эволюционной школы. Главные представители его патеры В. Шмидт и В. Копперс (W. Schmidt S. V. D., W. Koppers S. V. D.) из так называемой „школы святого Гавриила“, члены основанного в Австрии патером Арнольдом Янсеном Общества Слова Божьего (S. V. D. = Societas Verbi Divini), специалисты по африканской этнологии, открывшие культуру пигмеев, считают ее старейшей и приписывают ей, как основные черты, монотеизм и моногамию. Исходя из этого, они дают свою, новую схему общественного развития. Винтер совершенно правильно считает иезуитов XVII в. Суареца и Беллармина идейными отцами этой искусно замаскированной научным аппаратом апологетической группы в современном капитализме, указывая в частности на директивное значение для этнологических работ школы св. Гавриила одной из энциклик нынешнего папы Пия XI.

Собственно исторических этюдов очень немного.

В Zeitschrift уклон в сторону экономической истории.

Я. Штридер (Iakob Strider. Die Geschäfts-und Familienpolitik Iakob Fuggers des Reichen. B. 82. H. 2) на основании литературы предмета (много из Г. Янсена) устанавливает основную черту торговой политики Як. Фуггера, богача 16 века — централизацию фирмы на семейной основе.

Глава журнала Г. Бродниц, один из крупных знатоков экономической истории Англии, дает насыщенный фактическим материалом этюд о финансах английского абсолютизма (G. Brodnitz. Die Finanzen des englischen Absolutismus. B. 82. H. 2). Значительное место отведено эпохе Тюдоров, менее обработана эпоха Стюартов и английской революции, не говоря уже о методологических погрешностях (начало статьи).

В Archiv уклон в сторону социологии.

А. Вебер, представитель феноменологической школы, делает попытку установить типы неизменной преемственной постоянной „константы“ в развитии культуры на основании солиднейшей литературы о древнем Вавилоне и Египте (главным образом, о последнем). Анализ произволен и односторонен, базируется на комплексе социальной структуры и идеологии. Экономике уделено скудное место (Alfred Weber. Kultursozializche Skizzen. Das alte Aegypten und Babylon. Arch. B. 55. H. 1).

Шульце Геверниц характеризует на основании обширной литературы предмета пуританскую идеологию в ее различных разветвлениях в Старой и Новой Англии, стремясь установить ее преемственную связь с идеологией немецкой реформации. Статья поверхностна и содержит ряд ошибок, об'ясняемых идеалистической тенденцией автора; напр.: „вожди чартизма — методисты“ (??); „методизм отвратил революцию от Англии (!?)“, подготовил победу над Наполеоном (??) и т. д (Schulze Gävernitz. Die geistigen Grundlagen der angelsächsischen Weltherrschaft. Arch. B. 56. H. 1).

Истории социализма и рабочего движения касаются Г. Саломон и Г. Майер.

Первый дает очень ценную статью о сенсимонистах (G. Salomon. Die Saint-Simonisten. Z-t. B. 82. H. 2). Здесь мы находим не только очень содержательную библиографию новейшей юбилейной литературы предмета, — повидимому, единственную за это время, — с указанием и на труды русских марксистских ученых (Волгин), но и краткие биографические данные о всех выдающихся сенсимонистах (отметим малоизвестных Г. Фурнеля и Лорана), далее, краткий очерк влияния сенсимонизма на последующих мыслителей вплоть до „конфедерации работников умственного труда“.

Наконец, Г. Майер, известный историк лассальянства, вскрывает факт тайного субсидирования Бисмарком газеты Швейцера „Социал-Демократ“. Вопрос о том, получена ли эта субсидия с ведома или без ведома Швейцера, остается все еще открытым (G. Mayer. Der Allgemeine Deutsche Arbeiterverein und die Krisis von 1866. Arch. B. 57. H. 1).

Несмотря на отрицательное отношение к марксизму и марксистской социологии, крупные представители идеалистической социологии начинают разрабатывать проблемы, поставленные именно марксизмом.

Так, Иосиф Шумпетер помещает этюд о социальных классах в этнически однородной среде (Joseph Schumpeter. Die sozialen Klassen in Ethnisch homologischen Milieu. Arch. B. 87. H. 1) и, базируя свой анализ на фактах преимущественно эволюции дворянства, дает много интересного материала, но метод волюнтаристической и описательной социологии часто обесценивает выводы автора.

Г. Зултан (H. Sultan. Zur Soziologie des modernen Parteisystems. Arch. B. 55) пытается анализировать партийную систему, собирает много ценного материала

устанавливает интересную рубрификацию — и дает лишь образец формального развернутого анализа в духе феноменологической школы.

Блестящий неогегельянец К. Маннгейм анализирует идеологию консерватизма (Karl Mannheim. Das Konservative Denken. Arch. B. 57), излагая и истолковывая, главным образом, теории Мозера и Адама Мюллера, попутно высказывает интересные соображения относительно консервативных тенденций современной феноменологической школы и „историзма". Не достает только.... исследования экономической базы.

Так, наглядно демонстрируется худосочие метода генерализирующей и описательной социологии с ее различными идеалистическими уклонами.

Но самое появление этих тем — факт грозно знаменательный для буржуазной науки.

А. Васютинский.

Русские исторические журналы конца 1927 г.

«Пролетарская Революция», — № 10 (69), № 11 (70). **«Красная Летопись»**— № 2 (23). **«Красный Архив»** — т. XXII. **«Каторга и Ссылка»** — **«Историко-Революционный Вестник»** — № 7 (36). **«Коммунистическая Мысль»,** — кн. 5.

В предыдущем обзоре мы высказывали надежду, что пред'октябрьские и октябрьские номера наших исторических журналов пополнят тот пробел в журнальной литературе в связи с десятилетием Октябрьской революции, который был очень заметен в исторической периодике середины 1927 г. Наши надежды оправдались лишь в весьма скромной степени. Ко дню юбилея вышло много разного рода сборников документов по разным вопросам Октябрьской революции, —больше, впрочем, краевого, чем центрального значения. Появилось несколько сборников статей, посвященных Октябрю, и совсем слабо оказалось дело с «научно-исследовательскими работами». Исторические журналы, «питающиеся» от такого рода работ, вполне естественно и не могли дать достаточно солидного материала, который хотелось бы видеть на их страницах в дни юбилея.

В прошлом обзоре мы уже отмечали, что над проблемами революции 1917 г. работает сравнительно ограниченный круг лиц. Это особенно подтвердилось на «октябрьских номерах» исторических журналов. Одним и тем же авторам приходилось писать для ряда журналов. Значительная часть журнальных статей по истории революции 1917 г. проработаны наспех, и солидного материала в этих статьях, за небольшими исключениями, мы не найдем.

Полнее и интереснее других освещают Октябрьскую революцию статьи в журнале «Пролетарская ,Революция».

«Пролетарская Революция» № 10 (69), 11 (70). Юбилейный номер «П. Р.» начинается статьей М. Н. Покровского «Октябрьская революция и Антанта». В начале статьи автор ставит проблему — из какой войны выходила Россия в 1917 г. и в связи с этим он останавливается вообще на вопросе о характере русского империализма. М. Н. Покровский находит, что русский капитал перед войной в очень значительной степени был филиалом антантовского и что в этом смысле «русский империализм» приходится брать в кавычки. Между прочим, он цитирует статью Ленина «О двух линиях революции» (1915 г.) и отмечает, что по Ленину, в связи с этой темой задачи революции сводились в то время к «освобождению буржуазной России от военно-феодального «империализма» (царизма)». М. Н. Покровский говорит: — «Видите, сколько понадобилось вспомогательных типографских мер Ленину, когда он заговорил о русском империализме. «Военно-феодальный» он подчеркнул, империализм взял в кавычки, да еще рядом в скобках поставил «царизм». Солидаризируясь с крицмановской школой, М. Н. Покровский находит, что взгляды этой школы на характер русского империализма «ни в чем не противоречат ленинскому пониманию русского империализма». Война 1914 г. для России, — говорит М. Н. Покровский — была переходом «военно-феодального империализма» (внешней политики торгово-феодального государства), к империализму периода капиталистических монополий (внешней политике финансового капитала)». Из всех этих положений М. Н. Покровский приходит к выводу, что «Россия от февраля 1917 г. была в большей степени империалистической страной, чем в 1914 г., но еще в меньшей степени самостоятельно-империалистической страной, чем до войны».

Поднятый М. Н. Покровским вопрос о характере русского империализма до и во время войны и в период февральской революции представляет из себя несомненно очень интересную проблему, над которой следует поработать нашим историкам и экономистам.

Вторая часть статьи М. Н. Покровского посвящена критике позиций Троцкого в связи с вопросом о Брестском мире, при чем им использован ряд новых материалов, дневники Садуля, Бьюкенана, Робинса и др.

Вообще статья М. Н. Покровского представляет небольшой очерк, скорее резюме, сделанного им доклада в обществе Историко-марксистов в начале октября т. г., — очерк чрезвычайно насыщенный интересными мыслями. Эта работа М. Н. Покровского тесно связана с его же ст. в т. V «Историка—Марксиста». Эти две статьи являются наиболее ценными по истории Октябрьской революции из тех, что появились в русской исторической периодике, в «юбилейных» №№.

Большая статья Е. Ярославского в № 10 (69) «П. Р.» «Большевики в октябре» построена, главным образом, на работах Ленина и уже опубликованных статьях и материалах. Ее основная установка — критика «подхода» к октябрьскому восстанию со стороны Каменева, Зиновьева и Троцкого и с этой стороны носит чрезвычайно актуальный характер.

Статья А. Шестакова «Октябрь в деревне» по новым архивным данным освещает вопрос о крестьянском движении в первые месяцы после октябрьского восстания.

В работе Пионтковского «Военно-революционный комитет в октябрьские дни», написанной также по архивным источникам, приведен богатый материал о деятельности Петербургского ВРК, но, к сожалению, статья страдает в значительной степени тем, что называют «прагматикой» и носит на себе следы чрезвычайной «спешки».

Из остальных статей № 10 (69) «П. Р.» большую ценность представляет из себя работа З. Лозинского — «Временное правительство в «борьбе» с промышленной разрухой». Статья закончена в № 11 (70). В ней дается подробный анализ экономической политики Временного правительства в области промышленности, финансов, транспорта и т. д. В статье использовано много архивного материала, и она вскрывает, на основании документальных данных, борьбу буржуазии с пролетариатом при помощи локаутов и саботажей и пр. мер, которыми она надеялась сломить революционное движение.

С захватывающим интересом читаются в № 10 (69) «П Р» талантливо написанные воспоминания т. Ломова — «В дни бури и натиска» и С. Будзинского — «Октябрьские дни в Москве». Оба автора — активные деятели октябрьского восстания дают очень много ценнейшего материала для историка Октябрьской революции.

Несколько слабее ст. В. Каюрова — «Из истории красной гвардии. Выборгского района в 1917 г.» и Чуденок — «Из воспоминаний об Октябрьской революции в Эстляндии».

Начатые печатанием в № 10 (69) «П. Р.» и продолженные в № 11 (70) «Протоколы Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б) (сентябрь — октябрь 1917 г.)» представляют выдающийся по своей ценности исторический материал по освещению роли партии в Октябрьской революции, и приходится сожалеть, что на № 11 печатание этих протоколов оборвано. Из истпартовских кругов ЦК ВКП(б) сообщают, что эти протоколы будут все же изданы в ближайшем будущем целиком особой книжечкой.

В № 10 (69) И. Татаров дает краткий «Обзор литературы об октябрьском перевороте». Почему т. И. Татаров употребил этот термин «переворот», когда у нас всюду, и совершенно правильно, вместо него употребляется термин «восстание»?

Подводя итоги юбилейного номера «П. Р.», можно сказать, что он представляет из себя известную научную ценность и с этой стороны выгодно отличается от всех других юбилейных номеров исторических журналов.

№ 11 (70) «П. Р.» по подбору статей несколько слабее юбилейного № 10, но он также целиком посвящен событиям Октябрьской революции.

В статье Савельева «Ленин и октябрьское вооруженное восстание» несколько подробнее, чем у Е. Ярославского, ставится проблема о вооруженном восстании, при чем острие критики направлено также против представителей «оппозиции» Зиновьева, Каменева и Троцкого.

Этот же подход — с «направлением огня» по адресу этих же лиц — мы имеем и в другой статье Н. Майорского и Н. Эльвова — «К вопросу о характере и движущих силах Октябрьской революции».

Н. Подвойский в статье «Красная гвардия в октябрьские дни в Москве» дает очень интересный очерк хода вооруженного восстания в Москве в Октябре, но, к сожалению, им не указываются источники, на основании которых он строил свою статью. Тот же период затронут и Я. Пече в статье — воспоминаний — «Из борьбы красной гвардии в Октябре». Сравнивая эту статью со статьей Н. Подвойского натыкаешься на некоторые разноречия, но самый характер этих

работ не дает возможности выяснить, кто же из авторов прав. Отсутствие у авторов документаций и ссылок на них чрезвычайно затрудняет критическую оценку освещения ими Октябрьского восстания в Москве.

Из остальных статей в № 11 (70) «П. Р.» следует отметить работы В. Аверина «От корниловских дней до немецкой оккупации на Екатеринославщине», Н. Евреинова «Из воспоминаний о подготовке Октября в Кинешме».

Отдел критики и библиографии рецензируемого номера дает, главным образом, оценку литературы провинциальных историков, посвященной Октябрьской революции.

«Красная Летопись» № 2 (23).

Орган Ленинградского Истпарта, к сожалению так редко выходящий в свет, в рецензируемом номере дает ряд интересных материалов, как по кануну 1917 г., так и по Октябрьской революции. То обстоятельство, что в журнале помещаются статьи из истории участия отдельных заводов в революционном движении, как, напр., статья Ф. Лемешова «На Путиловском заводе в годы войны», представляет известное достижение ленинградских истпартщиков. К такого же рода статьям следует отнести и работу И. Гаврилова «На Выборгской стороне в 1914—17 г.г.».

Работа Н. Дмитриева «Петроградские фабзавкомы в 1917 г.» является в некоторой степени дополнением к уже опубликованным работам А. Панкратовой «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику» и испрофовскому изданию ВЦСПС «Октябрьская революция и фабзавкомы». Автором использованы некоторые новые документы из архивных фондов, а также и повременная печать 1917 г.

Большую ценность представляет из себя работа А. Дрезена «Петроградский гарнизон в Октябре» (материалы). Такая работа является чрезвычайно необходимой не только по Петрограду 1917 г., но и по другим центрам октябрьских восстаний, и с этой стороны следует пожелать, чтобы историки Октябрьского восстания на местах возможно дальше продвинулись в этом направлении.

К такому же роду работ должны быть отнесены и воспоминания Л. Н. Колбина в статье «Кронштадт от февраля до корниловских дней».

Ценную страничку по истории Октября в Петрограде дают воспоминания В. Виноградова «Красная гвардия Петроградского металлического завода» и «Сводка сведений документов петербургского комитета Р. С.-Д. Р. П. (б) под общим заглавием «В октябре 1917 г. по районам Петрограда».

Тов. Шатилова дала небольшое исследование о Петроградских профессиональных союзах в октябре 1917 г.

Одной из лучших статей рецензируемого номера является живо написанная, с привлечением новых материалов, работа И. И. Мильчика — «Петроградская центральная городская дума в феврале — октябре 1917 г.».

Остальная часть книжки посвящена ряду документов, характеризующих работу В. И. Ленина в Октябрьские дни в Петрограде. А. Ильин-Женевский дает материалы о совещании полковых представителей Петроградского гарнизона 29 октября (ст.ст.) 1917 г., в котором выступал В. И. Ленин. П. Куделли в связи с роспуском Учредительного собрания дает в фотографическом снимке предписание Ленина о «недопущении никаких насилий по отношению к контр-революционной части Учредительного собрания».

В конце книги Г. Цыперович вспоминает о своих встречах с В. И. Лениным в разные периоды Октябрьской революции.

Там же приведена интересная речь проф. В. П. Осипова в третью годовщину смерти В. И. Ленина 22-го января 1927 г. на собрании союза работников просвещения в Ленинграде под общим заглавием «Некоторые черты характера В. И. Ленина во время его болезни».

«Красный Архив», т. XXII. «К. А.» в XXII т. продолжает печатать ценные документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего Северного фронта, относящиеся к февральской революции 1917 г., начатые печатанием в предыдущем томе «К. А.». В рецензируемом томе «К. А.» также идет продолжение «Дневника Николая Романова», при чем начинается он с 1-го августа и доведен до 31-го декабря 1917 г.

Дневник Н. Романова попрежнему дает чрезвычайно мало материала для историка, так как царь его писал исключительно для «потомства» и искусно скрывал в нем свое настроение, свой характер, свою деятельность и пр. Значительно больше дает материала для характеристики Николая Романова опубликовываемая в этом же томе «К. А.» переписка Николая II и Марии Федоровны, относящаяся к 1905—6 г. К этой переписке М. Н. Покровский написал большое примечание, в котором он характеризует мировоззрение Николая II, как мировоззрения квартального поручика «доброго старого времени», а его матушку, как типичную мещанку.

Из остальных материалов, печатаемых в XXII т. «К. А.» следует выделить «Записки В. С. Налбандова», «Справку М. М. Винавера» и др. документы, характеризующие историю гражданской войны в Крыму и Крымское краевое правительство в 1918—19 г.г. В этих документах (предисловие в ним дал А. Гуковский) много внимания уделено взаимоотношениям отдельных представителей крымской буржуазии и помещиков между ними и немецкими оккупантами и французскими интервентами в 1918 — 19 г.г. Для истории гражданской войны в Крыму как «Записка», так и «Справка» и пр. материалы представляют из себя большой интерес.

В связи с предстоящими юбилеями Н. Г. Чернышевского и Л. Н. Толстого вообще для историков и историков литературы следует отметить в XXII т. «К. А.». «Записку» историка литературы А. М. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского» о смягчении участи последнего и «Справку» о работе Толстого в Московском архиве министерства юстиции в связи с его литературными работами.

«Каторга и Ссылка» — «Историко-революционный Вестник», № 7 (36). Рецензируемый номер «К. и С.» выходит под новой общей редакцией Ф. Я. Кона. Номер посвящен юбилею Октября и надо сказать, что в нем мы имеем ряд основных статей, посвященных десятилетию Октябрьской революции, отличающихся большими литературными достоинствами. Из них следует особо выделить В. И. Невского — «Герой Октября», А. Коллонтай — «В тюрьме Керенского» и А. Аросева — «Предоктябрьское». Эти статьи, собранные в начале книги, предваряет тщательно обработанная статья Е. Ярославского «Ленин, как вождь пролетарского восстания». Все эти статьи взятые вместе, дают весьма занимательное и поучительное чтение по истории Октябрьской революции и, может быть, их следовало бы издать в виде отдельной брошюры для широкого читателя.

В связи с этими статьями мы вновь выдвигаем, как очередную задачу, издание небольшого популярного исторического журнала для рабочего и крестьянского актива. (см. об этом «Историк-Марксист» т. III стр. 202).

Как всегда в «К. и С.» много интересного дают отделы из истории революционного движения, при чем в рецензируемом номере идет продолжение статей М. Мошинского (Ю. Конарского) «90-е г.г. в Киевском подполье» и окончание Б. Н. «Из эпохи «Искры» и «Зари».

В разделе «Тюрьма, каторга, ссылка и эмиграция» интересные штрихи из жизни Сибирской ссылки мы находим в работах Ю. Гавена и Д. Пузанова.

В разделе «Лики отошедших» ценны воспоминания Я. П. Корнильева о М. В. Фрунзе в Манзурской ссылке.

Отдел «Библиографии» рецензируемого номера посвящен, главным образом, литературе по революционному движению XIX и XX в.в., при чем почти совсем упущены книжки по истории Октябрьской революции.

В отделе «Хроники» помещен ответ на анкету органа анархистов-коммунистов во Франции («Ле Либертер»), по поводу ГПУ, который, как известно, вызвал несколько откликов среди членов общества политкаторжан.

«Коммунистическая Мысль», кн. 5.

В кн. 5-ой «К. М.» — «Записки Ср.-Аз. ком-та у-та» — закончена печатанием большая ст: П: Галузо «Переселенческая политика царского правительства в Средней Азии», которую он характеризует, как «крепостническую и, которая не только разрушала хозяйство киргиза и узбека, но отражалась и на кармане русского «податного сословия» в России. Статья П. Галузо издана сейчас отдельной книжкой.

Большой интерес для специалистов представляет помещенная в этом же номере статья М. Гаврилова «О ремесленных цехах в Средней Азии и их статутах — рисоля». Между прочим, авторам дан перевод рисоля ткачей, впервые появляющийся на русском языке.

В статье И. Хансуварова «Мусдуховенство» дается анализ истории мусульманского духовенства в Средней Азии как в отдельные периоды ее исторического прошлого, так и в настоящий момент. В статье имеется ряд спорных положений, вроде утверждения о распаде сейчас ишанизма в Средней Азии, о якобы наблюдающемся сейчас пантюркизме плюс национализме среди прогрессивной группы духовенства и т. п.

Революционному движению в Средней Азии посвящены статьи Заболонкова «К 15-тилетию восстания сапер в Ташкенте» (использованы некоторые архивные материалы), Шмарцова «1918 г. в Туркестане»—хроника событий, Джора Сатирова «Ходжент в революцию» (воспоминания) и пр.

А. Шестаков.

РЕЦЕНЗИИ

Е. А. КОСМИНСКИЙ и А. Д. УДАЛЬЦОВ (ред.) Социальная история средневековья. Том I—Раннее средневековье. Том II — Деревня и город позднего средневековья. М. — Л., ГИЗ, 1927 г., стр. 254+439.

Названные книги являются сборниками материалов по социальной истории Западной Европы средних веков и ставят своей задачей «дать материал для самостоятельных работ учащихся» наших вузов. Сборники включают в себя частью уже ранее изданные для учебного пользования источники (например, помещенные в книге Стасюлевича «История средних веков», в кн. «Средневековье в его памятниках» под редакцией Егорова, в сборниках источников Н. Грацианского и Оловянишниковой), а частью источники, выпускаемые для этой цели впервые, при чем большинство из них дано в переводе самих же составителей.

Первый том—раннее средневековье, редактированный А. Н. Удальцовым, состоит из четырех отделов: а) элементы феодализма в поздне-римском обществе, б) древние германцы, в) франкское общество эпохи Меровингов и Каролингов, ц) феодальное общество [1].

Собранные там источники иллюстрируют в общем полно вопрос о развитии феодального строя в южной и северной Европе и дают материал по характеристике феодального общества и хозяйства. При этом источники даются в большинстве для учебного пользования впервые.

Второй том «Деревня и город позднего средневековья», вышедший под редакцией Е. А. Косминского, содержит в себе следующие отделы: а) Крестьянство во Франции XII—XIV в.в. и Жакерия. б) Английская деревня в XI—XIV в.в. в) Рабочее законодательство и восстание 1381 г. г) Французские города в XII веке. д) Французские цехи XIII—XIV в.в. е) Парижск. революц. 1356—58 г. ж) Немецкий город XIV—XV в.в. [1].

Здесь подобран обширный и большей частью новый материал по социальной истории XII—XV в. в., при чем по преимуществу внимание уделено характеристике цехового строя, а также аграрному строю и крестьянским движениям эпохи развития денежного хозяйства.

Оценку названных книг, само собою разумеется, нельзя ограничить рассмотрением их с точки зрения научной выдержанности. Не менее важно выяснить, насколько эти книги представляют ценность в учебно-методическом отношении. Нас не может не интересовать вопрос о том, насколько удачно авторы сумели построить план сборников, насколько удачно намечены темы и подобран к ним материал, тем более, что приспособить средневековье к задачам, которые ставят наши вузовские программы дело не легкое и требует от составителя не только научной подготовленности, но и педагогического чутья и уменья связать предмет с требованиями современной высшей школы. Нелепо было бы пичкать нашего студента тем схоластическим материалом, который преподносился студентам-историкам в старых университетах. Мы можем с удовлетворением отметить, что «социальная история средневековья» бесспорно является большим успехом в деле приближения такой, казалось бы, далекой от современности науки—истории средних веков—к научным интересам, в кругу которых живет наша вузовская молодежь.

Темы, по которым подобран материал, безусловно представляют большой интерес для студента-общественника. Они помогут ему получить научное освещение хотя бы таких вопросов, как происхождение классового общества в Европе, экономическое развитие Европы до возникновения капиталистического хозяйства и др.

[1] В составлении этого тома принимали участие Г. Пригоровский, С. Моравский, А. Неусыхин, А. Воден, Н. Грацианский, Д. Граменицкий и А. Удальцов.

[1] В составлении II тома принимали участие следующие лица: Н. П. Грацианский, Е. А. Косминский, Д. М. Петрушевский, Е. В. Оловянишкова, О. А. Лясковская, В. В. Столицкая-Терешкович, И. С. Макаров.

Здесь, однако, следует отметить и некоторые недостатки.

Такой важный вопрос, как классовая борьба той эпохи, не может считаться освещенным в достаточной мере. Если по крестьянским движениям (за исключением Германии) материал вполне достаточен, то этого нельзя сказать относительно классовой борьбы в городах. Здесь было бы необходимо значительно полнее осветить источниками движение подмастерьев и ранние формы классовой организации зарождавшегося рабочего класса. Здесь можно было бы использовать источники по социальной борьбе (цеховые революции) во Фландрии в XIII веке (Ипр, Брюгге, Гент, Льенс), в Германии XIV века (Страсбург, Кельн, Ульм и др.) и в Италии (Флоренция), а также источники, иллюстрирующие стачечное движение XIV—XV столетия, положим в Германии (например, стачку хлебопеков Кольмара в 1495 году или в Бреславле). Недостаточно освещена источниками проблема происхождения городов [1], а также очень мало материала дается для характеристики городского хозяйства XI—XII в.в. [2]. Было бы, пожалуй, целесообразно за счет сокращения отдела «Герм. город XIV—XV веков» увеличить число источников по городам, относящихся к более раннему времени и, в частности, расширить отдел «французские города в XII веке».

Затем, следует отметить некоторую неполноту источников по первой теме — «Элементы феодализма в поздне-римском обществе». Здесь автор оставил без освещения вопрос об условных формах землевладения (эмфитезис, прекарий) и тех изменениях в аграрном строе, которые произошли в результате упадка рабовладельческого хозяйства.

Наконец, в отделе «Древние германцы» много внимания уделено военному быту германцев и недостаточно хозяйству и социальному строю.

Сверх всего указанного некоторым недостатком данного сборника можно считать также отсутствие общего введения по источниковедению, которое помогло бы читателю познакомиться с важнейшими собраниями источников и их происхождением. Студенту не мешает знать, откуда взят тот или иной отрывок источника, который он использовал в своей работе.

Такого рода сноски — M. G. Dipl. совершенно будут непонятны студенту, если его предварительно не познакомить с тем, что представляет собою Monumenta Germaniae historica, на какие отделы распадается это издание, каково содержание отделов, как было положено начало этой грандиозной работы по собиранию источников, как она продолжалась в дальнейшем. Этот недостаток до некоторой степени восполняют введения к отделам, но, к сожалению, не все они составлены в таком духе, что могли бы заменить собою общий очерк по источниковедению. Особенную ценность имеет введение к теме «Английская деревня XI—XIV в.в.». Здесь автор (Е. А. Косминский), помимо обзора главнейших источников и литературы по вопросу, дает методические указания относительно того, как пользоваться данными источниками.

Следовало бы и всем остальным авторам дать предисловия по этому типу, что еще более увеличило бы учебно-методическую ценность названных пособий.

Подходя к оценке данных сборников с научной точки зрения, нельзя не отметить больших достоинств в смысле умелого и внимательного отбора наиболее ценных в научном отношении источников и той тщательности и добросовестности, с которой выполнены авторами все переводы. Надо думать, что это об'ясняется тем, что в работе приняли участие большей частью крупные специалисты в данной области.

Здесь хотелось бы сделать лишь несколько замечаний в отношении перевода Цезаря, где автор дал довольно новый перевод особенно важных и ответственных мест, что придало источнику несколько иной смысл.

Для примера возьмем следующее. Отрывок, который исследователями обычно переводится так, «и нельзя оставаться более одного года на одном месте для земледелия» — автор переводит «и им нельзя оставаться на одном и том же месте жительства более года».

Энгельс, а вместе с ним и большинство исследователей более правильно видят здесь указание на особенности земледельческого хозяйства германцев. Точно так же сообщение Цезаря о том, что германцам отводили землю «по родам и родственным группам» (так переводит это выражение gentibus cognationibusque Энгельс) [1], автор нашел нужным пе-

[1] По происхождению городов материал имеется очень интересный. Достаточно хотя бы указать на отрывки, использованные в книге под редакцией Егорова „Средневековье в его памятниках—возникновение города Брюгге, учреждение рынка в Магдебурге, основание Гамбурга и т. д.

[2] В отделе „Французский город XII века“ приведены источники почти исключительно по истории борьбы городов за независимость, так что вопросы хозяйства и классовой борьбы внутри города, к сожалению, остались без освещения.

[1] Так полностью читается этот отрывок: „magistratus ac principes in annos Singulis gentibus cognationibusque hominum, qui tum una coierunt quantum et quo loco visum est agri attribunt...“ IV, I. De bello Gall. Lib. VI, 22.

ревести несколько иначе. В то время, как Энгельс и другие исследователи видели здесь упоминание о родах и семейных общинах, у автора семейные общины выпадают и остаются такие-то «различные родовые об'единения». Непонятно, почему автор не нашел возможным согласиться с точным переводом, который мы имеем у Энгельса и громадного большинства исследователей и дать свой, не совсем точный перевод, отыскивая какой-то иной смысл в данном отрывке [1].

Отделу «Древние германцы» предшествует вводный очерк—«Материальная культура древних германцев»—А. Неусыхина. Автор излагает здесь новый взгляд на хозяйственную жизнь древних германцев и высказывает ряд суждений, которые могут считаться отнюдь не общепринятыми и даже весьма спорными. Автор считает совершенно несостоятельной номадную теорию, которой придерживалось подавляющее число крупных исследователей прошлого времени.

Ссылаясь на некоторые новые работы, он утверждает, что германцы не были народом номадным, т. к. это, по его мнению, несовместимо с земледелием. «Приручение домашних животных [2] требовало, говорит автор, большого постоянства отношений, устойчивости хозяйственной жизни. Ни номадный, ни охотничий быт не мог дать необходимых для него условий».

Не говоря о том, что здесь автор резко расходится с Энгельсом, книга которого (происхождение семьи, собственности и государства) имеет широкое применение в вузовской работе, этот взгляд не может считаться общепринятым и современной наукой на Западе. Так, Баумгартнер в своей книге Die Geschichte des freien deutschen Dorfes, вышедшей в 1925 году, стоит вполне определенно на точке зрения номадной теории [1].

Точно такого же взгляда держится Людвиг Вильзер в книге Deutsche Vorzeit вышедшей в 1923 г. [2].

По М. Ковалевскому „gentibus coquationibusque"—это „роды и более тесные союзы живущих" при чем последние, как он полагал, были ничем иным, как семейными общинами (см. „Экономический рост Европы", том I, стр. 38).

Проф. Грацианский приблизительно так же переводит это выражение (роды и союзы сожительствующих родственников") Зап. Евр. в ср. века, стр. 9). Затем такой же перевод имеется у L. Wilser'a (Deutsche Vorzeit. S. 85.—„Stämmen und Sippen"). Наконец, приблизительно аналогичный перевод и у G. Cunov'a.

[1] „Слово Gentibus имеет вполне определенное значение, не подлежащее никаким превратным толкованиям"—Энгельс, „Происхождение семьи, частной собственности и государства", 89 стр.

Аналогичное и у Кунова (Allgem. Wirtschaftsgeschichte B. II., S. 159. „Geschlechtverbenden und Sippschaften".

[2] Тут, между прочим, вызывает некоторое недоумение выражение „приручение домашних животных"... Ведь известно, что животное, будучи домашним, тем самым является уже прирученным животным.

Автор, повидимому, не считает нужным различать два понятия—одомашнение животных и приручение животных, между тем Ган, на труды которого автор преимущественно опирается, говорит о „довольно трудном переходе от прирученных животных (gezähmte Tiere) которые обычно не размножаются" к одомашненному животному (gezüchtete Tiere) которое как раз держится рода размножения, и употребляет термины Zähmung und Züchtung, т.-е. приучение и одомашнивание. См. Hahne. Von der Hacke zum Pflug, Leipzig, 1914 (Wiss. und Bildung, № 127, 162).

[1] Baumgartner.—Die Urgeschichte desfrei en deutschen Daktes. Leipzig, 1625, S. 27—32.

Сильное переселение вынуждало высылать большое народное скопище (Volkshaufen) из племенной земли в соседние земли.

Приблизительно каждые 30 лет, в 218, 180, 150, 113, 110, 70, 38 и 16 г.г. до Р. Х. мы слышим о выходах сильных отрядов (Scharen) германцев из области между Везером и Эльбой. Это были не только воины (Krieger), но народные массы, которые катились (fortwälzten), с женами, детьми, слугами, служанками. телегами, лошадьми, стадами, домашним скарбом (Hausrath) често без цели... Часто в течение месяцев странствовавшее скопище (Haufe) оставалось на одном и том же месте, сдвигало телеги вместе в „Wagenburg"—укрепленный лагерь, полагая (Wähnend), что уже нашли новую родину. Сеяли и жали. Когда же вновь занятая страна не доставляла более достаточного продукта неискусному возделыванию (Anbau), которое все еще было хищническим возделыванием (Raubbau) номадов, или когда вытесняли (nachdrängten) более сильные народные массы, то скопище (Haufe) продолжало невольно свое странствование.

...Внутри Германии господствовало постоянное движение. В беге столетий мы находим часто отдельные группы в областях, которые далеко удалены были от тех мест, где о них впервые упоминалось. Когда, как, какими путями, какими битвами, какими договорами совершались эти странствования внутри Германии—мы не знаем ничего" (стр. 32—33).

[2] Wieser, L.—Deutsche Vorzeit, Leipzig. [1923], S. 82.

....В неспокойные времена странствований и поисков земель не могло быть ни прочных (feste) поселений (Wohnsitze), ни организованного сельского хозяйства".

Наконец, нельзя сказать, что Г. Кунов в своей новой работе Allgemeine Wirtschaftsgeschichte B. II. полностью разделяют мнения автора.

Можно сомневаться также в правильности утверждения автора, что «количество лесов и их значение в хозяйственной жизни германцев в литературных памятниках преувеличено».

Во всяком случае, доверяя источникам, большинство исследователей держалось обратного мнения. По исследованию Арнольда, подвергшего филологическому разбору наименования древнейших селений Гесесна, местности, ранее других занятой германцами, установлено, что местность была покрыта сплошным лесом, и те источники, которые приводит сам автор, полностью противоречат его утверждению. Так, по Страбону (см. стр. 62, т. I, Соц. ист. Средневековья)—«от Рейна до Эльбы нельзя было пробраться прямым путем (около 3000 стадий), но приходилось обходить непроходимые леса и болота».

Все вышеприведенное говорит нам, что, таким образом, вместо необходимого предисловия к отделу с методологическими указаниями, мы имеем как бы дискуссионную статью, в которой не только высказываются спорные взгляды, но и утверждения, противоречащие Ф. Энгельсу.

Эта статья, которую нельзя не признать интересной, вряд ли, однако, уместна в книге для учебного пользования.

Все отмеченные выше незначительные недостатки нисколько не уменьшают исключительной ценности, как в учебно-методическом, так и в научном отношении названных сборников.

Нет сомнения, что эти книги получат широкое распространение и с пользой найдут себе применение в учебной работе наших вузов, как по курсу Истории Западной Европы в средние века, так и по курсу истории общественных форм. Потребность в таком пособии безусловно есть.

В. Д. Преображенский.

Г. ДЖ. КОЛ. «История рабочего движения в Англии». Изд. Ленинградского Губпрофсовета. 1927 г., т. I, 150 с., Ц. 1 р. Т. II. 182 с.

Кол один из лучших знатоков английского рабочего движения; помимо того, он — теоретик оригинального направления социалистической мысли — гильдейского социализма. По этим причинам он, несомненно, является очень интересным автором книги, трактующей историю рабочего движения в Англии. И, действительно, оба тома работы Кола имеют чрезвычайно важное достоинство, заключающееся в том, что работа эта пытается осветить историю всех отраслей рабочего движения, не сосредоточивая своего внимания на какой-либо его отдельной ветви.

Помимо того, для читателя английского книга Кола должна представлять еще и тот интерес, что ее автор находится под несомненным влиянием марксистских воззрений, но как раз именно с этой стороны рассматриваемая нами книга не удовлетворит русского читателя: марксизм Кола весьма невыдержанный марксизм. Его взгляды скорее можно назвать марксистско-образными.

Начать хотя бы с употребления Колом кстати и некстати типичного гильдейского термина: «контроль над производством». Затем, основной формой рабочего движения наш автор считает форму профессиональную—«каково бы ни было формальное строение, политическая организация рабочего класса зависит на самом деле, главным образом, от движения профессионального». Такие утверждения Кола, конечно, дань его гильдейским воззрениям, ибо гильдейский социализм есть лишь английский перепев романских синдикалистских симфоний.

Найдутся в книге Кола и другие серьезные погрешности: его значительные уступки буржуазной теории воздержания—один из примеров таких погрешностей. Говоря об обстоятельствах, приведших к отмене «закона против сообщества», Кол следом за Вэббами колоссальное значение придает деятельности хитроумного Плэса, забывая о том, что в этот момент английская промышленность переживала период высочайшего под'ема, период, во время которого всякие рабочие волнения, а, следовательно, и перебой в работе наносят буржуазии тягчайший ущерб. Рассматривая причины отмены закона о бедных, Кол делает упор на обременительность налога в пользу бедных, в то время, как ударение следует, конечно, сделать, на заинтересованности буржуазии в увеличении резервной армии труда.

Анализируя воззрения чартистских лидеров, Кол сваливает в одну кучу О-Брайна и О-Коннора, считая их обоих «идущими за Робертом Оуэном, в стремлении изыскать средства общественного контроля над индустриализмом». В этой фразе, прежде всего, обращает на себя внимание употребление весьма туманных гильдейских терминов, а во-вторых, этим утверждением или Оуэну навязывается экономически-реакционные взгляды, сводящиеся к желанию упразднить промышленность, или же О-Коннору пристегиваются социалистические воззрения. Впрочем, несколькими страницами дальше наш автор заявляет, что земельный план О-Коннора не имел ничего общего с социализмом.

Однако не нужно думать, что указанные нами недостатки работы Кола сводят на-нет ее достоинства. Об основ-

ном достоинстве книги Кола мы уже сказали. Помимо того, первый том книги Кола весьма удачно трактует целый ряд вопросов, до сих пор мало освещенных в русской литературе. Так именно обстоит дело с рабочим движением конца XVIII века (эпоха корреспондентских обществ), с периодом рабочего движения эпохи наполеоновских войн и времени, непосредственного к этой эпохе примыкающего (1800—1820). Весьма недурны страницы, посвященные чартизму, но здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что Кол не усмотрел связи между под'емом и упадком волн рабочего движения и периодами под'емов и кризисов английской промышленности. Между тем для русского читателя такая связь установлена уже с давнишних пор еще Туганом-Барановским. Зато запутанный и темный вопрос о Ньюпорском восстании освещен нашим автором великолепно.

Заслуживает внимания общая трактовка всего периода, рассматриваемого первым томом, как периода, проходящего под лозунгом «назад к земле».

Второй том книги Кола по самому предмету своего содержания—рабочее движение второй половины XIX века—пред'являет к его автору несомненное требование обладания самым острым марксистским анализом. Но, как мы уже сказали, наш автор именно этим свойством и не обладает. По этим-то именно причинам в его изложении много остается спутанным, неясным, невыпяченным.

Если уже в первом томе Кол в известных случаях шел за Вэббами, то во втором томе своей работы он еще чаще оказывается под очень большим влиянием почтенной ученой четы.

Современный русский читатель очень бы хотел найти в книге Кола страницы острой критики деятельности «хунты», он бы хотел найти более серьезное, чем «личная вражда», об'яснение борьбы между хунтой и Поттером, этим «маклером по стачкам». Но читатель не найдет ни того, ни другого.

Много неточностей и упущений содержат страницы, посвященные истории Международного Товарищества Рабочих. Кол видит какой-то исторический парадокс в том, что умеренные деятели английского профессионального движения оказались основателями международной революционной организации. Иными словами, Кол не видит тех насущных практических причин, которые толкнули «умеренных деятелей профессионального движения» на сближение с рабочими континента. В дальнейшем изложении истории I Интернационала Кол нагромождает одно на другое, имена Мадзини, Бакунина, Бланки, Прудона и т. д. и не дает даже намека на характеристику взглядов всех перечисленных и сваленных им в кучу деятелей революционного движения. Редакция русского перевода сочла необходимым даже для русского читателя снабдить данные страницы книги поясняющими примечаниями, что же касается читателя английского, то для него весь этот сухой синодик имен останется несомненно грамотой за семью печатями.

Совершенно беспомощным оказывается Кол в разрешении вопроса о причинах отсутствия социалистических взглядов у английских рабочих 60—70 г. г. Он лишь меланхолически констатирует это обстоятельство, зато несколькими страницами ниже он называет «доподлинно социалистической литературой» творения, вышедшие из-под пера фабианцев, этих лучших фальсификаторов социалистических идей.

Очень характерным для Кола, как одного из лидеров английского социалистического движения, является его утверждение о том, что причинами неудачи деятельности социал-демократической федерации является то обстоятельство, что вожди этой федерации, благодаря стечению обстоятельств, имели возможность углубиться в теорию.

Начиная с 60-х гг., история профессионального движения Англии есть история создания «плотины против социализма». Нельзя сказать, чтобы наш автор не приводил фактов, иллюстрирующих это обстоятельство, но с другой стороны, он ничего не сделал для того, чтобы обрисовать это явление более выпукло, чтобы поставить над этим местом своего изложения совершенно определенное ударение.

То же самое—относительно создания политических организаций 90—900-х гг. Все попытки создания таких организаций были проникнуты типичнейшим и циничнейшим политиканством и опять-таки желательного для нас подчеркивания всех этих явлений в книге Кола, написанной как-то слишком бесстрастно, мы не найдем.

При сравнении двух томов, работы Кола, приходится сказать, что первый том более полезен и интереснее для русского читателя, чем том второй, однако, известные достоинства имеет и второй том. И прежде всего, этим достоинством является небольшой размер книги, пытающейся на немногих страницах осветить всю сложную сумму явлений, именуемых английским рабочим движением.

С. Моносов.

HENRI SÉE. L a V i e é c o n o m i q u e d e l a F r a n c e s o u s l a m o n a r c h i e c e n s i t a i r e (1815—1846). Paris. Felix Alcan. 1927. 191 p.

Книга Анри Сэ — видного исследователя экономической истории Франции в новое и новейшее время — представляет собой собрание статей, появившихся в

разное время в разных журналах (преимущественно в «Revue d'histoire économique» за 1921—1924 г.г.) и лишь несколько дополненных для настоящего издания.

Книга состоит из пяти глав, из коих первая посвящена «прогрессу в земледелии», вторая — «промышленной эволюции», третья — «положению рабочего класса», четвертая — рабочему движению», пятая — «прогрессу в области торговли и деловой жизни».

В предисловии автор заявляет, что ставит своей целью «подвести итоги нашим познаниям и провести несколько борозд в той еще мало исследованной области» (стр. 8), каковою является история экономической эволюции Франции в первую половину XIX столетия что его книга носит характер предварительной разведки в имеющемся материале и должна дать толчек дальнейшему более углубленному изучению затронутых в ней проблем.

В действительности рецензируемый труд представляет собой ценнейший вклад в историографию вопроса, существенно дополняющий—как со стороны фактической, так и со стороны выводов — известный труд Левассера («Histoire des classes ouvriers et de l'industrie en France de 1789 à 1870»). Все пять глав обильно насыщены фактическим (цифровым) материалом, почерпнутым у первоисточников (главным образом, из разных официальных и неофициальных анкет).

Обращаясь к рассмотрению книги по существу, следует, прежде всего, сказать, что автор счастливо избежал опасности искажения исторической перспективы, опасности преувеличения или преуменьшения темпа капиталистического прогресса Франции в эпоху Реставрации и Июльской монархии. В частности, он убедительно доказывает, что в отношении техники и продукции «земледелие в эпоху Реставрации больше напоминает XVIII век, нежели современную нам эпоху» (стр. 24), что, несмотря на некоторый прогресс в этой отрасли народного хозяйства, обозначившийся с 1840 года, «решающие успехи (в сельском хозяйстве — *А. М.*) имели место лишь во второй половине XIX столетия» (стр. 46). В главе о «промышленной эволюции», касаясь вопроса о машинизации и концентрации производства, он (в отличие от некоторых других авторов) удачно избегает преувеличения темпа названных процессов для рассматриваемого периода и неоднократно подчеркивает, что «индустриальная революция», совершившаяся в Англии в конце XVIII — начале XIX в.в., во Франции в 1848 году «еще далека до своего завершения» (стр. 78: est loin d'être achevé), ибо «мелкая промышленность все еще играет здесь крупнейшую роль» (стр. 87). Такую же похвальную осторожность проявляет Анри Сэ и тогда, когда ему приходится говорить об успехах внутренней и внешней торговли, о росте банкового капитала и кредитных операций в царствование «короля-буржуа». Он справедливо отмечает, что лишь во второй половине столетия (собственно—«после 1850 года») имели место те экономические сдвиги, «которые должны были внести в деловую жизнь совершенно новую практику, революционизировать денежный рынок, обеспечить торжество капитализма в производстве» (стр. 159 и сл.), т.-е. употребляя марксистскую терминолологию, торжество финансового капитализма. Рисуя яркую картину интенсивного роста путей и средств сообщения (каналов, шоссейных дорог, железнодорожных и пароходных линий, почты и телеграфа), наметившегося с 1840-х годов, он тут же предупреждает однако читателя, что это еще начало процесса, последствия которого для внутреннего и внешнего товарооборота окажутся в полной мере лишь позже (стр. 145).

Исследуя вопрос о положении рабочего класса и тщательно сопоставляя обильные, но противоречивые данные всевозможных официальных и неофициальных источников (анкет), Анри Сэ возражает против несколько оптимистической оценки Левассера и приходит к заключению, что «в эту эпоху переворота (в промышленности — *А. М.*) страдания рабочего класса особенно жгучи», что «ставки заработной платы в большинстве случаев недостаточны», что «уровень жизни (рабочих—*А. М.*) оказывается чаще всего плачевным» (стр. 163), что рост благосостояния пролетариата не поспевает за ростом общего благосостояния страны (стр. 107). Не забывает он отметить и то обстоятельство, что главную помеху в борьбе французских рабочих за улучшение условий своего труда и существования составляла невозможность организованно «защищать свои коллективные интересы» (стр. 115), созданная свирепым законодательством эпохи (стр. 118).

Наиболее слабой частью рецензируемой книги следует признать главу IV, посвященную характеристике рабочего движения. Прежде всего, совершенно непонятно, почему автор более или менее подробно останавливаясь на профессиональном (синдикалистском), стачечном, кооперативном движении, слегка касаясь некоторых социалистических течений и политической борьбы (тайных обществ), проходит мимо таких выдающихся событий этого периода, как оба лионские восстания (1831 и 1834 г.г.). Общий вывод — что в рассматриваемую эпоху «рабочий класс начинает приходить к сознанию своих коллективных интересов» (стр. 136) (иначе говоря — из «класса в себе» начинает превращаться в «класс для себя»)—формулирован правильно. К сожалению в дальнейшем, слово испугавшись, что его заподозрят в грехе марксизма, наш автор изменяет своей в общем выдержанной материалистической концепции и впадает то

в чистый идеализм, то в вульгарный эклектизм. Именно — рабочее движение изучаемого периода представляется ему «не столько следствием успехов крупной промышленности и концентрации рабочего класса, сколько результатом политической активности, вызванной к жизни Июльской революцией» (стр. 119). Как будто бы сама Июльская революция (1830 г.), влияние которой вместе с сопутствовавшим ей кризисом на усиление активности рабочего класса кажется нам бесспорным, не была политическим выражением экономического факта - победы капиталистического прогресса над феодальным ретроградством. Но Анри Сэ нужно какое-то об'яснение совершенно загадочного для него явления: почему «рабочие, играющие главную роль в движении, принадлежат как раз к числу тех, которые менее всего затронуты этим (промышленным — *А. М.*) переворотом, а именно — строительные рабочие, башмачники, шапочники, рабочие занятые в производстве предмстов роскоши» (стр. 124)? Он не понимает того, что на ранних стадиях промышленного капитализма наиболее передовой, наиболее сознательной, наиболее поддающейся организации, наиболее восприимчивой к социалистической пропаганде, наиболее революционно-настроенной частью рабочего класса всегда и всюду неизбежно оказываются не фабрично-заводские пролетарии, рекрутируемые у вчерашних крестьян, а ремесленные полупролетарии, разоряемые поступательным ходом машинизма, родившиеся и выросшие в обстановке города, свободной от «идиотизма деревенской жизни». Непонимание этого обстоятельства (без которого нельзя, кстати сказать, понять всей последующей истории французского рабочего движения вплоть до Коммуны) заставляет нашего исследователя искать об'яснения успехов рабочего движения во Франции 30-40-х годов в «идеологических причинах» (elle procède de causes idéologiques) — в «Июльской революции и порожденном последнею общем потоке идей» (стр. 124: de la Revolution de juillet et du courant général des idées qu'elle a determine). Правда, тут же он добавляет, что в дальнейшем организация рабочего класса примет столь широкие размеры, главным образом, благодаря «успехам промышленной концентрации» (стр. 136).

Впадая в вульгарный эклектизм (столь характерный для большинства даже наиболее «левых» представителей французской исторической науки наших дней), Анри Сэ «пышный расцвет социалистических учений во Франции в первую половину XIX-го столетия» отказывается выводить из одним «экономических перемен», имевших место в этот период, и настаивает на том, что при анализе этого явления «нельзя забывать и о других факторах» интеллектуального и морального порядка» (стр. 165: il faut tenir compte d'autres facteurs, d'ordre intellectuel et moral).

В заключение, ответим, что при всех недостатках методологического характера, при всей неполноте отдельных частей, книга Анри Сэ остается и вероятно долго еще останется — едва ли не лучшим общим трудом по истории экономической эволюции Франции в период времени от падения первой империи до революции 1848 года. Она безусловно заслуживает того, чтобы быть переведенной на русский язык.

Ценность книги еще увеличивает приложенная к ней обширная (на семи страницах) библиография.

А. Молок.

Я. М. ЗАХЕР. — Революция 1848 г. в Германии. Изд. «Прибой». Ленинград. Стр. 178.

Книжка тов. Я. М. Захера (представляющая собой один из выпусков научно-популярной серии «Всеобщая история» [1]) заполняет весьма существенный пробел в марксистской учебной литературе, посвященной истории классовой борьбы на Западе в новейшее время. Каждый, кому приходилось и приходится вести семинарские или лабораторные занятия (в вузах, комвузах, совпартшколах) по соответствующему курсу, знает, с какими трудностями сопряжена бывает постановка темы «революция 1848 года в Германии» из-за отсутствия подходящей литературы. Уже это одно обстоятельство делает появление рецензируемой книжки крайне своевременным. Своевременность последней еще усиливается от того, что выход ее совпадает с приближающимся 80-летием «безумного года».

Основное достоинство книжки заключается в том, что крайне сложный, запутанный, противоречивый процесс немецкой буржуазной революции 1848—49 годов освещен в ней с последовательно-марксистской точки зрения и, благодаря удачной структуре (расположению материала), усваивается сравнительно легко. При всем том, автор, по нашему мнению, несколько перегибает палку, жертвуя историей для социологии, фактами ради обобщений. Так, сам по себе совершенно правильный вывод о значительно меньшей суб'ективной революционности немецкой мелкой буржуазии 1848—49 г.г. по сравнению с революционностью французской мелкой буржуазией конца XVIII века повторяется излишне часто даже с точки зрения педагогической целесообразности. В то же время фактический материал, даваемый автором по целому ряду важных проблем, явным образом слишком скуден. Особенно резко бро-

---

[1] Кроме рецензируемой книжки, в той же серии вышли: Н. Н. Розенталь «История Европы в эпоху торгового капитализма»; Я. М. Захер «Великая Французская Революция»; А. И. Молок «Парижская Коммуна 1871 г.».

сается это в глаза в главе II, посвященной «движущим силам» революции, где положению рабочего класса уделено менее трех страничек, где нет ни слова ни о младогегельянцах, ни о так называемых «истинных социалистах», ни о Стефане Борне, где о такой интересной фигуре, как Вейтлинг, лишь упоминается в скобках. Явно недостаточны, с нашей точки зрения, сведения (факты и цифры), приводимые автором в главе об экономике до-мартовской Германии, в частности, об ее промышленном развитии. Существенным пробелом (уже с методологической точки зрения) следует признать отсутствие анализа кризиса 1847-48 года, сыгравшего, как известно, крупнейшую роль — в немецких странах так же, как и во Франции — в деле революционизирования широчайших масс как пролетариата и бедноты вообще, так и мелкой буржуазии. Автор же ограничивается тем, что упоминает об этом кризисе в двух словах.

Другим недостатком рецензируемой книжки является то, что тов. Захер, идя по линии наименьшего сопротивления, сплошь и рядом отказывается от самостоятельного рассмотрения того или иного вопроса и уступает слово тому или иному автору. В частности, если большую часть многочисленных выписок из Маркса и Энгельса следует признать вполне уместной и даже необходимой (хотя и эти выписки без всякого ущерба могли бы быть несколько сокращены), то серьезные возражения вызывают выдержки из Блоса (характеристика деятельности венского комитета безопасности) и Меринга (характеристика рабочего движения в 1848 г.). Особенно выделяется в этом смысле глава XII (Маркс и Энгельс в германской революции), на целую половину состоящая из обширной выдержки из книги Д. Б. Рязанова «Маркс и Энгельс». Впрочем, упреки эти могут быть отведены ссылкой на характер рецензируемой книжки, представляющей собой не научное исследование, а учебное пособие.

Обращаясь к приложенной к учебнику «хрестоматии», следует отметить, что подбор документов сделан в общем вполне удачно, хотя расположение их вызывает некоторые возражения (так, документ № 22 —Требования коммунистической партии в Германии—должен был бы быть перенесен с занимаемого им места, как относящийся к более раннему периоду). Что касается текста документов, то он вызывает довольно серьезные сомнения потому, что, как в этом легко убедиться, все они без исключения взяты из вторых или третьих рук. Наши сомнения относятся не к статьям из «Новой Рейнской Газеты», заимствованным из столь надежного источника, как изданный Институтом Маркса и Энгельса сборник «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850 г.г.), а к документам, почерпнутым (без всякой, видимо, сверки с оригиналом) из русских переводов книг В. Блоса («История германской революции 1848 года») и М. Баха («История австрийской революции 1848 года») или из русской хрестоматии Ц. Фридлянда и А. Слуцкого («История революционного движения Западной Европы. 1789--1914»).

В заключение выразим пожелание, чтобы все отмеченные нами недостатки, отнюдь не лишающие книжку т. Захера характера ценного марксистского пособия как для самообразования, так и для преподавания, были в следующем же издании «Революции 1848 года в Германии» полностью устранены.

А. М-к.

ЛОРД БЕРТИ. З а к у л и с а м и А н т а н т ы. Перев. и прим. Е. Берловича. ГИЗ. М. 1927 г. Стр. 230.

Под этим заглавием в русском переводе появился дневник британского посла в Париже „The diary of Lord Bertie. London“ 1—2 vol. Сэр, а впоследствии лорд Френсис Берти относился к числу наиболее беспардонных представителей империалистической политики Англии во время подготовки и в течение мировой войны. Недаром Пуанкаре в своих воспоминаниях так тепло отзывается о дипломатической деятельности Берти в Париже. С несколько зараженным пацифистскими идеями Кайо Берти чувствовал себя неуютно—с Пуанкаре работа шла легче.

Значение воспоминаний Берти несколько своеобразно — в них нельзя найти новых сенсационных фактов по истории международной политики, в них нет стремления приклеить где только можно фиговый листок ко многим несколько неудобным, но, к сожалению, теперь явным фактам из „миролюбивой“ деятельности антантовской дипломатии, чем занимается его бывший принципал, тоже сначала сэр, а теперь лорд Эдуард Грей—в дневнике Берти обнажается нечто иное, а именно, дипломатический быт, понимая этот последний термин в несколько психологизированном смысле. Перед нами не смысл хотя бы самой тайной дипломатической переписки, даже не их закулисный комментарий к ней, а довольно искренние, хотя и резко обусловленные национальным и социальным положением данного лица, размышления по поводу событий и лиц. Перебирая эти размышления одно за другим, можно составить что-то вроде фона, на котором многие страницы дипломатической переписки и многие картины недавней истории станут и ярче и выразительнее.

Давно известно, что борьба Антанты с австро-германским блоком «за спасение культуры и цивилизации» сопровождалась жестоким торгом среди самых благородных борцов. Дневник Берти повествует об этом не в закругленных формах дипломатических нот и донесений, а языком более простым, а потому и более убедительным и более выразительным. „Какой дурак

этот Извольский" (стр. 37), „Сазонов обнаруживает полную" меру глупости" (стр. 52) негодует английский лорд, комментируя захватнические планы русской дипломатии, хотя, разумеется, для Берти были важны не умственные качества русских дипломатов, а нечто более реальное: „имея Россию на Кавказе, на Босфоре и на северном конце Багдадской железной дороги, Англия окажется выданной на произвол России в Мессопотамии".

„Какой будет парадокс, если цивилизация будет спасена русским самодержцем" (стр. 29) и ее конечные спасители, в чем имел мужество сознаться сэр Грей, американцы, по мнению Берти —„прогнившая шайка жуликов, распевающих псалмы и гоняющихся за барышами" (стр. 81). Хорошенькая характеристика в устах дипломата, скорбящего о том, что союзники уже делят шкуру еще „неубитого медведя"

Очень любопытны рассказы Берти о его сношениях с представителями „сволочи—, правительством ее нельзя назвать,— которая стоит у власти в Петербурге" (стр. 141). Не следует думать, что это большевики — это всего только временное правительство. Впрочем, в весьма скором времени этот лестный эпитет начинает применяться и к столь ненавистным для Берти „экстремистам".— „Если бы только у Керенского хватило ума об'единиться с Корниловым, чтобы выгнать эту сволочь из Петербурга, то, может быть, был бы восстановлен хоть какой-нибудь порядок" (стр. 155). Несмотря на все это презрение, Берти пришлось-таки разговаривать с „Маклаковым, так называемым русским послом" (154). Посол действительно оказался так „называемым" и, сообщил Берти ценные сведения о том, что Щегловитов служит большевикам, что последние с помощью немцев собираются возвести на престол кого-либо из членов российского царствующего дома. Однако такие благие намерения большевиков не привели ни к чему — пришлось говорить об интервенции и с дураком Извольским, который рекомендовал японцев (стр. 179), но не брезговал давлением из Архангельска и Кавказа — „очень длинная волынка", замечает Берти (стр. 170) и с Маклаковым, который хотел и не „хотел японской интервенции в Сибири" (стр. 179), надеясь больше на „голод, мор гражданскую войну и господство террора" (стр. 171). Для историка интервенции в книге Берти найдется несколько ценных указаний.

Не имея под рукой подлинника, трудно судить о качестве перевода, но он не без грехов. Переводчик не всегда точно различает Томаса от Тома. Тома, конечно, для составления кабинета в Бекингемский дворец вызываться не мог. Есть и еще коекакие неточности в транскрипции собственных имен (Чайрель вместо Чироль, Сандер вместо Сандерс). Иногда перевод, повидимому, приобретает чересчур вольный характер.

Проф. П. Преображенский.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Овермэнской комиссии» сената. Перевод В. Вельского. Государ. Издательство. 1927 г. 163+X стр.

Когда тот или иной класс вырождается и идет к гибели, он, прежде всего, теряет историческую перспективу, умение правильно оценивать и ориентироваться в происходящих событиях.

Протоколы т. наз. «Овермэнской комиссии» дают этому блестящий пример. Комиссия эта была создана сенатом Соединенных Штатов и работала под председательством сенатора Овермэна в феврале 1919 г. Ее задачей было проведение кампании против Советской России. На основе показаний очевидцев она должна была удостоверить изуверский характер власти большевиков и подтвердить правильность всех тех обвинений, которые сыпались на голову советской власти со стороны т. наз. «общественного мнения» капиталистических держав. Однако, после того, как столбцы буржуазных газет начали заполняться ложью антибольшевистских свидетелей, допрошенных комиссией, поднялась волна протеста, организованная радикальными элементами С. Ш., заставившая комиссию наряду с антибольшевистскими свидетелями вызвать и друзей Советской России, так сказать, свидетелей защиты.

В результате клеветнические измышления насчет Советской России, приводившиеся со стороны антибольшевистских свидетелей, были разоблачены, и комиссия в значительной степени дала противоположные результаты, по сравнению с тем, что от нее ожидал Сенат. Русское издание протоколов по сравнению с официальным отчетом очень сильно сокращено. Но и настоящего материала вполне достаточно, чтобы составить себе представление о работе этой комиссии и о той бездне невежества и безграмотности, которую проявляют представители господствующих классов наиболее передовой капиталистической страны в вопросах развертывающейся классовой борьбы и современных исторических событий.

Показания свидетелей, приводимые в русском переводе отчета Овермэнской комиссии, можно разделить на три части: 1) показания антибольшевистских свидетелей из числа русских белогвардейцев, 2) показания антибольшевистских свидетелей—американцев и 3) показания друзей Советской России.

Из числа русских белогвардейцев перед судом фигурирует знаменитая «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская и б. чиновник министерства земледелия Криштофович. Трудно указать, кто больше лжет и клевещет на Советскую Россию—царский чиновник или «бабушка русской революции». Лю-

бопытно, что на вопрос одного из сенаторов: «Хуже ли власть Ленина и Троцкого для русского народа, чем даже дурная власть царя?» со стороны Брешковской последовал ответ, что «простой» народ предпочтет царя Троцкому и Ленину. Лейт-мотивом ее выступлений перед представителями американского капитала была мольба о помощи. Центральным местом ее речи является заключение, что если бы они дали 50000 хороших солдат, то большевики были бы свергнуты. Так «бабушка» проявляет заботы о русской революции. Заканчивает она надеждой, что, по крайней мере, в Америке «демократия хорошенько вооружится против большевизма».

О том, как вооружается против большевизма американская демократия, показывает сама работа «Овермэнской комиссии». Непревзойденные образцы этой работы дали антибольшевистские свидетели—американцы, побившие вместе с задавшими им вопросы сенаторами все рекорды невежества и тупоумия, с одной стороны, и способности врать, с другой.

Любопытна философия истории нашей революции в освещении американских буржуа.

«Русский пролетариат», говорит один из свидетелей: «составляет 95—97 процентов населения, в то время как буржуазные классы, в том числе помещики, интеллигенция (влиятельная, благодаря своей образованности) и капиталисты представляют только 3—5 процентов. Вы видите отсюда, что в случае установления самодержавия пролетариата, оно представляло бы значительную часть русской нации. Но сам пролетариат состоит из различных классов и элементов. Из них самый крупный—крестьянство».

Другой из свидетелей (доктор, настоятель методистской епископальной церкви) занялся вопросом о причинах, которые содействовали победе большевиков над буржуазией.

Прежде всего он убежден, что «революция—дело жидовских рук». При этом он полагает, что, если бы большевистское движение не получило поддержки от некоторых элементов в Нью-Йорке, именно из Ист-Сайда, [1] революция не победила бы.

Само собой разумеется,—это проходит красной нитью в показаниях, как данного свидетеля, так и всех других антибольшевистских свидетелей—большевики являлись германскими агентами, и Октябрьская революция произведена на немецкое золото.

Есть еще одна причина, благодаря которой победили большевики: «Если», говорит этот свидетель: «перед вами тысяча русских, то можно с уверенностью утверждать, что они образуют не менее ста партийных группировок»... «Это отличительная особенность русского ума и русской психики, и я утверждаю, что, не будь в России такого множества политических партий, Керенский и Временное правительство, по всей вероятности, одержали бы верх над своими противниками».

Все эти рассуждения не только встречают полное сочувствие и одобрение со стороны сенаторов, но дополняются ими самими не менее «глубокомысленными» замечаниями и сведениями о нашей революции.

Уровень сенаторов, взявшихся судить Октябрьскую революцию, может быть охарактеризован такими вопросами, как, например, не содействовал ли Керенский своим декретом об амнистии возвращению Ленина из Сибири, или,—не присутствовал ли Троцкий на совещании представителей союзных держав по оказанию помощи Керенскому в его борьбе с большевиками?».

Само собой разумеется, что одним из центральных пунктов обвинения большевиков был вопрос о национализации женщин, факт, который был подтвержден «самим» послом Соединенных Штатов в России Фрэнсисом. Из показаний антибольшевистских свидетелей следует выделить показания члена Американской миссии Красного Креста в России Робинса. За исключением наших трех друзей, выступавших перед комиссией, это — единственный свидетель, который, являясь противником большевизма, проявил действительное понимание смысла происходящих событий.

Им, например, дана в основном правильная оценка двоевластия и значения советов в период февраль-октябрь, правильно охарактеризовано значение гос. совещания и корниловщины. Естественно, что своими показаниями он не мог не опровергнуть ряда небылиц, которые были выдвинуты другими свидетелями.

Особый интерес представляют показания Робинса в той части, в которой он касается деятельности Соединенных Штатов и других союзников по борьбе с большевиками. Показания Робинса дают нам богатый материал не только по вопросу о миллионах рублей, затраченных американцами на борьбу с большевиками и поддержку наших противников накануне и в период Октябрьских событий, но показывают, что союзники, и в частности американцы, организовали даже свой особый аппарат с тайными агентами внутри воинских частей, который должен был направлять события в желательную им сторону.

Показания эти тем более интересны, что вся деятельность «Овермэнской комиссии» в значительной степени направлена против вмешательства большеви-

[1] Еврейский квартал Нью-Йорка.

ков во внутренние дела других стран и пропаганды большевизма в Америке.

Что касается показаний наших друзей: Луизы Бройент, Джона Рида и Вильямса, то они с фактами в руках опровергают клевету наших противников и дают яркую картину действительного хода событий в памятные дни 1917—1918 г.

В общем отчет «Овермэнской комиссии» безусловно полезная и интересная книжка. Направленный против большевиков этот отчет дает такие классические образцы невежества, тупоумия и наглой лжи, что целиком обращается против капиталистического мира в целом и его представителей из «Овермэнской комиссии», в частности. Ее с интересом и пользой прочтет наша молодежь. С неменьшей пользой она может быть использована в качестве иллюстративного материала при освещении истории Октябрьской революции нашими пропагандистами и преподавателями.

И. Рудерман.

М. В. НЕЧКИНА. Общество Соединенных Славян. Центрархив. «Восстание декабристов». Исследования под ред. М. Н. Покровского. ГИЗ. 1927 г. 244 стр. с картой и табл. символич. знаков

Научная заслуга М. В. Нечкиной заключается в том, что своими литературными и публичными выступлениями она сумела привлечь внимание историков к тому течению «декабризма», которое по разным причинам оставлялось в тени прежними исследователями. «Общество С. С.»—революционно активнейшая группа декабристов—пользовалась до последнего времени известностью, можно сказать, обратно пропорциональной его действительной роли в борьбе 1825 — 26 гг. Только теперь, после выхода в свет работы М. В. Нечкиной, мы получаем правильную расстановку боевых сил первой буржуазной революции в России и, что не менее важно, приближаемся к исчерпывающей классовой характеристике этого движения.

В вводных главах книги перед читателем проходит процесс капиталистического перерождения дворянства и «пролетаризации» его мелкопоместных элементов. На биографическом материале «Общества С. С.» даются образчики новой общественной группы, связанной с «благородным сословием» своим происхождением, но совершенно чуждой ему по своему общественному положению. Здесь мы встречаем архитекторов, учителей, управляющих имениями и пр. Но примитивные экономические условия в стране и тонкость культурного общественного слоя не создают еще достаточного спроса на интеллигентный труд в сфере производства, торговли или так. наз. свободных профессий; значительная часть пролетаризирующегося дворянства обречена на «черный» труд (портнихи из столбовых дворянок) или на жалкое прозябание в канцелярских чиновниках и армейских офицерах. Как раз эта часть беспоместного дворянства, поглощенная государственным аппаратом, и составила основной кадр «Общества С. С.».

Своеобразный социальный состав общества обусловил отличительные черты его идеологии и практики: повышенное революционное настроение его членов, непримиримую вражду к существующему политическому и общественному порядку и отсутствие кастовой замкнутости. Мы видим, как армейское ядро общества старается закрепить связи с родственными ему «штатскими» кругами, в частности с обедневшим польским шляхетством, и в то же время ищет опоры в социальных низах — во вверенном его командованию «вооруженном крестьянстве». Так устанавливается историческая преемственность между «левым» флангом декабристов и позднейшим революционным движением «разночинцев».

Переходя к основным разделам книги, прежде всего хочется отметить серьезный анализ восстания Черниговского полка. После исследования М. В. Нечкиной не остается сомнений в том, что «Южное общество» сознательно «проходило революцию» (М. Н. Покровский), и, более того, что оно не могло не проходить ее, имея в своих рядах только самоотверженных мечтателей и практичных карьеристов—шкурников. Выясняется благородная роль многих членов «Общества С. С.», сохранивших бодрость духа, революционную инициативу и решительность в то время, когда лучшие из членов «Южного Общества» пассивно отдавались ходу событий и занимались мистическими рассуждениями о своей судьбе. Деятельным началом в восстании Черниговского полка были именно Соединенные славяне; не их вина, что реальные силы и влияние союза не соответствовали революционному воодушевлению его членов. Замечательно, что Славяне оказались, несмотря на свое незначительное служебное положение, лучшими стратегами и тактиками военного восстания, чем полковники и штабные офицеры Южного Общества. Это об'ясняется, конечно, тем, что только Соединенные славяне серьезно относились к подготовке восстания; для остальных же этот вопрос был скорее предметом салонных разговоров, чем задачей текущего момента. Наконец, у одних Славян мы найдем правильное представление о «Народной» революции; Соединенные Славяне не только умели искусно аргументировать против излюбленной декабристами идеи «пронунциаменто», но и на практике вели подготовку массового

движения, нередко возбуждая этим негодование среди своих аристократических попутчиков.

Составив себе общее представление о Соед. славянах по их революционной тактике, читатель с особым интересом подходит к главе об «идеологии Общества С. С.». Но здесь его ждет большое разочарование. Спешим оговориться: разочарование это отнюдь не может быть отнесено на счет автора. Им использован весь доступный для историка материал; но от этого «идеология» Славян мало выиграла в смысле широты, четкости и главное — реальности. По части программного творчества руководители Общества были совершенно беспомощны. Пришлось обратиться к политическому ссыльному из поляков Люблинскому, который и снабдил программу Соединенных славян (т. н. «катехизис») панславистскими фантазиями. С точки зрения польского шляхтича это, может быть, и было реальной политикой, но для русского служилого интеллигента мечты о четырех морях и общеславянской столице, казалось бы, не могли служить вдохновением к революционному подвигу. И все же никакой более реальной программы «конституции», Общество С. С. выдвинуть не могло. Его основатели с комическим упрямством отстаивали свои утопии при переговорах о слиянии с Южным Обществом. Армейский офицер больно чувствовал свое социальное ничтожество и гнусность аракчеевского режима, он был принципиально демократ и республиканец, противник рабства, друг угнетенных, волтерьянец и сторонник веротерпимости, философ умеренности и мелкобуржуазной морали, но он не умел систематизировать и обобщать свои конкретные представления о справедливом социально-политическом порядке, тем менее он был в силах построить деловую положительную программу необходимых преобразований и создать боеспособную политическую организацию Не удивительно, что Общество, не видя перед собой реальных перспектив политического действия, впало в состояние длительного кризиса и при первом представившемся случае крепко ухватилось за пестелевскую «Русскую Правду» и революционную организацию Южного Общества. Это был для рядовых членов общества Соединенных Славян поистине луч света, прорезавший туман панславянской «идеологии» — бр. Борисовых. Российская интеллигенция 1825 года еще не сложилась в обособленную социальную группировку, ее идеология была поэтому лишь пестрой смесью случайных заимствований и «вечных истин», очень слабо окрашенной реальными интересами зарождающейся классовой прослойки — мелкобуржуазной интеллигенции.

В «пред'историю» этой последней работа М. В. Нечкиной вписала живые, порой увлекательные своим драматизмом страницы.

Книга не по вине автора опоздала к недавнему юбилею декабристов; это формальное обстоятельство не мешает отнести книжку тов. Нечкиной к одной из немногих ценных работ в юбилейной литературе, посвященной 1825 году, признать ее достойным памятником первым русским революционерам-разночинцам.

А. Ш-х.

ЛЕОНИД РАЙСКИЙ.—Социальные воззрения петрашевцев. Очерк из истории утопического социализма в России. Лгр. Рабочее издательство «Прибой». 1927 (Научно-исследовательский Институт при Коммунистическом Университете). Стр. 150.

Книжка Л. Райского значительно продвигает вперед дело изучения петрашевцев, и не только петрашевцев, но и истории русского утопического социализма.

Прежде всего, необходимо отметить удачную постановку темы. Именно социальные воззрения петрашевцев—основная проблема в изучении их кружка, основной вопрос в развитии русского революционного движения: именно воззрения были внесены петрашевцами в это развитие; их история не знает, да и не могла бы знать революционных выступлений, не столь важен вопрос и о самой структуре и организации их об'единения.

Но изучение воззрений всегда осложняется отсутствием активных революционных выступлений и носит в себе ряд значительных общих трудностей. Центральной из них является установление связи воззрений с экономикой эпохи (в данном случае вопрос осложнен фактом заимствования петрашевцами западной оболочки для их воззрений—фурьеризма), дифференциация оттенков идеологии, выявление индивидуальных ее особенностей у различных представителей организации. С большинством этих трудностей автор прекрасно справился. Тонкость методологического подхода и вдумчивое отношение к источникам — первое достоинство автора [1]. Важно отметить большое количество поднятых им архивных материалов: автор пользовался библиографической редкостью — «Словарем» петрашевцев и копией судебного дела Петрашевского, хранящегося в Коммунистической Академии в архиве Семевского (в копии, содержащей по подсчету автора до 3½ тысяч страниц). Автор правильно подчеркивает неправильность обычного рассмотрения петрашевцев, как единого идеологического целого: в их среде

---

1 Настоящая книга является разработкой доклада, читанного автором в Институте Красной Профессуры в семинарии М. Н. Покровского.

были различные течения, различные индивидуальные оттенки воззрений. Автор не только отчетливо ставит эту проблему во введении, но и проводит высказанные им взгляды при дальнейшем анализе фактического материала: так, он прекрасно дифференцирует воззрения В. Майкова (стр. 7 и сл.), разграничивает взгляды различных групп петрашевцев на собственность (41 и сл.), выделяет «коммуниста» Спешнева (43 — 45), отмечает особенности мелкобуржуазного оттенка у отдельных петрашевцев (стр. 100)[1]. Автор дает, кроме того, характеристику документов, по которым работает, учитывает влияние николаевской цензуры, по различному относится к следственному материалу и к документам, рассчитанным на то, что они не попадутся на глаза жандарму.

Тема детально раскрыта и охвачена с разных сторон. Рассмотрев социально-философскую концепцию петрашевцев, изучив особенности их материализма, влияние утопического социализма, отношение к вопросам прогресса и религии, автор посвящает отдельную главу характеристике социализма петрашевцев. Эта глава очень ценна для изучения особенностей утопического социализма в России: в ней выясняется, на каких сторонах фурьеризма делали ударение петрашевцы. Стремясь к идеалу «нормально развитого человека», они подвергали резкой критике современное общество, ставили идеалом фаланстер Фурье, резко нападали на семью и брак, особенно яростно осуждали торгово-капиталистическую эксплоатацию. Подобно своему учителю Фурье, петрашевцы были противниками коммунизма и признавали частную собственность. Как и Фурье, они находили необходимым дать правильное направление страстям человека и с этим направлением связывали поднятие производительности труда. Две главы посвящены изучению практической программы петрашевцев—социально-экономической (гл. IV) и политической (гл. V). В первой центральное место справедливо занимает вопрос о ликвидации крепостного права, и дается анализ мнения петрашевцев о необходимости освободить крестьян с землей; анализ этот подтверждает общий вывод автора о том, что «практическая программа петрашевцев была приноровлена к созданию условий, благоприятствующих развитию производительных сил в рамках капиталистического общества» (67). Во второй из упомянутых глав устанавливается одно из главных отличий петрашевцев от Фурье: в противоположность последнему, петрашевцы (главным образом, Петрашевский) отнюдь не были принципиально аполитичны. Русская действительность неизбежно натолкнула их на вопросы борьбы с абсолютизмом; федерализм и республиканизм являются идеалами наиболее видных представителей группы. Центральное место в работе автора занимает интересная глава «Социальные корни движения петрашевцев» (гл. VI). Автор полагает, что «петрашевцы—идеологи капиталистического развития России». Фурьеризм нашел в петрашевцах благоприятную социальную почву: «аграрный кризис 20—40 г.г. прошлого столетия привел к крайнему разорению мелкопоместных дворян, сыновья которых стали заполнять собой кадры служилой интеллигенции. Из этого социального слоя и вербовались преимущественно кружки петрашевцев» (93). Этой социальной связи петрашевцев с разоряющимся дворянством дана характеристика своеобразно-мелкобуржуазной (разоряющееся дворянство —своеобразная разновидность мелкой буржуазии в сословно-усложненной форме—98). Но, подчеркивает автор, «было бы грубой ошибкой полагать, что петрашевцы—представляли непосредственные интересы мелкопоместного дворянства». Это, конечно, не так: основной источник «социалистических воззрений петрашевцев следует усматривать *в их собственной социальной среде, в условиях существования средней трудовой интеллигенции*»[1]. Это—один из центральных выводов автора.

Последняя глава «Дальнейшая эволюция петрашевцев», как нам кажется, не соединена органически с предыдущим текстом изложения: сделались ли старики-петрашевцы чиновниками, занялись ли они под старость управлением своих имений — это не столь важно и не должно изменить наших представлений об их мировоззрении в момент расцвета революционной деятельности.

На содержании и выводах работы Л. Райского следовало остановиться подробно: содержание интересно и свежо, выводы ценны и метки. Наиболее крупным недостатком работы является взаимоотношение глав, анализирующих воззрения, с главами, посвященными экономике эпохи: первые богаты материалом, обильны оттенками, вторые схематично-скупы и оперируют в большинстве случаев общими местами. В этом не вина исследователя, а вина состояния литературы, вина отсутствия у нас марксистской монографической разработки хозяйственной истории России. Но отсюда получаются недостаточность анализа экономических корней и недостаточная обоснованность классовой характеристики революционных группировок эпохи, которая налицо и в рецензируемой работе. Особенно болезненно сказалась на выводах автора полнейшая неразработанность вопроса о мелкопоместном дворянстве во

---

[1] Поэтому нам кажется, что нельзя согласиться с замечанием Б. П. Козьмина (Печать и Революция, кн. VI (1927), стр. 161), утверждающего, что этого методологического требования, поставленного себе самому, автор не выполнил.

[1] Курсив мой. *М. Н.*

вторую четверть XIX в. Эта черта характерна для большинства работ по истории революционного движения, которые преобладают численно за последние годы, в то время как история хозяйства—в забросе. Дать же в работе по революционному движению сразу монографическую разработку —по сырому материалу—хозяйства эпохи и монографию о революционном движении эпохи—труд явно непосильный.

Другой недостаток — пренебрежительное отсутствие в работе историографической части: если бы автор был первым работником по теме—это было бы законно, но у автора есть ряд предшественников. В этом случае требование поставить свою работу в определенный историографический ряд, разграничить свои задачи от задач предшественников и выяснить степень зависимости — обязательно. Нельзя ограничиваться беглым упоминанием об абстрактных предшественниках (почти без упоминания имен!) в предисловии.

Но если к указанным выше крупным достоинствам работы Л. Райского присоединить еще не столь крупные, но очень важные — живость изложения и отчетливость структуры работы, то станет вполне ясно, что история русского революционного движения обогатилась ценным изучением мало исследованного вопроса.

М. Нечкина.

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЬВА ТИХОМИРОВА. Предисловие В. И. Невского. Вступительная статья В. Н. Фигнер. ГИЗ. М.—Л. 1927. Стр. X +515.

Заглавие книги не вполне соответствует ее содержанию: помимо воспоминаний Л. Тихомирова в ней помещены и дневники его, занимающие почти столько же места (216 стр.), как и воспоминания (220 стр.). Воспоминания, написанные в девяностых годах[1], охватывают жизнь автора с детства до возвращения в Россию в 1888 г.; опубликованная в книге часть дневников относится к 1883—1895 г.г. Некоторые из содержащихся в книге материалов были не так давно опубликованы в журналах: в VI т. «Красного Архива» были напечатаны воспоминания об эпохе «Земли и Воли» и прошение Александру III (стр. 126—169, 177—186), в № 7 «Красной Летописи» за 1923 г.—2 письма к Плеве (стр. 203—206). Все остальное появляется в печати впервые.

Воспоминания и дневники крупнейшего теоретика «Народной Воли», превратившегося затем в равностного защитника самодержавия и православия, представляют, конечно, очень большой исторический и психологический интерес. Остановлюсь на них прежде всего, как на историческом источнике. Приступая к той части воспоминаний, которая посвящена «Земле и Воле», Тихомиров подчеркивает, что после многих лет, протекших с того времени, он чувствует себя совершенно беспристрастным, даже почти бесстрастным, не имея ни малейшего желания становиться судьей людей тех времен: «все они люди, и все очень полною ценою расплатились за все, что сделали ошибочного или преступного». «Притом,—прибавляет он,—понятие преступного в политике так условно, так часто сводится к простой ошибке или даже к вопросу об удаче или неудаче». «Я сам,—пишет он,—не хочу даже и учить ничему». «Мне хочется только припомнить, представить себе и рассказать потомству, как было дело», только «оставить материал для суждения об эпохе»: «из правдивого рассказа о действительно бывшем можно научиться многому, даже помимо осуждения собственно людей» (стр. 83—84). И нужно отдать справедливость автору воспоминаний: его рассказ, действительно, если и не «бесстрастен» (его личное отношение к людям и событиям видно очень определенно), то в общем все же достаточно беспристрастен и правдив, и с той оценкой, которую дает воспоминаниям Тихомирова В. И. Невский, утверждающий, что в них «все почти пристрастно, все—негодование, все—желание очернить прошлое и обелить свое ренегатское настоящее» (стр. XXI),—никак нельзя согласиться. Конечно, его реакционное мировоззрение 90-х годов сказывается постоянно—в отдельных замечаниях, в тоне, в форме выражений, в иронических кавычках и пр., но фактов он не извращает, стараясь дать точное их описание; многих деятелей революционного движения он изображает людьми, достойными всяческого уважения, несмотря на их «заблуждения» и совершенные ими «преступления». Таковы характеристики Чарушина (стр. 58), Аркадакского (64—65), Клеменца (стр. 88), Зунделевича (стр. 89), братьев Ивичевичей (стр. 109) и многих других; особенно высокую оценку Тихомиров дает Александру Михайлову, о котором он пишет, что, по своей нравственной силе, Ал. Михайлов далеко превосходил всех знакомых ему революционеров (а он знал их, по его словам, около 1½ тысячи), что он «был истинной душой и творцом той организации, которая зародилась в среде кружка «Земли и Воли» и потом превратилась в «Народную Волю», и что он «мог бы, при иной обстановке, быть великим министром, мог бы совершить великие дела для своей ро-

[1] В предисловии от редакции указаны 1894-1898 г.г. (стр. XXXIX), но в примечании Тихомирова к одному из отрывков воспоминаний значится: „писано в 1891 г., май“ (стр. 81); в одном из этих случаев, очевидно, опечатка.

дины» (стр. 93—96). Даже характеризуя несимпатичных ему людей,—напр. Плеханова (стр. 89—93), М. Н. Оловенникову (стр. 114, 309—310), Лаврова (стр. 296—309) и др.—Тихомиров старается быть об'ективным, тщательно отмечая выдающие черты ума и характера изображаемых им личностей. Богатство фактического материала, яркость и выпуклость характеристик, иногда сочувственных, иногда едких и злых, но всегда содержательных и метких,—все это делает его воспоминания одним из самых ценных памятников мемуарной литературы, относящейся к эпохе народничества.

Очень ценным историческим источником являются и дневники Тихомирова. О «беспристрастии» в дневниках, которые писались под непосредственным впечатлением фактов, часто под влиянием суб'ективных настроений,—говорить, конечно, не приходится; в них много резких оценок, раздражительных выпадов, иногда просто грубой брани (напр. стр. 201, 216, 384, 434 и др.). Но в дневниках беспристрастия вообще не приходится искать: дневники ценны для исследователя либо как непосредственные записи фактов, не предназначенных для чтения других людей и потому более или менее свободные от тенденции,—либо как материал для характеристики автора. Дневники Тихомирова содержат большое количество фактического материала, при чем он пишет преимущественно о том, что его непосредственно окружало, сравнительно редко сообщая о фактах по рассказам других лиц, что придает сообщаемым им сведениям большую степень достоверности. Особенно интересен для историка революционного движения «дневник № 1», относящийся к тем годам, когда Тихомиров был еще тесно связан с революционной средой, и дающий много фактических сведений о русской эмиграции и о ее сношениях с Россией. Нередко он включает в дневник письма к нему разных лиц и черновики своих собственных писем. Большой интерес имеет включенный им в дневник черновик его прошения Александру III о помиловании (стр. 240—251), в котором он довольно подробно рассказывает о своей деятельности в «Народной Воле»; это прошение является существенным дополнением к его воспоминаниям, в которых народовольческий период его деятельности (до разгрома партии) остался неосвещенным.

Будучи ценным историческим источником, воспоминания Тихомирова и особенно его дневники являются также ценным «человеческим документом», позволяющим проследить эволюцию автора от «Народной Воли» к «Московским Ведомостям». Крушение всех революционных планов и предприятий, в связи с свойственной Тихомирову пассивностью восприятия внешних впечатлений, вызвало в нем глубокое разочарование в революции и безысходную подавленность настроения, а неудачи личной жизни—безработица, безденежье, болезни, в особенности тяжелая и длительная болезнь любимого сына,—помогли имевшейся у него ранее склонности к суеверию (вера в талисманы, сны, предчувствия, приметы) развиться в болезненную религиозность.

Переходя к приемам публикации, приходится сделать ряд возражений. Прежде всего нужно отметить, что весь материал расположен в порядке хронологической последовательности описываемых фактов, при чем воспоминания и дневники напечатаны вперемежку. Этот прием нужно признать совершенно неправильным. Во-первых, дневники и воспоминания—источники совершенно различного характера, и печатать их нужно непременно отдельно (сначала одно, потом другое). Во-вторых, воспоминания Тихомирова, как видно из предисловия редакции, представляют ряд отдельных отрывков, написанных в разное время, при чем нередко отрывки, написанные позднее, касаются событий более раннего времени и наоборот. Размещая эти отрывки в порядке описываемых событий, редакции пришлось игнорировать время их написания, а между тем при пользовании воспоминаниями, как историческим источником, этот момент имеет, конечно, весьма существенное значение. Мало того, редакция вынуждена была даже разрывать эти отрывки на части, что уже совершенно недопустимо, так как каждый из них представляет более или менее органическое целое. В результате получилась мозаика: сначала напечатана часть тетради № 27, затем целиком тетрадь № 24 и начало тетради № 25, потом другая часть тетради № 27, далее опять часть тетради № 25; затем идет дневник № 1, за ним тетрадь № 26, наконец дневник № 2, составляющий непосредственное продолжение дневника № 1, но оторванный от него тетрадью воспоминаний (стр. XXXVIII, предисловие). Пользование этой мозаикой для исследователя является тем более затруднительным, что не везде имеются точные указания, где кончается один отрывок и начинается другой, а также отсутствуют хронологические даты написания отдельных отрывков. Следует еще указать, что произведенные в дневниках купюры, о которых упоминается в предисловии (стр. XXXIX), за немногими исключениями (стр. 201, 221, 354, 399, 426), не отмечены в подсрочных примечаниях к тексту. Не отмечено также, какие из печатаемых материалов были уже опубликованы ранее; исключение сделано

почему-то только для первого письма Тихомирова к Плеве (стр. 488).

К тексту приложены именной указатель и обильные примечания, составленные В. П. Алексеевым (им же подготовлен к печати и текст). Примечания, редактированные известным знатоком народничества Ш. М. Левиным, обстоятельны и точны; однако, кое-какие неточности в них все же имеются. Так, легенду о «подвиге» Комиссарова (стр. 441) можно уже, кажется, считать окончательно опровергнутой; «Военно-статистический Сборник», издававшийся в 1868—1874 г.г. под редакцией Н. Н. Обручева, был посвящен не только «вопросам военной статистики» (стр. 442), но имел очень широкую программу, включавшую и народное хозяйство, и финансы, и политический строй, и народное образование; поэтому-то он и входил в число книг, распространявшихся радикальной молодежью.

Публикуемым материалам предпослано две статьи—В. И. Невского и В. Н. Фигнер. В. И. Невский делает попытку выяснить социальные причины ренегатства Тихомирова, примыкая в этом случае к Плеханову, который указывал в свое время, что в корне эволюции взглядов Тихомирова лежали основные ошибки народнического мировоззрения. «Социальная природа партии радикалов,—пишет В. И. Невский,—как бы они ни назывались, как бы они ре- волюционны ни были, неминуемо, рано или поздно, по мере того как на сцене все больше и больше выдвигался новый носитель революции—пролетариат, должна была вызвать эволюцию вправо, к либералам: ход вещей, неудачи «Народной Воли», наступившая реакция только ускорили эту эволюцию. В эту эволюцию был втиснут и Тихомиров, а личные его свойства и условия его воспитания (духовная среда, отсутствие глубоких знаний и т. п.) доделали все остальное,— превратили его из сомневающегося в ренегата». (стр. XXI). В. Н. Фигнер в своей статье останавливается как раз на этих «личных свойствах» Тихомирова, делая попытку художественного воссоздания пережитого им психологического процесса. «Рассмотрение всей жизни Тихомирова доказывает, — заключает она,—что он был человек безвольный и бесхарактерный: он поддавался влияниям, которые могли поднимать его на высоты или спускать в низины. Это такая почва, на которой могли вырасти всевозможные сорные травы.—Почва была: «можно было ожидать», но на данной почве выросло злокачественное растение—психоз, превративший революционера, республиканца и атеиста в ретрограда, монархиста и ханжу».

Е. Мороховец.

И. Ф. ГИНДИН. Банки и промышленность в России до 1917 г. Промиздат, 1927 г., 207 стр.

Проблема русского империализма привлекает внимание и историков и экономистов. Наметились различные точки зрения. На-ряду с общераспространенными—Ванага и Ронина, отрицающими какую бы то ни было самостоятельность финансового капитала в России, существует другая точка зрения, которая вносит значительные поправки в их схему. Тов. Гиндин по своей общей концепции принадлежит как раз к лагерю «противников» схемы Ванага. Поэтому книга тов. Гиндина представляет особый интерес, тем более, что автору удалось добраться до первоисточников: т. Гиндин проработал архивы двух банков. Хронологический размах работы до 1917 г. включает в сферу изучения эпоху империалистической войны, которая совсем не затрагивалась в работах Ванага и Ронина.

Кроме трех основных глав, книга имеет предисловие Аксельрода, большое теоретическое введение автора и заключение, в котором автор критикует схему Ванага. Работа автором начата одновременно с Ванагом, поэтому ему удалось учесть результаты его работы «Финансовый капитал в России» только в заключении.

Мы должны начать изложение книги с оценки взглядов автора, развитых им в введении. Надо прямо сказать, что от этого введения книга только потеряла. Тов. Гиндин задался благодарной целью вскрыть оппортунизм Гильфердинга, но получилось так, что острие своей критики он направил против ленинской теории империализма. Оппортунизм Гильфердинга автор видит в преувеличении «руководящей роли банков в системе финансово - капиталистических отношений» (3 стр.). Эта ошибка у Гильфердинга по мнению Гиндина происходит от того, что он отождествляет финансовый капитал, «с одной лишь его вариацией—с банковской» (4 стр.). На основе этого преувеличенного представления о господстве банков над промышленностью — по мнению Гиндина,—Гильфердинг пришел к оппортунистическому утверждению, «что достаточно пролетариату захватить крупнейшие банки страны, чтобы держать в своих руках нити основных отраслей промышленности» (4 стр.). Надо сказать, что Ленин дал более глубокую критику теории Гильфердинга. Основной недостаток ее он видел в том, что Гильфердинг, рассматривая империализм, как политику финансового капитала, не видел паразитизма, свойственного империализму, а, следовательно, и не оценивал империализм, как «умирающий капитализм». Борясь в своем теоретическом введении с Гильфердингом, Гиндин пишет, что их власть над «про-

мышленность от влияния банков, а в результате приходит в противоречие с фактами. Исследуя взаимоотношения русских банков с промышленностью, Гиндин пишет,что их властью над «промышленными предприятиями простиралась обычно до полного хозяйничанья в предприятии» (стр. 67). Во-вторых, желая избежать ошибки Гильфердинга, Гиндин впадает в еще большую, своей «теорией» двух вариаций финансового капитала. Один вариант финансового капитала вырастает из промышленности, из акционерных предприятий, без помощи банковского капитала; носители другого варианта являются банки, подчиняющие промышленные предприятия своему контролю. Идя по этому пути, Гиндин договаривается до того, «что логически вполне возможно развитие и возникновение финансово-капиталистических отношений без помощи и вмешательства банков» (стр. 15).

С точки зрения теории, взгляды Гиндина расходятся с ленинским определением финансового капитала, как банковского капитала, срастающегося с капиталом промышленных монополистов. Если бы Гиндин более последовательно развил свои взгляды, то он бы пришел к выводам Финна-Енотаевского, который в одной из своих работ пишет: «р у к о в о д с т в а, у п р а в л е н и я и н д у с т р и е й, в с е м н а ц и о н а л ь н ы м п р о и з в о д с т в о м, б а н к а м и и в о о б щ е ф и н а н с о в о й а р и с т о к р а т и е й, — этого нет, это Маркс категорически отрицал» [1]. Финн отрицает ленинскую теорию империализма, ссылаясь на самого Маркса, а Гиндин, поправляя Гильфердинга, незаметно для самого себя критикует Ленина, вносит поправочки о двух вариациях финансового капитала и рассматривает господство банков над промышленностью «в смысле контроля над доходом, распоряжения прибылью подчиненных им предприятий» [2]. Такая трактовка «господства банков», по сути дела, совсем приближается к взглядам Финна, который также не отрицает финансового рвачества банков. В своем предисловии т. Аксельрод недостаточно твердо отмежевывается от ошибочных взглядов тов. Гиндина. С одной стороны, он заявляет о своем несогласии с автором относительно промышленной и банковской вариации финансового капитала, потом смягчает свои характеристики и кончает тем, что признает «некоторое значение» классификации Гиндина «при описательных работах [3]. Нам кажется, что всякая классификация, являясь теоретически неверной, не может быть полезной и для описательной работы.

[1] А. Финн-Енотаевский. — Финансовый капитал и капитал производительный стр. 13, курсив автора.

[2] Гиндин, стр. 42.

[3] Гиндин, стр. VI, предисловие.

В первой главе своей работы автор исследует взаимоотношения банков и промышленности, начиная с 90-х годов 19-го столетия, кончая империалистической войной. Больше всего внимания автор уделяет депрессии и предвоенному промышленному под'ему. Надо сказать, что в определении этапов развития зависимости промышленности от банков, автор не расходится с работой Ронина. Последний признает оформление финансового капитала в России с 1909—10 годов, т.-е. с начала промышленного под'ема. Гиндин устанавливает пассивный характер деятельности банков во время депрессии и кризиса. Банки воздерживались «от новых промышленных дел», но они принуждены были поддерживать отношения с предприятиями, которые кредитовались еще во время под'ема. Период депрессии — это время отдельных операций банков с промышленностью.

«С 1908—09 гг. наступает новая полоса в деятельности банков: они активно начинают финансировать промышленность, и их интересы переплетаются с судьбами многочисленных промышленных предприятий. Только с этого времени отношения банков к промышленности складываются, как результат сознательной продуманной политики банков (конечно, в рамках тех целей, которые себе банки ставят), и только в этот третий период выявляются во всей полноте как черты, вообще присущие близкой связи банков с промышленностью, так и особенности банковского финансирования промышленности в России» [1]. Эта характеристика Гиндина безусловно верна, она подтверждает, что финансово-капиталистические элементы русского капитализма начали оформляться с начала предвоенного промышленного под'ема.

Автор далее устанавливает, как велика была зависимость промышленности от банков и выясняет об'ем средств, вложенных банками в промышленные предприятия. Во время под'ема банки распоряжались, кроме выросших основных своих капиталов, еще огромными вкладами, которые концентрировались в их руках, что увеличивало власть банков над промышленностью. Новые промышленные операции происходили, главным образом, за счет средств банков, которые вложили в промышленные и другие общества значительно больше половины находившихся в их распоряжении средств» [2]. Таким образом, главным об'ектом банковых операций делается промышленность, попадающая к началу войны в кабалу банкам.

[1] Гиндин, стр. 58.

[2] Гиндин, стр. 75.

Военную эпоху автор не исследовал с достаточной внимательностью; он недооценивает роли банков в деле кредитования военной промышленности (81 стр.), перенося центр тяжести на счет казны. Между тем знакомство с работой Особого Совещания по обороне показывает огромную роль банков, как в приспособлении промышленности к работе на оборону (кредит, «гарантия» банков), так и организации новых предприятий. Автор не поставил и не осветил очень важный вопрос о взаимоотношении русских банков с заграницей. Он не ответил на вопрос — увеличилась или уменьшилась во время войны зависимость русских банков от французского и английского империализма. А между тем эта проблема делается центральной, когда мы ставим вопрос о природе русского империализма.

Автору удалось отметить и достаточно иллюстрировать особый процесс, происходивший в экономике во время войны,—образование особых концернов, во главе которых оказывались отдельные промышленники. Такие концерны включали в сферу своего влияния предприятия различных отраслей; они захватывали и банки. Одна из таких фигур — Второв — расцвела, опираясь на государственную помощь, в виде десятков миллионов рублей авансов, которые он получал от казны. Тов. Гиндин, очевидно, видит в этом подтверждение своей теории о промышленной вариации финансового капитала, а между тем мы здесь видим только тот процесс, который отмечался Лениным в империализме: сращивание банковского и промышленного капитала и персональную унию промышленников с банками.

Вторая глава, освещающая деятельность банков по архивным материалам, не вносит больших поправок в общую схему. Наоборот, рассмотрение конкретной деятельности отдельных банков подтверждает основные положения первой главы об об'еме средств банков в промышленности и о зависимости промышленных предприятий от банков. Эта зависимость выходила далеко за пределы только интереса к доходам, к прибылям. Банки принимали живейшее участие во всех делах патронируемых предприятий, в финансовой и технической реорганизации предприятий.

В этой же главе автор приводит примеры «колоссальных заработков» банков на операциях с эмиссией промышленных ценностей, которые достигали иногда 50 и более процентов.

В третьей главе тов. Гиндин выясняет влияние банков на отдельные отрасли промышленности. Эта глава чрезвычайно интересна. Мы имеем здесь много нового фактического материала, который никак не укладывается в рамки теории, отрицающей элементы русского империализма. Так, в области металлургии, связанной с иностранным капиталом, более 60 процентов капиталов промышленных предприятий, по подсчетам Гиндина, «находились в той или иной форме под сильным влиянием русских банков» (стр. 148). Русские предприятия в металлургии имели всего только около 10 процентов капитала, но зато было сильно влияние русских банков на русские предприятия. Тот же самый процесс просачивания влияния русского капитала Гиндин приводит в области резиновой промышленности. Влияние русских банков было сильно на Уральскую металлургию, Сибирскую золотопромышленность, цементную промышленность Юга, табакопромышленность. Следовательно, мы можем говорить, что финансовый капитал охватывал не только тяжелую промышленность, но и легкую (сахаропромышленность, табак и отчасти текстиль). Даже в области нефтяной промышленности Гиндин видит известное влияние, во-первых, русского империализма, и во-вторых, рост независимости Нобеля от банков (стр. 156—7).

Мы ограничимся лишь приведенным материалом и перейдем к выводам. Нам кажется, что работа т. Гиндина еще раз нам напоминает о необходимости ввести ряд поправок в слишком общую схему Ванага. Нельзя игнорировать элементов российского империализма. Он существовал и развивался до Октябрьск. революц., потому, что существовали банки и промышленные предприятия с русскими капиталами. Н е л ь з я р а с с м а т р и в а т ь р у с с к и й и м п е р и а л и з м т о л ь к о к а к д о п о л н е н и е т р е х и м п е р и а л и с т и ч е с к и х с и с т е м З а п а д а. После Гиндина, очевидно придется пересмотреть вопрос об удельном весе иностранного капитала в России, о его влиянии на промышленность и банки. Гиндин приводит несколько примеров, когда отдельные предприятия и даже банки другими исследователями относятся к группе иностранной, а им зачисляются в группу русских. Необходимы точная проверка цифрового материала, разработка архивного материала.

В заключение своей работы тов. Гиндин останавливается на некоторых общих и спорных вопросах относительно русского финансового капитала. Нужно сказать, что здесь он значительно отступает от тех взглядов, которые им развиты в введении. Так, например, он признает, «что русские банки являлись важнейшим звеном в финансово-капиталистической системе страны» (стр. 187).

По отношению к концепции Ванага, Гиндин занимает отрицательное отношение, потому, что она «не только дает неправильное освещение некоторых основных вопросов финансово-капиталистических отношений, но и приводит к целому ряду натянутых, а подчас и не-

правильных об'яснений развития этих отношений в России» (стр. 195).

В дальнейшем Гиндин указывает отдельные ошибки фактического порядка. Такие ошибки возможны и допустимы во всякой большой работе, разбирающей впервые сложные вопросы. Но принципиальное возражение, которое Гиндиным формулируется так: «схема Ванага не выдерживает и соприкосновения с действительностью» (стр. 191), нам кажется недоказанным и голословным. В схеме Ванага есть несколько моментов. — Она выясняет, во-первых, удельный вес банков над промышленностью. В этом пункте я считаю дополнения тов. Гиндина существенными и важными. Гиндин совершенно правильно выясняет большое влияние русского финансового капитала. Именно поэтому нужно внести в эту схему поправку на русский империализм. Вторая часть этой схемы—оценка русской банковой системы как несамостоятельной. К большому сожалению, приходится отметить, что этот вопрос Гиндиным не исследован. Ни по вопросу о взаимоотношении русских банков с французскими и немецкими банковыми системами, ни о политике Министерства финансов в работе т. Гиндина не имеется специального материала.

Поэтому противоположная точка зрения Гиндина, как и Ванага, аргументируется лишь общими соображениями и остается пока еще недоказанной гипотезой.

Работа тов. Гиндина не решает всей проблемы о русском империализме, так как она рассматривает часть только этой проблемы, и отчасти благодаря своей методологической невыдержанности. Но в области отношения банков с промышленностью она иначе освещает многие важные вопросы, что позволяет уже сейчас внести отдельные поправки в систему Ванага — Ронина в сторону положительного решения вопроса об элементах русского империализма.

Аркадий Сидоров.

А. П. ТАНЯЕВ. (ред). «Рабочий класс Урала в годы войны и революции. В документах и материалах. т. I. «Годы войны», Изд. Уралпрофсовета. Свердловск. 1927 г., стр. 364.

Урал'истпроф задумал издать целую серию монографий по истории Октябрьской революции под общим названием «Рабочий класс Урала в годы войны и революции» с целью удовлетворить запросы «широких читательских масс рабочих». Но вследствие недостатка времени, так как вопрос об издании монографий был поднят только летом 1926 г., оказалось, что Истпрофу придется выпустить вместо монографий лишь сборники материалов и документов [1], что, конечно, должно было в значительной степени изменить первоначальную целевую установку намечавшегося издания. Но все же от нее Истпроф окончательно не отказался, решив дополнить сборники документов и материалов вводными очерками-статьями к каждому из намеченных 4-х томов, которые должны делиться на следующие периоды: 1-й—с 1914 по март 1917 г.; 2-й—от марта до октября 1917 г.; 3-й—с октября 1917 по май 1918 г. и 4-й—с мая 1918 г. по октябрь 1919 г. Почему принята эта, а не какая-либо иная периодизация—«Предисловие» Испрофа не сообщает. Между тем нас особенно смущает периодизация 3-го и 4-го томов. Может быть так удобнее в связи с особыми условиями гражданской войны на Урале, а может быть по другим соображениям? Уралистпроф и редактор 1-го тома А. П. Таняев оказались чрезвычайно скупы на замечания, так необходимые для такого рода литературы, как сборник документов и материалов. Но два слова вообще о достижении издателями и редактором поставленной цели—сделать издание доступным широким рабочим массам. Думаю, что из этой их «целевой установки» ничего не получилось, и очерк А. П. Таняева и самые материалы и документы — это скорее материалы для историка рабочего движения, которые приведены в некоторую систему и которые несколько облегчат ему работу в архивах. Книга может быть использована также и для старших курсов университетов и комвузов, но не шире.

Как в «Предисловии» Урал'истпрофа, так и в очерке редактора, к сожалению, не дается никаких указаний на состояние архивных источников, откуда взяты те или другие документы и материалы, как они обрабатывались и пр. Это существенный минус для публикации материалов и документов. У историка, который стал бы работать с ними при отсутствии этих справок нет достаточной уверенности в их исторической ценности, они не дают ему никакой перспективы в смысле оценки состояния архивов, откуда эти документы заимствованы и т. д. Подстрочные примечания к документам, данные в первом томе, очень мало освещают этот вопрос. Для следующих томов этот недостаток необходимо исправить в первую очередь.

Вводный очерк А. П. Таняева дает большой экономический материал и довольно ярко обрисовывает состояние уральской промышленности в годы войны. К сожалению, значительно слабее разработано им рабочее движение, и совсем недостаточно затронут вопрос о партийной работе на Урале в этот период времени. Совершенно недостаточно им освещен также вопрос о довоенном рабочем движении Урала, без чего нельзя понять тех особенностей уральского рабочего движения, которые привели

[1] К 10-летию Октябрьской революции вышел лишь I том.

его в 1917 г. под знамена большевиков, что в свою очередь было тесно связано с также мало освещенными А. П. Таняевым особенностями положения уральского рабочего до войны и с теми крепостническими пережитками в уральской промышленности, которые автор хорошо выявил в экономической части своего очерка.

К недостаткам издания следует отнести значительное количество опечаток.

Подводя общий итог сказанному о первом томе документов и материалов Урал'истпрофа, посвященных, в конечном счете, истории Октябрьской революции, следует признать, что это, несомненно, одна из интересных попыток мест дать непосредственно сырой материал в определенной системе и тем сделать одну часть виднейшей работы по общей истории Октябрьской революции. Но тут возникает вопрос большой важности об общей координации этой работы—как истпартов, истпрофов и других учреждений и отдельных лиц, что могла бы выполнить, по нашему мнению, только одна организация—об-во историков-марксистов при Комм. Академии.

Вместе с этим будем надеяться, что следующие выпуски сборников материалов и документов Урал'истпрофа будут более тщательно обработаны как с точки зрения классификации материалов, так и особенно со стороны тех научных приемов, которые установлены исторической традицией при опубликовании документов и материалов.

А. Ш—ов.

А. ПАНКРАТОВА. Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г. Гиз, 1927. Библиотечка Октября [1]. Истпарт и агитпроп ЦК ВКП(б). 101 стр.

Небольшая популярная — иногда чрезмерно популярная — брошюра Панкратовой толково и дельно рассказывает о роли фабзавкомов и профсоюзов в экономической и политической борьбе революции 1917 года, о борьбе политических течений внутри профессиональных союзов в течение этого периода, о взаимоотношениях между фабзавкомами и профсоюзами. Предназначенная для обращения в широких слоях трудящихся (тираж брошюры составляет 25.000 экземпляров) книжка, в общем со своей задачей — дать представление о роли и борьбе этих организаций в Октябрьской революции — несомненно справляется. Некоторые вопросы однако — уже в силу размеров брошюры — освещены недостаточно полно, некоторые проблемы только упомянуты, некоторые охарактеризованы настолько бегло, что ясного представления, да, пожалуй, и вполне верного, у читателя не составится. К таким не вполне четко выясненным проблемам относится и вопрос о взаимоотношениях между профессиональными союзами и фабрично-заводскими комитетами.

«Размах борьбы — пишет автор — требовал как участия в ней всех занятых в производстве рабочих, так и новых методов борьбы, диктовавшихся условиями революции. Фабзавкомы оказались для этого более приспособленными и отодвинули на время профсоюзы. В силу последнего фабзавкомы стали смотреть на себя, как на самостоятельную ветвь рабочего движения, и считали излишним самое существование профсоюзов» (7 стр.).

Но почему, в силу каких причин именно фабзавкомы оказались более приспособленными к новым методам борьбы? Автор на этот вопрос склонен искать об'яснение, преимущественно, в различии политических направлений, преобладавших в профсоюзах и фабзавкомах. Последние, пишет автор, «более близкие к низовой рабочей массе,... лучше отражали ее подлинные настроения и стремления, ее разочарование в политике империализма и оборончества и приобщение масс к позиции интернационализма. Такое развитие фабзавкомов сталкивало их с профсоюзами, находившимися под руководством меньшевиков» (6—7 стр.). Фабзавкомы же, по автору, и «явились той организацией, которая помогла большевистской партии быстро завоевать снизу меньшевистские профсоюзы и восстановить единство революционного профдвижения» (8 стр.).

Нам кажется, что такой упор автора в политические разногласия между профессиональными союзами и фабзавкомами не вполне верен. Во-вторых, далеко не все профсоюзы были меньшевистскими. Если просмотреть четвертую и пятую главы книжки того же автора, А. М. Панкратовой, «Политическая борьба в российском профдвижении 1917—1918 г.г.» [1] или недавно вышедший сборник Испарта «Профессиональные союзы СССР в прошлом и настоящем», то мы увидим, что далеко не все профсоюзы были в руках меньшевиков. Петроградское и Московское бюро профсоюзов были большевистскими. ЦК металистов и огромное большинство его местных организаций, большинство союзов пищевого производства, союз стекольщиков, деревообделочников, рабочих местного производства, петербургские и московские союзы кожевников, мастеров и ра-

[1] Редакция предполагает в следующем № дать отзыв в сей серии брошюры Истпарта-Агитпропа ЦК „Библиотечки Октября".

[1] Этой работой автор широко пользуется в рецензируемой брошюре. Некоторые главы последней являются просто сокращенным изложением этой книги. А. М. Панкратовой.

бочих железной дороги, строителей, московский областной союз текстильщиков (к июню) находились в руках большевиков. Верно, конечно, что созданный Исполнительный Комитет Всероссийского Совета Профессиональных Союзов находился в большинстве в руках соглашательского крыла социалистов, но преобладание их вовсе не было значительным, как не было оно значительным и на самой конференции, как мельком упоминает автор (см. 54 стр.). И как раз более всего сильно интернационалистское крыло было в индустриальных союзах. Опору меньшевиков, если не считать печатников, составляли неиндустриальные союзы, особенно по истечении первых двух-трех месяцев. Но в неиндустриальных союзах ни о каких фабзавкомах не было и речи, так, что там базы для революционизирования профсоюзов они из себя представлять не могли. И, во-вторых, разногласия между фабзавкомами и профсоюзами происходили и там, где в обоих органах преобладали большевики. Достаточно прочесть — речи Томского и Рязанова, уже на 1-м с'езде профессиональных союзов в январе 1918 года, или хотя бы выступления Глебова-Авилова — его содоклад и заключительное слово — (особ. стр. 318—323 и 374—75) и Скрыпника в давно опубликованном стенографическом отчете третьей Всероссийской Конференции профессиональных союзов, чтобы убедиться, что весьма серьезные разногласия происходили и между большевиками, работавшими в профсоюзах, и большевиками, работавшими в фабзавкомах. Причины этих расхождений, вызываемых уже отнюдь не политическими и партийными расхождениями, автор почти не выясняет. Более того, иногда у автора появляется уже совсем не верная фраза вроде, например, такой: наличие двух политических центров в рабочем движении об'яснялось не только различием круга деятельности фабзавкомов и профсоюзов. Двоецентрие, наоборот, было в значительной степени результатом двух политических направлений в рабочем движении. Здесь, совершенно ясно, у автора мы имеем дело именно с небрежно набросанной фразой, а не с продуманным об'яснением. Различие круга деятельности фабзавкомов и профсоюзов никогда, ни в какой мере не может об'яснить наличия ни одного, ни двух п о л и т и ч е с к и х центров, точно так же, как функциональные отличия различных отделов ВЦСПС никогда не могут об'яснить политического направления самого ВЦСПС. Простая же констатация того, что в разногласиях имел значение и различный круг деятельности, тоже ничего не говорит. Спор между меньшевистскими профсоюзами и большевистскими фабзавкомами в основном шел по вопросу о допустимости р а б о ч е г о контроля, т.-е. сводился к вопросу о захвате власти рабочим классом. Спор же между профсоюзами и фабзавкомами в пределах одного большевистского политического направления шел по вопросу о самостоятельности или подчиненности фабзавкомов единой профессиональной организации. Об'яснить этот спор (а вместе с ним об'яснить и некоторый стихийный синдикализм, сказывавшийся в движении фабзавкомов) можно, только об'яснив особенности революционной борьбы пролетариата, в первую очередь питерского, в то время. Этого об'яснения тов. Панкратова не дает, и это кажется нам существенным недостатком в ее хорошей брошюре. Из других более мелких и случайных недочетов укажем еще одно: на странице 30 тов. Панкратова рассказывая ход борьбы за восьмичасовый рабочий день, говорит: «Мелкая буржуазия поддалась панике, распространяемой буржуазными газетами. Д а ж е (подчеркнуто мною. М. Ю.) центральный орган меньшевиков «Рабочая газета» заговорила о необходимости воздержания». Между тем, отношение меньшевиков к восьмичасовому рабочему дню вовсе не являлось следствием паники, вызванной буржуазным «общественным мнением», а диктовалось вполне определенной политической тактикой. «Рабочая газета» выступила против восьмичасового рабочего дня еще 9 марта (статья «1905—1917») и в передовице 10 марта, т.-е. тогда, когда еще сама буржуазная печать держалась весьма сладенького—относительно—тона, и никакой «бешеной кампании» еще не открывала. Под отрицание необходимости практического введения в том момент восьмичасового рабочего дня меньшевики подводили сугубо-принципиально-теоретическую базу. Эти цифры тов. Панкратова несомненно знает (см. кстати стр. 31—32 книжки того же автора о «Политической борьбе в российском профдвижении», где дано правильное об'яснение позиции меньшевиков), но здесь, в этой книжке, то, что автор говорит в популярной брошюре о меньшевиках, способно посеять известные недоразумения.

М. Югов.

Д. КИН. «Д е н и к и н щ и н а». Истпарт ЦК ВКП(б). История гражданской войны. Под ред. М. Н. Покровского. Изд. «Прибой». Л. 1927. Стр. 275.

Монография тов. Кина открывает собой целую серию работ по истории гражданской войны, в основу которых легли занятия специального семинария по этому вопросу, работавшего под руководством М. Н. Покровского в Институте Красной Профессуры в течение 2-х лет: в 1924/25 и 1925/26 г.г.

Рецензируемая книга посвящена одному из наиболее важных моментов гра-

жданской войны — южной контр-революции, возглавляемой Деникиным. Тема эта очень обширна и в то же время еще почти совсем не изучена. Разработка архивных материалов только начинается, и все, чем мы располагаем, исчерпывается несколькими статьями, появившимися в наших журналах и посвященными отдельным частным вопросам контр-революции, связанной с именем Деникина; несколькими публикациями документов; кое-какими воспоминаниями участников активной борьбы с Деникиным и, наконец, зарубежными белыми изданиями, дающими иногда довольно богатый материал не только мемуарного, но и документального характера. Деникинщине в этой последней области повезло: сам Деникин выпустил 5 об'емистых томов «Очерков русской смуты», где речь, естественно, идет, главным образом, о южной контр-революции.

Но до сих пор мы не имели еще ни одной марксистской работы, которая давала бы классовый анализ движущих сил на этом участке контр-революции. Не имели мы также ясной, исчерпывающей и выверенной картины фактической стороны вопроса, связного исторического повествования о событиях, если не считать, конечно, повествований эмигрантских. Перед исследователем здесь, таким образом, стоит двоякая задача: собрать весь доступный фактический материал, критически его выверить и связать в цельную канву; в то же время необходимо научным анализом вскрыть классовую подоплеку всех этих событий, проследить перекрещение различных борющихся классовых сил, найти правильное марксистское об'яснение временных удач деникинского предприятия, а также причину окончательного провала всего его дела.

Тов. Кин не пошел по линии наименьшего сопротивления и не ограничился одним изложением внешней картины событий. Он даже скорее несколько пренебрег этой стороной вопроса и сосредоточил все свое внимание на классовом анализе деникинской эпохи.

Начинается книга изложением обстоятельств зарождения Добровольческой армии. Совершенно правильно генеалогия Добровольческой армии возводится через «Быховское сидение» к Корниловскому выступлению.

Первоначально Добровольческая армия была довольно худосочным созданием. Плохо с'организованные, растерявшиеся буржуазно-помещичьи группы не в силах были самостоятельно создать сколько-нибудь серьезные вооруженные силы. Два фактора заложили прочный фундамент для Добровольческой армии и позволили ей чуть ли не на 2 года твердо встать на ноги. Это — поддержка союзников (гл. обр. англичан) и помощь казачьей контрреволюции. Поэтому совершенно прав автор «Деникинщины», посвящая одну из первых глав своей работы анализу роли интервенции в белом движении на Юге, и, пожалуй, напрасно вопрос о взаимоотношении с казачеством относится им к концу исследования, что несколько нарушает цельность работы.

Говоря об интервенции, тов. Кин невольно выходит за пределы узко-местного ее значения для юга России и выясняет общую картину роли интервенции в гражданской войне. Эта, одна из наиболее важных частей работы страдает известным схематизмом. При очень широкой постановке вопроса надо было бы дать и более подробные ответы. Однако картина, рисующая автором, намечена в общем правильно. Напрасно лишь не оттенено значение военно-стратегических соображений союзников. Первое время до окончания войны в политике союзников не последнюю роль играло стремление восстановить восточный фронт. Зато очень отчетливо, хотя тоже до известной степени схематично, вскрыта та противоположность империалистических интересов Англии и Франции, которая оказала решающее влияние на исход всей интервенции.

Удачны главы, говорящие о роли общественных групп и партий в лагере деникинщины и об аграрной политике деникинского правительства. В первой из этих глав мы находим отчетливую картину классовой сущности тех многочисленных контр-революционных группировок, которые складывались вокруг Деникина (здесь, впрочем, надо отметить слишком беглые замечания об эсерах). Во второй — дается совершенно правильный анализ противоречивых интересов внутренних прослоек в рядах класса аграриев. Землевладельцы старого полуфеодального типа, по преимуществу не южных, а центральных губерний, и помещики-капиталисты, эти российские «юнкера», особенно многочисленные как раз на юге России, вели между собой довольно упорную борьбу. Политика Деникина, всегда компромиссная, и здесь пыталась найти среднюю примиряющую линию. Трудная сама по себе задача становилась неразрешаемой, так как, идя по пути компромиссов, надо было с аграрной политикой примирить общественное мнение не только помещичьих, но и более «демократических» кругов, которые добивались земельной реформы, могущей удовлетворить не только узко-помещичьи интересы. В «сферах» деникинского правительства действительно велись длинные разговоры о реформе, но они ни к чему решительно не привели. Вместо реформы появилось лишь несколько ча-

стичных приказов (например, знаменитые арендные правила), которые все же успели определить общее реальное направление аграрной политики Деникина. Его можно охарактеризовать кратко: реставрация старого помещичьего землевладения.

Особенно интересна большая глава о повстанческом движении против деникинщины. Здесь автор впервые сообщает очень ценный фактический материал, собранный им не только в центральном архиве Октябрьской революции, но главным образом в целом ряде провинциальных архивов. Дав правильный анализ причин повстанческого движения, т. Кин отдельно останавливается на повстанческом движении на Украине, на Кубани и в Черноморьи. При этом много внимания уделено работе Зафронтового Бюро ЦК КП(б)У и Северо-кавказского Краевого Комитета ЦК РКП (б).

В одном лишь с автором не приходится согласиться, что в Крыму зеленое движение получило широкие размеры только при Врангеле. Это не совсем верно. Уже в начале 1919 года в Крыму были многочисленные повстанческие выступления. Одно из них, закончившееся трагической развязкой в каменоломнях вблизи Евпатории приобрело большую известность и довольно подробно описано многими авторами. О движениях этого времени тов. Кин умалчивает, так же, как и о партизанских выступлениях в Одесском районе в начале 1919 года. Впрочем, бесспорно, что в Крыму в период Врангеля повстанческое движение было особенно широким.

К числу удачных глав отнесем и главу «экономическая политика деникинщины». Здесь с достаточной подробностью описано состояние промышленности, продовольственная политика, внутренняя торговля, финансы и налоговая система, политика блокады краевых государственных новообразований и, наконец, особенно обстоятельно — внешняя торговая политика. Очень характерно, что здесь Деникин вынужден был пойти в разрез с интересами широких кругов частного капитала и кооперации. Было введено «огосударствление» внешней торговли, на котором наживались крупнейшие группы банковского капитала. Надо заметить, что изучением экономической политики белых правительств у нас почти совершенно не занимались. На подобные темы написано всего лишь 2 — 3 журнальные статьи. В этой области работа тов. Кина кладет своего рода почин.

Остановимся еще на главах, посвященных рабочему движению и революционному подполью в эпоху деникинщины. Легальное рабочее движение и роль в нем меньшевиков обрисованы тов. Кином удачно, но революционное подполье осталось в тени. Сам автор сознает недостаточность этой части работы, что он оговаривает в предисловии, называя свою главу о подполье «очень беглым и неполным очерком».

Конечно, большим оправданием здесь может служить неполнота и неразработанность архивных материалов, но все же и имеющиеся материалы использованы автором в этой части работы недостаточно. В книге приведено много совершенно новых, впервые публикуемых и очень интересных данных, рисующих жизнь подполья в подвластных Деникину районах. Но, к сожалению, все эти материалы, как и вся глава о подполье, касаются по преимуществу второй половины 19-го и начала 20-го года. Самое же главное упущение — это недооценка автором роли Крымского (Севастополь) и Одесского пролетариата, где роль большевистского подполья была исключительно велика. Существует обширная мемуарная литература, говорящая об этом периоде, но есть также (в Архиве Октябрьской революции) кое-какой и архивный материал, еще не опубликованный и касающийся, главным образом, Крыма. Характерно, что сам Деникин придает огромное значение революционному настроению Крымского пролетариата и публикует, между прочим [1], очень интересные документы по этому поводу. Все эти вопросы настолько интересны, что могли бы явиться предметом специального исследования. Если в плане своей работы тов. Кин ставил в первую очередь изучение определенного момента контр-революции, оставляя в стороне вопросы борьбы с нею советской власти и революционного подполья, то в таком случае задачу надо было так именно и формулировать, а не ссылаться на недостаточность материалов. Надо пожелать, чтобы во втором издании (есть основания предполагать, что оно не замедлит появиться), автор восполнил этот существенных пробел.

Остановимся, наконец, на нескольких второстепенных промахах.

1) Говоря о государственном аппарате деникинщины, автор почему-то совершенно не касается пресловутого «Освага», а о контр-разведке ограничивается замечанием, как бы оторванным от пропавшего куда-то изложения этого вопроса: «Деятельность и роль контр-разведки,—говорит тов. Кин,—нуждались бы в полном освещении» (стр. 81). Вот и все, что сказано об этом учреждении.

2) Касаясь взаимоотношений с Польшей (стр. 255), тов. Кин глухо замечает, что у Деникина с Польшей не было заключено торгового договора. Это неверно. Торговый договор был заключен, и на основании его происходили торго-

[1] В томе V „Очерков русской смуты“.

вые операции и при Деникине и при его преемнике — Врангеле [1]. Не безынтересно вспомнить, что сам Деникин (в 5 томе своих «Очерков»), повествуя о взаимоотношениях с Польшей, искажает факты уже во всяком случае не по неведению и прямо говорит, что торгового соглашения с этой страной заключено не было.

3) Время правления бар. Врангеля отнесено ошибочно к 1921 году (стр. 19).

4) Не выдержан везде один и тот же стиль при обозначении дат. Это вообще больное и трудно преодолеваемое место хронологии гражданской войны. Однако можно было бы в данной работе все же строже придерживаться одного какого-либо стиля. Автор, правда, указывает (стр. 71), что события, касающиеся Добровольческой армии, им приводятся по старому стилю, но и это указание, к сожалению, кое-где нарушается и порою даже без соответствующих оговорок. Вообще же автор несколько скуп на точные даты. Книга очень бы выиграла, если бы к ней для справок была приложена краткая хронологическая таблица.

Последние мелкие замечания, конечно, не лишают книгу ее безусловно крупных достоинств.

Ал. Гуковский.

М. КУБАНИН. Махновщина. Истпарт. Отдел по изучению истории Октябрьской революции и ВКП (б.). История гражданской войны. Под ред. М. Н. Покровского. Изд-во «Прибой». Ленинград. 1927 г. Стр. 227.

Книга тов. Кубанина о крестьянском движении в степной Украине в годы гражданской войны является чрезвычайно ценным пополнением весьма немногочисленной литературы по истории крестьянского движения в период после Октября. Она написана примерно в том же плане, что и статья его, помещенная в № 7—8 журнала «На аграрном фронте» за 1925 г. Основанная на серьезном, никем до сих пор не использованном, архивном материале с широким привлечением периодической литературы времени махновского движения, книга тов. Кубанина отличается тем, что ряд недоработанных вопросов и прямо спорных положений, имевшихся в указанной статье, теперь устраняется, однако, это не означает, что в книге спорных положений не осталось. О последних я буду говорить ниже.

До сих пор по вопросу о махновщине, собственно, в нашей литературе имелись лишь несколько брошюр агитационного или полуагитационного характера, во всяком случае, не научного; большая же книга тов. Кубанина, конечно, является выгодным исключением. Автор разбивает свое исследование на 9 глав. I. «Социально-экономические предпосылки махновщины», где он прослеживает характер дифференциации крестьянства на Украине, выделяет махновский район и выводит на обширном цифровом материале социальную базу крестьянского движения. II «Период революционного повстанчества махновщины», здесь автор рассказывает о начале собирания сил и борьбе гуляй-польского крестьянства против гетманщины, австро-германской оккупации, о борьбе крестьянства во главе с Махно — председателем гуляйпольского земельного комитета против местных помещиков, доведшей до распределения между крестьянами по уравнительно-трудовой норме помещичьих инвентаря и земель вопреки политике центрального правительства. Период удивительной крестьянской хитрости, переменного успеха, смелой борьбы с вартовыми гетмана и разлагающимися оккупационными войсками рисуется нам при чтении книги, но уже и здесь мелкобуржуазная стихия дает о себе знать. При добром усердии левых эсеров и анархистов подготовляется почва антисемитизма и антисоветской пропаганды ко времени прихода на Украину Красной армии (нач. 1919 г.).

В главах III—«Аграрная политика советской власти на Украине 1919 г. и махновщина», IV—«Григорьевщина и махновщина», V—«Антисоветский период махновщины в 1919 г.», опираясь на анализ аграрной политики сов. вл. в свой первый приход на Украину, автор ярко рисует нам то, каким образом эта аграрная политика, будучи правильной пролетарской политикой—принципиально, но преждевременной—в конкретных условиях, привела к отходу от советской власти середняка. Мероприятия по насаждению совхозов и коммун лишая крестьян возможности воспользоваться всей помещичьей землей и помещичьим инвентарем, «минуя необходимые этапы, стремились, казалось бы, кратчайшим путем повести деревню к социализму; они (эти мероприятия. *И. К.*) привели к тому, что все крестьянство оказалось против нас» делает в общем правильный вывод тов. Кубанин (стр. 56), напоминая ошибки, приведшие к тягостному разрыву между пролетариатом и крестьянством в первые годы гражданской войны на Украине.

Махновское движение с весны 1919 г.— в основе своей середняцкое — принуждено было бороться против и помещика, шедшего с Деникиным, и пролетариата в лице Красной армии. Мало того, оно боролось также и против кулака в лице григорьевщины, хотя выступление Махно против Григорьева было обусловл но помимо прямого настроения основных звеньев его вооруженных частей еще косвенным давлением командования Красной армии. В конечном счете, Махно-середняк убил Григорьева-кулака, опубликовав «надгробную» резолюцию, в которой констатируется, что

[1] В архивах, касающихся врангельского периода, на этот счет есть прямые указания. Договор был заключен 13. IX—29 г.

«политикой и намерениями его (Григорьева *И. К.*) руководили контрреволюционеры... Это доказано еврейскими погромами и в о о р у ж е н и е м к у л а к о в» (подч. мною. *И. К.* Цитирую по «Правде», № 171, 1919 г.).

Тов. Кубанин рассказывает в V главе, как крестьянство пытается установить подобие революционного самоуправления— «Вольный советский строй» по терминологии самого Нестора Махно.

Созываются два с'езда «фронтовиков, рабочих и крестьян», где анархисты изо всех сил стараются протаскивать свои принципы, служащие по существу, как это показывает автор, интересам зажиточного крестьянства и кулачества.

Самой интересной, пожалуй, главой в рецензируемой работе является VI «Вольный советский строй» на практике». Здесь автор подробно рассматривает историю шестинедельной крестьянской республики со столицей в г. Екатеринославе в тылу у Деникина в 1919 г. В этот момент анархизм, старавшийся взять махновское движение под свое идейное руководство, наиболее полно смог проявить свое лицо и вместе с тем наиболее полно обанкротиться политически. «Безвластная республика» в теории — военное самодурство и самосуд на практике; «принцип устроения свободной жизни самими рабочими...» в теории — оставление на произвол судьбы разрушающихся железных дорог и промышленности на практике; абсолютная неспособность справиться с финансовыми вопросами и все расширяющиеся махновкие грабежи — вот основные итоги «безвластной Махновии». Автору это удалось доказать достаточно ясно.

В главе VII «Аграрная политика Советской власти на Украине в 1920 г. и махновщина» тов. Кубанин, анализируя земельную и продовольственную политику Советской власти, показывает, как передача всех помещичьих, монастырских, удельных, казенных земель и помещичьего инвентаря в руки крестьянства, ликвидация хозяйственно-нерентабельных совхозов, правильная и более осторожная продовольственная политика, заинтересовавшая бедноту через Комнезамы, начали решительную политическую дифференциацию в деревне, оттянув окончательно от махновщины бедноту. Затем начинается постепенное завоевание на свою сторону или — по крайней мере — нейтрализация середняка. Уже во второй половине 1920 г. в движении первую скрипку играет кулак, а вся махновщина постепенно скатывается в болото уголовно-кулацкого бандитизма. Осень 1920 г, — наиболее критический период движения. Середняк и остатки бедноты, составляющие основу живой силы махновской армии, при наступлении Врангеля колебнули Батько несколько влево и заставили выступить против новой генеральской контр-революции, но кулак осадил Махно назад. В результате—только часть махновских отрядов оказалась на противрангелевском фронте, основные же силы Махно во главе с ним самим остались в Гуляй-Поле, готовя на всякий случай удар по Красной армии. Эти основные силы в конечном счете взяли верх и в ноябре 20 г. Махновцы открыли чрезвычайно кровавую и безобразную борьбу с Красной армией, приведшую Нестора в пределы территории румынского короля (август 1921 г.). Так бесславно закончила свой путь махновщина, начав с периода, в полном смысле слова, революционного повстанчества и окончив кулацко-бандитскими безобразиями. Существенной особенностью всякого крестьянского партизанского движения является, как известно, его локальность. Тов. Кубанину удалось доказать это и на примере махновщины как в начале книги, так и в особенности в VIII главе «Махновская армия», на цифровом анализе территориального происхождения махновских частей. В VIII главе автор вместе с тем очень хорошо описывает всю механику и устройство махновской армии, то достигающей 60-ти тысяч, в общей совокупности бойцов, то опускающейся до численности, в зависимости от обстановки, заурядной банды в 500—1000 чел.

В последней главе «Анархисты в махновщине» тов. Кубанин подводит итоги отношению и работе в махновском движении анархистов. Автор устанавливает различия в позициях отдельных анархических организаций по отношению к махновщине, вскрывает лепет их о третьей революции и показывает об'ективную роль их в крестьянском движении. Особое внимание уделяется группе «Набат» с того момента, как последняя заинтересовалась махновским движением, и вплоть до «отречения» ее от него несмотря на то, что некоторые анархисты как Волин, Аршинов задним числом оправдывают свое участие в махновщине, в которой до сих пор видят движение, «способное творить положительную программу анархизма». Довольно интересной является часть последней главы о связи анархо-махновщины с «Леонтьевским делом», где тов. Кубанин, полемизируя с М. Н. Покровским, оспаривает утверждение М. Н. о том, что руководителями Леонтьевского террористического акта были левые эсеры и пытается доказать, что руководителями этого акта на самом деле являлись анархисты, связанные с махновщиной. Однако, если доказательства т. Кубанина в отношении установления руководящей роли анархистов в махновщине можно считать вполне убедительными, то далеко нельзя сказать последнего по вопросу о непосредственной связи анархомахновщины с Леонтьевским делом, т. к. прямых документов на этот счет у нашего автора нет.

Основное достоинство рецензируемой книги составляет богатый и хорошо обработанный фактический материал по всем этапам махновского движения, данного в книге в динамическом процессе постоянного внутреннего изменения, точнее—вну-

тренней трансформации; однако отсутствие отчетливой увязки истории махновщины с общим ходом революции на Украине, с тремя приходами туда Советской власти, с общим ходом гражданской войны, а самое главное, с многообразнейшим крестьянским движением на Украине того времени, досадно снижает качества книги. Несмотря на некоторые чрезвычайно беглые попытки установить эти связи, все же движение трактуется почти изолированно. Книга о махновщине чрезвычайно много выиграла бы, если автор предпослал ей хотя бы беглое введение о крестьянском движении на Украине вообще и, выделив из него махновщину, установил бы ее отличительные особенности.

Эта недостаточная ясность в сущности махновского движения в 1918 и начале 19 г. коренится у тов. Кубанина в ошибочной трактовке помещичьего землевладения губерний юго-степи или теперешней, приблизительно, южной горно-промышленной области. Автор рецензируемой книги утверждает, что в районе «Тройки» «помещичьему хозяйству принадлежал больший процент земли, нежели в других районах...» (стр. 18). «К тому же помещик в уездах, затронутых махновщиной, был владельцем, главным образом, крупных имений» (стр. 18). Отсюда, констатируя экстенсивность земледелия юго-степи, приходит к выводу о «бурном» стремлении крестьян захватить помещичьи земли. Ошибочность данных утверждений очевидна. Из цифр, приводимых тов. Кубаниным (ст. журн. «На агр. фронте», № 7—8, 25 г.), следует, что помещичьих имений с участками до 100 десятин земли в Екатеринославской губ. (основной очаг махновщины) имеется в 7½ раз больше, чем в Полтавской, в то время, как имений от 100—1000 дес. 2616—в первой и 2232—во второй, т.-е. почти столько же. А если сравнить удельный вес крупных помещичьих латифундий по отдельным губерниям, то окажется, что в Екатеринославской площадь имений выше 1000 десятин составляет 52,7% всей помещичьей земли, тогда как в Киевской она составляет 63% всей помещичьей земли, а в Подольской 56,7%. Таким образом, упирать на крупность помещичьего землевладения в районе махновщины нет никаких оснований.

Отсюда вытекает, что придавать такое значение земельному вопросу в районе махновщины, как это делает тов. Кубанин, не следует. Последнее обстоятельство подтверждается и тем, что после раздела земель уже Советской властью — земель, неиспользованных крестьянством, осталось больше всего в юго-степи, в частности, в Екатеринославской губ. Тов. Кубанин совершенно справедливо указывает на гораздо большую заинтересованность в земле юго-западного помещика, на малоземелье крестьянства юго-запада, на распродажу земель юго-степным помещикам и на отход бедноты юго-степи в расположенную здесь же горную и металло-обрабатывающую промышленность, но не делает почему-то отсюда логического вывода об относительно меньшей остроте земельного вопроса в южной горно-промышленной области (как она называется теперь). Здесь на фоне довольно быстрой дифференциации крестьянства, кулак укрупнял свои участки, во-первых, за счет скупаемых им помещичьих земель и, во-вторых, за счет земель пауперизованной и уходящей в город бедноты. Оригинальность положения юго-степного кулака и заключается в том, что он становился помещиком. Малоземельный помещик (до 100 дес.) и многоземельный кулак экстенсивной зерновой полосы были, подчас, трудно отличаемы друг от друга по земле. Точно такое же положение мы имеем и по обеспеченности больших кулацких и мелко-помещичьих хозяйств с.-х. инвентарем. Вот поэтому-то и случилось то, что бедняк и середняк губернии «Тройки», поддерживаемый горняками Донбасса, в 1918 г. ударили не только по помещику—Скоропадскому, но одновременно и по кулаку—Петлюре, а несколько позднее и по Григорьеву. Это последнее обстоятельство необходимо было выяснить тов. Кубанину для большей яркости характеристики махновщины первого периода. Напомню, земельный вопрос обострился в основном тогда, когда значительная часть рабочих, благодаря начавшемуся в период первых же месяцев гражданской войны на Украине разложению промышленности, возвратилась в деревню и взялась за обработку земли.

Спорным также является утверждение о том, что «не было руководства армией (махновской. *И. К.*) и со стороны анархистов» (стр. 226). Революционный военный совет махновской армии играл уж не такую малую роль, как это кажется тов. Кубанину на основании показаний бывшего одно время предреввоенсовета Волина, умалявшего значимость возглавляемой им к.-р. организации в ГПУ по вполне понятным причинам. Наоборот, именно анархисты способствовали борьбе махновцев против Советской власти в то время, когда массовая крестьянская база правильной политикой Советской власти у них была уже выбита. Да ведь и сам Махно «нехудой» анархист с 1906 г. Правда, значительная часть набатовцев отреклась от махновщины, зато другая часть, как Аршинов, историк махновского движения, или тот же Волин, еще в 1923 г. подводила сочувственные итоги движению. Мало того, Махно выехал на Украину в 1918 г. после изрядной зарядки со стороны Борового и Аршинова, как об этом свидетельствует он сам в своих записках («Анарх. Вестн.», Берлин, 1923 г.) То, что анархисты об'ективно оказались орудием кулаков после разгрома Врангеля в конце 20 г.—совершенно правильно.

Несколько слов о мелочах. Первое. В интересах фактической полноты можно было бы привести и вторую версию убийства Григорьева Каретником и самим Махно на

об'единенном митинге, которую рассказывает в своей книге Аршинов, хотя попутно следует отметить, что эта книга является грубой фальсификацией истории махновщины, которую автор написал со специальной целью—обелить все движение.

Не повредила бы тов. Кубанину гораздо большая четкость в периодизации махновщины при самом изложении событий.

В общем же считаю нужным повторить, что, при всех отмеченных недостатках, рецензируемая книга является весьма ценной и интересной.

Очень не мешало бы по вопросу о махновщине издать дешевую популярную брошюру для крестьянского читателя.

И. Кизрин.

К. ХАРНСКИЙ.—Китай с древнейших времен до наших дней. Изд. «Книжное Дело», Хабаровск—Владивосток. 1927 г. Стр. 440.

Написать историю Китая с древнейших времен до наших дней занятие, безусловно, обязывающее. Считаем поэтому, что отмахнуться от целого ряда вопросов одним указанием на незнание или неимение материала, как это делает автор (стр. IX), ко-конечно, нельзя.

Весь труд представляет собой компиляцию, главным образом, четырех новейших солидных работ: 1) Li Ung—Bing. The Outlines of Chinese History; 2) Ping Hua—li. The Economic History of China; 3) Chavannes. Les memoires historiques de Se—Ma—Ts'ien и отчасти работы недавно скончавшегося Н. А. Рожкова «Русская история в сравнительном историческом освещении». Историю Китая автор исследует также «в сравнительном историческом освещении», для чего он и пользуется синхронистическими сопоставлениями, приведенными в «Истории» Рожкова. Мы в полной мере соглашаемся поэтому с заявлением самого автора, что «эта книга не содержит никаких фактов, о которых до сих пор не было бы известно читавшим исторические труды о Китае на европейских языках» и, добавим мы со своей стороны,—во многом и на русском языке.

Достоинство книги, однако, в том, что в ней дана систематизация фактов китайской истории (правда, не всех) не в шаблонном, а в критическом освещении, приводящем к установлению того правильного положения, что «принципиальной разницы между ходом исторического процесса в «белой» Европе и «желтом» Китае не было»...

Автор отказался от традиционного деления истории Китая по династиям, об'единив древнейший период, вплоть до III в. н. э., под названием античного периода китайской истории. По мысли автора, четырехтысячелетнюю историю Китая нельзя рассматривать, как сонный непрерывный процесс; что между античным и новым Китаем такая же разница, как между древней Элладой и современной Грецией древним Римом и Италией Муссолини. «История древнего Китая, пишет автор, и история нового Китая—два обособленных процесса, связанных между собой лишь некоторой преемственностью идеологии». Были ли обе истории связаны только одной идеологией или еще кое-чем и так ли велик разрыв между ними? Это вопрос спорный, требующий, прежде всего, большего фактического обоснования, большей и углубленной проработки, чем в действительности сделано это на страницах разбираемой книги.

К сожалению, автор везде слишком схематичен, а местами даже досадно краток, что мешает подвести под высказанную им мысль крепкий, основательный фундамент.

Правильно, конечно, что автор считает нужным выдвинуть на первый план экономические взаимоотношения, существовавшие в тот или иной период, но это не мешает ему уклоняться большей частью в сторону описания внешне-политических событий. Автор скользит, например, по центральной проблеме китайской истории — аграрному вопросу, детальное и несхематичное изучение которого поставит на свое место то, что осталось до сих пор неясным и противоречивым. Несколько подробнее останавливается автор на эпохе, названной им новым средневековьем и второй империей, со включением сюда господства Танской и Сунской династий вплоть до завоевания Китая монголами, Период господства монгольской династии, наивысшей точки развития в Китае торгового капитализма, освещен у автора слишком слабо.

Выделяя условно эпоху монгольской и минско-национальной династий в период «на историческом перевале», автор переходит затем ко времени завоевания Китая в XVII ст. манчжурами, династия которых была свергнута революцией 1911 г. Автор более чем краток при об'яснении причин, задержавших переход китайского хозяйства к стадии промышленного капитализма.

На тайпинском восстании автор останавливается, как на переломном моменте, способствовавшем порабощению Китая иностранными державами. Ничего нового, как и о самом новейшем периоде китайской истории, автор не сообщает. В главе о русско-китайских взаимоотношениях неясно, о какой китайской миссии говорит автор, которая будто бы в 1670 г. «уже отправилась в Москву». Как известно, первое китайское посольство в Россию имело место в начале XVIII ст. Затем, впервые достигли русские Тихого океана не в 1644 г., как сообщается в книге, а в 1639 г. Также неверно, что с 1680 г. (1689 ?) русско-китайская граница была «определена и точно установлена». Это

было сделано значительно позже, именно, во второй половине XIX ст.

Чем об'яснить, что в тексте автор пользуется для китайских имен одной транскрипцией, а на рисунках другой (например, Ли Хунчжан и Ли Хун-чжан)? Заметим, кстати, что более правильной и принятой в настоящее время является вторая.

Претендовать на настоящую историю Китая книге Харнского, конечно, не приходится; она может быть полезна лишь для общего, конспективного знакомства с до сих пор мало или односторонне исследованной историей страны.

Характерен для автора стиль легкой фельетонной публицистики.

В начале книги помещен подробный алфавитный указатель и обзор литературы, в котором следовало бы дать не только название книги, но и год, и место издания, количество стр. и т. д.

Издана книга хорошо, хотя цена ее несколько высока.

Г. Рейхберг.

ДЗЮБИНСКИЙ С., ЖАВОРОНКОВ Б. и СИНГАЛЕВИЧ С. — Очерки методики обществоведения в школе II ступени. Татиздат при ЦИК'е ТССР. Казань. 1927 г. Стр. 146.

«Очерки» представляют собой сборник статей трех авторов, фамилии которых указаны выше. Связь между статьями формальная и носит случайный характер. Заманчивое название книжки может вызвать ложное представление. На самом деле здесь нет никакой методики.

Авторы полагают, что «после многолетних исканий и споров, дано (кем?— *А. И.*) определенное разрешение ряда важнейших принципиальных вопросов методики обществоведения». Такое догматическое утверждение, казалось, должно было обязать авторов, сделать излишним их выступление. К чему словоизливаться, раз все уже «дано»?

По «скромному» заявлению авторов «в настоящем сборнике соединены работы лишь методистов так называемой (вот именно!—*А. И.*) московской школы. Авторы любезно сообщают, что методисты этой так называемой школы расходятся во взглядах с ленинградскими методистами. Оказывается существуют два уклона среди методистов. Ленинградцы— выразители того уклона, «который можно было условно (!) назвать интеллектуально - образовательным (фокус предоставляется разгадать читателю), московские методисты являлись сторонниками уклона практически-воспитательного, трудового. По авторитетному утверждению авторов, это чрезвычайное обстоятельство тормозило «дело создания устойчивых програм и учебных пособий».

Правда, так называемая московская школа нашла приют в гостеприимной Татарии.

Неблагодарная Москва отказалась признать «отстоявшиеся взгляды».

Татаро-московский сборник никакой ценности не представляет.

Начать с того, что большинство высказываний является перепевом ранее имевших место.

Автор статьи «Содержание обществоведческой работы в школе» продолжает утверждать, что школьное изучение должно происходить на «об'ектах». Примерно берется обществоведческий «об'ект» и изучается «с самых разнообразных точек зрения». По мнению автора только при этом условии не будет изолированности и разброда в работе отдельных специалистов. При изучении обществоведческого «об'екта» другие школьные дисциплины (химия, физика, математика, языки и пр.) должны увязывать свой материал с обществоведческим. К сожалению, автор ограничивается голословным высказыванием, не дает хотя бы одного примера такого необычайного увязывания материала. Также не иллюстрируется мысль о необходимости изгнания из нашей школы разных «учебных предметов», как оторванных от жизненной практики. Какая практика здесь имеется в виду и какие предметы, изучаемые в советской школе, должны быть выброшены, статья не указывает.

Автор решительный противник «старой системы науки» (неизвестно, о какой системе науки идет речь). Одно несомненно, что такая категоричность без достаточной обоснованности не вызывает серьезного к себе отношения. Внедрение в учительские массы такого бездоказательного высокомерного отношения к хотя и «старой системе науки»—ничем не оправдываемое бахвальство, граничащее с самодовольным невежеством. Зато автор ретивый сторонник «системы человеческого знания, которая «будет определяться и формулироваться самой жизнью». Опять не ясно, о какой системе идет речь. Разве мы не имеем марксистской науки?

Несмотря на категоричность утверждения (и нами отмеченного), что уже «дано» определенное разрешение вопросов методики обществоведения, один из участников сборника полагает, что ничего этого нет, что «только еще намечаются структурно-программные вехи новой, не «предметной» группировки учебного материала».

С такими выводами не соглашается другой участник сборника. По его представлению программа по обществоведению стабилизируется. Это, по сильному выражению автора, не может не вызвать облегченного вздоха.

К старым высказываниям относится упрямо враждебное отношение к истории, правда, чуть-чуть смягченное. Исторический материал авторы «органически

связывают»: «будучи единой по существу, обществоведческая программа (не забудем, что речь идет о школе второй ступени *А. И.*) должна органически связывать элементы истории, политической экономии, экономической географии юриспруденции (!) и др.». Автор не демонстрирует на примерах такое любопытное органическое связывание, зато рассказывает немного с опаской о крамольных слухах, бродивших в начале 1927 г. среди обществоведов. «Поговаривали довольно громко и даже пописывали о том, что нужен отдельный исторический курс, а стало быть, отдельная программа по истории. На периферии носились даже (!) слухи из «самых достоверных источников», что обществоведения, как такового, больше нет, что будут взамен его две программы—одна по истории, другая по современности» (стр. 32).

Тот же осведомитель в той же статье глубокомысленно заключает, что для выработки мировоззрения требуется уменье исторически освещать явления современности и корни современности отыскивать в истории.

Спрашивается, каким чудом можно отыскать подобные корни в истории, когда исторические знания сводятся к «картинкам». Не будет ли эта попытка равнозначаща пустой и бесцельной болтовне? Тот же автор не перестает повторять: «исторический материал подчинен современности, дается отнюдь не в сложных сочетаниях исторических фактов, дат, имен, а в картинах, в красочных описаниях, характерных документах, зачастую в сопоставлении с картиной современности» (стр. 33).

Историческое изучение в школе находит достаточно сильное обоснование в последних программных вариантах. Эти варианты—не догмы. Было время, когда одно упоминание «история» почиталось актом сугубой методической отсталости. Ныне история входит равноправным гражданином в школу, вопреки снисходительному решению Сингалевича («историческому материалу мы отводим подчиненное, а не самостоятельное место», стр. 14). Программа ГУС'а для деревенской семилетки (школа крестьянской молодежи) построена по двум разделам: современность и история. Составленные под общим руководством подсекции подростков научно-политической секции ГУС'а рабочие книги по обществоведению, ныне вошедшие в школу, отводят историческому материалу самостоятельное значение.

В сборнике есть и курьез—это статья Жаворонкова.

Автор пустился в туманность: он напрягает все усилия продемонстрировать свою «ученость», представляемую им как нечто непонятное и невразумительное.

Две детали:

1) «Общественное бытие б о л е е ч е м ч т о - л и б о д р у г о е (курсив мой. — *А. И.*) определяет сознание».

2) «В этом возрасте закладываются основы м и р о о т н о ш е н и я».

И все в этом духе.

Жалкое и убогое впечатление оставляет сборник. Ничего кроме сумбура он внести не сможет. Единственное утешение, что сборник не найдет читателя.

А. Иоаннисиани.

ХРОНИКА

В обществе историков-марксистов.

В настоящее время в обществе насчитывается 205 чел. (из них 106 действительных членов и 99 членов-корреспондентов). Работают секции: Истории России и ВКП(б), Истории Запада, Востока, Социологическая и Методическая. По постановлению Совета Общества предполагается еще организация секции по истории ВКП(б).

Работу общества, учитывая опыт прошлого года, предположено развернуть в части постановки докладов, подготовки научных и популярных работ и усилении консультации историков-марксистов, живущих в провинции. Особое внимание в дальнейшем должно быть уделено установлению более тесной связи с научными историческими учреждениями. Общество расширяет базу своего идейного влияния и руководства научно-исследовательской работы, не ведя таковой внутри общества, ограничиваясь созданием комиссий по изучению отдельных вопросов истории, и то при условии отсутствия аналогичных учреждений в других научных Обществах и институтах. Так в настоящее время выделена комиссия по изучению революционных войн и вооруженных восстаний, и предполагается выделение комиссии по изучению империалистической войны 1914—1917 гг.

1. Доклады в Обществе.

Доклады членов Общества намечены двоякого рода: публичные и секционные. На открытых, публичных собраниях предполагаются заслушивать доклады, представляющие интерес для всех членов Общества. В секциях же заслушиваются доклады, представляющие интерес для специалистов-историков. В настоящее время поданы заявки на доклады, большинство которых Совет Общества намерен заслушать как на открытых, так и на секционных заседаниях.

Публичные доклады. П. Горин: Октябрь в понимании мелко-буржуазного интеллигента. А. Попов: О внешней политике царизма. Ю. Стеклов: Чернышевский и его политические взгляды. Б. Горев: Толстой и народничество. Ц. Фридлянд: Термидорианская реакция.

Секционные доклады: а) Секция Истории России и ВКП(б). И. Минц: О периодизации гражданской войны. Нечкина: Изучение хозяйственного развития России. Нечкина: Принципы построения семинара по истории хозяйства России. Нечкина: Творческая история «Русской Правды». Пестеля. Е. Кривошеина: Проблема власти в 1917 г. В. Лебедев: О булавинском восстании. С. Урсынович: Новокрещенская контора. А. Маврогин: Крестьянский союз в 1915 г. Г. Кокиев: Колонизация Черноморья, Кубани и Сев. Кавказа. Б. Козьмин: Русское якобинство в 60 г.г. Н. Анатольев: О группе «Рабочего знамени». Равич-Черкасский: Зарождение и первые этапы марксизма на Украине. М. Кроц: СПБ с.-д. организации конца 90 г.г. О. Меерсон: Национально-революционное движение на окраинах России в 1906 г. Щепкина: Аграрные программы в революции 1905—1917 г.

б) Секция по истории Запада. В. Семенов: Движение левеллеров в английской революции (XVII в.). А. Бернштейн: Развитие немецких с.-д. программ от эйзенахской до эрфуртской. Фрейберг: Новейшая литература о Французской революции. С. Залкинд: Отражение революции 1905 г. на рабочем движении Западной Европы. Быков: Луддиты. С. Залкинд: Парижская Коммуна по донесениям русского посла в Париже. С. Моносов: Гильдейский социализм. Р. Авербух: Революция 1848 г. в Австрии. А. Васютинский: Забастовка матросов английского флота во время Французской революции.

в) Секция по истории Востока. И. Кусикьян: Коммунизм в средневековой Армении. В Гурко-Кряжин: Феодализм на Ближнем Востоке. Г. Кокиев: Роль Ивана Ялгунзе в крестьянских движениях Юго-Осетии в начале XIX в. Г. Рейхберг: Первые японцы в России.

г) Социологическая секция. А. Ефимов: Концепция производительных сил и производственных отношений у Маркса. В. Никольский: Обзор иностранных работ по первобытной культуре последнего пятилетия (1922 -

1927 г. г.) В. Антекарь: Этнология и марксизм.

д) Методическая секция. И. Лившиц: Место истории в программе обществоведения 2 концен. школы II ступени. Слуцкий: Учебники. Слуцкий: Метод документации в преподавании истории. Васютинский: Преподавание истории на Западе. Б. Брук: О преподавании истории в военной школе. Л. Мамет: Методическая литература по истории. С. Кривцов: Задача дипломных работ по истории. Валк: Источниковедение в системе преподавания истории.

II. Научно-литературная работа

В текущем году предположено дальнейшее издание журнала «Историк-Марксист», в котором должна находить отражение научная работа Общества. Кроме того, Общество подготовляет к печати «Сборник по методике преподавания истории», часть II; «Книгу для чтения по истории России» в 5 томах и «Книгу для чтения по истории Запада» в 4 томах. В плане текущего года на издание научных работ будет обращено большое внимание. Кроме отдельных научных монографий членов Общества и перевода наиболее ценных заграничных трудов, особое внимание будет уделено изданию научно-популярных брошюр по истории России, Запада, Востока и социологической секций. Так, по истории Запада подготовляется к изданию серия брошюр «История современного Запада», в которых будут даны краткие очерки послевоенных европейских государств. В виде отдельных брошюр будут изданы «Версаль и Лига Наций», «Германия», «Франция», «Италия», «Америка», «Англия», «Фашизм» и «Современная Социал-Демократия». Потребность в такого рода брошюрах огромная, можно надеяться, что Общество, сплотившее вокруг себя почти всех историков-марксистов, изучающих Запад, справится с этой весьма важной задачей. Кроме того, секция Запада в текущем году выпускает работы Лурье «Между I и II Интернационалом» и Ц. Фридлянда и С. Моносова «Рабочее восстание в июньские дни 1848 г.».

III. Связь с провинцией

Уже в прошлом году в Обществе поступали многочисленные заявления историков, работающих в провинции. Установлению связи с провинцией будет уделено большое внимание. Эта связь организационно будет закреплена путем создания филиальных отделений Общества. Предполагается открытие отделения в Тифлисе. О-во предполагает дать возможность иногородним членам зачитывать свои доклады в Обществе, в Москве и установить консультации иногородних членов. С этой целью Общество на запросы отдельных товарищей посылало и будет в дальнейшем посылать указания о вышедшей литературе и давать в форме товарищеских писем советы в работе. Остро стоит вопрос о праве иногородними членами временного пользования книгами из Библиотеки Ком. Академии. В настоящее время ведутся переговоры с библиотекой о техническом проведении в жизнь этого предложения.

IV. Связь с заграницей

Летние поездки членов Общества за границу позволили установить связи с иностранными историками-марксистами. Уже в настоящее время Общество получает статьи для «Историка-Марксиста» из Германии и Франции. Ряд иностранных историков изъявил согласие состоять членами Общества и сотрудниками «Историка-Марксиста». Работе по установлению связи с западными историками в дальнейшем будет уделено большое внимание. Это даст возможность, кроме получения Обществом заграничных работ, издавать за границей переводы и наиболее ценные работы членов нашего общества.

Институт истории Р. А. Н. И. О. Н.

За истекшую часть 1927-28 ак. года (октябрь — декабрь) в институте истории состоялось 24 заседания с научными докладами.

В секции древней истории были заслушаны доклады: 1) А. В. Уэльса «Олигархическая партия в Афинах в эпоху Пелопоннесской войны (15 октября), 2) Д. М. Кончаловского «Сравнительная доходность сельско-хозяйственных культур в Италии во II в. до Р. Х.» (25 ноября) и 3) А. В. Преображенской «Раннее римское городское законодательство» (12 декабря).

А. В. Уэльс посвятил свой доклад сравнительному анализу источников, повествующих об афинском государственном перевороте 411 года: VIII книги Фикидида и «Афинской Политики» Аристотеля. Докладчик сделал попытку выяснить вопрос о документах, лежащих в основе рассказа Аристотеля.

Д. П. Кончаловский дал комментарий к известному месту из 1 книги трактата Катона „De agri cultura“, где указывается сравнительная доходность различных сельско-хозяйственных культур. Оспаривая распространенное мнение, что конкуренция дешевого заморского хлеба делала невыгодным хлебопашество, которое вытеснялось иными культурами, а также скотоводством, докладчик указывал, что на основании данных Катона нельзя судить о хозяйстве всей Италии. Данные других писателей

говорят о том, что до конца республиканского режима Италия питалась своим хлебом, а хлебные злаки составляли ее славу. Есть основания утверждать, что и в городе Риме продавался италийский хлеб. Условия транспорта не позволяли заморскому хлебу проникать внутрь страны; наконец, самая торговля этим хлебом в Риме носила, по преимуществу, характер казенных поставок. Нет возможности также говорить и о пагубном влиянии скотоводства, которое и в Италии и в Сицилии мирно уживалось с земледелием.

А. В. Преображенская подвергла анализу источник, известный в историографии под названием «Lex Julia municipalis» и считавшийся прежде общим муниципальным законом. Памятник, относящийся, по всей вероятности, к 46—44 годам до Р. Х., состоит из нескольких частей, органически между собою не связанных. На основании дошедшего до нас текста нет возможности точно установить причины соединения этих частей, а также и того, почему надпись, содержащая их, находилась в небольшом итальянском городе Гераклее. В докладе не отрицалась возможность влияния на некоторые части памятника эллинистического городского законодательства, но указывалось, что нет оснований говорить о непосредственной связи L. J. m. с Пергамской надписью, как это делают некоторые исследователи.

В секции средневековой истории были заслушаны доклады: 1) С. А. Токарева «Торговля южно-английского манора в XIII—XIV в.в.» (14 октября), 2) Л. В. Черепнина «К вопросу о составе и происхождения Capitulare de villis" (21 октября), 3) И. С. Звавича «Южно-английский манор XIII—XV столетий», и 4) Д. М. Петрушевского «П. Г. Виноградов, как социальный историк» (4 ноября).

С. А. Токарев проследил (на основании материала приказчичьих отчетов различных групп южно-английских маноров) рост денежно-хозяйственных тенденций в средневековой английской деревне XIII—XIV в.в. Наблюдения над ростом этих тенденций привели докладчика к тому выводу, что южную Англию указанной эпохи можно разбить на два крупных экономических района: район восточных и южных графств, где господствовало денежное хозяйство, и район центральный, где преобладало натуральное хозяйство.

Доклад Л. В. Черепнина связан с появлением новой гипотезы о локализации, датировке и характере Capitulare de villis, предложенной Допшем и вызвавшей оживленную полемику. Докладчик произвел грубокий и тщательный формальный анализ памятника и пришел к выводу, что он состоит из трех источников, возникших в разных областях Франции и в разное время. Гипотеза Л. В. Черепнина проливает свет на самое содержание этого памятника, имеющего весьма важное значение, и дает интересную попытку разрешения спора о его локализации и датировке.

Доклад И. С. Звавича основан на изучении архивных материалов, касающихся манора Апплдрам, расположенного в графстве Сэссэкс, в юго-восточной Англии. Этот манор представляет собой очень удобный об'ект для изучения, ибо о его хозяйстве можно судить по приказчичьим отчетам, ренталиям, кустумалиям и судебным протоколам, сохранившимся за целый ряд десятилетий XIII—XV века. Разнообразие и богатство источников позволяет использовать хозяйственную историю Апплдрама, как материал для постановки общих вопросов о роли денежного хозяйства и наемного труда в английском поместье XIII — XV в.в. и о месте XV века в общей эволюции аграрного строя Англии. Докладчик наметил наличие далеко зашедшего расслоения в среде крестьянского населения Апплдрама и констатировал процесс образования «крепкого» крестьянства. Доклад вызвал оживленный обмен мнений и был квалифицирован, как ценный вклад в научную литературу вопроса.

Д. М. Петрушевский поставил целью своего доклада дать характеристику П. Г. Виноградова, как исследователя социальных отношений, в связи с основными течениями историографии того времени, когда П. Г. Виноградов впервые выступил как ученый. Подчеркнув, что научная работа П. Г. Виноградова сосредоточивалась преимущественно на изучении феодализма в разных его вариациях, докладчик отметил, что в этом отношении П. Г. Виноградов может быть назван историком-социологом (в смысле «эмпирической социологии»), хотя его опыты в области теоретической социологии и не представляют ценности.

В секции Новой Истории Запада были заслушаны следующие доклады: 1) В. К. Добрера «Бакунисты накануне вхождения в Интернационал» (22 октября), 2) В. А. Васютинского. «Рабочее движение и правящие классы в Англии в начале XIX в.» (10 ноября) и 3) И. П. Завитневича «Социальная дифференциация бретонской деревни по наказам Ренского Сенешальства» (24 ноября).

В. К. Добрер, указав на необходимость изучения Альянса, остановился на организации его в Италии. Этому периоду деятельности Бакунина докладчик придает важное значение, т. к. время вступления Бакунина в Интернационал может быть определено лишь после изучения его деятельности в Италии. Докладчик остановился далее на деятельности

Бакунина в Швейцарии (участие его в «Лиге Мира», крушение тайного Альянса и образование им Альянса открытого). Выводы докладчика: 1) Тайный Альянс существовал, несмотря на отрицание его исследователями-анархистами, 2) при его помощи Бакунин рассчитывал усилить анархо-синдикалистские течения в Интернационале.

В. А. Васютинский остановился в своем докладе на характеристике ранних форм рабочих коалиций в Англии и борьбы с ними правительства. В этой борьбе особенно значительную роль играли рабочие, занятые в домашней системе крупной капиталистической промышленности. Обострение этой борьбы в связи с двадцатилетней войной, враждебным законодательством и кризисом вылилось в особые формы (особенно в Йоркшире и средних графствах), выражавшиеся в поломке машин. Окончательную форму это движение находит в т. наз. луддизме.

Доклад П. П. Завитневича является частью работы, посвященной изучению движения шуанов в эпоху В. Французской Революции. В качестве предварительной стадии этого изучения докладчик тщательно исследует экономические и особенно аграрные отношения в Бретани по наказам и документам, относящимся к продаже национальных имуществ. Это позволяет ему сделать вывод, что Бретань ни в коем случае не может считаться отсталой в экономическом отношении областью сравнительно с остальной Францией. Товарное хозяйство и социальная дифференциация в деревне достигли к концу Старого порядка значительной степени развития. Необходим, поэтому, пересмотр вопроса о причинах шуанерии.

В секции русской истории были заслушаны следующие доклады: 1) М. К. Любавского — о составленных им историко - географических картах и о дальнейших задачах в области русской исторической картографии (10 октября) 2) А. И. Гайсиновича — «Хозяйство вотчины Самариных в конце XVIII и начале XIX в.в.» (31 октября), 3) М. К. Рожковой «Из истории социальных отношений в Пскове» (14 ноября), 4) В. И. Шункова «Крестьяне Тобольского уезда в начале XVIII в.» (28 ноября) и 5) А. А. Сабурова «Из истории горнозаводского Урала в начале XVIII в.» (12 декабря).

М. К. Любавский в своем докладе подвел итоги проделанной им работы по составлению карт Руси ко времени нашествия татар и ко времени окончательного образования основной великорусской государственной территории и наметил минимальный состав научного историко-географического атласа, отсутствие которого представляет крупный пробел, затрудняющий научные занятия по русской истории. Значительная часть еще не изготовленных карт будущего атласа требует только картографической обработки уже имеющегося материала; большая научно-исследовательская работа потребуется только для карт XVII в.

А. И. Гайсинович дал очерк хозяйства Самариных в конце XVIII в. и начале XIX в. Вотчина Самариных представляет любопытный образец передовой хозяйственной организации того времени, включавшей, помимо земледелия, несколько промышленных предприятий, скотный и винокуренный заводы и суконную фабрику. Владельцы охотно пользовались сельскохозяйственными машинами и не останавливались перед крупными затратами. Пережитые вотчиной в начале XIX в. два кризиса, вызванные крупными затратами и низкими хлебными ценами, не подорвали благополучия вотчины; доходы ее непрерывно росли; продукты хозяйства находили сбыт не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Ко времени реформы 1861 г. вотчина была вполне здоровым хозяйственным организмом.

М. К. Рожкова представила опыт изучения социальных отношений и борьбы партий во Пскове на основании летописей, договоров и писцовых книг. Основной вывод доклада: в начале истории вольных городов бояре противостояли купцами и смердам; в конце XV в., вследствие перемен в положении смердов на землях бояр и житьих людей и образовавшихся между ними связей на этой почве, обнаруживается другая группировка: бояре, житьи люди и смерды — с одной стороны, «молодшие» люди — с другой.

В. И. Шунков в своем докладе, написанном на основании архивных источников, исследует образование территории уездов Тобольского «Разряда» (Тобольского, Верхотурского, Пелымского, Тюменьского, Туринского и Тарского), русскую колонизацию Тобольского уезда и положение сельского населения в нем. Доклад с наибольшей подробностью изображает организацию государевой десятинной пашни, обрабатывавшейся крестьянами, хлеб с которой в начале XVIII в., главным образом, и питал «бесхлебные» города Тобольского разряда. Доклад сопровождался демонстрацией историко-географической карты.

Доклад А. А. Сабурова был посвящен характеристике уральских заводов Никиты Демидова и выяснению отношений владельца заводов к правительственной власти. Докладчик пришел к выводу, что уральских горнозаводчиков нужно рассматривать не как частных предпринимателей, а как правительственных агентов по насаждению и развитию промышленности.

Секция Новой Русской истории, реорганизованная в текущем году из подсекции, занимается историей России XIX-XX в.в. (преимущественно экономической и социальной историей, историей революционного движения и историей партии). В секции были заслушаны доклады: 1) П. И. Анатольева: «Марксисты-милитаристы 80-х г.г. (18-го ноября), 2) В. И. Невского — «С.-д. кружки конца 90-х и начала 900-х г.г.» (9 декабря) и 3) В. З. Зельцера: «Прохоровы и Прохоровка в 30-х и 40-х г.г. XIX в.» (16 декабря).

Доклад П. И. Анатольева, основанный на изучении большого архивного материала, впервые разработанного докладчиком, и на переписке с бывшими участниками московского кружка «милитаристов», посвящен одному из революционных кружков 80-х г.г., являвшихся переходными от народничества к марксизму; этот кружок создал студенческую и военную организации, организовал общество переводчиков, вел пропаганду в рабочей среде; для пропаганды марксизма в России он сделал больше, чем группа «Освобождение Труда».

В. И. Невский в своем докладе проследил детально историю двенадцати соц.-дем. кружков в Петербурге за 1897—1902 г.г., — в том числе кружков экономистских (группы «Борьбы с капиталом», «Рабочей Мысли» и др.), групп «Рабочего Знамени» (их было 5), политических кружков с уклоном к с.-р. идеологии и «Союза Борьбы». Весь этот период — период разброда, организационной и идейной «кустарщины», по выражению Ленина, — характеризуется в то же время стремлением различных групп к об'единению даже экономистских кружков с политическими.

В докладе В. З. Зельцера дана яркая характеристика быта Прохоровской фабрики, ее владельцев и рабочих в переломный момент перехода от мануфактуры к машинному производству и на примере семьи Прохоровых показано зарождение идеологии промышленного капитала в кругах русского купечества.

В секции этнологии были заслушаны доклады: 1) М. Т. Маркелова «Системы родства у угрофинских народностей» (19 октября), 2) В. К. Никольского «Кунов, как этноэкономист» (16 ноября), 3) его же «Новейшие направления в этнологии» (29 ноября) и 4) А. Н. Максимова «Брак за отработку» (7 декабря).

М. Т. Маркелов собрал и классифицировал материал по терминологии родства ряда угро-финских народностей. Наблюдения над этим материалом приводят его к выводу, что попытки заключать на основании изучения родства этих народностей о первобытно-родовых и первобытно-коммунистических формах семьи и брака — несостоятельны, и что системы родства угро-финских народов отражают прежде всего отношения, существующие в современной патриархальной семье; некоторые же кажущиеся архаичными элементы нужно относить за счет историко-культурных взаимоотношений угро-финнов и других народностей, в частности народностей тюркских.

В. К. Никольский дал разбор I-го тома «Всеобщей истории хозяйства» Г. Кунова, посвященного хозяйству первобытных и полукультурных народов. Кунов не ставит своей задачей изобразить «хозяйственные формы» всех стран и народов. Отвергая однолинейную, единообразную эволюцию человеческого хозяйства, Кунов видит в нем «причинно обусловленный последовательный процесс», «становление» (Werden). Чтобы показать основное направление этого процесса, Кунов берет «типические примеры» «из хозяйственной жизни народов, стоящих на различных культурных ступенях». Очень ценно, что хозяйственные институты малокультурных народов Кунов изучает в их связи с природной и социальной средой. Работа Кунова построена на первоисточниках и богато насыщена этнографическим материалом. Но, отойдя от эволюционной школы этнологии, Кунов не примкнул к исторической. К числу недостатков его работы принадлежит игнорирование им новейшей литературы. Почти вовсе не привлекаются им и археологические данные. Есть фактические погрешности, есть и спорные положения. Тем не менее труд Кунова представляется лучшей из работ, охватывающих первобытное хозяйство в целом.

Второй доклад В. К. Никольского посвящен «кризису», переживаемому этнологией в XX веке. Прежняя «эволюционная» школа в этнологии (Тейлор, Бастиан), рассматривавшая этнологию как естественнонаучную дисциплину, испытала сильный удар со стороны исторического направления, усмотревшего в этнологии одну из общественных наук. Историческое течение не оказалось единым, разбилось на ряд различных течений. Новое направление оказало большое влияние на этнологию как в Европе, так и в Америке, хотя и не завоевало бесспорного господства. Этнология усложнилась: обратили внимание на значение диффузии культуры, на проблему взаимодействия культур, проблему структуральности каждой отдельной культуры (напр. Ф. Краузе), на факторы изменчивости культуры вообще (Турнвальд). «Кризис» этнологии есть болезнь роста. Дальнейшее историзирование этнологии должно итти таким путем, что, с одной стороны, будут учитываться специфические особенности об'-

екта этнологии, а с другой, будет приниматься за образец историческая наука,— в аспекте не Риккерта, а Маркса.

А. Н. Максимов в своем докладе подвергает пересмотру существующие в литературе об'яснения института брака за отработку и приходит к выводу, что все имеющиеся об'яснения являются неудовлетворительными. Только признание того, что брак за отработку является остатком материального брака, может об'яснить все особенности этого института и разнообразие его форм в деталях.

В заседании Совета Института (11 октября) был заслушан доклад Е. В. Оловянишниковой «Землевладение и социальный состав населения на землях собора Парижской Богоматери в XIV в.». Материалом для доклада послужил хартулярий собора Парижской Богоматери. Автор остановился на взаимоотношении между епископом и светской властью и между епископом и капитулом каноников в области суда и управления в Париже, дал характеристику недвижимых имуществ епископа и капитула в городе и вне его, затронул вопрос о социальном составе населения во владениях собора и коснулся роли собора в области просвещения и его участия в общественной благотворительности.

3 ноября состоялось торжественное заседание Института в ознаменование десятилетия Октябрьской революции, с докладами о достижениях исторической науки в СССР за 10 лет. С докладами выступали: Е. А. Косминский (история Запада), А. И. Яковлев (история России), В. И. Невский (история революционного движения в России) и П. Ф. Преображенский (этнология и этнография).

В истекшем триместре работали следующие семинарии: 1) по теоретической экономии (В. Н. Позняков), 2) по историческому материализму (А. Д. Удальцов), 3) по истории поздне-римского города (Г. М. Пригоровский), 4) по социальной истории средневековья (Д. М. Петрушевский), 5) по истории международных отношений в эпоху империализма (П. Ф. Преображенский), 6) по истории рабочего движения на Западе (Д. Б. Рязанов), 7) по русской историографии (М. Н. Покровский), 8) по истории России в эпоху торгового капитала (А. Е. Пресняков), 9) по истории революционного движения в России, 10) по этнологии (П. Ф. Преображенский) и 11) по эвристике и первоначальной критике источников русской истории (С. Б. Веселовский).

В семинарии В. Н. Познякова обсуждались доклады Д. М. Банина, А. А. Кирова, А. Н. Сперанского, А. В. Уэльса и В. М. Хвостова (теория денег). В семинарии А. Д. Удальцова были прочитаны доклады С. А. Токарева «Производительные силы и их развитие», Р. А. Авербух — «Н. А. Рожков как социолог» и А. С. Нифонтова «Историко-философские взгляды Чернышевского». В семинарии М. Н. Покровского были заслушаны доклады В. Х. Стального «Славянофилы и западники» и В. М. Хвостова «Вопрос о происхождении крепостного права в русской исторической литературе», в семинарии В. И. Невского — доклад П. Г. Андреева «Раннее славянофильство», в семинарии П. Ф. Преображенского (по этнологии) — доклад В. З. Зельцера «К вопросу о методологии истории религий», в семинарии С. Б. Веселовского—доклады Д. М. Банина — «Жалованные грамоты великих князей московского», А. Н. Сперанского—«Грамоты с пожалованиями кормлениями» и М. К. Рожковой «Доходные списки кормленщиков».

Ученый секретарь Института Истории **Е. Мороховец.**

Историческая Комиссия Института Советского Строительства

Историческая комиссия принадлежит к самым молодым секциям Института Советского Строительства. Организовавшись весной 1926 г., Историческая комиссия окончательно оформилась только с осени 1926 г. По положению «Историческая Комиссия является постоянной комиссией ИСС и ставит своей целью изучение истории центрального и местного управления СССР». Предполагалось, что Историческая комиссия, ведя в основном самостоятельную работу по изучению истории советского строительства, разгрузит от «историзма» работу секций, дав им возможность уделять больше внимания более актуальным и современным вопросам. Эта задача до сих пор однако не является выполненной: значительное запоздание с организацией Исторической комиссии совпало с реализацией научных планов ИСС, в которых «историзм» занимает большое место в работах секций, (напр., работы «История Союза», «История Горсоветов» и т. п.). Этим об'ясняется, что Историческая комиссия, не отказываясь от первоначально поставленных задач, главное внимание в текущем году фиксировала преимущественно на подготовке работ, связанных с десятилетием Октябрьской революции.

Из первоначального широкого плана научно-исследовательской работы Бюро ИСС утверждены четыре основные работы: Горин—«Организация и строительство Советов Р. Д. в 1917 г.»; Пионтковский — «Советы в Октябре»; Антонов-Саратовский — «Советы Р. Д. в эпоху военного коммунизма» и Шестаков— «Крестьянские организации в 1917 г.». Эти работы утверждены комиссией

по десятилетию Октябрьской революции и включены в общий план юбилейных работ.

Согласно общепринятому типу исследовательских работ ИСС, означенные работы будут представлять собрание наиболее типичных документов по истории советского строительства периода 1917—1921 гг. с соответствующими вводными статьями в 4—5 п. л., дающих историю организации и строительства советских органов. Каждая работа предполагается размером в 25 и больше п. л. Эти работы явятся частичным выполнением общего плана работ Исторической комиссии и ставят своею целью помочь как научным работникам, так и практикам советского строительства.

Кроме собирания документов по истории советского строительства за 1917—1921 гг. и подготовки к печати 4 сборников с вводными статьями, Историческая комиссия уделяла большое внимание вопросу о руководстве юбилейными работами, выполняемыми отдельными Наркоматами к X годовщине Октября. С этой целью Историческая комиссия неоднократно созывала совещания представителей Наркоматов. В совещаниях принимали участие представители Наркоминдела, Наркомюста, НКРКИ, Наркомздрава, Истпрофа, Иссоцстраха. Цель этих совещаний — просмотр планов юбилейных литературных работ отдельных Наркоматов. Следует отметить, что Историческая комиссия оказала большое влияние на намечение литературных планов и Юбилейная комиссия ЦИК СССР возложила на нее функции подкомиссии по советскому строительству.

За последнее время большое внимание уделено также вопросу об увязке работ Исторической комиссии с истпартом ЦК ВКП(б). В этом смысле существующие при истпартах группы содействия могут дать ценный мемуарный материал по ряду вопросов советского строительства. Отказавшись от мысли создать аналогичные группы при Исторической комиссии ИСС, она решила более широко использовать Истпартовские группы. Удалось добиться согласия Истпарта, что в работах групп содействия вопросам истории советского строительства будет уделено соответствующее внимание. Активное же участие представителей Исторической комиссии во всероссийском совещания Истпартов также дало возможность добиться принятия ряда решений о необходимости как сохранения, так и изучения истории советского строительства.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В редакцию журнала «Историк-Марксист».

В № 5 журнала напечатана моя рецензия на книгу Ю. М. Стеклова о Бакунине (стр. 249—251). По причинам технического свойства (как мне об'яснили в редакции) в рецензии был сделан ряд сокращений. Выпущен, напр., большой абзац, в котором я соглашаюсь с оценкой взглядов Бакунина по национальному вопросу, данной Ю. М. Стекловым. После цитаты из статьи В. П. Полонского (стр. 250) опущено мое возражение автору статьи, благодаря чему получается впечатление, что я с ним соглашаюсь. Опущено еще несколько фраз, содержащих положительную оценку работы. Кое-где выпали отдельные слова, характеризующие книгу, как написанную «ярко и талантливо», изложенную «просто и живо», читающуюся «с неослабевающим интересом». В результате этих пропусков и сокращений характер рецензии несколько изменился. Для восстановления ее первоначального характера прошу редакцию поместить в ближайшей книжке журнала настоящее письмо.

Е. Мороховец.

1. XII. 1927.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Указатель книг по истории,

вышедших в январе—июне 1926 г. в Англии, Германии, С.-А. С. Ш., СССР и Франции

(Продолжение; см. № 5 „Ист.-Марксист“).

11. Румыния

Iorga (N) A. History of Roumania: land, people, civilisation. Trans from the 2 nd enl. ed. by Joseph McCabe 296 стр. Unwin.

12. Турция

Busbeck, O. G, Vier Briefe aus der Türkei (Legationis Turcicae Epistulae IV) Aus d. Latein. übertr., eingel, u mit Anm. vers. von W. von den Steinen. Verlag d. philosoph Akademie 22g стр.

Edib, Halidé. Memoirs of Halidé Edib. 479 il. o [c'26] N. J. Century.

Joung (George) Constantinople. With 12 illus. and map. 318 стр. Methuen.

Внешняя политика

Holborn, H. Deutschland und die Türkei 1878—1890. Berlin VII+116 стр.

13. Франция

Bainville (Jacques). History of France. Trans. by Alice Gaus and Christian Gauss 495 стр. Appleton.

Blennerhassett, Ch. Die Jungfrau von Orleans. 2 Aufl. Bielefeld. Velhagen et Klasing. V, 226 стр.

Bové, P. La cour polonaise de Lunéville (1737—1766). Nancy—Paris—Strasbourg. 352 стр.

Bourrilly, V. L. Essai sur l' histoire politique de la commune de Marseille. Des origines à la victoire de Charles d' Anjou (1264). Marseille. Libr d'histoire de la Provence VIII+526 стр.

Buchner, M. Die Clausula de unctione Pippini e. Fälschg aus d. y. 880. Eine quellenkrit. Studie, zugleich e. Beitr. zur. Geschichte d. Karolingerzeit. Paderborn, F. Schöningh. VIII+78 стр.

Buckley (Eric Rede). A Lily of Old France: Marie Leckzinska, Queen of France, and the Court of Louis XV. With ports 224 стр. Witherby.

Clar, F. Les Jacques (Episode de la Jaquerie). Fontenay—aux—Roses. 179 стр.

Doucet R. Etude sur le Francois I-er dans ses rapports avec le Parlement de Paris (1525—1527). Paris. E. Champion. 324 стр.

Edwards (William). Notes on European history. Vol. 2, The Reformation and the ascendancy of France, 1494—1715 652 стр. Rivingtons.

George (W. L.). The Triumph of Gallic. Cheap ed. 311 стр. Chapman et, Hall.

Jervis (W. H.). A History of France: from the earliest times to the end of the great European War, 1918. With maps and illus. New and rev. ed. 795 стр. Murray.

Lesne, E. Histoire de la propriété ecclésiastique en France. T. 2. La Propriété ecclesiastique et les droits régaliens à l'epoque Carolingienne Fascicule 2. Le droit du roi sur les églises et les biens d'église VIII-e, X-e siècles. Lille VIII—512 стр.

Marshall (H. E.). A History of France. With pictures in col. by A. C. Michael. 623 стр. G. H. Doran·

Monteilhet, I. Les Institutions militaires de la France (1814—1924). De l'armée permanente à la nation armée préface de M. I. Paul—Boncour. Paris. XXIV+415 стр.

Oncken, H. Napoleon III und der Rhein. Der Ursprung des Krieges von 1870/71 Stuttgart. Deutsche Verlagsanstalt. V, 121 стр.

Oncken, H. Die Rheinpolitik Kaiser Napoleon III von 1863 bis 1870 und der Ursprung des Krieges von 1870/71. Nach d. Staatsakten von Österreich, Preussen u. d. süddeutschen Mittelstaaten. Bd 1—3. Stuttgart. Deutsche Verlags—Anstalt.

Orliac, J. D. Anne de Beaujeu, roi de France. Paris, Plon—Nourrit 243 стр.

Biballier, L. Un Arrivisle sous Louis XIV Paris. A. Picard. 16 стр. Extraix de «la Revue des Etudes historiques» (n° de janvier-mars 1926)

Viénot, J. Histoire de la Réforme française des origines à l'Edit de Nantes Paris. Fischbacher. 478 стр.

Voltaire. (F. M. Arouet de) The. Age of Louis XIV. Tran by M. P. Pollack. 494 стр. (Everyman s lib). Dent.

Watson, Thomas Edrvard. The story of France, from the earliest times to the consulate of Napoleon Bonaparte, 2 v. [new ed.]. 729 стр. 1086 стр. N. Y., Dodd, Mead.

Биографии, воспоминания, письма и т. п.

А—н, Арк. Анри де Сен-Симон, его жизнь и учение. С прилож. очерка учения и деятельности сен-симонистов. М. Моск. рабочий. 240 стр.

Bouchardon, P. L'assassinat de l' Archevêque, Souvenirs inédits. Paris, A. Fayard et Cie paginé 31.—102.

Falloux. (Comte de) Mémoires é Mémoires d'un Royaliste». Préliminaires de l' Empire. La guerre d'Italie. 1870—1871. L'assemblee nationale Paris. Perrin et Cie 339 стр.

Hamilton, A. Mémoires de la vie du comte de Grammont, par A. Hamilton, publiés d'après les textes originaux Paris VI+359 стр.

Montpensier. (Mademoiselle de) Mémoires de Mademoiselle de Montpensier Paris. A. Michel, XXXI+317 стр.

Mornay (Philippe de) A. Huguenot Family in the XVI Century: the memoirs of Philippe de Mornay. Written by his wife Trans. by Lucy Crump. pp 308 (Broadway translations) Routledge.

Orleans, duc de Chartres (Louis Philippe Joseph d'). Lettres de Louis Philippe Joseph d' Orleans. duc de Chartres, à Nathaniel Parker Forth (1778—1785), publiées avec une introduction et des notes par A. Britsch. Paris. Société d'histoire diplomatique XV+ +47 стр.

Poincaré, R. Au service de la France. Neuf annes de souvenirs. 1 Le lendemain d' Agadir 1912. Paris, Plon—Nourrit et Cie. 305 стр.

Poincaré, R. Au service de la Erance. Neuf années de souvenirs. II Les Balkans en feu, 1912. Paris, Plon—Nourrit et Cie. 435 стр.

Poincaré, R. Memoirs 1912) Trans. and adapted by sir G. Arthur. Pref by the Duke of Northumberland. 383 стр. Heinemann.

Richelieu, A. Cardinal Politisches Testament. Berlin R. Hobbing. 295 стр.

Sainte—Beuve, C. A. Quelques figures de l'histoire. Portraits extraits des „Causeries du Lundi". Préface de I. Bainville. Paris. XVI+255 стр.

Vigée Le Brun (M-me). Souvenirs de M-me Vigée Le Brun. Paris, A. Michel, 319 стр.

Williams (H. Noel). Madame de Pompadour. With port. 443 стр. Harper.

Внешняя политика.

Bassard, A. Six leçons sur l'histoire de l' Afrique du Nord. A l'usage des ecoles primaires de l' Afrique du Nord et plus specialement des écoles primaires de la Tunisie. 4 éd. Paris. A. Colin. 104 стр.

Bonnet—Devilliers, R. La guerre du Riff. Ce que j'ai vu au Maroc. Préface de M. Jean Douyau. Toulouse. 142 стр.

Fröhlich, A. La France coloniale. Scènes et recits des colonies françaises. Choisis et ann. Frankfurt a. M., M. Diesterweg. IV+ +70 стр.

Delafosse, M. Histoire de l' Afrique occidentale française. Paris. Delagrave. 343 стр.

Harvey (D. C.). The French regine in Prince Edward Island Oxford Univ. Pr.

Lanfrey, P. Napoléon et la Prusse en 1806,07 (Histoire de Nanoléon 1-er) Hrsg. von A. Günther. Frankfurt a. M., M. Diesterweg. 18 стр.

Mohr, P. Frankreich und Marokko. Berlin. E. S. Mittler et Sohn. 40 стр.

Oncken, H. Napoléon III und der Rhein Der Ursprung des Krieges von 1870/71. Stuttgart. Deutsche Verlagsanstalt. V. 121 стр.

Oncken, H. Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III von 1863 bis 1870 und der. Ursprung des Krieges von 1870/71 Bd 1—3 Stuttgart. Deutsche Verlagsanstalt.

Shecan, V. Adventures among the Riffi. 375 стр. Allen et U.

Terhorst, B. With the Riff kabyles. Intro by Douglas Booth. 237 стр. Arrowsmith.

Местная история и краеведение.

Aicardi, J. Le Chateau d'If son histoire. Son donjon. Ses prisonniers. Marseille. 48 стр.

Boissonnade, P. Histoire du Poitou. Paris, Boivin et C-ie VIII+318 стр.

Boitel abbé. Le château de Mont—Aiguillon Notice. Coulommiers, umpr. Bertier 15 стр.

Chataing, abbé I. L' Auvergne féodale. Les anciens châteaux des environs d'Istoire au XV-e siècle. Dessins et notices historiques. Parentignat (Puy—de—Dôme).

Crowdy (W. M.). Burgundy and Morvan. Illus. by P. F. Gethin. With a note on P. F. Gethin by Campbell Dodgson. 214 стр. Christophers.

Durey, M. Nerac et le château Henri IV, depuis l'origine jusqu'à nos jours Monographie historique, archéologique et anecdotique. Preface de M. Marcel Prevost. Tonneins impr. garonnaise Nerac, 200 стр.

Peynot (abbe Michel). Vichy feodal et Maison noble de Vichy. Moulins Crepin—Leblond, VIII+190 стр.

Picard (le colonel L). Le saumurois. Histoire et legende Saumur. 2 vol, T. VI+ +254 стр.

Smith (Harold). A History of the Parish of Hatveringatte-Bower, Essex. Illus. 303 стр. (Colchester) Benham.

Революция 1789.

Захер, Я. М. Великая французская революция. (Учебник и хрестоматия). 3 изд. Л. „Прибой", 119 стр.

Захер. Я. М. Девятое термидора. Л., „Прибой", 128 стр.

Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789—1794. Л. „Прибой", 379 стр. (Коммун. Ун-т им. т. Зиновьева.

Кунов, Т. Политические кофейни. Парижские силуэты времен Великой Французской Революции. Перевод с немецкого. Л. „Прибой", 64 стр.

Aster, E. Die französische Revolution in der Entwicklung ihrer politischen Ideen. Leipzig I. I. Weber, 332 стр.

Barras, P. I. F. N. Le regime de la terreur. Hrsg. von E. Friede. Bielefeld. Velhagen et Klasing, 23 стр.

Courteault, P. La Révolution et les théâtres à Bordeaux, d'apres les documents inédits. Paris, Perrin et C-ie 287 стр.

Gautherot, G. Les suppliciées de la terreur Paris. Perrin C-ie 328 стр.

Lamartine, A. Charlotte Corday, la Iudith de la revolution (Histoire des girondins, Ausz) Hrsg. von F. H. Schild. Frankfurt a. M., M. Diesterveg. 35 стр.

Roustan, M. The pioneers of the French Revolution; tr. by Frederic Whyte. 302 стр. (bibl. footnotes) Bost., Little, Brown.

Консулат и империя.

Aminoff, Constance Leonie, Caroline, Borgström. Triumph. 401 стр. (Torchlight ser. of Napoleonic, romances, VI) N. У. Dutton.

Arthur--Lévy. Napoléon et Eugene de Beсauharnais. II ed. Paris. Calmann—Lévy 339 стр.

Belloc, Hilaire, i. e. Ioseph Hilaire, Pierre. Napoleon's campaign of 1812, and the retreat from Moscow. 292 стр. maps. N. J. Harper.

Lanfrey, P. Napoléon et la Prusse en 1806/07 (Histoire de Napoléon 1-er) Hrsg. von A. Günther. Frankfurt a. M. M. Diesterweg. 18 стр.

Marx (Karl). The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. Trans. from the german by Eden and Cedar Paul. 192 стр. G. Allen & U.

Mémoires sur la reine Hortense et la famille impériale. Paris. A. Michel 287 стр.

Turquan, J. L'impératrice Joséphine, d'aprés les temoignages des contemporains Paris. J. Tallandier VI+412 стр.

Watson, Thomas Edward. Napoleon; a sketch of his life, character, struggles, and achievements [new ed.] 273 стр. il N. J., Dodd, Mead buck.

Революция, 1848.

Schmidt, Ch. Les journées de juin 1848. Paris. Hachette. 128 стр.

Парижская коммуна, 1871.

Буржен, Ж. История коммуны. Перев. с франц. Под ред. и с предисл. А. Молок. Л. «Прибой». 135 стр.

Волин, Б. Парижская коммуна по донесениям царского посла. М. «Огонек». 64 стр.

Гайдерова, З. Н. Парижская коммуна. Л. Губпрофсовет. 55 стр. (б-ка Рабоч. Самообразования, под ред. секции Самообразования Ленингр. Губполитпросвета).

Лукин, Н. (Антонов, Н.). Парижская коммуна 1871 года. 3 изд. М. Коммун. Акад. 504+[2] стр.

Маркс, К. Гражданская война во Франции 1871 года. С прилож. обоих воззваний Генерального Совета Международного Т-ва Рабочих по поводу Франко-Прусской войны и писем и статей К. Маркса и Ф. Энгельса о Парижской Коммуне. Ред. и примеч. А. И. Молок, Л. «Прибой». 205 стр.

Мишель, Л. Коммуна (из воспоминаний). Перев. В. Пяста. С предисл. А. Молока: М. Л. Госуд. Изд-во. 220 стр.

Неустроева, О. Женщина в борьбе за коммуну. [1871 г.]. М. Госуд. Изд-во. 72 стр. Б-чка Работницы и Крестьянки. (Серия «Международное Женское Движение», № 4).

Сажин, М. П. (Росс. Арман). Героические дни и падение Парижской Коммуны. (Воспоминания участника). М. Госуд. Изд-во. 29 стр.

Юдовский, В. День Парижской коммуны. Краткий очерк. 2 испр. и дополн. изд. М. «Долой Неграмотность». 38 стр.

Wie die Pariser Kommunarder kämpften u. untergingen. Pokrowsk. «Nemgosisdat» 19 стр.

14. Чехия.

Herben (Jan). John Huss and his followers. Foreword by Rev. G. A. Frank Knight. 214 стр. G. Bles.

15. Швеция.

Heidenstam, Verner von. The Swedes and their chieftains; tr. by Charles Wharton Stork. 351 стр. il. map. D. N. I., Amer.—Scandinawian Foundation.

V. История еврейского народа.

Browne (Lewis). The Story of the Jews from the earliest times to the present day. With maps and chronological tables. 319 стр. I. Cape.

Dubnow, S. Weltgeschichte des jüdischen Volkes. Bd. 3. Berlin. Jüdischer Verlag. 595 стр.

Gaster (Moses). The Samaritans: their history, doctrines, and literature. (Schweih Lectures, 1923). Illus. 216 стр. Oxford Univ Pr.

Kolbe, W. Beiträge zur Syrischen u. judischen Geschichte. Kritische Untersuchgn zur Seleukidenliste u. zu d. beiden ersten Makkabäerbüchern. Stuttgart. W. Kohlhammer. IV, 174 стр.

Pedersen, J. Israel: its life and culture. Parts. 1—2. Oxfond Univ. Pr.

VI. Социализм.

Clayton, J. The rise and decline of socialism in Great Britain, 1884—1924. 263 стр. Faber et G.

Pease, Edward Reynolds. The history of the Fabian Society; new and rev. ed. 306 стр. (14 p. bibl.). il. N. Y. Internat'l Publishers.

Socialist Labor Party (The) and the Third International; socio - political science vs. revolutionary romanticism. 64 стр. N. Y., Labor News Co.

VII. Революционное движение, международное.

Интернационал Молодежи. Одиннадцать исторических номеров, изданных во время войны 1915—1918 г.г. При участии Н. Ленина,

Л. Троцкого, Г. Зиновьева. Издано Исполн. Ком-том Коммун. Интернационала Молодежи. М. «Молодая Гвардия». разн. пагинация [138 стр.].

Фокин, А. От Бастилии к Октябрьской Революции. М. ЦК МОПР СССР. 32 стр. (Междун. Организация Помощи Борцам Революции, б-ка Пропагандиста).

Adler, M. Helden der sozialen Revolution. Berlin. E. Laubsche Verlbh. 53 стр.

Guedalla, Ph. Fathers of the Revolution. 313 стр. Putnam.

Kirkup (Thomas). A. Primer of Socialism. 4-th ed. rev. 111 стр. Black.

VIII. Рабочее движение, международное.

Джиованоли, Ф. Первое Мая за границей. (Исторический очерк). Перев. с немецк. О. В. Шаргородской. Под ред. и с предисл. Л. Б. Грюнберга. Л. «Прибой». 141 стр.

Интернационал I, II, III.

Иекк, Г. Интернационал. Перев. с немецк. И. Бронштейна. С предисл. Ю. Стеклова. 2 изд. М. Л. «Красный Пролетарий». XII+258 стр.

Паушкин, М. Три интернационала. М. «Моск. Рабочий». 152 стр.

Троцкий, Л. Сочинения. Т. XIII Коммунистический Интернационал. М. Госуд. Изд-во. VIII+1+247 стр.

Эссен, А. Три Интернационала. М. Л. Госуд. Изд-во. 253 стр.

IX. Империализм.

Гурко-Кряжин, В. А. Арабский Восток и империализм. М. «Плановое Хозяйство». 145 стр.

Преображенский, П. Ф. Очерк истории современного империализма. 2 изд. М. «Работник Просвещения». 91 стр.

Harris, Norman Dwight. Europe and the east. 691 стр. (29 p. bibl.). O (Internationale politics. v. 2) Bost Houghton.

Soyeshima (Michemasa) and Kuo (P. W). Oriental interpretations of the Far Eastern problem. (Lectures on the Harris Foundation 1925). 230 стр. Camb. Univ. Pr.

X. Международные отношения.

Dickinson (G. Lowes). The International anarchy, 1904—1914. 530 стр. Allen & U.

Dickinson, Goldsworthy Lowes. The international anarchy, 1904—1914. 517 стр. (13 p. bibl.) O. N. Y., Century.

Göring, H. Die Gpossmächte u. die Rheinfrage in den letzten Jahrhunderten. Berlin. Reimar Hobbing. 82 стр.

Die grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlg. d. diplomat. Akten d. Auswärt. Amtes. Im. Auftr. d. Auswärt. Amtes hrsg. von I. Lepsius, A. Mendelssohn Bartholdy, F. Thimme (1 Aufl. [Reihe 5, Hälfte 2 Weltpolitische Komplikationen=1). Bd 30—33. Berlin. Deutsche Verlagsgesellschaft f. Politik u Geschichte 1926. Die diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes 1871—1914.

Toynbee, Arnold J. Survey of international affairs 1924, introd. by Rt. Hon. H. A. L. Fisher. 544 стр. Oxford.

Woodhead (H. G.) and others. Occidental interpretations of the Far Eastern problem. Camb Univ.

Лига Наций.

Innes (Kathleen E.). How the League of Nations works: told for young people. 63 стр. Hogarth Pr.

League of Nations — Sixth Assembly: report of British Delegates. Nov., 1925. H. M. S. O.

League of Nations — Special assembly, Geneva, Mar. 8—17, 1926: report of British Delegates. H. M. S. O.

League of Nations — 37 th session of the Council: report by Rt. Hon. Sir. A. Chamberlain. H. M. S. O.

League of Nations — 39th session of the Council: report by Sir Austen Chamberlain H. M. S. O.

XI. Мировая война, 1914—1918.

Ленин, В. И. В. И. Ленин о войне 1914—1918 гг. Избранные статьи и речи. Составил Н. Н. Попов. 2 изд. Л. Госуд. Изд-во. VII + 351 стр.

Маргерит, В. Преступники (последняя война). Перев. с франц. К. Арсеневой и Э. Гвиниевой. М. Л. «Круг». 319 стр.

Русско-польские отношения в период мировой войны. С предисл. М. Г. Валецкого. Текст подготовлен к печати Н. М. Латинским. М. «Моск. Рабочий». 162 + [2] стр.

Сухомлинов. Воспоминания Сухомлинова. С предисл. В. Невского. Л. Госуд. Изд-во. 334 стр.

Чемоданов, Г. Н. Последние дни старой армии. Л. Госуд. Изд-во. 136 стр.

Album (l') de la guerre 1914 — 1919. Histoire photographique et documentaire reconstituée chronologiquement à l'aide de clichés et de dessins, publiés par l'«Illustration» de 1914 à 1921. Ed. augmentée de documents inédits et comprenant de nombreuses reproductions en couleurs, ainsi qu' un texte sommaire constituant un véritable «Précis d' histoire» T. 1. T. 2. Paris. 2 vol. T 1 — 660 стр. T. 2. 661 — 1311 стр.

Belt, J. C. van den. Das Ende des Ringens. Die Jahre des Krieges 1917 u. 1918. Berlin. E. S. Mittler et sohn VII, 129 стр.

Bosquet, A. L'économie de guerre en pays envahis. La Circulation fiduciaire sous l' occupation allemande (1914—1918). Langres. 192 стр.

Deutscher geschichtskalender. Sachlich geordnete Zsstellg. d. wichtigsten Vorgänge im Jn = u. Ausland Begr. von K. Wippermann. Hrsg. von F. Purlitzu. Sigfrid Steinberg. Jg. 35. Bd. 2. Juli — Dez 1919. Mit Anh: Zwischen Waffenstillstand u. Frieden Leipzig. F. Meiner. II, 916, 145, VI стр.

Ellison (Gerald, Lieut — gen. Sir.). The Perils of amateur strategy: as exemplified by the attack on the Dardanelles Fortress in 1915. Pref. by Viscount Esher. With 2 maps. 177 стр. Longmans.

Fabre Luce, Alfred. The Limitations of Victory Translated by Constance Vesey.

Fleischer, K. Vier Jahre Fremdenlegionär Schweidnitz. G. Brieger. 54 стр.

Gugelmeier, E. Das schwarze Jahr (1917—1918). Erlebtes aus d. letzten Kriegsjahr, im Reichstag u. im Baltenland, in Hauptquartier u. Heimat. Freiburg i. Br. J. Bielefeld. 128 стр.

Hewlett (Maurice). Letters. To which is added a Diary in. Grece, 1914. Edit by Laurence Binyon. Intro. memoir by Edward Hewlett. With 4 illus. pp 310, Methuen.

Jannasch (Lilli) ed. German militarism at work: a collection of documents and notes. Intro by Frederic de Marwicz. Trans, by John Pollock. 116 стр. Cayme Pr.

Karo, G. Der geistige krieg gegen Deutschland. 2 Aufl. Halle (Saale) W. Knapp. V, 39 стр.

Lenin. W. J. Uljanow. Uber den Krieg. Tl 1. Berlin - Schöneberg. Verlag d. Jugendinternationale. 93 стр.

Ludendorff, E. Die Revolution von oben. General Ludendorff über das Kriegsende u die Vorgänge beim Waffenstillstand. Lorch. K. Rohm. 36 стр.

Paléologue, M. Am Zarenhof während des Weltkrieges. Tagebücher u. Betrachtgn. übers. von L. Rottenberg. Mit e. Einl von B. von Siebert. 2 Aufl Bd. 1.2. München. F. Bruckmann. XII, 479; 506 стр.

Puleston, Capt. W. D. The Dardanelles expedition; a condensed study. 154 стр. maps. Annapolis, Md., U. S. Naval Institute.

Rhodes, Th. Kühlmann, wie er wirklich ist (Aus d. Engl). Berlin. Verlag f. Kulturpolitik. 109 стр.

Seton — Watson, R. W. Sarajevo: a study in the origins of the Great war. pp. 303, Hutchinson.

Sheppard (Eric William). A Short history of the British. Army to 1914. With maps. 329 стр. Constable.

Stewart (J. Lt.— Col) and Buchan (John). The Fifteenth (Scottish) Division. 1914—1919. With 9 illus. and 18 maps 503 стр. W. Blackwood.

War office — History of the Great War The Campaign in Mesopotamia 1914—1918 Vol. 3. H. M. S. O.

Weberstedt. H. Frankreichs wahres Gesicht. Das Buch d. blau - weiss - roten Schande Die deutsche Gegenliste. Erfurt. VIII, 216 стр.

Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bearb. im Reichsarchiv. Die militär. Operationen zu Lande. Bd. 3. Berlin. E. S. Mittler et Sohn XI, 427 стр.

William (Ex—Crown Prince, of Germany). I seek the truth: a book on responsibility for the war. Trans. from the German by Ralph Buxler. pp. 341. Faber et Co.

Winogradsky (general). La guerre sur le front oriental. En Russie. En Roumanie. Mis au point et commenté par le general Malleterre. Paris. 380 стр.

Дипломатическая история.

Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства Иностранных Дел. Под ред. Е. А. Адамова. М. 473 стр.

Bird (W. H. B.) ed. The Black book of Winchester. 261 стр. (Winchester) Warren.

Gothaisches Jahrbuch für Diplomatie, Verwaltung u. Wirtschaft (Bisher als Diplomatisches Jahrbuch des Gothaischen Kalenders. 2. Tl.). J. 163. 1926. Gotha. I. Perthes. XXXII, 934 стр.

Stieve Friedrich. Isvolsky and the world war; tr. by E. W. Dickes. 300 стр. N. Y. Knopf.

Stieve (Friedrish). Isvolsky and the world war. Based on the documents recently published by the German Foreign Office. Tranc. by E. W. Dickes. 254 стр. Allen & U.

Долги.

Kanner, H. Der Schlüssel zu Kriegsschuldfrage. Ein verheimlichtes Kapitel d. Vorkriegsgeschichte nebst polemischen Artikeln von Graf M. Montgelas. München Süd-bayerische Verlagsgesellschaft. 89 стр.

Мирные договоры.

Шетцель, В. Политические итоги мирных договоров (1919—1925 г.г.). Перев. с немецк. В. П. Зелькиной. Дополнения и редакция проф. Ю. В. Ключникова. М. Л. Госуд. Изд-во. VIII + 216 стр. (Коммун. Акад. Кабинет Внешних Сношений. Б-ка Международной Помощи под общ. ред. Ф. Ротштейна).

Buchner, H. Deutschlands Auszehrung von Versailles bis Genf. München. F. Eher Nachf. 28 стр.

Final protocol of the Locarno Conference, 1925, and, Freaties between France and Poland and France and Czechoslovakia. 92 стр. (bibl.) D. (Internat'l conciliation, no. 216). N. Y. Carnegie Endowment.

Glasgow, George. From Dawes to Locarno; foreword by J. Ramsay Mac-Donald. 201 стр. N. Y., Harper.

Rank, E. Unter der französischen Schreckensherrschaft am Rhein und Ruhr. Leipzig. Xenien—Verlag. 156 стр.

Segemann, H. Das Trugbild von Versailles. Weltgeschichte. Zusammenhänge u. strateg. Perspektiven. Stuttgart. Deutsche verlagsanstalt. VII, 360 стр.

XII. История культуры.

Андреев, Н. Век пара и электричества (из истории труда и капитала). 3 изд. М. Л. «Книга». 183 + [2] стр.

Андреев, Н. Н. История развития общественных форм. Учебная книга. Л. «Прибой». 408 стр. (Коммун. Ун-т. им. тов. Зиновьева).

Андреев, Н. Очерки по истории первобытной культуры. 3 изд. Л. М. „Книга“ 143 стр.

Богословский, М. М. Русское общество и наука при Петре Великом. Речь академика М. М. Богословского в торжественном годовом собрании Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик 2 февраля 1926 г. Л. Академия Наук СССР 28 стр.

Марр, Н. Я. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (к увязке языкознания с историею материальной культуры). Л. 48 стр.

Морган, Ж. Доисторическое человечество. Общий очерк доисторического периода. Перев. с франц. В. Худадова с предисл. проф. В. А. Городцова. М. Госуд. Изд-во IX+[3]+315 стр.

Никольский, В. К. Очерки первобытного человечества. М. «Новая Москва» 320 стр. (Б-ка Молодого Коммуниста под общ. ред. МК РЛКСМ. Ред. В. Сарабьянова).

Разумовский, В. И. проф. В память 200-летия Всесоюзной Академии Наук (1725—1925). Биографические очерки. Под технич. ред. В. Т. Кутасова. Покровск. Немгосиздат 95 стр.

Тахтарев, К. М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Ч. I. Введение, тотемическое общество, родовое общество. 2 изд. Л. Госуд. изд-во 364 стр., с черт.

Ashdown (Charles Henry). British and foreign arms and armour. Jllus 400 стр. Jack.

Bauch, B. Der Geist von Potsdam und der Geist von Weimar. Eine Rede. Jena G. Fischer. III 30 стр.

Blackmar (Frank W.) History of human society 524 стр. Scribners

Burrow, E. From cave man to Roman in Britain стр. 62.

Childe (V. Gordon) The Aryans: a sfudy of Jndo-European origins. 237 стр. (History of civilisation) K. Paul.

Croiset (Maurice). Hellenic civilization. A. A. Knopf.

Curle (J. H.) To-day and to-morrow: the testing period of the white race. 222 стр. Methuen.

Ducros (Louise) French society in the eighteenth century. 380 стр.

Gärtner, G. Streifzüge durch Alt-Nürnberg Nürnberg. 224+395 стр.

Gordon (George Byron) Rambles in old London. Jllus 334 стр. Lane.

Gray (Arthur) The Town of Cambridge: a history. Illus. 214 стр. Heffer.

Guizot, F. P. G. La civilisation des grans peuples de l'Europe (Aus: «Histoire de la civilisation en France».) Hrzq von A Aünther. Frankfurt a M. M. Diesterweq 17 стр.

Guizot, F. P. G. Histoire générale de la civilisation en Europe (Préfase). Leipzig. G. Freytag 27 стр.

Gwynn, A. Roman education from Cicero to Guintilian 260 стр. Oxford.

Holl (Joseph) The Arab civilisation. Frans from the German by S. Khuda Bukhsh 166 стр. Heffers.

Johnson (A. F.) The First century of printiny at Basle. With 50 illus 27 стр. (Periods of typografhy) Benn.

Mackenzie, Donald.A. The migration of symbols, and their relations to beliefs. and customs. 204 стр. (Hist of civilization) N. J., Knopf.

Mackenzie (Donald, A.) The Migration of symbols and their relations to beliefs and customs. 235 стр. (History of civilisation) K. Paul.

Moret, A., and Davy, G. From tribe to empire; social organization among the primitive peoples in the ancient East. 380 стр. Knopf.

Newton, A. P., ed. Travel and travelers. in the Middle Ages 224 стр. il O (Hist of civilization) N. У., Knopf

Newton (Arthur Percival) ed. Travel and travellers of the Middle Ages 233 стр. (History of civillisation). K. Paul.

Pittard, E. Race and history an ethnological introduction to history. 520 стр. il O (Hist of civilization) N. У. Knopf.

Pittard (Eugene) Race and history: an ethnological introduction to history. 529 стр. (History of civllisation) K. Paul.

Polo, Marco. The travels of Marco Polo, the Venetian; rev from Marsden's translation; ed by Manuel Komroff 401 стр. N. У., Liveright.

Reinarz, H. Der Kulturkampf. Düsseldorf. L. Schvann. 52 стр.

Robertson (J. M.) The Dynamics of religion: an essay in English culture history 325 стр. Watts.

Tavernier (Jean—Baptiste, Baron of Aubonne). Travels in Jndia. Trans from the original French ed of 1676 with a biographical sketch of the author, notes, appendices, etc., by V. Ball. 2-nd ed. Edit. by William Crooke. 2 vols, Jllus 527 стр. Oxford Univ. Pr.

Tilke (Max) The Costumes of Eastern Europe With 96 col plates. Folio Benn.

(Ullstein's) Weltgeschichte. Die Entwicklg d. Menschheit in Staat u Gesellschaft, in Kultur u Geistesleben. Hrsg von J. von Pflugk-Harttung. Bd. 7. Berlin. Ullstein (A—G).

Winship, G. P. Gutenberg to Plantin: an outline of the early history of printing. Oxford Univ Pr.

XIII. Нумизматика.

Babelon, E. Traité des monnaies grecques et romaines. 2 partie: Description historique. T 4 comprenant les monnaies de la grece septentrionale aux V-e et IV-e siécles avant Jèsus-Christ. Paris III+223 стр.

Babelon, E. Traitè des monnaies gresques et romaines. 2 partie: Descripton historique- T 4 comprenant les monnaies de la qrèce septentrionale aux V-e et IV-e siécles avant Jésus-Christ. Paris planches CCLXXI à CCLXXVI.

Bernhart, M. Handbuch zur Münzkunde der römischen Kaiserzeit. Halle (Saale). A. Riechmann et C-o. VII, 420 стр.

Friedensburg, F. Münzkunde. u Geldgeshichte der Einzelstaaten des Miltelalters und der neueren Zeit. München R. Oldenbourg VIII, 196 стр.

Gerhardt, A. Münzenkunde im Merseburger Land. Merseburg. Selbstverll. 5 стр.

Luschin von Ebengreuth, A. Allgemeine Münzkunde u. Geldgeshichte des Mittelalters und der neueren Zeit 2 Aufl. München. R. Oldenbourg XIX, 333 стр.

Svoronos, J. N. Les monnaies d' Athènes. Terminé äpres la mort de l'auteur par B. Pick. Livr. 6. München. F. Bruckmann XIX стр.

Указатель книг по истории,

вышедших в Англии, Германии, САСШ, СССР и Франции за июль—декабрь 1926 г.

Для настоящей работы были использованы следующие указатели за 2 половину 1926 г.

1) Книжная летопись Российской Центральной Книжной Палаты при Госиздате. М.
2) Літопис Українського друку. Харків.
3) Летопись Азербайджанской госуд. книжной палаты. Баку.
4) Летапіс Беларускага друку. Менск.
5) Bibliographie de la France. Paris.
6) Wöchentliches Verzeichnis der erschienenen u. der vorbereiteten Neuigkeiten des deutschen Buchhandels. Leipzig.
7) The publishers' circular and booksellers rekord. London.
8) The publishers' weekly. The Amerikan book trade journal. New-York.

I. Всемирная история.

Birkenhead, E. Famous triaes of history. Hutchinson 311 стр.

Brandt, R. So sieht die Weltgeschichte aus... Aufzeichn. e. Zuschauers. Hamburg Hanseat. Verlagsanstalt 233 стр.

Cartellieri, A. Weltgeschichte als Machtgeschichte. Die Zeit d. Reichsgründungen München. R. Oldenbourq XXVI+398 стр.

Churchill, W. S. Weltkrisis. Übers von H. von Schulz Bd. 2. Berlin Koehler VIII+540 стр.

Duruy, V. General history of the world. Rev and continued to 1901 by E. A. Grosvenor. Suppl ch to 1925 ly M. S. C. Smith and J. W. Mcùpadden Allen et U. 971 стр.

Fitzhugh, St. G. R. The truth of history; a study in political developmenf. Richmond. 167 стр.

Flick, A. C. Modern world history, 1776—1926. N. Y., Knopf. 762 стр.

Hogarth, D. G. The Twilight of hisftory (Eighth Earl Grey Memorial Lecture) Oxford Univ.

Macaulay, Lord. Historical essays; ed by A. West Cott. N. Y., Macmillan 561 стр.

Mantilla, L. F. Historia universal para ninos. Traducida del «Peter Parley's Univertal history» por Luis Felipe Mantilla. Paris 247 стр.

Pfeil, J. Was geschah zu gleicher Zeit in Welt-und Kultur-Geschichte? Volkotüml Zsstellg. Gleichzeit Ereignisse. 63 стр.

Wallace, W. K. Thirty yearts of modern history Allen et U. 293 стр.

Wells, H. G. Die Geschichte unserer Welt. Die deutsche Ausg wurde von O. Mandl hrsg. Die Übers bes O. Mandl u. H. M. Reiff Wien P. Zsolnay 432 стр.

Wirth, A. Männer, Volker und Zeiten. Eine Weltgeschichte in I Bd. Braunschweig G. Westermänn 315 стр.

II. Древний мир.

Левитский, В. Ф. Очерки истории хозяйственного быта народов древнего Востока, Вавилония, Египет [Харьков], Всеукр. Науч. Ассоциация Востоковедения. 103+[1] стр.

Сергеев, В. Феодализм и торговый капитализм в античном мире. Под ред. П. Кушнера. М. Коммун. ун-т им. Я. М. Свердлова. 256 стр.

Хвостов, М. М. История древнего Востока изд. 2-е, под ред. Г. Пригоровского. М. Госуд. изд-во 275 стр.

Harding (T. Walter). Aids to the study of ancient history. Bowes et Bowes. 243 стр.

Hasebroek, J. Der imperialistische Gedanke .m Altertum (Vortrag) Stuttgart W. Kohlhammer. III+26 стр.

Plutarch's Lives. With an English trans by B. Perin (Уп II vols) vob II Aratus. Artaxerxes, Galba and Otho Jndex to all the Lives by J. W. Cohoon 499 стр. Heinemann.

Rostovtzeff, M. A history of the ancient world vol I. The Orient and Greece. Trans from the Russian by J. D. Duff. Oxford Unw Press 444 стр.

I. Ассирия — Вавилон.

Luckenbill, D. D. Ancient rekords of Assyria and Babylonia Vol I Historical records of Assyria from the earliest times ti Sargon. Camb. Univ Pr.

Meissner, B. Könige Babyloniens und Assyriens Charakterbilder aus d. altorientalischen Geschichte Leipzig Quelle et Meytr IX+314 стр.
Meyer, E. Histoire de l'Antiquite. T 3 La Babylonie et les sémites jusqu'à l'époque cassite Traduit par E. Combe, Ph. D., conservateur de la Bibliothéque d'Alexandrie Paris, libr orientaliste P. Geuthner. 396 стр.
Sayce, A. H. Assyria: its princes, priests, and people. R. T. S. 194 стр.
Wardle, W. L. Jsrael and Babylon. N. Y. Revell 343 стр.

2. Греция.

Bell, H. I. Iuden und Griechen im römischen Alexandreia. Eine histor. Skizze d. alexandrin. Antisemitismus, Leipzig. I. C. Hinrichs 52 стр.
Beloch, K. I. Griechische Geschichte. 2 neugestalt Aufl. Bd. 1 Die Zeit vor d. Perserkriegen. Abt 2. Berlin W. du Gruyter et Co. 16 стр.
Berve, H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. 1. 2. München. C. H. Beck. XVI+357 стр.; VII+446 стр.
Busolt, G. Griechische Staatskunde. 3 neugest. Aufl d. «Griechischen Staats u. Rechtsaltertümer». München. C. H. Bech. 66 стр.
Calhoun, G. M. The business life of aucient Athens. Chic. Univ of Chic. Press. 185 стр.
Casson, S. Macedonia, Thrace and Illyria their relations to Greece from the earliest times down to the time of Philip son of Amyntas. N. Y. Oxford 380 стр.
Jarde, A. The Formation of the Greek people. K. Paul. (History of civilization). 375 стр.
Glover, T. R. From Pericles to Philip 4th ed Methuen. 417 стр.
Harland, J. P). Prehistoric Aigina, a History of the island in the bronze age. H. Champion. Paris. 121 стр.
Hatsfeld, I. Histoire de la Grèce ancienne Paris. Payot. 422 стр.
Hirsch, S. Aus der Welt der Griechen Ereignisse u. Gestalten d. Griech. Geschichte Zsgest. u. hrsg. Leipzig. Reclam. 80 стр.
Kaerst, I. Geschichte des Hellenismus. Bd. 2. Leipzig. Teubner. XII+409 стр.
Licht, H. Sittengechichte Griechenlands. Bd. 2 Dresden. P. Aretz. 266 стр. [Lfg 1—9].
Mucke, J. R. Die Urbevölkerung Griechenlands und ihre allmähliche Entwickelung zu Volksstämmen. Ein Beitr. zu d. Lere von d. Entstehg u Verwandtschaft d. Völker. Leipzig. O. Weigel. III+328 стр.
Prickard, A. O., ed. The return of the Theban exiles 379—378 B. C., as told by Plutarch and Xenophon. N. Y.. Oxford 96 стр.
Rostovtzeff, M. A hisorty of the ancient world. vol. I· The Orient and. Greese. Trans. from the Russian by j. D. Duff. Oxford Univ. Pr. 444 стр.
Xenophon. The old oligarch: being the constitution of the Athenians acribed to Xenophon. Trans with intro by J. A. Peteh B. Blackwell. 29 стр.
Wilcken, U. Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte. 2 rev. Aufl München. R. Oldenbourg. VIII+248 стр.

3. Египет.

Davies (Nina de Garis). The tomb of Huy, viceroy of Nubia in the reign of Tut-Ankhamun. Oxford Univ. 50 стр.
Harry, M. La vie amoureuse de Cléopâtre. Paris. E. Flammarion, éditeur. 217 стр.
Hurry, I. B. Jmhotep: the vizier and physician of King Zoser, and afterwards the Egyptian God of Medicine. Oxford Univ. 134 стр.
Lamprey, L. Long ago in Egypt. Bost., Little, Brown. 260 стр.
Martin, P. F. Egypt: old and new: the land of the Pharaohs from the traveller's and economist's point of view: Allen et U. 224 стр.
Poertner, B. Geschichte Ägyptens in Charakterbildern. München. I. Kösel et F. Pustet. XV+99 стр.
Schubart, F. Von der Flügelsonne zum Halbmond. Ägyptens Geschichte bis auf d. Gegenwart. Leipzig. J. C. Heinrichs. IX+192 стр.
Spiegelberg, W. u Walter Otto. Eine neue Urkunde zu der Siegesfeier des Ptolomaios IV und die Frage der ägyptischen Priestersynoden. München. Verlag d. Bayer. Akad. d. Wiss. 40 стр.

4. Персия.

Bury, J. B. and others, eds. The Cambridge ancient history; v. IV, The Persian empire and the west. 718 стр. N. Y. Macmillan.
Tremayne, A. Records from Erech time of Cyrus and Cambyses, 538—521. (Vale Oriental ser: Babylonian texts) Oxford Univ.

5. Рим.

Alföldi, A. Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien. Bd. 2. Berlin. W. de Gruyter et Co. IV+104 стр.
Baynes, N. The Historia Augusta, its date and purpose. N. Y., Oxford 150 стр.
Bell, H. I. Luden und Griechen im römischen Alexandreia. Eine histor Skizze d. alexandrin. Antisemitismus. Leipzig. I. C. Hinrichs. 52 стр.
César. Guerre des gaules. T. I. (Livres I—IV) Paris. «Les Belles-Lettres». XXXIII+122+122 стр. и 123+124 стр.
Hart (B. H. Liddell, Capt) A. greater than Napoleon: Scipio Africanus. W. Blackwood. 293 стр.
Hirsch, S. Aus der Welt der Römer. Ereignisse u. Gestalten d. röm. Geschichte Zsgest. u. hrsg. Leipzig. Reclam. 78 стр.
Pais, E. Histoire ancienne. III partie. Histoire romaine. T. I. Fascicule I. Des origines à l'achèvement de la conquête (133 avant J.—C.) Paris. XXII+144 стр.

Reynolds, P. K. Baillie. The vig'les of imperial Rome. 134 стр. N. У., Oxford.

Rostovtzeff, M. The social and economic history of the Roman Empire. 722 стр. N. У., Oxford.

Stade, K. Der Politiker Diokletian und die letzte grosse Christenverfolgung. Wiesbaden. H. Staadt. 197 стр.

Vogt, J. Homo novus. Ein Typus d. röm. Republik. Rede. Stuttgart W. Kobhammer. 28 стр.

Wachtler, H. Römer und Germanen während der Völkerwanderung. Leipzig. Teubner. 32 стр.

III. Австралия.

(См. также Великобритания. Доминьоны и колонии).

Артем (Сергеев, Ф. А.) «Счастливая страна» Австралийск. очерки. С портр. автора и вступ. статьями т. т. Рухимовича и Александровой. М. ВЦСПС. 72 стр.

IV. Азия.

(См. также под'отдел колоний европейских государств).

Franck, H. A. East of Siam: ramblings in French Indo-China. Unwin 375 стр.

Korostovetz, I. I. Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik. Eine kurze Geschichte d. Mongolei unter bes. Berücks d. neuesten Zeit, Unter Mitw von E. Hauer. Berlin. W. de Gruyter et Co. XII+351 стр.

Le May, R. An Asian Arcady: the land and peoples of Northern Siam. Heffer. 282 стр.

Ostasiatische Fragen. Berlin. Zentralverlag 8 стр.

Protheroe, E. From Ceylon to Hong Kong (Story of Empire ser). Epworth Pr. 112 стр.

Soane, E. B. To Mesopotamia and Kurdistan in disguise. With historical notes of the Kurdish tribes and the Chaldeaes of Kurdistan. 2 nde., with a memoir of the author by Sir A. T. Wilson. Murray. 443 стр.

Spender, J. A. The changing east. N. I., Stokes. 256 стр.

Toulba, A. F. Ceylon: the land of eternal charm Forew by L. E. Blaze. Hutchinson. 352 стр.

Whyte, A. F. Asia in the twentieth century. N. I., Scribner. 184 стр.

Whyte, A. F. Asia in the twentieth century. Seribners. 192 стр.

Ximinez, S. Asia Minor in Ruins. Pref by M. B. Haussoullier. Trans by A. Chambers. Hutchinson. 286 стр.

1. Китай.

Позднеев, Д. Китай и Япония. Л. Губпрофсовет. 63 стр.

Auxion de Ruffé, R. d' Chine et Chinois d'aujourd'hui Le nouveau plérl jaune. Nancy — Paris — Srtasbourg. Berger-Levrault. XIII+495 стр.

Ball (I. Dyer) Things Chinese: notes connected with China. Sth ed., rev. by E. C. Werner. Murray. 770 стр.

Bonnard, A. In China, 1920—1921. Routledge 371 стр.

China (Extra-Territoriality in) - Report of Commission. H. M. S. O.

China Indemnity - Report of Advisory Cttee, etc. HMSO.

Goodnow. F. J. China: an analysis. Balt., Johns Hopkins Press. 288 стр.

Gowen, H. H. and Hall, J. W. An outline history of China Appleton. 572 стр.

Gowen, H. H., and Hall, J. W. An outline history of China, with a thorough account of the Republican era interpreted in its historical perspective N. Y. Appleton 570 сер.

Holitscher, A. Das unruhige Asien. Reise durch Indien-China-Japan. Berlin. S. Fischer Verl. 348 стр.

Howard, Harvey J., M. D. Ten weeks with the Chinese bandits. N. У., Dodd, Mead. 286 стр.

Huang-Ts'ing K'ai-Kuo Fang-Lüeh. Die Gründung d. mandschurischen Kaiserreiches. Übers. u. erkl. von E. Hauer Berlin: W. de Gruyter et Co. XXVI+710 стр.

Menz, G. Flutwende. Die Entwicklg d. Beziehgn Chinas zum Abendlande in d. letzten 100 Jahren. Leipzig 163 стр.

Skrine, C. P. Chinese Central Asia: Intro by sir F. Younghusband. Methuen 322 стр.

Sze, Tsung-Yu. China and the most-favorea-nation clause. 267 стр. N. У. Revell.

Weale, Bertram Lenox Putnam, pseud. [Bertram Lenox Simpson]. The vanished empire. N. У., Macmillan. 388 стр.

Wegener, G. Im innersten China. Eine Borschungsreise durch d. Prov. Kiang-Si. Ferlin. A. Scherl. XII+410. стр.

Библиография.

Taylor, L. M. Catalog of books on China in the Essex institute. Salem, Mass. Esset Institute. 400 стр.

Революционное движение.

Виленский-Сибиряков, В.—Гоминдан. Партия китайской революции. М. Молодая Гвардия. 107+[1] стр.

Виттфогель, К. А. Пробуждающийся Китай. Перев. с немецк. Д. Страшунского Л. «Прибой». 182 стр.

Вопросы китайской революции. [Сборник статей и материалов] т. I. Положение пролетариата и развитие рабочего движения в Китае. Под общ. ред. и со вступ. статьей К. Радека. М. Госуд. Изд-во [4]+256 стр.

Всесоюзный Совет Профессиональных Союзов, 1-я Делегация в Китай. Рабочий Китай в борьбе против империализма. Отчет первой Профсоюзной Делегации СССР в Китай. М. ВЦСПС 176 стр.

Геллер, Л. Национальное и рабочее движение на Тихом океане. М. Профинтерн 67 стр.

Далин, С. В рядах китайской революции. С предисл. К. Радека. М. Московский Рабочий. 144 стр.

Ивин, А. Первый этап. Освободительная борьба в Китае. М. «Правда» и «Беднота». 72+[2] стр.

Valentin, F. L'Avènement d'une République. Luttes intérieures de la Chine de 1911 á 1923. Paris. Perrin et Cie. II+317 стр.

Экономическая история.

Baylin, J. R. Foreign loan obligations of China. E. Goldston. 95 стр.

Fox, Ch. J. China's fight for tariff autonomy at the washington Conference. E. Goldston. 81 стр.

Remer, C. F. The foreign trade of China. Ptobsthain· 281 стр.

Remer, C. F. The foreign trade of China. 209 стр. N. Y., G. E. Stechert.

Shaw, K. W. Democracy and finance in China; a study in the development of fiscal systems and ideals N. У., Columbia Univ. Press. 215 стр.

2. Япония.

Позднев, Д. Китай и Япония. Л. Губ профсовет. 63 стр.

Харнский, К. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток. «Книжное Дело». 412 стр.

Clement, E. W. A short history of Japan New rev. ed. K. Paul. 212 стр.

Frois, L. Die Geschichte Japans (1549—1578) Nach d. Handschr. d. Ajudabibliothek in Lissabon übers. u. komment. v. G. Schurhammer u E. A. Voretzsch. Lief. 2/4. Leipzig. Verlag d. Asia major. 99—535 стр.

Holitscher, A. Das unruhige Asien. Reise durch Indien - China - Japan. Berlin. S. Fis cher Verl. 348 стр.

Murdoch, J. History of Japan. 3 v. N. У., Greenberg. 840 стр.

Weston, W. Japan N. Y. Macmillan 250 стр.

V. Америка.

Гедін. С. Завойовники Америки. Переклав з німецької мови О. Бургардт. [Харків] «Книгоспілка» 86+[2] стр.

Celeste, S. M. An american history. 682 стр. N. Y., Macmillan.

Dowd, J. The negro in American life. N. Y., Century 630 стр.

Franklin, B. The Passports printed by B. Franklin at his Passy Oxford Univ. Press.

Malin, J. C. An interpretation of recent American history N. Y., Century 190 стр.

Pierson, W. W. Hispanic American history: a syllabus. Rev. and enl. ed. Oxford Univ. Pr,

Roberts, P. An introduction to American politics. N. У., Harcourt. 233 стр.

Wertenbaker. Th. J. The American people; a history. N. Y., Scribner. 496 стр.

Woodbunn, J. A. and Moran, Th. F. Jntroduction to American history; the European background; new. ed., rev and enl. various p. il. maps. N. У. Longmans.

Wodson, C. G. ed. The mind of the negro as reflected in letters written during the crisis, 1800—1860. 704 стр. Wash., Ass'n for Study of Negro Life and Hist.

1. Бразилия.

Funke, A. Brasilien im 20 Jahrhundert. Berlin. Reimar Hobbing. 435 стр.

2. Мексика.

Banks, N. W. The story of Mexico; includins «The Boys Prescott» N. Y., Stokes 443 стр.

Callcott, W. H. Church and state in Mexico, 1822-1857. Durham, N. C., Duke Univ. Press 357 стр.

Rutinger, J. H. Morones of Mexico: a history of the Labour movement in that country. Labour Pubg. Co. 123 стр.

Rippy, F. The United States and Mexico Knopf.

Rippy (I. Fred) The United States and Mexico, 1821-1924. Knopf 413 стр.

Schmiedel, O. Mexiko vor hundert Jahren. Erinnergn. an meinen Vater. Eisenach. Hofbuchdr. Eisenach H. Kahle. 38 стр.

3. Соединенные Штаты

Ниринг, Скотт. Американская империя. Перев. с англ. Ю. А. Смолянина под ред. П. А. Лисовского. Л. Госуд. Изд-во. 207 стр.

Осинский, Н. Мои злоключения о Соединенных Штатах Северной Америки. К. вопросу об Америке и Европе. М. 40 стр.

Платонов, Ю. Америка (Сполучені штати північної Америки) Популярний нарис. Харків, „Книгоспілка" 87+1, стр.

Bell, H. C. and others Guide to British Indian archive materials. in London and the Islands, for the history of the United States Wash., D. C., Carnegil Inst. 444 стр.

Bennett, Arnold i. e. Enoch Arnold. Your United States [new. ed]. 191 стр. N. Y., Doran.

Benson, A. B. Sweden and the American Revolution. New Haven, Conn. 228 стр.

Bonnett, C. E. Unternehmertum und soziale Frage in den Vereinigten Staaten. Eine Studie über amerikan. Arbeitgeberorganisationen. Übertragung u Bearb. von H. Lechtape. Tübingen Mohr. XVI+174 стр.

Carter, Captain R. G. The old sergeant's story; winning the west from the Indians and bad men in 1870 to 1876. 226 стр. N. Y. F. N. Hitchcock.

Curtis, E. E. The organization of the British army in the American Revolution New Haven., Conn., Jale. 234 стр.

Egbert, L. Les Etats-Unis et la cour permanente de justice internationale. Paris-Société anonyme du «Recueil Sirly» 263 стр.
Elson, H. W. History of the United States of Amerika [rev. ed] various p. N. Y., Macmillan.
Hinkhouse, F. J. The preliminaries of the american Revolution as seen in the English press 1763-1775. N. Y., Columbia Univ. Pr.ss. 216 стр.
Holcombe, A. N. State. Government in the United states, rev. and. enl. N. Y. Macmillan. 649 стр.
Knowles, D. The amirican civil war. a brief sketch. N. Y, Oxford 236 стр.
Laut, A. Ch. The blazed trail of the old froutier; il. by Ch. M. Russell. 283 стр. N. Y. Mc Bride.
Logie, A. E. From Lincoln to Coolidge 363 стр. Chic. Lyons et Carnahan.
Munro, W. B. The government of the United States: national, state and local Macmillam. 687 стр.
Paxson, F. L. The United States in recent times 33 стр. N Y., Amer Lib. Ass'n.
Thonison, J. A. The new national history;. v 2 N. Y., Putnam
Tower, Ch. The marquis de La Fayette in the American revolution 2 v. 1031 стр. Phil. Lippincott.
Trumbull, B. A compendium of Jndian wars in New England. Harfford E. v. Mitchell.

Биографии, воспоминания, письма и т. п.

Carpenter, E. Ch. The boyhood days of President Calvin Coolidge, or, From the Green Mountains to the White House; 2 nd ed. Rutland, vt., Tuttle Co 192 стр.
Coolidge, C. Le prix de la liberté. Préface de M. F. Strowski, professeur à la Sorbonne. Traduction française de Mlle Suzanne Gervais. Paris. Payot. 187 стр.
Curtis. W. E Thomas Jefferson. With 24 illus. 395 стр. Lippincott.
Fielding, H. The history of the life of the late Mr. Jonathan Wild, the Great; introd. by J. Macy. 307 стр. N. Y., Greenberg.
Force, P. L. George Washington Lippincott.
Ford, H. and Crowther, S. My life and work. 289 стр. N. Y. Garden city pub. Co.
Franklin, B. The autobiography of B. Franklin; ed with introd. by P. H. Boynton. H. Y., Harcourt 248 стр.
Hughes, R. George Washington, the human being and the hero, 1732—1762. N. Y., Wm. Morrow. 586 стр.
Lang, L. A. Ranching with Roosvelt 367 стр. Phil., Lippincott.
Lincoln, A. An autobiography; consisting of the personal portions of his letters, speeches and conversations comp. by N. Wright Stephenson Ind., Bobbs-Merrill. 501 стр.
Marshall, Th. Maitland, ed. The life and papers of Frederick Bates. 2 v. 355 стр. 343 стр. (Pub'ns of Missouri historical society) St. Louis, Missouri Historical Society.
Marshall, J. Life of Washington; 5v. N. Y., Wm. Wise et Co.
Mead., M. and Higgins, D. P. Homes of character. N. Y., Dodd, Mlad. 254 стр.
Moore, Ch. The family life of G. Washington; introd. by Mrs. Th. Roosevelt. Bost., Houghton. 266 стр.
Moore, Ch. ed. G. Washington's rules of civility and decent behaviour in company and conversation. Bost., Houghton 78 стр.
Rothschild, A. Lincoln, master of men. Bost., Houghton. 425 стр.
Russell, Ph. Benjamin Franklin, the first civilized American. N., Y. Brentano's 333 стр.
Woodward, W. E. George Washington the image and the man. N. Y., Liveright 494 стр.

Внешняя политика

Millspaugh, A. C. The american task in Persia T. W. Laurie 336 стр.
Pergler, Ch. America in the Struggle for Czechoslovak independence. Phil., Dorrance. 113 стр.
Rippy, F, The United States and Mexico. Knopf.
Rippy, (J. Fred) The United States and Mexico, 1821—1924. Knopf 413 стр.
Scott, J. B. ed. The United States and France. With foreword. Oxford Univ.
Scott, J. B. Comp. The United States and France.; some opinions on international gratitude. N. Y., Oxford. 250 стр.
Trotsky, L. Europe et Amérique. Paris «l'Humanité» 144 стр.
Wilson, W. The new democracy; presidential message addresses, and other papers (1913—1917); ed. by Ray Stanhard Baker and William E. Dodd, 2 v. 473 стр; 515 стр. (Public papers of W. Wilson; authorized ed) N. Y., Harper.

Колонии

Kuykendall. R. S. A history of Hawaii N. Y. Macmillan 385 стр.
Roosevelt, N. The Philippines; a treasure and a problem. N. Y., J. H. Sears 327 стр.
Wriston. Lieut. R. C. Hawaii to-day. N. Y., Doubleday. 164 стр.

Конституционная история

Randall, J. G. Constitutional problems under Lincoln N. Y., Appleton 598 стр.

Местная история и краеведение

Brosnan, C. J. History of the state of Jdaho N. Y., Scribner 273 стр.
Davis, N. The old missions of California the story of the placeful conquest of the state. 120 стр. Oakland, Cal., Mission Pub. Co.
Folwell, W. W. A history of Minnesota; v. 3 St. Paul, Minn., Minn. Histotical Soc. 618 стр.

Harrell, J. S. Loyalism in Virginia, chapters in the ecohomic history of the Revolution. 210 стр.

Northend, M. H. Historic doorways of old Salem 111 стр. Bost., Houghton.

Robinson, D. i. c. J. Leroy A brief history of South Dakota. N. Y. Amer. BK. Co. 232 стр.

Robinson, Luther Emerson and Moore, Jrving History of Jllinois. N. Y., Amer. BK. Co. 287 стр.

Sheldon, A. E. History and stories of Nebraska. Lincoln, Neb., University Pub. Co 335 стр.

Slocum, H. W. The story of Vermont N. Y., Scribner. 150 стр.

Thomas, W. R. Life among the hills and mountains of Kentucky [history] [Allen., ky., Sandy Valley Pub. Co]. 414 стр.

Wheeler, J. H. Historical sketshes of North Carolina from 1584 to 1851. N. Y., F. H. Hitchcock. 640 стр.

Рабочее движение

Перельман, З. История тред-юнионистского движения в Соединенных Штатах Перев. с англ. Л. И. Раевского с предисл. Е. Браудера. М. Госуд. Изд-во. XII+176 стр.

Devès. H. Les organisations ouvrières aux Etats-Unis. Thèse pour le doctorat. Paris, Rousseau et Cie 168 стр.

Dyche, J. A. Bolshevism in American Labor Unions; a plea for constructive unionism; introd. by J. H. Cohen. 224 стр. N. Y., Liveright.

Экономическая история

Carver, Th. N. The present economic revolution in the United States. Allen et U. 292 стр.

Iennings, W. W. A History of economic progress in the United States. Harrap. 835 стр.

VI Африка.

(См. также II Древний мир Египет и Доминьоны и Колонии Великобритании и Франции.

Савельев, Л. Молодежь восточных колоний. Л. Госуд. Изд-во. 124 стр.

Черные рабы [Социально-Экономический очерк] С предисл. В. Фостера. М. Госуд. Изд-во. 31 стр.

Cory, G. E. The rise of South Africa: a history of the origin of South African colonisation, and of its development towards the East from the earliest times to 1857. Vol 4. Longmans: 556 стр.

Dugmore (A. Radclyffe; Maj) The vast Sudan Arrowsmith. 312 стр.

Kammerer, A. Essai sur l' histoire antique d'Abyssinie. Le royaume d' Aksum et les voisins d' Arabie et de Meroe Paris, libr. orientaliste P. Geuthner. 198 стр.

Millin, S, G. The South Africans. Constable. 288 стр.

Odinot, P. Le monde marocain. Paris 264 стр.

Ossendowski, F. Flammendes Afrika. Quer durch Marokko. Dresden. C. Reissner. 334 стр.

Rober-Raynaud. La propagande communiste dans l' Afrique du Nord. Paris. 44 стр.

Stuart, P. A. An African Attila Unwin 318 стр.

Talbot, P. Amaury The peoples of Southern Nigeria 4 v. various p. N. Y., Oxford.

Terhorst, B. With the Riff Kalyles; introd. by D. Booth. N. Y., Stokes. 237 стр.

Westermarck, E. Ritual and belief in Marocco. 2 vols. Macmillan. 640+647 стр.

Wood, W. A. R. A history of Siam: from the earliest times to a d. 1781; With a Suppe dealing with more recent events. Unwin. 293 стр.

VII. Европа

Лукін, Н. (Антонов) Новітня історія Західньої Переклад Т. Кардиналовської В. I [Харків, Держ. Вид-во України. 466+[6] стр.

Розенталь, Н. Н. Рождение Современной Европы. Историко-беллетристический сборник. Л. «Брокгауз-Ефрон 293 стр.

Сергеев, В. История Европы XIX—XX в. ч. I 2 изд. М. Госуд. Изд-во 375 стр.

Bausman, F. Facing Europe. N. Y., Century. 339 стр.

Bell, P. D. [Mrs. G. H. Bell]. Slaves of destiny. 304 стр. N. Y. W. J. Watt.

Bernard, I. A. Histoire de l'Europe et particulièrement de la France Pendant les 14, 15 et 16 siècles. Paris.

Burnett, E. C.. ed. Letters of members of the Continental Congress; V. 3, Jan. I to Dec. 31, 1778. Wash., D. C., Carnegie Inst. 624 стр.

Coudenhove-Kalergi, R. N. Pan-Europe; introd. by N. Murray. Butler. 234 стр. N. Y., Knopf

Davis. W, S. Europe since Waterloo. N Y. Century. 983 стр.

Edwards, W. Notes on European history. Vol. 3,1715—1815. Rivingtons. 589 стр.

Freytag, G. An königshöfen. Attila und Karl der Grosse. Leipzig. R. Voigtländer 64 стр.

Freytag, G. Landvolk und Soldatenleben im Dreissigjährigen krieg. Leipzig. R. Voigtländer. 64 стр.

Freytag, G. Ritter, Bürger und Bauern im Mittelalter. Leipzig. R. Voigtländer 63 стр.

Freytag, G. Ritterfahrten zum heiligen Land. Leipzig. R. Voigtländer 63 стр.

Ereytag, G. Die Völkerwanderung (Bilder a. d. dt. Vergangenheit, Ausz.) Essen. Fredebeul et Koenen. 78 стр.

Gaston-Pastre, J. L. La neuvième croisade. Paris. Plon-Nourrit et Cie 253 стр.

Gley, W. Die Besiedelung der Mittelmark von der slawischen Einwanderung bis 1624. Histor.-Geograph. Untersuchg. Stuttgart. J. Engelhorns Nachf. 168 стр.

Innes, A. D. European history, 1598—1715. (Special periods of history) Sell 178 стр.

Jarrett, B. Social theories of the Middle Ages, 1200—1500. Bost., Little 289 стр.

Jarrett, B. Social theories of the Middle Ages Benn. 290 стр.

Heerfordt, C. F. Une Europe nouvelle. Premier essai, traduit du danois par E. Philipot. Paris 175 стр.

Ketelbey, D. M. ed. Readings from the great historians: European history from the fall of Rome to the lve of the French Revolution Bost., Houghton 438 стр.

Kreuzzüge und Rittertum. Essen. Fredebeul et Koenen. 78 стр.

Malet, A. Isaac, J. Le moyen âge jusq'à la guerre de cent ans. Paris. Hachette. VIII+516 стр.

Motley, J. L. The rise of the Dutch. Republic: a history. New. ed. in 3 vols. Warne. 564+584+665 стр.

Salomon, G. Das ritterliche Mittelalter. Leipzig. Teubner.

Solomon, G. Das ritterliche Mittelalter Tl 2. Leipzig Teubner. 48 стр.

Schäfer, D. Das Mittelalter 2 Aufl. München. R. Oldenbourg. VIII+173 стр.

Schapiro, J. S. Modern times in Europe Bost, Houghton.

Das XVI Jahrhundert. Sekt. A. Tl 1/2; Sekt. B. Tl. I. 2; Sekt. C. Tl. I. München: J. kösel et F. Pustet.

Seignobos, Ch. Histoire politique de l'Europe contemporaine. Evolution des partis et des formes politiques 1814—1914 7 éd. t. 2. Paris. A. Colin. стр. 537—1231.

Sternberg, A. Päpste, Kaiser, Könige und Juden. Wien. Jlos—Verlag; Leipzig. 84 стр.

Trotsky, L. Europe et Amérique Paris. «l'Humanité» 144 стр.

Webster, H. Readings in modern European history. N. Y.. Heath 553 стр.

Революционное движение

Войтоловский, Л. Н. Героизм революции. Историко-Литературная хрестоматия XIX и XX в. в. т. I. Эпоха буржуазных революций 1789—1861 г. г. М. Госуд. Изд-во. 319 стр.

Моносов, С. История революционных движений 3 дополн. и исправл. изд. [Харьков] «Пролетарий» 173+[3] стр.

Ножницкий, Г. Борьба классов в революции XIX века. Харьков «Пролетарий» 192 стр.

Фридлянд, Ц и Слуцкий, А. История революционного движения Западной Европы (1789—1914) Хрестоматия 3 изд. Л. Госуд. Изд-во. 688 стр.

Христюк, П. Нарис історії класової боротьби та соціялизму. Т. I Доба перепочатків капіталістичного. господарства. 2 изд. [Харків] Держ. Вид-во України. 210+[2] стр.

Справочники

Grip-fast history books (The) Longmans. Teachers'book 2, 4, 5 200, 297, 277 стр.

Plotez's Manuel of Universal history. Trans. and enl. by W. H. Tillinghast. Rev. under the editorship of Harry Elmer Barnes Harrap. 873 стр.

Reallexikon der Vorgeschichte. Hrsg. von M. Ebert. Bd. 5 Lfg. 4. 5. Berlin. W. de Gruyter et Co 257—416 стр.

Reallexikon der Vorgeschishte. Hrsg. von. M. Ebert. Bd 7. Lfg. 2. 3. Berlin W. de Gruyter et Co.

Reallexikon der Vorgeschichte Hrsg. von M. Ebert. Bd. 7. Lfg. 6. Bd. 8 Lfg. I. Berlin. W. de Gruyter et Co 305—370; 80 стр.

Экономическая история

Кулишер, И. М. История экономического быта Западной Европы. т. I 7 изд. Л. Госуд. Изд-во. 252 стр.

Кулишер, И. М. История экономического быта Западной Европы. Изд. 7 дополн. т. II. Л. Госуд. Изд-во. 352 стр.

Михновский, В. А. Возникновение мировой торговли и эпоха великих открытий. Л. Губпрофсовет. 61 стр.

Сарториус Вальтерсгаузен, А Хронологические вехи экономической истории. Перев. С дополнениями и примеч. А. Н. Карасика. Под рен. Д. О. Заславского. Л. «Сеятель» 249+[2] стр.

Knight, M. M. Economic history of Europe, to the end of the Middle Ages. Bost., Houghton 270 стр.

Ogg, F. A. Economic development of modern Europe. With suppl. chapters by W. R. Sharp. Rev. ed. 878 стр. Macmillan.

1. Австро—Венгрия.

Cacavelas, J. The siege of Vienna by the Turks. in 1683. N. Y., Macmillan. 110 стр.

Csekonács, E. Hungary new and old. Budapest. Printing office of the Hungarian Telegraph Correspondence Bureau. 194 стр.

Lockhart, D. Seeds of war: a political study of Austria, Hungary, Czechoslovakia, Roumamia, Jugo—Slavia. Intro. by Col. the Hon. Aubrey Herbert Gandy. 184 стр.

Lorenz, R. Volksbewaffnung u. Staatsidee in Österreich (1792—1797) Wien. Österr. Bundesverlag für Unterricht, Wissenschaft u Kunst. 172 стр.

Nyiri, I. Die Regierung Kàrolyi in Ungarn. [1918—19) Budapest. V. Hornyánszky 136 стр.

Oesterreich seit 1918. Berlin. Zentralverlag. 8 стр.

Soubbotitch, I. Effets de la dissolution de l'Autriche—Hongrie sur la nationalité de ses ressortissants. Paris. Rousseau et Cie. 323 стр.

Zelau, K. Durchs Fernglas. Neues aus. d. alten Österreich. Dresden. H. Minden 181 стр.

Биографии, воспоминания, письма и т. п.

Apponyi (comte Rodolphe) Vingt-cinq ans à Paris (1826-1852) Journal du comte R. Apponyi, attachè de l'Autriche à Paris. Publiè par Ernest Daudet. IV. (1844 1852) Paris. Plon-Nourrit et Cie 552 стр.

Elmer, A. Aus der Geheimmappe des Kaiser Franz' Wien. Steyrermühl. 112 стр.

Höhnel, L. Mein Leben zur See, auf Forschung, seisen und bei Hofe. Erinnergn. e. österr. Seeoffiziers (1857 1909) Berlin Reimar Hobbing 379 стр.

Местная история и краеведение

Bab, J.—W. Handl. Wien und Berlin. Vergleich Kulturgeschichte d. beiden deutschen Hauptstadte. Neue bearb. Ausg. Mit e. Schlusskap. von H. Kienzl. Deutche Buch-Gemeinschhaft 329 стр.

Kralik, R. Geschichte der Stadt Wien und ihrer Kultur. 2., bis zur Gegenw. erg. Aufl. Wien. A. Holzhausen. VIII+591 стр.

Mayer. I. Geschichte von Wiener Neustadt. I. Wilner. Neustadt und Mittelalter, T. 2. Wiener Neustadt. Selbstverlag d. Magistrats.

Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Wien, fr. Altertums-Verein zu Wien. Schriftl.: J. Kallbrunner. Bd 6. Wien. Verlag d. Vereins. II+95 стр.+3 стр.

Milleker, F. Geschichte der Banater Militärgrenze. 1764—1873. Pancevo: K. Wittig. Schlager. 307 стр.

Prohsst, G. Die Stadt Wien. Stuttgart. Deutsche Verlagsanstalt. 187 стр.

Революционное движение

Гайду, И. Матиас Ракоши перед судом. М. ЦК МОПР. 23 стр.

Macartnéy, C. A. The social revolution in Austria Camb. Univ. Pr. 298 стр.

2. Балканские государства

Барбюсс, А. Палачи. Белый террор на Балканах перев. с франц. М. ЦК. МОПР СССР 186+[2] стр.

Луканов, Т. Крестьянская Болгария. М. ЦК МОПР. 15 стр.

Троцкий, Л. Сочинения. т VI. Балканы и Балканская война. М. Госуд. Изд-во XXIV+503 стр.

Ancel, J. Peuples et Nations des Balkans., Paris. A. Colin. 220 стр.

Armstrong, Hamilton Fish The new Balkans; introd. by Archibald Cary Coolidge. N. Y. Harper. 179 стр.

Barbusse, H. Les Bourreaux. Dans les Balkans La terreur blanche. Un formidable procès politique. Paris. E. Flanmarion. 283 стр.

Lockhart, D. Seeds of war: a political study of Austria, Hungary, Czechoslovakia, Roumania, Jugo-Slavia. intro by Col. the Hon. Aubrey. Herbert Gandy. 184 стр.

Mileff, N. Das ruhelose Makedonien Deutsch von M. M. Schischmanowa. Wien 33 стр.

3. Балтийские государства

Baltische Studien. Hrsg. von d. Gesell schaft f. Pommersche Geschichte u. Altertumskunde. Stettin. L. Saunier 129 стр.

Maddison, E. Die nationalen Minderheiten Estlands und ihre Rechte Reval. 24 стр.

4. Бельгия. — Колонии

Barns, T. Alexander Au African Eldorado. the Belgian Congo. Intro by L. Franck Methuen. 245 стр.

5. Великобритания

Зигфрид, А. Англия наших дней. Перев. с франц. Дм. Туранского. М., М. и С. Сабашниковы. IV+(3—204) стр.

Петрушевский, В. А. Английская Пугачевщина (Восстание Уота Тайлера) Л. «Прибой» 43 стр.

Троцкий, Л. Куда идет Англия? Вып 2. М Госуд. Изд-во. 96 стр.

Bowies, G. F. S. The strenogth of England. 302 sтр. Methuen.

Burgess, J. Will Lloyd George supplant Ramsay MacDonald? Simpkin 246 стр.

Cameron, S. S. State and commons: an introductory history of the British Conmmonwealth. Vol 3. 1832—1921 Bell. 184 стр.

Chambers, R. W. England before the Norman conquest: with a foreword on Roman Britain by M. Cary. 360 стр. (Univ. ot London intrmediate source—b'ks of hist., no 7). N. Y. Longmans.

Chambers, R. W. England before the Norman Conquest. With a foreword on Roman Britain, by M. Cary. Longmans, 362 стр.

Curtis, E. E. The organization of the British army in the American Revolution. New Haven, Conn., la e. 234 стр.

Davaud, P. Ce qu'il faut connaître de l'histoire d,Angleterre. Paris. Boivin et Cie. 160 стр.

Davies, Rev. Samuel The military glory of Great Britain. N. Y., Wm. Abbatt 50 стр.

Godfrey, E. Home life under the Stuarts 1603—1649. N. Y., Stokes 332 стр.

Greenwood, A. D. History of the people of England Vol 3., A. D. 1689 to 1834. Sheldon Pr 350 стр.

Jnge, W. R. England. (The modern world) N. Y., Scribner. 314 стр.

Jnge, W R. D. England (The Modern World: a Survey of historical forces, Vol 7) Benn. 318 стр.

Ireland, A. J. Episodes in the history of England: coming of the Romans to the Norman Conquest Longmans 303 стр.

Lay, Ed. J. S. Pictorial attas of English history. Macmillan 48 стр.

Lingard, J. History of England. Newly abridged and brought down to the Accession of King George V, by H. H. Birt. Pref by Cardinal Gasquet. Vol. 2. Bell. 370 стр.

Marshall, D. The Engl sh poor in the 18 th Century: a study in social and administrative history. Routledge 308 стр.

Maxwell-Lygte, H. C. H storical notes on the use of the Grlat Seal of England HMSO

Meikle, H. W. The story of England. Part I, From edrly times to the days of Henry VIII. Oliver et B. 160 стр.

Morgan, W. Th. A guide to the study of English history. N. Y, Knopf 237 стр.

Mowet, R. E. Makers of British history. Book 2 1603—1793. E. Arnold 192 стр.

Mowèt, R. E. Makers of British history. Book 3, 1793-1914, E. Arnod 224 стр.

Owst, G. R. Preaching in medieral England an introduct o to sermon manuscripts of the period 1350—1450. 399 стр. (Cambridge studiés in medieral life and thought).

Redford, A. Labour migration in England 1800—50 N. Y.. Longmans 190 стр.

Reed, G. H. A First text-book of British history. Part 2, Tudors and Stuarts. Black. 95 стр.

Reed, G. H. A First text-book of British history. Part 3, Modern times, 1714-1924. Black. 95 стр.

Rennard, E. A. Wheaton's Practical mapping books of English hystory. Paits 3-4 A. Wheaton.

Russell, A. J. History of the people of England: from the carliest times to 1066. Sheldon Pr. 307 стр.

Salzman, L. F. England in Tudor times; an account of ils social life and industries N. Y., Scribner 149 стр.

Salzman, L. F. English life in the Middle Ages. Oxford Univ. 287 стр.

Synopsis of British history with dates. New and enl. ed. Oliver et Boyd. 80 стр.

Trevelyan, G. Macaulay History of England, pls. I—III N. Y. Longmans. 713 стр.

Trevelyan, G. Macaulay History of England. 743 стр. N. Y., Longmans.

Trotsky, L. Oùva l'Angleterre? Traduit par V. Serge Paris, «l'Humanité» 246 стр.

Turral, J., ed. A select source-book of British history illustrating iife, laws and letters, 55 B. C to A. D. 1878; new and rev. ed. of illustrations to british history. 320 стр. N. Y. Oxford.

Биографии, воспоминания, письма и т. п.

Alvord, C. W. Lord Shelburne and the founding of British—American goodwill. (British Academy: Raleigh Lecture on History) Oxford Univ. Pr.

Asquith, H. H. Earl of Oxford und Asquith Fifty years of British parliament; 2 v. Bost; Little, Brown. 314+314 стр.

Barnett (T. Rafcliffe) Margaret of Scotland, queen and saint. her iufluence on the early chureh in Scotland. Oliver et B. 197 стр.

Benton, S. H. From Coronet to Crown; or, the life of William the Conqueror, from the early chronicles. K. Paul. 318 стр.

Berkman, A. Prison memoirs of an anarchist. Intro. by E. Carpenter. C. W. Daniel 524 стр.

Bowen, Mariorle, pseud. [Mrs. Gabriele Margaret vere Campbell Long] Mistress Nell Gwyn. N. Y. Appleton. 248 стр.

Brame, Ch. M. Lord Elesdene's wife. Cheap Id. 134 стр. Pearson

Clarke, sir Edward. Benjamin Disraeli; the romance of a great career, 1804-1881. N. Y., Macmillan. 317 стр

Clarke, E. Benjamin Disraeli: the romance of a great career, 1804—1881. Murray, 318 стр.

Cobden-Sanderson, Th. J. Iournals. 1879—1922. 2 vols. R. Colden-Sanderson, 412+447 стр.

Corbett—Smith, A. Nelson, the man: a portrait study Williams et N 296 стр.

Coupland, R Sir Stamford Raffles, 1781—1826 Oxford Univ. 134 стр

Dark, S. Queen Elizabeth Hodder et S. 191 стр.

Douglas, A The Duke of Berwick Secker. 122 стр.

Drin Kwater, J. Mr. Charles, king of England N. Y., Doran. 314 стр.

Dundonald, lieut-General, E. My army life. N. Y, Longmans. 350 стр.

Edwards, H. J and E. A. A short life of Marlborough Bell 318 стр.

Evelyn, J. Diaty, 1641—1705—6 With memoir. Edit. by william Bray. Warne. 619 стр.

Guedalla, Ph. Palmerston. Benn 501 стр.

Kircheisen, F. M. Nelson. De Begründun gvon Englands Weltmachtstellung. Stuttgart I. Hoffmann. 222 стр.

Leslie, Shane. i e. J. Shane George the fourth. Bost., Little, Brown. 209 стр.

Marcks, E. Königin Elisabeth von England und ihre Zeit. 2, durchg s. Aufl. Bielefeld. Velhagen et Klasing V+137 стр.

Odom, C. Mary Stuart, Queen of Scots; fourteen jears a captive of Sheffield (Sheffield) E. Weston et Sons. 40 стр.

Pollard, A. T. Thomas Cranmer and englich Refoimation, 1489—1556. Putnam. 422 стр.

Southey, R, Life of Nelson. Oxford Univ.

Tuberville, A. S. English men and manners in the eighteenth century. N. Y., Oxford 555 стр.

Verney, Lady Frances Parthenore Nightingale. Memoirs of the Verney family during the seventeenth century. 2 v. 3 rd. ed. N. Y., Longmans.

(Продолжение следует)